

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы

В течение многих лет Варвара Павловна была главой и организатором изучения древней русской литературы. С момента образования Отдела древнерусской литературы в Пушкинском Доме (1934 г.) она была фактически его руководителем, ведя на правах секретаря всю организационную работу при заведующем — акад. А. С. Орлове, привлекая докладчиков, выполняя техническую работу по созыву совещаний, по составлению и редактированию Трудов Отдела древнерусской литературы.

Быть организатором не означало для В. П. только «возглавлять». Как организатор В. П. прежде всего принимала на себя всю черновую работу. Она сама вела переписку с будущими участниками коллективных трудов, обсуждая в своих письмах во всех деталях направление, характер будущей работы, ее основные идеи и т. д. При этом В. П. указывала на недостатки прежних работ своего будущего сотрудника, умела заставить его отказаться от своих прежних, не всегда правильных взглядов, иногда выраженных в книгах и солидных исследованиях. Так было, например, перед самой войной с главой о «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище», заказанной ею С. К. Шамбинаго — автору солидного исследования «Повести о Мамаевом побоище».¹ В. П. сумела переубедить его в некоторых положениях, развивавшихся им в его исследовании. В результате раздел С. К. Шамбинаго о «Задонщине» и «Сказании...» в 1-й части т. II «Истории русской литературы»² оказался иным, более точным сравнительно с его прежними исследованиями по этим памятникам.

Получив рукописи, В. П. занималась не только генеральным, но и их детальным редактированием, проверяя библиографические сноски, исправляя стиль, фактические данные и, главное, соединяя их с остальными частями коллективного труда, создавая единство концепции, а подчас — и объединяя их стилистически. Нередко при этом присланные авторами материалы сокращались ею наполовину и больше. Так было, например, с интереснейшей статьей, вернее — исследованием В. Л. Комаровича о Лаврентьевской летописи. Исследование это вошло в «Историю русской литературы»³ только в той ее части, в которой оно могло быть согласовано с самым типом изложения в этом издании.

С самого начала Отдел стал центром изучения древнерусской литературы, в работе которого на общественных началах принимали участие все ленинградские и московские специалисты. На заседания Отдела при-

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

² История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 201—225.

³ Там же, стр. 90—96.

ходили не только его сотрудники (А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, М. О. Скрипиль, В. Ф. Покровская и Д. С. Лихачев), но и все, кого интересовала древняя русская литература, начиная от студентов и кончая академиками (отметим акад. Е. Н. Павловского, собиравшего древнерусские рукописные лечебники, лингвиста акад. В. М. Яценунова, члена-корр. Е. С. Истрина, проф. Б. А. Романова, проф. Б. А. Ларина, проф. В. Е. Вальденберга, В. Л. Комаровича, В. Г. Геймана, проф. П. Н. Беркова, проф. В. Г. Чернобаева, Н. Н. Зарубина, Е. А. Рыдзевскую, В. В. Данилова, М. А. Яковлева).

После смерти акад. А. С. Орлова (1946 г.) В. П. становится заведующим Отделом древнерусской литературы, вскоре переименованным в Сектор древнерусской литературы. С этого момента происходит быстрое расширение штатных сотрудников Отдела. В Сектор были приняты В. И. Малышев, Л. А. Дмитриев, Н. Ф. Дробленкова, А. П. Евгеньева (вскоре затем перешедшая в Институт языкознания АН СССР).

Приглашая в Сектор древнерусской литературы сотрудников (в основном состав его сложился при В. П.), В. П. уделяла главное внимание моральному облику будущих его членов. Особенно опасалась она принять карьеристов, справедливо придавая большое значение общей дружеской атмосфере, которая должна царить в научном коллективе. Она также считала, что честность в отношениях между научными работниками — показатель честности в самой научной работе. Воспитанная в дружеской атмосфере Перетцовского семинария, В. П. стремилась установить такие же дружеские отношения со всеми членами Сектора: она приглашала их к себе, пока это ей позволяло здоровье, давала на прочтение и дарила книги из собственной библиотеки, всегда помнила и поздравляла с семейными праздниками каждого. Было очень жаль, что при своей исключительной общительности, доброжелательности и интересе к людям, к общественной жизни она не могла последние годы выходить из дому и должна была довольствоваться почтой и редкими приглашениями к себе.

Вспоминая отношение, которое существовало в Семинарии В. Н. Перетца, к своему учителю, В. П. придавала особенное значение тому, как относится молодежь к своему руководителю, и никогда не прощала измен своим руководителям, хотя бы и мелких.

С выходом в 1954 г. на пенсию В. П. продолжала быть «игуменьей» секторского «монастыря», как шутливо, но и с уважением называли В. П. сотрудники Сектора. Она уже не могла часто посещать Пушкинский Дом, а вскоре совершенно прекратила свои выезды в институт, но интересовалась его жизнью, руководила рядом исследований, редактировала труды, занималась с молодежью и незаметно, но настойчиво оказывала влияние на все дела и работу Сектора.

В. П. придавала большое значение способности ученого к обобщениям, но одновременно не любила «чистюль» — исследователей, не умеющих делать черновую работу: править рукописи, уметь подводить варианты, устанавливая историю текста и т. д. Поэтому, рекомендуя молодым научным работникам темы для их кандидатских диссертаций, В. П. всегда обращала их внимание на необходимость всесторонне исследовать памятники, начиная с собирания списков и кончая заключительными выводами. Кандидатская работа над памятником должна была, по мысли В. П., научить молодого ученого всем видам филологической и литературоведческой работы.

Не всякий исследователь, говорила В. П., имеет право на широкие обобщения. Это право дается только долгими годами черновой работы над рукописями. И если мы обратим внимание на собственный научный

путь В. П., то заметим, что к широким обобщениям она обратилась только в пожилые годы. Вначале она занималась только конкретными исследованиями. Она не пренебрегала ни описаниями рукописей, ни библиографией, ни отчетами о работе Семинария Перетца. Хотя если просмотреть темы этих конкретных исследований, то мы увидим, что уже в самом выборе их было видно направление ее мысли: в центре внимания В. П. находились памятники демократической литературы, взаимоотношения литературы и фольклора, народная книга, пословицы, загадки, фанеции, пародийная литература, различного рода хождения.

К ее выдающимся способностям организатора науки следует отнести и ее умение ценить новое в исследованиях, а также умение отделять ценные результаты от мнимых, рассчитанных только на внешний эффект.

Как ученый со специфическим складом ума — мыслить конкретно, В. П. хорошо знала цену живой связи наук, посвященных одному объекту: Древней Руси. Поэтому она охотно приглашала во все коллективные труды не только литературоведов-медиевистов, но и историков, искусствоведов, лингвистов, источниковедов и т. д. Так, в тринадцатитомной Истории русской литературы — в тома, посвященные древнерусской литературе, — она пригласила участвовать наиболее замечательных из живших тогда русских историков — М. Д. Приселкова и Б. А. Романова, лучших специалистов по древнерусскому искусству — Д. В. Айналова и Н. Н. Воронина, крупного источниковеда Б. М. Боровского.

В Трудах Отдела древнерусской литературы, в первых томах, которые собирались и готовились к печати также В. П., она печатала исследования специалистов по западным литературам — М. П. Алексеева, по фольклору и истории русского языка — А. П. Евгеньевой и др.

Широкая связь с представителями разных других специальностей стала важной особенностью работы Сектора древнерусской литературы. Особенность эта может быть прослежена во всех его изданиях, к которым зачастую привлекались не только отечественные ученые, но и иностранные — по преимуществу из славянских стран.

Связь с историками была особенно важной в методологическом отношении. Эта связь позволила поставить изучение древней русской литературы на прочную историческую базу. Так, когда понадобилось перед войной выработать более детальную, чем было до того принято, периодизацию истории древнерусской литературы, — историческая периодизация, положенная в основу литературной, сыграла свою существенную и положительную роль. Начинать с нее было во всяком случае необходимо. И действительно, движение истории, лежащее в основе историко-литературных перемен, хотя и не исчерпывало собой последних, тем не менее являлось также основой периодизации. Сейчас к этой периодизации нужны только поправки, учитывающие литературную специфику, специфику историко-литературного процесса.

Нельзя не упомянуть и о выступлениях В. П. в Секторе и на заседаниях ученого совета института. Эти выступления не были многословны и «красноречивы». Она говорила просто, удивительно ясно по мысли. Ее речи были всегда хорошо построены, логичны и деловиты. Она усвоила старые академические традиции — говорить коротко и для определенного конкретного решения, не стремясь произвести впечатление на аудиторию и ни в коем случае не «ораторствовать», что считалось дурным тоном.

Личность В. П. как ученого отразилась и отражается в работе ее Сектора — Сектора древнерусской литературы.

Л. А. ДМИТРИЕВ

«Слово о полку Игореве» в трудах В. П. Адриановой-Перетц

Одной из характерных и принципиально важных сторон научной деятельности В. П. Адриановой-Перетц является то, что ее работы, посвящены ли они общим проблемам истории древнерусской литературы или отдельному памятнику, базируются на прочном фундаменте предварительного текстологического и историографического рассмотрения исследуемой темы. Исчерпывающий текстологический анализ изучаемого произведения, привлечение к исследованию всего материала, доскональное ознакомление с литературой вопроса отличали первую большую работу В. П. — ее книгу «Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности».¹ Как справедливо отметил Д. С. Лихачев, уже этот труд В. П. Адриановой-Перетц «принадлежит к числу тех немногих классических произведений русской филологии, на которых учится и будет учиться не одно поколение советских филологов».² Классическим образцом филологического исследования литературного памятника являются и работы В. П. по «Слову о полку Игореве». Начало им положила библиография «Слова», а последней книгой об этом памятнике была монография, в которой «Слово о полку Игореве» рассматривалось В. П. как закономерное явление в литературном процессе XII столетия.

Библиографический справочник по «Слову о полку Игореве» был подготовлен к печати В. П. Адриановой-Перетц в 1938 г. — к 750-летию юбилею «Слова».³ В основе библиографии лежит огромная работа над всей литературой «Слова», начиная с заметки Н. М. Карамзина 1797 г. в «Spectateur du Nord» и кончая журнальными и газетными статьями 1938 г., появившимися в печати к юбилею памятника. В библиографии зафиксированы издания древнерусского текста «Слова», переводы памятника, специально посвященные «Слову» исследования и статьи, те работы, в которых встречаются отдельные наблюдения над «Словом о полку Игореве». В аннотациях, внешне очень кратких и сжатых, отражена самая суть библиографируемых работ, отмечены наиболее важные и существенные проблемы, разрешаемые в них. Самой библиографии предпослано краткое предисловие, имеющее гораздо более широкое значение, чем простая справка о принципах ее построения. В этом предисловии

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пгр., 1917.

² Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Академия наук СССР. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия литературы и языка, вып. 4. М., 1963, стр. 12.

³ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Составила В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., 1940.

В. П., как она писала сама, «не задаваясь целью представить... картину движения литературоведческой мысли в исследованиях, посвященных „Слову о полку Игореве“», ставила вопрос о том, «с какими достижениями приходят литературоведы к 750-летию „Слова“, какие проблемы ими разрешены удовлетворительно, какие лишь поставлены правильно и какие очередные задачи следует выдвинуть исследователям „Слова“».⁴ Подведенные В. П. итоги и намеченные задачи во многом определили тематику дальнейшего изучения «Слова» в советской филологии и, в частности, наметили проблематику работ по «Слову о полку Игореве» самой В. П. Адриановой-Перетц. Как наиболее важные темы в изучении «Слова», требующие дальнейшей углубленной разработки, здесь отмечались текстология «Слова»; необходимость издания всех материалов, так или иначе связанных с погибшей рукописью памятника (бумаг Малиновского, выписок из «Слова» Карамзина и т. д.); изучение исторической обстановки времени создания произведения; объяснение реалий; дальнейшее исследование вопросов связей и взаимоотношений «Слова» с памятниками литературы и фольклора; изучение ритмического строя; создание словаря «Слова о полку Игореве»; рассмотрение вопроса о его месте в ряду памятников мирового героического эпоса. Многие из поставленных В. П. вопросов в дальнейшем нашли отражение в монографиях и сборниках Сектора древнерусской литературы, посвященных «Слову о полку Игореве», в статьях ТОДРЛ. В научном же творчестве самой В. П. важное место заняли проблемы связей «Слова о полку Игореве» с древнерусской литературой и с устным народным творчеством, вопросы поэтики «Слова».

В проблемной статье о характере связей древнерусской литературы вообще с устным народным творчеством В. П. Адрианова-Перетц писала: «Родство подлинно народных памятников древнерусской литературы с творчеством трудового народа возникает тогда, когда писатель и народный поэт сходятся в своем отношении к исторической действительности, в оценке событий и лиц».⁵ Это важное в методологическом отношении положение позволило В. П. по-новому подойти к бесспорному и, казалось бы, досконально уже изученному вопросу о связи «Слова о полку Игореве» с фольклором. Тема эта затрагивалась В. П. в целом ряде работ, но наиболее полно была раскрыта в большой статье «„Слово о полку Игореве“ и устная народная поэзия».⁶

Рассматривая вопрос о связи «Слова» с фольклором, В. П. не просто иллюстрировала новыми примерами близость тех или иных образов и поэтических пассажей «Слова» к народному творчеству, не только расширяла и углубляла анализ этих связей и совпадений, но стремилась показать внутреннюю их природу и закономерность. Близость «Слова» к произведениям устного эпического творчества объяснялась ею народностью основной идеи памятника, народностью мировоззрения его автора. Отношение автора «Слова» к историческим событиям своего времени и прошлого, оценка их, созвучная и близкая взглядам народа, обусловили широкое обращение писателя в своем книжном, литературном по характеру и задачам произведении к средствам поэтики устного народного творчества. «Фольклорность „Слова“, понимаемая в таком широком плане, — подчеркивает В. П. Адрианова-Перетц, — опирается прежде всего на его

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц, Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы). — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 6.

⁶ В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 291—319.

подлинно народную идейную сущность».⁷ «Слово о полку Игореве» сближается с народным эпосом в самом методе отражения действительности, и объясняется это не влиянием фольклора на «Слово», не подчинением писателя фольклорным требованиям, а тем, что писатель поставил перед собой задачу, аналогичную цели героической устной поэзии.

Много внимания уделяет В. П. рассмотрению вопроса о характере изображения природы в «Слове». Из всех произведений древнерусской литературы раннего периода «Слово о полку Игореве» наиболее ярко выразило лирическое отношение автора к природе, а именно такое отношение роднит произведение письменности с фольклором. Взаимоотношения человека с природой в «Слове» такие же, как и в устной поэзии: она не стоит над ним как грозная сила, а помогает, подчиняясь его замыслам. Картины природы в «Слове» носят реалистический характер и вместе с тем они раскрыты так, что подчеркивают единство природы и человека, что особенно характерно для народной лирики. Художественное сознание писателя и народного поэта сошлось на общей задаче отражения событий жизни героев в их органической связи с природой. Однако, как отмечала В. П. в уже упоминавшейся общей статье по вопросам связи литературы и фольклора, необходимо обращать внимание не только на сходство, но и на отличия «в восприятии одних и тех же фактов действительности в письменной и устной традиции».⁸ И в своих работах В. П. указывает такие стороны внутренне «фольклорных» поэтических пассажей «Слова», которые отличают его от произведений устного творчества. В частности, это ярко показано на особенностях изображения природы. Та широта и обилие, с которой автор «Слова» рисует природу, резко отличают этот памятник от произведений устного творчества. Метафорические и символические образы природы в «Слове» в то же время имеют и вполне конкретное звучание. Пейзажи его отличаются от схематизированных пейзажных элементов народно-песенного параллелизма своей реалистичностью, индивидуальностью, полным соответствием именно той конкретной обстановке, в которой разворачиваются изображаемые события. Близкие к народному творчеству метафоры употребляются автором «Слова» с такой изысканностью и мастерством, каких в устном эпосе мы не найдем. Подход В. П. Адриановой-Перетц к проблеме связей «Слова» с фольклором углубил и расширил наше представление не только об этой стороне памятника, но и о его поэтике вообще.

В научном творчестве В. П. значительное место занимают работы, посвященные «Задонщине». Все они имеют первостепенное значение в исследовании этого памятника русской литературы XIV в. Но каждая из этих работ В. П. не менее важна и для изучения «Слова о полку Игореве». Публикуя дошедшие до нас списки «Задонщины», восстанавливая текст протографа, реконструируя предполагаемый авторский текст произведения,⁹ В. П. все время останавливается на текстуальных сопоставлениях «Задонщины» со «Словом о полку Игореве», анализирует характер отношения текстов этих памятников. Результаты многолетних занятий

⁷ Там же, стр. 294.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор, стр. 12.

⁹ См.: Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 73—96; Задонщина. (К вопросу о реконструкции авторского текста). — ИОЛЯ, т. VI, вып. 2, М., 1947, стр. 95—100; «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Радянське літературознавство, Київ, 1947, № 7—8, стр. 135—186; Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 201—255; Воинские повести Древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 33—41, 143—165, 255—258, 269—272, 296—305.

«Задонщиной» и сопоставлений ее со «Словом» были подытожены В. П. в статье «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“». ¹⁰

Сравнительный анализ параллельных эпизодов и словосочетаний «Задонщины» и «Слова» дают В. П. полное основание утверждать, что в вопросе о первичности этих двух памятников может быть только один ответ — «Задонщина» восходит к «Слову о полку Игореве». Об этом свидетельствуют и исторические, и стилистические, и грамматические данные.

Из цельных стройных пассажей «Слова», все элементы которых идейно и художественно тесно связаны, в «Задонщину» подчас включены лишь отдельные фразеологические сочетания, вставленные в совершенно иной по общему замыслу контекст. Сложные поэтические образы «Слова» в «Задонщине» упрощены, а нередко и искажены. В ряде случаев образные выражения (метафоры, метонимии) или снимаются вообще, или заменяются прозаизмами. В тех случаях, когда в параллельном эпизоде «Слова» встречаются архаизмы или редкие для конца XIV в. (времени создания «Задонщины») слова, в «Задонщине» на их месте оказываются иногда неудачные замены, иногда переводы на более привычную лексику. Темные места «Задонщины», смысловые, синтаксические и стилистические неувязки в параллельных «Слову» местах разъясняются с помощью текста «Слова», но ни одна из этих параллелей в чтении «Задонщины» не дает материала для толкования соответствующих эпизодов «Слова о полку Игореве».

Библиографированием «Слова о полку Игореве» В. П. занялась будучи уже известным и признанным специалистом по древнерусской литературе. Статьям ее о связи «Слова» с народным творчеством предшествовали многолетние занятия русским фольклором, древнерусской демократической сатирой. До выхода в свет работ о фольклорности «Слова» ею были напечатаны такие исследования общего характера, как книга «Очерки поэтического стиля Древней Руси» ¹¹ и уже называвшаяся статья «Древнерусская литература и фольклор». Рассмотрению вопроса о связи «Слова» с «Задонщиной» предшествовали длительные и кропотливые занятия текстологией «Задонщины». В этой особенности изучения В. П. Адриановой-Перетц «Слова о полку Игореве» глубокий смысл. Маститый и признанный ученый (с 1926 г. уже член-корреспондент АН УССР), В. П. начинает разработку новой темы с самых азов, с того, что теперь очень много, далеко не столь зрелые ученые расценивают как второстепенную, отвлекающую их от научных занятий обязанность. И одновременно с этим мы должны отметить, что широта и разнообразие как общих, так и частных вопросов истории древнерусской литературы, исследованных В. П. ко времени ее занятий над «Словом», давали ей возможность с наибольшей полнотой и ясностью представить этот памятник в тесной связи с литературными и фольклорными явлениями времени его создания. Доскональное проникновение В. П. в поэтику и лексику «Слова», ее исключительное знание оригинальных и переводных памятников раннего периода древнерусской литературы нашли блестящее воплощение в капитальном труде по «Слову» — в ее последней книге «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII вв.», которая была напечатана в 1968 г. Эта книга на обширном фактическом материале убедительно показывает, «что весь словесный материал, из которого построено „Слово“, при всем его художественном своеобразии, вполне соот-

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 131—168.

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., 1947.

ветствует тому способу выражения, который зафиксирован в разных типах книжного и народного письменного языка домонгольского времени, в разных литературных и деловых жанрах».¹²

Свою книгу В. П. начинает со слов А. С. Пушкина об исключительности «Слова о полку Игореве» на фоне русской литературы XII в. Мы справедливо привыкли считать оценки и характеристики А. С. Пушкина меткими, точными и убедительными. Но исключительность «Слова о полку Игореве», как и каждого шедевра, — в его гениальности, а не в том, что оно «возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности», как считал А. С. Пушкин.¹³ И книга В. П. — своеобразный ответ на высказывание Пушкина о «Слове». Эта книга подтверждает справедливость слов поэта о величии «Слова» и вместе с тем доказывает ошибочность невольно разделявшихся А. С. Пушкиным представлений начала XIX в., что развитой литературы во время создания «Слова о полку Игореве» не существовало.

Исследования особенностей поэтики «Слова о полку Игореве», в сопоставлении ее с поэтикой конкретных письменных памятников эпохи, предшествующей времени создания «Слова», одновременной его созданию и последующего времени (т. е. XI—XIII вв.), приводят В. П. к убедительному выводу: «Подводя итоги наблюдениям над элементами, из которых слагалась поэтическая система „Слова о полку Игореве“, мы приходим к заключению, что и его жанровая природа, и отдельные тропы, и ритмичность речи связаны с обеими традициями словесного искусства XI—XII вв. — фольклорной и литературной. То, что представлялось исследователям „необычным“ для писателя конца XII в., — смешанный, „неопределенный“ жанр, объединивший признаки книжного „политического“ ораторства, лирического повествования об исторических событиях и народных „слав“ и „плачей“, размышления о способе изложения, сложные метафоры, художественно изображающие способности ума, мысли человека, — все это нашло опору в литературе XI—XII вв. и получило дальнейшее развитие в литературе первой половины XIII в.»¹⁴ И вывод этот тщательно аргументирован стилистическим и лексическим комментарием ко всему тексту памятника. В разделе комментариев, составляющих основную часть книги, текст «Слова о полку Игореве» распisan по отдельным фразеологическим оборотам, и к каждому обороту из «Слова» приводятся прокомментированные параллели из большого круга самых разнообразных оригинальных и переводных памятников русской литературы, русской деловой письменности XI—XIII вв. Здесь не только прямые соответствия выражениям из «Слова о полку Игореве», встречающиеся в других произведениях этого времени, но и аналогичные по конструкции, по своему художественному оформлению обороты.

Все приведенные в книге стилистические и лексические данные, с одной стороны, конкретно, наглядно иллюстрируют тесную связь «Слова» с различными типами литературного и живого языка XI—XII вв., от делового до устно-поэтического, а с другой — дают яркое представление о том, как свободно владел автор «Слова» многообразием средств древнерусской речи, с каким мастерством черпал он из этого источника материал для создания своего индивидуального стиля. Рассмотрение фразеоло-

¹² В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968, стр. 43.

¹³ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII. М.—Л., 1958, стр. 307.

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., стр. 40.

логии «Слова» в сопоставлении с другими текстами древней поры не только подтверждает объективно закономерность «Слова о полку Игореве» в ряду литературных явлений XI—XII вв., схожесть его языковых средств с языком эпохи (подкрепляя тем самым доводы исследователей, датирующих время создания «Слова» 1187-м годом), но и помогает глубже проникнуть в содержание самого памятника.

Вклад В. П. Адриановой-Перетц в изучение «Слова о полку Игореве» измеряется тем значением, которое имеют ее работы в истории исследования этого памятника древнерусской литературы. Статьи и книги В. П., основанные на глубоком и тонком филологическом анализе, дают ясное представление о большом литературном мастерстве автора «Слова», показывают высокую книжную культуру этого древнерусского писателя. Вместе с тем именно в работах В. П. Адриановой-Перетц народность «Слова о полку Игореве», близость этого шедевра литературного творчества к памятникам фольклора нашли наиболее точное и убедительное объяснение. Все работы В. П. по «Слову о полку Игореве» утверждают бесспорность того, что памятник принадлежит XII столетию. Глубокая и страстная убежденность в подлинности «Слова о полку Игореве», непримиримость, с какой В. П. относилась к проявлениям скепсиса в отношении к «Слову», нашли в ее научных трудах отражение в той строгости, скрупулезности и тщательности, с какими она обосновывает свои доводы в пользу древности и подлинности этого памятника древнерусской литературы.

Весь цикл работ В. П. Адриановой-Перетц по «Слову о полку Игореве» с полным основанием может быть назван блестящей страницей русской филологической науки.

Я. С. ЛУРЬЕ

Литература XV—XVI вв. в трудах В. П. Адриановой-Перетц

Литература Северо-Восточной (Московской) Руси XV—XVI вв. не была основным предметом научных исследований Варвары Павловны. Гораздо ближе к ее научным интересам стояли литература XVII в. и литература Киевской Руси, а также общие проблемы развития древнерусской литературы — связь ее с фольклором, своеобразие поэтического стиля Древней Руси и т. д. Однако именно широкие интересы В. П., ее стремление изучать отдельные памятники и целые жанры в их историческом развитии не раз побуждали ее обращаться к памятникам, возникшим в период объединения Северо-Восточной Руси и образования Русского централизованного государства. Изучение литературной судьбы «Слова о полку Игореве» предопределило интерес В. П. к «Задонщине», памятнику, теснейшим образом связанному со «Словом»; рассматривая историзм древнерусской литературы как ее важнейшую особенность, исследовательница естественно обращалась к летописанию, и в частности к летописанию XV—XVI вв., и т. д.

Особое место в научном труде Варвары Павловны занял один из наиболее своеобразных и наименее изученных в литературоведческом плане памятников древнерусской литературы — «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. В 1948 г. Академией наук было предпринято первое отдельное издание записок тверского путешественника (издание это стало началом серии «Литературных памятников», возникшей при активном участии В. П. и существующей до сих пор).¹ Одним из редакторов «Хождения» (вместе с Б. Д. Грековым) была В. П. Адрианова-Перетц, написавшая для издания специальное исследование — «Афанасий Никитин — путешественник-писатель».² В 1958 г. вышло дополненное и переработанное издание книги в той же серии; на этот раз единственным редактором книги была В. П., заново переработавшая и дополнившая свою статью об Афанасии Никитине.

Статья В. П. может считаться первым подлинно литературоведческим исследованием «Хождения». До нее о «Хождении» писали географы, историки, лингвисты; даже И. И. Срезневский, посвятивший в 1866 г. книге Никитина особую статью (первую по времени работу об этом памятнике), ограничился тем, что определил время написания «Хождения» (1466—1472 гг.), прокомментировал некоторые его реалии; но вопрос о ценности «Хождения» как памятника литературы его в сущности со-

¹ Среди дальнейших изданий этой серии, вышедших под редакцией В. П., были памятники XV—XVI вв. — «Послания Ивана Грозного», «Стефанит и Ихнилат».

² В. П. Адрианова-Перетц. Афанасий Никитин — путешественник-писатель. — В кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.—Л., 1948.

всем не занимал. Очень немного сделал в этом отношении и С. К. Шамбинаго, написавший раздел о Никитине в десятитомной академической «Истории русской литературы». В своей небольшой статье автор допустил ряд фактических ошибок (он утверждал, например, что «наиболее близкий к оригиналу» текст «Хожения» «сохранился в выписках из Троицкой летописи и в Воскресенской», — в действительности ни в той, ни в другой летописи «Хожения» нет; по его словам, Никитин «завещал» свое сочинение «московскому князю» и т. д.) и, что еще важнее, никак не охарактеризовал своеобразие «Хожения» и его место в литературной традиции. Считая, что, «несомненно, Афанасию Никитину было знакомо „Сказание об Индийском царстве“», которое он поправлял «своим реальным повествованием», С. К. Шамбинаго видел в Никитине «писателя оригинального, пытавшегося придать экзотичность своему повествованию».³

Совсем по-иному подошла к «Хожению за три моря» В. П. Адрианова-Перетц. До 1948 г. она не занималась специально записками Никитина, но ее обращению к этому памятнику предшествовала многолетняя работа над произведениями близкого жанра: «хождениями» русских и греческих паломников — игумена Даниила, Арсения Селунского, Даниила Корсунского, Василия Гагары, Иполита Вишенского.⁴ «Хожение за три моря» она сопоставляла не со «Сказанием об Индийском царстве» (которое Никитин ни разу не упоминал в своем сочинении), а именно с «хождениями»⁵ и с описанием путешествия русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор: «Популярность в читательской среде литературы путешествий создала и устойчивость самого жанра „хождениев“. Литературная традиция, начатая еще в первом десятилетии XII в. старшим русским паломником Даниилом, заметно ощущается в течение всего средневековья даже в светских описаниях путешествий, где она, однако, закономерно уступает место и новым приемам изложения. Сохраняя конкретность и деловитость старшего русского „хождения“, светские путешественники-писатели гораздо смелее используют живую речь... Эту традицию „хождениев“ отразил в своем ярко окрашенном авторской индивидуальностью рассказе о путешествии „за три моря“ и Афанасий Никитин». Сходство с «хождениями» В. П. обнаружила в повествовательно-описательной части записок Никитина, составленной из простых предложений, скрепленных союзом («а все ходят брюхаты, а детей у них много»), в перечне географических названий с лаконичным указанием расстояний между ними, в традиционных определениях богатства и изобилия местности («земля обилна всем», «земля обилна велми»), и т. д. Но, отмечает В. П., «отдав — сознательно или невольно — дань литературной традиции, Афанасий Никитин создал для передачи своих

³ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 250—252.

⁴ Список трудов В. П. Адриановой-Перетц см.: ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958; т. XXIV, 1969.

⁵ Сравнение «Хожения за три моря» с литературой древнерусских «паломничеств» приводилось также в статье Н. С. Трубецкой, не использованной В. П. при написании ею работы (Н. С. Трубецкой. Хождение Афанасия Никитина как литературный памятник. — Сб. «Версты», 1926, № 1, стр. 180—182). Однако Н. С. Трубецкой считал, что Никитин сознательно отталкивался от подлинных «паломников» и что «нагромождение» иноязычных выражений в его сочинении должно было создавать «эффект экзотичности». Это «нагромождение» имело чисто стилистический смысл: в Индии Никитин молился и рассуждал о вере по-русски, т. е. на непонятном для окружающих языке; после отъезда из Индии «перемена окружения вызвала превращение наизуанку языковых выражений психического состояния», и Никитин изложил теперь свои наиболее заветные мысли на тюркском и персидском языках (там же, стр. 175—180).

впечатлений лично ему принадлежащую манеру изложения, свой стиль».⁶ Этот «личный элемент» — важнейшая особенность «Хожения» Никитина; откровенность дневниковых записей придает его произведению совершенно несвойственную традиционным «хождениям» индивидуальность и интимность.

Гораздо глубже, чем ее предшественники, подошла В. П. и к проблеме варваризмов в «Хожении» — отдельных слов, фраз и целых разделов, написанных Никитиным на своеобразном «тюркском» жаргоне, на котором, очевидно, изъяснялись купцы, торговавшие в Передней и Средней Азии. Никитин пользовался этим языком не для придания «экзотичности» своему повествованию, а, очевидно, «просто привыкнув к нему». Общение с представителями различных вер привело тверского купца к далеко не ортодоксальному и не обычному для Древней Руси убеждению, что «правую веру бог ведает, а правая вера бога единого знати, имя его призывать на всяком месте чисте чисту»;⁷ именно поэтому, предполагала В. П., Никитин приводил тексты молитв и в их восточной (мусульманской) форме, и в русском переводе. В ряде случаев запись на тюркском диалекте была вызвана, по выражению В. П., «своеобразной цензурой собственного рассказа»: Никитин выражал по-тюркски такие идеи, которые могли показаться опасными с точки зрения будущих русских читателей его дневника.⁸

Уже в первой редакции своей статьи В. П. охарактеризовала Никитина совсем иначе, чем это делали авторы, склонные видеть в авторе «Хожения» купца-дипломата, сознательно стремившегося в Индию и удачно осуществившего там свою миссию. Она справедливо заметила, что из текста «Хожения» не видно, что торговые дела в Индии «складывались для Никитина особенно благоприятно. Он вообще проходит перед читателем больше как любознательный путешественник, чем как деловитый купец, совершающий выгодные сделки».⁹ Эти наблюдения были развиты в окончательной редакции статьи, помещенной во втором издании «Хожения за три моря». «Первоначальной целью поездки Афанасия Никитина и его товарищей, тверских и московских купцов, был, видимо, лишь Ширван... О том, что, отправляясь в путь, Никитин еще не думал о далекой Индии, свидетельствуют его собственные слова. Вспоминая в „Хожении“, как его ограбили на пути под Астраханью, он пишет: „И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем...“, — начинает свою статью В. П. во втором издании книги.¹⁰ С полным основанием возражала В. П. и против представления о «Хожении» как о произведении, написанном после благополучного возвращения путешественника на Русь. «Не говоря уже о том, как трудно, а порою невозможно удержать в памяти такое обилие фактических подробностей (например, точное указание расстояний между городами в днях пути и в ковах), каким отличается „Хожение“, — обстановка тяжелого обратного путешествия была совсем не подходящей для литературного труда...», — отмечала В. П. «В тексте „Хожения“ есть несомненные следы того, что... иногда свои размышления Никитин записывал сразу. Так, перед описанием похода Меликтучара на Виджаянагар Ники-

⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Афанасий Никитин — путешественник-писатель, стр. 109—110.

⁷ Там же, стр. 111.

⁸ Там же, стр. 112—113.

⁹ Там же, стр. 120.

¹⁰ Хожение за три моря Афанасия Никитина. 2-е издание, дополненное и переработанное. М.—Л., 1958, стр. 93.

тин задумывается, каким путем ему возвращаться на родину, и записывает эти тревожные мысли явно сразу, еще перед путешествием, поэтому и рассказывает о них в настоящем времени: „Господи боже, на тя уповаю, спаси меня, господи! Пути не знаю...“. Этот отрывок не оставляет сомнения в том, что записан он был тогда, когда Никитин еще не выбрал окончательно маршрута своего путешествия... Таким образом, нет оснований думать, что Никитин лишь на обратном пути взялся составлять записки о своем путешествии». ¹¹

Статья В. П. об Афанасии Никитине как «путешественнике-писателе» не только оказалась самым значительным и наиболее ценным литературоведческим исследованием этого памятника. Статья эта отмечала важнейший для литературы XV в. факт — появление в ней памятников нетрадиционного характера, авторы которых нарушали этикетные нормы, закрепившиеся в церковной и светской письменности предшествующего времени, и тем самым содействовали появлению в средневековой литературе новых и весьма плодотворных художественных тенденций. «Обилие автобиографического элемента в „Хождении“ Никитина — в виде рассказов о его жизни в пути и в форме лирических эпизодов — выделяет эти путевые записки из всей литературы путешествий русского средневековья. Но в то же время именно эта особенность связывает Никитина с новыми течениями в биографических жанрах русской литературы XV в. Интерес к внутреннему миру героя, анализ его душевных переживаний врывается именно в XV в. в традиционную форму „жития“ и исторического рассказа... Рамки чисто эпического повествования раздвигаются, давая место выражению эмоций и размышлений и героя, и автора». ¹²

Вопрос о явлениях древнерусской литературы, предвещавших «тот блестящий путь, который выведет русскую литературу в XIX в. на передовую линию всей мировой литературы», явлениях, которые исследовательница определяла как «реалистические тенденции древнерусской литературы», вставал перед В. П. не только при изучении «Хождения за три моря». Возражая И. П. Еремину, считавшему, что «на широкие просторы искусства» древнерусский писатель выходил только, если он «отражал не действительность, а порожденные ею идеалы», В. П. указывала, что и в тех случаях, когда древнерусский писатель рисовал жизнь «какая она есть», он «стремился не просто точно (с протокольной точностью)», но и художественно правдиво воспроизвести ход событий, раскрыть как бы основное в психологии их участников, сделать изображение воздействующим и на сознание, и на эмоции читателя, способствующим усвоению им авторской оценки». ¹³ Примеры «художественно правдивых описаний» такого рода В. П. извлекала, в частности, из летописания XI—XII вв. ¹⁴ Однако еще прежде написания этой статьи, в одной из глав десяти томной «Истории русской литературы», В. П. разбирала подобные сцены, «воспроизводящие реальную обстановку жизни московского двора XVI в.», на материале летописания времени Ивана Грозного. Она привлекла в связи с этим один из наиболее ярких летописных рассказов XVI в. — рассказ о болезни и смерти великого князя Василия III (отца Ивана IV).

¹¹ Там же, стр. 95—96.

¹² Хождение за три моря. М.—Л., 1948, стр. 117. Ср.: Хождение за три моря Афанасия Никитина, 2-е изд., стр. 101.

¹³ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 9.

¹⁴ Там же, стр. 11—17.

Предметом рассмотрения в этой главе был рассказ последней по времени летописи Грозного — «Царственной книги», но исследовательница сравнивала его и с более ранними летописными текстами («летопись, составленная в годы боярского правления», — Воскресенская),¹⁵ однако за пределами ее изложения оставался наиболее ранний вариант рассказа, составленный сразу после смерти Василия III и сохранившийся в Софийской II летописи по Воскресенскому списку.¹⁶ Рассказ «Царственной книги», разобранный В. П., обнаруживал противоречивые черты, и исследовательница отметила это обстоятельство: «Князю хочется проститься с сыном-наследником, но он колеблется: „Яз лежу в велицей своей немощи, и нечто бы от меня не дрогнул сын мой“. Но братья настаивают, и сына приносят на руках. Летописец сочинил здесь длинную речь великого князя. . . Это — официальная торжественная речь к наследнику, какой уже не мог произнести больной, зато вполне реально звучат последние слова Василия к мамке Ивана, боярыне Челяддиной: „. . . чтобы еси, Огрофена, от сына моего от Ивана пяди не отступала“».¹⁷ Точность литературоведческого анализа В. П. получает полное подтверждение при проверке его сравнительно-текстологическим путем. Сопоставление с текстом С II Л обнаруживает, что обе «реальные» реплики (как и ряд других ярких деталей, отмеченных В. П.) принадлежат первоначальному рассказу, правдиво описывавшему последние дни Василия III, а «официальная торжественная речь» — дополнение «Царственной книги».¹⁸ Заметив противоречивость рассказа в «Царственной книге», В. П. дала и убедительное объяснение тому, зачем составителю этого памятника понадобился развернутый рассказ о смерти Василия III: «Возможно, что это сделано было под впечатлением только что разыгравшегося на глазах автора конфликта Ивана IV с боярами по вопросу о престолонаследии, когда во время болезни 1553 г. Иван IV потребовал присяги малолетнему наследнику».¹⁹ Действительно, текст «Царственной книги» начинался с рассказа 1533 г. о болезни Василия III, оставившего после себя вдову с малолетним сыном, а оканчивался рассказом 1553 г. о болезни Ивана IV, украшенным столь же яркими и правдоподобными (хотя, возможно, и вымышленными) подробностями.²⁰

Таким образом, и обращение к летописанию XVI в. подтверждало мысль В. П., что, «чем ярче выражена „лирическая стихия“ исторического повествования, тем заметнее автор старается передать свое отношение к изображаемому не только прямыми высказываниями своих оценок, но самым способом изображения».²¹

Даже спорадическое обращение В. П. к литературе XV—XVI вв. было чрезвычайно плодотворным: именно здесь исследовательница обнаружила черты новых литературных явлений: «. . . интерес к внутреннему миру героев, анализ его душевных переживаний». В связи с этим следует упомянуть и весьма активное участие В. П. в коллективном труде Сектора древнерусской литературы «Истоки русской беллетристики», где центральное место занимала именно тема появления оригинальной рус-

¹⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 454—456.

¹⁶ Рассказ Софийской II по времени своего создания относился к предшествующей главе, но там он не разбирался (там же, стр. 331—336).

¹⁷ Там же, стр. 455.

¹⁸ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., СПб., 1906 (переизд.: М., 1965), стр. 409—419; ср.: ПСРЛ, т. VI, СПб., стр. 267—276.

¹⁹ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 454.

²⁰ Ср.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 424—425 и 436—439.

²¹ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе, стр. 17.

ской беллетристики в XV в. и ее судьба в XVI в. Самой В. П. принадлежала в этой книге глава о сюжетном повествовании в житийных памятниках XI—XIII вв., однако она проявляла живой интерес и к книге в целом, читая и подробно рецензируя все главы по мере их написания, щедро помогая авторам своими советами.²² В этом еще раз сказались замечательные черты В. П. как прирожденного редактора и педагога, всегда чуткого к работам своих сотрудников и собеседников: улавливая мысль, еще только намечавшуюся в научных поисках ее младших товарищей, резко и интересно формулируя ее, В. П. умело направляла их исследование, связывая его с общими и основными вопросами древнерусской литературы. Именно поэтому она была учителем не только для своих непосредственных учеников, но и для всех тех, кому досталась радостная возможность научного общения с Варварой Павловной.

²² Так, например, высказанную в «Истоках русской беллетристики» мысль о принципиальном разграничении, введенном в конце XV—начале XVI в. между «полезными» и «неполезными» повестями (беллетристикой), В. П. подкрепила, дав автору этой статьи целый перечень повестей XVI—XVII вв., отмеченных в заголовках как «полезные» (ср.: Истоки русской беллетристики, стр. 406).

А. М. ПАНЧЕНКО

«Переходный век» в трудах В. П. Адриановой-Перетц

Литература XVII столетия была одной из любимых тем в Семинарии русской филологии В. Н. Перетца. Громадное рукописное и печатное наследие «переходного века» представляло собою благодатный материал для систематических, углубленных историко-филологических занятий, для той черновой исследовательской работы, которую так высоко ставил В. Н. Перетц. Увлечение этой эпохой сказалось в самых первых научных опытах В. П. Адриановой-Перетц и затем не покидало ее всю жизнь.

Почти все статьи, написанные В. П. в киевский период, так или иначе касаются XVII в. Некоторые из них прямо посвящены памятникам, возникшим в это время. Так, в статье «К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе»¹ В. П. опубликовала и исследовала русский перевод 1663 г., источником которого была немецкая брошюра начала XVII в., сообщавшая о появлении «вечного жида» Иоанна Буттадеуса Агасфера в Гданьске и других европейских городах. Эту переходную легенду о человеке, оскорбившем Христа на крестном пути и осужденном на вечные скитания, В. П. убедительно связала с русским культурным контекстом: в 60-е годы XVII в. в России, расколотой церковной реформой, многие ждали конца мира и пришествия антихриста. В этой обстановке и был выполнен русский перевод немецкой брошюры, которая некогда отобразила европейские эсхатологические настроения кануна Тридцатилетней войны.

Однако специальное сосредоточение на литературе XVII столетия — скорее исключение, чем правило для ранних работ В. П.² Интересуясь в то время прежде всего «литературной историей» того или иного произведения, В. П. затрагивала проблематику XVII в. лишь косвенно — в той мере, каковая требовалась рукописной традицией. Эта черта присуща статьям о Толковой палее, «Аристотелевых вратах» и Евангелии Фомы, в которых рассмотрена, между прочим, и судьба этих старинных памятников в XVII в.

Это характерно и для монографий В. П. об истории цен на книги в Древней Руси³ и о житии Алексея человека божия (магистерская

¹ ИОРЯС, т. XX, кн. 3, Пгр., 1915, стр. 217—232 и отд. оттиск.

² Исключением можно считать и заметки В. П. по истории «Звезды Пресветлой», опубликованные в кн.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии Семинарии русской филологии в Полтаву и Екатеринослав 1—9 июня 1910 г. Киев, 1910, стр. 16—21, 70—71, 80—99.

³ Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI—XVIII вв. Собрала и обработала В. Адрианова. СПб., 1912.

диссертация).⁴ В первой из них систематизированы чрезвычайно любопытные сведения, касающиеся не только предмета, означенного в заглавии, но и истории книгопечатания, книжной торговли, писцового ремесла. Однако материал, имеющий отношение к XVII в., здесь особо не выделен и существует на равных правах с материалом предшествующего и последующего столетий.

Несмотря на известную факультативность интереса к XVII в., уже в ранних работах проявилась глубокая и всесторонняя осведомленность В. П. в культуре восточнославянского барокко. Об этом наглядно свидетельствует хотя бы магистерская диссертация «Житие Алексея человека божия», в которой исследованы обработки и отражения этого житийного сюжета в многочисленных памятниках разных жанров (кстати говоря, не только в словесном искусстве, но и в иконописи).

Здесь даны превосходные разборы агиографических текстов в «Анфологионе» 1660 г., в печатном Прологе, в «Четых Минеях» Димитрия Ростовского, в составе «Римских деяний» и др. Здесь рассмотрена возрожденная в XVII в. личная проповедь, а именно торжественные слова с использованием сюжета об Алексее человеке божием в «Вечере душевной» Симеона Полоцкого, в «Трубах словес» Лазаря Барановича, в рукописном наследии Стефана Яворского. Здесь, наконец, предложен анализ стихотворства и драматургии на эту тему (украинский «побожный» кант, вошедший потом в «Богогласник», две великорусские силлабические песни, прекрасная латинская элегия Феофана Прокоповича; киевская драма «Алексей человек божий» 1672—1673 гг., спектакли школьного театра и театра иезуитов).

В магистерской диссертации В. П. широко привлечены фольклорные материалы. Используя 74 варианта духовного стиха об Алексее человеке божием, В. П. установила, что все они восходят к одному архетипу, основным источником которого было древнее житие св. Алексея (тип «Златоструя»). Духовный стих, как доказывает В. П., был сложен в XVII в., когда Алексей человек божий — небесный патрон странноприимного и нищелюбивого царя Алексея Михайловича — приобрел чрезвычайную популярность среди «калик переходных».

Некоторые темы, касающиеся культуры XVII в. и намеченные в магистерской диссертации, были продолжены В. П. в 20-е годы. Это — стихотворство и старинный театр. В небольшой статье «Из начального периода русского стихосложения»⁵ В. П. очень весомо высказалась по принципиальному вопросу, который до сей поры занимает историков и теоретиков русской поэзии. Речь идет о соотношении «относительного силлабизма» и рифмованной прозы, столь пышно расцветшей в Смутное время. Указав старейшие образцы рифмованной прозы (она, вне всякого сомнения, подготовила московского читателя к восприятию «двострочных согласий»), В. П. все же исходила из убеждения, что процессы развития ритмической и рифмованной прозы, с одной стороны, и силлабической поэзии — с другой, были параллельными и не связанными генетически. Эта мысль была подтверждена позднейшими исследованиями.

В 1928 г. в издательстве «Academia» под редакцией В. Н. Всеволодского-Геринграсса вышел сборник статей «Старинный спектакль в России». В. П. опубликовала в нем две работы: библиографию русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв. (здесь учтены все издания

⁴ В. П. Адрианова. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пгр., 1917.

⁵ ИОРЯС за 1921 г., т. XXVI, Пгр., 1923, стр. 271—276.

и исследования памятников до 1928 г.)⁶ и большую статью «Сцена и приемы постановки в русском школьном театре».⁷ Эта статья — уникальный экскурс в сценическую историю русского школьного театра. Используя, во-первых, европейские театральные руководства XVII в. и, во-вторых, ремарки школьных драм, В. П. подробно описала декорации и костюмы, сценические эффекты и театральную бутафорию, реконструировала приемы работы первых русских режиссеров-«хорегов».

В 30-е годы литература XVII в. становится центральной темой В. П. Именно на эти годы приходится одно из главнейших ее научных открытий — открытие «демократической сатиры» как мощного и самостоятельного художественного течения, противостоящего официальной и официальной культуре.

Поверхностный наблюдатель в этом открытии может усмотреть некое противоречие. Дело в том, что школа В. П. Перетца отрицала «оценочное» литературоведение. Основатель этой школы учил не искать шедевров и тем более ими не ограничиваться; он призывал усердно заниматься «средней» и массовой продукцией, которая для истории культуры не менее важна, чем из ряда вон выходящие памятники. По-видимому, этот постулат, вполне усвоенный В. П., сыграл свою роль при обращении к посадской полуфольклорной сатире. Между тем открытие демократической сатиры потому и стало громадным научным событием, что читатель получил тексты высокого художественного качества. Это было не собрание музейных экспонатов, любопытных своей древностью и экзотичностью, но мертвых, оставляющих равнодушным современного человека, — нет, это было истинное искусство.

Однако противоречие между исходным принципом и конечным эффектом в данном случае лишь кажущееся: специалист знает, что случайные открытия весьма редки. Любая находка — результат скрупулезной, углубленной, иногда подвижнической работы над рукописями. В этом смысле постулат школы В. П. Перетца выдержал проверку временем. Кроме того, непреходящая ценность демократической сатиры стала очевидной лишь тогда, когда В. П. был выявлен весь комплекс памятников этого разряда. Разрозненные произведения, и до того известные в научном обиходе, прежде казались чем-то случайным и непродуктивным.

Тексты и исследования демократической сатиры В. П. публиковала в ТОДРЛ, начиная с т. I. Суммарное изложение этой темы было дано ею в нескольких монографиях, которые тотчас по выходе становились хрестоматийными.⁸ Теперь, когда от этих работ В. П. нас отделяет несколько десятилетий, мы можем в полной мере и непредвзято их оценить. И оценка будет самой высокой.

Достоин всяческой похвалы тот специалист, кому удастся внести в историю литературы новые и существенные штрихи. Но неизмеримо

⁶ Из библиографических трудов В. П. к XVII в. имеют отношение также соответствующие разделы подготовленной ею вместе с В. Ф. Покровской книги: Древнерусская повесть. Вып. 1. Библиография истории древнерусской литературы. М.—Л., 1940.

⁷ Этой теме посвящена также заметка В. П. «Сцена та костюм в українському театрі XVII—XVIII вв.», напечатанная в журнале «Україна» (кн. 3, 1925, стр. 88—107).

⁸ «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира второй половины XVII века. М.—Л., 1936; Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937; Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статьи и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»).

выше заслуга ученого, который коренным образом меняет сложившиеся представления о литературном движении той или иной эпохи.

XVII столетие исполнено драматизма; не случайно его назвали «бунташным» веком. История культуры этого периода также строилась контрастно: отмечались противоречия между староверием и официальной церковью, между западничеством и старомосковством, затем между латишующими и практиками кальвинистского толка. Однако из этой цепи контрастов выпадали посад и грамотное крестьянство. Им, конечно, отводилась определяющая роль в фольклорной традиции; но относительно писаной литературы они выступали только в качестве потребителей. Заслуга В. П. в том и состоит, что она развеяла иллюзию о молчании низов. Эти низы — площадные подьячие, стрельцы, бедное духовенство — заговорили независимым и свободным языком сатиры и пародии. Это открытие по-новому осветило суть культурного перелома, который произошел в XVII в.

«Перелом объяснялся исследователями сменой влияний, — писала В. П. — Вместо Византии учителем литературы (как и всей якобы культуры) стал Запад. Выступая против такого объяснения, принимающего следствие за причину, советские литературоведы и вопрос о переломе в литературе XVII в. решают в свете его обусловленности историческим процессом. Получив возможность значительно расширить самый круг литературных произведений, характеризующих литературное творчество и читательские интересы разных слоев русского общества XVII в., советские литературоведы проследили за тем, как накашливались новые явления в литературе с первого десятилетия XVII в., подготавливая качественный перелом в ней, наступивший в обстановке городских и крестьянских восстаний середины века. Интерес к западной культуре, в том числе и к литературе, в этой обстановке был лишь следствием этого перелома, а не его причиной, и действительно, новое в литературе было создано вне влияния Запада».⁹

В пересмотр объема и смысла литературного движения XVII в. чрезвычайно весомый вклад внесла В. П.

---

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Предисловие в кн.: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. Составила Н. Ф. Дробленкова. М.—Л., 1961, стр. 12—13.

О. Ф. КОНОВАЛОВА

В. П. Адрианова-Перетц как исследователь поэтического стиля древнерусской литературы

Для научной деятельности В. П. Адриановой-Перетц характерна необычайная широта творческих интересов, органически сочетавшаяся с глубокими познаниями в различных областях древних славянских литератур. Можно с уверенностью сказать, что и в области изучения поэтического языка и стиля Древней Руси В. П. Адрианова-Перетц выступила как серьезный теоретический исследователь.

Большую роль в формировании научных интересов В. П. сыграла филологическая школа, созданная академиком В. Н. Перетцом. Он прививал своим ученикам любовь к конкретному изучению, к разработке истории текстов, воспитывал сознательное отношение к языку литературных памятников Древней Руси. В Семинарии В. Н. Перетца внимательно относились к научным традициям таких ученых, как Потебня, Шахматов, Веселовский. В частности, творческий метод А. Н. Веселовского, заключающийся «в накоплении параллелей и сопоставлений фактического материала и дятат по средневековой литературе и народной словесности, которые должны подсказывать читателю объективное обобщение, как бы заложенное в самом материале», в сопоставлении «параллельных рядов сходных фактов», позволяющих «проследить между ними связь причин и следствий»,¹ оказал определенное влияние на творческие принципы учеников В. Н. Перетца.

Безусловно, работа А. Н. Веселовского, содержащая концепцию происхождения поэтических жанров, обособления поэзии как особой сферы человеческой деятельности, образования поэтического языка, имела значение для создания теоретической базы В. П. Адриановой-Перетц в установлении исторических, общественных, идейных закономерностей развития поэтического стиля Древней Руси.

Следует отметить, что В. П. Адрианову-Перетц с начала ее научной деятельности интересовали памятники традиционного содержания. Так, в 1909 г. была опубликована статья «Евангелие Фомы в старинной украинской литературе».² Уже в этой статье памятник рассмотрен всесторонне, проведено и исследование особенностей его языка и стиля.

В дальнейшем, изучая литературную историю текстов, В. П. Адрианова-Перетц установила, что в процессе перипики даже из памятников традиционного содержания исчезают непонятные слова и выражения,

¹ В. М. Жирмунский. Историческая поэтика А. Н. Веселовского. — В кн.: А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 3.

² В. П. Адрианова-Перетц. Евангелие Фомы в старинной украинской литературе. — ИОРЯС, т. XIV, кн. 2, 1909, СПб., стр. 1—47.

изменяется стиль, отдельные словосочетания принимают вид, наиболее близкий и понятный русским книжникам.³ Это явление подробно рассмотрено в работе «К истории текста „Аристотилиевых врат“».⁴

Все исследования В. П. Адриановой-Перетц в этот период ее деятельности имели вполне определенную направленность, идущую от традиций Семинария русской филологии В. Н. Перетца, — внимание В. П. концентрировалось на изучении, с одной стороны, памятников традиционного содержания, на изучении апокрифической и житийной литературы, с другой — на исследовании устного народного творчества, судьбы памятников в устной традиции.

Однако в течение последующих двадцати лет В. П., казалось бы, оставляет в стороне прежние темы, ее увлекают проблемы сатирической литературы XVII в., вниманием ее завладевает «Слово о полку Игореве». Следует отметить, что в эти годы вообще снижается интерес исследователей к изучению проблем стиля Древней Руси и по существу, кроме работы А. С. Орлова «Об особенностях формы русских воинских повестей»,⁵ серьезных исследований в этой области не появлялось. Книга А. С. Орлова явилась в значительной степени переломным моментом в развитии филологической науки, указав путь к изучению поэтики древней русской словесности. Ученый обратил внимание на наличие в языке памятников древнерусской литературы постоянных устойчивых «формул», переходящих из одного произведения в другое и употреблявшихся для характеристики героев-воинов, при описании битв и т. д. Поэтому выход в свет в 1947 г. книги В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля Древней Руси»⁶ явился важным этапом в развитии стилистической науки и открыл полосу интенсивных разысканий в этой области. В «Очерках...» В. П. возвращается к уже знакомым нам проблемам: соотношение древнерусской литературы и фольклора и библейско-византийской традиции в языке и стиле. Исследование обобщает многолетние наблюдения и разыскания в области языка и стиля древнерусской литературы и устного народного творчества.

Книга «Очерки поэтического стиля Древней Руси» делится на две части: метафорически-символический стиль русского средневековья и лиро-эпические плачи в древнерусской литературе. Обе части, несмотря на их видимую самостоятельность, связаны единством замысла. Здесь проявилась методика работы, сказавшаяся и в «Очерках по истории русской сатирической литературы»: мелкие, казалось бы отдельные, вопросы исследуются для разрешения одной главной проблемы. В методике работы В. П. Адрианова-Перетц пошла далее своих учителей. Сооставление сюжетов, мотивов, художественных приемов, характерное для методов А. Н. Веселовского, исследование истории литературных текстов оказались недостаточными. В. П. в одной книге концентрирует исследования в различных областях филологической науки. Предметом сравнительного изучения становятся внутренние закономерности развития разных памятников, внутреннее их сходство.

Принцип изучения литературных фактов в «Очерках поэтического стиля Древней Руси» — это «последовательное восстановление системы

³ В. П. Адрианова-Перетц. К литературной истории Толковой палеи. Киев, 1910.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. К истории текста «Аристотилиевых врат». — Русский филологический вестник, Варшава, 1911, т. 66, стр. 1—14.

⁵ А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902.

⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., 1947.

художественных средств, с помощью которых древнерусский писатель решал поставленные перед ним задачи». В. П. указывает, что роль устной поэзии и образности живого русского языка в создании этой системы выступает со всей очевидностью в старших памятниках древнерусской литературы, когда исследователь лишь начинает изучение отдельных «приемов» средневекового писателя, показывает, что стиль древнерусской книжности «возник на местной образной системе, которая неразрывно связана с господствующей исторической темой».⁷ На эту систему, отмечает далее В. П., наслаивались библейско-византийские образцы изобразительных средств; исследовать же эту систему можно лишь при сопоставлении стилистических средств фольклора и литературы.

В основе работы В. П. лежит опыт изучения истории русского языка, исследование происхождения, значения традиционной повторяемости метафор и символов в разных произведениях древнерусской литературы. Эта крайне важная и новаторская как по материалу, так и по способу исследования тема связана с изучением особого жанра, распространенного в Древней Руси, — жанра лиро-эпических плачей, стоящих на грани литературы письменной и устного народного творчества.

В. П. раскрывает в своей работе, как в процессе исторического развития древнерусской литературы отдельные словосочетания, традиционные метафоры, которым она дает название метафор-символов, обретают характер устойчивых поэтических схем и формул. Анализ происхождения каждой формулы показывает, что одни восходят к фольклорной поэзии, другие — к библейско-византийской системе изобразительных средств.

Часть книги, озаглавленная «Лиро-эпические плачи в древнерусской литературе», сопоставляющая устную причетку как основу древнерусских плачей с библейско-византийской традицией в древнерусских плачах, — это новый этап работы, вытекающий из предыдущего, в нем заложенный, но и чем-то противоречащий ему. Объясняя природу плачей, В. П. говорит о том, что плачи были «прямым наследием традиции устных плачей, поддержанной в то же время в литературной среде теми образцами книжных плачей, с которыми древнерусский книжник познакомился через библейско-византийскую литературу».⁸

Создается впечатление, что эта книга — лишь переход к дальнейшему исследованию, может быть еще более глубокому и широкому, а сравнительно-историческое изучение стилистического материала дается для того, чтобы вскрыть исторические корни конкретного литературного явления.

Особое место в творчестве В. П. Адриановой-Перетц занимает изучение «Слова о полку Игореве». В статье «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“»⁹ В. П. касается отдельных вопросов стилистики и поэтики «Слова», в книге «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII веков»¹⁰ уделяет внимание общим проблемам стиля и особенностям стилистической манеры русских книжников XI—XIII вв. В. П. Адрианова-Перетц показала, что система поэтических средств в «Слове» имела корни и параллели во многих произведениях древнерусской литературы, что «в создании поэтической системы выражения в „Слове“, кроме устной народной поэзии и воинской стили-

⁷ Там же, стр. 5.

⁸ Там же, стр. 135.

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 131—168.

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.

стики, выработанной в живом языке и литературно совершенствовавшейся летописцами, значительную роль играл опыт, накопленный к концу XII века в обширной переводной византийско-болгарской и русской литературе исторических, повествовательных, религиозно-учительных жанров, в гимнографии и торжественном ораторстве».¹¹

Труды В. П. Адриановой-Перетц по исследованию метафорически-символического стиля Древней Руси дают толчок дальнейшему развитию научной мысли в практическом и теоретическом продолжении темы. Особенности творческого почерка Варвары Павловны Адриановой-Перетц, огромная эрудиция в различных областях филологической науки делают ее работы необходимым источником для всех современных исследователей литературы, а ее идеи оказывают большое влияние на ее учеников и последователей.

---

¹¹ Там же, стр. 27.

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

В. П. Адрианова-Перетц — преподаватель и редактор

Имя Варвары Павловны Адриановой-Перетц стоит в ряду имен первых русских женщин-филологов. В течение всей своей жизни В. П. Адрианова-Перетц сочетала научную работу с педагогической деятельностью, которую начала в ранней молодости с преподавания в гимназии, затем в вузе и продолжала до последних дней, подготавливая аспирантов и научных сотрудников, давая консультации, проводя собеседования, обсуждая, рецензируя и редактируя работы молодых (а подчас уже и не молодых) исследователей медиевистов, историков и литературоведов, фольклористов, специалистов по новой и советской литературе, журналистов, писателей и студентов.¹

23 января 1911 г. в журнале «Студенческая мысль» появилась статья под сенсационным заглавием,² автор которой приветствовал женщин, ставших первыми преподавателями киевской высшей школы: «Первыми, ныне прокладывающими новый путь, в этом отношении являются В. П. Адрианова и С. А. Щеглова, приглашенные советом Высших женских курсов, учрежденных А. В. Жекулиной, для преподавания истории русской литературы, во внимание к их научным работам». Далее шла обстоятельная характеристика исследований В. П. Адриановой и С. А. Щегловой, опубликованных ими в 1908—1911 гг., и давалась оценка важности для науки и общества происшедшего события: «Один перечень научных работ госпож Адриановой и Щегловой, авторитетность изданий, в которых их труды были напечатаны, и отзывы о них специалистов дают нам достаточно оснований для суждения о том, насколько молодые ученые достойны звания, которым они недавно облечены, и насколько они сумеют справиться с важной и ответственной задачей, на них возложенной. Избрание женщин в преподавательский персонал высшего учебного заведения — факт, впервые наблюдаемый в академической жизни Киева, — имеет огромное общественное значение».³ О том, как справилась с важной и ответственной задачей своей В. П., свидетельствует не только библиография книг и статей, написанных и отредактированных ею (библиографический перечень ее работ составил отдельную книжечку),⁴

¹ Сохранившаяся часть обширной переписки В. П. с различными корреспондентами хранится ныне в архивах ИРЛИ и ЦГАДА.

² А. Хараш. Женщины на кафедре высшей школы в Киеве. — Студенческая мысль, Киев, 23 января 1911, стр. 6.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия литературы и языка, вып. 4. М., 1963. 57 стр. Дополнением к этой библиографии является составленный мной «Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц за 1957—1967 годы. (Продолжение)» (ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1968, стр. 15—20).

но и факты ее научной биографии: в 1911—1914 гг. она преподает на Высших женских курсах в Киеве, а затем, в 1915—1917 гг., — в Петрограде на Высших педагогических курсах Общества экспериментальной педагогики; в 1917 г. защищает магистерскую диссертацию при Петроградском университете; в том же году следует избрание В. П. экстраординарным профессором Петроградского педагогического института; в 20-е годы В. П. — преподаватель Самарского университета, затем вновь — Петроградского педагогического института; с 1921 по 1930 г. она работает на курсах по подготовке научных сотрудников в Государственном институте истории искусств (в Ленинграде); в 1926 г. избирается членом-корреспондентом Украинской Академии наук, а в 1943 г. — членом-корреспондентом Академии наук СССР; с 1947 по 1954 г. заведует Сектором древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, а в 1950—1951 гг. — одновременно и Сектором фольклора ИРЛИ. За безупречную научную работу В. П. была удостоена ряда высоких правительственных наград, ей присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Являясь твердым последователем марксистско-ленинской методологии в литературоведении, В. П. деятельно заботилась о том, чтобы не прервались лучшие традиции старой филологической школы. С помощью В. П. в начале 60-х годов в стенах Ленинградского университета был возрожден семинар по древнерусской литературе по типу «семинариев русской филологии» акад. В. Н. Перетца и акад. А. А. Шахматова, откуда начинала свою научную жизнь сама В. П.

Многообразны темы работ В. П.: поэтика древнерусской литературы и ее художественный метод, проблема взаимоотношения фольклора и древнерусской литературы,⁵ «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», старинный театр на Руси и «хождения» русских людей в неведомые страны, стихосложение и демократическая сатира XVII в., — и каждая из этих тем является новым словом в науке. Понимая всю важность научной организации в работе, В. П. сама участвует в подготовке подсобных библиографических справочников и в составлении «Толковой картотеки древнерусской повести» (картотека велась под руководством акад. В. Н. Перетца с 1915 по 1934 г.). В 1940 г. В. П. публикует две библиографии: «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. М.—Л., 1940, 110 стр.; Древнерусская повесть, вып. 1. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1940, 326 стр. Библиография по «Слову о полку Игореве» учитывает переводы и исследования не только на русском языке, но и на языках народов СССР и иностранных языках. Библиография по древнерусской повести включает сведения об изданиях и рукописных текстах оригинальных и переводных повестей XII—XVII вв. Обе книги до сих пор незаменимы, хотя уже и имеют дополнения. Работу над библиографией В. П. понимала как насущную необходимость и вела ее сверх всяких планов, невзирая на болезнь. В одном из писем Н. К. Гудзю этого времени В. П. признавалась: «Работаю очень много. После IV тома Трудов, который меня порядком высосал, сдала в печать сделанную при участии В. Ф. Покровской Библиографию повести (1-й выпуск). Это взяло месяц непрерывной работы часов по 12—14 в день. Сейчас взялась опять за Ист<орию> лит<ературы>. У меня почти готовы (осталась только от-

⁵ В 1948 г. В. П. сообщает Н. К. Гудзю о своем намерении написать монографию «Древнерусская литература и фольклор», впоследствии опубликованную в виде отдельных статей (ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 728, Архив В. П. Адриановой-Перетц, письмо Н. К. Гудзю от 10 октября 1948 г.).

делка) две самые для меня трудные статьи — библейские сказания и гимнография. Я сознательно начала с наиболее трудного, не рассчитывая на свои силы. Вечерне заготовлен материал еще для двух статей. Ведь впереди еще редакторская работа».⁶

Педагогический дар помог В. П. и в организации творческого коллектива авторов первых томов 10-томной «Истории русской литературы».⁷

* * *

Первый том и две части второго тома 10-томной «Истории русской литературы» вышли последовательно в 1941, 1945 (1946) и 1948 гг. под редакцией А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия. Однако в силу сложившихся обстоятельств основная доля редакторской и всей научно-организационной работы над томами легла на плечи В. П. О том, как создавалась новая периодизация истории древнерусской литературы, выработывались планы отдельных томов, подбирались авторы разделов, производилось редактирование статей, иногда весьма основательное, свидетельствуют письма В. П. за 1936—1948 гг. к Н. К. Гудзию. Высказанные в этих письмах мысли В. П. по поводу периодизации и художественного своеобразия отдельных памятников, вокруг которых возникали споры в редакции, представляют большой научный интерес и публикуются ниже с незначительными сокращениями.

Работа над «Историей русской литературы», порученная Президиумом Академии наук, была начата Институтом русской литературы в январе 1936 г. с подготовки развернутого плана истории литературы. Благодаря энергичному участию в этой работе В. П., коллектив древников не ограничился переизданием какого-либо из старых курсов истории древнерусской литературы, а принял решение «освежить не только схему, но и самый литературный материал».⁸ В результате план издания был признан очень интересным и «свежим», причем было отмечено, что исполнители его, по сравнению с авторами прежних курсов истории литературы, «шагнули вперед».⁹ К редактированию, возлагаемому на нее, В. П. всегда относилась с чрезвычайной ответственностью. Занимаясь «Историей русской литературы», она уделила особое внимание проблемам периодизации. В связи с работой над второй частью т. II, посвященного литературе XVII в., В. П. пишет Н. К. Гудзию: «Дать XVII век как следует — для меня вопрос моей научной совести».¹⁰ В этом же письме В. П. посылает соредактору свой «новый вариант периодизации. Ее обоснование следующее. До 30-х годов <XVII в.> в лит<ерату>ре господствует тема Смутного времени, причем в 20-х и 30-х годах изображение причин Смуты клонится к тому, чтобы обосновать позицию новой династии, укрепить ее. Идет как бы стабилизация настоящего с помощью критики прошлого. После неудачной войны с Польшей (1634 г.) экономическое положение в стране и недовольство правительством резко обостряются.

⁶ Письмо Н. К. Гудзию от 18 марта 1938 г. Цитируемые ниже письма В. П. к Н. К. Гудзию хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ, ф. 728, Архив В. П. Адриановой-Перетц. При публикации текстов писем сокращения раскрыты и даны в угловых скобках.

⁷ История русской литературы. Т. I. Литература XI—начала XIII века. М.—Л., 1941; т. II, ч. 1. Литература 1220—1580-х годов. М.—Л., 1945 (1946); т. II, ч. 2. Литература 1580—1690-х годов. М.—Л., 1948.

⁸ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 24 января 1936 г.

⁹ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 22 декабря 1937 г.

¹⁰ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 3 сентября 1946 г.

Борьба идет главным образом в городе, среди торгово-ремесленной части посада. Первый результат ее — отказ на соборе 42 г. принять Азов, открывшая критика порядков, администрации и т. д. Затем движение ширится — городские восстания, Уложение и проч. Во весь голос идет критика настоящего. И этим обусловлено появление публицистики, сатиры, повестей, показывающих порывы к новому молодежи. 70—80-е годы идут под знаком вооруженных столкновений оппозиции (и правой, и левой — разиновщина и стрельцы, Соловецкое восстание) и — с другой стороны — острой борьбы между „Старой Русью“ и правительственной ориентацией на Запад. Отсюда в литературе два полюса — старообрядческие писания и светская литература (западноевропейского, украинского) типа и своя светская повесть). Одновременно глухая вражда высшей церковной власти к западничеству — борьба вокруг школы и украинского влияния. Между этими двумя литературными полюсами находятся более или менее нейтральные, во всяком случае без ясных отражений эпохи, доживающие традиционные жанры (исторический, легендарно-нравоучительный и т. д.). Хронологически такое распределение проходит благополучно. Вопрос о Повести Горе-Злочастии. Но самая постановка в ней вопроса о борьбе с отцами в таком виде уже невозможна в следующем периоде, когда позиция гораздо резче: или совсем по-старому, или гораздо смелее — по-новому. А здесь решение — как в Повести о Савве Грудцыне».

Эта периодизация, кажущаяся нам теперь вполне привычной, на первых порах требовала развернутых обоснований. Против нее выступал сначала даже и соредактор В. П. — Н. К. Гудзий, продолжавший отстаивать традиционное формальное деление литературы XVII в. на литературу первой и второй половины века — до 50-х годов и после. В письме от 13 февраля 1946 г. В. П. вновь пишет Н. К. Гудзию по поводу предложенного ему нового принципа периодизации литературного процесса: «Так, значит, и не дошла до Вас моя основная идея: периодизация XVII в.? Мне она ясна (как, впрочем, и всему Отделу, не исключая Орлова). Разве Вы не ощущаете, что последняя треть XVII в. резко отличается в литературе двумя противоположными группами именно литературных фактов: с одной стороны, фанатическое отстаивание старины, но в новой национальной форме (старообрядческой), с другой — наплыв переводов с Запада и школьный классицизм. Ведь до этого времени переводились книги, имевшие технический и общекультурный интерес, а литературные произведения переводятся с 70-х годов. Новое — европейское — пришло в это время. И русские ученики Симеона Полоцкого в литературу входят именно в последней трети века. Пойдем дальше назад. Именно со времени земских соборов, осуждавших „злоститренные московские обычаи“, и в литературе появляется тема критики общественных, бытовых неустройств, т. е. сатира. И протест молодого поколения вырастает в литературе уже к 60-м годам — Савва Грудцын». И, наконец, как не отделить время до 30-х годов, раз в нем господствует своя тема, — Смутное время, — которая и определяет особый расцвет исторических форм. Я строю периодизацию, исходя из наиболее яркого течения. А что рядом, во все периоды, живут и появляются нейтральные произведения, — это дела не решает. И опять валить в кучу материал после того, как в нем нащупаны эти ведущие моменты, право, досадно. Значит — опять по старинке? Неужели мы никогда не попытаемся выбиться из этой расплывчатой механической схемы — первая половина и вторая половина? Надо делить, глядя на то новое, что в каждый из этих моментов входило... За периодизацию я держусь

гораздо больше, чем за детали. И странно, Вам понравилась моя заключительная статья, а ведь в ней моя периодизация отражена вполне отчетливо.

«О величине „введений“. Разве Вы не обратили внимания, что в них собран весь нелитературный материал, рисующий культурную атмосферу, — все переводы, история книгопечатания? Ведь этого же нигде в таком собранном виде нет, и, поверьте, читатель за это не посетует. XVII-й век впервые как следует поднимается, и необходимо дать основательно почувствовать его атмосферу».

Далее в письме говорится, что главная цель книги — «попытаться нащупать... движение, процесс. Конечно, это нелегко, когда памятники в большинстве не датированы, но это наша горькая судьба. Оттого-то мне и не страшны были исторические этикетки, что они определяют и литературное движение. Разве вне истории земских соборов и городских восстаний и происходившей на них критики всего можно объяснить сатиру, — т. е. то новое, что характеризует 40—60-е гг.? А без истории Смуты, — как понять господство именно этой темы в литературе? Я уверена, что при личном общении нам легче было бы договориться. А при Вашем делении, — где грань, 50-«е» гг., куда же я отнесу сатиру: разрезать пополам? Она начинается с 40-х гг. и к 70-м перестает быть ведущей. Пусть она появляется и позже, да не она определяет движение вперед».¹¹

Глубокой продуманности и обоснованности, как видим, требовало и введение в курс «Истории литературы» «нелитературного» материала, который нужен был как фон для объяснения закономерностей литературного процесса. Вводя его, авторы «Истории литературы» не только не предполагали «давать ему равноправное положение с литературным», но и вообще стремились «ограничить его до последней степени»; так, например, «„Жезлы правления“ и прочее даже помещены не в характеристике Симеона Полоцкого как писателя, а в конце главы о старообрядцах, как краткий очерк полемики с ними».¹²

При создании первых томов «Истории русской литературы» были не только заново исследованы и датированы многие литературные памятники, но и дан первый опыт исторической периодизации литературного процесса. Однако, понимая определенную ограниченность исторического принципа периодизации («ведь литературного принципа периодизации мы еще не выработали, и он появится после больших работ по истории стиля»),¹³ В. П. как редактор все же стремится группировать литературные памятники с учетом их жанровых признаков. Так, возражая на замечания Н. К. Гудзия в письме ему, она пишет: «Теперь — мои возражения Вам. Соломония бес«оватая» точно датируется 80-ми годами. Но если бы она и была современна Горю-Злоч«астию», я не помещу ее в один параграф, так как л и т е р а т у р н о это совсем другой жанр. Все же это трансформация жанра „чуда“, а не то, насыщенное фольклором, совершенно новое явление, какое имеем в Горе-Злоч«астии». Карп Сутулов, в моем ощущении, — повелла, типа, который мог у нас появиться после перевода «фацевий». Звезда Пресветлая не только потому должна быть помещена не вместе с Рим«скими» д«еяниями» и Вел«ским» Зерц«алом», что она точно датируется 60-ми годами, а те — 70-ми. Ведь это сборник католических богородичных легенд со своими жанровыми признаками. И я не могу помещать его рядом с сказочно-фривольно-историческими рассказами Рим«ских» д«еяний». Л и т е р а т у р н о — это опять разные вещи.

¹¹ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 13 февраля 1946 г. (разрядка В. П.).

¹² Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 16 января 1938 г.

¹³ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 27 января 1946 г.

Почему сатира — во II разд^еле, а старообрядцы — в III? Потому что сатира датируется серединой века (Кур и лисица был известен в 40-х годах, Служба кабаку известна в списке 60-х гг.). Ведь и тематически, и стилистически все эти повестушки-пародии повторяют датированные челобитные, которые трактуют о тех же явлениях. И все это неразрывно связано с атмосферой, в которой протекали городские восстания середины века. Если и дальше появлялись такие пародии-сатиры, то ведущим жанром они были как раз в период этих волнений. Иное дело — лит^ература старообр^ядческая. Она датируется 70-ми и 80-ми годами. Как раз в это время все вооруженные восстания против правительства (Разин, Соловки, стрельцы) связаны с старообр^ядцами. И потому-то так энергично боролись с ними именно с конца 70-х годов. Казни 81 и 82 гг. — результат того, что социальная оппозиция связалась вполне отчетливо, и притом агрессивно, с старообр^ядцами именно в это время. И литературная агитация старообр^ядцев падает как раз на эти годы, когда их писаниями торговали у Спасских ворот Кремля. Последняя и самая бурная схватка старообр^ядцев, вооруженная и литературная, происходила накануне реформы еще и потому, что правительство в эти десятилетия перешло определенно к „латинству“ — западничеству. Этой литературной защите старой Руси противостоит новая литература, окрашенная Западом, укр^аинско-белорус^ская. А между ними, — более или менее нейтральные, традиционные по теме и форме, — доживают старые жанры. Вот как я рисую себе последнюю треть века. И никаких хронологических и исторических натяжек это не требует. Бой старого с новым достигает высшего напряжения как раз накануне реформы, а не в середине века, когда и правительство еще колебалось — повернуть ли на Запад... Почему я настаиваю на делении второй половины XVII в. гранью — 70-е годы? Я ощущаю вполне определенно движение к реформе, которое затушевывается без этой грани. Запад хлынул в изобилии, между прочим и в литературе как раз после 70 г. Сейчас, когда я кончила и заключительную главу, эта последняя схватка, в которой старая Русь еще очень крепко держится, представляется мне действительным кануном реформы. Больше уже никогда старая Русь не говорила с властью так, как в 1682 г. в Грановитой палате. И это закономерно, и это гораздо более ярко, чем споры Аввакума на церковном соборе с патриархами. Тогда власть еще заискивала перед ним, а масса еще не так активно была втянута в борьбу, как в последней трети века». ¹⁴

В. П. — не только редактор, но и автор почти половины второй части т. II «Истории литературы». Завершая древний период «Истории русской литературы» итоговым «Заключением», В. П. подчеркивает: «Основная мысль этой статьи — нельзя разрывать исторический процесс, новая литература во многом продолжает литературные тенденции древней». ¹⁵

При редактировании между авторами и редакцией иногда возникали принципиальные споры и точки зрения настолько не совпадали, что дело кончалось заменой статьи одного автора статьей другого. Так произошло со статьей В. Ф. Ржиги о Повести о Горе-Злочастии, которая в конечном итоге была заменена статьей Д. С. Лихачева. Замене предшествовали большая работа над памятником самой В. П. ¹⁶ и спор между двумя редак-

¹⁴ Письмо В. П. к Н. К. Гудзю от 22 октября 1946 г. (разрядка В. П.).

¹⁵ Письмо В. П. к Н. К. Гудзю от 2 января 1946 г.

¹⁶ В письме Н. К. Гудзю от 10 ноября 1940 г. В. П. пишет: «Горе-Злочастие не имело никакого основания появляться в XVIII в., его тематика — вся предреформенная. Да и интерес книжника к фольклору — того же времени. Но какая это чудесная вещь и какая несомненно индивидуально литературная... Я перечитала

торами — В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзием. В. П. отстаивала необходимость нового освещения этого памятника: «Вы правы: Ржигина статья в „Славии“ солидная, но для „Истории литературы“ он не сумел показать повесть в целом. Я всю его статью (в основных ее частях) включила в новую редакцию, но дала и общую характеристику повести: ведь надо же было показать, как самое характерное в ней, — борьбу лиризма с дидактической схемой. Автор так хотел выдержать нравоучение, а вместо того заразил читателя самым теплым сочувствием к своему несчастному герою. Вот здесь-то и видна предреформенная эпоха, когда все бродило, ни у кого не было устойчивой линии поведения. Помните, как западник, и притом ярый, Ордын-Нащокин кончил жизнь в монастыре? Вот где секрет. И читателю такую повесть надо подать не только с ученым комментарием... Но Ржиге, видимо, трудно было бы сделать это обобщение: он стал на ложный путь и принялся искать в Горе-Злочастии „демона вина“. Ну разве же тут дело в обличении пьянства? А он именно так повернул тему. И, повторяю, главное не заметил — характерной противоречивости повести — и потому не смог убедить читателя, что при старой как будто морали она по существу нова самым своим отношением к жизни — двойственным».¹⁷

Работа по редактированию была утомительной. В. П. писала Н. К. Гудзю: «Я как-то выдохлась на редактуре и чувствую неодолимую потребность освежиться собственной работой. Штопать все время чужие статьи — уже третий год — это несносно».¹⁸ Однако, несмотря ни на что, редакторская работа продолжалась даже в трудные годы Отечественной войны, параллельно с осуществлением новых творческих замыслов. За работой над первыми томами «Истории русской литературы» последовало не менее основательное редактирование (и рецензирование, которое не уступало по существу редактированию) томов ТОДРЛ и множества коллективных и авторских монографий. Это сочетание авторского и редакторского труда не прекратилось и с выходом на пенсию, до самых последних дней жизни В. П.

Для тех, кто лично знал Варвару Павловну и имел счастье у нее учиться, и для новых поколений исследователей — В. П. навсегда останется примером ученого, воспитывающего не только своими трудами, но и своим отношением к труду. Будучи тяжело больна, она считала работу «замечательным лекарством, которое хоть и не вылечивает, но позволяет не опускаться на дно болезни».¹⁹

сейчас все песни, и разница в самом понимании Горя очевидна. Да и песни о Горе и добром молодце по сравнению с повестью — такие бледные и отрывочные композиции, где все неясно. А как чудесно все именно композиционно сделано в повести. Большой был талант».

¹⁷ Письмо В. П. к Н. К. Гудзю от 17 ноября 1940 г.

¹⁸ Письмо В. П. к Н. К. Гудзю от 11 февраля 1941 г.

¹⁹ Письмо В. П. к М. Н. Тихомирову от 18 мая 1958 г. (Цит. по: С. О. Шмидт. Памяти учителя. Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова. — Археографический ежегодник за 1965 г., М., 1966, стр. 21).

А. А. НАЗАРЕВСКИЙ

Из воспоминаний о молодых годах В. П. Адриановой-Перетц

Десятого октября 1907 г. докладом слушательницы Киевских высших женских курсов Варвары Павловны Адриановой «Филология, ее задачи и методы» начал свою деятельность Семинарий русской филологии проф. В. Н. Перетца, вошедший впоследствии в историю русской филологической науки. Мой доклад «Приемы критики текста применительно к древним и новым памятникам русской литературы» был прочитан 27 октября. Оба эти доклада вошли в «приложения» к литографированному курсу лекций В. Н. Перетца «Введение в изучение русской литературы» (осенний семестр 1907/08 академического года). Так «на заре юных дней» начали мы с Варварой Павловной свой путь в науку русской филологии.

В состав Семинария входили студенты Университета, слушательницы Высших женских курсов и слушательницы Частных женских историко-филологических курсов, директором которых был Владимир Николаевич. Занятия слушательниц Частных курсов происходили по вечерам в помещении частной женской гимназии на Большой Владимирской улице (ныне — Владимирская ул. № 7), куда курсистки входили по особым билетам за подписью своего директора. Такие же билеты были выданы всем участникам Семинария, в том числе и студентам. «Итак, — писал я домой 6 октября, — я теперь не только студент, но и „слушательница Высших женских курсов“, как значится на билете».

Об этой любопытной детали в жизни Семинария одни, поступившие позже, просто не знали, а другие, знавшие, вскоре забыли, и местом самой начальной деятельности Семинария обычно считается квартира Владимира Николаевича Перетца на четвертом этаже в доме № 74 по тогдашней Мариинско-Благовещенской улице (ныне ул. Саксаганского). Так вспоминает Н. К. Гудзий,¹ так об этом говорится и в шуточной «Семинариаде» одного из старейших участников наших собраний — А. С. Грузинского:

Высокий Перетц воевода
В своем высоком терему
Собрал там множество народа,
Дай, боже, здравия ему.²

Во всяком случае наши первые доклады (Варвары Павловны и мой) были сделаны еще в помещении женской гимназии на Владимирской

¹ Н. Гудзий. К семидесятипятилетию со дня рождения Варвары Павловны Адриановой-Перетц. — РЛ, 1963, № 2, стр. 264.

² Здесь и далее разрядка моя. — А. Н.

улице. Вообще же нам и в дальнейшем не раз приходилось выступать «рядышком», по соседству. В юбилейном сборнике 1908 г., посвященном выдающемуся украинскому филологу П. И. Житецкому, были напечатаны наши опыты изучения местных рукописных материалов: «Кийвський уривок псалтиру XIV віку» Варвары Павловны и мое «„Хождение богородицы по мукам“ в новых українських списках XVII—XVIII вв.». У меня сохранился оттиск статьи о псалтыри с дарственной надписью: «Александр Адриановичу на добрую память от автора».

Может быть, здесь уместно будет сказать, что ко времени начала занятий нашего Семинария Варвара Павловна и я немного знали друг о друге: в Нежине семьи Адриановых и Миловидовых были знакомы «домами», нередко обменивались посещениями, а старшая дочь Миловидовых Лидия Филипповна (впоследствии моя жена) на один месяц и неделю была старше Варвары Павловны. Семьи Адриановых и Миловидовых оставались в добрых отношениях и по переезде их в Киев. А мое знакомство с Варварой Павловной стало уже непосредственным, и на долгие-долгие годы.

По желанию П. И. Житецкого, Владимир Николаевич водил нас к нему «на поклон», — как шутили мы. Я хорошо помню очень теплый отзыв юбиляра о Варваре Павловне, которая была ему «представлена» двумя-тремя днями ранее. Почти одновременно с моей работой над «Хождением богородицы» Варвара Павловна исследовала судьбу другого апокрифа в статье «Евангелие Фомы в старинной украинской литературе». Свои «апокрифические» статьи мы снова читали на соседних собраниях Семинария — 21 и 26 февраля 1908 г. Нечто подобное было и осенью 1910 г., когда два моих доклада (27 X и 16 XI) «обрамляли» доклад Варвары Павловны об «Аристотелевых вратах» (9 XI).

Впоследствии мы сами удивлялись юношескому задору, подлинной «жадности» к избранной науке, которую проявляли многие участники Семинария. Наши собрания происходили обычно по средам, иногда еще и по пятницам, а иногда даже трижды в неделю. Рекордным по количеству собраний был март 1908 г., когда в течение семи вечеров было прочитано и обсуждено 11 докладов (из 14 представленных). Активистами Семинария были С. А. Бугославский, Н. К. Гудзий и автор этих строк (сделавшие по 8 докладов), В. П. Адрианова (выступившая с 7 докладами) и С. А. Щеглова (прочитавшая максимальное количество сообщений — целых 9!).

Уже в зрелые годы мы, бывшие «семинаристы» первого призыва, поняли, что четкостью, регулярностью нашей работы, своей «одержимостью» мы обязаны Владимиру Николаевичу, который вдохновлял и увлекал нас своим примером. Вот один только штрих, говорящий о внимании нашего руководителя к занятиям своих учеников.

Осенью 1907 г. Владимир Николаевич, знавший меня по «первокурсным» рефератам о русских повестях XVII в. и петровского времени и одобрявший новую тему «о приемах критики текста», остановил меня как-то в коридоре университета. «Профессор говорил, — сообщал я домой, — что он очень доволен, что я „не потерял аппетита“ к рефератам прошлого года, а я ответил, что, наоборот, аппетит только разыгрывается». Нечего и говорить, какое стимулирующее значение имел для меня этот короткий — буквально «на ходу» — разговор. Тогда же Владимир Николаевич согласился, чтобы я читал свою «критику текста» не тотчас же после Варвары Николаевны, как он хотел первоначально. Его убедили мои слова: «Лучше я напишу несколько позже, но зато самый реферат будет более обдуман и отделан» (письмо 6 октября).

Из экскурсий нашего Семинария мне особенно памятна осенняя поездка 1910 г. в Житомир, где мы в течение недели (21—26 X) усердно занимались рукописями и старопечатными книгами волыньских книгохранилищ. Кроме Владимира Николаевича, В. П. Адриановой и С. А. Щегловой, тогда уже преподавательниц Вечерних высших женских курсов, было еще четверо «молодых людей»: студенты А. В. Багрий, Н. К. Гудзий и А. А. Требиш и я, новоиспеченный профессорский стипендиат. Нас, мужскую молодежь, поместили в большом свободном классе Волынской духовной семинарии, где мы и жили, в полном смысле слова, «на семинарских хлебах».

В книге «Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии»³ я привожу некоторые эпизоды нашей житомирской жизни, здесь же, мне кажется, стоит рассказать, в каких своеобразных условиях мы там работали.

Владимир Николаевич в своем «Отчете об экскурсии Семинария русской филологии в Житомир»⁴ выражает благодарность хранителю Волынского епархиального древлехранилища Оресту Авксентьевичу Фотинскому, который отдавал нам все свое свободное время: «Если мы успели что-нибудь сделать, то главным образом благодаря безграничной любезности этого неоцененного для Древлехранилища труженика». В своем письме домой (27 X) я писал об этой «безграничной любезности»: «Сначала мы занимались в Волынском епархиальном древлехранилище, где более всего рукописей и старопечатных книг, а потом, когда заведующий Хранилищем любезно разрешил нам все, что нужно, брать на руки и даже дал ключи от всех шкафов, то заниматься стали у себя в семинарии. В семинарию натащили пропасть рукописей и иногда только ходили в Хранилище отнести ненужную рукопись и взять что-нибудь новое. Я... ходил еще к о. Николаю Трипольскому, у которого находится Житомирское евангелие 1571 г..., и попросил позволить заниматься рукописью. Отец Николай переслал ее в Хранилище, а О. А. Фотинский, заведующий Хранилищем, позволил и ее перетащить в нашу комнату». Необходимо отметить, что, хотя через руки каждого из нас прошли многие десятки рукописей и старопечатных книг, никаких недоразумений не было.

Ученики Владимира Николаевича в воспоминаниях о нем не раз говорили, что участники Семинария во главе со своим руководителем много работали, но умели и отдыхать. Одной из форм коллективного отдыха были наши экскурсии в окрестности Киева, на природу — «ins Grüne», как говорил сам Владимир Николаевич.

У меня сохранились любопытные снимки, сделанные во время двух наших экскурсий 1908 и 1909 гг. — в Межигорье и в Ворзель, где у Владимира Николаевича была дача. Обе они были довольно многолюдны по составу участников (около 30 человек на межигорском и около 20 — на ворзельском снимках), и в обеих принимал участие другой наш профессор-словесник, нередкий и всегда желанный гость нашего Семинария Андрей Митрофанович Лобода. Особенно приятной была поездка паромом вверх по Днепру в Межигорье (1908 г.), где мы провели целый день. Мы отдыхали на монастырском подворье, играли в горелки, пили вкусную холодную воду из источника с поэтическим названием «Звонки» и возвращались, когда над Днепром уже высоко стояла полная луна. Автор

³ А. А. Назаревский. Из далекого и недавнего прошлого. — В кн.: Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. МГУ, 1968, стр. 18—19.

⁴ Университетские известия, Киев, 1911, № 9, стр. 7—8.

«Семинариады» А. С. Грузинский откликнулся на эту экскурсию шутливым экспромтом, написанным на подаренном мне оттиске его статьи «Elegia Alexii Virsi T. Прокоповича»:

Сияло солнце в Межигорье,
Когда гурьбою молодой
В широком бегали подворье, —
И цвел там Перетц с Лободой.

И тут же сделана приписка: «И тогда я еще не думал о Феофане Прокоповиче».⁵

Но были экскурсии и «более узкого состава», одна из них в мае 1910 г. — в Ворзель. Помню, мы отправились небольшой группой: Варвара Павловна и С. А. Щеглова, А. В. Багрий, С. А. Бугославский, С. И. Маслов, С. Ф. Шевченко и я. Н. К. Гудзий, которого в этот раз с нами не было, говорит о поездках к Владимиру Николаевичу: «Так же запросто мы ездили летом к нему на дачу, и тогда он оставлял свою работу и часами проводил с нами время в беседах во время прогулок».⁶ Так и на этот раз: учитель отдал нам, своим ученикам, весь долгий день.

Мы хорошо знаем, как много сделал Владимир Николаевич для привлечения к серьезным научным занятиям талантливой молодежи. Его богатейший запас знаний, организаторский и педагогический талант и опыт, оригинальная постановка и новое освещение предложенной темы давали возможность не только привлечь, но и увлечь способных студентов. Выводя своих учеников на путь самостоятельной научной работы, Владимир Николаевич очень часто отдавал им найденный им самим свежий рукописный материал, а нередко и собственное начатое исследование какого-нибудь вопроса. Именно о таких случаях говорит Н. К. Гудзий в статье «Памяти учителя» (оттиск этой статьи я получил от Варвары Павловны 12 февраля 1966 г.).⁷ Такой же случай, можно думать, имел место по отношению и к Варваре Павловне в 1909—1910 гг. Еще 15 апреля 1909 г. на собрании Семинария она сделала сообщение «Толковая палея в свете новых исследований». Работа над палейной темой продолжалась и дальше, и очередные главы ее печатались в «Трудах Киевской духовной академии» 1909—1910 гг. Кроме того, в 1910 г. типография Акционерного общества «Петр Барский в Киеве» выпустила и отдельную брошюру В. П. Адриановой в 77 страниц «К литературной истории Толковой палеи. Из филологического семинария проф. В. Н. Перетца». На титульном листе подаренного мне экземпляра рукой Варвары Павловны написано:

Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь раз...

Киев 27 V

В то время надпись эта показалась мне и странной, и непонятной. В самом деле, Толковая палея, своеобразный экзегезо-полемический памятник древней литературы, — и строки популярного в свое время сти-

⁵ Пересматривая теперь многочисленные оттиски давних лет, я лишний раз убедился, что дарственные надписи на них в самых разнообразных отношениях нисколько не уступают записям писцов, владельцев и читателей старых рукописей и печатных книг.

⁶ Н. Гудзий. Памяти учителя. — РЛ, 1965, № 4, стр. 169.

⁷ Там же, стр. 168.

хотворения Николая Минского, казалось бы на первый взгляд, — «две вещи несовместные». Объяснение пришло очень скоро и неожиданно.

Весьма вероятно, что Владимир Николаевич начатую по местным киевским материалам собственную работу о Палее предложил для дальнейшей самостоятельной разработки и завершения Варваре Павловне, которая и принялась за дело со всем жаром талантливой и польщенной доверием ученицы. В то же время она начинает изучение ряда новых проблем и тем, как это видно по заглавиям ее «семинарских» докладов. Развертывается кипучая деятельность молодой исследовательницы.

Когда в мае 1971 г. я сообщал Варваре Павловне, что готовлю статью об одном нашем рано умершем (на 26-м году жизни) товарище, она ответила: «К сожалению, я ничего не могу прибавить к Вашим воспоминаниям о В. М. Отроковском... Мне не довелось слышать его стихи: ведь с 1910 г. я жила „отшельницей“ и общалась с товарищами лишь во время занятий: было очень много работы, а все свободное время было уже отдано Владимиру Николаевичу. Наш учитель очень ценил Владимира Михайловича и как поэта... Сердечный привет, сил и успеха Вам в начатой работе!» (письмо от 21 мая 1971 г., разрядка моя).

Для Варвары Павловны наступал новый период в жизни: время самоотверженного труда, настоящего подвига в служении избранной науке, время превращения из преданной ученицы в преданную спутницу нашего общего учителя, того, кому было отдано не только «все свободное время», а и все большое личное чувство, отдано навсегда.

Таким «переломным» днем своей жизни Варвара Павловна, должно быть, считала «27 V», дату, сохранившуюся на моем экземпляре упомянутой брошюры В. П. Адриановой (мне кажется, что и издание этой брошюры не обошлось без непосредственного участия Владимира Николаевича).

Как ученый исследователь Варвара Павловна прошла долгий и славный путь.

Возглавляя многие годы Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР, Варвара Павловна воспитала ряд молодых талантливых ученых и достойно продолжала неутомимую деятельность своего учителя — Владимира Николаевича Перетца.

В своей статье «Памяти учителя (к 30-летию со дня смерти акад. В. Н. Перетца)»⁸ в заключительных строках я старался подчеркнуть то, что всегда трогало нас, его учеников: при всей внешней строгости Владимира Николаевича его исключительное внимание к нашим и первым опытам, и зрелым работам, постоянную готовность помочь. Я писал: «Он был требовательный, строгий и в то же время чуткий и внимательный наставник и руководитель первых опытов каждого, благожелательный критик, советчик и старший друг своих учеников в их зрелые годы».⁹ Эти слова во всем их объеме и значении относятся и к Варваре Павловне, которая — как бы по завету нашего общего учителя — умела соединять в себе высокую требовательность, глубину научной мысли с простым человеческим участием и чуткостью.

Являясь «последним из могикиан» перетцовского Семинария первых лет, я счастлив, что могу воздать должное неувядающей памяти той, с кем мы когда-то дружно начинали свой путь в науку.

⁸ Вісник Київського Університету, № 8, Серія філології та журналістики, Київ, 1966, стр. 55—63.

⁹ Там же, стр. 63.

Н. П. КОЛПАКОВА

Двадцатые годы

Мои первые воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц относятся к самому началу 20-х годов XX в., ко времени моего учения в Российском институте истории искусств.

Своеобразное это было учреждение. Возникнув в 1912 г. на базе частной искусствоведческой библиотеки гр. В. П. Зубова, оно привлекло в свои стены сначала знатоков и любителей изобразительного искусства — античного, западноевропейского и древнерусского; в 1912—1917 гг. тут для немногочисленной аудитории читались лекции и велись практические занятия в семинарах по специальным вопросам мировой живописи и скульптуры. Крупные научные силы, привлеченные В. П. Зубовым для педагогической работы, быстро создали молодому Институту авторитет в среде тогдашней научной общественности. И когда в 1917 г. выяснилось, что Институт мог бы значительно шире раздвинуть рамки своей проблематики и стать полезным и нужным очень широким кругам населения, произошла первая реформа: к первоначальной группе ИЗО в 1919—1920 гг. одно за другим присоединились МУЗО, ТЕО и ЛИТО. Они образовали четыре основных разряда Института, переименованных вскоре в отделы.

Проводя научно-исследовательскую работу в области изобразительного, музыкального, театрального и словесного искусств, отделы параллельно начали готовить молодых искусствоведов по всем этим профилям: научные кадры нужны были и музеям, и консерваториям, и вузовским кафедрам, и множеству учреждений академического характера, с каждым месяцем расширявших свою сеть. В 1920—1921 гг. нас принимали в Институт не как студентов, а именно как «кандидатов в научные сотрудники», которые после сдачи определенного комплекса экзаменов переименовывались в «научных сотрудников 2-го разряда» (или «младших научных сотрудников») и в этом звании продолжали учиться до окончания курса.

В начале 20-х годов в Институте (уже не Российском, а Государственном институте истории искусств) работали крупнейшие профессора — искусствоведы, музыковеды, театроведы. Отдел ЛИТО возглавляли В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, В. В. Виноградов, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов. В 1921 г. в Институт пришли В. Н. Перетц и В. П. Адрианова-Перетц.

Они пришли вместе. Он — высокий, благообразный, пожилой академик, с несколько близорукими, но очень добрыми глазами, внимательно глядевшими сквозь очки на окружающую его молодежь; она — его ученица, почти на поколение моложе, красивая, живая, полная энергии и сил. Они пришли не только на ЛИТО: у них были занятия и на Театральном отделе — по истории русского театра XVII—XVIII вв. Но основное их

внимание было отдано нам, «словесникам». Владимир Николаевич читал нам методологию истории литературы, Варвара Павловна — древнерусскую литературу и фольклор.

Владимир Николаевич был единственным академиком и самым старшим по возрасту из всей руководящей верхушки тогдашнего ЛИТО. Добрый и чуткий, благожелательный к людям вообще, а к молодежи особенно, он был на занятиях строг, как никто другой из наших профессоров, а экзамены у него считались самыми страшными из всего четырехлетнего курса. Впрочем, на эти экзамены не так просто было попасть: к ним допускались только те из «младших», кто предварительно делал достаточно осмысленный доклад в специальном семинаре на одну из предлагавшихся тем по методологии истории литературы. И как же нам доставалось от нашего руководителя на этих первых наших публичных выступлениях! В наши тогдашние 19—20 лет мало кто из нас умел мыслить научно. К недостатку наших познаний Владимир Николаевич относился довольно снисходительно — он считал, что приобретение этих познаний для тех, кто серьезно хочет учиться, — вопрос прилежания и времени. Но были вещи, которых он не прощал и на которые ополчался самым суровым образом. Это была прежде всего — научная небрежность, недостаток внимания к первоисточникам и документам. То, о чем мы говорили в своих докладах, мы должны были знать твердо, точно, с подтверждающими выписками и цитатами, с указанием на тома и страницы. Никакая голословность и приблизительность тут не допускались. Вместе с тем Владимир Николаевич очень не любил излишней самоуверенности и легкого отношения к научным авторитетам прошлого, которое проскальзывало порою в высказываниях очень молодых начинающих ученых.

— «Скромнее, скромнее надо, — не раз говаривал он, — надо понимать, какая огромная работа была проделана до вас. Вы не на пустое место пришли. Очень хорошо измышлять новое, но сначала обернитесь и поглядите: что было сделано вашими предшественниками? Поглядите и усвойте. Вот тогда и идите дальше. И счастливый вам путь!».

Далее я помню, какая упорная борьба велась за выработку четкого и ясного научного языка. Никакой вычурности в этом плане Владимир Николаевич не терпел.

«Друг мой, Аркадий Николаич, об одном прошу тебя — не говори красиво!» — благодушно, но глубоко иронически замечал он в ответ на излишне «изысканные» фразы «младшего», постаравшегося в докладе украсить свои небогатые научные домыслы цветами ненужного красноречия, — «ведь обо всем этом гораздо понятнее можно сказать и проще».

И показывал — как именно. Незадачливый автор краснел, а мы все надолго запоминали эти уроки. И так же упорно, как с ненужной претенциозностью, боролся наш руководитель с излишним заполнением наших докладов и ответов иностранными оборотами и терминами.

«Вы русские люди, так по-русски и пишите, — внушал он нам, — зачем говорить чужими словами, когда столько хороших своих есть».

И всегда замечал наши провинности в этом плане. Дисциплина на его занятиях была строгая. Лекции и заседания семинара никогда не пропускались. Опоздания с докладами, отсрочка их, перенос на другой срок разрешались только в самых исключительных случаях; никакой распушенности, несобранности Владимир Николаевич нам не спускал. И при всем этом не было границ его заботливости о нас, особенно если он видел у кого-либо из учеников повышенный интерес к какому-нибудь научному вопросу и проблески самостоятельной исследовательской мысли. Его огромная библиотека была всегда к нашим услу-

гам; совет, помощь, консультация в неуточное время — всем этим мы могли пользоваться очень широко. Но зато с тех, кому уделялось особое внимание, требовалась и повышенная отдача в виде качества докладов, ответов на экзаменах и выступлений. Конечно, не всегда и не все бывало у нас удачным; но Владимир Николаевич никогда нас не высмеивал, не задевал молодого самолюбия. Он умел так тактично и острожно сделать иной раз очень чувствительное замечание, так верно направить мысль ученика на нужный путь, что после его критики — строгой, но всегда корректной — ни у кого не оставалось обид: обычно только росло желание преодолеть свои неудачи и добиться нужного успеха. Это был очень взыскательный учитель и воспитатель, у которого мы проходили серьезную школу культуры труда.

Я потому так подробно останавливаюсь на педагогическом портрете Владимира Николаевича, что он был учителем еще более близкого нам педагога — Варвары Павловны. Нельзя говорить о ней, не сказав сначала о нем. Она переняла от Владимира Николаевича и те же научные требования к своим ученикам, и его педагогический такт, и бескорыстное доброе желание помочь нам всем, чем только могла.

В 1924 г., после окончания курса, некоторые из нас были оставлены при Институте для дальнейшей научной работы. Через несколько месяцев, в 1925 г., к четырем основным отделам Института прибавилась еще одна ячейка — «Комитет социологического изучения искусств», сокращенно — СОЦКОМ. Потребность в этом была выдвинута самой жизнью.

В СОЦКОМ устремилась наиболее живая и пытливая струя как старших, так и младших научных сотрудников Института. СОЦКОМ объединял их не по признаку профессиональной специальности: в его четырех секциях (общей теории и методологии, крестьянской, музейной и искусства Октября) музыковед работал над одной темой со словесником, театровед — с «изобразителем». И музейные материалы, и искусство Октября, и художественную культуру деревни можно было изучать одновременно по данным различных искусств; такое комплексное изучение давало особо полное представление об изучаемом объекте.

В секции крестьянского искусства СОЦКОМа, которую руководил архитектор-искусствовед проф. К. К. Романов, собрались словесники, музыковеды, театроведы и художники, интересовавшиеся проблемами народного творчества. На заседаниях секции решались организационные вопросы, читались доклады общего характера, обсуждались программы публичных выставок и т. п. Но, кроме того, члены этой секции объединялись еще и маленькими группами по линии своей прямой специальности и собирались внутри своего отдела. При ЛИТО была таким образом организована секция поэтического фольклора, которую возглавил Владимир Николаевич. Фактически его активнейшим заместителем и нашим непосредственным руководителем была Варвара Павловна. В те далекие времена, от которых нас отделяет сегодня почти столетия, никто еще не мог предвидеть, какова будет роль этой маленькой секции в общем развитии советской фольклористической работы. Сегодня, глядя в прошлое, мы видим все ее значение.

Секция поэтического фольклора собиралась со своими фольклорными словесными проблемами обычно на квартире Владимира Николаевича и Варвары Павловны. На заседаниях, кроме обоих руководителей, всегда бывали тогда еще начинавшие ученые — А. М. Астахова, В. Я. Пропп, А. И. Никифоров, И. В. Карнаухова и др. Нередко присутствовали председатель крестьянской секции проф. К. К. Романов и театровед В. Н. Всеволодский-Гернгросс, иногда — В. М. Жирмунский и Э. Г. Иогансон,

изучавшие фольклор немцев Поволжья, и другие товарищи — члены крестьянской секции.

Основная разница между учеными — «формалистами» и нами, работавшими в СОЦКОМе, заключалась в следующем. Школа В. Н. Перетца приучала нас исследовать фольклор как отражение живой народной жизни, со всей сложностью ее социальных противоречий и социальной борьбы; нашим принципом было искать в фольклоре, как и во всем народном искусстве, отголоски двух разных культур с различиями их идеологической и художественной специфики. Формальный анализ текста, конечно, не исключался, но он был лишь одним из необходимых компонентов в системе нашей работы, а никак не ведущим принципом. Вместе с тем наши руководители раскрывали перед нами теснейшие связи народной поэзии с этнографией. «Формалисты» на фольклор так не смотрели; но в крестьянской секции и в секции поэтического фольклора, школе В. Н. Перетца, его рассматривали именно так.

Теоретические положения требовали проверки на материале, преимущественно собранным собственными руками. Поэтому весь коллектив крестьянской секции с энтузиазмом встретил идею организации комплексных искусствоведческих экспедиций.

По мнению авторитетных ученых всех отделов Института, ехать следовало на Русский Север, где должно было наиболее наглядно сказаться воздействие новых общественно-политических и культурных влияний на традиционный быт деревни. Первая экспедиция была намечена на лето 1926 г. Мы должны были ехать в Заонежье. Дальше в наших перспективных планах стояли Пинега, Мезень, Печора...

Закипела работа по подготовке к поездке. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, Варвара Павловна отдалась этой подготовке с таким же горячим увлечением, как мы сами.

Все будущие участники словесной группы экспедиции заранее наметили себе рабочие темы: А. М. Астахова хотела собирать былины и заговоры, И. В. Карнаухова и А. И. Никифоров — сказки, я — обряды и песни.

Каждому из нас следовало серьезно ознакомиться и с литературой по Заонежскому краю, и с фольклором его, собранным до нас. Каждому была указана (а в основном — и выдана на руки из библиотеки Варвары Павловны) груда книг по выбранной теме. С каждым проводились индивидуальные консультации. И каждый из нас должен был после проработки своего материала сделать на заседании доклад — показать, насколько он подготовлен к поездке. Владимир Николаевич достал из своего рукописного архива записи песен, частушек, заговоров и других фольклорных жанров, собранные им в студенческие годы, и щедро раздарил их нам, чтобы мы на этих черновых полевых записях могли поучиться технике собирательской работы.

«Не гоняйтесь за одними „парадными“, крупными фольклорными произведениями, — внушал он нам, — наряду с былиной и маленькая загадка или пословица — тоже ценность для науки. Не идите по верхам, по эффектным выигрышным материалам, смотрите в глубину».

От Варвары Павловны мы слышали, конечно, то же самое. Она диктовала нам перечень всех тех дополнительных этнографических сведений, которые мы должны были привезти в подкрепление к своим фольклорным записям и без которых нам трудно было бы разрабатывать эти записи в дальнейшем. Сами мы тогда еще многого не умели предвидеть. Кажется, было предусмотрено все что можно; обо всем, вплоть до нашей личной экипировки, подумали наши заботливые руководители.

Экспедиция 1926 г., в силу нашей неопытности, конечно, не была начата безупречно. Но она действительно оказалась первой ласточкой и сразу поставила нас на рельсы самостоятельной собирательской и научно-исследовательской работы. Вернувшись, мы засели за наши первые фольклорные статьи — кто за былины, кто за сказки, кто за песни. Все эти работы, тщательно проредактированные негласным редактором Варварой Павловной и обсужденные в ее кабинете на заседаниях секции, вошли в первый выпуск институтского издания «Крестьянское искусство СССР», увидевшего свет к весне 1927 г. Этой же весной на большой выставке, посвященной 15-тилетию нашего Института, были представлены материалы Заонежской экспедиции — первой экспедиции ленинградцев, взявшей материал определенного района в едином комплексе, собравшей и разглядевшей искусство этого района со всех сторон одновременно. Вся подготовка наших «словесных» материалов к этой выставке шла под руководством Варвары Павловны.

После Заонежья действительно наступила очередь Пинеги, к экспедиции на которую Варвара Павловна также тщательно и заботливо готовила нас. Это было лето 1927 г. На следующий год в программу работ крестьянской секции была включена Мезень. За ней в туманной дымке будущего поднималась огромная, бурная, манящая своей неизведанностью Печора. Все эти стройно задуманные поездки осуществлялись год за годом, сменяя друг друга, обогащая нас опытом, наблюдениями, неизмеримой массой незабываемых впечатлений и творческих мечтаний. Экспедиции 1926—1929 гг. определили принципы и пути дальнейшей собирательской работы ленинградских фольклористов. Тут была заложена основа их научной работы на многие годы вперед.

Варвара Павловна поддерживала нас во всех наших творческих начинаниях. Она вместе с нами готовила второй выпуск «Крестьянского искусства СССР» со статьями об искусстве Пинеги и Мезени, вышедший в 1928 г. Перед нами начинали возникать очертания целого ряда еще не написанных статей и будущих книг — «Былины севера», «Сказки и предания Северного края», «Избранная лирика Карелии», «Песни Печоры», «Песенный фольклор Мезени» и др. Темы некоторых из них были подсказаны Варварой Павловной. Продуманные тщательно материалы ложились в основу кандидатских и докторских фольклорных диссертаций, в работе над которыми мы постепенно росли. Конечно, по поводу каждой диссертационной темы у нас шли с Варварой Павловной обстоятельные беседы — с ее указаниями, библиографической помощью, иногда даже со стилистическими исправлениями наших рукописей. Как памятно до сих пор каждому из нас крупные, своеобразно очерченные буквы постраничной правки, сделанные на полях ее рукой! При этом нам ничего не предписывалось, — нам только давали советы, нас наводили на мысли. Решали мы сами. Но наше доверие к этим исправлениям — всегда безупречно справедливым и обоснованным — было безграничным.

При подготовке фольклорной диссертации Варвара Павловна была всегда негласным консультантом, а иногда и официальным оппонентом на защите, представлявшим подробные отзывы — обычно доброжелательные, но всегда с замечаниями по существу и справедливой критикой. Кроме официального отзыва, каждый автор всегда получал от нее странички с замечаниями и советами, направленными к улучшению работы. Такую помощь молодым ученым мог подать специалист, не только обладающий большими профессиональными знаниями, но и искренно заинтересованный в росте кадров для будущего науки.

Как Владимир Николаевич, так и Варвара Павловна делали все, чтобы раздвинуть наш кругозор и дать нам дополнительно те знания, которых не давал по своей программе Институт. Так, например, нам не преподавались славянские языки, существенно необходимые фольклористу. Конечно, заниматься ими в секции поэтического фольклора с нами никто не мог. Но я помню, например, как Варвара Павловна — уже больная, по целым месяцам не выходявшая из дома, — отправляла меня в БАН с просьбой сделать выписку для ее собственной работы или проверить нужную ей цитату из болгарских, сербских или польских источников. Это были очень трудные для меня уроки. Но как можно было от них отказываться? Надо было добиваться. В другой раз Владимир Николаевич предлагал прорецензировать для печати ту или иную статью на белорусском или украинском языке. Опять надо было чего-то добиваться, догадываться, находить в словарях нужное слово. И хотя славянские языки по-настоящему таким способом, конечно, не могли быть изучены, но в результате подобных поручений мы получали первые навыки для работы с ними. Дальше надо было действовать самим. И мы работали: стыдно было не работать с такими учителями.

Нас воспитывали не только как специалистов-фольклористов, а еще и как ученых, для которых чувство долга перед наукой должно было быть выше личных эмоций. Я помню день заседания, на котором должен был слушаться ответственный доклад В. Н. Всеволодского-Гернгросса. В этот день Варвара Павловна получила известие о смерти отца. Но она провела заседание с полным самообладанием и до конца вечера ничем не обнаружила перед нами своих переживаний. Этот случай был не единственным, когда Варвара Павловна показала нам, что взятые на себя обязанности не должны нарушаться личными чувствами. Глядя на нее, каждый из нас проникался сознанием, что работа — самая благородная форма защиты от душевной слабости и упадка духа в трудные минуты. Она не думала поучать нас. Но урок получался сам собой — и оставался незабываемым.

После 1930 г. работа в Институте истории искусств была перестроена, крестьянская секция расформирована, а часть ее словесной группы перешла на работу в другие академические учреждения. Официальное руководство Владимира Николаевича и Варвары Павловны созданной ими школой ленинградских фольклористов кончилось. Но организованное ими дело уже пустило глубокие корни, и наш фольклорный коллектив продолжал свою творческую работу. Одна за другой выходили книги, задуманные нами в большом кабинете на улице Маяковского; одна за другой осуществлялись фольклорные экспедиции и командировки, построенные на принципах, воспринятых в секции поэтического фольклора. По-прежнему к Варваре Павловне мы несли и свои замыслы, и подготовленные к печати фольклорные статьи, и планы диссертаций. И на каждого из нас у нее хватало времени, терпения и участия. А ведь, кроме нас, фольклористов, были еще и «древники», и писатели, и литературоведы, и лингвисты, и историки. . . Все они шли к ней с тем же, с чем и мы. Поистине огромен был диапазон ее знаний, огромна была забота о советской науке и литературе, о кадрах, которым она всячески помогала продвигать вперед культуру нашей страны.

Мы отпраздновали их юбилей — сто лет со дня рождения Владимира Николаевича, восемьдесят лет со дня рождения Варвары Павловны. Сегодня они оба уже покинули нас. Но мы помним их — обоих вместе, — больших ученых, душевно богатых и щедрых людей, воспитывавших молодежь в лучших традициях русской науки, которые сами они берегли и развивали всю жизнь. Мы их ученики. И это обязывает ко многому.

Г. А. БЯЛЫЙ

Варвара Павловна Адрианова-Перетц

Варвару Павловну я впервые увидел в 1921 г. Я был тогда студентом первого курса Петроградского университета и участником методологического просеминара Владимира Николаевича Перетца. Варвара Павловна изредка приходила на занятия просеминара. Иной раз она просто слушала доклад, иной раз принимала участие в обсуждении. Ей было тогда тридцать три года, но она казалась моложе. В. П. была красива, в ее манере говорить, в походке, выражении лица чувствовалось веселое сдержанное оживление. Мы знали, что она — молодой профессор и жена нашего руководителя. Перед Владимиром Николаевичем мы благоговели, что не мешало нам порою отваживаться на спор с ним. Его, сурового и строгого наставника, нисколько не сердил наш полемический задор, он, видимо, даже любил эти небольшие схватки и отвечал на наши, разумеется не бог весть какие премудрые, замечания с полным уважением к собеседнику. Мы сразу поняли, что таков дух его школы, дух равноправия людей разных возрастов и поколений, разных степеней знания, объединенных общим делом науки. В особенности ясно почувствовали мы это в следующем году, когда перешли по приглашению руководителя из просеминария в его прославленный Семинарий русской филологии.

Семинарий работал на дому у Владимира Николаевича, старшие и младшие его ученики занимались на равных правах, читали доклады и участвовали в обсуждениях. Кроме Варвары Павловны, там были и другие ученые, уже составившие себе имя в науке, — С. Д. Балухатый, С. А. Щеглова, А. И. Никифоров, — и рядом с ними студенты второго и третьего курса, делавшие свои первые робкие шаги. Студенты — участники семинара — проходили специальный курс русского языка, сверх того, который уже был сдан в Университете по общей программе. К нашей радости, занятия вела с нами Варвара Павловна. Каждую среду за два часа до начала семинара мы являлись на квартиру Владимира Николаевича, нас встречала Варвара Павловна, и занятия начинались. Они были увлекательны и необычны. Твердой программы не было, содержание бесед было приближено к литературоведческим задачам Семинария и к индивидуальным темам, над которыми работали студенты. Никакой казенщины, никакого школярства, дух самостоятельности и творческой заинтересованности — таков был стиль этого своеобразного семинара в семинаре.

Варвара Павловна и в этом была верной ученицей своего учителя. Каждый участник семинара был для нее не просто студент, а человек с особыми, своими интересами, своим характером и своей судьбой. Ей важно было знать о каждом из нас все: каковы семейные обстоятельства,

материальное положение (а оно у всех было тогда не особенно блестящее), что кто читает, ходит ли в музей, в театр и т. д. В особенности ее почему-то интересовало, какое искусство после литературы нас больше привлекает — музыка, живопись, театр? Обычно она заканчивала эти расспросы таким как будто не идущим к делу замечанием: «Все это хорошо, но обязательно надо посещать научные заседания...». Это мы часто слышали и от Владимира Николаевича, только он был еще строже и внушал, что надо не только посещать заседания, но и не бояться принимать участие в обсуждении докладов, хотя бы докладчиком и был крупный ученый.

Вскоре мы поняли, что Варвара Павловна знает о каждом из нас больше, чем мы сами друг о друге. Как-то в отсутствие одного студента она рассказала нам, что он очень плох здоровьем и сильно бедствует. Как всегда сдержанно и мягко, но с явным волнением она сказала:

«Как же вы не догадываетесь помочь вашему товарищу! Давайте придумаем что-нибудь».

Мы переглянулись сконфуженные и удивленные: мы ничего не знали о его тяжком положении.

Меня Варвара Павловна спросила однажды, удастся ли мне покупать книги по специальности. Я об этом тогда и не думал.

«Старайтесь покупать, — сказала она. — На Александровском рынке на развале можно почти даром достать нужные книги. Вы живете рядом; заглядывайте, проходя мимо; вы и не заметите, как составитя библиотека, — хоть маленькая, да библиотечка. А чтобы положить ей начало, вот я возьму и подарю вам моего „Алексея человека божьего“».

Она протянула мне новенький экземпляр своей книги, я с радостью взял его, но то ли не догадался, то ли не решился попросить о дарственной надписи.

Следующий раз я получил книжный подарок от Варвары Павловны ровно сорок лет спустя. Это была подготовленная ею книга В. Н. Перетца «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков». К книге была приложена открытка с надписью на пишущей машинке (писать от руки Варвара Павловна тогда уже не могла): «Дорогой Григорий Абрамович, пусть эта книга напомнит Вам молодость и годы учения у нашего общего Учителя». Когда в письменном общении с участниками Семинария Варвара Павловна упоминала Владимира Николаевича, то называла его Учителем и слово это всегда писала с большой буквы.

Да, Семинарий русской филологии — это была наша молодость. Она прошла быстро, жизнь развела нас в разные стороны, но незримая связь сохранилась. После смерти Владимира Николаевича Варвара Павловна, естественно, стала центром содружества «перетцовцев». Бывало, мы по долгу с нею не встречались — по занятости, по болезни, но нить не порывалась, и Варвара Павловна радовала нас время от времени не приглашением навестить ее, то через кого-нибудь переданным устным приветом, то коротеньким праздничным поздравлением. При встрече всегда выяснялось, что Варвара Павловна все о вас знает, что она в курсе всех ваших дел, научных и личных, в особенности в курсе ваших успехов, с которых она с видимым удовольствием и начинала разговор.

Последний раз я был у Варвары Павловны 21 мая 1972 г., незадолго до ее смерти. Она собиралась встретиться со мной много раньше, в связи с заседанием, посвященным столетию со дня рождения В. Н. Перетца, на котором я должен был выступить с сообщением о Семинарии. Из-за ее тяжелой болезни встреча не состоялась, и увиделись мы только в этот навсегда памятный для меня день. Варвара Павловна была очень слаба,

но оживлена и даже весела, о болезни не было сказано ни слова. Она говорила о научных делах, о предстоящей в Пушкинском Доме защите А. М. Панченко, работу которого очень хвалила, и горячо советовала мне пойти на эту защиту. Но разговор все время возвращался к Семинарию В. Н. Перетца. Варвара Павловна вспоминала его участников, уже навсегда ушедших, вспоминала светло, без печали, с разными подробностями, порой забавными, порой трогательными. Речь шла с Сергеем Дмитриевичем Балухатом, который начал с древнерусской литературы, но прославился своими работами по Чехову и Горькому, об Игоре Петровиче Еремине, младшем ученике Владимира Николаевича, который пошел по пути своего учителя, став исследователем древнерусской и одновременно украинской литературы. Недаром Владимир Николаевич называл его «мой Вениамин». Вспоминала Варвара Павловна сослуживцев, которые поддерживали ее участливым отношением в трудные для нее времена.

Между прочим, она упомянула, что в жизни ее всегда особенно важным было 22-е число. В этот день случились разные большие события в ее жизни, в этот день был заключен ее брак с Владимиром Николаевичем. Его письмо, отправленное им в этот день 25 лет спустя, в год смерти, стало для нее дорогой реликвией. Остальная переписка погибла.

Когда я уходил, Варвара Павловна сказала: «Каких хороших людей мы вспомнили сегодня!».

В прихожей, прощаясь, она спросила с улыбкой: «Скажите, если бы вы встретили меня на улице, вы ведь не узнали бы меня?».

Меня удивил этот вопрос. Несмотря на ее слабость, несмотря на годы, меняющие всех людей, Варвара Павловна оставалась в моих глазах все такой же, какой я ее увидел полвека назад.

В заключение хочу привести одно из писем Варвары Павловны, особенно мне дорогое.

24 XI 69

Дорогой Григорий Абрамович!

Вчера наш сектор обсуждал программу своего расширенного заседания, которым будет отмечено столетие со дня рождения Владимира Николаевича. Ориентировочно это будет 4 февраля, — первая среда после 31 января — дня его рождения. ВСЕ, — включая и голос из Кисловодска Дмитрия Сергеевича «Лихачева», — просим Вас рассказать о годах Вашей и Игоря Петровича работы в семинаре. Вы единственный из этого последнего выпуска.

Пожалуйста, не откажите нам в этой просьбе, очень хочется услышать голос живого участника нашего семинара. Может быть, вспомните что-либо и о С. Д. Балухатом, А. И. Никифорове. Особенно ценно будет то, что касается Игоря Петровича. Ведь сейчас учит студентов его ученица.¹

Моя просьба — добавление к той официальной просьбе, какую от имени Дмитрия Сергеевича передаст Вам замещающий его на время его отпуска Лев Александрович Дмитриев. Ведь Владимир Николаевич очень любил «неразлучников», как называл он Вас и Игоря Петровича, своих младших питомцев.

С сердечным приветом

В. Адрианова-Перетц.

¹ Речь идет о Н. С. Демковой.

Д. М. МОЛДАВСКИЙ

Встречи с Варварой Павловной

... Фамилию «Адрианова-Перетц» я знал школьником, еще до того как поступил на филфак. Вероятно, слышал ее от какого-нибудь докладчика в Лектории на Литейном или в литературном кружке Дворца пионеров. С первого курса в семинаре у М. К. Азадовского работал по ее книгам. Но познакомился с Варварой Павловной уже после войны — не на лекции или докладе, а просто на лестнице дома по улице Маяковского — мы были соседями. . . Я бывал в квартире № 15, звонил по телефону. Мы переписывались, обменивались книгами и оттисками.

О В. П. Адриановой-Перетц как об ученом исследователе, руководителе молодежи рассказано немало.

Я сам писал о ней как о редакторе, превосходном, с изумительным чутьем к слову. А вот о ней как о читателе пока никто еще не говорил.

А читателем она была великолепным! Круг волнующих ее книг был необъятен. Но — и это характерная черта — это были хорошие книги. «Модные» сочинения, рукоделья, ремесленные поделки она, разумеется, разгадывала с первых страниц. . . Оценки ее были убийственны. . .

«Вы читали. . . ? — сколько раз слышал я от Варвары Павловны. . . Речь могла идти о новой повести в толстом журнале, об исследовании, об детективе (и о детективе тоже!), о статье, фельетоне. . .

Телевидение вновь включало Варвару Павловну в мир, из которого ее вытеснили годы и болезнь. Новости политические, общественные, литературные волновали Варвару Павловну до последних дней. И не раз я слышал от друзей моложе ее вдвое (а то и втрое): «Мне бы этот интерес к жизни, любви к ней!».

Я разворачиваю письма Варвары Павловны и снова и снова удивляюсь ее широте, мудрости, юмору. . .

Иногда юмор педагогичен: «Пишите на машинке, а то в редакции папиграфов нет, и устную заявку толком не поймут» (письмо от 21 января 1960 г.); иногда он служит для маскировки дурного самочувствия, нездоровья (вообще о своем здоровье Варвара Павловна писала не часто, а если и писала, то вперемежку с мыслями о работе): «Я пробую второй день переменить халат на более пристойную одежду, чтобы „поднять дух“ хотя бы внешним видом. Моя вегетативная система не дает о себе окончательно забыть, но я научилась быстрее обуздывать ее. . . А вообще эта тема не заслуживает разработки ни в одном стиле. . .» (письмо от 24 июня 1969 г.).

Даже уйдя из Пушкинского Дома, Варвара Павловна жила его делами и заботами.

Она была человеком на редкость справедливым и очень доброжелательным. Почти в каждом письме говорила о делах, открытиях и планах тех, в чей талант она верила. Больше всего она ненавидела бездарностей, притворяющихся учеными мужами, карьеристов.

О халтурной диссертации подобного рода «ученого» писала: «Я тоже не думала, что за столько лет работы он сберег в неприкосновенности свою глупость и примитивизм. . . — это позор» (открытка без даты, видимо, лето 1968 г.).

Ее всегда волновал человеческий облик ученого: «Мы ведь педагоги и свои идеи раздаем и письменно и устно. Если их подхватывают — радуемся, конечно если при этом продолжатели развивают их туда, куда следует. Но Вы правы: сейчас иные авторы уж очень впечатлительны и не прочь даже у младших товарищей подхватить без ссылки их мысли, выдавая потом за собственное изобретение. Но в печати такую впечатлительность доказать нельзя» (письмо от 31 августа 1971 г.).

Как известно, литературные вкусы очень многих людей зависят от коллективного вкуса окружающих; Варвара Павловна была из тех немногих, кто в этом вопросе тверды и непоколебимы: ее не пугало, что в чем-то ее взгляды «архаичны» или «не модны», — это для нее просто не существовало.

Много раз в разговоре речь шла о поэзии. Варвара Павловна следила за разными поэтами, иногда огорчалась их неудачами; восторгалась умелым, единственным в своем звучании словом. Любила говорить о влиянии на них древнерусской литературы, фольклора, позабытых речений.

Я послал ей вырезку со статьей Олджаса Сулейменова, хорошего казахского поэта, который пристально и с большой любовью изучал «Слово о полку Игореве». В письме было сказано: «Это, видимо, извлечение из статьи автора на ту же тему, которая уже печаталась. Если гипотеза относительно слова „харалужный“ еще может быть в числе других, то „кликом“ — мечами — фантазия. Ведь в „Словаре“ нет „кликами“, как он цитирует, а „кликом“. К тому же „кликнуть“ на поле битвы — обычный термин в летописи. О тюркизмах и половецких элементах в „Слове“ скоро выйдут две работы — у нас и в США. Конечно, это сильный довод в пользу древности памятника» (11 июля 1969 г.).

Но было бы ошибкой думать, что Варвара Павловна читала только «для работы». Неверно! Она была настоящим читателем — получающим от книги удовольствие. В открытке (лето 1968 г.): «Для отвлечения есть Конан-Дойль в новом издании и Аполлинер. . .».

Я послал Варваре Павловне цитату из зощенковских «Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова». Автора не указал. Мне померещилось, что в рассказе сохранен какой-то диалект. Ответ пришел скоро. В открытке, написанной в июле 1967 г., было сказано: «В присланном тексте нет ни одного диалектного слова! Есть очень свободное, а иногда и просто малограмотное обращение с общерусским словарем и синтаксисом (такой же как и не я — образец именно такой неграмотности). А в общем, — если стенографически записать свободную речь почти каждого, — и в ней будет много всяческих вольностей, и в сочетании слов и в синтаксисе. Так и должно быть. Но у Вашего героя есть и стремление говорить „возвышенно“: „очень я даже посторонний человек в жизни“. Но в этом есть что-то „свое“. Уж не Зощенко ли подслушал такую речь? Во всяком случае А. П. Евгеньева не зачислит ее в диалектную» (июль 1967 г.).

Единственная просьба, которая содержалась в письмах Варвары Павловны, — достать ту или иную книгу. В открытке без даты (1968 г.):

«Если у вас что-нибудь есть занятное, привезите, когда будете в наших краях».

И так много раз — все о том же — о книгах. «Недавно получила от одного из корреспондентов чудесный альбом — „Старая болгарская живопись“, с репродукциями тех самых фресок и икон, которые понравились Вам и в Боянской церкви, и в Рыльском монастыре. Приеду — оцените» (письмо от 18 августа — видимо, 1970 г.). Походя, ценнейшие сведения: «Олень с крестом есть и в византийской легенде о св. Евстафии Плакиде, которую тоже знали на Западе» (17 июня 1962 г.). Это, кажется, в связи с моим письмом, где я искал лубочную параллель к одной армитажной картине.

В письме от 18 августа 1959 г.: «Я вообще, потеряв способность сама путешествовать, с особым интересом читаю всякие путевые очерки». Там же: «Недавно читала заметки Солоухина (мне этот автор начинает все более нравиться...)

Каждый раз, приезжая из той или иной поездки, я делал альбом, где соединял фотографии, зарисовки, «документы» (вроде пропусков, билетов, проспектов и пр.), снабдив все это подписями. И первым делом тащил свой труд к Варваре Павловне.

Она усаживалась в свое старое, желтое, с расслаивавшейся кожей кресло и брала в руки альбом. Я отходил в сторону и просматривал какие-нибудь оттиски. Варвара Павловна читала не спеша, рассматривала фотографии, улыбалась и выносила приговор: «Очень хорошо, как будто сама побывала там». Или: «Повторяетесь, повторяетесь, Дмитрий Мироныч!».

Варвара Павловна работала до последних дней. Незадолго до смерти она написала рецензию на мою книжку «Перекресток стихов и трасс» (Л., 1972). Как всегда, ее отзыв выходил за пределы обычных рецензий, ставя новые вопросы, новые проблемы.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Я. С. ЛУРЬЕ

Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в.

I

Изучение летописания XIV в. связано с рядом трудностей. Если своды XV в. дошли до нас в современных или близких по времени списках, то от XIV в. сохранились только две летописи. Из них одна местная: Новгородская I летопись старшего извода (Синодальный список XIII—XIV вв.) и одна общерусская — Лаврентьевская летопись. Но Лаврентьевская летопись доведена только до 1305 г. и охватывает лишь первые годы XIV в. Может ли она быть привлечена для изучения политической истории и истории общественной мысли XIV в.?

Лаврентьевская летопись¹ редко рассматривалась с этой точки зрения. Вплоть до конца XIX в. исследователей интересовала прежде всего и главным образом первая часть этой летописи — содержащийся в ней текст Повести временных лет (или «летописи Нестора», как ее обычно именовали). Исследователи сравнивали текст «Нестора» в Лаврентьевской с аналогичным текстом в южнорусской Ипатьевской (дошедшей в списке XV в., но завершающейся концом XIII в.) и других летописях и пришли к справедливому заключению, что текст «Повести» Лаврентьевской летописи не может считаться оригиналом «Повести» в остальных.² Первой работой, посвященной Лаврентьевской летописи в целом, была статья И. А. Тихомирова. Статья эта — один из наиболее добросовестных образцов характерного для исследователей XIX в. метода «расшивки» летописных сводов на отдельные источники. Рассмотрение Лаврентьевской летописи последовательно проводилось здесь «сверху вниз» — в обычном хронологическом порядке; весь текст расслаивался на «отдельные сказания» и «погодные заметки». На основании содержания отдельных сказаний и заметок автор заключал, что они составлены во Владимире, Ростове, в Рязани и т. д.³ Подводя итог своему исследованию, И. А. Ти-

¹ Первое ее незаконченное издание с разночтениями по Троицкой летописи было доведено до 906 г. и прервано в 1811 г. (Летопись Несторова, по списку инок Лаврентия, издавали профессор Х. Чеботарев и Н. Черепанов с 1804 по 1811 г. — М., б. г.); другое издание, Р. Ф. Тимковского, было также прервано (на 1020 г.); см.: Летопись Нестора по древнейшему списку монаха Лаврентия. Изд. ОИДР, М., 1824. Первое полное издание: ПСРЛ, т. I, изд. 1-е, СПб., 1846 (2-е изд.: Л., 1926—1928; фототипическое воспроизведение — М., 1961). Вне ПСРЛ — издание А. Ф. Бычкова: Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872 (переизд. — СПб., 1897).

² И. Д. Беляев. Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1169 г. — ВОИДР, кн. 2, 1849, отд. 1, стр. 1—26; Н. Н. Янин. Новгородская летопись и ее московские переделки. — ЧОИДР, 1871, кн. 2, стр. (3—5) (отд. изд. — М., 1874).

³ И. А. Тихомиров. О Лаврентьевской летописи. — ЖМНП, 1884, ч. ССХХV, № 10, отд. 2, стр. 240—269.

хомиров писал, что в Лаврентьевский свод, «кроме Повести временных лет и южнорусских летописей, вошли известия, записывавшиеся сначала по преимуществу во Владимире (до смерти Всеволода III), а потом в Ростове, Суздале и Твери; есть также несколько известий костромских и ярославских, переяславских и рязанских».⁴

Именно разбор исследования И. А. Тихомирова о Лаврентьевской летописи (включенного в его «Обзрение летописных сводов Руси Северо-Восточной», представленное на соискание Уваровской премии) побудил А. А. Шахматова высказать важнейшее для его научного метода положение о необходимости сравнения между собой дошедших до нас летописей для установления «более древних сводов, лежащих в их основании». Вслед за своими предшественниками И. А. Тихомиров признал, что в состав Лаврентьевской летописи вошел, между прочим, более древний свод — Повесть временных лет; очевидно, и последующие источники Лаврентьевской представляли собой своды, последовательно сменявшие друг друга. А. А. Шахматов, естественно, спрашивал поэтому И. А. Тихомирова, «почему же он не попытался определить эти следовавшие друг за другом своды, почему не размотал сложного клубка, составившегося окончательно в XIV веке, ограничившись указанием на то, что клубок состоит из ниток разного цвета, разной доброты?». Исследователь указал и путь к такому «разматыванию клубка»: сравнение Лаврентьевской летописи с Радзивилловской (дошедшей в лицевом списке XV в., но доведенной до начала XIII в.) и близкими к ней летописями обнаруживало существование их общего источника — Владимирского свода начала XIII в.⁵ В другом месте той же статьи А. А. Шахматов отмечал еще один пробел в работе И. А. Тихомирова — полное игнорирование среди московских летописных сводов такого, как «Троицкий пергаменный начала XV в., ныне утраченный, но довольно хорошо известный по выпискам из него в Истории государства Российского Карамзина».⁶

В последующие годы А. А. Шахматов в значительной степени осуществил намеченную им программу сравнительно-текстологического изучения Лаврентьевской и близких к ней летописей. Предложенная им схема происхождения этих памятников изменялась и усложнялась по мере нахождения и привлечения нового летописного материала, однако уже в ранних своих статьях ученый пытался ответить на вопрос — что представлял собой в целом свод начала XIV в., лежащий в основе Лаврентьевской летописи. Большое значение при решении этой проблемы исследователь придавал отдельным совпадениям Лаврентьевской летописи с летописями иного происхождения — например, с Новгородской I (Синодальный список). «Восстановленный, путем изучения Лаврентьевской летописи и сравнения ее с Новгородской 1-й, общерусский свод 1305 г. был составлен несомненно во Владимире, что явствует из обилия в нем известий о событиях Руси Северо-Восточной, но он пользовался и южнорусскою, и новгородскою, и тверскою, и другими летописями», — писал А. А. Шахматов. «А это обстоятельство наводит на мысль, что составителем его был митрополит, и всего вероятнее — митрополит Петр».⁷

⁴ Там же, стр. 270.

⁵ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзрение летописных сводов Руси Северо-Восточной» (Отчет о 40-м присуждении награды г. Уварова). — Записки АН по историко-филологическому отделению, т. IV, № 2, стр. 3—8 (отдельный отиск — СПб., 1899).

⁶ Там же, стр. 20.

⁷ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, ч. СССXXXII, № 11, отд. 2, стр. 149—151.

А. А. Шахматов предложил и условное название для этого гипотетического свода митрополита Петра: он назвал его (по аналогии с другим гипотетическим митрополичьим сводом начала XV в. Полихроном 1423 г.)⁸ Полихроном начала XIV в. К Полихрону начала XIV в. А. А. Шахматов возводил не только текст Лаврентьевской и некоторые известия Новгородской I⁹ летописей, но также и ряд известий Ипатьевской¹⁰ и, предположительно, основной текст Троицкой летописи (до начала XIV в.).¹¹

Предположение о существовании Полихрона — общерусского свода начала XIV в., не дошедшего до нас и лишь частично (главным образом во второй части — с XIII в.) переданного Лаврентьевской летописью,¹² побуждало А. А. Шахматова с крайней осторожностью и колебаниями решать вопрос о характере реальных текстов Лаврентьевской и Троицкой летописей. Он писал в связи с этим, что Лаврентьевская летопись была в 1377 г. «составлена или только переписана с готового оригинала», доведенного до 1305 г.;¹³ отмечая полное сходство, почти тождественность текстов Троицкой до 1305 г. и Лаврентьевской летописей, он склонен был, однако, считать, что Троицкая испытала влияние и Полихрона начала XIV в., и самой Лаврентьевской летописи (в списке 1377 г. или в его оригинале).¹⁴

Другие наблюдения А. А. Шахматова делали текстологическую схему происхождения Лаврентьевской и Троицкой летописей еще более сложной. Уже в своих первых работах по летописанию он обратил внимание на близость Лаврентьевской к Радзивиловской и сходным с нею летописям (Московско-Академический список, Летописец Переяславля Суздальского). Но летописный свод, лежащий в основе Радзивиловской и сходных летописей, доходил до 1206—1214 гг. и был составлен, очевидно, в Переяславле Суздальском в начале XIII в. Сопоставление текста Лаврентьевской летописи (и Троицкой) с текстом Переяславского свода начала XIII в. обнаруживало, что в Лаврентьевской сохранилась более ранняя редакция владимирского летописания. А. А. Шахматов полагал поэтому, что в первой части Лаврентьевской и Троицкой летописей отразился Владимирский свод 1185 г., а в Радзивиловской (и сходных с нею) — несколько более поздний Владимирский свод 1212 г.¹⁵ Ясно во всяком случае, что текст Радзивиловской летописи восходить к Полихрону начала XIV в. не мог. Именно поэтому А. А. Шахматов возводил к Полихрону начала XIV в. только те известия Лаврентьевской и Троицкой летописей до начала XIII в., которые совпадали с Ипатьевской, но не обнаруживались в Радзивиловской. Но таких совпадений оказывалось весьма немного: речь шла в сущности только о двух известиях (об обнов-

⁸ Ср.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938 (далее: Шахматов. Обзорение), стр. 133—150.

⁹ А. А. Шахматов. 1) Исследование о Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи. — В кн.: Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись, ч. CXVIII, т. II. СПб., изд. ОЛДП, 1907, стр. 56—57; 2) Обзорение, стр. 12—13, 15, 18—20, 130—131; 3) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 245—246.

¹⁰ А. А. Шахматов. 1) Исследование о Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи, стр. 56; 2) Обзорение, стр. 76—77.

¹¹ Шахматов. Обзорение, стр. 39.

¹² Ср. статью А. А. Шахматова «Летописи» в кн.: Шахматов. Обзорение, стр. 365.

¹³ А. А. Шахматов. 1) Обзорение, стр. 9, 37; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 247, прим. 2; 3) Повесть временных лет, т. 1. Пгр., 1916.

¹⁴ Шахматов. Обзорение, стр. 38—39 и 366.

¹⁵ Шахматов. Обзорение, стр. 11—12 и 51—55.

лении храмов во Владимире и Суздале) в 6701 (1194) г. (в Ипатьевской 6700 г.).¹⁶

Сопоставление Лаврентьевской, Троицкой и Ипатьевской летописей также не подкрепляло, а скорее усложняло гипотезу о Полихроне начала XIV в. Большинство известий, сходных с известиями в Лаврентьевской, Троицкой и Ипатьевской (и в Ипатьевском, и в остальных списках — Хлебниковском и др.) летописях, обнаруживается в Радзивилловской (Переяславском своде начала XIII в.) и, следовательно, восходит не к Полихрону XIV в., а к более ранним источникам. Характер взаимоотношений текстов Лаврентьевской, Радзивилловской, Ипатьевской и сходных летописей дает основание заключить, что уже в летописании XII—XIII вв. существовали по крайней мере две линии взаимных влияний: владимирское летописание опиралось на южнорусские своды XII в., а киевско-галицкое — на северные (владимирские) своды XII или даже начала XIII в.¹⁷

Но сохраняется ли в таком случае необходимость в предположении о Полихроне начала XIV в. как об общем источнике Лаврентьевской, Троицкой, Ипатьевской и других летописей?

Обоснованные сомнения в существовании Полихрона начала XIV в. — митрополичьего свода, лежащего в основе Лаврентьевской и других летописей, — были высказаны уже в 1922—1924 гг. М. Д. Приселковым. Приселков прежде всего обратил внимание на заключительную часть свода 1305 г., читающегося в Лаврентьевской летописи, — как и всякая заключительная часть свода, она лучше всего характеризует его общий характер. Перед нами явно не митрополичий свод: о переезде самого митрополита в Северо-Восточную Русь в 6808 г. здесь сообщено в такой форме, которая совершенно не подобает его летописцу — «Оставя митрополю и збежа ис Киева» (между тем русские митрополиты настаивали на том, что отъезд на север — не оставление митрополии); совершенно отсутствуют известия о южной части диоцезы митрополитов Петра и Максима (киевской и галицко-волинской); неточно указана дата смерти митрополита Максима, с которым должен был бы быть связан такой свод.¹⁸ В центре внимания летописца не митрополия, а великокняжеская власть, причем начиная с 1285 г. в тексте Лаврентьевской летописи преобладают тверские известия — обстоятельство, которое становится понятным, если учесть, что с 1305 г., которым заканчивается Лаврентьевская летопись, великим князем Владимирским стал Михаил Ярославич Тверской и фактический центр Северо-Восточной Руси переместился в Тверь.¹⁹

Убедительно отверг М. Д. Приселков и текстологические аргументы в пользу существования Полихрона начала XIV в. Относительно неболь-

¹⁶ А. А. Шахматов. 1) Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи, стр. 43—44 и 57; 2) Обзорение, стр. 12—13, 61—62. А. А. Шахматов отмечал еще упоминание в Радзивилловской (Переяславском своде) места строительства храма в 6665 (1157) г. — в Переяслави в Новем, отсутствующее в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, и ряд чтений в Повести временных лет, сближающих Радзивилловскую летопись с Новгородской I. Но эти особенности могут рассматриваться как дополнения и исправления в Переяславском своде, а не как отличия от особого источника Лаврентьевской—Ипатьевской (ср. стр. 54). Следует отметить также, что А. А. Шахматов допускал возможность влияния на Радзивилловскую летопись наряду со сводом начала XIII в. и самой Лаврентьевской летописи (списка 1377 г.). Ср.: А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи, стр. 57—58.

¹⁷ Шахматов. Обзорение, стр. 18, 53, 74—75.

¹⁸ М. Д. Приселков. Летописание XIV в. — Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 36—37.

¹⁹ М. Д. Приселков. 1) «Летописецъ» 1305 г. — В сб. «Века», 1, Пгр., 1924, стр. 30—35; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940 (далее: Приселков. История), стр. 106, 109—110.

шие отличия Радзивиловской и близких к ней летописей от Лаврентьевской и Ипатьевской — отсутствие известий 6701 г., — естественно, могли быть объяснены тем, что составитель свода 1212 г., лежащего в основе Радзивиловской (свода Переяславля Северного), выпустил эти известия, как и другие записи, связанные с враждебным Всеволоду Большое Гнездо епископом Иваном, а в Лаврентьевской и других летописях они сохранились (из более раннего свода 1185 г.).²⁰ Кроме того, предположение о зависимости Ипатьевской летописи от Полихрона начала XIV в. противоречило тому обстоятельству, что текст Ипатьевской летописи заканчивается 1292 (6800) г. и, очевидно, оригинал ее составлен в конце XIII в., — было бы странно, если бы в качестве одного из источников этого оригинала был использован более поздний по времени Полихрон начала XIV в.²¹

Характеризуя Лаврентьевскую летопись и ее оригинал — свод 1305 г., — М. Д. Приселков имел возможность широко и на всем протяжении сопоставить ее с реконструированной им Троицкой летописью.²² Это сопоставление дало исследователю основание отвергнуть предположение, что Троицкая летопись до 1305 г. восходит к двум разным источникам — Полихрону начала XIV в. и Лаврентьевской летописи. Сводчик начала XV в. (1408 г.) внес в текст Троицкой летописи до 1305 г. небольшие дополнения, но в целом свод 1305 г., читающийся в Лаврентьевской летописи, оказался переданным в Троицкой чрезвычайно полно и на всем протяжении.²³ Этим и определялась основная характеристика Лаврентьевской и Троицкой летописей, данная М. Д. Приселковым. Лаврентьевская летопись (список 1377 г.) есть «простая копия, старательное, но не всегда удачное воспроизведение «очень ветхого экземпляра свода 1305 г.». Тот же самый свод 1305 г. был положен и в основу Троицкой летописи начала XV в. (свода 1408 г.).²⁴

Выводы М. Д. Приселкова относительно Лаврентьевской и Троицкой летописей были в основном приняты в научной литературе последующего времени. Некоторые возражения по частным вопросам были высказаны В. Л. Комаровичем в его незавершенных, к сожалению, работах на эту тему. В. Л. Комарович считал, что, создавая список 1377 г., Лаврентий отошел от своего оригинала по крайней мере в одном случае — в рассказе о нашествии татар в 1239—1240 гг. Первоначальная версия рассказа о нашествии Батыея сохранилась, по мнению В. Л. Комаровича, в Троицкой летописи, текст которой был передан Воскресенской летописью

²⁰ М. Д. Приселков. 1) Лаврентьевская летопись (история текста). — Ученые записки ЛГУ, № 32, серия исторических наук, вып. 2, 1939, стр. 118—121; 2) История, стр. 60—61, 83—85. Дополнительного рассмотрения требуют еще отмеченные А. А. Шахматовым отличия Радзивиловской летописи от Лаврентьевской и Ипатьевской в Повести временных лет (см. выше, прим. 16). М. Д. Приселков объяснил ряд своеобразных чтений этой части Радзивиловской летописи сознательным подновлением языка, предпринятым составителем свода 1212 г.; следовало бы также проверить, не объясняются ли совпадения Радзивиловской и Новгородской I (там, где они противостоят Лаврентьевской и Ипатьевской) сближением протографа Радзивиловской летописи с новгородским летописцем (или какой-либо версией Начального свода).

²¹ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста), стр. 81—82.

²² Текст этой реконструкции был издан после смерти ученого: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950.

²³ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — Ученые записки ЛГУ им. Герцена, т. XIX, 1939, стр. 192 и 195. См. ниже, стр. 59—60.

²⁴ М. Д. Приселков. 1) Летописание XIV в., стр. 28—29, 38—39; 2) Лаврентьевская летопись (история текста), стр. 142; 3) История, стр. 108—109.

(Московским сводом конца XV в.),²⁵ отличия Лаврентьевской летописи от этого текста В. Л. Комарович считал «авторским вкладом» Лаврентия.

Аргументация В. Л. Комаровича была убедительно опровергнута А. Н. Насоновым. А. Н. Насонов отметил, что у нас нет никаких оснований предполагать, что текст Лаврентьевской за 1239—1240 гг. чем-либо отличался от Троицкой летописи. В Воскресенской летописи содержится под этими годами не древнейший рассказ, а довольно поздняя компиляция из нескольких рассказов, восходящих (через Московский свод 1479 г.) к Софийской I летописи («своду 1448 г.»). В Троицкой же летописи, судя по цитатам Н. М. Карамзина, читался тот же рассказ, что и в своде 1305 г. (Лаврентьевский).²⁶ «Вопрос о том, что представлял собой оригинал Лаврентия, или свод 1305 г., правильно в общем виде разрешен М. Д. Приселковым», — писал А. Н. Насонов; список 1377 г. есть «копия, сделанная Лаврентием с великокняжеского свода 1305 г., которую мы условно называем Лаврентьевской летописью»; Троицкая летопись до 1305 г. отражала не эту копию, а «оригинал Лаврентия, т. е. свод 1305 г.»²⁷

Новая попытка пересмотреть характеристику Лаврентьевской летописи, данную М. Д. Приселковым и А. Н. Насоновым, была предпринята недавно Г. М. Прохоровым. Г. М. Прохоров, как и В. Л. Комарович, попытался обнаружить в Лаврентьевской летописи «авторский вклад» Лаврентия и других писцов, но уже не путем сравнения летописных текстов, а с помощью кодикологического исследования рукописи и внутреннего анализа повести о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. Г. М. Прохоров внимательно проанализировал смену почерков, порядок расположения и разлиновки пергаменных листов и тетрадей в Лаврентьевском списке. Вслед за В. Ф. Карским и А. Н. Насоновым он пришел к выводу, что над рукописью работали три человека; вторым писцом, которому принадлежала большая часть рукописи, начиная с л. 40 об. и кончая припиской на л. 172 об. — 173, был, по заключению Г. М. Прохорова, сам Лаврентий. Как и его предшественники, Г. М. Прохоров обратил особое внимание на лл. 157, 167 и 161, не дописанные до конца, и на весь текст за 6731—6764 (1223—1256) гг. на лл. 153—167. По его мнению, лл. 153—164 (включающие рассказ о татарском нашествии) заменялись и передельвались по ходу работы и, по-видимому, неоднократно; текст лл. 157, 167 и часть текста на л. 161 приписал какой-то «главный» редактор, вероятнее всего — сам епископ Дионисий Суздальский, поручивший работу по переписке Лаврентию.²⁸

В другой своей работе Г. М. Прохоров обратился к содержанию рассказа о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. Считая, что его кодикологические наблюдения над списком Лаврентия уже доказали, что «повесть Лаврентьевской — произведение в какой-то мере писцов 1377 г.», автор, вслед за В. Л. Комаровичем, отметил «большую насыщенность повести о Батыевой рати заимствованиями из предшествующей части летописи», «процент» которых необычен даже для летописных рассказов,

²⁵ В. Л. Комарович. Древнерусское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. — Архив ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 388, стр. 180 (машинопись). Ср. главу В. Л. Комаровича «Литература Суздальско-Нижегородской земли XIV в.» в кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 90.

²⁶ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969 (далее: Насонов. История), стр. 180—184.

²⁷ Насонов. История, стр. 180, 191, 201.

²⁸ Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. IV. Л., 1972, стр. 83—104.

и недостаток подлинных реалий. Г. М. Прохоров полагает, что «активная антитатарская тенденция» рассказа о Батыевом нашествии, как и весь «общерусский» характер Лаврентьевской летописи, не соответствует исторической обстановке конца XIII—начала XIV в., что особенности эти могли появиться только в обстановке «могучего объединительного течения на Руси». Такое «объединительное течение» возникло именно в 70-х годах XIV в., и одним из центров его было великое княжество Суздальско-Нижегородское, совершившее в 1376—1377 гг. «первый — первый со времени завоевания Руси! — поход русских на татар». Таким образом, рассказ о татарском нашествии, а вместе с нею и вся Лаврентьевская летопись в ее окончательном виде — памятник последней четверти XIV в.²⁹

Но такой вывод вызывает ряд серьезных вопросов, уже встававших перед исследователями. Если Лаврентьевская летопись была памятником, созданным в 1377 г. для великого князя Суздальско-Нижегородского в обстановке «мощного объединительного течения на Руси», то почему же эта летопись не включала материала истории XIV в. и, в частности, материала, относящегося к Суздальско-Нижегородскому княжеству и его столкновениям с татарами? Г. М. Прохоров объясняет это тем, что составители Лаврентьевской летописи очень торопились и «оборвать летописное повествование на 1304 г. они могли просто потому, что у них уже не было времени писать дальше, а не только потому, что здесь кончался протограф Лаврентия, как убежден был М. Д. Приселков».³⁰ Такое объяснение представляется неубедительным. Несомненно, что рассказ о событиях последнего столетия и особенно материал, относящийся к Суздальско-Нижегородскому княжеству, был наиболее важен и актуален для летописца конца XIV в., — странно было бы, если бы он не включил его только по недостатку времени.

Другой естественный вопрос, встающий при рассмотрении этого построения, — вопрос о взаимоотношениях Лаврентьевской и Троицкой (свода 1408 г.) летописей. Принимая вывод В. Л. Комаровича о творческой работе Лаврентия и других создателей списка 1377 г., Г. М. Прохоров идет к этому выводу иным, в сущности прямо противоположным, путем. В. Л. Комарович видел доказательство авторства Лаврентия в отличиях рассказа о нашествии Батыя Лаврентьевской летописи от рассказа Троицкой (который он восстанавливал по Воскресенской и отождествлял с рассказом свода 1305 г.); Г. М. Прохоров признает, вслед за М. Д. Приселковым, идентичность рассказов 1237—1240 гг. в обеих летописях. Но как совместить такое соотношение текстов с предположением о том, что рассказ о татарском нашествии был составлен или существенно переработан создателем Лаврентьевской рукописи 1377 г.? «Сделаем неизбежный вывод: эта повесть попала в Троицкую летопись из Лаврентьевской (а не из «свода 1305 г.»), т. е. одним из источников Троицкой была Лаврентьевская летопись (рукопись 1377 г. или более поздние — но не более ранние! — списки)», — пишет Г. М. Прохоров.³¹

²⁹ Г. М. Прохоров. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. — ТОДРЛ, т. XXVIII, Л., 1974, стр. 77 и 93. Вывод о принадлежности Лаврентию рассказа о монгольском нашествии был принят как доказанное положение и некоторыми другими авторами (ср.: Л. Н. Гумилев. Нужна ли география гуманитарам? — Сб. «Славяно-русская этнография», Л., 1973, стр. 96—97).

³⁰ Г. М. Прохоров. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи, стр. 96.

³¹ Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 103—104.

Но такое решение вопроса, действительно неизбежно возникающее из предположения о создании известного нам текста повести о Батыевом нашествии в 1377 г., весьма ответственно и требует от исследователя серьезного обоснования. Зависимость Троицкой летописи (а вслед за ней и почти всего общерусского летописания последующего времени) не от свода 1305 г., а от списка 1377 г. не может быть доказана только на основе кодикологического исследования Лаврентьевского списка и анализа рассказа 1237—1240 гг. Здесь необходимо развернутое текстологическое доказательство.

II

Кодикологический анализ (исследование одной рукописи без сравнения с другими) очень редко позволяет обнаружить черты творческой работы редактора-летописца, отличающей его от простого переписчика. К числу немногочисленных примеров такой творческой работы над рукописью принадлежат в первую очередь знаменитые приписки на последних томах Лицевого свода XVI в., где совершенно ясна работа редактора (зачеркивание, переделка текста, вставка новых по смыслу и тенденции мест) и где дополнения и переделки одной рукописи (Синодального списка) вошли в основной текст другой (Царственная книга).³²

Но черты подобной творческой работы обнаруживаются только в таких рукописях, которые имеют (хотя бы в отдельных, оригинальных, частях текста) заведомо «черновой» характер, — речь идет о переделках, которые делаются сознательно тем, кто пишет рукопись, и заметны для того, кто ее читает (или переписывает). Никаких черт творческой, «черновой», работы мы в Лаврентьевском списке 1377 г. не находим. Напротив, очень важные наблюдения М. Д. Приселкова, никем из его преемников не отвергнутые, показывают, что перед нами работа переписчиков, не всегда умелых, но очень старавшихся как можно точнее передать свой оригинал. Так, в основной части рукописи, переписанной, очевидно, самим Лаврентием, под 6732 г., после слов «посла великий князь Гюрги брата своего Володимира и сыновца своего Всеволода Константиновича с полкы» (л. 154), сделан пробел в полторы строки, указывающий, очевидно, на то, что переписчик не разобрал текста оригинала (куда именно послал Юрий Владимира и Всеволода) и не решился его ничем заменить, предпочтя оставить пустое место. Под 6756 г. сообщается, что князь Михаил был похоронен «на память святаго имярек» (165 об.). Под 6764 г. сообщено, что приехали не названные по имени «князи на Городец да в Новъгород» (л. 166 об.). При описании надругательства татарского темника над убитыми боярами, помещенном в не имеющей начала статье 6791 г., сказано, что «трупья» «вставиша в сани чернысерусину» — последнее слово (или два слова), непонятное, очевидно, самому переписчику, отмечено в начале и в конце точками.³³ Совершенно такое же отношение к оригиналу обнаружили переписчики рукописи 1377 г. и в более ранних разделах своего труда. Явной ошибкой переписчика было, например, помещение Поучения Владимира Мономаха и всего комплекса его сочинений внутри рассказа 6604 (1096) г. о происхождении половцев от народов, «заклепанных» Александром Македонским (лл. 78—85). Независимо от того, считать ли, что сочинения Мономаха были отдельной внелетописной частью «ветшаной» книги, оторвавшейся от на-

³² Ср.: Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — Исторические записки, кн. 23, М., 1947, стр. 251—252, 262.

³³ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, стр. 195.

чала и случайно вложенной между листами рассказа 6604 г., как думал М. Д. Приселков,³⁴ или видеть в них органическую часть оригинала Лаврентьевской летописи, перемещая их в конец 6604 г., как сделал еще А. Ф. Бычков (а вслед за ним и В. Ф. Карский),³⁵ несомненно одно: в списке 1377 г. этот рассказ был помещен под 6604 г. не на своем месте вследствие какого-то дефекта в оригинале.

Но такое отношение к оригиналу и такие ошибки говорят как раз против представления о «смелом своеобразии» работы Лаврентия. Оригинальный писатель, составлявший остро публицистический рассказ о нашествии татар, едва ли мог так формально относиться к остальной части своего повествования и едва ли мог бы, например, определять (да еще в летописи, написанной при прямом участии епископа Дионисия Суздальского) дату княжеских похорон как день памяти «святаго имярек».

Для того чтобы установить место Лаврентьевского кодекса 1377 г. в истории летописания и его отношение к своду 1408 г., следует сравнить его с Троицкой летописью и в разделе за 1237—1240 гг. (стр. 59), и на более широком протяжении. Убедительные данные для решения этого вопроса дает сравнение обеих летописей в пределах начальной части Троицкой, которая известна нам не по реконструкции, а на основании издания Лаврентьевской летописи начала XIX в. (Чеботарева и Черепанова). В этом издании текст Троицкой (еще до пожара 1812 г.) был привлечен для подведения различий. Различия эти обнаруживают, что при всей редакционной близости Троицкой (в различиях — Тр.) к тексту Лаврентьевской (в различиях — Лавр.) летописи (вследствие которой эта редакция противостоит Радзивилловской и Московско-Академическому списку — в различиях Р и А) текст Троицкой летописи не повторяет ряда индивидуальных чтений и пропусков Лаврентьевского списка. Так, если в первом рассказе Повести временных лет о разделении земель между сыновьями Ноя Лавр. пропускает при перечислении жребия Сима наименования «Никорурия» и «Аравия Силная, Колия, Комагини, Финикия вся», а «Мидия» искажает в «Индия», «Месопотамия» — в «Мисопотамира», то в Тр., как и в РА, всех этих пропусков и искажений не оказывается. При перечислении жребия Хама в Тр., как и в РА, читается «полуденная часть» (в Лавр. — «полуденная страна»), при перечислении жребия Афета — «Галатия, Колхис» (в Лавр. — «Галат, Влехис»). В рассказе о полянах в Тр. читается, как и в РА, — «и живяху в мире поляне»; в Лавр. — «иже бяху...»; в Тр. — «дулеби живяху по Бугу» (так и в РА), в Лавр. — «по бѹ (богу)». Рассказ о призвании варягов не имеет в Лавр. особой даты и примыкает к предшествующему 6369 г.; в Тр., как и в РА, он помещен под 6370 г.; вместо испорченного «тии звахуся варяги суть» (Лавр.), в Тр., как и в РА, читается: «сице бо ся зваху ти варязи Русью». В рассказе 6406 г. о Кирилле и Мефодии в Лавр. пропущено упоминание о том, что «всташа неции на ня, ропшюще»; в Тр. оно читается (в РА: «неции же начаша хулити словеньския книги»). Такие расхождения между Тр. и Лавр.

³⁴ Там же, стр. 187—188. Ср.: Шахматов. Обзорение, стр. 22—24.

³⁵ Эта перестановка текста была впервые произведена в издании 1872 г.; в издании 1846 г. ее не было (ср. выше, прим. 1). Д. С. Лихачев считает, что сочинения Мономаха попали в Лаврентьевской летописи «в приблизительно верное для своего нахождения место», но и он отмечает, что в оригинале они должны были находиться в ином месте, чем в рукописи, и что вставка их «разорвала» рассуждения Повести временных лет о половцах под 6604 г. (Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 195—196).

обнаруживаются на всем протяжении их текста вплоть до 6415 г.,³⁶ на котором обрывается издание Чеботарева—Черепанова.

Независимость свода 1408 г. от индивидуальных чтений Лаврентьевской может быть подтверждена и дальнейшим текстом Троицкой летописи. Основным источником при ее реконструкции были для М. Д. Приселкова цитаты Карамзина из Троицкой и близкая к ней Симеоновская летопись (далее: Сим.). В настоящее время мы располагаем еще одним источником для реконструкции Троицкой летописи, которого не имел М. Д. Приселков, — недавно опубликованным Владимирским летописцем. Владимирский летописец (далее: Вл.), как выяснилось, вплоть до XIV в. содержит текст, близкий к Троицкой летописи; рассказ о татарском нашествии оказывается здесь сходным с рассказом Лаврентьевской и приселковской реконструкцией Троицкой.³⁷ Но индивидуальные чтения Троицкой и в этой части оказываются отличными от Лаврентьевской летописи, и явные пропуски списка 1377 г. здесь не отразились. Так, под 6737 (1229) г. в Лавр. упоминается «страсть нового мученика Христова, его же убиша болгаре»; имени мученика нет. Между тем в Тр., где этот рассказ помещен под 6738 г., имя мученика, судя по Сим. и Вл., читалось: «...страсть нового мученика Христова Авраамия, его же убиша безбожнии болгаре». Особенно важно отметить, что этот пропуск имени в Лавр. обнаруживается на л. 156, т. е. как раз в тетради (лл. 153—167), где помещен рассказ о татарском нашествии. И это не единственный такой пропуск. Под 6745 (1237) г. в Лавр. перечисляются иерархи, убитые при взятии Батыем Владимира: «...и убиен бысть Пахоми архимандрит... да игумен Успенский, Феодосий Спасьский»; имя успенского игумена здесь пропущено. В Тр. же, судя по цитате Карамзина и Вл., здесь читалось: «и ту убыен бысть Пахомий архимандрит... и Данило, игумен Успенский, Феодосий Спаский».³⁸ Ясно, что если бы Тр. восходила (в частности, в рассказе о Батые) к рукописи 1377 г., она не могла бы содержать во всех перечисленных случаях более полный и исправный текст; очевидно, свод 1408 г. восходил не к списку Лаврентия, а к его протографу—своду 1305 г.

Наличие у Лаврентьевской и Троицкой летописей общего протографа доказывается не только совпадением основного их текста до 1305 г., но и множеством общих чтений, — в том числе и явно ошибочных. Выше мы приводили примеры пробелов и дефектов оригинала, которые не мог устранить Лаврентий. Принадлежность этих дефектов своду 1305 г. подтверждается тем, что Троицкая летопись либо также сохраняет их

³⁶ См.: ПСРЛ, т. I, изд. 2-е, стлб. 1, вар. 3, 11, 13, 14; стлб. 3, вар. 35; стлб. 7, вар. 50, 59, 61, прим. а; стлб. 9, вар. 26; стлб. 10, вар. 32, 54, прим. е; стлб. 11, вар. 2, 29, 41, прим. г; стлб. 12, вар. 72, 77; стлб. 13, вар. 2; стлб. 19, вар. 22, прим. д; стлб. 20, вар. 41, прим. к; стлб. 21, вар. 18; стлб. 22, вар. 53; стлб. 24, вар. 57, 60, 63; стлб. 25, вар. 23—24, прим. б, в; стлб. 26, вар. 36, 49; 27, прим. б; стлб. 28, вар. 46.

³⁷ ПСРЛ, т. XXX, М., 1965, стр. 85—91. В статьях этих годов, как и в остальном тексте Владимирского летописца, встречаются только единичные заимствования из НИВЛ (подробнее см.: Л. Л. Муравьева. Новгородские известия Владимирского летописца. — Археографический ежегодник за 1966 г., М., 1968, стр. 37—40; Я. С. Лурье. Троицкая летопись и общерусское летописание XIV в. — В сб.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. VI. Л., 1974 (в печати).

³⁸ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 316; ПСРЛ, т. XXX, стр. 88. Укажем еще следующие различия между Лавр. и Тр. в рассказе 6745 г.: в Лавр. читается: «...поядоша на великаго князя Георгия», Тр. (по Карамзину) — «Гюргия», Вл. — «Юрья» (заметим, что в остальном тексте рассказа 6745 г. суздальский князь всюду именуется Юрием); в Лавр.: «...Всеволод с братом вне града убита»; Тр. (по Карамзину) — «убиша», Вл. — «убиена бысть».

(например, под 6764 г. в Тр., как и в Лавр., князя, приехавшие в Городец и в Новгород, не названы по имени), либо просто опускает явно бессмысленные фразы (известие 6732 г., погребение в день «святаго имярек», загадочное «чернысерусину»). Очевидно, составитель Троицкой летописи (свода 1408 г.), имея перед собой тот же «ветшанный» свод 1305 г., передавал его в ряде случаев более смело и более сознательно, чем Лаврентий, — там, где он не мог восполнить пробелов, он предпочитал пропускать дефектный текст, а не копировать его.³⁹

Особенности Лаврентьевской рукописи и отношение ее текста к Троицкой летописи помогают понять своеобразные черты раздела, повествующего о татарском нашествии. Исследователи, и особенно Г. М. Прохоров, справедливо отметили наличие ряда «огрехов» в соответствующем месте рукописи (на лл. 153—168); количество листов в тетрадах не укладывается здесь в правильные «кватернионы» с равномерной разлиновкой листов; возможно, что какие-то из листов последних тетрадей (после л. 153) были дополнительно внесены в текст.⁴⁰ Но свидетельствуют ли эти особенности о творческой работе составителей списка 1377 г.? Сходные «огрехи» мы обнаруживаем и в других частях рукописи, где никто не предполагает и не имеет оснований предполагать какой-либо творческой работы 1377 г. Порядок разлиновки пергамента (— — + +), характерный для основной части рукописи, не был присущ ее началу (до л. 41), он не был соблюден и на лл. 61 и 62,⁴¹ где читается рассказ 6582 г. о Печерском монастыре, совпадающий не только с рассказом Троицкой, но и Радзивиловской, и Московско-Академической летописи и, следовательно, не обнаруживающий черт переделки конца XIV в.⁴² Шестая тетрадь рукописи, содержащая лл. 35—40, также не укладывается в «кватернион» и не имеет правильного порядка разлиновки; Г. М. Прохоров объясняет это тем, что «предшественник» Лаврентия (первый писец, который изготовил лл. 1—40) «предвидел, кажется, конец своей работы, поскольку последнюю тетрадь он сделал не восьмистраничной, а шестистраничной».⁴³ Но такое предвидение свидетельствует о том, что, как и Лаврентий, этот писец исходил в своей работе не из задач переделки текста (на л. 40 помещен рассказ 6496 г. о крещении Руси, также вполне идентичный с рассказом Троицкой, Радзивиловской и других летописей), а из

³⁹ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, стр. 195.

⁴⁰ Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 94—101.

⁴¹ Насонов. История, стр. 179, прим. 19; Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 86, 88—89 (таблица), 93.

⁴² Этот пример нарушения разлиновки, никак не связанный с пробелами в тексте, лишает силы и основной аргумент А. Н. Насонова в его споре с М. Д. Приселковым о причине пробела в тексте между 6794—6795 и 6804 (1294) гг. М. Д. Приселков считал, что этот пробел был уже в «ветшаном» оригинале Лаврентьевской (М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, стр. 194); А. Н. Насонов (вслед за А. Ф. Бычковым) полагал, что здесь в списке 1377 г. вырван лист (между лл. 170 и 171), ссылаясь именно на то, что лл. 170 (+) и 171 (—) нарушают чередование разлиновки (Насонов. История, стр. 179). Но порядок разлиновки (— — + +) вообще не соблюдается в Лаврентьевском списке после л. 157, даже если оставить в стороне листы, написанные другим почерком (ср. таблицу в статье: Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 39); между тем, как отметил М. Д. Приселков, в Лаврентьевской в конце л. 170 идут «пустые года» — 6794-й и 6795-й (в Троицкой они дополнены), что говорит как раз в пользу пробела в оригинале, который писец старался хоть чем-нибудь восполнить.

⁴³ Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 93.

объема данного ему для переписки оригинала — соответствующей части свода 1305 г. («урока» — по терминологии М. Д. Приселкова).

Обстоятельства написания и первоначального переплетения лл. 153—167 рукописи 1377 г. сейчас уже едва ли могут быть восстановлены. Как выяснил Г. М. Прохоров, последний раз рукопись Лаврентьевской переплеталась в конце XVIII—начале XIX в., и до этого времени листы рукописи — и именно листы, относящиеся к интересующей нас части летописи, — были переставлены и приведены в порядок не ранее XVIII в. (запись почерком середины XVIII в. на л. 164: «... следующие листы по сему листу переложены»)⁴⁴. Но если соответствующие листы Лаврентьевской летописи были в XVIII в. перепутаны и вновь «переложены», то это означает, что к тому времени они существовали не как целые тетради, а скорее как отдельные листы, и нынешняя их брошюровка, произведенная в XVIII в., во всяком случае ничего не говорит о составе тетрадей в первоначальном тексте XIV в. Какие-то гипотезы о составе этих тетрадей можно было бы строить лишь в том случае, если бы рукопись была освобождена от переплета XVIII—начала XIX в. и вновь расплетена. При нынешнем же состоянии Лаврентьевского кодекса предложенная Г. М. Прохоровым сложная реконструкция хода переделок соответствующей части рукописи (трехкратная переклейка первоначального текста) неизбежно, как отмечает и сам автор, включает ряд противоречий и даже ведет к «замкнутому логическому кругу»⁴⁵. И что для нас особенно важно, такой ход «приобретения кодексом Лаврентьевской летописи его нынешних особенностей» вовсе не должен объясняться задачами творческой переработки соответствующего текста. Творческая переработка текста могла, очевидно, идти по двум путям: либо переделывался и заменялся весь текст о татарском нашествии (лл. 153—164 об.), либо в него делались отдельные вставки. В первом случае, как всегда бывает при вставке нового текста в готовую рукопись, расхождение между вставным текстом и остальной рукописью («стык») должно было бы обнаружиться на конце всего вставного текста, т. е. на границе между лл. 164—164 об. и следующим листом — 165-м. Но никакого «стыка», никаких пробелов, зачеркнутых или исправленных строк мы здесь не находим: на л. 164 об. кончается рассказ о событиях 6747 (1239) г., включающий похвальное слово убитому Юрию, далее на лл. 164 об.—167 последовательно даны известия 6748—6770 гг. Более вероятной, естественно, представляется переделка текста на заполненных не до конца лл. 157, 161 и 167, написанных иным почерком (л. 161 — частью Лаврентием, частью другим писцом). Однако и эти листы обнаруживают любопытные особенности: на них нет никаких исправлений или вставок, никаких следов черновой работы, и текст их, хотя и не дописан до конца, безупречно переходит в текст следующих листов (на лл. 161 об. — 162 и 167 об. — 168 даже с переносом слова: «прогне/ваю» и «бесурме/нин»). Ясно, что если текст лл. 157, 161 и 167 переделывался, то не на тех листах, которые дошли до нас. Совершенно невероятно, чтобы редактор (особенно если им был сам Дионисий Суздальский) проделал столь важную творческую работу «в уме», мысленно выпустив и заменив какие-то строчки и аккуратно написав новый текст без единой помарки — так, чтобы он полностью перешел в текст последующих листов. Как бы

⁴⁴ Там же, стр. 85 и 87 (рис.). Нет оснований, по нашему мнению, и для того, чтобы приписывать писцам 1377 г. разные по размерам и не всегда сохранившиеся сигнатуры тетрадей (ср.: там же, стр. 92—93).

⁴⁵ Там же, стр. 98—103.

ни представлять себе работу, предшествующую составлению кодекса 1337 г., ясно, что перед нами и на лл. 157, 161 и 167, и на всем протяжении лл. 153—168 — «перебеленный» текст, переписанный с какого-то готового оригинала. Датировать же такой оригинал на основании «перебеленного» текста невозможно: оригинал Лаврентьевской летописи мог быть и памятником, созданным в конце XIV в., непосредственно перед или одновременно с написанием рукописи Лаврентия, и с той же вероятностью рукописью начала XIV в. (свод 1305 г.).

Вот почему, несмотря на новые кодикологические наблюдения, нам по-прежнему представляется, что особенности списка 1377 г. (как считал М. Д. Приселков) объясняются обстоятельствами его переписки. Спешность изготовления Лаврентьевского кодекса (и связанные с этим «огрехи») признаются всеми исследователями; обнаруженные М. Д. Приселковым примеры явно механических ошибок и описок в рукописи, вызванные «ветшаностью» ее оригинала, неоспоримы. Очевидно, и пробелы в тексте лл. 157—168 могли быть вызваны теми же причинами. Если листы свода 1305 г., содержащие сочинения Мономаха, оказались в конце XIV в. не на своем первоначальном месте, то сходная перестановка или потеря листов могла произойти с отдельными листами рассказа свода 1305 г. о татарском нашествии. Если же такие дефекты привели к пропуску или порче ряда листов в копии, то ее пришлось затем исправлять. Но как именно? При срочности работы Лаврентия и его товарищей речь, очевидно, могла идти не о новой переписке всего окончания свода (от 1237 г. до конца), а об удалении и замене листов с испорченным текстом или о вставке дополнительных листов. Но замена дефектного листа неизбежно означала нарушение его связи с парным ему листом тетради. Отсюда — невозможность соблюдения обычного для Лаврентия порядка чередования вдавленных (— —) и выпуклых (+ +) линий разлиновки текста. Пробелы на лл. 161 и 167, так же как изыток текста на л. 157 (написанного сперва мельчайшим уставом, затем — более крупным и заканчивающегося пробелом), при сохранении смысловой связи с текстом следующих лл. 158, 162 и 168, лучше всего объясняются трудностями, возникшими при замене испорченных листов другими, восходящими все к тому же «ветшаному» оригиналу.⁴⁶ Определенную роль при возникновении таких «огрехов» могло играть несоответствие размеров кодекса 1377 г. размерам его оригинала — свода 1305 г. Формат «Летописца 1305 г.», как убедительно предположил М. Д. Приселков, был иным, чем формат кодекса 1377 г.,⁴⁷ — говоря приблизительно, список Лаврентия был рукописью в 1°, а свод 1305 г. — в 4°. Отсюда несоответствие размеров вписанного текста размерам листов Лаврентьевской летописи и пробелы, ничуть не нарушающие связности дальнейшего текста.

Таким образом, нам представляется, что кодикологические наблюдения сами по себе не говорят о составлении или переработке оригинала Лаврентьевской летописи в конце XIV в.

Но выдвигались и другие наблюдения, — относящиеся к внутреннему составу рассказа 1237—1240 гг. Уже М. Д. Приселков отметил, что по-

⁴⁶ В написании лл. 157, 161 и 167 участвовал, как мы знаем, не только Лаврентий, но и какой-то третий писец: ссылаясь на то, что «уж очень смелая рука» была у этого «третьего писца», Г. М. Прохоров предполагает, что это был сам епископ Дионисий Суздальский (Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 101). Нам эта аргументация не представляется достаточно убедительной, но, конечно, третий писец мог быть более опытным, чем «молодой умом» Лаврентий.

⁴⁷ Ср.: М. Д. Приселков. Формат Летописца 1305 г. — СОРЯС, т. СІ, № 3, Л., 1928, стр. 168—170.

вестование о нашествии ведется здесь как бы с двух точек зрения и даже некоторые известия излагаются дважды (гибель епископа и других лиц в церкви, смерть князя Юрия); он пришел к выводу, что рассказ о татарском нашествии представляет собой соединение ростовского и владимирского рассказов. Составлен этот объединенный рассказ был в 1239 г. — ростовским сводчиком князя Ярослава Владимировича.⁴⁸ А. Н. Насонов относил рассказ о нашествии (как и вообще объединение владимирского и ростовского летописания после татарского разгрома) к 80-м годам XIII в.⁴⁹ Интересные наблюдения над тем же рассказом были сделаны В. Л. Комаровичем, предполагавшим, что в рассказе 1237—1240 гг., как и в нескольких предшествовавших известиях Лаврентьевской летописи, отразилось влияние рязанского источника.⁵⁰ Г. М. Прохоров придает особое значение «мозаичности» рассказа о Батыевом нашествии, наличию в нем более 30 текстов, заимствованных из Повести временных лет и летописных рассказов XII—начала XIII в.; особенность эта, по мнению автора, свидетельствует об относительно позднем происхождении рассказа.⁵¹

Само по себе наличие «общих мест» и этикетных формул, заимствованных из летописных и иных источников, — явление, достаточно обычное для летописания. К сожалению, специальных исследований, где бы рассматривалось заимствование больших повествовательных комплексов и целых рассказов, не существует;⁵² в качестве характерного примера мы можем привести рассказ неофициального свода конца 80-х годов XV в. (в Львовской летописи) об ослеплении Василия II в 6954 (1446) г., построенный на рассказе Повести временных лет об ослеплении Васильяка. Согласимся даже, что это черта не современного летописца, а скорее автора, ощущавшего недостаток в реальном материале. Но почему этот автор должен был писать именно в 1377 г.? Уже первые годы после татарского разгрома были временем сильнейшего упадка летописания, когда летописцу, работавшему в случайно уцелевшем Ростове, было нелегко расспрашивать очевидцев и создавать «репортаж» о событиях. Едва ли можно говорить об «активной антитатарской тенденции» рассказа 1237—1240 гг.: основная его тема — отчаяние, «страх и трепет» и покорность перед божьими казнями и «напастями», дающими право «внити в царство небесное»; отношение к «безбожным» завоевателям (которые оставались «безбожными» в глазах христианина независимо от того, были ли они язычниками или мусульманами) возникало у читателя не из призывов летописца, а из самих фактов, описанных в летописи. Такой рассказ мог появиться и вскоре после завоевания (как думал М. Д. Приселков), и, в соответствии с предположением А. Н. Насонова, — в 1281 г., при слиянии владимирского и ростовского летописания. Наконец, может быть предположительно названа и еще одна дата создания этого рассказа — начало XIV в., время владимирско-тверского князя Михаила Ярославича, при котором и был создан свод 1305 г. Михаил Ярославич — князь, осмелившийся в 1317 г. поднять руку на татарского

⁴⁸ Приселков. История, стр. 91—94.

⁴⁹ Насонов. История, стр. 192—200.

⁵⁰ В. Л. Комарович: 1) Литература Рязанского княжества XIII—XIV вв. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. I, стр. 75—76; 2) Древнерусское областное летописание XI—XV вв., стр. 148—162, 190—197.

⁵¹ Г. М. Прохоров. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи, стр. 78—85.

⁵² Отдельные примеры подобных заимствований в Киевской (Ипатьевской) летописи см.: И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 85—90.

посла и полководца Кавгадыя и ханскую сестру Кончаку и казенный в Орде, — гораздо вероятнее мог быть покровителем летописца, создавшего первый развернутый рассказ о Батыевом нашествии, чем Дмитрий Константинович Суздальский, выхлопотавший себе в Орде великое княжение. Заметим, кроме того, что предположению о составлении оригинала Лаврентьевской летописи в конце XIV в. при Дмитрие Константиновиче Суздальско-Нижегородском противоречит не только окончание этого свода 1305-м годом, но и то обстоятельство, что этот свод, включивший в свою последнюю часть целый ряд известий из семейного летописца Михаила Ярославича Владимирско-Тверского,⁵³ даже не упомянул живших в начале XIV в. прадеда и деда Дмитрия Константиновича — Михаила Андреевича и Василия Михайловича.

Итак, особенности рассказа о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи, как внутренние, так и внешние, не дают оснований датировать его концом XIV в. Анализ текста Лаврентьевской летописи самой по себе, «расшивка» этого рассказа на отдельные источники, иногда даже весьма правдоподобная,⁵⁴ вообще не может дать твердой почвы для датировки этой летописи и ее отдельных частей. Конечно, Лаврентьевская летопись — это свод (свод 1305 г.), но определение его источников достигается прежде всего сравнительно-текстологическим исследованием. Таким источником была прежде всего Повесть временных лет Сильвестровой редакции. Следующий бесспорный источник свода 1305 г. — летопись, близкая к своду, отразившемуся в Радзивилловской летописи и сходных с нею памятниках (восходящих к своду Переяславля Суздальского начала XIII в.), но представлявшая собой (в части до начала XIII в.) более раннюю редакцию этого свода. А. А. Шахматов определял этот источник Лаврентьевской летописи (или Полихрона начала XIV в.) как Владимирский свод 1185 г.;⁵⁵ М. Д. Приселков предполагал существование двух связанных между собой сводов — 1177 и 1193 гг.⁵⁶ А. Н. Насонов воздерживался от конкретного определения, говоря о «Владимирском летописце», отразившемся в Лаврентьевской летописи (в отличие от летописца, отразившегося в Радзивилловской и Ипатьевской).⁵⁷ Условно назовем этот источник Лаврентьевской летописи Владимирским I сводом. От Владимирского II свода, отразившегося в Радзивилловской и сходных с нею летописях (Владимирский свод начала XIII в. — по А. А. Шахматову; Владимирский свод 1212 г. — по М. Д. Приселкову),⁵⁸ Владимирский I свод отличает прежде всего отсутствие в нем резких и явных переделок текста в пользу Всеволода Большое Гнездо (приписывание ему подвигов его брата Михаила, переделка рассказа о расправе над плен-

⁵³ Ср.: Приселков. История, стр. 106.

⁵⁴ Рассматривая предположения В. Л. Комаровича относительно рязанского происхождения части рассказа о нашествии Батгя и нескольких других известий, А. Н. Насонов отметил их вероятность, но сделал оговорку, что «все приведенные В. Л. Комаровичем данные позволяют предполагать только существование местных рязанских летописных записей и повестей, но еще не доказывают существования рязанских летописных сводов» (Насонов. История, стр. 185).

⁵⁵ Шахматов. Обзорение, стр. 15—18, 21 (схема), 51—52.

⁵⁶ Приселков. История, стр. 63, 64—66, 71—82.

⁵⁷ Насонов. История, стр. 113—114, 145, 158—160. Отсутствие у А. Н. Насонова однозначного определения этого «Владимирского летописца», отразившегося в Лаврентьевской летописи, привело к тому, что в указателе летописных памятников этот источник Лаврентьевской летописи определяется то как «Владимирский великокняжеский свод второй половины XII в. (северо-восточный источник Лаврентьевской летописи)», то как «Владимирский свод 1177 г. (70-х годов XII в.)» (там же, стр. 544—545).

⁵⁸ Шахматов. Обзорение, стр. 52—55; Приселков. История, стр. 82—87; Насонов. История, стр. 131.

ными князьями в 6685 г., и т. д.). Сохранение в своде 1305 г. (Лаврентьевской) текста Владимирского I свода объяснялось, очевидно, тем, что лежащая в основе Лаврентьевской ростовская летопись (начала XIII в.) князя Константина Всеволодовича, бывшего в ссоре с отцом, не использовала тенденциозный текст Владимирского II свода, а поло-

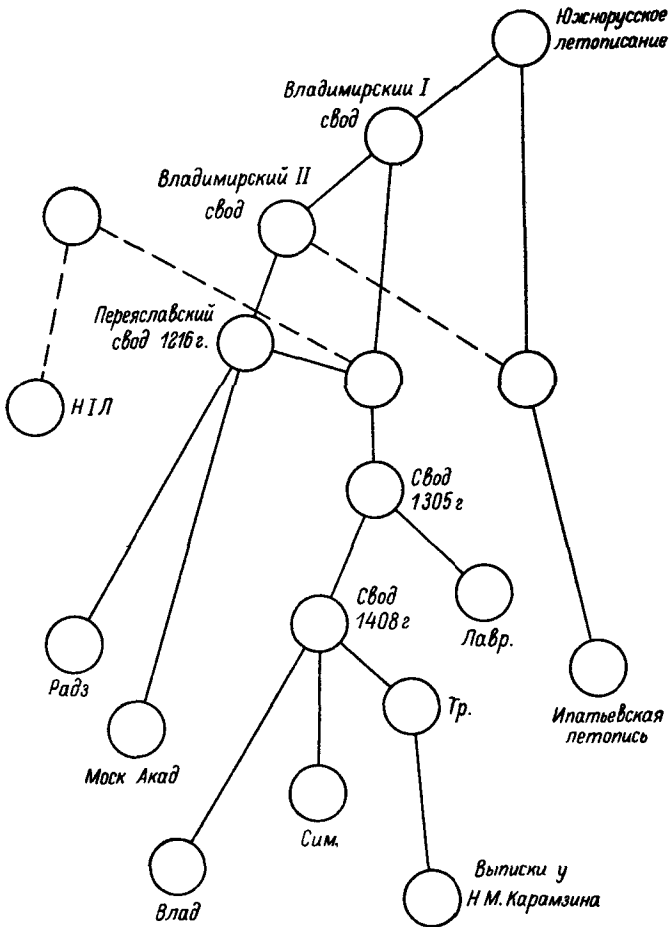

Схема происхождения Лаврентьевской летописи.

жила в основу Владимирский I свод. Но владимирское летописание начала XIII в. все-таки тоже отразилось в своде 1305 г., — на какой-то стадии оно соединилось с ростовским летописанием; когда именно это объединение произошло (сразу после татарского разгрома или в 80-х годах XIII в.)⁵⁹ — это, как мы отмечали, вопрос спорный и выходящий за пределы исследования летописания XIV—XV вв.

Совпадения Лаврентьевской летописи с Ипатьевской объясняются двумя причинами — влиянием северного (владимирского) летописания

⁵⁹ Ср. выше, стр. 63. Влиянием протографа Радзивилловской летописи (свода 1212 г. в его Переяславской редакции 1216 г.) объясняется, очевидно, пробел в своде 1305 г. (Лаврентьевской) под 6711—6713 (1203—1205) гг. В Радзивилловской в этом месте хронологическая путаница, и соответствующие года помещены после 6713—6714 (1205—1206) гг. (Приселков. История, стр. 89 и 111).

на киевско-галицкое (Ипатьевская летопись) и южнорусского летописания на владимирское. При решении вопроса о происхождении свода 1305 г. (Лаврентьевской летописи) нас, естественно, интересует именно эта, последняя, линия влияния. Можно предполагать, что уже Владимирский I свод, отразившийся и на Лаврентьевской, и на Радзивилловской летописях, испытал влияние южнорусских сводов второй половины XII в. (два параллельных свода Переяславля Южного, как полагали А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, или Киевский и Переяславский своды XII в., согласно построению А. Н. Насонова).⁶⁰

К числу нерешенных вопросов истории свода 1305 г. принадлежит и вопрос о взаимоотношениях между этим сводом (Лаврентьевской летописью) и Новгородской I летописью (старшего извода). Из совпадений между этими летописями бесспорными можно считать два примера, отмеченных А. А. Шахматовым: рассказ 6725 г. (в НІЛ—6726 г.) о борьбе между рязанскими князьями и началом рассказа о битве на Калке 6731 г. (в НІЛ—6732 г.).⁶¹ Какого происхождения эти известия? Предположение А. А. Шахматова о Полихроне XIV в. как их источник не может быть принято — в Ипатьевской, которую А. А. Шахматов также возводил к этому Полихрону, соответствующих известий нет, а искать для двух известий начала XIII в. источник начала XIV в. нет оснований. Видимо, общий источник Лавр. и НІЛ не был новгородским — ни то, ни другое известие не связано с Новгородом. Может быть, это действительно следы рязанского летописания, которое искал В. Л. Комарович?

Но сложность состава свода 1305 г., восходящего к ряду летописных источников, не противоречит тому, что по отношению к летописям последующих лет свод 1305 г. выступает как единое целое, как главный источник их текста до начала XIV в. Свод 1305 г. был, как мы видели, основой свода 1408 г.; через этот свод он повлиял на свод 1448 г. (СІЛ и НІВЛ) и на московские великокняжеские летописи; можно предполагать, что этот же свод лежал в основе и немосковских летописей — например, *суздальско-нижегородского великокняжеского свода конца XIV в.* (вполне вероятно, что именно для этого свода Лаврентием и его товарищами была снята копия 1377 г. со свода 1305 г.).⁶² Такая роль свода 1305 г. была заслуженной. Он возник при дворе владимирско-тверского князя Михаила Ярославича, первого «великого князя всея Руси»,⁶³ занимавшего самосто-

⁶⁰ А. А. Шахматов: 1) *Обозрение*, стр. 18; 2) *Повесть временных лет*, стр. XLV; Приселков. *История*, стр. 66—74; Насонов. *История*, стр. 80—83, 97, 108—111.

⁶¹ Шахматов. *Обозрение*, стр. 130—131. А. А. Шахматов называет еще известия о смерти жены Всеволода 6713 г., о походе на Рязань (Лавр. — 6715 г., НІЛ — 6718 г.), о землетрясении 6738 г., о завоевании татарами болгар в 6744 г., но только в последнем случае обнаруживаются некоторые черты текстуального совпадения; остальные сомнительны. Нельзя с определенностью говорить о текстуальном совпадении в Лавр. и НІЛ той группы кратких известий начала XIV в., которые отмечает М. Д. Приселков (Приселков. *История*, стр. 107), — скорее, здесь совпадение содержания известий. Совсем неправоммерно расширяет круг известий, совпадающих в Лавр. и НІЛ, Ю. А. Лимонов: он включает в это число почти весь текст рассказа о нашествии Батыя 6745 г., известия о поездках Александра в Орду 6754 и 6770 гг. (Ю. А. Лимонов. *Летописание Владимиро-Суздальской земли*. Л., 1967, стр. 125—126); никакой текстологической связи между этими известиями не обнаруживается.

⁶² Это предположение уже высказывалось в науке; см.: Приселков. *История*, стр. 134—135; Насонов. *История*, стр. 187—188.

⁶³ См.: *Послание патриарха константинопольского Нифонта Михаилу Ярославичу*. — РИБ, т. VI (СПб., 1888 и 1908), № 16. Ср.: А. Е. Пресняков. *Образование Великорусского государства*. Пгр., 1918, стр. 109; М. А. Дьяконов. *Кто был первый великий князь «всея Руси»?* — Библиограф, 1889, № 1.

ательную и смелую по тем временам позицию по отношению к ханам. Мы уже отмечали вероятность того, что рассказ Лаврентьевской летописи о татарском нашествии был составлен при нем. И это не единственное такое место в своде 1305 г. Под 6791—6792 (1283—1284) гг. здесь помещен рассказ о кровавой расправе, учиненной «поспешником дьявола» баскаком Ахматом в Курском «княжении»: Ахмат приказывал развешивать на деревьях, выставлять напоказ и бросать псам трупы убитых им бояр: «...кто имеет держати спор со своим баскаком, тако же ему и будеть». М. Д. Приселков, обративший внимание на этот рассказ, пришел к заключению, что он не восходил к какому-либо письменному источнику свода 1305 г., а был взят сводчиком из устного сообщения.⁶⁴ Рассказ этот никак не может быть приписан творчеству Лаврентия и других создателей списка 1377 г.: в Лавр. он дефектен (не имеет начала) и содержит явные ляпсусы (под 6791 г. — слово «чернысерусину», непонятное самому писцу; под 6792 г. — пропуск сказуемого «идоста» во фразе «два бесурменина ис свободы в другую свободу»); текст Тр. здесь явно лучше передает общий оригинал. Тенденции этого рассказа и рассказа о Батыевом нашествии (как и рассказа об убийстве татарами рязанского князя Олега в 1270 г.) были сходны: по-прежнему истолковывая такие события как «божью казнь» за «неправду», летописец вместе с тем весьма ярко и выразительно рисовал «злехитрых и вельми злых» завоевателей.

Свод 1305 г. был выдающимся памятником общественной мысли начала XIV в. Этим и объяснялось значительное влияние его на последующее летописание.

---

⁶⁴ Приселков. История, стр. 109

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

Три «послания Филофея»

(Опыт текстологического анализа)

Историкам древнерусской литературы и общественной мысли известны циклы произведений, автором которых в ряде списков назван старец псковского Елеазарова монастыря Филофей. В этих произведениях впервые была сформулирована и получила развитие идея «Москва — третий Рим». В связи с начатой работой по изучению генезиса идеи «Москва — третий Рим», ее отражения в русской литературе XVI—XVII вв., ее роли в общественной жизни этого времени и ее трансформации на рубеже XVII—XVIII вв. оказалось необходимым обратиться к «посланиям Филофея», чтобы разобраться в их содержании и выяснить их литературную историю.¹

В числе исследователей этих произведений были В. Жмакин, А. А. Шахматов, В. Н. Малинин, Н. Н. Масленникова, Я. С. Лурье, Х. Шедер, Д. Н. Стремоухов, Н. Е. Андреев, Ф. Кемпфер.² Следует сразу же отметить, что многие из них пользовались лишь печатными воспроизведениями этих памятников и не обращались к рукописным оригиналам.

Наибольшая заслуга в публикации «посланий» принадлежит В. Н. Малинину. В своей огромной монографии он издал произведения «Фило-

¹ Основное внимание в данной работе уделяется «Посланию Филофея Мисюрю Мунехину на звездочетцев», «Посланию о крестном знаменении» (известном в литературе под именем «Послания к великому князю Василию Ивановичу») и сочинению об обидах, причиняемых русской церкви (или «Посланию к царю и великому князю Ивану Васильевичу»). Известно еще несколько сочинений, принадлежавших Филофею или распространявшихся под его именем («Послание Мунехину на противящихся божьей воле» — о моровом поветрии; «Послание в беде сущим иже и просящим от него помощи» и др.). В них не затрагивается тема «третьего Рима», и поэтому речь о них пойдет лишь в той мере, в какой это необходимо для восстановления истории трех изучаемых нами посланий.

² В. Жмакин. Один из литературных памятников XVI в. — ЖМНП, 1882, ч. 221, июнь; А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. — СОРЯС, т. XVI, № 9, СПб., 1899; В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901; Н. Н. Масленникова. 1) Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; 2) К истории создания теории «Москва — третий Рим». — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962; Я. С. Лурье. 1) Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М., 1960; 2) О возникновении теории «Москва — третий Рим». — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960; H. Schaedler. Moskau des Dritte Rom. 2. Aufl. Darmstadt, 1957; D. Stremoukhoff. Moskow the Third Rome: Sources of the Doctrine. — Speculum, vol. XXVIII, № 1, 1953; N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasiljevich. — The Slavonic and East European Review, 1959, v. 38, № 90; F. Kämpfer. Beobachtungen zu den Sendschreiben Filofeys. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1970, Bd. 18, H. 1.

Феева цикла» по всем известным в то время тридцати с лишним спискам. Н. Н. Масленникова проделала большую работу по выявлению новых списков этих сочинений, но не опубликовала результаты исследования их, ограничившись замечанием о том, что «все списки посланий мало отличаются друг от друга; они переписывались без всяких изменений в XVIII в., в точности передавая редакцию XVI в.»³

Однако это мнение ошибочно и опровергается при детальном изучении текстов «посланий», — как известных В. Н. Малинину и Н. Н. Масленниковой, так и неизвестных. Выявляется несколько редакций, имеется возможность восстановить их взаимоотношения и пролить дополнительный свет на происхождение и литературную историю текстов. Но прежде чем перейти к изложению результатов проделанной работы, напомним об основных мнениях предыдущих исследователей «посланий Филофея».

1. К числу сочинений старца Елеазарова монастыря Филофея безоговорочно относили все тексты, в заголовке которых стояло его имя.⁴

2. По мнению В. Н. Малинина и Н. Н. Масленниковой, три «послания», содержащие идею «Москва — третий Рим», были написаны в такой последовательности: «Послание о крестном знамении», «Послание Мунехину на звездочетцев», сочинение об обидах церкви («Послание к царю Ивану Васильевичу»). Н. Е. Андреев и Ф. Кемпфер располагают сочинения в другой последовательности: сочинение об обидах церкви, «Послание о крестном знамении», «Послание ... Мунехину на звездочетцев».

3. Даты написания этих произведений размещали в пределах весьма протяженного периода: от конца XV в. до 1540-х годов.

4. Если в «посланиях» встречались противоречащие друг другу мысли, их либо игнорировали, либо пытались объяснить психологическими сдвигами в сознании автора.

Во всех этих случаях тексты «посланий» рассматривались в их статике, а не в динамике, в отрыве от их собственной истории. Задача изучения всего комплекса сохранившихся текстов даже не ставилась. А между тем именно такой — текстологический подход оказывается наиболее плодотворным и дает надежные ответы на многие поставленные ранее вопросы.

1

К числу самых распространенных памятников русской письменности XVI—XVIII вв. относится «Послание старца Филофея Мисюрю Мунехину на звездочетцев», дошедшее до нас более чем в 80 списках. В этом общем массиве можно выделить несколько более или менее четко очерченных вариантов.

Первому из них предшествует в большинстве случаев следующий текст (за исключением слов, выделенных разрядкой; см. стр. 71):

«На сем начальном листу философи речи Николаевы латынина, а писал Мисюрю Мунехину о лете 32-м, что будет в то лето вселенных странам и царством, и областем, и обычаем, и градом, и достоинством, и скотом, и белугам морским, вкупе всем земнород-

³ Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова..., стр. 166. Н. Е. Андреев тоже полагал, что ни один из вновь найденных списков «посланий Филофея» «не содержит существенных вариантов» (N. Andrejev. Filofey and his Epistle..., p. 2).

⁴ Единственное исключение — текст, озаглавленный «Послание Филофея... о образе господни: что написан подобен Давиду царю» (ГИМ, Музейск., 1209). В. Корецкий опознал в этом тексте сочинение Д. Герасимова (ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 119—120).

ным несуменное пременение и изменение, и преиначение. И потемнение в то лето не узритися солнцу и луне. И сие на другой стороне листа обрящеши. По русейскому счету лет 7032 от начала миру, а по латынскому от рождества Христова лет 1524. Пишут латынстии астрономы».

И далее следует очень точный перевод предсказания на 1524 г., помещенного в «Новом альманахе» И. Штефлера и Я. Пфлауме, выпедшего двумя изданиями в Венеции в 1513 и 1518 гг.:⁵

Nos anno nec Solis nec Lune eclypsim conspicabimur. Sed presenti anno errantium syderum habitudines miratu dignissime accident. In mense enim Februario 20 conjunctiones cum minime mediocres tum magne accident, quarum 16 signum aqueum possidebunt, que universo fere orbi climatibus, regnis, provinciis, statibus, dignitatibus, brutis, beluis marinis cunctisque terre nascentibus indubitata mutationem, variationem ac alternationem significabunt, talem profecto qualem a pluribus seculis ab historiographis aut natu maioribus vix precepimus. Levate igitur viri christianissimi capita vestra (fol. x 2).

В то лето солнцу ни луне потемнение не узритца. Но в то лето преходных звезд действия удивлением предостойнейшим случатца. Месяца бо февраля в 20 съемы их не средни, но велицы случатца, их же 16 знамение водное наследят кое. яко всея вселенныя странам и царствам, и областем, и обычаем, и градом, и достойнством, и скотом, и белугам морским и вкупе всем земнородным несуменное пременение и изменение, и преиначение знаменают, таково убо яково ж от многих веков от летописателей и от древних родов едва слышахом. Воздвигните убо главы ваша, о мужи христинитии.

Видимо, Николай Латинянин (Николай Булев, или Бюлов) — немецкий врач, находившийся в начале XVI в. при московском дворе,⁶ разослал перевод этого предсказания различным лицам, и в том числе Мисюрю-Мунехину, передавшему его «философли речи» Филофею.

«Послание» Филофея тесно связано по содержанию с этим предсказанием (в некоторых списках оно так и названо: «Послание противу Николаева написания»). Естественно, что время его создания ограничено датой выхода в свет альманаха Штефлера и Пфлауме (1513 или 1518 г.) и 1524 годом, ибо после истечения этого года предсказание уже не понадобилось в опровержении.

Однако ряд предлагаемых исследователями датировок выходит за пределы этого срока. Так, Х. Шредер относит время создания «Послания на звездочетцев» к 1543 г., опираясь на слова наиболее известного варианта текста: «...девятдесять лет, како греческое царство разорися и не созиждется» (1453+90=1543).⁷ По предположению Н. Е. Андреева, датой отсчета в этой фразе Филофея было не падение Константинополя, а время Флорентино-Феррарского собора, и поэтому «Послание» относится к 1528 г. (1438+90=1528).⁸

Но дело в том, что не во всех списках «Послания на звездочетцев» говорилось об истечении «девятдесяти» лет после «разорения греческого

⁵ Almanach nova plurimis annis venturis inservientia: per Joannem Stoefflerinum Justingensem et Jacobum Pflaumen Ulmensem accuratissime supputata et toti fere Europe dextro sydere i partita. Venetiis, 1513 (1518).

⁶ Л. Н. Майков. Николай Немчин, русский писатель конца XV—начала XVI в. — В кн.: Л. Н. Майков. Последние труды. СПб., 1900, стр. 21; Д. О. Святский. Астролог Николай Любчанин и альманахи на Руси XVI в. — Известия Научного института им. Лесгафта, т. XV, 1929, вып. 1—2, стр. 48; А. А. Зимин. Доктор Николай Булев. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 83—84; N. Angermann. Neues über N. Bülow und sein Wirken im Moskauer Rußland. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1969, Bd. 17, H. 3, S. 417.

⁷ H. Schaefer. Moskau das Dritte Rom, S. 81.

⁸ N. Andreyev. Filofey and his Epistle..., p. 22.

царства». Встречаются списки, в которых эта дата вообще пропущена,⁹ а в других случаях вместо «девяносто лет» сказано «девятьдесят семь лет».¹⁰ Подобная неустойчивость в отсчете времени наводит на мысль о том, что 90 лет прошло с 1453 г. не к моменту создания «Послания», а ко времени переписывания его варианта, относящегося к 1543 г., так же как и срок «97 лет» отражал вариант 1550 г. Во всяком случае это место текста не дает надежной точки опоры, и для датировки «Послания» следует искать другие признаки.

В. Н. Малинин и Л. Н. Майков склонны были считать, что «Послание на звездочетцев» возникло около 1524 г.¹¹ Вероятно, это близко к истине, поскольку ставит дату создания памятника в прямую зависимость от пророчества Штефлера, тем более что написанные по аналогичному поводу сочинения Максима Грека датируются тем же временем.¹²

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство: говоря об «отпадении латинян» от православия, Филофей писал: «... беша с нами в соединении сем сот лет и 70, а егда отпадоша правей веры сем сот и 35 лет».¹³ Очевидно, Филофей имел в виду Никейский собор 787 г., — если прибавить к этой дате 735 лет, получится 1522/23 г., т. е. именно то время, которое представляется наиболее вероятным моментом создания «Послания».

Вернемся к описанию того варианта текста «Послания на звездочетцев», который встречается вместе с «Написанием» Николая Латинянина. Среди списков этой ветви можно выделить несколько групп.

В одной из них — ГПБ, СПб. ДА, 427, БАН, Арх., Д. 221, ИРЛИ, Карел., 2 — «Написание» не озаглавлено и открывается отсутствующими в других списках словами: «На сем начальном листу философли речи Николаевы Латынина». Завершающая фраза вводной части — «И сие на другой стороне листа обрящещи» — встречается также только в этих списках. Перевод предсказания Штефлера приведен в этих трех списках полностью, без всяких пропусков.

«Послание на звездочетцев» в этих списках не озаглавлено¹⁴ и содержит ряд своеобразных чтений:

«... великого Рима стены и столпове и трекровныя палаты не пламенены быша»;¹⁵

«... аще убо агаряны (агаряне) внуцы греческое царство приаша»;

«Да веси..., яко вся христианская царства... снисдошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам то есть российское царство».

Встречающаяся в других списках формула прощания («Буди, государь, спасаяся и здравствуй о Христе») здесь отсутствует.

Некоторые из приведенных чтений встречаются и в других вариантах «Послания», но описанная выше совокупность их специфична лишь для данной группы и отражает ограниченный определенным вре-

⁹ ГПБ, СПб. ДА, 430; ГБЛ, Троице-Серг., 798.

¹⁰ ГИМ, Уваров., 274 (139); ГПБ, Солов., 985/875.

¹¹ В. Н. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей..., стр. 269; Л. Н. Майков. Николай Немчин..., стр. 22.

¹² А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, стр. 122—126.

¹³ В списке ГИМ, Музейск., 1209: «... отпадоша православныя веры тому уже 735 лет».

¹⁴ Лишь в списке XVII в. ИРЛИ, Карел., 2 имеется заголовок: «Написание инока псковскаго Филофея Елиозарова монастыря». «Послание на звездочетцев» не следует в этом списке за «Написанием», а предшествует ему.

¹⁵ В ИРЛИ, Карел., 2 — «не пленены».

менем и местом распространения этап истории текста «Послания на звездочетцев».

Очевидно, этот вариант текста восходил к архетипу через посредство списка, содержавшего ряд ошибок и утратившего последнюю фразу. Но, несмотря на подобные утраты, включение в три списка этой группы полного перевода предсказания из «Альманаха» позволяет считать их сравнительно близкими к архетипу. Об этом же говорит и кодикологический анализ рукописи БАН, Арх., Д. 221: тетрадь, содержащая «Написание» Николая и «Послание» Филофея, представляет собой самостоятельную часть сборника и в отличие от других его частей, относящихся к концу XVI—началу XVII в., спшита из бумаги, изготовленной в середине XVI в. Содержимое этой тетради, включающей только письма Николая Латинянина и Филофея, соответствует, видимо, составу той исходной рукописи, с которой началась переписка «Послания на звездочетцев».

Такова же по составу и рукопись конца XVI — начала XVII в. ГБЛ, ф. 218, № 553 (тетрадь с письмами Николая и Филофея), но текст ее в отличие от предыдущей группы восходил к архетипу через список, в котором первое письмо имело заглавие «О написании Николаево Мисюрю Мунехину», а второе было названо «Послание противу Николаева написания». Перевод предсказания Штефлера приведен здесь неполностью, а в тексте «Послания на звездочетцев» содержатся разночтения: ...получасия со счастьком (вместо: получая счастьком) и богатству и нищете»,

«...стены и столшове... не пленены быша».

Эти же особенности встречаются и в списках ГПБ, Солов., 53/1512, ГПБ, Q.XVII.215, ГБЛ, Овчинник., 486 и ГБЛ, ф. 214, № 1, которые, кроме того, отличаются тем, что в них предсказание «Альманаха» ошибочно относится к 1024, а не к 1524 г.¹⁶ и в «Послании на звездочетцев» отсутствуют две последние фразы. Все эти четыре списка входят в состав однотипных хронографических сборников XVII в. и помещены там среди статей, посвященных правлению Василия III: в первых трех сборниках — после рассказа о сожжении новгородских еретиков, а в четвертом — между рассказом о Смоленском походе (1514 г.) и о «Литовском бою» (1518 г.).

К списку ГБЛ, ф. 218, № 553 близки и списки в сборниках смешанного состава ИРЛИ, Пинеж., 17 (302) и ГИМ, Уваров., 2049 (159), также включающие послания Николая и Филофея.

Особо следует отметить списки конца XVI—начала XVII в. ГБЛ, МДА, 4/103 и ГИМ, Уваров., 910/289, сохранившие иные следы близости к архетипу, чем ранее названные рукописи. «Послание на звездочетцев» включает здесь прощальную фразу, а предреченное пророчество названо не «росийским», а — как и было, очевидно, в протографе — «ромейским». Однако «Написание Николаево» приведено тут не полностью, а в сокращении (несколько ином, чем в ГБЛ, ф. 218, № 553 и родственных ему списках) и Мисюрь Мунехин именуется в отличие от почти всех остальных известных списков «Послания» не Михаилом Григорьевичем, а Григорием Михайловичем.¹⁷

¹⁶ Вместо а̃ ф̃ в̃ д̃ написано а̃ в̃ д̃.

¹⁷ Такое именование встречается еще только один раз — в списке ГПБ, Q.I 1439, где «Послание на звездочетцев» называется «Посланием старца Филофея о числах лет и о преходных звездах», а «Написание Николаево» отсутствует. Этот список близок к рассматриваемой ветви

В сборниках, включающих эти два списка, преобладают статьи астрономического содержания и, в частности, находится «Пасхалия» новгородского архиепископа Геннадия. Поскольку в ГПБ, СПб. ДА, 427 письмам Николая и Филофея тоже предшествует «Пасхалия» Геннадия, можно предположить, что эти сочинения сравнительно рано стали переписываться вместе.¹⁸

Принадлежность «Пасхалии» перу новгородского архиепископа, новгородское происхождение списков ГПБ, СПб. ДА, 427 и 430, равно как и наличие в данной группе списков (и только в ней!) адресованного Мисюрю Мунехину (т. е. в Псков) «Написания Николаева», — все это можно считать свидетельствами распространения этого варианта «Послания на звездочетцев» в районе Новгорода и Пскова.

Рассмотренная группа списков отличается от других не только приведенными выше особенностями, но и тем, что в сборниках, содержащих эти списки, ни разу не встречаются другие сочинения, принадлежавшие или приписанные Филофею. Между тем во всех остальных группах «Послания на звездочетцев» рядом с ним часто находятся другие произведения «Филофеева цикла».

* * *

Во второй ветви списков «Послания на звездочетцев» ряд чтений совпадает с уже рассмотренным вариантом. Судя по тому, что в ранних списках этой ветви содержатся такие правильные чтения, как «агаричи внуцы» (а не «агаряне внуцы»), «ромейское» (а не «росейское» или «росийское») царство и др., протограф этой ветви был особенно близок к архетипу. Вместе с тем он отличался от архетипа тремя существенными особенностями:

1) «Послание на звездочетцев» не сопровождалось в нем «Написанием» Николая Латинянина;

2) фамилия и прозвище Мисюря Мунехина в заглавии и в тексте «Послания на звездочетцев» отсутствовали;

3) протограф этой ветви «Послания» был соединен со списком своеобразной декларации, автор которой отвергал астрологию и осуждал лиц, занимающихся ею. В одном из старейших списков данной ветви (ГПБ, Q.XVII. 50) эта декларация именуется «Написанием инока Псковскаго Филофея из Елизаровы пустыни о зодях и звездах», а «Послание на звездочетцев» следует за ним без заглавия.¹⁹

Со списком ГПБ, Q.XVII.50 связаны общими чертами списки ГИМ, Забел., 436 и ГПБ, F.IV.835, тоже содержащие оба упомянутых текста, а также списки ГИМ, Щукин., 466, ГПБ, O.XVII.70, ГПБ, СПб. ДА, 52, ГИМ, Уваров., 1912 (157), ГБЛ, Беляев., 23/1529, Егор., 649, Гос. архив Калинин. обл., Колл. рукоп., 133, где декларации об астрологии нет и имеется только «Послание на звездочетцев». Во всех этих списках адресатом «Послания» является «господин Михаил Григорьевич», не называемый по фамилии.

В списке ГБЛ, Егоров., 708 декларация об астрологии приведена под названием «Написание старца Филофея псковскаго Елизаровы

¹⁸ В новгородском сборнике ГПБ, СПб. ДА, 427, содержащем два разных варианта «Послания на звездочетцев», один из них (неполный) также следует за «Пасхалией» Геннадия (лл. 105 об.—107).

¹⁹ В сборниках, содержащих списки этой ветви, не встречаются другие произведения «Филофеева цикла», за исключением «Послания к Мунехину на противящихся божьей воле», — ГИМ, Забел., 436 и ГПБ, F.IV.835.

пустыни о мудрствующих человецех о звездном течении». «Послание на звездочетцев» здесь заголовка не имеет, оно адресовано «государю Михаилу Григорьевичю» и лишь в колоннитуле названо «Посланием к Мисирю».

«Государем Михаилом Григорьевичем» именуется адресат и в неозглавленном тексте «Послания», включенном в августовский том Успенского и Царского списков ВМЧ. При совпадении основной части текста с другими списками данной группы «Послание», находящееся в Успенском списке (ГИМ, Синод., 997), отличается рядом своеобразных чтений («получая спочасткомъ», «агаряны внуцы»), исправленных в Царском списке ВМЧ (ГИМ, Синод., 183) на более близкие к архетипу («получая счасткомъ», «агарины внуцы»). Тексты декларации против астрологов и «Послания на звездочетцев» из Царского списка ВМЧ воспроизведены почти без изменений в сборниках XVII в. ГИМ, Уваров., 1841 (609) и ГПБ, Ф. XVII. 23, где эти произведения окружены теми же статьями («Послание архиепископа Макария к митрополиту Даниилу», «Послание Иосифа Волоцкого к Василию III»), что и в ВМЧ.

Другая группа списков, восходящая к протографу данной ветви, содержит ряд существенных разночтений («внутри в ней» вместо «внутренний в ней» и др.). Декларация об астрологии именуется здесь «Посланием инока Филофея к некоему вельможе в миру живущему» (хотя никаких жанровых признаков послания в этом тексте нет), — название это явно вторично по сравнению с «Написанием Филофея». Ни в одном из этих списков нет не только фамилии и прозвища Мунехина, но и имени-отчества его, если не считать списка ГБЛ, Беляев., 58/1570, где оно присутствует в нелепом сочетании: «государю Михаилу Григорьевичю имярек». «Послание на звездочетцев» адресовано в этих списках «господину имярек» (ГПБ, Q.XVII.15), «дьяку имярек» (ГПБ, Q.XVII.41, ГПБ, Соф., 1260, ГИМ, Уваров., 1971/346), неведомому «Михаилу Ченчичу» (ГИМ, Чудов., 34/236), «Михаилу Чеиничю» (ГПБ, Q.XVII.254) или «Михаилу Чеинчичю» (ГБЛ, Тихонравов., 463). В группе родственных друг другу списков — ГБЛ, Ундол., 614 и 1071, БАН, Арх., Д. 429, ГБЛ, Рогож., 564, ЦГАДА, МИД, 288/667²⁰ — и в списке БАН УССР, Киев.-Соф., 714 адресат «Послания на звездочетцев» назван «Иваном (Иоанном) Киндеевичем (Акиндеевичем)».

Изменение или утрата имени-отчества адресата «Послания», равно как и отсутствие его фамилии свидетельствуют о том, что переписчикам протографа и последующих списков данной группы личность псковского дьяка была неизвестна. Вероятно, это следует связывать с тем, что протограф этой группы сложился уже после смерти Мунехина (1528 г.), а также с «библиогеографией» названных списков (термин Н. Н. Розова), которые, по-видимому сравнительно рано, стали распространяться в среде, удаленной от места службы Мунехина и не сохранившей память о нем.

В пользу подобного предположения говорят и адреса старейших списков этой группы: два из них (ГПБ, Q.XVII.15 и ГБЛ, МДА, 491) были переписаны в 1540—1550-х годах в Иосифо-Волоколамском монастыре, а третий (ГПБ, Q.XVII.50) происходил, видимо, из Новгорода и позднее оказался включенным в сборник, составленный волоколамским

²⁰ Все они находятся в сборниках XVII—XVIII вв. одинакового состава, включающих «Повесть о белом клобуке», «Послание Василия, архиепископа новгородского, к тверскому епископу Федору о рае», а также комплекс антилатинских статей.

игуменом Евфимием Турковым на основе материалов, переданных ему новгородским архиепископом Феодосием.²¹

Через Новгород на московскую почву перекочевал и текст «Послания на звездочетцев», представленный в Успенском (1552 г.) и в Царском (1554 г.) списках ВМЧ.²² Кстати, включение этого произведения в макарьевскую энциклопедию русской письменности, не отмеченное предыдущими исследователями «Филофеева цикла», свидетельствовало о том, что идеи, изложенные Филофеем, привлекли внимание высших иерархов Московской Руси.

* * *

Третий вариант «Послания на звездочетцев» отличается стабильностью заглавия («Послание старца Филофея Елизарова монастыря к великаго князя диаку Михаилу Григорьевичю Мисюрю, в нем же на звездочетцы и на латины») и совокупностью своеобразных чтений:

«... учюся б у к в а м (вместо: книгам) благодатнаго закона»;

«... наше царство... неподвижимо (вместо: недвижимо) пребывает»;

«... беша <латины> с нами во единстве (вместо: в соединении)»;

«... великостолнейшаго (вместо: высокостолнейшаго) государя нашего»;

«... обратимся ко всемогущему богу спасти нас» (вместо: спасти нас господу).

Во всех без исключения списках данной ветви²³ говорится о предсказанном в пророческих книгах «ромейском царстве». Непонятное для переписчиков выражение «получая счастьком» в большинстве случаев искажено («получая счастьков», «получаска с частком») и передано точно лишь в ГПБ, Солов., 985/875.

Можно предположить, что формула заглавия была сконструирована на основе сведений, почерпнутых переписчиком протографа данной ветви из рукописи, включившей «Послание на звездочетцев» вместе с «Написанием Николаевым»: из «Написания» было взято прозвище адресата — «Мисюрь», а из текста «Послания» — имена автора и адресата и данные об их общественном положении. В результате этого сформировалось заглавие, включающее полные сведения об адресате и авторе «Послания» и уведомляющее о его содержании.²⁴

Среди списков этой ветви нет ни одного, написанного ранее конца XVI—начала XVII в.²⁵ Видимо, с этим связано наличие в тексте иных грамматических форм, чем в вариантах более раннего происхождения:

²¹ И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. — ЖМНП, 1876, ч. 186, июль, стр. 51—52.

²² В августовском томе Софийского списка ВМЧ, созданном до 1541 г. (ЦГАДА, Оболенск., 161), «Послание на звездочетцев» отсутствует. Внесение его в текст ВМЧ относится, таким образом, к периоду 1541—1552 гг., что совпадает по времени с распространением других старейших списков данного варианта «Послания».

²³ ГПБ, Солов., 985/875, ГПБ, Q.I.225, ГПБ, Погод., 1620, ГПБ, F.I.263, ГБЛ, МДА, 10 (175), ГБЛ, Рогож., 681, ГБЛ, Овчинник., 558, ГБЛ, ф. 218, № 1153, БАН, 16.16.34, ГИМ, Музейск., 1209, ГИМ, Вахрамеев., 127, ГИМ, Уваров., 1847 (906), БАН УССР, Киев-Соф., 320. Фрагменты этого варианта «Послания» содержатся в сборниках: ГПБ, Погод., 1294, ГПБ, Q.XVII.40, БАН, Арх., С.240, ГИМ, Уваров., 1966 (36).

²⁴ Близкие к этой группе списки ГИМ, Уваров., 274/139, БАН УССР, Киев, ДА, 888, ЦГАДА, МИД, 509/990 озаглавлены: «Послание старца Филофея Елизарова монастыря от божественных писаний».

²⁵ Два списка — ГИМ, Вахрамеев., 127 и БАН, Текущ. пост., 676 — находятся в сборниках, содержащих Хронограф в редакции 1617 г.

«опресноков», «грехов» (в родительном падеже множественного числа) вместо «опреснок» и «грех».

Ряд списков этой ветви находится в сборниках, отличающихся некоторыми общими особенностями.

Во-первых, в сборниках ГПБ: Солов., 985/875, Погод., 1620, Q.I.225, F.I.263; ГБЛ: МДА, 10/175, Рогож., 681; ГИМ, Музейск., 1209 «Посланию на звездочетцев» предшествует «Послание о крестном знамении» (о котором речь пойдет ниже), а за «Посланием на звездочетцев» следует «Послание второе к тому же Михайлу Григоревичу на противящихся божиеи воли». В сборники ГПБ, Погод., 1294, ГБЛ, Овчин., 558, ГБЛ, ф. 218, № 1153, БАН, Арх., С. 240 включены только два первых послания, а в сборник БАН УССР, Киев.-Соф., 320 только два последних. Другие произведения «Филофеева цикла» в сборниках, содержащих списки данной ветви, не встречаются.

Во-вторых, эти три послания окружены в некоторых сборниках постоянным конвоем. Так, в ГБЛ, МДА, 10 (175) трем названным посланиям предшествует группа статей против латинян, армян и магометан, «Сказание о Феофиле, патриархе александрийском», и «Василия царя греческого главы наказательны к сыну его Льву», а за «Посланием на противящихся божьей воле» следует «Притча к хотящим учиться». В сборнике ГПБ, Q.I.225 перед антилатинскими статьями находится группа хронографических статей (об Аскольде и Дире, о крещении Ольги и Владимира) и «Многосложный свиток» (послание патриархов императору Феофилу), а после «Притчи к хотящим учиться» помещены три сочинения против астрологов: Максима Грека «Слово противу тщющихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком»; приписываемая Максиму Греку «Повесть прикладна» о миланском герцоге и переведенное Максимом Греком «Сказание о разделении Персидские державы и о звездочетии».²⁶

Весь этот комплекс — от хронографических статей до сочинений Максима Грека — входит также в сборники ГБЛ, Рогож., 681 и ГПБ, F.I.263,²⁷ состав которых от начала и до конца полностью совпадает. Мы имеем возможность точно установить дату, место и обстоятельства формирования этих сборников: в предисловии к ГБЛ, Рогож., 681 говорится, что главы «книги сей Синоксарии, сиречь собрания... не во единое время писаны», но составитель их, «коли что обретох, тогда и написах», а был он «не инок..., ни священник, но мирянин..., Георгий Евъсевиев сын Комонин», и завершил свой труд в сентябре 7112 (1603) г. «в царствующем граде Москве».

Если можно с полной уверенностью говорить о московском происхождении ГБЛ, Рогож., 681 и ГПБ, F.I.263, то почти столь же отчетливо выявляется и происхождение ряда других сборников, содержащих данный вариант «Послания». Так, многие статьи сборника БАН, Арх., С. 240, и в том числе фрагмент «Послания», заимствованы «ис книги старописной Сергиева монастыря полдестевой писаной на Косаго». Состав этой рукописи сходен со сборником ГБЛ, МДА, 10/175, также включающим ряд статей *троицкого происхождения* («История» и послания А. Палицына, челобитная троицкого старца Арсения Глухова). «История» А. Палицына входит и в сборники ГИМ, Уваров., 1847/906 и ГПБ, Q.XVII.40, где она помещена непосредственно перед «Посланием».

²⁶ Отдельные части этого конвоя сопровождают «Послание на звездочетцев» и в сборниках ГИМ, Уваров., 1847 (906), ГПБ, Q.XVII.40, БАН, Арх., С.240.

²⁷ Очень близок к ним сборник начала XVIII в. — Гос. архив Калин. обл., Колл. рукоп., 138.

Совокупность этих обстоятельств наводит на мысль о том, что данная ветвь «Послания» сложилась в конце XVI—начале XVII в. в триецко-московском регионе.

Из этих же мест происходит и сборник ГБЛ, Троице-Серг., 798, но «Послание» приведено здесь в особой, сильно сокращенной редакции, причем во фразе «девятдесят лет, како греческое царство разорися и не созиждется», слова «девятдесят лет» опущены. Отсутствуют также важнейшие фразы о падении двух Римов и о судьбе третьего Рима.

Сходные пропуски встречаются и в новгородском сборнике ГПБ, СПб. ДА, 430 (лл. 29—34), но других черт близости у этих списков нет. Напротив, в остальном они очень не похожи друг на друга: в отличие от краткой редакции ГБЛ, Троице-Серг., 798 текст «Послания» в ГПБ, СПб. ДА, 430 содержит многочисленные, нигде более не встречающиеся дополнения и изменения. Определить место этих двух списков конца XVI—начала XVII в. среди вариантов «Послания» пока нет возможности.

Еще один вариант текста этого сочинения содержится в сборниках XVII—XVIII вв. БАН, 21.5.15, ГБЛ, Шибанов., 193 и ИРЛИ, Северодвин., 11/65, и снабжен заголовком: «Послание Филофея игумена Елизаровой пустыни великого князя дьяку Мисюрю на обличение скудоумных звездочтец». Сравнительно позднее происхождение этих списков и явная удаленность их от архетипа заставляют связывать именование Филофея «игуменом» с произволом переписчика.²⁸

Во всех случаях, когда в «Послании» речь идет о «ромейском» царстве, здесь оно именуется «римским», а слова «избавити мя вечнаго мучения» читаются «избавити мя огненаго мучения вечнаго».

Списки этой группы, так же как и близкий им список XVII в. ГИМ, Шукин, 466, озаглавленный «Послание государю царю и великому князю Ивану (так!) Василевичю всея Руси Псковские области Елизарева монастыря старца Филофея», отличаются множеством пропусков и дополнений, разъясняющих непонятные, по мнению переписчиков, места.

Для истории текста «Послания на звездочетцев» эта группа поздних списков новых данных не дает, однако включающие их сборники важны для истории «Послания о крестном знамени» и «Сочинения об обидах церкви».

* * *

«Послание на звездочетцев» затрагивает разнообразные вопросы, но цельность ему придает его антилатинская направленность. Она проявляется при разработке каждого из сюжетов: об астрологии и божественном промысле, о природе бога-сына, об обряде коленопреклонения, о причастии. Латинская церковь обвиняется в отступлении от истинной веры, и ей противопоставляется русская православная церковь. Филофей отвергает утверждение латинян о «недвижимости римского царства», т. е. о сохранении функции богоизбранности за «старым Римом».

Одновременно «Послание» напоминает и о том, что греческое царство «разорися и не созиждется» из-за того, что греки предали «православную веру в латинство». Правда, гибель Византии — второго Рима — не привела к таким последствиям для христианства, как отступление от него латинян: по словам Филофея, «агарины внуцы», захватившие греческое

²⁸ Кроме этих списков, Филофей именуется «игуменом» только в ГПБ, F.XVII.23, отличающемся множеством новочтений и носящем следы правки по какому-то другому списку.

царство, «не повредили» в нем православную веру и «не насилствуют греком от веры отступати». Это уточнение, видимо, отражало позицию определенных кругов русской церкви в вопросе об отношениях с греческой иерархией.

Отмечая гибель «обоих Римов», Филофей приводит к выводу о том, что функции «ромейского царства» — т. е. державы, в пределах которой обретается истинная христианская церковь, — перешли к единственной, «не потопленной неверными» и осененной «благодатиею христовой» стране — Московской Руси. Такое определение исторической роли Руси и русской церкви является вполне правомерным в антилатинском трактате и органически связано с его содержанием.

* * *

Русские читатели XVI—XVII вв. воспринимали, вероятно, в качестве одинаково важных каждую из тем, затронутых в «Послании на звездочетцев». Об этом свидетельствует включение «Послания» в сборники различного характера: астрономические, эсхатологические, полемические, хронографические, — а также то, что составители сборников извлекали из «Послания на звездочетцев» самые различные фрагменты.²⁹ Но все же чаще других избирались для переписки фрагменты, связанные с определением исторической роли русской церкви и государства.³⁰

Воспроизведение текста (в фрагментах или в полных списках «Послания») не было механическим, — порой он подвергался редакционной обработке. Так, например, встречаются тексты, которым придана более антигреческая направленность:

1) в списке БАН, 16.16.34 во фразе «вся христианская царства потопиша от неверных» вместо «от неверных» написано «от неверия»;

2) в списке ГПБ, F.XVII.23 во фразе «они [греки] предаша православную греческую веру в латинство» выпущено слово «греческую».

Изменения текста связаны и с попытками истолковать и углубить идею «третьего Рима». Так, в списке ГИМ, Уваров., 274 (139) и БАН УССР, Киев. ДА, 888 введены подчеркнутые нами слова:

«А и ромейское царство якоже мною за сие неразруσιμο, яко господь в римскую власть написася»;

«... царство нашего государя по пророческим книгам то есть истинное ромейское царство».

Аналогичного характера изменения содержатся и во фрагментах ГБЛ, Вифанск. сем., 34/2 и ГПБ, F.IV.236:

«вся христианская царства... сидопася во едино царство ромейское по пророческим книгам то есть рече ромейское царство росейска державы московского государя и всеа великия Росии».

Не вдаваясь сейчас в причины каждой из этих новаций, отметим, что из-за наличия подобных разночтений «Послание на звездочетцев» (во всех его списках) имеет особо важное значение в качестве источника данных о формировании и дальнейшей судьбе идеи «Москва — третий Рим».

Известны случаи прямого заимствования текста «Послания на звездочетцев» в более поздних памятниках русской письменности. Так, именно

²⁹ О божественном провидении: ГПБ, Солов., 852/962, ГПБ, О.1.115. О коленопреклонении: ГБЛ, Ундол., 522.

³⁰ БАН, Арх., С. 240, ГИМ, Синод., 319 (853), ГБЛ, Вифанск. сем., 34/2. ГПБ, Колоб., 515, ГПБ, F.IV.236.

отсюда была взята фраза, открывающая «Повесть о зачатие Москвы» (перв. пол. XVII в.):

«Вся убо христианская царства в конец приидоша и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам то есть Российское царство: два убо Рима падоша, третий же стоит, а четвертому не быти».³¹

В «Книге о Ризе» Семена Шаховского (1625 г.) при обращении к патриарху Филарету использовано содержащееся в «Послании на звездочетцев» определение русской церкви:

«... иже вместо римския и константинопольская еже есть в богоспасаемом граде Москве святого и славнаго Успения пресвятыя Богородицы» (ГПБ, Колоб., 515, л. 136 об.).

Итак, текстологический анализ самого распространенного произведения «Филофеева цикла» — «Послания на звездочетцев» позволяет установить время его происхождения (около 1523 г.) и основные редакции, связанные с его распространением в определенной среде: исходная псковская редакция, новгородско-волоколамская редакция 1540—1550-х годов, трицко-московская редакция конца XVI—начала XVII в. Поскольку в самой близкой к оригиналу редакции фигурировало имя старца Филофея, можно с достаточным основанием полагать, что он и был автором этого произведения, органически цельного и лишенного внутренних противоречий.

Несколько иначе обстоит дело с другими произведениями «Филофеева цикла».

2

Среди них имеется послание, призывающее московского великого князя упорядочить выполнение обряда крестного знамения, заместить пустующие церковные кафедры, не посягать на имущество церквей и монастырей, а также принять меры для борьбы с «содоимским блудом».

Обращает на себя внимание недостаточно четкая конструкция этого сочинения. Основным его слоем является текст, убеждающий правителя навести порядок в церковных делах и искоренить «горький плевел» содомии. Эти призывы перебиваются рассуждениями о роли русского государства и его главы как богоизбранного попечителя христианства. Дважды в послании говорится о судьбе трех Римов, однако в одном случае речь идет о падении церквей «старого» и «второго» Рима, а в другом — об историческом жребии трех римских царств, причем одна и та же фраза «вся христианская царства снидошася в твое едино царство» повторяется трижды почти дословно.

Среди тридцати с лишним сохранившихся списков «Послания о крестном знамении» можно выделить несколько основных групп.

В новгородском сборнике середины XVI в. ГПБ, СПб. ДА, 430 вместе с уже упомянутым выше вариантом «Послания на звездочетцев» находится и незаглавленный список «Послания о крестном знамении». Составитель этого сборника склонен был, видимо, дополнять переписываемые им сочинения, — во всяком случае оба послания предстают здесь в наиболее расширенном по сравнению с другими списками виде. Однако

³¹ Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964, стр. 173. Приведенный текст вступительной фразы «Повести» ближе всего к списку «Послания на звездочетцев» в сборнике ГПБ, Q.XVII,254, где содержится чтение «в конец приидоша» (а не «приидоша в конец», как во всех других списках) и говорится о «росейском», а не о «ромейском» царстве.

сквозь все многословные наслоения просвечивают такие следы близости к архетипу, которые в других списках «Послания о крестном знамении» отсутствуют («плача горце глаголю и молю твою честную к богу любовь, яко да искорениши...», и др.). Аналогичный вариант «Послания», также неозаглавленный, содержится в тетради начала XVII в., вpletенной в сборник ГПБ, Погод., 1582.

Неозаглавленный текст этого же сочинения находится и в сборнике конца XVI—начала XVII в. ГБЛ, Троице-Серг., 798, где он открывается словами: «Начало посланию к великому православному царю, ему же начало сице». В противоположность предыдущему варианту с его многочисленными дополнениями данный текст отличается рядом существенных пропусков. Возможно, что эта неустойчивость состава текста, наряду с отсутствием заглавия, свидетельствует о том, что и распространенная, и краткая редакции «Послания» сложились в то время, когда окончательный вариант текста еще не определился.

Важное место среди списков «Послания о крестном знамении» занимают рукописи XVII в. ГБЛ, Беляев., 55(1549) и ГБЛ., Ундол., 1046, отличающиеся рядом общих чтений, например: «...о сем же [а не «о них же» — как в других вариантах] проводи апостол Павел»; а также отсутствие титулования в фразе «...еще исправи две заповеди», и др.

Близкий вариант текста находится в сборнике ГИМ, Уваров., 1971(346). Во всех этих сборниках данное сочинение именуется «Посланием старца Филофея Елизаровы пустыни к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии».

Содержащиеся в этих сборниках другие произведения «Филофеева цикла» тоже отличаются рядом особенностей. Так, например, «Послание некоего старца в беде сущим»³² озаглавлено тут «Послание старца Филофея во Псков просившим [у него] слова на утешение некоем боголюбцем, понеже бе в то время скорбь от государя и от властей градских насилие [бысть]».

Вслед за этим посланием помещена заметка:

«Сего преподобного старца моляху псковстии нецгы христолюбцы, дабы к государю писанием молил о них, понеже той старец неисходен бе из монастыря и добродетелнаго его ради жития и премудрости словес знаем бе великому князю и велможам. Он же в сем послании аще и отречесе молити государя о их скорбех, смиряя себе, яко не имея дерзновения, но последи много показа дерзновения к государю и моления о людех, тако же и боляром и наместником псковским, и обличи их о многой неправде и насилвании, не убося смерти. Великий же князь и велможи его, ведуще его дерзость и беспопечение о сем веде, не смеша ничтоже ему зла сотворити».

³² Под этим названием оно встречается в сборниках ГПБ, Соф., 1444 и ГИМ, Чудов., 55/355; близкий вариант в сборнике ГПБ, Соф., 1391 названия не имеет. В указанных трех списках текст послания старше, чем в ГБЛ, Беляев., 55 и ГБЛ, Ундол., 1046, так как в последних двух Агафоник Кастелийский (герой рассказа, заимствованного автором из «Пандектов» Никона Черногорца) ошибочно именуется «Агафониом Палестинским». В сборнике XVII в. ГИМ, Барсов., 1546 это сочинение именуется «Посланием к сущим в скорбех», а Агафоник назван «Калестинским».

«Послание в беде сущим» генетически связано с анонимным «Посланием к велможам» (в сборниках ГПБ: Соф., 1281 и Погод., 1567), происхождение которого до сих пор вызывает большие споры (И. Г. Смирнов, Очерки политической истории русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.—Л., 1958, стр. 236—244; А. А. Зимин, Россия на пороге нового времени. М., 1972, стр. 339).

В отличие от всех остальных материалов «Филофеева цикла» эта заметка ни разу не встречается в сборниках XVI в.³³ Данное обстоятельство, так же как и содержание заметки, наводит на мысль о том, что она была составлена «задним числом», чтобы подкрепить содержащуюся в новом заголовке версию о псковском происхождении этого «утешительного послания».

Весьма вероятно, что развернутые заголовки «Послания о крестном знамении» и «утешительного послания» были придуманы составителем той рукописи, из которой комплекс сочинений «Филофеева цикла»³⁴ и сопровождавшая его заметка перешли в ГБЛ, Беляев., 55, ГБЛ, Ундол., 1046 и ГИМ, Уваров., 1971 (346). Этим лицом был, судя по предисловию к ГБЛ, Беляев., 55, «священнолепный муж святых Россия преименитаго града Пскова», — неудивительно, если под пером такого редактора «утешительное послание» приобрело псковский адрес.

В сборниках ГБЛ, Ундол., 1046 и ГИМ, Уваров., 1971 (346) к описанному комплексу сочинений примыкает статья «Из псковского королевского прихода» (о походе Стефана Батория в 1581 г.). Наличие ее позволяет датировать этот комплекс и входящие в него варианты текстов периодом не ранее конца XVI в.

«Посланием к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси Елизарова монастыря старца Филофея» названо «Послание о крестном знамении» и в списке XVII в. ГИМ, Щукин., 466, содержащем несколько иной, чем предыдущие, вариант текста.

Имя Филофея в качестве автора «Послания о крестном знамении» фигурирует и в списках XVII в. БАН, 21.5.15 и ГБЛ, Шибанов., 193, где это сочинение названо «Посланием Филофея, игумена Елизаровы пустыни, к государю великому князю Василию Ивановичю всея Руси» и содержит некоторые общие черты с предыдущими двумя списками (например, удвоение слова «блюди» во фразе «блюди и внемли благочестивый царю»), хотя и дальше, чем они, отстоит от архетипа.

Приведенными двумя группами списков, а также сборниками ГИМ, Музейск., 1209 (кон. XVII в.) и ГБЛ, ф. 248, № 1153 (нач. XIX в.) исчерпывается перечень текстов «Послания о крестном знамении», содержащихся в заглавии имя Филофея.³⁵ Во всех остальных списках это имя отсутствует.

Таковы, например, списки, находящиеся в сборниках эсхатологического содержания и озаглавленные «Послание к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестнаго знамения и о содомском блуде»: БАН, Арх., Д. 443, ГПБ, Солов., 233, ЦГАДА, МИД, 296/676. Некоторые черты (наличие соединительного «и» в словах о «соборной и апостольской церкви», порядок слов — «владыце всех» и др.) объединяют их с предыдущими группами списков, но по названию они совпадают с дру-

³³ Во всех трех сохранившихся списках этой заметки она следует за «Посланием старца Филофея во Псков» и сопровождается в ГБЛ, Ундол., 1046 и ГИМ, Уваров., 1971 (346) коротким, не связанным с нею текстом «О чаше мерной». Возможно, что этот текст находился на обороте листа с заметкой и был механически переписан вместе с ней. В ГБЛ, Беляев., 55(1549) «О чаше мерной» нет.

³⁴ В этот комплекс входило также «Сочинение об обидах церкви», о котором речь пойдет ниже.

³⁵ Это послание приписывается Филофею лишь в тех сборниках, где оно помещено вместе с «Посланием на звездочетцев», или в ГБЛ, Беляев., 55/1549 и ГБЛ, Ундол., 1046, восходящих к сборнику, составитель которого проявлял особый интерес к деятельности Филофея. С другой стороны, в тех случаях, когда «Послание о крестном знамении» не сопровождалось «Посланием на звездочетцев», в его заглавии ни разу не встретилось имени Филофея.

гой группой, представленной в сборниках, включающих триоцко-московский вариант «Послания на звездочетцев»: ГПБ: Солов., 985/875, Q.I.225, Погод., 1620, F.I.263; ГБЛ: МДА, 10/175, Рогож., 681; ГИМ, Уваров., 1966/36; БАН, Арх., С. 240.

Ряд чтений, свойственных этой последней группе списков, свидетельствует о сравнительной отдаленности их от архетипа.³⁶ Можно предположить, что данный вариант текста «Послания о крестном знамении», так же как и сопутствующий ему триоцко-московский вариант «Послания на звездочетцев», сложился позднее других вариантов, скорее всего — в конце XVI—начале XVII в.

Как уже было сказано, критика религиозной жизни и нравов русского общества чередуется в этом послании с рассуждениями об исторической роли русского государства. Во многих случаях эти рассуждения совпадают с аналогичными формулировками заключительного раздела «Послания на звездочетцев».

«Послание на звездочетцев»

...мала некаа словеса изречем о... царствии пресветлейшаго и высокостолнейшаго государя нашего... брододержателя святых божиих престол святых вселенския апостолския церкви, иже вместо римския и константинопольской... святаяго³⁷ и славнаго уснения пречистыа богородица, иже едина в вселенней паче солнца светится.

И да веси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя.

Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти.

Уже бо христианской церкви исполнися блаженнаго Давида глагол:³⁸ се покой мой в век века, zde вселюся, яко изволих их.

Подобает царствующему держати сие с великим опасением и к богу обращением, не уповати на злато и богатство исчезновенное.

Некоторые из словесных оборотов «Послания о крестном знамении» являются вторичными по сравнению с «Посланием на звездочетцев». Так, например, именованние царя «пресветлейшим и высокостолнейшим госу-

«Послание о крестном знамении»

...тебе, пресветлейшему и высокостолнейшему государю... брододержателю святых божиих престол святых вселенския соборных апостолския церкви пресвятых богородицы, честнаго и славнаго ея уснения, иже вместо римския и константинопольския просиявшу.

Ся же ныне третиаго новаго Рима церкви... иже в концых вселенныа... во всей поднебесней паче солнца светится.

И да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православных христианския веры снидошася в твое едино царство.

Внимай, господа ради, яко вся христианская царства снидошася в твое царство.

...блуди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася в твое едино.

Два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти.

А христианской церкви исполнися блаженнаго Давида глагол: се покой мой в век века, zde вселюся, яко изволих его.

Подобает тебе, царю, сие держати со страхом божиим. Убойся бога, давшего ти сия, не уповай на злато и богатство и славу.

³⁶ Начальная фраза «Послания о крестном знамении» заимствована из распространенного в русской письменности «Многосложного свитка» (послания греческих патриархов к императору Феофилу). Списки данной группы наименее точно воспроизводят эту формулу: «силнии пишут в правду» (вместо: «пишут правду»), «всех владыне» (вместо: «владыце всех») и др.

³⁷ В ГБЛ, МДА, 4 (103): «честнаго».

³⁸ В списках новгородско-волоколамской группы: «божественнаго Давида»; в списках триоцко-московской группы: «глагол блаженнаго Давида».

дарем» врезается в «Послании о крестном знамении» в середину фразы, заимствованной из «Многосложного свитка». Увещание «не уповать на золото и богатство» в «Послании на звездочетцев» ближе к оригиналу (I Послание Павла к Тимофею, 6.17), чем в «Послании о крестном знамении». Ни в одном из списков «Послания о крестном знамении» не содержится правильного написания «агарины внуцы», а говорится об «агарянех внуцех», «агарянстих внуцех» и т. п. Наконец, знаменитая формула о «трех Римях» приведена здесь в отрыве от того евангельского толкования судьбы Рима, которое включено в «Послание на звездочетцев».

Можно предположить, что в «Послании о крестном знамении» был использован вариант текста «Послания на звездочетцев», дошедший до нас в списках ГБЛ, МДА, 4 (103) и ГИМ, Уваров. 910 (289). Именно эти списки содержат ту совокупность чтений, которая присутствует и в «Послании о крестном знамении»:

«высокостолнейшаго государя» (а не «великостолнейшаго» — как в списках троицко-московской ветви);

«брододержателя» (а не «борводержателя» — как во многих списках псковско-новгородской ветви);

«честнаго и славнаго уснения» (только здесь!), и др.

Сравнение сходных фрагментов обоих посланий показывает, что они не похожи на «автоцитаты», отличающиеся обычно полным совпадением текста либо, напротив, внесением нового содержания в ранее найденную форму. Здесь же имеет место приспособление уже сложившихся формул к новому авторскому замыслу, не отличающемуся такой цельностью, как то сочинение, из которого взяты эти формулы.

Наконец, сама композиция посланий, — в первом из которых изложение «римской идеи» сконцентрировано, а во втором рассредоточено и не всегда органически связано с основной темой произведения, — тоже свидетельствует о различии литературной манеры этих сочинений.

Эти различия, так же как и отсутствие имени Филофея в большинстве сохранившихся списков «Послания о крестном знамении», заставляют усомниться в том, что оно вышло из-под его пера. Вполне вероятно, что словесные обороты, найденные Филофеем для характеристики особого положения Руси в христианском мире, были подхвачены и использованы уже за пределами первоначально содержавшего их текста. Включение их в «Послание о крестном знамении» придавало большую убедительность призыву к верховным властям об оказании помощи в церковных делах.

В связи со сказанным нуждается в пересмотре и традиционное представление о датировке «Послания о крестном знамении». По мнению первого публикатора этого послания — А. С. Павлова, Филофей (которого Павлов, исходя из заглавия найденного им списка, считал автором «Послания») выступал в нем «печаловником за свою родную псковскую землю» и призывал великого князя положить конец беззакониям московских властей в Пскове после его присоединения в 1510 г.³⁹

В. Н. Малинин связал содержание «Послания о крестном знамении» со словами приведенной выше заметки о Филофее из сборников ГБЛ: Беляев., 55 (1549) и Ундол., 1046: «...много показа дерзновения к государю и молении о людях». Поскольку ни в одном другом из сочинений «Филофеева цикла» «моления о людех» не содержится, Малинин решил,

³⁹ [А. С. Павлов]. Послание старца псковского Елеазарова монастыря Филофея к великому князю Василию Ивановичу. — Православный собеседник, кн. 1, 1863, стр. 340.

что именно это «Послание» и имелось в виду в заметке. Не приводя никаких дополнительных аргументов, Малинин именует «Послание о крестном знамении» «ответом на просьбу псковичей о печаловании за них перед великим князем» и, так же как и А. С. Павлов, относит его к 1510—1511 гг.⁴⁰ Мнение В. Н. Малинина разделяет и Н. Н. Масленникова, считающая, что в данном послании содержится просьба избавить Псков от злоупотреблений наместников.⁴¹

Однако при этом не принимается в расчет ряд существенных обстоятельств. Во-первых, заметка в сборниках Беляева и Ундольского имеет сравнительно позднее происхождение и данные, содержащиеся в ней, скорее извлечены ее составителем из сочинений «Филофеева цикла», чем опираются на реальные исторические факты.

Во-вторых, даже если считать эти данные правильными, «Послание о крестном знамении» нельзя рассматривать как «моление о людях», ибо просьба «избавить обидимых из руки обидящих» занимает здесь ничтожно малое место по сравнению с другими просьбами, касающимися религиозной жизни и морали.⁴²

Наконец, датировка «Послания о крестном знамении» 1510—1511 гг. неприемлема и потому, что она относит это сочинение к более раннему времени, чем «Послание на звездочетцев», тогда как последовательность их создания была заведомо обратной.

Многие исследователи обращали внимание на содержащуюся в «Послании о крестном знамении» просьбу к правителю: «... да исполниши святые соборныя церкви епископы, да не вдовствует святая божия церкви при твоём царствии». Содержание этой просьбы ставилось в связь с ситуацией, сложившейся в 1509—1526 гг., когда новгородская епископская кафедра в течение необычно долгого времени оставалась незаемщенной.

Однако этот вывод может считаться бесспорным лишь в том случае, если в «Послании» имелась в виду данная (т. е. новгородская) кафедра. Между тем именно это место текста — ввиду большого числа разночтений — допускает различные толкования. Так, в сравнительно ранних списках ГБЛ, Беляев., 59/1549 и ГБЛ, Ундол., 1046 сказано: «... да не вдовствуют святые божия церкви»; в еще более раннем списке ГПБ, СПб. ДА, 430: «... да исполниши святые соборныя церкви в своем царствии».⁴³ Много разночтений и в поздних списках: в ИРЛИ, Причуд., 4 и 17: «... да наполняется святые соборныя церкви православными пастыри, епископы и святители»; в ГИМ, Музейск., 1209 этому сочинению дано заглавие: «Послание к великому князю Василию Ивановичю... в нем же о исправлении крестнаго знамени и о вдовствующих церквах». Иначе говоря, и ранние, и поздние переписчики воспринимали эту часть текста как пожелание общего характера, а не как просьбу о замещении конкретной епископской кафедры.

⁴⁰ В. Н. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей..., стр. 373. С. Голубов в рецензии на книгу В. Малинина указывал, что «Послание о крестном знамении» «можно лишь с величайшими натяжками считать имеющим характер печаловнический». — Труды Киевской духовной академии, кн. 3, 1903, стр. 98.

⁴¹ Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова..., стр. 159—160.

⁴² В. Н. Малинин и Н. Н. Масленникова считали, что с событиями 1510—1511 гг. был связан призыв «Послания о крестном знамении» «не уповать на злато и богатство». Однако эта фраза встречается и в «Послании на звездочетцев» и, следовательно, не связана с каким-либо конкретным событием.

⁴³ Слова «в своем царствии» в рукописи зачеркнуты и заменены словом «епискупы».

Не отвергая окончательно предположения о том, что «Послание о крестном знамении» было создано в период «вдовства» новгородской епископской кафедры, необходимо во всяком случае сдвинуть рамки его датировки, начиная отсчет не с 1509 г., а с 1523—1524 гг., т. е. со времени появления «Послания на звездочетцев».

Вместе с тем надо считаться и с возможностью того, что это послание к правителю Руси возникло не при Василии III, а при Иване IV. Ведь чередование их имен в заголовке «Послания» свидетельствует о неустойчивом представлении переписчиков об адресате данного сочинения.

Большинство вопросов, затронутых в «Послании», разрабатывалось в литературе 1520—1540-х годов вплоть до Стоглавого собора 1551 г. Видимо, дату создания этого «Послания» наиболее целесообразно искать в промежутке между 1523/24 г. и второй половиной 1540-х годов, когда было написано генетически связанное с ним «Сочинение об обидах церкви». Оба эти произведения, вышедшие, очевидно, из одной и той же среды, могли быть созданы в течение сравнительно короткого промежутка времени, а не разделены, — как это полагали предыдущие исследователи, — несколькими десятилетиями.

Многое в «Послании о крестном знамении» продолжало оставаться актуальным еще долгое время, и постепенно — наряду с перепиской текста «Послания» в его первоначальных вариантах — с ним стали обращаться как с сочинением формулярного характера, используя его для обращения к сменяющим друг друга правителям Московского государства.

Так, например, протопоп Благовещенского собора Терентий при составлении приветственного послания Лжедимирию заимствовал текст «Послания о крестном знамении» начиная с его самых первых слов, затем привел полностью рассуждения о «третьем Риме» и вставил в последующую фразу имя нового адресата: «...един ты во всей поднебесней христианом крепки хранитель и поборник, светлыи царь благоверныи государь и великий князь Димитрей Ивановичь, всея Росии самодержец».⁴⁴

В еще более поздней рукописи «Послание о крестном знамении» было переименовано в «Послание к царю Алексею Михайловичу христианское».⁴⁵ И, наконец, при составлении в XVIII в. оглавления к старинному сборнику ГПБ, СПб. ДА, 430 текст «Послания» был снабжен заголовком: «Грамота поучительная к великому государю царю Московскому. . . , а к которому и от кого непоказано».

В ряде случаев переписчики выбирали из «Послания о крестном знамении» только отдельные сюжеты:

1) в сборники ГПБ, Погод., 1294 и ГБЛ, Овчинник., 558 включены — под названием «Послание к великому князю Василию о содомском блуде» — фрагменты, обличающие этот порок;

2) в сборниках ГПБ, Титов., 2040, ГБЛ, Шибанов., 33, ГБЛ, ф. 218, № 1138, СГИАИ, ф. 834, № 4 содержится выборка извлечений из «Послания о крестном знамении», объединенных идеей «третьего Рима». Во всех этих случаях фрагменты озаглавлены: «Из книги Мефодия [Матфея] Патарского. От послания к великому князю Василию Московскому». Видимо, протограф этих списков входил в состав сборника типа БАН, Арх., Д. 443, включавшего наряду с сочинениями Мефодия Патарского «Послание о крестном знамении».

⁴⁴ ГПБ, Погод., 1622, лл. 12—16.

⁴⁵ ИРЛИ, Причуд., 4, лл. 182—186. Копия этого списка в сборнике ИРЛИ, Причуд., 17, лл. 39—41.

Эти же рассуждения об историческом жребии Руси привлекли внимание составителя грамоты об учреждении патриаршества (1589 г.), ряд мест которой очень близок к «Посланию о крестном знамении»:

«Послание о крестном
знамени»

«...старога убо Рима церкви падеся неверием аполинариевы ереси.

«...второго Рима Константинова града церкви агаряне⁴⁷ внуцы секирами и оскордами рассekoша двери.

«...вся царства православныя христианския веры снидошася в твое едино царство, един ты во всей поднебесной христианом царь».⁴⁸

«Грамота, уложенная об учреждении в России патриаршего престола»⁴⁶

«...понеже убо ветхий Рим падеся аполинариевой ересью...

«...второй же Рим, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы, от безбожных турок, обладаем.

«...вся благочестивая царствие в твое в едино собрася, и ты един под небесем христианский царь именуешись во всей вселенней во всех христианех.

Может быть, не случайно формулы о «трех Римах» попали в эту грамоту не из Филофеева «Послания на звездочетцев», а из анонимного «Послания о крестном знамении», созданного, по всей вероятности, в кругах, близких к высшей московской иерархии.

3

В 1882 г. В. Жмакин опубликовал найденное им в сборнике ГПБ, Соф., 1444 незаглавленное сочинение.⁴⁹ Воспроизводя этот памятник, В. Жмакин и позднее В. Малинин начинали его с текста о друзьях и врагах церкви, восходящего к «Лествице» Иоанна Синайского. Однако оба они не упомянули о том, что в рукописи этот текст был тесно связан с предшествовавшим ему рассказом об истории создания «Лествицы», заканчивавшимся словами: «Да добро убо к добрым послушателем от бога начати, яко же глаголет божественнаа лествица списатели».

И уж после этих слов, в качестве органического их продолжения, шла открываемая киноварным инициалом тирада о друзьях и врагах церкви.

В первой части сочинения осуждаются беззакония, творимые нарушителями божественных заповедей. Перечисляя их, автор с сочувствием обращается к христианской церкви: «О христианское прибежище и очистилище нашим согрешением..., како ныне твоя чада тебе пресветлои своєї матере сечивом и оскордом священныа двери рассekoша и от всех обидима зришися».

Вслед за этим идет апокалиптический рассказ о жене, бегущей от змея в пустыню. Ее «бежание в пустыню» истолковывается как перемещение оплота христианской церкви «в третии Рим... иже есть в новую великую Русию». Впрочем, и на Руси, по словам автора, церковь подвергается оскорблениям и обидам, подробно описанным в заключительном разделе сочинения.

По мнению ряда исследователей, первая часть этого текста не связана органически со второй, и их соединение (встречающееся лишь в сборнике ГПБ, Соф. 1444) было случайным.⁵⁰ Основное внимание в литературе

⁴⁶ СГГД, ч. 2, М., 1819, стр. 97.

⁴⁷ В ГПБ, Титов., 2040: «агарянскими».

⁴⁸ В ГПБ, Титов., 2040: «царь именуешися»; в ГПБ, СПб. ДА, 430: «имянуешися царь».

⁴⁹ В. Жмакин. Один из литературных памятников XVI в., стр. 248—253.

⁵⁰ D. Stremoukhoff. Moscow the Third Rome..., p. 98; F. Kämpfer. Beobachtungen zu den Sendschreiben Filofejs. S. 9.

ются не только «святыя церкви», но и «честныя монастыри» Эти поновения более или менее точно воспроизводятся во всех остальных списках «Сочинения об обидах».

Наряду с этим список «Сочинения об обидах» в сборнике ГБЛ, Беляев., 55(1549) отличается некоторыми, нигде более не повторяющимися особенностями:

1) в фразе о бегстве апокалиптической жены в «третий Рим . . . иже есть в новую великую Русию», исключено слово «великую» и добавлено «в великий Нов град»;

2) после фразы о всемирном значении русской церкви исключены слова о высокой миссии «православного великого русского царя» и вставлен фрагмент, близкий к тексту «Повести о новгородском белом клобуке»: «...ему же ангел господень повеле римскому папе послати клобук в Новый Рим, еже и принесен бысть в великий Нов град лета 7000».

Очевидно, эти разночтения свидетельствуют о новгородском происхождении данного варианта краткой редакции. Дальнейшего распространения этот вариант в сохранившихся списках не получил.

К рассматриваемой группе списков «Сочинения об обидах» относится и ГИМ, Уваров., 1971 (346).⁵² Он значительно ближе к ГБЛ, Ундол., 1046, чем к ГБЛ, Беляев., 55 (1549). Вообще можно с достаточным основанием предположить, что вариант, аналогичный тому, который представлен в ГБЛ, Ундол., 1046, явился источником дальнейших модификаций этого сочинения.

Особенности данной группы сборников помогают объяснить происхождение того заглавия, которым снабжены позднейшие варианты «Сочинения об обидах». Во всех трех сборниках этой группы «Сочинению об обидах» (предваряемому пометой «Из Апокалипсиса») предшествует «Послание старца Филофея Елизаровы пустыни к царю и великому князю Ивану Василевичю всея Руси» (о крестном знамении). Очевидно, один из переписчиков неозаглавленного «Сочинения об обидах» отнес к нему заголовок предыдущего произведения и, соединив этот заголовок с пометой, находящейся позади этого произведения, сконструировал название: «Послание старца Филофея псковского Елизаровы [Елизарьевы] пустыни к царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Руси. Назади из апокалипсиса». В результате этих действий такое название оказалось присвоенным сочинению, совсем не похожему на послание и не содержащему ни титула адресата, ни обращения к нему, ни каких-либо других признаков произведения этого жанра

⁵² В разных частях этого сборника XVIII в содержатся (полностью или в виде отдельных фрагментов) почти все известные нам произведения «Филофеева цикла»:

- 1) «Послание на звездочетцев» (фрагмент);
- 2) «Послание старца Филофея к псковскому дьяку Мисюрю о наказании божии, еже есть о моровом поветрии» (с глоссой против имени Мисюря «был дьяк на Пскове по взятии»),
- 3) «Послание старца Филофея во Псков просившим у него слова на утешение»;
- 4) заметка о Филофее,
- 5) «Послание того же старца Филофея . к царю и великому князю Ивану Васильевичю» (о крестном знамении),
- 6) «Сочинение об обидах»

Наряду с этими произведениями в сборник включен ряд памятников, связанных с борьбой официальной церкви против новгородско-московской ереси, а также статьи о событиях псковской и новгородской истории. Вероятно, составитель этого сборника проявлял особый интерес к новгородской и псковской истории и к литературным памятникам псковского (или псевдопсковского) происхождения.

Подобное название носят списки «Сочинения об обидях» в сборниках эсхатологического содержания конца XVII—начала XVIII в. ГПБ, О. I. 395 и ГБЛ, Попов., 37, в сборниках XVIII в. БАН УССР, Киев. ДА, Аа160 и ГПБ, Колоб., 515, а также в сборнике XIX в. ИРЛИ, Богд., 64.⁵³ В наиболее поздних сборниках (XIX—нач. XX в.) — ГБЛ, Рогож., 62 и ГПБ, О. I. 262 название это деформировано («Филофей инока Елизарова монастыря, иже во Пскове, из Апокалипсиса», «Послания старца Филофия псковскаго к царю Ивану Васильевичу Елизариевы пустыни») и текст местами искажен.

В «Сочинении об обидях» имеются прямые заимствования из текста двух ранее рассмотренных посланий. Так, например, сложная конструкция фразы «Сочинения об обидях»: «А еже змии испусти из уст своих воду, яко реку, хотя жену в воде потопити, видиши ли, яко вся царства потопишася неверием», — объясняется тем, что во второй половине фразы использованы слова «Послания на звездочетцев»: «Видиши ли, избранниче божи, яко вся христианскаа царства потопишася от неверных». ⁵⁴

Тирана «Сочинения об обидях» — «едина ныне святаа соборнаа апостолскаа церковь восточнаа паче солнца в [во] всеи поднебесней светится» — восходит к тексту «Послания о крестном знамении»: «Сиа же ныне... святая соборная апостольскаа церкви, иже... во всеи поднебесней паче солнца светится».

В толковании апокалиптического рассказа о бегстве жены в пустыню сведены воедино объяснения причин падения веры в католической церкви, содержащиеся в обоих предыдущих посланиях:

«Послание на звездочетцев»

Латины... суть еретицы, своею волею отпадше от православныя веры, паче же опресночнаго ради служения... во аполинариеву ересь впадше.

«Послание о крестном знамении»

...старога убо Рима церкви падеся неверием аполинариевы ереси.

Все эти сходные обороты носят в «Сочинении об обидях» явно вторичный характер по сравнению с текстом «Послания на звездочетцев» и «Послания о крестном знамении». При этом в некоторых случаях одни и те же формулировки, будучи помещенными в контекст «Сочинения об обидях», имели иной смысл, чем в первых двух посланиях.

Так, слова апокалиптического пророчества о змее, испутившем «из уст своих воду, яко реку, хотя жену в воде потопити», толкуются в «Послании на звездочетцев» и в «Сочинении об обидях» по-разному:

«Послание на звездочетцев»

...вся христианскаа царства потопишася от неверных, токмо единого государя нашего царство благодатию христовою стоит.

«Сочинение об обидях»

...вся царства потопишася неверием, новыя же Русиа царство аще и стоит верою в православии, но добрых дел оскудение [м] и неправда [неправды] умножися.

Таким образом, в «Послании на звездочетцев» Русь безоговорочно противопоставляется царствам, утратившим чистоту веры, а в «Сочине-

⁵³ Фрагмент «Сочинения об обидях» под таким же названием находится в сборнике 1880 г. ИРЛИ, Карел., 85.

⁵⁴ В БАН, 16.16.34: «от неверия».

нии об обидах» это противопоставление не столь категорично: восхваление русского царства омрачается здесь оговоркой об «умножении неправды» на Руси. Столь пессимистический вывод резко отличается от оптимистической тональности «Послания на звездочетцев».

О «содомском блуде» (относимом к числу «обид», причиняемых вере в «рустей земли») говорится в «Сочинении» более уклончиво, чем в «Послании о крестном знамении», и завершающая фраза этой части носит менее критический по отношению к духовенству характер:

«Послание о крестном
знамении»

«Сочинение об обидах»

... да сия мерзость умножися не токмо в мирьских, но и в прочих. О них же помолчю, чтыи же да разумет.

... чтыи же да разумет, прочее же помолчю.

Как уже было сказано, сквозной темой «Сочинения об обидах» является описание недостатков в религиозной жизни тогдашнего русского общества. Характер и конкретное содержание критики этих недостатков сближают данное сочинение с рядом произведений, связанных с подготовкой церковного собора 1551 г. («Стоглава»). В материалах «Стоглава» встречаются указания, что накануне собора царь велел церковным владыкам представить свои суждения о неурядицах в православной церкви, и эти суждения были представлены в форме посланий и письменных заметок.⁵⁵ В числе сохранившихся произведений подобного рода можно назвать «Ответ Макария митрополита всея России ... великому князю Ивану Васильевичу ... о недвижимых вещах, вданных богови в наследие благ вечных»,⁵⁶ анонимную статью, осуждающую ложную присягу, ошибки в иконописании, переход священников из одной церкви в другую и т. д.,⁵⁷ а также послание к царю новгородского архиепископа (Феодосия?) с просьбой «упразднить бесчиние», творимое в его царстве, и «потщатъ и помыслить о божественных церквах и честных монастырех».⁵⁸

Круг вопросов, затронутых в «Сочинении об обидах», весьма близок к проблематике этих произведений и — соответственно — к проблематике «Стоглава».

«Сочинение об обидах»

«Стоглав»⁵⁹

Ссылка на «правило V собора» о посягающих на имущество, данное богу в наследие вечных благ.

Ссылка на то же правило (гл. 75).

... таковыя емлюще мерзости, насилующе святым церквам, или монастыремъ, или игумена в игуменьство, емля от него что. Таковыи злишии суть макидонския ереси.

Осуждение симонии (гл. 70).

⁵⁵ И. Н. Жданов. *Материалы для истории Стоглавого собора*, стр. 67.

⁵⁶ Н. Тихонов. *К материалам для истории Стоглава и его времени*. — *Летописи русской литературы и древностей*, т. 5, 1863, разд. III, стр. 129—131. А. А. Зимин именует этот памятник «речью Макария» (А. А. Зимин. *Реформы Ивана Грозного*. М., 1960, стр. 376). По мнению Г. Н. Моисеевой, ранняя редакция этого сочинения сложилась до 1547 г. (Г. Н. Моисеева. *Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV*. — *ТОДРЛ*, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 467).

⁵⁷ Заметки для истории Стоглава. — *Летописи русской литературы и древностей*, т. 5, 1863, разд. III, стр. 137—138.

⁵⁸ БАН, 16.17.29, лл. 111—112 об.

⁵⁹ *Стоглав*. Изд. 3-е. Казань, 1911.

...божественного и животворящего креста знамение с оскудением на себе полагающе, яко в мале срамляющесе им или гордящесе прелщами.

Обличение содомства.

О не исправляющих крестного знамения (гл. 32).

О содомском гресе (гл. 33).

Таким образом, все без исключения инвективы, содержащиеся в «Сочинении об обидах», нашли то или иное отражение в «Стоглаве», и это дает основание полагать, что данное сочинение вышло из среды, принимавшей непосредственное участие в подготовке собора 1551 г. и в оформлении его материалов, т. е. из кругов, близких к московской церковной иерархии.

Как сложилась краткая редакция «Сочинения об обидах»? Сохранившийся единственный список пространной редакции не содержит формальных различий между частями сочинения: рассказ об апокалиптической жене начинается на середине строки, после точки, с черной (не киноварной) строчной буквы, как и во многих других случаях, когда в данном сочинении происходит переход от одной мысли к другой. Следовательно, создатель краткой редакции (предположительно — упомянутый выше псковский «священнолепный муж») руководствовался не формальными соображениями. Может быть, первая часть «Сочинения», состоящая в основном из распространенных в то время текстов, не вызвала такого интереса, как более оригинальная по содержанию вторая часть. Возможно также, что содержание первой части (осуждение посягательств на церковное имущество и симонии) утратило в глазах составителя свою актуальность, поскольку редакция эта создавалась, по всей видимости, после «Стоглава», когда ряд вопросов, тревоживших церковные круги, оказался решенным в их пользу и положение русской церкви представлялось им несколько лучшим, чем раньше.

В свете всего сказанного о составе и литературной истории «Сочинения об обидах» следует подойти к дискуссии об этом произведении в литературе последних десятилетий. Все участники дискуссии, следуя за Малининым, считали этот памятник «Посланием Филофея к царю Ивану Васильевичу» (Ф. Кемпфер называет его «фрагментом Филофея»).⁶⁰ Исходя из этого, они старались определить, какому именно царю Ивану — Ивану III или Ивану IV — было адресовано послание. По мнению О. Оглобина и Н. Е. Андреева, его адресатом был Иван III;⁶¹ Н. Н. Масленникова, вслед за В. Н. Малининым, доказывала, что оно предназначалось Ивану IV.⁶²

Поскольку все три исходных положения этой дискуссии — что это произведение является посланием, принадлежит Филофею и адресовано «Ивану Васильевичу» — не подтверждаются анализом сохранившихся текстов, дискуссия оказалась неплодотворной. Единственно ценным результатом ее можно считать лишь выдвигание Н. Н. Масленниковой новых доводов в пользу того, что «Сочинение об обидах» было создано не в начале XVI в., а значительно ближе к его середине.

Большинство списков краткой редакции «Сочинения об обидах» содержит текст в идентичных границах (от апокалиптического рассказа до сентенции — «конец всему еже себе укаряти и имети себе под всеми»).

⁶⁰ F. K ä m p f e r. Beobachtungen zu den Sendschreiben Filofejs, S. 11.

⁶¹ О. Оглобин. Московская теория III Риму в XVI—XVII стол. Мюнхен, 1951, стр. 26; Н. А. Андреуев. Filofey and his Epistle..., p. 24; Н. Е. Андреев. Литература и иконопись: к истории идей в древней Руси. — In: N. A. Andreuev. Studies in Muscovy. London, 1970, p. 71.

⁶² Н. Н. Масленникова. К истории создания теории «Москва — третий Рим», стр. 581.

Исключение составляют лишь список ГПБ, Колоб., 515, обрывающийся несколько раньше, списки ГПБ, О.1.262 и ИРЛИ, Карел., 85, имеющие небольшие пропуски, и единственный в своем роде список второй половины XVII в. ЛОИИ, Лихачев., 14, в котором толкование пророчества об апокалиптической жене оканчивается словами о падении «великого Рима», а рассуждения о константинопольской церкви и о России — третьем Риме отсутствуют.

Следов прямого заимствования текста «Сочинения об обидах» в других памятниках русской литературы XVI—XVII вв. не обнаружено.

* * *

Итак, из трех произведений, содержащих наиболее ранние формулировки идеи «Москва — третий Рим», лишь одно имеет твердо установленного автора (старца Филофея) и адресата (псковского дьяка Мисюря Мунехина). Авторы двух других произведений, излагающих эту идею, заимствовали ее из «Послания на звездочетцев».

«Послание о крестном знамении» и «Сочинение об обидах, причиняемых церкви», распространялись сперва в качестве анонимных произведений и лишь на последующих этапах их литературной истории были приписаны Филофею.

Весь цикл произведений, введших в русскую литературу формулу «Москва — третий Рим», был создан в период с начала 20-х до конца 40-х годов XVI в.⁶³

Изменения в формулировках идеи «Москва — третий Рим» в трех изучаемых произведениях следует связывать не с «эволюцией взглядов Филофея» (как это принято было считать), а с развитием идеологии той среды, которая подхватила взгляды Филофея и придала им желательный для себя смысл.

Формула «третий Рим», заимствованная из «Послания на звездочетцев» и «Послания о крестном знамении», вошла во второй половине XVI — середине XVII в. в состав других сочинений и актов. Но все же главным источником, поддерживавшим существование идеи «третьего Рима» в русском обществе XVI—XVII вв., продолжали оставаться сами произведения «Филофеева цикла». Изменения, происходившие в их тексте, отражали те сдвиги в содержании идеи «третьего Рима», которые были связаны с ходом идейной борьбы в тогдашнем обществе. Лишь с начала XVIII в., когда идея «Москва — третий Рим» для большинства общественных групп утратила свой первоначальный смысл, целенаправленные изменения текста прекратились и сочинения «Филофеева цикла» воспроизводились в традиционной, сложившейся форме.

⁶³ Стремление Ф. Кемпфера отодвинуть время создания этих произведений «поближе к 1500 году» (F. K ä m p f e r. Beobachtungen zu den Sendschreiben Filofejs, S. 39) не подтверждается историко-литературным анализом имеющегося материала. Нуждается в уточнении и мнение Н. С. Чаева о том, что «теория „Москва — третий Рим“ складывалась под пером Филофея в 1510—1520-х гг.» (Н. С. Чаев. «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства XVI в. — ИЗ, № 12, 1945, стр. 11).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список сборников, включающих «послания Филофея»

Государственная Публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

F.I.263 (нач. XVII в.), лл. 418—420: «Послание к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестного знамения»; лл. 421—428: «Послание старца Филофея Елизарова монастыря к великаго князя дияку Михайлу Григориевичю Мисюрю, в нем же на звездочетцы и на латыни»; л. 429: «Послание второе к тому же Михайлу Григориевичю на противящихся божией воли в смертоносное время» [фрагмент].

F.IV.236 (втор. пол. XVII в.), лл. 267—268 [«Послание на звездочетцев», — фрагмент].

F.IV.835 (втор. пол. XVII в.), лл. 398—399: «Написание инока псковского Филофея» [«Послание о моровом поветрии»]; л. 399: «Того же инока псковского Филофея Елизаревы пустыни» [«Послание к вельможе в миру живущему»]; лл. 400—403: «Послание инока псковского Филофея Елизаревы пустыни» [на звездочетцев].

F.XVII.23 (разн. почерки XVII в.), лл. 573—574 [«Послание к вельможе в миру живущему»]; лл. 574—578: «Послание Филофея игумена Елизаровой пустыни к... Мисюрю на обличение звездочетцев».

Q.I.239 (разн. почерки кон. XVII в.), лл. 164—171: «Послание старца Филофея М. Г. Мисюрю на противящихся божией воли».

Q.I.1439 (разн. почерки втор. пол. XVII в.), лл. 329—343: «Послание старца Филофея о числах лет и переходных звездах» [на звездочетцев].

Q.XVII.15 (разн. почерки 1530—1540 гг.), лл. 469—470: «Послание инока Филофея к некоему вельможе в миру живущему»; лл. 470—474 [«Послание на звездочетцев»].

Q.XVII.40 (кон. XVII—нач. XVIII в.), лл. 258—264: «Послание старца Филофея... Михайлу Кирилловичю, в нем же на звездочетцы латыни».

Q.XVII.50 (разн. почерки 1530—1550 гг.), лл. 104—112; «О зодях и звездах» [«Послание к вельможе» и «Послание на звездочетцев»].

Q.XVII.198 (нач. XVII в.), лл. 1—2: «Послание изо псковские области Елизарова монастыря старца Филофея» [на звездочетцев, — особая редакция].

Q.XVII.215 (сер. XVII в.), л. 257: «О написании Никосее [!] дияку великаго князя Мисюрю Нехину»; лл. 258—265 [«Послание на звездочетцев»].

Q.XVII.254 (сер. XVII в.), лл. 567—573: «Инока Филофея послание к некоему великого князя дияку» [на звездочетцев].

O.I.115 (XIX в.), л. 17: «От послания инока псковского Филофея Елизаровой пустыни» [на звездочетцев, — фрагмент].

O.I.395 (кон. XVII в.), лл. 157—161: «Послание старца Филофея псковского Елизаревы пустыни к царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Руси. Назади из апокалипсиса» [Сочинение об обихах церкви].

O.XVII.41 (кон. XVI—нач. XVII в.), л. 18: «Послание инока Филофея к некоему вельможе»; лл. 19—29: «Того же инока послание» [на звездочетцев].

O.XVII.70 (кон. XVI в.), лл. 167—173: «Зри посланеицо» [«Послание на звездочетцев»].

Колоб., 515 (перв. пол. XVIII в.), л. 137: «Ис книги соборника Сергиева монастыря, ис послания старца Филофея» [на звездочетцев, — фрагмент]; лл. 182—184: «Послание старца Филофея псковского... к царю... Ивану Васильевичю»; лл. 185—186: «От послания Тимофея [!] инока Елизаровы пустыни» [на звездочетцев, — фрагмент].

Погод., 1294 (разн. почерки сер. XVII в.), лл. 42—46: «Послание инока Филофея М. Г. Мисюрю» [на звездочетцев]; лл. 46—49: «Послание к великому князю Василию о содомском блуде».

Погод., 1567 (1560-е годы), лл. 87—93 [«Послание к опальному вельможе»].

Погод., 1571 (сер. XVI в.), лл. 69—72: «Грамота Филофея старца» [«Послание о моровом поветрии»].

Погод., 1582 (нач. XVII в.), лл. 34—38 [«Послание о крестном знамении»].

Погод., 1620 (нач. XVII в.), лл. 223—226: «Послание к великому князю Василию... о исправлении крестнаго знамения»; лл. 227—239: «Послание старца Филофея... М. Г. Мисюрю, в нем же на звездочетцы»; лл. 239—243: «Послание второе к тому же Михайлу Григориевичю на противящихся божией воли».

Солов., 53/1512 (XVII в.), л. 341: «О написании Николаево дияку Мисюрю Мунехину»; лл. 341—349 [«Послание на звездочетцев»].

Солов., 233/233 (XVII в.), лл. 106—111: «Послание к великому князю Василию» [о крестном знамении].

Солов., 985/875 (втор. пол. XVII в.), лл. 248—251: «Послание к великому князю Василию [о крестном знамении]; лл. 251—261: «Послание старца Филофея М. Г. Мисюрю... на звездочетцы»; лл. 262—264: «Послание второе к тому же Михаилу Григоревичу на противящихся божией воли».

Солов., 852/962 (нач. XVII в.), л. 375 [«Послание на звездочетцев»].

Соф., 1260 (1698 г.), лл. 60—78: «Послание» [на звездочетцев].

Соф., 1281 (сер. XVI в.), лл. 399—409 [«Послание к опальному вельможе»].

Соф., 1391 (кон. XVI в.), лл. 411—420 [«Послание в беде сущим»].

Соф., 1444 (разн. почерки сер. XVI в.), лл. 429—439 [Сочинение об обихдах церкви]; лл. 443—447 [«Послание о моровом поветрии»]; лл. 367—382: «Послание некоего старца в беде сущим».

СПб. ДА, 52 (кон. XVII—нач. XVIII в.), лл. 239—253: «Послание» [на звездочетцев].

СПб. ДА, 427 (кон. XVI в.), лл. 287—288 [«Написание Николаево»]; лл. 288—289 [«Послание на звездочетцев»].

СПб. ДА, 430 (разн. почерки сер. XVI в.), лл. 26—28 [«Послание о крестном знамении»]; лл. 29—34 [«Послание на звездочетцев»]; лл. 105—107 [«Послание на звездочетцев», — другой вариант, фрагмент].

Титов., 2040 (сер. XVIII в.), лл. 201—202: «Из книги святого Мефодия Патрского от послания к великому князю Василию Московскому» [о крестном знамении, — фрагмент].

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

Беляев., 23 (1529) (сер. XVIII в.), лл. 215—220: «Послание мудрейшаго старца Филофея» [на звездочетцев].

Беляев., 58 (1570) (кон. XVIII в.), лл. 62—66: «Послание инока псковскаго Филофея Елеозаровы пустыни» [на звездочетцев, — фрагмент].

Беляев., 55 (1549) (сер. XVII в.), лл. 521—531: «Послание старца Филофея во Псков просившим слова на утешение некому боголюбцем»; лл. 531—532 [Заметка о Филофее]; лл. 532—537: «Послание старца Филофея Елизаровы пустыни к царю Ивану Васильевичу» [о крестном знамении]; лл. 537—542 [Сочинение об обихдах церкви].

Вифанск. сем., № 34, т. 2 (втор. пол. XVII в.), лл. 442 [«Послание на звездочетцев», — фрагмент].

Вологод., 111 (XVIII в.), лл. 278—279: «От послания старца Филофея псковскаго Елизарьевы пустыни ко царю Ивану Васильевичу» [Сочинение об обихдах церкви, — фрагмент].

Егоров., 708 (нач. XVII в.), лл. 108—119: «Написание старца Филофея... о мудрствующих человецех» [«Послание на звездочетцев»].

МДА, 4 (103) (кон. XVI в.), лл. 180—181: «О написании Николаево, сиречь послание... Мисюрю Мунехину»; лл. 181—183: «Послание Мисюрю Мунехину от Филофея противу Николаева написания» [на звездочетцев].

МДА, 10 (175) (разн. почерки кон. XVI—нач. XVII в.), лл. 132—135: «Послание к великому князю Василию [в оглавлении — к Ивану Васильевичу]... о исправлении крестнаго знамения»; лл. 135—144: «Послание старца Филофея... к М. Г. Мисюрю, в нем же на звездочетцы»; лл. 144—148: «Послание второе к тому же Михаилу Григоревичу на противящихся божией воли».

МДА, № 100 (разн. почерки XVII в.), лл. 233—235: «Послание Филофея игумена Елизаровы пустыни, в нем же о исправлении крестном»; лл. 235—243 [«Послание на звездочетцев»].

Музейн., 8785 (перв. пол. XIX в.), лл. 48—50: «Послание премудраго старца Филофея псковскаго... к царю... Ивану Васильевичу всея Руси из Апокалипсиса» [Сочинение об обихдах церкви].

Музейн., 9081 (XVIII в.), лл. 357—372: «Послание старца Филофея псковскаго... ко царю... Ивану Васильевичу всея Руси» [Сочинение об обихдах церкви].

Музейн., 9219 (XVIII в.), лл. 650—653: «Послание к великому князю Василию Ивановичу» [о крестном знамении]; лл. 653—657: «Послание старца Филофея... к Мунехину» [на звездочетцев].

Овчинник., 486 (втор. пол. XVII в.), лл. 509—510: «О написании Николаево... Мисюрю Мунехину»; лл. 510—521 [«Послание на звездочетцев»].

Овчинник., 558 (разн. почерки XVII в.), лл. 248—253: «Послание старца Филофея... к М. Г. Мисюрю... на звездочетцы»; лл. 253—254: «Послание к великому князю Василию о содомском блюде» [фрагмент].

Оптина пустынь, 1 (перв. пол. XVII в.), л. 474: «О написании к Олексею [!] Мисюрю Мунехину» [«Написание Николаево»]; лл. 475—484 [«Послание на звездочетцев»].

Попов., 37 (кон. XVII в.), лл. 171—172: «Послание старца Филофея псковского Елизарьевы пустыни к царю Ивану Васильевичю» [Сочинение об обихах церкви].

Рогож., 62 (сер. XIX в.), лл. 40—43: «Филофей инока Елизарова монастыря, иже во Пскове, из Апокалеписса» [Сочинение об обихах церкви]; лл. 43—45: «От послания инока Филофея той же пустыни» [на звездочетцев, — фрагмент].

Рогож., 564 (втор. четв. XVII в.), лл. 494—501: «Послание о злых днех и часех» [на звездочетцев].

Рогож., 681 (1604 г.), лл. 302—304: «Послание к великому князю Василию о исправлении крестного знамени»; лл. 304—310: «Послание старца Филофея... М. Г. Мисюрю... на звездочетцы»; лл. 310—312: «Послание второе к тому же Михайлу Григоревичю на противящихся божией воли».

Тихонравов., 326 (разн. почерки XVII в.), лл. 112—126 [«Послание на звездочетцев»].

Троице-Серг. л., 798 (кон. XVI—нач. XVII в.), лл. 138—142: «Послание в царствующий град»; лл. 142—144: «Послание к великому православному царю» [о крестном знамени, — фрагмент]; лл. 144—155: «Съвершение посланию к служителю съборныа церкви» [«Послание о моровом поветрии»].

Ундол., 522 (XVIII в.), лл. 135—136 [«Послание на звездочетцев», — фрагмент].

Ундол., 601 (сер. XVII в.), лл. 1—7 [«Послание на звездочетцев», — фрагмент].

Ундол., 614 (XVII в.); л. 106: «Послание о злых днех и часех» [к вельможе]; лл. 106—111: «Иное послание о том же» [на звездочетцев].

Ундол., 1046 (нач. XVIII в.), лл. 4—9: «Послание старца Филофея во Псков прошившим у него слова на утешение»; л. 9 [Заметка о Филофее]; лл. 9—11: «Послание старца Филофея... великому князю Ивану Васильевичю» [о крестном знамени]; лл. 11—14: «Из Апокалиписса» [Сочинение об обихах церкви].

Ундол., 1071 (XVII в.), лл. 519—527: «Послание о злых днех и часех» [на звездочетцев].

Шибанов., 33 (XIX в.), лл. 78—79: «От послания Мефодия патриарха к великому князю Василию Московскому» [о крестном знамени, — фрагмент].

Шибанов., 193 (сер. XVII в.), лл. 69—76: «Послание Филофея игумена Елизаровы пустыни... Мисюрю на обличение звездочетцев»; лл. 76—79: «Послание к Мисюрю того же страда [!] Филофея о смертоносном поветрии»; лл. 87—91: «Послание Филофея игумена Елизаровы пустыни к государю великому князю Василию Ивановичю» [о крестном знамени].

Ф. 113, № 491 (сер. XVI в.), лл. 467—469: «Филофей мниха» [«Послание на звездочетцев»].

Ф. 218, № 553.1 (сер. XVII в.), лл. 1—2: «О написании Николаева Мисюрю Мунехину»; лл. 2—23: «Послание противу Николаева списания» [на звездочетцев].

Ф. 218, № 1138 (кон. XVII—нач. XVIII в.), л. 81: «Из книги Мефодия патриарха, от послания к великому князю Василию Московскому» [о крестном знамени, — фрагмент].

Ф. 218, № 1153 (перв. пол. XIX в.), лл. 125—128: «Послание старца Филофея Елизарова монастыря к великому князю Василию» [о крестном знамени].

Государственный Исторический музей

Барсов., 1546 (XVII в.), лл. 287—298: «Послание к сущим в скорбех».

Вахрамеев., 127 (сер. XVII в.), лл. 16—19: «Послание старца Филофея... М. Г. Мисюрю в нем же на звездочетцы».

Забелин., 436/733 (разн. почерки сер. XVII в.), лл. 329—332: «Написание инока псковского Филофея Елизаровой пустыни» [«Послание о моровом поветрии»]; лл. 332—334: «Того же инока псковского Филофея» [«Послание к вельможе в миру живущему»]; лл. 334—345: «Послание инока псковского Филофея» [на звездочетцев].

Музейск., 1209 (кон. XVII в.), лл. 101—106: «Послание к великому князю Василию Ивановичю всея Руси старца Филофея... о исправлении крестного знамени и о вдовствующих церквах»; лл. 106—120: «Послание старца Филофея М. Г. Мисюрю на звездочетцы»; лл. 120—124: «Послание старца Филофея... М. Г. Мисюрю на противящихся божией воли».

Синод., 183, Август (1550-е годы), лл. 803—803 об.: [«Послание к вельможе в миру живущему»]; лл. 803—807 [«Послание на звездочетцев»].

Синод., 319 (853) (разн. почерки кон. XVI—нач. XVII в.), лл. 41—42: «Опроснодах» [«Послание на звездочетцев, — фрагмент»].

Синод., 997, Август (1550-е годы), л. 1564 [«Послание к вельможе в миру живущему»]; лл. 1564—1567 [«Послание на звездочетцев»].

Уваров., 274 (139) (кон. XVII в.), лл. 827—833: «Послание старца Филофея Елеозарова монастыря от божественных писаний» [на звездочетцев].

Уваров., 910 (289) (XVII в.), лл. 315—316: «О написании Николаеве, сиречь послание Мисюрю Мунехину»; лл. 316—326: «Послание... Мисюрю Мунехину... от старца Филофея противу Николаева написания» [на звездочетцев].

Уваров., 1841 (609) (XVII в.), лл. 85—86 [«Послание к вельможе»]; лл. 86—96: «О скудоумных звездочетцах».

Уваров., 1847 (906) (сер. XVII в.), лл. 337—349: «Послание старца Филофея... М. Г. Мисюрю... на звездочетцы».

Уваров., 1869 (875) (1632 г.), лл. 267—274: «Инока Елизарова монастыря в мире-вренне гранографы Моисея законодапца» [«Послание на звездочетцев»].

Уваров., 1912 (157) (сер. XVII в.), лл. 147—164: «Послание мудрейшаго государя и великаго князя дияку Михаилу Григоревичу» [на звездочетцев].

Уваров., 1966 (36) (разн. почерки XVIII в.), лл. 96—99: «Послание великому князю Василию» [о крестном знамении]; лл. 100—102: «Послание старца Филофея... М. Г. Мисюрю... на звездочетцы»; лл. 102—105: «Послание второе тому же Михаилу Григоревичу на противящихся божией воли».

Уваров., 1971 (346) (XVIII в.), лл. 80—83 [«Послание на звездочетцев»]; лл. 245—246: «Послание старца Филофея... к псковскому дияку М. Мисюрю... о моровом поветрии»; лл. 298—302: «Послание старца Филофея во Псков просившим у него слова на утешение»; л. 302 [Заметка о Филофее]; лл. 302—303: «Послание того же старца Филофея к царю Ивану Васильевичу» [о крестном знамении, — фрагмент]; лл. 303—304: «Из Апокалипсиса» [Сочинение об обидах церкви].

Уваров., 2049 (159), (XVIII в.), лл. 368—369: «О написании Николаеве... Мисюрю Мунехину»; лл. 369—374 [«Послание на звездочетцев»].

Чудов., 34/236 (разн. почерки нач. XVII в.), л. 255: «Послание инока Филофея к некоему вельможе в миру живущему»; лл. 256—263: «Ино послание того же инока Филофея» [на звездочетцев].

Чудов., 53/355 (сер. XVII в.), лл. 202—211: «Послание некоего старца в беде сущим»; лл. 211—214: «Послание ко царю» [о моровом поветрии].

Щукин., 466 (XVII в.), лл. 192—208: «Послание государю царю Ивану Васильевичю всея Руси Псковские области Елизарова монастыря старца Филофея» [на звездочетцев]; лл. 208—215: «Послание второе к государю... Ивану Васильевичю всея Руси... того же старца Филофея» [о крестном знамении]; лл. 215—222: «Послание старца Филофея в царствующий град Москву» [о моровом поветрии].

Щукин., 468 (разн. почерки перв. пол. XVII в.), лл. 191—205 [«Послание на звездочетцев»].

Ленинградское отделение Института истории АН СССР

Лихачев., 14 (разн. почерки XVII в.), лл. 7—11: «От соборного уложения царя Феодора Ивановича поучение к народом обще» [«Послание о моровом поветрии»]; лл. 537—539: «Изо Апокалипсиса» [Сочинение об обидах церкви, — фрагмент].

Библиотека Академии наук СССР

16.16.34 (разн. почерки XVI—XVII вв.), лл. 488—494: «Послание старца Филофея... на звездочетцы».

16.17.29 (разн. почерки перв. пол. XVII в.), лл. 136—137 [«Послание на звездочетцев», — фрагмент].

21.2.16 (нач. XVIII в.), лл. 31—33: «Послание инока Филофея к некоему вельможе»; лл. 70—73: «Написание инока псковскаго Филофея Елизаровой пустыни» [«Послание о моровом поветрии»].

21.5.15 (сер. XVII в.), лл. 126—128: «Послание Филофея игумена Елизаровы пустыни к великому князю Василию Ивановичу» [о крестном знамении]; лл. 167—175: «Послание Филофея игумена Елизаровы пустыни... на обличение звездочетцев»; лл. 175—179: «Послание Мисюрю того же старца Филофея о смертном поветрии».

21.7.17 (кон. XVI в.), лл. 502—504 [«Послание на звездочетцев», — фрагмент].
Арх., Д.221 (разн. почерки сер. XVI—нач. XVII в.), л. 204 [«Написание Николай Мунехину»]; лл. 204—213 [«Послание на звездочетцев»].

Арх., Д.429 (нач. XVIII в.), лл. 454—461: «Послание о злых днех и часех» [«Послание на звездочетцев»].

Арх., Д.443 (кон. XVI—нач. XVII в.), лл. 296—299: «Послание к великому князю Василию» [о крестном знамении].

Арх., С.240 (кон. XVII—нач. XVIII в.), лл. 2—5: «Послание к великому князю Василию» [о крестном знамении]; лл. 406—407: «Ис послания старца Филофея на звездочетцы» [фрагмент].

Колоб., 129 (XIX в.), лл. 422—424 [«Послание о моровом поветрии»].

Текущ. пост., 676 (кон. XVIII в.), лл. 18—21 [«Послание на звездочетцев»].

Центральный государственный архив
древних актов

МИД, 288/667 (кон. XVII—нач. XVIII в.), лл. 461—466: «Послание о злых днях и часах» [на звездочетцев].

МИД, 296/676 (втор. пол. XVII в.), лл. 612—617: «Послание к великому князю Василию о исправлении крестного знамения».

МИД, 509/990 (кон. XVII в.), лл. 169—181: «Послание старца Филофея Елизаурова монастыря от божественных писаний» [на звездочетцев].

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Богданова, 64 (XIX в.), лл. 189—195: «Послание старца Филофея Елизарьевы пустыни к царю Ивану Васильевичу» [Сочинение об обидях церкви].

Карел. 2 (разн. почерки XVII в.), лл. 284—301: «Написание инока псковского Филофея Елизарова монастыря» [«Послание на звездочетцев»]; л. 301 [«Написание Николая Мунехину»].

Карел. 85 (кон. XIX в.), лл. 336—337: «От послания Филофея... к дьяку Михаилу Григорьевичу» [на звездочетцев, — фрагмент; лл. 339—341: «Послание старца Филофея... к царю Ивану Васильевичу» [Сочинение об обидях церкви].

Пинеж., 17 (302) (XVII в.), л. 112: «Написание Николаево дьяку великого князя Мисю [!] Мунехину»; лл. 112—116: «Послание против Николаева написания» [на звездочетцев].

Причуд., 4 (XVIII в.), лл. 182—186: «Послание к царю Алексею Михайловичу христианское» [о крестном знаменнии].

Причуд., 17 (XIX в.), лл. 39—41: «Послание к царю Алексею Михайловичу христианское» [о крестном знаменнии].

Северодвин., 11 (65) (сер. XVIII в.), лл. 100—115: «Послание Филофея игумена Елизаровы пустыни к дьяку к Михаилу на обличение звездочетцев».

Библиотека Академии наук УССР, Киев

Киев. ДА, 888 (Муз., 747.1) (кон. XVII—нач. XVIII в.), лл. 363—374: «Послание старца Филофея Елизарова монастыря от божественных писаний» [на звездочетцев].

Киев. ДА, собр. Макария, Аа160 (XVIII в.), лл. 52—53: «От послания Филофея инока псковского Елизаровы пустыни к дьяку Михаилу Григорьевичу» [на звездочетцев, — фрагмент]; лл. 53—55: «Того же послание старца Филофея к царю Ивану Васильевичу» [Сочинение об обидях церкви].

Киев. Соф. 714 (нач. XIX в.), лл. 103—108: «Послание Филофея к Ивану Киндеевичу о злых днях и часах» [на звездочетцев].

Государственный архив Калининской области

Колл. рукоп., 133 (XVII в.), лл. 25—29: «О послании некоего старца некоему господину велику» [на звездочетцев].

Колл. рукоп., 138 (нач. XVIII в.), лл. 387—390: «Послание к великому князю Василию... о исправлении крестного знамения»; лл. 390—400: «Послание старца Филофея... М. Г. Мисюрю... на звездочетцы»; лл. 400—403: «Послание второе к тому же Михаилу Григорьевичу на противящихся божией воли».

Ф.1409, оп. 3, № 29 (сер. XVIII в.), лл. 60—68: «Послание государю царю... Иванну Васильевичю... старца Феофила [!]

» [на звездочетцев]; лл. 68—70: «Послание государю царю... Иванну Васильевичю... старца Филофея» [о крестном знаменнии, — фрагмент].¹

¹ Во время печатания статьи были обнаружены еще два списка: 1) ГБЛ, Егоров., 649 (разн. почерки XVII в.), лл. 254—261: «Послание старца Филофея... дьяку Михаилу Григорьевичу» [на звездочетцев, — фрагмент]; 2) ГБЛ, Тихонравов. 463 (втор. пол. XVII в.), лл. 383—390: «Инока Филофея послание к некоему великого князя дьяку» [на звездочетцев].

М. А. САЛМИНА

К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище»

«Сказанием о Мамаевом побоище» занимались многие исследователи начиная с XVIII в. О нем написано много работ, из которых основополагающими по праву считаются труды С. К. Шамбинаго¹ и А. А. Шахматова.² Новейшие исследования, посвященные «Сказанию», принадлежат Л. А. Дмитриеву³ и В. С. Мингалеву.⁴

Цель нашей статьи — уточнить время создания «Сказания о Мамаевом побоище». Но решить этот вопрос можно, лишь последовательно рассмотрев два других: о соотношении его редакций и о месте Лондонского списка «Сказания» в истории текста памятника. Это тем более важно, что по обоим вопросам существуют различные, порой взаимоисключающие, мнения.

* * *

Какую из редакций «Сказания о Мамаевом побоище» считать ближайшей к авторскому тексту? Вопрос этот был предметом спора еще А. А. Шахматова и С. К. Шамбинаго. Из четырех основных редакций,

¹ С. К. Шамбинаго. 1) Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; 2) Сказание о Мамаевом побоище. Изд. ОЛДЦ, вып. 125, СПб., 1907.

² А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910 (отдельный оттиск из «Отчета о 12-м присуждении премий митрополита Макария»).

³ Л. А. Дмитриев. 1) О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 185—199; 2) Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 140—155; 3) К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржигза, Л. А. Дмитриев. М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 406—448; 4) Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище». — Там же, стр. 449—480; 5) Описание рукописных списков «Сказания о Мамаевом побоище». — Там же, стр. 481—509; 6) Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1966, стр. 239—263; 7) Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 385—439; 8) Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXVIII, М.—Л., 1973, стр. 155—179.

⁴ В. С. Мингалев. 1) Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище». — Труды Московского государственного историко-архивного института, т. 24. Вопросы источниковедения истории СССР, вып. 2. М., 1966, стр. 55—72; 2) Списки «Сказания о Мамаевом побоище» в ЦГАДА. — Советские архивы, 1970, № 6, стр. 104—105; 3) К методике решения некоторых гуманитарных задач с помощью ЭВМ. — В кн.: Применение комплекса вычислительных средств «Ртута-110» в народном хозяйстве. Материалы научно-технического семинара 20—22 октября 1970 г. Вильнюс, 1970; 4) «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. Автореф. канд. диссертации. Москва—Вильнюс, 1971.

на которые С. К. Шамбинаго разбил многочисленные тексты «Сказания»,⁵ первоначальной он считал ту, которая читалась в Никоновской летописи.⁶ Вторая редакция, по мнению С. К. Шамбинаго, находилась в летописи, которую теперь принято называть Вологодско-Пермской. К третьей редакции исследователь относил вариант «Сказания», в котором литовский князь, в отличие от двух первых редакций, назывался не Ягайлом, а Ольгердом, к четвертой — вариант, который был дополнен различным рода вставками, носящими характер отдельных повестей.

А. А. Шахматов тесно связывал историю произведений с историей включающих их летописей и считал, что редакция «Сказания» в поздней Никоновской летописи не может быть первоначальной. Первоначальная редакция, по мнению А. А. Шахматова, восстанавливается на основе второй и третьей редакций.⁷

Новая точка зрения в вопросе очередности редакций была высказана Л. А. Дмитриевым, изучившим около 100 списков «Сказания». Приняв предложенное С. К. Шамбинаго деление текстов «Сказания» на четыре основных редакции, Л. А. Дмитриев, однако, первой редакцией считал ту, которую С. К. Шамбинаго именовал третьей. Эта редакция, дошедшая в подавляющем большинстве списков, была названа Л. А. Дмитриевым Основной. Вторая (вторая и по первоначальной классификации С. К. Шамбинаго) редакция была названа Л. А. Дмитриевым Летописной.⁸ «Сказание», по мнению Л. А. Дмитриева, было сложено в первой половине XV в.⁹

Иную точку зрения выдвинул последний исследователь «Сказания о Мамаевом побоище» В. С. Мингалев, посвятивший ему большую работу. В. С. Мингалев пришел к заключению, что первоначальной редакцией памятника следует считать ту, которую Л. А. Дмитриев назвал Летописной. Основным источником Летописной редакции «Сказания» является «Летописная повесть» о Куликовской битве. Возникновение «Сказания» В. С. Мингалев отнес к 30—40-м годам XVI в.¹⁰

Итак, в настоящий момент существует два различных взгляда в вопросе о последовательности редакций «Сказания». Какую редакцию следует считать первоначальной: Основную, как полагает Л. А. Дмитриев, или же Летописную, как утверждает В. С. Мингалев. Разрешение этого вопроса имеет принципиальное значение, так как иначе судить о времени и обстоятельствах «Сказания» невозможно.¹¹

Какие доводы приводит в доказательство своего положения Л. А. Дмитриев?

⁵ «Сказание» известно в настоящее время в более чем 100 списках. См. об этом в статье: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 387.

⁶ Впоследствии первой С. К. Шамбинаго назвал редакцию памятника, которая читается в Вологодско-Пермской летописи и которую сначала он считал второй (см.: С. К. Шамбинаго. Исторические повести. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 215).

⁷ А. А. Шахматов. Отзыв..., стр. 145—151, 195.

⁸ См.: Л. А. Дмитриев. 1) О датировке «Сказания»..., стр. 185—187; 2) К литературной истории «Сказания»..., стр. 406—409. Соответственно первая и четвертая редакции, по С. К. Шамбинаго, были названы Л. А. Дмитриевым Киприановской и Распространенной.

⁹ Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания»..., стр. 423.

¹⁰ См.: В. С. Мингалев. 1) Летописная повесть..., стр. 58, 72; 2) «Сказание о Мамаевом побоище»..., стр. 10—13.

¹¹ Для решения вопроса о том, когда было создано «Сказание», имеет значение выяснение взаимоотношений главными образом между Основной и Летописной редакциями «Сказания». На эти редакции в основном и обращено внимание последних исследователей. Вторичность Распространенной и Киприановской редакций (оба термина — по Л. А. Дмитриеву) не подлежит сомнению (см.: Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания»..., стр. 409—416).

Напомним, что в целом Основная редакция «Сказания» близка Летописной и по содержанию, и по композиции. Но Летописная редакция в отличие от Основной содержит в себе два отрывка, заимствованные из «Летописной повести» о Куликовской битве, — фразу, где говорится, что Мамай «рати ины понаимова — бесермены и армены, фрязы, черкасы, ясы и буртасы», и заключительный рассказ, повествующий о событиях, имевших место после Куликовской битвы. Кроме того (и это главное!), Летописная редакция называет участника Куликовских событий — литовского князя — историческим именем Ягайло (согласно летописным данным), в то время как Основная именует его Ольгердом, который умер за три года до Куликовского сражения.

Казалось бы, Летописная редакция, как более «историчная», должна быть ближе к авторскому тексту, чем Основная. Однако Л. А. Дмитриев пришел к заключению, что первоначальной редакцией «Сказания» следует считать ту, в которой литовский князь назван Ольгердом.¹²

Основой для этого Л. А. Дмитриеву послужил рассказ «Сказания» о приходе к великому князю князей Ольгердовичей. Сравнив текстуально рассказ обеих редакций, Л. А. Дмитриев пришел к выводу, что изложение его в Летописной редакции несет следы вторичного происхождения. Приводим ход рассуждений Л. А. Дмитриева.

Основная редакция, рассказывая о переходе на сторону великого князя братьев Ольгердовичей, объясняет их поступок ненавистью к ним их отца. Героем этой редакции является Ольгерд — отец Ольгердовичей, и поэтому в таком объяснении нет нарушения логики.

Летописная редакция, героем которой является Ягайло — брат Ольгердовичей, объясняет тот же самый поступок братьев ненавистью к ним «отца и брата».

Основная редакция

Беста бо те князи отцом своим князем Вольгордом ненавидимы были, мачехи ради, нъ ныне богом възлюблены бысть и святое крещение прияли (ГПБ, О.IV.22).

Беста бо... отцем ненавидима, но паче богом любви..., беста бо есмья крещение прияли от мачехи [с] вои (Лондонский список).

Летописная редакция

...беста бо есмья отцем и братом ненавидими, но богом възлюблени, бе бо есмья едино крещение от мачехи своеи (ЛЮИИ, № 251).

Упоминание одного только «брата» в рассматриваемом отрывке Летописной редакции не обратило бы на себя внимание, так как на протяжении всего текста «Сказания» данной редакции речь идет исключительно о брате Ольгердовичей — Ягайло. Странным представляется то, что рядом с братом называется еще и «отец», который до этого в тексте совсем не упоминался. Формула «отцом и братом», по мнению Л. А. Дмитриева,¹³ могла появиться в тексте Летописной редакции только в том случае, если составитель ее использовал в своем повествовании рассказ редакции Основной, где говорилось об Ольгерде-отце. Слова «и братом» были приписаны составителем Летописной редакции постольку, поскольку своим героем он сделал Ягайло. Иначе появление «отца» в Летописной редакции, действительно, объяснить трудно.

Ход рассуждения Л. А. Дмитриева кажется нам логичным еще и потому, что трудно также представить (и это заметил Л. А. Дмитриев),

¹² Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания»..., стр. 187—190.

¹³ Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания»..., стр. 417—419.

зачем автору первоначального текста «Сказания» нужно было так подробно и пространно описывать «восстание» Ольгердовичей, если речь с самого начала идет о выступлении против брата. Автор «Сказания», пишет Л. А. Дмитриев, стремится всячески оправдать поступок Ольгердовичей с точки зрения христианской морали, а это потребовалось бы скорее в том случае, если бы говорилось о выступлении сыновей (братьев) против родного отца.¹⁴

Следующее место рассматриваемого рассказа, приводимое Л. А. Дмитриевым, только подтверждает его мысль о первоначальности текста с именем Ольгерда. В письме к брату Дмитрию Андрей Ольгердович пишет.

Основная редакция

Веси ли, брате мой милый, отколе отец наш отверзе от себе, но паче отец наш небесныи присвои нас к себе (список Тимковского).

Веси, брате мой возлюбленный, яко отец наш отврже нас от себе, нъ господь бог, отец небесныи, паче възлюби нас (ГПБ, О.IV.22).

Летописная редакция

Веси ли, брате мои милыи, яко отец наш отверзе нас от себе, но паче отец небесныи присвои ны к себе (ЛОИИ, № 251).

В обоих отрывках текст один и тот же, и тут и там упоминаются и «отец небесный», и «отец земной». Но, если рассуждения об «отце земном» и «отце небесном» органичны для Основной редакции, где действующим лицом повествования является Ольгерд, то неясно, «для чего оно вставлено в Летописную редакцию, где весь конфликт происходит между братьями», — справедливо замечает Л. А. Дмитриев.¹⁵

Справедливым представляется соображение Л. А. Дмитриева¹⁶ и в отношении последующего отрывка (из письма Андрея к Дмитрию Ольгердовичу), когда он говорит, что слово «родителем», появившееся в Летописной редакции, по-видимому под влиянием расположенной ниже цитаты из Евангелия от Луки («предани будете родители вашими, братиею»), должно было заменить собой по смыслу не слово «брат», а слово «отец».

Основная редакция

Смышляем себе отцу противитися нам. Рече же евангелист Лука усты Спасителя нашего: предани будете родители и братиею и умервитесь имени моего ради (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578).

Мы же, братие, то помыслим, что нам отцу противитися. Евангелист Лука рече усты Спасителя нашего: предани будут дети родителями своими на смерт и братиею своею и умервят имяни моего ради (список Тимковского).

Летописная редакция

И помыслив, что нам, родителем, противитися. И евангелист Лука рече усты Спасителя нашего; предани будете родители вашими, братиею, умерти имате имяни моего ради (ЛОИИ, № 251).

¹⁴ Там же, стр. 419—420. Предположение о том, что выражение «отцом и братом» Летописной редакции могло возникнуть под влиянием читающейся в обеих редакциях ниже цитаты из Евангелия от Луки («предани будете родители и братиею» — Основная, «предани будете родители вашими, братиею» — Летописная) и потому является первоначальным — маловероятно, так как буквального совпадения нет.

¹⁵ Там же, стр. 419.

¹⁶ Там же, стр. 419—420.

Проверив ход рассуждения Л. А. Дмитриева, мы склоняемся к тому же выводу. Безусловно, логичнее предполагать, как это и сделано Л. А. Дмитриевым, что текст, наиболее близко стоящий к авторскому, — тот, в котором литовский князь носит имя Ольгерда, т. е. текст Основной редакции «Сказания».

Доводы Л. А. Дмитриева о том, что Основная редакция первоначальна, подтверждаются, как будет показано ниже, и наблюдениями над отдельными чтениями ведущих ее текстов в сравнении с текстами редакции Летописной.

* * *

В. С. Мингалев, как уже говорилось, первоначальной редакцией памятника считает Летописную редакцию «Сказания», которая, по его мнению, «значительно лучше сохранила первоначальный текст, чем любой из... списков Основной редакции».¹⁷ Главным историческим источником «Сказания» является «Летописная повесть» о Куликовской битве. Зависимость от нее «Сказания» «выражается в использовании сюжета, композиционной структуры, историко-фактического материала и отдельных фрагментов текста произведения».¹⁸

Утверждение В. С. Мингалев о том, что Летописная редакция первоначальна, нам, однако, не представляется убедительным. Обратимся к параллельному сравнению списков редакций.

Основную редакцию «Сказания» в настоящий момент представляют около 60 списков, распадающихся, как показал Л. А. Дмитриев, на ряд групп — вариантов.¹⁹ Для сравнения избираем ведущие списки Основной редакции памятника: ²⁰ списки варианта *О* (или Основной группы — по В. С. Мингалеву) XVI в. — ГПБ, О.IV.22,²¹ ИРЛИ, колл. Перетца, № 16 (бывш. 1.114.16. (F.86-II)); XVIII в. — F.IV.231 (аналогичный ему список XVII в. — БАН, 21.3.14); список XVI в. варианта *У* (или «списка Ундольского» — по В. С. Мингалеву) — ГБЛ, собр. Ундольского, № 578,²² список начала XVII в. Р. Ф. Тимковского Печатного варианта,²³ Лондонский список второй половины XVI в.,²⁴ список XVII в. варианта Забелина — ГИМ, собр. Забелина, № 261,²⁵ список XVII — начала XVIII в. варианта Михайловского — ГПБ, собр. Погодина, № 1595.²⁶

Летописная редакция «Сказания» известна по двум спискам середины XVI в. — ЛОИИ, № 251 (Кирилло-Белозерский), ГИМ, Синодальное

¹⁷ См.: В. С. Мингалев. «Сказание о Мамаевом побоище»..., стр. 10.

¹⁸ Там же, стр. 10—11.

¹⁹ Л. А. Дмитриеву известно свыше 50 списков Основной редакции «Сказания»: Л. А. Дмитриев. 1) Обзор редакций «Сказания»..., стр. 449—470; 2) Описание рукописных списков «Сказания»..., стр. 481—495; 3) Вставки из «Задонщины»..., стр. 387, прим. 6. Дополнительно некоторое число списков Основной редакции было обнаружено В. С. Мингалевым («Сказание о Мамаевом побоище»..., стр. 8).

²⁰ Остальные списки «Сказания» представляют лишь их варианты. См.: Л. А. Дмитриев. Обзор редакций «Сказания»..., стр. 449—470; В. С. Мингалев. 1) К методике решения некоторых гуманитарных задач..., стр. 109; 2) «Сказание о Мамаевом побоище»..., стр. 9—10.

²¹ См.: Сказание о Мамаевом побоище (Основная редакция). — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, стр. 43—76.

²² См.: С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище.

²³ Список опубликован И. Снегиревым в «Русском зрителе» (ч. 5, М., 1829).

²⁴ См.: ПСРЛ, т. 26, М.—Л., 1959, стр. 328—341.

²⁵ См.: Сказание о Мамаевом побоище (по Забелинскому списку). — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, стр. 165—206.

²⁶ См.: Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 16—38.

собр., № 485 (Синодальный) — и списку второй половины XVI в. — ГИМ, собр. Черткова, № 360 (Чертковский).²⁷

Что показал анализ списков обеих редакций?

Ни один из списков Основной редакции не дошел до нас в первоначальном виде. Всем спискам присущи те или иные дефекты, полученные в результате переписки, позднейшие вставки. Не представляет исключения и список ГПБ, О.IV.22,²⁸ избранный в свое время для издания, — в нем имеются и позднейшие добавления. В частности, как показал Л. А. Дмитриев, известие этого списка о встрече Мамаю с Тохтамышем — позднейшая вставка в первоначальный текст из «Летописной повести».²⁹

Но еще более несовершенны списки Летописной редакции. Их дефектность заключается не просто в погрешностях каких-то отдельных чтений — наблюдается испорченность целого комплекса первоначальных чтений по всему тексту и во всех списках.

Остановимся на ряде наиболее характерных примеров.

Списки Летописной редакции содержат явные пропуски. В этом убеждаемся, сравнивая фрагмент памятника, где сообщается о «верном самовидце». В списках Основной редакции читаем: «...видех над вами небо развърсто, из него же изыде облак, яко багрянаа заря..., тѣи же облак испльнен рукъ человеческихъ» (ГПБ, О.IV.22). В списках же Летописной редакции из неба просто «изыде багряна заря», без упоминания «облака», но далее в тексте следует: «...той же облак...», как будто о нем говорилось ранее: «...над вами небо отверъсто, из него же изыде багряна заря..., той же облак исполнен рукъ человеческихъ».³⁰

Подобный же случай видим в эпизоде с переодеванием великого князя. В списках Основной редакции великий князь, «утвердив полки», возвращается «под свое знамение чермное», передает своего коня и свою одежду Михаилу Бренку и «повеле» «тое знамя» «над ним возити» (ГПБ, F.IV.231). В списках Летописной редакции после «утверждения» князем полков «знамя чермное» не упоминается, но далее, после переодевания князя, в тексте читаем, что князь великий «то знамение повеле под ним возити».

Пропуск в текстах Летописной редакции обнаруживается и в рассказе о Василии Великом и Юлиане Отступнике. Как сообщают списки Основной редакции, Юлиан на попытку Василия умилостивить Отступника «златом» — «паче възярися». И тогда «господь» посылает на него воина Меркурия. Тот же самый текст читается и в списках Летописной редакции, но слова «паче възярися» в Летописной редакции отсутствуют. Между тем в короткой фразе «он же паче възярися» заложен большой смысл, так как только после того, как Юлиан «възярися», бог и посылает на него «воина своего Меркурия». В Летописной редакции этот момент смазан.

В Основной редакции литовский князь, размышляя о своих дальнейших планах, говорит: «...елико не доста человеческыа мудрости..., то всуе требовати чюжие мудрости. И николи же бе Литва от Рязани учима бе» (Лондонский список). В списках Летописной редакции читается

²⁷ Все три списка дошли в составе третьей редакции Вологодско-Пермской летописи.

²⁸ См. прим. 21.

²⁹ См.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 389—390.

³⁰ Аналогичное Летописной редакции чтение содержится Лондонский список. Хотя Лондонский список и относится к Основной редакции, во многих чтениях он совпадает с редакцией Летописной (об этом см. ниже).

только часть фразы, в которой речь идет об общечеловеческой мудрости, и поэтому вся фраза в целом непонятна: «Егда не достало мудрости челоуечи, николи же бо Литва от Рязани не приимаше разума».

Фраза, которую произносит великий князь в одной из молитв: «Не сотвори нам, якоже отцем нашим, наведе на град наш злаго Батыя» (Лондонский список), — в списках Летописной редакции дефектна, так как слова «отцем нашим» в ней пропущены.

В эпизоде перехода через Дон в списках Летописной редакции пропущено указание на субъект действия: «Возрадовашася радостию великою»; ср. в списках Основной редакции: «Сынове русские възрадовашася радостию великою» (ГПБ, О.IV.22).

Списки Летописной редакции изобилуют и другого рода нарушениями в тексте. Так, в сцене описания утра битвы испорченным выглядит текст фразы: «Уже бо руских князеи и воевод и всех удалых людей кони укротеша, глас же трубный кождо под своим знаменем». Не говоря о том, что здесь употреблена неправильная форма глагола «укротеша» (вместо «укротилася?»), глагол этот не подходит по смыслу: выходит так, что перед боем кони успокоились, сделались кроткими. Ср. в Основной редакции: «Уже бо русские кони окрепишася от гласа трубънаго, и коиждо въин идеть под своим знаменем» (ГПБ, О.IV.22). В Основной редакции образ бесспорно первоначальный: кони «окрепились», т. е. взбодрились перед битвой, услышав звуки труб; в Летописной редакции этот образ искажен и обесмыслен: «глас же трубный кождо под своим знаменем». В этой же сцене в списках Летописной редакции непонятно противопоставление «труб» «полкам»: «Татарския же трубы яко онемеша, а руския полки утвердишася». Ср. в Основной редакции: «Татарския же трубы яко онемеша, а руския трубы паче утвердишася» (ГПБ, О.IV.22).

В списках Летописной редакции бессмысленно выглядят в контексте слова «начнем сеци их»: «... два уноши... ркуще полковником татарским: „Кто вы повеле требити отечество наше. Нам дарова господь стречи его, начнем сеци их, то ни един из них не избысть“»; ср. Основную редакцию: «... два юноши... ркуши полковником: „Кто вы повеле тре[б]ити отечество наше нам бо дарова господь“. И начаша сеци их, и не един от них не избысть» (Лондонский список). Если слова «начнем сеци их» включать в обращение юношей к татарским воеводам, то должно быть «сеци вас», «ни один из вас не избысть». Скорее всего, чтение «начнем» Летописной редакции — производное от «начаша» списков Основной редакции.

Искажение первоначального текста чувствуется в Летописной редакции во фразе князя Владимира, когда он говорит Волынцу: «... что убо пользует наше стояние, то же на смех будет нам, да кому будет нам помощи». Ср. в Основной редакции: «... что убо ползует стояние наше и что наш успех будет, то уже кому имам помощи» (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578); «...кая бо польза стояние наше, якии успех будет нам, уже кому имамы помощи» (ГПБ, F.IV.234). Нам представляется, что слова «то же на смех будет нам» вторичны, они заменили слова Основной редакции «и что наш успех будет», совершенно естественный в этом контексте: какую пользу принесет наше пребывание здесь, и в чем будет наша польза, если некому уже будет помогать (речь идет о засадном полке, которому не разрешают раньше времени принять участие в битве).

Вторично чтение слова «господине» во фразе «будет, господине, победа», которую великий князь произносит, обращаясь к Волынцу, списков С и К-В Летописной редакции. Это чтение произошло из выражения «господня» списков Основной редакции: «воля господня да будет» (Лон-

донский список); «будуть победы господны» (ГПБ, F.IV.231). В списке Ч Летописной редакции «господине» заменено на «брате».

В списках Летописной редакции великий князь говорит, обращаясь к воинам: «...братия, видите ли своего чиновачальника...», имея в виду Пересвета, погибшего в единоборстве с татарским богатырем. В списках Основной редакции на месте слова «чиновачальник» читается слово «починальник» (ГПБ, O.IV.22, F.IV.231). Очевидно, что слово «починальник» первично: это тот, кто начал битву. Им и был Пересвет. «Чиновачальник» Летописной редакции является искажением этого слова: оно имеет лишь узкотерминологическое значение — начальник ангельского чина.

Вторично в Летописной редакции и чтение «мертвые» во фразе: «Мнози же мертвые помогаху нам и секуще без милости». Намек на божественную помощь в данном случае в тексте исключен. В списках Основной редакции вместо «мертвые» читается «уязвении». Смысл фразы и состоял в том, чтобы подчеркнуть, что даже раненые помогали уничтожать татар.

В «Сказании» сообщается, что перед битвой великий князь обменивается одеждой со своим любимцем Михаилом Бренком. Татары принимают Бренка за великого князя — он погибает. После боя князь Дмитрий Иванович, склонившись над тремя убитыми воинами — Бренком, Меликом и Тимофеем Волуевичем, произносит речь, которая по смыслу должна быть обращена только к Бренку.³¹ Она читается в целом сходно в обеих редакциях: «Кий бо раб тако можете господину служити, яко меня ради сам на смерть смыслено грядяше? Вьистинну древнему Авису подобен» (ГПБ, O.IV.22); в Летописной редакции: «Кто бо таков раб могии государю служити, яко мене ради сам на смерть поехал? Воистинну древнему подобился еси Авису». Но в Летописной редакции эту фразу предваряет другая, явно нарушающая смысл: «Братия моя милая, моего дела образа убиени естя»³² (в ГПБ, O.IV.22: «Брате мой възлюбленный, моего ради образа убиен еси»).

В списках Основной редакции читаем такую фразу (приводим ее по Лондонскому списку): Митрополит Киприан благословляет великого князя «и даст ему Христово [знамение. И послав] *священные сборы* с крылосы в градные врата...». В списках Летописной редакции «Сказания» слова, взятые нами в скобки, пропущены, слова же, выделенные нами курсивом, переосмыслены по-своему (в результате пропуска глагола): «...и даст ему Христово освящение церкви зборныя и с клиросы во градные врата». Текст Летописной редакции обнаруживает явные следы порчи.

В «Сказании» в эпизоде с Арефой приводится обращение воеводы к воинам, смысл которого состоит в том, что тот, кто у земного царя первым почести принимает, должен первым отправляться и к царю небесному. Согласно памятникам житийной литературы, к воинам обращается сам Арефа.³³ Так это отражено и в списках Основной редакции. В списках же Летописной редакции эти слова произносит «един некоторый воевода» — неожиданный дублер Арефы.

В Летописной редакции произошла явная путаница в именах князей, прибывших к великому князю: князь Карголомский одновременно назван

³¹ К Мелику в обеих редакциях великий князь обращается несколько ниже.

³² Такое искажение в тексте наличествует уже в некоторых списках Основной редакции (Лондонском списке, БАН, 21.3.14).

³³ См., например: ВМЧ, октябрь 24, СПб., 1880, стлб. 1857—1858.

и Ярославским, хотя Карголом был уделом Белозерским.³⁴ В тексте упоминается князь Лев Серьпский, хотя удела Серпского вообще не существовало (ср. в Основной редакции: Лев Курбский). Дмитрий Боброк (или Боброков)³⁵ списков Основной редакции в Летописной редакции именуется неправильно — Бобровым.

В Летописной редакции мы сталкиваемся и с осложненными чтениями, не получающими объяснения в тексте памятника. Так, например, согласно спискам Основной редакции, великий князь, отправляясь в поход, берет с собой десять купцов-сурожан, для того чтобы они могли «поведати в дальних землях» о том, что ему «случит бог». Списки же Летописной редакции в этом месте дают свое особое и не совсем понятное чтение: князь берет с собой купцов-сурожан «поведания ради, аще что случится тайно, не поведают вборзе на Москве».

Вызывают недоумение обстоятельства, при которых в списках Летописной редакции происходит «испытание примет». Это, казалось бы, тот случай, когда, если рассуждать логически, свидетелями происходящего должно быть минимальное число лиц, как это мы и видим в списках Основной редакции: на поле выезжают ночью только Волынец и великий князь, при этом именно Волынец берет с собой великого князя. В списках Летописной редакции на поле Куликово выезжает сам великий князь. Новшество состоит в том, что великий князь берет с собой еще и брата своего Владимира Андреевича, и литовских князей. И хотя Волынец здесь как будто и обращается ко всем князьям, разговор все равно происходит только между ним и великим князем, как и в Основной редакции. Все остальные князья производят впечатление «лишних». Появление их здесь по меньшей мере непонятно. И это подчеркивается еще и тем, что в списках Летописной редакции, как и в редакции Основной, Волынец говорит великому князю, чтобы тот «в полцех» никому «не поведал» об услышанном. Весь эпизод в Летописной редакции производит впечатление вторичного.

Вторичность этой сцены в списках Летописной редакции подтверждается еще и следующим обстоятельством. В списках Основной редакции вся сцена заканчивается словами Волынца о том, чтобы князь «рано утре» велел бы воинам «подвизаться на коня своа». Далее в списках Основной редакции следует рассказ о событиях в «нощи» (видение Фомы Кацибя). В Летописной же редакции слова, произнесенные в Основной редакции Волынцем, выглядят иначе и идут от самого автора: «И рано утре начаша на кони свои садитися». Вторичность этого места именно в Летописной редакции подтверждается тем, что идущие теперь от автора слова очутились не на месте. Оказалась нарушенной хронология событий: сообщение об утренних событиях: «... и рано утре начаша на кони свои садитися» — предварило сообщение о событиях предыдущей ночи (видение Фомы Кацибя).³⁶

³⁴ См.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. 2. СПб., 1891, стр. 170.

³⁵ См.: Ю. К. Бегунов. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 500.

³⁶ О вторичности Летописной редакции говорит, на наш взгляд, и следующий пример. Одно из изречений в списках Летописной редакции читается следующим образом: «Аще кто держит в сердце добрая детели, то может быти безо многих врагов». В списках же Основной редакции имеется указание на обязательность врагов, и эта мысль о врагах отвечает традиционным представлениям о судьбе праведника: «... аще кто держится добродетели, то не может безо многих врагов быти» (список Тимковского).

Следы вторичности несет на себе текст Летописной редакции и в целом. В нем обнаруживается тенденция к сокращению некоторых фраз, читающихся в списках Основной редакции, к объединению в одном предложении двух.³⁷ При этом, как мы уже видели и на приведенных примерах, составитель редакции проявлял небрежность. Сокращая текст, казалось, он не вникал в смысл его и не заботился о сохранении образа.

Порой, напротив, мы сталкиваемся в Летописной редакции с появлением новых чтений, не встречающихся в других текстах.³⁸ В Летописной редакции обнаруживается также и дублировка текста.³⁹

Итак, наблюдения, сделанные нами над текстами Основной и Летописной редакций «Сказания», показывают, что текст Летописной редакции не мог служить оригиналом для редакции Основной. Текст Летописной редакции избилует чтениями явно вторичного по отношению к чтениям Основной редакции происхождения. И эти чтения необратимы, они могли возникнуть только из чтений редакции Основной.⁴⁰ В то же время показания, которые мешали бы считать текст Основной редакции по отношению к редакции Летописной вторичным, отсутствуют. Это обстоятельство невозможно игнорировать.

Эпизодическая текстуальная близость Летописной редакции «Сказания» к тексту «Летописной повести» не может служить показателем первоначальности ее текста. «Летописная повесть» была в числе источников «Сказания» (см. ниже), но отмеченные нами случаи заимствования Летописной редакцией «Сказания» целых отрывков из «Летописной повести» — факт вторичного обращения «Сказания» к «Летописной повести». Историческое имя Ягайло, как предполагал еще А. А. Шахматов,⁴¹ по-видимому, было вставлено в «Сказание» лишь тогда, когда существовавшее до того в отдельных списках «Сказание» поместили в XVI в. в летопись (Вологодско-Пермскую) и когда имя Ольгерда невозможно было бы оставить в тексте хотя бы потому, что ранее, под 6885 годом, в летописи сообщалось о его смерти. Тогда, по-видимому, и обратились к «Летописной повести».⁴² Первоначальное имя Ольгерда заменили историческим именем Ягайло, а в текст «Сказания» из «Летописной повести» сделали две вставки. Сходный случай мы наблюдаем со «Сказанием» при помещении его в Никоновскую летопись: литовский князь

³⁷ Так, например, вместо фразы, произносимой литовскими князьями, в тексте Основной редакции «Тебе же ныне, государю великому князю, оставити смерътнаа, буйными глаголы глаголати, и теми словесы крепится вѣйску твою. Мы убо видм, яко много множество избранных витязей в вѣйску твою» (ГПБ, О.IV.22) в Летописной редакции читаем: «Тем бо словесем крепится великое войско твоих князей». При этом в Летописной редакции осталось неясно, какими «словесами» должно «крепиться» войско великого князя.

³⁸ Так, к словам, читающимся во всех текстах: «...князь... поиде к Москве радуся, яко многоценно сокровище обрете», в списках Летописной редакции добавлено: «...не помышляя ни на злато, ни на серебро, ни на богатество».

³⁹ В Летописной редакции: «Солнце им со востока съяет, а по них кроткий ветрец веет» (в Основной редакции вместо «а по них кроткий ветрец веет» читаем «путь ему поведает») и далее в тексте: «спереди ему солнце сияет... а по нем кроткии ветрец веет» (в Основной редакции так же).

⁴⁰ Трудно было бы допустить также, чтобы составитель Основной редакции, взяв за основу текст редакции Летописной, не только начисто переделал конец «Сказания», сложенный в Летописной редакции по «Летописной повести», но и смог изъять немногословную фразу о народах, выступивших на стороне Мамай, попавшую в Летописную редакцию «Сказания» также из «Летописной повести».

⁴¹ А. А. Шахматов. Отзыв... стр. 85.

⁴² К «Летописной повести» свода 1448 г. и последующих летописей, а не к расказу 1380 г. Троицкой летописи — источнику «Летописной повести».

здесь также носит историческое имя Ягайло, а весь текст «Сказания» переработан на материале «Летописной повести».⁴³

Таким образом, в подтверждение исследованию Л. А. Дмитриева, и сравнительное изучение чтений Основной и Летописной редакций на протяжении всего текста «Сказания» не позволяет признать первоначальной редакцией «Сказания» редакцию Летописную. Текст ее производит впечатление уже значительно испорченного и удаленного от оригинала.⁴⁴ В решении вопроса о старшинстве редакций мы принимаем точку зрения Л. А. Дмитриева. Основную редакцию «Сказания о Мамаевом побоище» следует считать первоначальной.⁴⁵

* * *

Из всех известных текстов «Сказания о Мамаевом побоище» Основной редакции наиболее близким к Летописному варианту является текст так называемого Лондонского списка.

Лондонский список «Сказания» (вместе с рядом других произведений, см. прим. 68) представляет собой внелетописную статью Лондонской рукописи второй половины XVI в., отражающей первоначальную редакцию Вологодско-Пермской летописи.⁴⁶ Для уяснения взаимоотношений Основной и Летописной редакций «Сказания» Лондонский список представляет несомненный интерес.

Лондонский список «Сказания» имеет все признаки списков Основной редакции. Это самостоятельный (внелетописный) текст, литовский князь в рассказе именуется Ольгердом, в списке отсутствуют присущие Летописной редакции «Сказания» вставки из Летописной повести. Лондонский список (и это уже отмечал Л. А. Дмитриев),⁴⁷ с одной стороны, передает чтения списков группы *О* Основной редакции, сближаясь то с одним из них, то с другим.⁴⁸ С другой стороны — безусловна тесная связь его с Печатным вариантом Основной редакции;⁴⁹ по-видимому, оба списка восходили к общему протографу. Вместе с тем подавляющее боль-

⁴³ См.: Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания»... стр. 187.

⁴⁴ Напомним также о наблюдении Л. А. Дмитриева, что Летописная редакция «Сказания» несет на себе следы уже вторичного обращения к «Задонщине» (см.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»... стр. 419—420).

⁴⁵ Как представляется, о вторичности Летописной редакции может косвенно говорить и факт локальности ее распространения: нам известно всего лишь три списка редакции, и все они входят в состав Вологодско-Пермской летописи, имеющей явно периферийный характер.

⁴⁶ См.: В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV—начала XVI в. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран, Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963, стр. 158—165; Я. С. Лурье. 1) The London and L'vov MSS of the Vologda-Perm' Chronicle. The Problem of Reconstructing Grand-Princely Chronicle-Writing of the Early 1470s. — Oxford Slavonic Papers, New Series, vol. V, 1972, pp. 89—100; 2) Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. V. Л., 1973. Варианты из Лондонского списка приведены в ПСРЛ, т. 26 (стр. 345—368). Текст «Сказания о Мамаевом побоище» по Лондонскому списку опубликован также в т. 26 ПСРЛ (стр. 328—341).

⁴⁷ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»... стр. 389.

⁴⁸ Так, например, только со списком ГПБ, О.IV.22 его сближают чтения: «и възвыси бог»; «предлежит бо нам путь на Северу»; «не глаголи, друже, никому же». Со списком ГПБ, F.IV.231 он сближается в чтении «головы... класть... за великого князя за ласкова» (в Лондонском списке: «головы... сложити за тобя. за ласкова осподаря») и др.

⁴⁹ См.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»... стр. 389—390; В. С. Мингалев. «Сказание о Мамаевом побоище»... стр. 9.

шинство чтений Лондонского списка сближает его с Летописной редакцией «Сказания». Текст «Сказания» Летописной редакции за некоторыми отклонениями⁵⁰ буквально следует Лондонскому списку. Можно привести множество случаев, когда Летописная редакция совпадает в чтениях только с Лондонским списком. Приведем некоторые из них.

Олег Рязанский отправляет посла к литовскому князю.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция ⁵¹
	Основной редакции	
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...ум бо его аки детица млада.	...ум бо его аки детице млаго.

Послы от литовского князя и Олега Рязанского приходят к Мамаю.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция
	Основной редакции	
Везбожный рече: «Облестьми сие писание». И нача думати с алпауты своими (список Тимковского). ⁵²	И чая себе от них облести и нача оканный глаголати с темными своими князми.	И чайше облести, и нача глаголати с темными своими князи.

Дмитрий обращается к князьям после возвращения Василия Тупика.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция
	Основной редакции	
...аще кто ея ради постражет (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578). ⁵³	...аще кто ея ради умреть.	...аще кто ея ради умрет.

Владимир Андреевич отвечает великому князю.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция
	Основной редакции	
<i>В списках текст иной.</i>	...и умреть меня ради... за православную веру.	...и умрет мене ради... за православную веру.

Обращение Дмитрия к князьям и воеводам перед сбором войск в Москве.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция
	Основной редакции	
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...и писа: всякому възинску.	...и всему войску повеле писати.

Молитва княгини Овдотьи.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция
	Основной редакции	
...поразить их... солнце с юга (ГПБ, О.IV.22). ⁵⁴	...поразит их зной сы с юга.	...поразит их зной съ юга.

⁵⁰ Здесь мы подразумеваем чтения, присущие только спискам Летописной редакции.

⁵¹ Здесь и далее примеры из Летописной редакции «Сказания» приводятся по Кирилло-Белозерскому списку Вологодско-Пермской летописи (ЛОИИ, № 251).

⁵² В остальных рассматриваемых нами списках Основной редакции этот текст отсутствует.

⁵³ В списках ГПБ, О.IV.22, собр. Погодина, № 1595, БАН, 21.3.14, ГИМ, собр. Забелина, № 261 текст такой же.

⁵⁴ В списках БАН, 21.3.14, ГИМ, собр. Забелина, № 261, ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, ГПБ, собр. Погодина, № 1595 текст подобный. В списке Тимковского: «...похизит их ветр с юга... или зной поразит...».

Войска выходят из Москвы.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	Възв... шу же с востока ветру, и в нем громо... и молния. ⁵⁵	Возвеавшу со востока ветру, а в нем гром и молния.

Князь Дмитрий обращается к полкам перед переправой через реку Оку.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...кто поидеть... по вотчине их...	...кто поидет... по вотчине их...

Литовский князь приходит к Одоеву.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...не подвижеса из Одоева...	...не подвизаяся из Одоева...

Весть о братьях Ольгердовичах доходит до митрополита Киприана.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...таково чюдо слышав...	...таковое чюдо слышав...

Эпизод с «испытанием примет».

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	Рече же Волынец великому князю: Слышасте ли сия?	Рече Волынец великому князю: Слышасте ли сия?

Сцена переодевания.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
...возити перед ним (список Тимковского). ...над ним возити (ГПБ, F.IV.231). ⁵⁶	...под ним возити...	...под ним возити...

Эпизод с Арефой.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
...един по едином скоро под мечь кланяется, видящи убо почесть победы своея (ГПБ, F.IV.231). ⁵⁷	...мечи главы своа клонять, видевши к... живота своего.	...вси главы своа под мечь клоняху, видяху ко-нец живота своего.

Начало битвы.

⁵⁵ Лондонский список пострадал при пожаре, поэтому некоторые слова и буквы выпадают из текста.

⁵⁶ В списках ГПБ: собр. Погодина, № 1595, O.IV.22 текст подобный. В списке ГБЛ, собр. Ундольского, № 578 «над ним возвысити».

⁵⁷ В остальных списках Основной редакции этот текст отсутствует.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
...плъкы поганых бредутъ оба пол, от великиа силы, несть бо им места где разступитися (ГПБ, О.IV.22). ⁵⁸	...пога[н]ых бо много, а месте с них нет.	...поганых много, а места с них нет.

Подобный текст отсутствует.

Пересвет... любчанин.

Пересвет... любчанин родом.

Молитва Владимира Андреевича (в дубраве).

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...врагу нашему дяволу...	...врагу дяволу...

Владимир Андреевич обращается к воинам после битвы.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
И рече... князь Владимир Андреевич: Известно есть, брате Стефане, видение твое... (список Тимковского). ⁵⁹	И рече же князь Володимер Андреевич: Да известно ли еси, брате, видел. Имите ми, братя, веру...	И рече князь Володимер Ондреевич: Да известно ли еси видел его. Имите ми, брате, веру...

Общность между Лондонским списком и списками Летописной редакции прослеживается даже в чтениях «Сказания», подвергшихся искажению. Так, например, в рассказе «о верном самовидце» в обоих списках пропущено слово «облако» (см. выше); в обоих списках великий князь обращается с речью к группе поверженных воинов, в то время как его речь по смыслу должна быть обращена лишь к одному Бренку (см. выше).

Лондонский список, на наш взгляд, в какой-то мере дает возможность представить, как шло преобразование чтений старших текстов «Сказания», как из текста первоначальной редакции постепенно складывался текст, который впоследствии вошел в Вологодско-Пермскую летопись. Приведем несколько примеров. В сцене описания утра битвы в Основной редакции читаем: «Уже бо русские кони окрепишася от гласа трубъ наго, и кождо въин идеть под своим знаменем» (ГПБ, О.IV.22); в списке ГПБ, F.IV.231 текст уже несколько испорчен: «Уж бо рустии коне укрепишася гласом, кождо под своим знаменем трубным». Летописная редакция дает не только иной, но и, как отмечено выше (стр. 104), искаженный текст: «Уже бо русских князей и воевод и всех удалых людей кони укротеша, глас же трубны кождо под своим знаменем». Лондонский список, безусловно близкий по чтением Летописной редакции и также заключающий в себе уже искаженное чтение «окротеша» вм. «окрепишася» (ГПБ, О.IV.22), «укрепишася» (ГПБ, F.IV.231), все же сохранил еще чтение старших текстов: «[Уже] бо русских князей и воевод и всех удалых люд[ей] кони их окротеша от глас труб их и кождо по... своим знаменем идяше». Или, например, в Основной редакции читаем: «Татарскои же трубы яко онемеша, а русские трубы утвердишася. Не беся еще полком видети» (ГПБ, F.IV.231); «Татарския же

⁵⁸ В остальных списках Основной редакции (ГПБ: F.IV.231, собр. Погодина, № 1595, ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, ГИМ, собр. Забелина, № 261) текст подобный. В списке Тимковского: «Погании же бредут оба пол, негде бо им разступитися, мало есть места им».

⁵⁹ В остальных списках Основной редакции текст иной.

трубы яко онемеша, а руския трубы паче утвердишася. Плькы же еще не видятся» (ГПБ, О.IV.22). В Летописной редакции во фразе «Татарския же трубы яко онемеша, а руския полки утвердишася. Еще полк с полком не видитца», как отмечалось выше, вторично слово «полки». Вполне вероятно, что выражение «полки утвердишася» в Летописной редакции произошло из чтений списка, подобного Лондонскому. Отсутствие в этом списке вторичного упоминания «труб» позволяло объединить слово «полки» последующей фразы с глаголом «утвердившеся»: «Татарския трубы аки онемеша, руския же утвердившеся. Полки же еще не видятся».⁶⁰

Выше говорилось, что относимое в «Сказании» к Пересвету слово «чиноначальник» Летописной редакции вторично по сравнению с чтением списков Основной редакции — «починальник» (начавший битву). Можно думать, что начало новому значению слова положил список, близкий к Лондонскому.⁶¹ Так, список Тимковского Печатной группы, восходящий к общему с Лондонским списком протографу, дает совершенно бессмысленное, но еще близкое к первоначальному варианту чтение «починальник». Создается впечатление, что «чиноначальник» Летописной редакции — производное из этого слова, попытка его осмысления.

Выше указывалось, что сцена «испытания примет» в Летописной редакции по сравнению с Основной выглядит вторичной (см. стр. 106). Наблюдения над списками Основной редакции, Летописной и Лондонским позволяют, думается, проследить путь, по которому могло идти постепенное искажение первоначального чтения. Посредником, по-видимому, являлся опять-таки список, подобный Лондонскому. В списках Основной редакции на поле Куликово выезжает Дмитрий Вольнец (ГПБ, О.IV.22, F.IV.231, список Тимковского, ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, и др.), который берет с собой «великого князя» (в списках ГПБ, F.IV.231 и О.IV.22 доб. «единого»). В Лондонском списке Дмитрий выезжает в поле и берет с собой «еди... князи» (список испорчен). Таким образом, появляется уже множественное число «князи». Так как в Лондонском списке выражение «великий князь» в этой фразе отсутствует, составитель Летописной редакции, по-видимому, принял «Дмитрия» Лондонского списка за великого князя Дмитрия (именно великий князь Дмитрий в списках Летописной редакции и выезжает в поле). Слово «князи» Лондонского списка давало ему возможность ввести новых действующих лиц, что он и сделал, заставив выехать на поле Куликово с великим князем еще и брата его Владимира, и литовских князей, отчего вся сцена с «испытанием примет» только проиграла.⁶²

⁶⁰ В списке Тимковского, восходящего к общему с Лондонским списком протографу: «Татарския же трубы аки онемеша, руския же паче утвердишася. Полки же еще не видятся».

⁶¹ В Лондонском списке «[п]очинальник».

⁶² В Летописной редакции «Сказания» в отрывке, где рассказывается о получении великим князем известия от Захария Тютчева, говорится, что великий князь «то слышав, нача сердцем двизатися от ярости и горести наполнишася и начаста ся молити». Глагольная форма «начаста» предполагает действие двух лиц. Между тем в списках Основной редакции — ГПБ, О.IV.22, F.IV.231, ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, вариантах Забелинском и Михайловского упоминается лишь великий князь. В Лондонском же списке и списке Тимковского, помимо великого князя, назван и брат его князь Владимир: «Князь же великий слышав то, нача сердцем двизатися и з братом своим с князем Володимером в ярости и горести наполнишася, и став, нача молитися» (Лондонский список). Тесная связь Летописной редакции с Лондонским списком и списком Тимковского прослеживается на протяжении всего текста. Вполне вероятно, что в употреблении формы глагола «начаста» в Летописной редакции следует видеть отражение чтения списков типа Лондонского и Тимковского, где наряду с великим князем упоминается и брат его Владимир.

Несомненная близость «Сказания» Лондонского списка к «Сказанию» Летописной редакции и только что сделанные наблюдения позволяют предполагать, что источником «Сказания» Летописной редакции был текст «Сказания» в протографе Лондонского списка.⁶³ Однако текст этот был, по-видимому, более исправным⁶⁴ и еще не содержал в себе некоторых индивидуальных чтений Лондонского списка «Сказания»,⁶⁵ отсутствующих как в Летописной редакции, так и в других списках редакции Основной и приобретенных, вероятно, уже на более поздних этапах движения текста. Этот текст должен был заключать в себе и ряд чтений, отразившихся затем в Печатном варианте «Сказания»,⁶⁶ он мог быть и несколько ближе в чтениях к другим спискам Основной группы Основной редакции,⁶⁷ чем Лондонский список. Но в целом текст, легший в ос-

⁶³ «Сказание» самого Лондонского списка не могло быть источником текста Летописной редакции хотя бы потому, что Лондонский список датируется временем более поздним, чем время, в которое сложилась Летописная редакция «Сказания», — второй половиной XVI в. («Сказание» Летописной редакции находится в Вологодско-Пермской летописи 30—40-х годов XVI в.). Представить, что «Сказание» Лондонского списка могло быть извлечением из Летописной редакции, — невозможно. Не говоря уже о том, что пришлось бы предполагать сложное влияние на него списков Основной редакции (с заменой имени Ягайло Ольгердом), необъяснимым осталось бы, почему целый ряд чтений Лондонского списка первичен по отношению к Летописной редакции, почему в нем, как и в других списках Основной редакции, отсутствуют по сравнению с Летописной текстовые нарушения, а также то, каким образом чтения, заимствованные Летописной редакцией из «Летописной повести» о Куликовской битве, могли быть с такой тщательностью изъяты из Лондонского списка «Сказания» (особенно это относится к тексту, где перечисляются народы, пришедшие с Мамаем).

⁶⁴ Текст «Сказания» Лондонского списка содержит много опусков.

⁶⁵ В тексте «Сказания» Лондонского списка встречается ряд мелких чтений, отсутствующих в рассматриваемых списках обеих редакций. Так, например, в нем читаем: «Послы же Олгирдовы» вм. «послы» других списков; «юношу добродина суца см...» вм. «юношу доволна суци смыслом» (БАН, 21.3.14), «юношу... доволна суца смыслом» (Летописная редакция); добавочное «бысть же весть» к чтению «слышавши же Олег князь рязански, что князь великий... иде в сретение безбожному Мамаю»; в нем имеется отсутствующее в других списках указание на «117 нсалом», «псалом 7» и «70» и на «Песнь обновление в дому Давидове 29» при словах, произносимых великим князем в сцене нахождения его в дубраве.

⁶⁶ Печатный вариант Основной редакции «Сказания», как об этом говорилось выше, восходит вместе с Лондонским списком к одному протографу: список Тимковского во многих чтениях совпадает с Лондонским (чтениях, отсутствующих в других списках Основной редакции). Списки Летописной редакции, следуя в основном за Лондонским списком (а не за списком Тимковского), заключают в себе, однако, чтения, отсутствующие в Лондонском списке и в рассматриваемых списках Основной редакции, но наличествующие в списке Тимковского. Так, например, слова «дар посланный» (дар от игумена Сергия) содержатся только в списках Летописной редакции и списке Тимковского. Можно думать, что эти слова находились в протографе, общем для Лондонского списка и списка Тимковского.

⁶⁷ Так, в Лондонском списке и списке Тимковского Печатной группы после слов «отбежит в дальня отоки» отсутствуют читающиеся в текстах списков Основной редакции «Сказания» слова «в Великий Новгород или на Двину». Между тем в списках Летописной редакции «Сказания» эти слова содержатся. В начальной части повести во фразе «... како способствова... великому... князю Дмитрею Ивановичю и брату его Володимеру Одреевичу» списки Летописной редакции следуют за чтением списка ГПБ, О.IV.22 Основной редакции, в списках которой — БАН, 21.3.14, ГЛ, собр. Ундольского, № 578, а также списках Лондонском и Тимковского читаем: «... како пособства великому князю Дмитрию Ивановичю Володимерскому» (БАН, 21.3.14). Так же и в выражении «... твоею кровию испулены из работы вражья» Летописная редакция следует за чтениями списка Основной редакции ГПБ, О.IV.22: «... твоею кровию испулены работы вражиа». В списках Основной редакции — Лондонском: «... твоею кровию испулены из работы асторора»; в списке ГПБ, F.IV.231: «... твоею кровию испулены суть работы аристора» (ἀριστέρας — роковой, зловещий).

нову Летописной редакции «Сказания», несомненно должен был походить на Лондонский вариант.

В пользу того, что источником третьей редакции Вологодско-Пермской летописи была рукопись, подобная Лондонской, могут служить следующие соображения.

«Сказание о Мамаевом побоище» третьей редакции Вологодско-Пермской летописи входит в ее состав; в Лондонской же рукописи «Сказание» вместе с рядом больших летописных статей находится вне основного летописного текста.⁶⁸ Интересно то, что третья редакция Вологодско-Пермской летописи, кроме «Сказания», содержит почти все эти дополнительные статьи Лондонской рукописи.⁶⁹ Я. С. Лурье уже высказывал предположение, что эти большие летописные статьи могли быть вставлены внутрь текста Вологодско-Пермской летописи третьей редакции из «первой редакции или непосредственно протографа Л» (Лондонского списка, — М. С.).⁷⁰

Сопоставление текстов третьей редакции Вологодско-Пермской летописи, которые представлены в Лондонской рукописи в виде отдельных летописных статей, с аналогичными текстами летописей, связанных с традицией Софийской I летописи⁷¹ (свод 1479 г., Софийская II, список Царского Софийской I, Воскресенская летопись), показало, что летописные рассказы третьей редакции Вологодско-Пермской летописи наиболее близки рассказам именно Лондонского списка. Все эти повести в обоих памятниках принадлежат не только к одной редакции; они совпадают

⁶⁸ Лондонский список представляет собой рукопись второй половины XVI в., состоящую из двух томов. Как показано исследованиями В. И. Буганова («О списках Вологодско-Пермского летописного свода...») и Я. С. Лурье («The London and L'vov MSS...») и «Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи...»), занимавшихся определением состава Лондонского списка (листы его были перепутаны при переплете), первый том, начинавшийся введением о расселении племен к Повести временных лет, содержал следующие внелетописные статьи: Послание Василия Федору о рае, статьи 1002 и 1076 гг. о Борисе и Глебе, о смерти Александра Невского, список новгородских архиепископов, известия об испытании вер, о принятии христианства, походе Олега на Царьград, договоре его с греками, рассказы об убийстве Михаила Черниговского, о Калкском побоище, нашествии Батюга, взятии Царьграда турками в 1204 г. Лишь после этих статей в первом томе Лондонского списка следовал летописный текст, начинавшийся заголовком «Временник еже нарицается русских князей» и кончавшийся 1380 г., на середине текста «Летописной повести» о Куликовской битве. Во втором томе, начинавшемся с конца «Летописной повести», летописный текст доходил до 1499 г. Затем следовали внелетописные статьи второго тома — «Сказание о нахождении Темир-Аксака» и «Сказание о Мамаевом побоище».

⁶⁹ За исключением списка новгородских владык, описания походов Олега на Царьград в 907 и 912 гг., договоров с греками 907 и 912 г. и родословия великих князей (см.: В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода..., стр. 165).

⁷⁰ Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи..., стр. 54. О том, что составитель третьей редакции Вологодско-Пермской летописи, помимо Академического списка (второй редакции Вологодско-Пермской летописи), пользовался еще каким-то сводом, откуда им были заимствованы большие летописные статьи, говорил еще А. А. Шахматов (см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 351—353). Этим сводом, по его предположению, был «Московский свод» в «редакции 1538 г.» (там же, стр. 353). Лондонский список тогда еще известен не был.

⁷¹ Ни в Никаноровской летописи, к протографу которой восходила Вологодско-Пермская летопись первой редакции, ни во второй редакции Вологодско-Пермской летописи, к которой восходит Вологодско-Пермская летопись третьей редакции, этих обширных летописных статей нет. В основе Никаноровской летописи, по мнению А. А. Шахматова (Отзыв..., стр. 354), до 6926 г. лежит первая редакция Софийской I летописи.

в чтениях⁷² и даже повторяют ошибки друг друга. Так, например, в рассказе 1224 г. о Калкском побоище в обоих ошибочно употреблены слова «кодми» вм. «конми», «шляди» вм. «оляди».⁷³

Далее. Конец «Сказания о Мамаевом побоище» в третьей редакции Вологодско-Пермской летописи со слова «возратися» представляет собой отрывок, заимствованный из «Летописной повести» о Куликовской битве. Казалось бы, этот отрывок «Сказания» по своим чтениям должен был быть близок «Летописной повести» о Куликовской битве, находящейся в Академическом списке Вологодско-Пермской летописи, представляющем вторую редакцию этой летописи и являющемся источником ее третьей редакции.⁷⁴ Однако исследование показало, что отрывок «Сказания» заимствован не из Академического списка. Он совпадает в чтениях с вариантом «Летописной повести» о Куликовской битве Лондонской рукописи, где эта повесть входит в основной летописный текст.⁷⁵ С чте-

⁷² Небольшие расхождения в чтениях в рассказах Лондонского списка и третьей редакции Вологодско-Пермской летописи, конечно, имеются. Так, иногда Лондонский список в отдельных чтениях оказывается ближе к СЛ (ср., например, статья 1002 и 1072 гг. о Борисе и Глебе, Повесть о взятии Царьграда в 1204 г.); в других случаях, напротив, рассказ третьей редакции Вологодско-Пермской летописи сближается с СЛ (ср. ту же статью 1002 г. о Борисе и Глебе). Для рассказов третьей редакции Вологодско-Пермской летописи характерна тенденция (это отмечалось выше и в отношении «Сказания о Мамаевом побоище» Вологодско-Пермской летописи третьей редакции) к сокращению текстов подобных же рассказов СЛ, Лондонского списка и их переосмыслений. Это заметно и в рассказе 1072 г. о перенесении мощей Бориса и Глеба, и в рассказе об убиении Михаила Черниговского, и в статье 1263 г. о смерти Александра Невского, и в Повести о взятии в 1204 г. Царьграда. Например, в Повести о взятии в 1204 г. Царьграда турками в СЛ читаем: «И одраша двери и расekoша онбон, бяше окован весь серебром»; в Лондонском: «И одраша двери и расekoша аонбон, окован быше серебром весь»; в Вологодско-Пермской летописи третьей редакции: «И одраша двери и расekoша, а они бо бяше окованы вси серебром». Но в рассказах Лондонского списка встречаются (как это отмечалось и в отношении текста «Сказания о Мамаевом побоище» этого списка) чтения искаженные, имеются и свои индивидуальные чтения.

Рассказ о Темир-Аксаке в Синодальном списке Вологодско-Пермской летописи третьей редакции частично отличается от списков Кирилло-Белозерского и Чертовского этой же летописи.

⁷³ Ср. Лондонский список (ИРЛИ, б-ка Сектора древнерусской литературы, шифр $\frac{1970}{564_{1,2}}$, фотоконии), л. 186 и Вологодско-Пермскую летопись (ПСРЛ, т. 26), стр. 68.

⁷⁴ Академический список Вологодско-Пермской летописи (второй половины XVI в.) издан в вариантах в т. 26 ПСРЛ. Его текст заключает в себе не «Сказание о Мамаевом побоище», а «Летописную повесть» о Куликовской битве в варианте Никаноровской и Вологодско-Пермской летописи первой редакции, отраженной в списках Лондонском, Беловского и Оссолинских. Последние два списка являются копиями XVIII—XIX вв. рукописи XVI в., принадлежавшей в XIX в. Я. Лавровскому см.: В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода... стр. 164). Но «Летописная повесть» о Куликовской битве Лондонского списка, несмотря на опiski и индивидуальные чтения, более близка к повести Никаноровской летописи, чем повесть Академического списка. Академический список по отношению к «Летописной повести» о Куликовской битве и Лондонскому списку часто допускает перестановки слов (например, в конце «Сказания»: «Олег князь» вм. «князь Олег», «к нему приеха» вм. «приехаша к нему», «на него идет» вм. «идеть на него»).

⁷⁵ Текст окончания «Сказания» Летописной редакции, сложенный по «Летописной повести» о Куликовской битве, сходен в чтениях и с текстом Никаноровской летописи, но все же он ближе к Лондонскому списку. Так, например, чтение «возратися отуду в богохранимый град Москву» сходно с чтением Лондонского списка, в то время как в Никаноровской: «возвратися отуду в богоранимый град на Москву» (так и в Академическом списке Вологодско-Пермской летописи). Необходимо отметить, что составитель «Сказания» Летописной редакции, формируя окончание «Сказания» по «Летописной повести» о Куликовской битве, сокращал

ниями Лондонской рукописи совпадает и фраза «Сказания» третьей редакции Вологодско-Пермской летописи, заимствованная из начальной части «Летописной повести» о Куликовской битве, где рассказывается о народах, пришедших с Мамаем на Русь.⁷⁶

Таким образом, и отмечавшаяся ранее близость чтений «Сказания» третьей редакции Вологодско-Пермской летописи к «Сказанию» Лондонского списка, и связь текста «Сказания» Летописной редакции с «Летописной повестью» о Куликовской битве Лондонской рукописи, и определенная зависимость больших летописных статей третьей редакции Вологодско-Пермской летописи от внелетописных статей Лондонского списка — все это приводит к одному заключению: источником «Сказания» третьей редакции Вологодско-Пермской летописи был протограф Лондонской рукописи.

Имеются основания считать, что этим источником была сама первая редакция Вологодско-Пермской летописи, отраженная Лондонским списком. Во-первых, первая редакция Вологодско-Пермской летописи должна была содержать в себе тот же самый текст «Летописной повести» о Куликовской битве, что и Лондонский список. Во-вторых, первая редакция Вологодско-Пермской летописи, помимо основного летописного текста, по-видимому, также включала в себя дополнительные статьи, — список Беловского, отражающий эту летопись (начиная с 1464 г.), содержит дополнительные статьи, как и Лондонская рукопись.⁷⁷

Первая редакция Вологодско-Пермской летописи является основным источником второй редакции, вторая редакция — третьей.⁷⁸ При создании второй редакции, как предполагает Я. С. Лурье,⁷⁹ имело место вторичное обращение к источнику первой редакции Вологодско-Пермской летописи — к протографу Никаноровской летописи. Создание третьей редакции, по-видимому, сопровождалось вторичным обращением к редакции первой.⁸⁰ Помимо своего основного источника — второй редакции Вологодско-Пермской летописи, составитель третьей редакции использовал дополнительный материал. Вряд ли летописец, чтоб включить в свое произведение новые литературные памятники, обращался в данном случае ко множеству разрозненных источников. Гораздо реальнее предположение, что эти памятники он нашел в комплексе в летописи, которая могла ему быть хорошо знакома и которую мы называем первой редакцией

текст последней; он опускал слова и целые выражения (ср. с текстом Лондонского и Академического списков и Никаноровской летописи). Этот прием характерен вообще для составителя «Сказания» Летописной редакции, как мы отмечали выше.

⁷⁶ В третьей редакции Вологодско-Пермской летописи: «И рати ины понаимова — бессермены и армены, фрязы, черкасы, ясы и бургасы (в «Летописной повести» по Академическому списку: «И еще к тому рати понаимовал — бессермены и армены, фрязы, черкасы, и ясы бургасы»); в «Летописной повести» о Куликовской битве Лондонского списка: «И еще к тому рати понаимовах — бессермены и армены, фрязы, черкасы и ясы бортасы»; в Никаноровской летописи: «И еще к тому рати понаимовал — бессермены, фрязы, черкасы и ясы бургасы».

⁷⁷ Внелетописные статьи списка Беловского: Калское побоище, о взятии в 1204 г. Царьграда, об иконе Одигитрии, о смерти Александра Невского. Эти произведения находятся среди дополнительных статей и Лондонского списка. Содержит дополнительные статьи и связанный с традицией Вологодско-Пермской летописи список конца XV — начала XVI в. ГБЛ, Музейное собр., № 3271: о взятии в 1204 г. Царьграда, Калское побоище, о нашествии Батыя, «о Едитеи», «О Талыче», «О княжне Анне», «О новгородцах», «О приходе безбожного царя Ахмута» (см.: Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи. . . , стр. 225—227).

⁷⁸ А. А. Шахматов. Отзыв. . . , стр. 352; В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода. . . , стр. 165.

⁷⁹ Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи. . . , стр. 249.

⁸⁰ Там же.

Вологодско-Пермской летописи. Текст второй редакции Вологодско-Пермской летописи оказался пополненным новыми сведениями, взятыми отчасти из дополнительных статей первой редакции Вологодско-Пермской летописи, отчасти из ее основного текста. «Летописная повесть» о Куликовской битве Академического списка Вологодско-Пермской летописи была заменена заимствованным, по-видимому из первой редакции Вологодско-Пермской летописи, «Сказанием о Мамаевом побоище». Но летописец не просто перенес это произведение в свой текст. Он переработал его, обратившись и к данным изъятой им «Летописной повести» о Куликовской битве. Для этой переделки он, однако, использовал не Академический список. Как показывают текстологические наблюдения, он обратился к «Летописной повести» о Куликовской битве того же самого памятника — к первой редакции Вологодско-Пермской летописи.

Первая редакция Вологодско-Пермской летописи, доведенная до 1499 г., по предположению М. Н. Тихомирова, была составлена в конце XV—начале XVI в. при дворе пермского епископа.⁸¹ Следовательно, в самом начале XVI в. существовал текст «Сказания о Мамаевом побоище», похожий на Лондонский вариант. Этот текст, относимый нами к Основной редакции произведения, заключал в себе, однако, такие чтения, которые говорили о его уже значительной отдаленности от оригинала памятника.

Когда же было создано само произведение?

Мы имеем нижнюю границу даты существования первоначальной редакции «Сказания» — самое начало XVI в. Возможно установление и верхней границы. Обратимся к памятнику, посвященному тем же самым событиям XVI в., — «Летописной повести» о Куликовской битве.

Каково взаимоотношение обоих произведений?

* * *

Вопрос о взаимоотношении «Летописной повести» о Куликовской битве и «Сказания о Мамаевом побоище» после работ С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматова долгое время специально не поднимался. По общепринятому мнению, хронологически первой всегда называлась «Летописная повесть» о Куликовской битве. «Сказание» же, представляющее собой развернутый рассказ, насыщенный различного рода подробностями, считалось возникшим на основе «Летописной повести».⁸²

Недавно к этому вопросу обратился В. С. Мингалев. Исследуя «Сказание о Мамаевом побоище», В. С. Мингалев одной из своих задач поставил выяснение связи этого произведения с другими памятниками Куликовского цикла и, в частности, определение текстуально-композиционной зависимости его от «Летописной повести». Как уже говорилось, В. С. Мингалев пришел к заключению, что «Летописная повесть» была источником «Сказания о Мамаевом побоище».⁸³

⁸¹ М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — Проблемы источниковедения, вып. III, М., 1948.

⁸² О взаимоотношении «Летописной повести» о Куликовской битве и «Сказания о Мамаевом побоище» Л. А. Дмитриев упоминает в статье «Публицистические идеи „Сказания о Мамаевом побоище“» (стр. 140—141). О жанровых особенностях обоих произведений писал А. Вайан (см.: A. Vaillant. Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamai». — Revue des études slaves, t. 39, fasc. 1—4, Paris, 1961, pp. 59—89).

⁸³ В. С. Мингалев. 1) Летописная повесть..., стр. 55—72; 2) «Сказание о Мамаевом побоище...», стр. 10—11.

Но вывод свой В. С. Мингалев строил, исходя из данных сравнения «Летописной повести» о Куликовской битве с текстами не Основной редакции «Сказания», а Летописной, т. е. той редакции, которую мы, вслед за Л. А. Дмитриевым, считаем вторичной.

Летописная редакция «Сказания» дает примеры безусловной текстуальной близости его с «Летописной повестью», Это касается эпизода, где перечисляются народы, присоединившиеся к Мамаю, и заключительного отрывка, где рассказывается об Олеге Рязанском, Мамае и Тохтамыше. Мы уже отмечали (см. выше), что в этих отрывках Летописная редакция «Сказания» следует «Летописной повести» в ее позднейших вариантах — в варианте Никаноровской летописи—Лондонского списка. Эти отрывки в Основной редакции «Сказания» еще отсутствуют. Будет ли справедливо положение о «Летописной повести» как источнике «Сказания» по отношению к его первоначальной редакции — Основной? Обратимся к сопоставлению текстов.

Сравнивая ведущие списки Основной редакции «Сказания»⁸⁴ со старшими вариантами списков «Летописной повести» о Куликовской битве, относящимися к XV в. (например, в НВЛ, СЛ),⁸⁵ обнаруживаем, что между обоими памятниками имеется бесспорная сюжетная близость (о близости текстологической речь пойдет дальше). Действительно, и в том и в другом произведении рассказ начинается с сообщения о походе Мамая на Русь, при этом и тут и там Мамай советуется перед походом со своими приближенными, вспоминает времена Батые. В обоих рассказах сообщается затем о переговорах Олега Рязанского с Мамаем и князем литовским и Мамаю с этими князьями. И в «Летописной повести», и в «Сказании» князь Дмитрий, узнав о походе на него Мамаю, «впадает в печаль», горячо молится и посылает «по брата своего» Владимира, «по вся князи руские» и «воеводы». И в том, и в другом произведении Дмитрий узнает, что в союзе с Мамаем выступают Олег Рязанский и князь литовский. Дмитрий собирает войско, во главе которого выступает из Москвы, держа путь на Коломну, получает благословение коломенского епископа и, переправившись через Оку-реку, направляется к Дону. У Оки-реки князь «перенимает» «вести от поганых» («Летописная повесть»), «отпускает в поле третью сторожу» («Сказание»). В «Летописной повести» великий князь собирается дать Мамаю «выход» «по крестьянской силе и по своему докончанию»; в «Сказании» он пытается умилостивить Мамаю дарами. К Дмитрию присоединяются князья Ольгердовичи (по «Летописной повести» — еще в Коломне, по «Сказанию» — вблизи Дона). Согласно обоим рассказам, Дмитрий оставляет в Москве своих сыновей и жену Евдокию. Описание горя Евдокии в «Сказании» находит отзвук в «Летописной повести» в плаче жен по ушедшим из Москвы воинам. У Дона (в обоих произведениях) происходит обсуждение вопроса о переправе. Мамаю, узнав о переходе Дона русскими войсками, по «Летописной повести», — «възъярився зраком и смутися умом и распалися лютою яростию», по «Сказанию» — «разжен бысть дьяволом». И тут и там рассказывается о присланном перед битвой игуменом Сергием благословении (в «Летописной повести» — до перехода Дона). И в «Летописной повести», и в «Сказании» Дмитрия уговаривают отказаться от участия в битве «напреди», но великий князь

⁸⁴ См. стр. 102.

⁸⁵ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 344—355.

в обоих случаях отстраняет это предложение и сражается в передних рядах. В обоих произведениях подчеркивается жестокость битвы, сообщается о разгроме и бегстве татар, упоминается о «стоянии» великого князя «на костях», говорится о гибели Мамаю в Кафе. «Сказание» называет многие имена воевод, упоминаемые в «Летописной повести» в списке убитых.⁸⁶

Сопоставление старших текстов «Летописной повести» о Куликовской битве с текстами Основной редакции «Сказания», таким образом, показывает, что оба памятника настолько близки друг другу и в сюжетной линии, и в композиционном построении,⁸⁷ и в обращении к одним и тем же фактам, к одним и тем же мотивам, что представляется несомненным — или эти памятники влияли друг на друга, или они восходили к одному источнику.

Как известно, основным историческим источником «Летописной повести» о Куликовской битве был рассказ 1380 г. в Троицкой летописи «о великом побоище иже на Дону».⁸⁸ Этот рассказ послужил составителю «Летописной повести» не только канвой для его повествования. Автор повести, используя исторические данные этого рассказа, включил их в свое изложение в том же стилистическом выражении, в каком они в этом рассказе были записаны.⁸⁹ Не был ли рассказ Троицкой летописи источником и «Сказания о Мамаевом побоище»?

Сопоставление текстов рассказа Троицкой летописи и Основной редакции «Сказания» заставляет, однако, отказать от такого предположения. Стилистическая связь между обоими рассказами отсутствует. Невозможно назвать ни одного факта, ни одной детали, которые наличествовали бы только в «Сказании» и в рассказе Троицкой летописи и которые отсутствовали бы в «Летописной повести». В то же время общих мест «Сказания» с «Летописной повестью» (отсутствующих при этом в рассказе Троицкой летописи) можно привести множество.

Так, только «Летописная повесть» и «Сказание» говорят о том, что перед походом Мамай советовался с приближенными и вспоминал при этом времена Батыя, а Олег Рязанский вел переговоры с Мамаем и литовским князем. Только «Сказание» и «Летописная повесть» называют участниками похода князя Владимира Андреевича и братьев Ольгердовичей.⁹⁰ О движении войск к Коломне упоминается только в этих произведениях. Только в этих памятниках говорится о жене и детях великого князя. Лишь «Сказание» и «Летописная повесть» упоминают об игумене Сергии, о настроении Мамаю, о дарах, посылавшихся Дмитрием татар-

⁸⁶ Общие для «Летописной повести» и «Сказания» имена убитых: Семен Михайлович, Микула Васильевич, Михайло Бренков, Тимофей Волуевич, Андрей Серкизов, Семен Мелик, Александр Пересвет, Федор Белозерский. Но имена Федора Семеновича Белозерского и Тимофея Волуевича «Сказания», по-видимому, следует связывать с «Задонщиной», так как они переданы в этом памятнике так же, как и в «Сказании» (в «Летописной повести» Федор Романович Белозерский, Тимофей Васильевич Акатиевич, нарицаемый Волуй). Имена Михаила Бренкова и Семена Мелика в «Задонщине» отсутствуют.

⁸⁷ Иногда только в обоих памятниках имеет место перестановка отдельных эпизодов. Так, в «Летописной повести» Ольгердовичи присоединяются к войску великого князя в Коломне, в «Сказании» — после выступления рати из Коломны. В «Летописной повести» послание от игумена Сергия великий князь получает еще до перехода Дона, в «Сказании» — после перехода через Дон.

⁸⁸ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., стр. 359.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Князь Владимир Андреевич и братья Ольгердовичи упоминаются еще в «Задонщине».

скому князю. Только здесь обсуждаются вопросы о переправе Дона и о том, следует ли великому князю выступать в передних рядах. Только в «Летописной повести» и «Сказании» сообщения об исторических фактах перемежаются лирико-публицистическими отступлениями и риторическими молитвами великого князя.

Тексты «Сказания» Основной редакции и «Летописной повести» дают и примеры текстологической близости обоих памятников.

«Летописная повесть»

И посла по брата своего князя Володимера Андреевича и по всех князей русьских и по великыя воеводы (СЛ).

«Сказание» Основной редакции

И посла по брата своего по князя Владимера Андреевича в Боровск и по все князи русские скорые гонци разслав, и по вся воеводы местныя (ГПБ, О.IV.22).

И посла по брата своего, князя Володимера Андреевича в своей бо быше отчизни в Боровци и по все князи руския разсла, и по вся воеводы местныя (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578).

И в «Летописной повести», и в «Сказании» Мамай сравнивается с «ехидной».⁹¹

«Летописная повесть»

Мамай «...аки аспида некая гневом дышуци...», аки некая ехидна прыскаюци...» (СЛ).

«Сказание» Основной редакции

Мамай «...поиде на Русь, сердитую, яко лев, пыхая, яко неуголимая ехидна» (список Тимковского).

Мамай «...поиде же на Русь, яко и лев ревыи пыхаа, яко неуголимья ехидна...» (ГБЛ, собр. Ундольского № 578).⁹²

Олег Рязанский в обоих произведениях называется «Святополком».

«Летописная повесть»

Не аз почал кровь проливати христианскую, но он, Святополк новый (СЛ).

«Сказание» Основной редакции

Ныне же сего Олга Рязанского втораго Святополка нареку (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578).

Ныне сего Олга нарече втораго Святополка (список Тимковского).⁹³

Сходно в обоих памятниках описание утра 8 сентября.

⁹¹ На сходство «Летописной повести» и «Сказания» в этом и последующих двух примерах указывал еще А. А. Шахматов (Отзыв... стр. 94).

⁹² В списке ГПБ, О.IV.22: «Поиде же безбожный на Русь, аки лев ревыи пыхаа, аки неуголимая ехидна гневом дыша». Этот вариант наиболее близок к чтению «Летописной повести», но нет уверенности в том, что это чтение не возникло уже под влиянием «Летописной повести»: конец «Сказания» этого списка испытал на себе влияние «Летописной повести» (см.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»... стр. 389—390).

⁹³ В списке ГПБ, О.IV.22: «Ныне же сего Олга оканнаго новаго Святоплъка нареку».

«Летописная повесть»

«Сказание» Основной редакции

Въсходящу солнцю и бысть тма велика по всей земли, и мгыляно беша было утро (СЛЛ).

Светающую пятку, въсходящу слънцу, бысть же утро мгыляно (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578).

Свитающую пятку, восходящу солнцю, бывшу же утру мгыляву (ГПБ, F.IV.231).

В обоих памятниках упоминается о том, что у Дмитрия было «три» противника.

«Летописная повесть»

«Сказание» Основной редакции

...всташа на нь три земли и три рати (СЛЛ).

Олег Рязанский: «...откуда ему прииде помочь, яко противу трех нас вооружився» (БАН, 24.3.14).

Олег Рязанский: «...о [т]куду... помощи яко трем нам въоружился» (Лондонский список).

Перекличка заметна и в двух различных эпизодах — в «плаче жен» («Летописная повесть») и «испытании примет» («Сказание»).

«Летописная повесть»

«Сказание» Основной редакции

Слышано бысть... Рахиль... плачущися чад своих... (СЛЛ).

Слышах землю плачущюся надвое; едина страна, аки некая жена плачущюся чад своих (список Тимковского).

Слышах землю плачущюся надвое; едина бо съ страна, аки некаа жена, напрасно плачущися о чадах своихъ... (ГПБ, O.IV.22).

Таким образом, текстологическое сопоставление «Летописной повести» с Основной редакцией «Сказания» и этой редакции с рассказом «о великом побоище, иже на Дону», Троицкой летописи позволяет говорить лишь о связи «Летописной повести» о Куликовской битве и «Сказания о Мамаевом побоище»; влияние рассказа Троицкой летописи на «Сказание» исключается.

Могло ли «Сказание» быть источником «Летописной повести»?

Текстологические наблюдения, проведенные сравнительно недавно над «Летописной повестью» и «Задонщиной»,⁹⁴ «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище»,⁹⁵ вообще исключают такую возможность. «Задонщина», оказавшая влияние на «Сказание», в свою очередь, испытывала на себе воздействие «Летописной повести». Следовательно, ранее «Летописной повести» «Сказание» возникнуть не могло. Если же мы, вопреки этому заключению, допустим, что «Летописная повесть» была сложена на основе «Сказания», то нам придется встретиться с рядом значительных затруднений. В этом случае мы должны были бы признать, что составителю «Летописной повести» пришлось проделать довольно сложную работу: опустить огромное количество фактов «Сказания» — рассказ «старых еллин» о Батые, рассказы о переходе Мамаю через Волгу и Воронеж, о посольстве Тютчева в Орду. Он должен был бы исключить все сведения о по-

⁹⁴ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., стр. 376—383.

⁹⁵ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 385—434.

сылке «сторожей», а также сообщения о неоднократном посещении великим князем митрополита Киприана. Он пропустил бы рассказ о поездке великого князя к троицкому игумену Сергию, рассказ о посещении великим князем «гроба» митрополита Петра и «гробов православных князей прародителей». Он должен был бы отказаться от помещения известий о взятии великим князем в поход гостей-сурожан, о проходах воинов «княгинями, боярынями и воеводскими женами», о выходе из Москвы разными дорогами, об «уряжении» полков на «полях коломенских». Он опустил бы сообщение о Дмитрии Волынце, подробности прихода братьев Ольгердовичей, описание смотра войск, сцену переодевания, сцену «испытания примет», «видение» Фомы Кацибя; ему пришлось бы пропустить известия о единоборстве печенега и Александра Пересвета, известие о «потайном полку» и поисках Дмитрия, сообщение о посещении великим князем погибших на поле битвы, «счет убитым» и еще многие другие подробности. Между тем никаких швов и неувязок, которые обычно возникают при сокращении текста, в «Летописной повести» не обнаруживается. Кроме того (и это главное!), трудно представить себе такой процесс сложения «Летописной повести», при котором автор извлек бы из обширного по объему, использовавшего многочисленные литературные источники памятника — «Сказания о Мамаевом побоище» лишь канву этого произведения, а затем эту канву начал перестраивать бы в стилистической манере летописного рассказа — рассказа «о великом побоище, иже на Доу», Троицкой летописи. Получилась бы невероятно сложная картина создания «Летописной повести». В то же время вполне естественно, что построенная на основе летописной записи «о великом побоище, иже на Доу», Троицкой летописи, вобравшая в себя и стилистические выражения этой записи «Летописная повесть» о Куликовской битве послужила канвой для другого произведения, написанного на ту же тему, но уже в значительно большей степени украшенного всевозможными «литературными» внесениями (из «Задонщины», Жития Александра Невского, Жития Арефы-мученика, устных рассказов и других источников), — «Сказания о Мамаевом побоище». Происходит все большее распространение первоначального документального источника, все большее «украшение» первоначальной, сухой по изложению записи. Такое построение картины сложения «Сказания о Мамаевом побоище» вполне логично.

К заключению о том, что «Летописная повесть» о Куликовской битве предшествовала «Сказанию о Мамаевом побоище» и оказала влияние на него, приводит и ряд чтений «Сказания», перекликающихся с «Летописной повестью». Так, например, об этом уже говорилось выше, и в «Летописной повести», и в «Сказании» князь Олег Рязанский называется «Святополком» («новый Святополк» в «Летописной повести», «второй», или «новый», Святополк в «Сказании»). Однако, как отмечалось исследователями,⁹⁶ роль Олега в «Сказании» значительно отличается от его изображения в «Летописной повести». Фактически приравнивание Олега к братоубийце Святополку в «Сказании» не оправдано. В характеристике, даваемой здесь Олегу, скорее подчеркивается не его измена великому князю, а его скудоумие. Олег Рязанский даже колеблется — не встать ли ему на сторону великого князя.

⁹⁶ Л. А. Дмитриев. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище», стр. 151.

Другое дело в «Летописной повести». Основной грех, который приписывается в ней князю Олегу Рязанскому, — это «братоненавидение». Приравнение Олега Рязанского к братоубийце Святополку оправдано в «Летописной повести» не только с литературной точки зрения. Дмитрия Шемяку, с которым, как представляется, в 40-х годах XV в. ассоциировался рязанский князь Олег, официальный документ 1447 г. «Послание Российского духовенства» также называл «окаянным Святополком». ⁹⁷ Поэтому чтение «новый Святополк» представляется первичным в «Летописной повести» и вторичным в «Сказании».

Есть основания полагать, что и в следующих чтениях «Сказание» зависело от «Летописной повести». В обоих произведениях, как уже говорилось, Мамай сравнивается с ехидной, а в эпизоде «испытание примет» чтение «Сказания» переключается с «плачем жен» «Летописной повести»: «Слышах землю плачущую надвое, едина страна, аки некая жена плачущая чад своих» («Сказание») — «Слышано бысть... Рахиль... плачущия чад своих» («Летописная повесть»). Предположение о появлении этих чтений в памятниках независимо одно от другого следует исключить. Как эти чтения появились в «Сказании», объяснить трудно. Между тем в «Летописной повести» образ ехидны и описание скорби «жены» по «чадом своим» имели своим источником, как указала В. П. Адрианова-Перетц, ⁹⁸ апокрифическое «Слово на рождество Христово о пришествии волхвов». ⁹⁹ И в «Сказании» эти чтения появились, по-видимому, уже под влиянием «Летописной повести».

Итак, из всех рассмотренных нами вариантов — считать ли «Сказание о Мамаевом побоище» Основной редакцией памятником, восходившим к рассказу «о побоище, иже на Дону», Троицкой летописи и появившимся, следовательно, независимо от «Летописной повести», или произведением, имевшим «Летописную повесть» в основе, или, наконец, памятником, послужившим канвой для «Летописной повести», — единственно приемлемым, как показывают текстологические сопоставления, оказался второй вариант.

Нет оснований считать «Сказание о Мамаевом побоище» источником «Летописной повести». Нет данных и возводить «Сказание» к источнику «Летописной повести» — к рассказу Троицкой летописи «о побоище, иже на Дону». «Сказание о Мамаевом побоище» Основной редакции было тесно связано с «Летописной повестью», но эта связь предполагает влияние исключительно «Летописной повести» на него.

⁹⁷ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., стр. 373—374.

⁹⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 87.

⁹⁹ Возможно, что составитель «Сказания» и сам обращался к «Слову на рождество Христово о пришествии волхвов». Так, в отрывке «Сказания», где рассказывается о приходе к великому князю братьев Ольгердовичей, названы «вълсви» и «Ирод», упоминающиеся в этом апокрифе. «Летописная повесть» их не называет. Но даже в этом случае вряд ли мысль об обращении к данному апокрифу не была подсказана составителю «Сказания» «Летописной повестью», на которую он опирается и которая заимствовала из этого апокрифа еще целый ряд значительных фрагментов. Произведение середины XV в., «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», обращалось к этому же апокрифу, по-видимому также воспользовавшись указанием «Летописной повести» (см.: М. А. Салмина. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского. — ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 97). Любопытно, что в Летописной редакции «Сказания» уже исчезает «жена плачущая чад своих». Это чтение в Летописной редакции «Сказания» заменено другим: «жена, некая двоица». «Чада» вообще не упоминаются.

Таким образом, «Летописная повесть» о Куликовской битве была основным литературным источником внелетописного памятника — Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Но «Летописная повесть» о Куликовской битве, как показало исследование произведения, была создана в конце 40-х годов XV в.¹⁰⁰ Следовательно, ранее этого времени «Сказание о Мамаевом побоище» появиться не могло.¹⁰¹ Оно было создано позднее, в промежутке между серединой XV в. и началом XVI в., — когда с определенностью можно говорить уже о существовании одного из вариантов Основной редакции памятника — Лондонского.¹⁰²

О том, в какой момент этого отрезка времени было сложено «Сказание о Мамаевом побоище», — речь пойдет в следующей статье.

¹⁰⁰ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., стр. 372—376. См. также: Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, т. XXVIII, М.—Л., 1973, стр. 134.

¹⁰¹ Предположение Л. А. Дмитриева о сложении «Сказания о Мамаевом побоище» в первой четверти XV в. (см.: Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания»..., стр. 423) делалось им, когда «Летописная повесть» о Куликовской битве еще не была изучена и когда ее создание относили ко времени сразу же после событий 1380 г. См. также статью И. Б. Грекова «О первоначальном варианте „Сказания о Мамаевом побоище“» (Советское славяноведение, М., 1970, № 6, стр. 27—36), датирующего «Сказание» серединой 90-х годов XIV в.

¹⁰² Вполне вероятно, что «Летописная повесть» о Куликовской битве Сокращенных сводов 1493 и 1495 гг. носит уже на себе следы «Сказания о Мамаевом побоище» (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., стр. 352—353).

Г. М. ПРОХОРОВ

Послания Нила Сорского

Именем Нила Сорского надписываются в древнерусской рукописной книжности три больших послания и одно маленькое.¹ Большие послания встречаются во множестве списков, маленькое — только в одном. Первое из трех всегда — послание «к брату, воспросившу его о помыслех» (начало: «Похвально желание подвигнул еси...»). В некоторых рукописях указан его получатель — Вассиан Патрикеев. Так, в ГПБ, Софийск., 1460, 2-я четв. XVI в., на нижнем поле л. 315 различима полустертая и полусрезанная запись XVI в.: «Того ж Нила старцу Васиану...»; в ГБЛ, Тр.-Серг. л., 188 (1576), 2-я пол. XVI в., на верхнем поле л. 93 видим: «Княз[ь] Вас[си]ан».² Содержание послания этому не противоречит: «вопросивший» Нила Сорского «о помыслех» человек поневоле, кажется, простился со светской жизнью («Тебе же възлюбив бог и взят от мира сего», — пишет ему Нил), но, будучи пострижен, старался победить в себе прежние влечения. Послание — наставление ему от опытного монаха.

Вторым помещается послание «иному брату о пользе» (начало: «Еже усты к устам беседова...»). В том же Троице-Сергиевском сборнике (л. 98 об.) над заглавием написано: «Гурей Туш[ин]». Послание является ответом на устную, а затем и письменную просьбу инока (Нил величает его «честнейший отче») написать ему о том «како не заблудити от истиннаго пути». Гурий Тушин, монах Кирилло-Белозерского монастыря, был одним из близких к Нилу Сорскому людей младшего поколения. Вполне допустимо, что ему хотелось, — особенно, когда они расстались, — иметь наставления своего учителя в письменном виде.

Третье послание — «к брату, просившу от него написати ему еже на ползу души» (начало: «Писание твое, отче, еже писал еси ко мне...»). В Софийск., 1460, на лл. 325 об.—326 снизу написано: «Послание старца Нила Заволжскаго Сорскыа пустыня и скита Герману Подолному»; в Тр.-Серг., 188 (л. 103 об.), стоит: «Герман Пустын[ник]». И Герман Пустынник, или Подольный, жил в Кирилло-Белозерском монастыре одновременно с Нилом Сорским; затем он навещал его в его лесном скиту.

¹ Ученые пытались приписать Нилу Сорскому еще некоторые послания, но это выглядит неубедительно. Атрибуцию ему двух посланий, какую мы находим в книге А. С. Архангельского (Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882, стр. 56—57), уже опроверг Я. С. Лурье (Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 301—303). О так называемом послании Кассиану Мангупскому, до сих пор включаемом в число произведений Нила Сорского, ниже — речь особая.

² Кроме того, в рукописи ГБЛ, МДА фонд., 36 (156), Старчество, 2-я пол. XVII в., к названию первого послания приписано: «Князь Васьян». То же самое — в рукописи ГБЛ, Тр. II, 239, XIX в., л. 54.

У них, видимо, возник при встрече спор. Вспоминая этот разговор, Нил в послании просит его не скорбеть из-за того, что было между ними сказано тогда, и продолжает настаивать, что «не просто или яко же прилучится подобает нам творити делания кая, но по божественных писаниих и по преданию святых отец». Главная мысль послания — инок во всем должен руководствоваться святыми писаниями, постоянно их читать и «испытывать», обдумывать.

Однажды послания Нила Сорского были напечатаны, но не в научном издании, по случайному и непонятно какому именно списку.³ Исследованы они до сих пор не были.

Списки посланий, сделанные рукой самого Нила Сорского, нам неизвестны, как неизвестны и те письма, на которые он отвечал. (Вероятно, что адресаты получали послания не в тетрадях книжного типа, а на бересте. В книги же вносили, очевидно, лишь то, что имело, на их взгляд, непреходящую ценность).

Но по крайней мере два — а может быть, и все три — Ниловых послания дошли до нас в собственноручных копиях их получателей.

Рукопись ГПБ, Кир.-Белоз., 101/1178, где находится третья, Герману Подольному, послание Нила Сорского (лл. 218—221), содержит также полудрукографические хроникальные заметки о событиях в белозерской области с 1501 по 1509 г., сделанные разновременно тою же, кажется, рукой, что и копия послания. Среди заметок есть (л. 253 об.) запись о смерти Нилова брата Андрея (скончавшегося в конце 1502 или в начале 1503 г.) и (л. 254) о кончине самого Нила (7 мая 1508 г.). После 1509 г. речь в этих записках идет о происшествиях исключительно в Подольном монастыре. Н. К. Никольский, издавший по этой рукописи опись книг Кирилло-Белозерского монастыря конца XV в., считает, что все, что возможно извлечь из заметок относительно их автора, совпадает «с тем, что известно о старце Германе, получившем прозвище пустычника, или Подольного, вероятно, по месту своих подвигов — в пустыне белозерской и Подольном монастыре. По происхождению он был от „благородного корене“ (автор заметок близок к роду Сорокоума Глебовых, — Г. П.), принадлежал к братству Кириллова монастыря одновременно с преп. Нилом Сорским, затем, по удалении последнего из Кириллова, продолжал с ним сношения, посещал его в Сорской пустыни, хвалил его образ жития, вел с ним беседы, споры и поддерживал переписку. Все это происходило до 1508 г. После кончины преп. Нила, которого Герман пережил на 25 лет (ум. 30 апр. 1533 года), он... удалился из места своих первоначальных подвигов в другой монастырь... Но близость старца Германа к рассматриваемому сборничку не исчерпывается указанным: 1) на об. л. 1 эта рукопись

³ Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России, и устав его о жительстве скитском (в переводе на русский язык). С приложением всех других писаний его, извлеченных из рукописей. СПб., 1864. Издатель (Елагин) полагает, что первое послание было написано для Кассиана Мангунского, что якобы видно из снесения его содержания с жизнью Кассиана (ниже мы будем говорить о Кассиане), а третье — для Иннокентия Охлябинина, одного из учеников Нила Сорского, ибо в некоторых рукописях «после этого послания стоит завет (завещание) инока Иннокентия. Вероятно, что они найдены по смерти Иннокентия рядом и помещены одно за другим» (стр. XXI, 161, сноска; стр. 178, сноска). Основания для этих догадок мне кажутся менее прочными, нежели записи в рукописи XVI в., о которых мы говорим. Соображения в пользу того, что три послания Нила Сорского были адресованы именно Вассиану Патрикееву, Гурию Тушину и Герману Подольному, см. также: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 49, 54, 58; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 303; F. von Lilienfeld. Nil Sorskij und seine Schriften. Die Krise der Tradition im Rußland Ivans III. Berlin, 1963, SS. 91—92. Перепечатки Елагинского издания: М., 1869; Кириллов, 1907.

названа „Германов сборничек“ (почерк записи XVI в., — Г. П.); 2) вероятно, не случайно из всех сочинений преп. Нила Сорского сюда внесено только одно послание к старцу Герману Подольному, хотя лицо адресата и закрыто здесь словами „имя рек“.⁴ (Заметим, что, хотя во всех других списках нет этих слов «имя рек», нет на их месте и имени адресата). Послание здесь никак не озаглавлено. Список сделан довольно небрежно, с некоторыми пропусками, и немного не доведен до конца. Словно чтобы была возможность впоследствии закончить копию, две трети страницы после окончания текста (л. 221) оставлены чистыми (на обороте листа — уже другой текст). Бумага кодекса вся XV в., главным образом последней четверти столетия.⁵

Послание Герману Подольному было написано Нилом Сорским не раньше (но, по расчетам Я. С. Лурье, и не намного позже) 70—80-х годов XV в.;⁶ так что этот список сделан получателем послания, кажется, вскоре после его получения и, очевидно, — с авторского оригинала.

Рукою известного книгописца, старца Кирилло-Белозерского монастыря Гурия Тушина, ученика, корреспондента и адресата второго послания Нила Сорского, написаны послания Нила Сорского в рукописи ГПБ, Кир.-Белоз., 142/1219. По расчетам Н. А. Казаковой, этот сборник был изготовлен в промежутке между 1506 и 1524 гг.⁷ Водяной знак бумаги («тиара» типа Брике, № 4901) датируется 1511—1513 гг. Если учесть некоторое запаздывание в использовании на Руси западноевропейской бумаги, промежуток, рассчитанный Н. А. Казаковой, можно сократить до десятилетия 1514—1524 гг.

«К счастью, — пишет Н. А. Казакова, — в этом сборнике сохранился список (вероятно, один из самых ранних) трех посланий Нила Сорского: Вассиану Патрикееву, Гурию Тушину и Герману Подольному. Можно полагать, что Тушинский список посланий Нила Сорского восходит непосредственно к автографам: естественно, что Гурий Тушин, являясь адресатом одного из посланий Нила Сорского, автограф своего учителя — „великого старца“, как он его именует, бережно хранил; автографы же посланий к Вассиану Патрикееву и Герману Подольному он мог получить непосредственно от адресатов, проживающих в Кирилло-Белозерском монастыре».⁸

Это весьма вероятно. По крайней мере оригиналом адресованного ему послания Гурий Тушин должен был располагать. Совпадение же большинства мелких особенностей текста послания Герману Подольному в списке Гурия с особенностями списка самого Германа (например, «коли» вместо «когда», «неже» вместо «нежели», «достойно» вместо «поистине» и др., такого же рода) говорит о том, что он располагал оригиналом и этого послания.

В рукописи Гурия любопытно то, что он, Гурий, едва начав писать первое послание и исписав лишь лицевую сторону л. 191, передал дело кому-то другому — человеку с сухим аккуратным почерком, который и переписал это послание до конца (лл. 191 об. — 195 об.). Дальше за перо вновь взялся Гурий и сам вписал в рукопись второе и третье послания.

⁴ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897, стр. XXV—XLIII.

⁵ Тщательное исследование филиграней этой рукописи с иллюстрациями см.: там же, стр. XXVIII.

⁶ См.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба. . . , стр. 304—305.

⁷ Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970, стр. 251, сноска 34.

⁸ Там же, стр. 257.

Заманчиво предположить, что Гурий попросил переписать первое послание его получателя, Вассиана Патрикеева.

«Не Тушин ли первый, задумав собрать послания своего учителя, объединил вместе те послания, о существовании которых он знал от их адресатов?» — задает вопрос Н. А. Казакова. И поясняет: «При таком предположении становится понятным, почему четвертое послание Нила Сорского — Кассиану, мавнукийскому князю, в этот цикл не вошло и в рукописях встречается только отдельно. Кассиан умер в 1504 г., и Гурий Тушин, объединяя в один цикл послания Нила Сорского, мог не знать о послании к нему Нила или же знать, но не найти за смертью адресата».⁹

Но мне кажется, что сама атрибуция Нилу Сорскому этого «четвертого» послания ошибочна, — равно как и предположение, что оно написано для Константина Мангупского (иначе Манкувского, Мавнукского или Мавнукийского), во иночестве Кассиана. А. С. Архангельский пишет об этом послании: «Это — самое обширное послание Нила Сорского, и написано им, как заметил еще преосвящен. Филарет, к Кассиану, князю Мавнукскому. Мнение это, принимаемое и другими (ссылка на «Историю русской церкви» Макария, т. VII, стр. 263, — Г. П.), остается вполне достоверным, подтверждаясь самым содержанием послания».¹⁰ Подобным же образом ссылается на содержание этого послания единственный его издатель, Елагин: «Четвертое послание написано к князю-иноку Кассиану. Это с очевидностью подтверждается несением содержания послания с жизнью Кассиана».¹¹ В том же духе, опираясь на содержание послания и цитируя его, пишет Я. С. Лурье: «В Послании Нил вспоминает бедствия, испытанные опальным князем на родине... и на Руси..., и утешает Кассиана...».¹²

Обратимся к этому посланию. Вопреки А. С. Архангельскому, говорившему о двух его списках XVI в., мы находим его только в одном из них (ГБЛ, МДА фонд., 36 (185), лл. 23—26), по которому оно и было издано Елагиным. Но и здесь требуется поправка: рукопись относится не к XVI, а ко второй половине XVII в.¹³

Послание озаглавлено «Послание от божественных писаний во отоцех к скорбящему брату». Автор напоминает «скорбящему брату»: «...изведе тя [бог] от земли Египетския и приведе в землю Израилеву и сотвори тя познати единого себе истинного бога нашего Иисуса Христа, во плоти пришедша, и крещением его крестився, и по сем сподоби тя ангельскому образу, — еже у нас начало положить иноческому обещанию, во убозей нашей келийце... от юности твоя скорби и беды, и пленение, и заведение от своея земли и рода и отечества, и в землю чужую и незнаемую и язык несведом и род непознаваем вселяема, еще же предпочтенных светлостию сана родителю чадо... избави тя господь по сих от многих и различных смертей и от огня, и от меча, и от воды» (лл. 364—365); «...возлюби тя [бог] паче всех, пленив от утробы матери, исхитив от адовых уст — от земли и веры, и приведе в землю, в ню же не желал еси и не надеялся, и знамена тя печатию своею царскою — во Отца (и Сына) и Святаго духа крещением, и украсив тя, яко венцем, ангельским образом, привед к нам в ненаселенную пустыню, изволившу ти страдати всякия скорби, и беды, и наготы Христова ради имени...» (л. 368); «...на-

⁹ Там же, стр. 258.

¹⁰ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 55.

¹¹ Преподобный Нил Сорский [изд. Елагин]..., стр. 184.

¹² Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 315.

¹³ В качестве второй рукописи А. С. Архангельский (Нил Сорский..., стр. 55 и сноски 21) называет сборник ГПБ, Q.XVII.50, лл. 23—26.

чальную твою веру поминай на всяко время и час, первыя ревности начало пути, и теплых и горячих помысл твоих, с ними же пришел еси к моей худости в ненаселенную пустыню, единому страждущу, работая богу моему от юности мояя» (л. 374).

Судьба «преподобного отца нашего князя Константина Манкувскаго, римлянина-грека, прибывшего на Русь в 1472 г. в свите Софьи Палеолог из Италии, служившего у ростовского архиепископа Иоасафа и удалившегося (сосланного?) вместе с ним в 1489 г. в Ферапонтов монастырь, принявшего там через какое-то время постриг и «нареченного во иноцех» Кассианом, основавшего затем у устья реки «Учмы», при впадении ее в Волгу, собственную «пустыню»,¹⁴ схожа в некоторых отношениях с судьбой получателя занимающего нас послания. Он тоже был знатного рода, тоже был на Руси пришельцем и тоже подвизался «во отоцех», что можно понять как «на мысу»,¹⁵ а мыс может быть при устье. Но есть и существенные различия, не позволяющие отождествить эти лица.

Грек, князь Константин должен был быть крещен, конечно, в детстве, еще у себя на родине. Получатель же послания был не только инородцем, но до прибытия на Русь и иноверцем — «от земли Египетския», «от адовых уст — от земли и веры», т. е., по-видимому, — мусульманином или язычником; попав «в землю Израилеву», он был наставлен в христианстве (познал «единого себе истиннаго бога нашего Иисуса Христа во плоти пришедша») и крещен («крещением его крестився», «знамена твоя печатую своею царскою — во Отца [и Сына] и Святаго духа крещением»). После этого он сам, побуждаемый горячей верой и жаждой подвига («изволившу ти страдати... Христова ради имени», «теплых и горящих помысл твоих»), явился в пустыню к монаху-анахорету, автору послания, чтобы начать у него иноческий путь («еже у нас начало положить иноческому обещанию»). Затем, поселившись где-то «во отоцех», он почувствовал нужду в духовной поддержке своего первого старца-наставника. И тот написал ему занимающее нас послание.

Кассиан же «положил начало иноческому обещанию» не в ските отшельника, а в Ферапонтовом монастыре, и сделал это, согласно его Житию, далеко не сразу, как поселился там, а лишь после потрясшего его видения ему во сне покойного Мартиниана, бывшего игумена этого монастыря. И еще после этого он «время немало богоугодно во страхе божии поживе» в Ферапонтовом монастыре, прежде чем, уже старцем, решил отделиться и основал собственную «пустыню, глаголемую Учма», в пятнадцати «поприцах» от Углича. Пустыня эта скоро обратилась в монашеское общежитие, которое угличский князь Андрей Васильевич щедро снабдил землей «со деревьями и с починки» и прочим добром.

Ни содержание послания, ни стиль не дают, мне кажется, оснований для атрибуции его Нилу Сорскому. Это — обыкновенное, так сказать пассивное, утешение, призыв к терпению, напоминание с помощью библейских примеров, что праведникам всегда тяжело в этой жизни; все — во «внешнем» плане. Автору послания чужда излюбленная Нилом Сорским сфера «внутреннего человека», он далек от того, чтобы анализировать помыслы, учить трезвенному хранению ума и побуждать бороться с зарож-

¹⁴ См.: Житие и подвизи преподобнаго отца нашего князя Константина Манкувскаго, римлянина-грека, нареченнаго во иноцех Касиана. — ГПБ, Погод., 1563, Сборник-конволют XVII в., лл. 62—79; А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 55—56; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 314—315.

¹⁵ См.: И. И. Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 759. Чаще, однако, «оток» означает «остров»; слово может иметь и более широкое значение — «край», «предел».

дающимися в душе страстями. Стиль его совсем не так изящен и легок, как у Нила. Нельзя, мне кажется, даже быть уверенным, что этот автор жил в XVI, а не в XVII в. Получателем его послания мог быть и крещеный татарин, и крещеный сибиряк, но никак не грек. Так что в число произведений Нила Сорского послание «во отоцех к скорбящему брату» включено, на мой взгляд, быть не может, и его отдельное от собрания посланий Нила Сорского существование в объяснениях не нуждается.

Список Гурия Тушина не самый древний из тех, что содержат полный комплект посланий Нила Сорского. Видимо, не Гурий Тушин первым составил это собрание. И хотя особенности Тушинского списка (пропуски, иногда замены слов и добавки)¹⁶ более или менее верно повторены в некоторых рукописях (например, в ГПБ, Кир.-Белоз., 29/1106 и Софийск., 1460, обе — сер. XVI в.), основная рукописная традиция посланий Нила Сорского пошла не от него, но от тех списков, которые кажутся более старшими: ГБЛ, Волок., 577, начало XVI в., и ГИМ, Синод., 185 (355), 10-е годы XVI в.

Рукопись ГБЛ, Волок., 577,¹⁷ сборник-конволют, начинается посланиями Нила Сорского (лл. 1—22 об.; рис. 1). Филигрань на этих листах (лл. 2, 5, 15, 16, 18) — «голова быка», указывающая на 1492—1503 гг.,¹⁸ так что этот список можно датировать концом XV—началом XVI в. Некоторые другие части этого кодекса (прежде соединения их воедино многие из них имели иной формат) — более позднего, судя по филиграням, происхождения, но — не позже второго десятилетия XVI в. На лл. 296—298 содержится летопись жизни Иосифа Волоцкого, где указана и дата его смерти — 9 сентября 1515 г. Это подтверждает происхождение сборника из Волоколамского монастыря.

К трем обычно переписываемым вместе посланиям Нила Сорского в этой рукописи добавлено маленькое четвертое, озаглавленное: «Того ж старца посланиеице просившему у него брату с вѣсточныа страны на ползу души», — «коротенькая записка, — как пишет А. С. Архангельский, — известная только в одном списке XVI века. Писана, вероятно, тому же князю Кассиану».¹⁹ Мне кажется, что Константин-Кассиан, о котором мы выше говорили, византиец, прибывший на Русь из Италии и подвизавшийся в качестве монаха в Ферапонтовом монастыре и на Волге около Углича, никак не мог по отношению к Нилу Сорскому оказаться «с вѣсточныа страны». Словом, нет никаких данных, свидетельствующих о переписке между Нилом Сорским и монахом Кассианом, в прошлом мангупским князем Константином. Кому адресовано маленькое четвертое послание, мы не знаем.

Тем же почерком, что и четыре послания Нила Сорского, сразу после них, написана в ГБЛ, Волок., 577 небольшая подборка изречений: «Григориа Богослова: Лучше есть о благочестии разстоание, неже пристрастное съединение. Того же, яко: Лучши есть похвална брань мира, отлучающаго от бога. Иного: Лучше есть житие имети с малыми разумными, хранящими заповеди божиа, неже с многими безчинными, престоупающими законы Святого духа и разврацающими уставы святых отецъ» (лл. 22 об.—23). Дальше почерк меняется.

¹⁶ Примеры различий будут даны ниже.

¹⁷ Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, № 189 (577), стр. 231—234.

¹⁸ По Брике, №№ 15375 и 15376 — 1492 и 1498 гг.; G. Piccard. Die Ochenkopf — Wasserzeichen. Stuttgart, 1966, XVI, № 196 — 1498—1503 гг.

¹⁹ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 56.

Учитывая время создания рукописи и соседство с посланиями Нила Сорского, можно понять эту подборку в том смысле, что для монаха жизнь в скиту («с малыми разумными, хранящими заповеди божия») предпочтительнее жизни в многолюдном общежитии, захваченном стяжательскими коллективно-хозяйственными страстями («с многими безчинными, престающими законы Святого духа и развращающими уставы святых отец»). В этой подборке явственно чувствуется рука идеолога скитничества и нестяжания, пребыванию в большом Кирилло-Белозерском монастыре с его общежительными монахами, «мирская мудрствующими и упряжяющимися в безловеснаа попечения — яже в прибыткы маностырского богатства и стяжание имений» (2-е послание), предпочитающего «о благочестии (т. е. ради благочестия, — Г. П.) разстояние» — жизнь в небольшом лесном скиту, куда «мирской чади маловходно» (3-е послание). Не будет, мне кажется, ошибкой всю первую, писанную одним почерком, часть занимающего нас сборника-конволюта (лл. 1—23) рассматривать как собрание сочинений Нила Сорского — как один из самых ранних опытов такого рода, предпринятых еще при жизни Нила. В расположении материала можно увидеть определенный порядок: первые помещены три больших и важных послания, за ними — незначительное четвертое и в конце — не оригинальное сочинение, а компиляция.

Второй, старший, чем Гуриев, список посланий Нила Сорского находится в рукописи ГИМ, Синод., 355.²⁰ Это — сборник, кроме трех посланий Нила Сорского (лл. 135—159 об.), содержащий одиннадцать «слов» его Устава, два заимствованных у Никона Черногорца перечня книг еретического списания (лл. 11 об.—16 об., 160—169), обширную «Повесть зело полезну» того же Никона Черногорца о Ниле Синайском (лл. 179—197), «Въспоминание от части святыя горы Афонскыа, како наречена бысть Святыя гора и коих ради вин тако прозвася»²¹ (л. 197 об.), и др.

У Нила Сорского в послании Гурию Тушину речь идет о необходимости подходить к писаниям с разбором («писания бо многа, но не вся божествена суть»), — а перечни книг еретического списания как раз и помогают разобраться в книгах. Нила Сорского звали во иночестве так же, как Нила Синайского, — повесть о Ниле Синайском занимает в рукописи большое место. Нил бывал на Афоне, — об Афоне здесь тоже идет речь.

Создается, таким образом, впечатление, что содержание этой рукописи отражает интересы самого Нила Сорского.

Бумага этого кодекса имеет только один водяной знак — букву L в щите, по альбому Брике, № 8287, — датируемый 1511 г. Значит, рукопись была создана спустя очень небольшое время после смерти Нила Сорского (1508 г.). Вся она написана одной рукой (не считая приписанных другим писцом мелких заключительных статей — «Чудо святыя Богородица в Ватопеде Святыя горы», и др., лл. 206—208). Почерк этот (рис. 2) очень похож на почерк одного из помощников Гурия Тушина 1509 г. по копированию составленного и написанного Нилом Сорским сборника житий (писцом — помощником Гурия исписаны в этой копии — ГПБ, Кир. Белоз., 23/1262 — лл. 249—250, 256—367, 385—595). Во всяком случае — это почерк человека Кирилло-Белозерского круга и, кажется, монаха, имевшего дело с автографами Нила Сорского.

²⁰ Описание этой рукописи см.: А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 2. М., 1859, № 185 (355), стр. 505—508.

²¹ А. И. Иванов (Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, № 326, стр. 195—196) относит это «Воспоминание» к числу переводов Максима Грека. Список ГИМ, Синод., 355, наиболее ранний, остался ему неизвестен.

Текст трех посланий Нила Сорского в рукописи, о которой идет речь (ГИМ, Синод., 355), весьма близок к тексту рукописи ГБЛ, Волок., 577, о которой мы говорили выше. Вместе с тем не похоже, что одна рукопись — копия другой: маловероятно, чтобы, списав три послания Нила, решили не списывать маленькое четвертое, и невероятно, чтобы из Кирилло-Белозерского монастыря ездили за посланиями Нила Сорского в Иосифов Волоколамский монастырь. Зато весьма вероятно, что в Волоколамский монастырь привезли список сочинений знаменитого старца из самой Нило-Сорской пустыни. Сходство двух списков, Волоколамского и Синодального, удовлетворительно может быть объяснено предположением, что они оба сделаны с автографа Нила Сорского, но не с оригиналов посланий, которые должны были находиться у получателей, а с авторской копии — с книжной, выполненной Нилом Сорским для самого себя копии своих трех посланий. Волоколамский список был сделан, кажется, при жизни Нила, а Синодальный — вскоре после его смерти. Как известно, Кирилло-Белозерский монастырь после смерти Нила хранил его автографы (Гурий Тушин копировал там составленные и написанные Нилом Сорским сборники житий). Синодальный список отражает, по всей видимости, тот состав сборника, в который Нил сам поместил свои послания.

Предположение, что Волоколамский и Синодальный списки восходят к авторской копии посланий, может объяснить происхождение мелких различий в ряде их чтений от чтений списков Германа Подольного и Гурия Тушина. Как всякий автор — в отличие от стороннего переписчика — не способен переписать свое произведение совершенно идентично (если только не прилагает к этому особых усилий), но обязательно как-то усовершенствует текст, так и Нил Сорский, переписывая свои послания, должен был что-то в них изменить. Естественно думать, что он, а не какой-то его современник в обороте «отступить от соуз мира сего» опустил слова «от соуз», вместо «говорили» написал «беседовали», вместо «вместе» — «купно», вместо «святая» — «божественаа», вместо «достойно» — «поистине», и т. п.

Но если Волоколамский и Синодальный списки восходят к авторской копии, то, стало быть, первым подборку писем Нила Сорского составил сам Нил Сорский. И естественно, что тем, кто интересовался его посланиями, более авторитетной казалась эта им созданная подборка, чем повторяющая ее порядок, но имеющая некоторые отличия копия Гурия Тушина, — тем более что некоторые из особенностей Гуриева списка принадлежат, кажется, не Нилу, а Гурию. Получатели посланий — не вовсе беспристрастные переписчики. Так, приветственная формула, заключающая третье, Герману Подольному, послание: «Здравствуй о господе, господине отче, и моли о нас грешных. А мы святыни твоей велми челом бием» — дополнена и изменена в списке Гурия (и только здесь; список самого Германа, как выше сказано, не окончен) следующим образом: «Здравствуй о господе, господине отче, и молитесь о нас грешных ты и сущая с тобою брат [и] я, а мы святыни вашей велми челом бием». Герман Подольный, когда ему писал Нил, находился еще в Кирилло-Белозерском монастыре, и потому приветствие Нила Сорского в том виде, какой оно получило в списке Гурия, относится не только к Герману, но — в числе «сущей» с Германом братии — и к Гурию. Высоким авторитетом «авторской» традиции можно объяснить и то, что Гурий Тушин кое-где исправил свой текст в согласии с ней (например, слово «говорили» заменил словом «беседовали»).

Личность заинтересованного переписчика проявилась и в списке Германа Подольного. Над строкою, где речь у Нила идет о месте, в каком он

поселился, уйдя из Кирилло-Белозерского монастыря, к словам «яко же сам видел еси» приписано: «и похвалил ми еси» (л. 219). Благодаря этим словам, которых мы нигде больше, — даже в списке Гурия Тушина, — не находим, получается, что Нила Сорского за выбор им места для своего скита похвалил Герман Подольный. Как видим, переписчики имели основания доверять более копиям посторонних лиц, нежели копиям получателей посланий.

Итак, основное русло рукописной традиции посланий Нила Сорского пошло, как я полагаю, от списка самого Нила Сорского, до наших дней не сохранившегося. В качестве ближайших к нему по времени копий мы

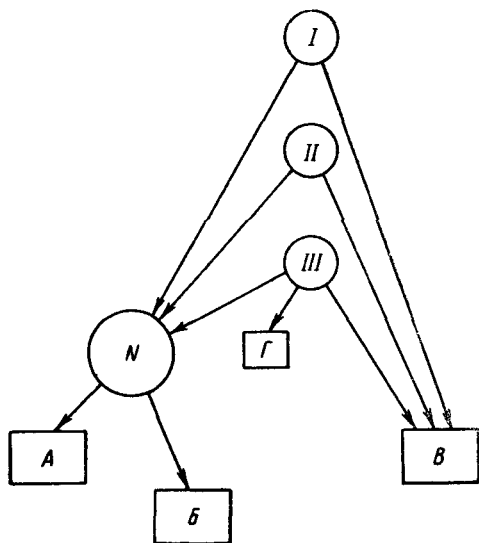

Схема соотношения наиболее ранних списков посланий Нила Сорского.

I — Первое послание — Вассиану Патрикееву; *II* — Второе послание — Гурию Тушину; *III* — Третье послание — Герману Подольному. *N* — гипотетическая авторская копия. *A* — список ГБЛ, Волок., 577, конец XV — начало XVI в.; *б* — список ГИМ, Синод., 355, 10-е годы XVI в.; *B* — список Гурия Тушина, ГПБ, Кир.-Белоз., 142/1219, 2-я пол. 10-х — 1-я пол. 20-х годов XVI в.; *Г* — список Германа Подольного, ГПБ, Кир.-Белоз., 101/1178, конец XV в.

можем назвать рукописи ГБЛ, Волок., 577, конец XV — начало XVI в., и ГИМ, Синод., 355, 10-е годы XVI в. (см. схему соотношения списков). К этой традиции принадлежат (ограничиваю этот перечень XVI веком и уточняю датировку ряда рукописей): ГБЛ, Волок., 534, 1519 г. (писец Фотий из Волоколамского монастыря); ГПБ, Q.XVII.50, Сборник игумена Волоколамского монастыря Ефимия Туркова, 2-я четв. XVI в.,²² ГПБ, Кир.-Белоз., 25/1102, ок. сер. XVI в.;²³ ГПБ, Кир.-Белоз., 74/1151, сер. XVI в.;²⁴ ГБЛ, Рогожск., 570, XVI в.; ГПБ, Кир.-Белоз., 95/1172, 2-я пол. XVI в.;²⁵ ГИМ, Увар., 237 (96), 2-я пол. XVI в.; ГБЛ, Ундольск., 573, 3-я четв. XVI в.; ГПБ, Кир.-Белоз., 102/227, XVI—XVII вв.; ГПБ, Кир.-Белоз., 109/234, XVI—XVII вв.

²² Филигранные: «тиара» типа Брике, № 4966 — 1525—1530 гг., № 4968 — 1525—1528 гг.; «голова быка» типа Брике, № 15183 — 1510—1527 гг. Я. С. Лурье на основании принадлежности этого сборника Ефимию Туркову (игумен в 1575—1587 гг.) ошибочно датирует его второй половиной 70-х годов XVI в. См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 312; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба... стр. 303.

²³ Филигранные: «кораблик» типа Брике, № 11972 — 1549 г., № 11974 — 1556—1566 гг., «кувшин» типа Брике, № 12817 — 1545 г.

²⁴ Филигранные: «рука» — Брике, № 11429 — 1540—1597 гг., № 11430 — 1547 г., № 11341 — 1526—1538 гг., «козел» типа Брике, № 2589 — 1524 г.

²⁵ Филигрань: «дельфин» типа Брике, № 5869 — 1559—1568 гг.

Но и копии получателей не остались, как я уже говорил, совершенно отвергнутыми. Некоторые, хотя и редкие, писцы следовали исключительно им, как например писец ГПБ, Кир.-Белоз., 29/1106, сер. XVI в.,²⁶ — Гурию Тушину. Другие писцы только сверялись с текстами этого вида и брали их варианты чтений. Примеры таких списков являют рукописи: ГПБ, Софийск., 1444, 2-я пол. 20-х годов XVI в.;²⁷ Софийск., 1460, ок. сер. XVI в.; ГБЛ, Рогожск., 728, XVI в.; ГПБ, Софийск., 1489, 2-я пол. XVI в.;²⁸ ГБЛ, Тр.-Серг. л., 188 (1576), 2-я пол. XVI в.; ГПБ, Софийск., 1157, XVI—XVII вв.

В качестве возможного умышленного, целенаправленного изменения текста переписчиком могу привести лишь один пример. В сборнике Ефимия Туркова фраза послания Вассиану Патрикееву: «И сие и сам от искуса разумеши, колико скорби и развращения имат мир сей мимоходящий. . .», — изменена таким образом: «Еси и сам от искуса разумеши, колико скорбити развратнаа имат мир сей мимоходящий. . .» (л. 64). Получилось, что Вассиан Патрикеев по собственному опыту знает, как мир сей оскорбляет развратных. Вероятно, тут сказалось враждебное отношение «осифлян» к Вассиану Патрикееву. Нил Сорский, заметим, ни в одном из заголовков его посланий в этой рукописи не назван великим старцем, что в рукописной традиции редкость.

Позднейшее время, XVII—XIX вв., к прослеженной нами истории ничего нового не прибавило. Отклонения случались только в сторону какой-либо порчи (не переработки), — наиболее частый случай — утрата части текста.

Окружение посланий во всех наиболее ранних рукописях, как мы видели, различно. И в дальнейшем то, входят ли они в собрание сочинений Нила Сорского, примыкая к его «Уставу», «Преданию» и «Завещанию», помещаются ли они вместе с завещанием ученика Нила Сорского Иннокентия Охлябинина или находятся в окружении произведений других авторов, не определяет принадлежности их к той или иной традиции.

Для прилагаемого издания посланий Нила Сорского в качестве основного выбран список ГБЛ, Волок., 577, кон. XV—нач. XVI в., как наиболее полный, исправный и лежащий у самого истока главного русла традиции. Для разночтений избраны списки: ГИМ, Синод., 355, 10-е годы XVI в., восходящий, по-видимому, к тому же источнику, что и ГИМ, Волок., 577, т. е., как я думаю, к списку Нила Сорского, но написанный после его смерти, и ГПБ, Кир.-Белоз., 142/1219, 1514—1524 гг., рукопись Гурия Тушина. Для издания третьего, Герману Подольному, послания привлечены и разночтения списка самого Германа Подольного — ГПБ, Кир.-Белоз., 101/1178, кон. XV в.

Всего при подготовке этого издания было исследовано 47 списков: один — конца XV в., один — конца XV—начала XVI в., восемнадцать — XVI в., четыре — конца XVI—начала XVII в., пятнадцать — XVII в., четыре — XVIII в. и четыре — XIX в. Вот их перечень: 1) ГПБ, Кир.-Белоз., 101/1178, Сборник, кон. XV в., лл. 218—221; 2) ГБЛ, Волок., 577, Сборник-конволют, кон. XV—нач. XVI в., лл. 1—22 об.; 3) ГИМ,

²⁶ Флигрань: «сосуд» типа Брике, № 12894 — 1550 г.

²⁷ Флигрань: «щит» — Брике, № 1828 — 1523—1528 гг.; «буква „р“» типа Брике, № 8536 — 1519—1522 гг.

²⁸ Флигрань: «сфера» типа Брике, № 13999 — 1553 г., № 14007 — 1559 г.; «сосуд» — Брике, № 12701 — 1573 г.

Синод., 355, Сборник, 10-е годы XVI в., лл. 135—159 об.; 4) ГПБ, Кир.-Белоз., 142/1219, Сборник, втор. пол. 10-х — перв. пол. 20-х годов XVI в., лл. 191—203 об.; 5) ГПБ, Софийск., 1444, Сборник, 20-е годы XVI в., лл. 250—267; 6) ГБЛ, Волок., 534, Сборник, 1-я четв. XVI в., писец Фотий, лл. 326—337 (только первое послание, Вассиану Патрикееву); 7) ГПБ, Q.XVII.50, Сборник игумена Волоколамского монастыря Ефимия Туркова, нач. 2-й четв. XVI в., лл. 63 об.—77; 8) ГБЛ, Волок., 497, Сборник, 1-я пол. XVI в., лл. 628—632 (только второе послание, Гурию Тушину); 9) ГПБ, Кир.-Белоз., 25/1102, Сборник, ок. сер. XVI в., лл. 90 об.—107; 10) ГПБ, Софийск., 1460, Сборник, ок. сер. XVI в., лл. 315—328, 445—465 об.; 11) ГПБ, Кир.-Белоз., 74/1151, Нил Сорский и др., сер. XVI в., лл. 112—133; 12) ГПБ, Кир.-Белоз., 29/1106, Сборник, сер. XVI в., лл. 128—142 об.; 13) ГБЛ, Тр.-Серг. л., 771 (1875), XVI в., лл. 148—154 об. (только второе послание); 14) ГБЛ, Рогожск., 570, Сборник, XVI в., лл. 266 об.—279 об.; 15) ГБЛ, Рогожск., 728, Уставы Нила и Корнилия, XVI в., лл. 101 об.—115; 16) ГПБ, Кир.-Белоз., 95/1172, Сборник, 2-я пол. XVI в., лл. 382—400 об.; 17) ГПБ, Софийск., 1489, Сборник, 2-я пол. XVI в., лл. 213 об.—218 об. (только первое послание); 18) ГБЛ, Тр.-Серг. л., 188 (1576), Сборник, 2-я пол. XVI в., лл. 93—107 об.; 19) ГИМ, Увар., 237 (96), Нил Сорский, 2-я пол. XVI в., лл. 165 об.—198; 20) ГБЛ, Ундольск., 573, Сборник, 3-я четв. XVI в., лл. 291—296 (только третье послание, Герману Подольному); 21) ГПБ, Кир.-Белоз., 102/227, Сборник, XVI—XVII вв., лл. 125 об.—147 об.; 22) ГПБ, Кир.-Белоз., 109/234, Авва Дорофей, XVI—XVII вв., лл. 151 об.—160 об.; 23) ГПБ, Софийск., 1157, Сборник, XVI—XVII вв., лл. 101—119 об.; 24) ГБЛ, МДА фонд., 26 (63), Сборник, XVI—XVII вв., лл. 209—211 об. (искаженное и неполное второе послание); 25) ГПБ, Кир.-Белоз., 115/1192, Сборник, XVII в., лл. 33 об.—41 об. (только первое послание, писец чернец Герасим из Нило-Сорского скита); 26) ГПБ, Софийск., 1466, Сборник, XVII в., лл. 348—352 (только третье послание, с пропусками); 27) ГПБ, Софийск., 1158, Сборник, XVII в., лл. 62 об.—75 об.; 28) ГПБ, Погод., 1151, Сборник, XVII в., лл. 66—75 об.; 29) ГПБ, СПб. ДА, 51, Нил Сорский, XVII в., лл. 105—126 об.; 30) ГБЛ, Тр.-Серг. л., 189 (1613), Сборник, XVII в., лл. 42—50; 31) ГБЛ, Тр.-Серг. л., 798 (1908), Сборник, XVII в., лл. 197—201 об. (только первое и второе послания, оба не полностью); 32) ГИМ, Синод., 186 (532), Нил Сорский, XVII в., лл. 51—60 об.; 33) ГИМ, Увар., 1846 (754; 718), Сборник, XVII в., лл. 605 об.—612 об. (только первое послание); 34) ГБЛ, Ундольск., 143, Нил Сорский, XVII в., лл. 108 об.—128; 35) ГИМ, Щукинск., 468, Сборник посланий, XVII в., лл. 103—115 об. (от второго послания только начало); 36) ИРЛИ, р. IV, оп. 27, Евс., 2, Сборник, XVII в., лл. 165—167 (отрывок второго и третье послание); 37) ГБЛ, МДА, фонд., 36 (185), Старчество, 2-я пол. XVII в., лл. 338 об.—360; 38) ГИМ, Щукинск., 212, Нил Сорский, 1674 г., лл. 101—116; 39) ГИМ, Увар., 238 (473; Ц.274), Нил Сорский, кон. XVII в., лл. 105—124 об.; 40) ГПБ, Софийск., 1159, Сборник, XVIII в., лл. 73 об.—87; 41) ГБЛ, Рогожск., 77, Сборник, XVIII в., лл. 132 об.—143 об.; 42) ГБЛ, Никиф., 529, Сборник, XVIII в., лл. 50—51 (отрывок второго послания); 43) ГИМ, Увар., 1958 (607; 464), Сборник, XVIII в., лл. 434—442 (только первое послание); 44) ГБЛ, Рогожск., 914, Сборник, XIX в., лл. 197—237; 45) ГИМ, Синод. Симоновск., 65, Цветник духовный, XIX в., лл. 185—191 об.; 46) ГБЛ, Тр. II, 239, Нил Сорский, XIX в., лл. 54—73; 47) БАН, 21.10.24 (Сев. 726), Сборник, XIX в., лл. 324 об.—326 об. («От послания преподобнаго отца Нила Сорския пустыни к некоему брату» — отрывок второго послания).

Основной список:

- ГБЛ, Волок., 577, Сборник, кон. XV—нач. XVI в., лл. 1—22 об. . . . . А.
 Разночтения:
 ГИМ, Синод., 355, Сборник, 10-е годы XVI в., лл. 135—159 . . . . . Б.
 ГПБ, Кир.-Белоз., 142/1219, Сборник, 1514—1524 гг., лл. 191—203 об. . . . . В.
 ГПБ, Кир.-Белоз., 101/1178, Сборник, кон. XV в., лл. 218—221 . . . . . Г.

л. 1 **1**Послание старца Нила¹ к брату, въпросившему его о помыслех.
 2 **1** послание²

Похвално желание подвигнул еси, о възлюбленне, еже слышати слово божие ищещи на утверждение себе, на съхранение от злых и поучение к благым. Но подобно было тебе³ сия от добре разумеющих навьцати. Ты же требуеши сия от мене неразумнаго и грешника. Аз убо и в учимых чину непотребен есмь, того ради отрицахся и отлогах намнозе: не яко не хотя послужение принести благому твоему произволению, но ради неразумия и грех моих. Что бо аз реку, не створив сам ничто же благо! Кый есть разум грешнику? Точию грехы. Но понеже множицею понудил мя еси на се — еже написати ми тебе слово к созиданию добродетели, и аз дерзнух написати тебе сия, еже выше моея меры, не могый презрети прошения твоего, да не множее оскорбишися.⁴

- Въпрошение же твое — о находящих помысл предних мирскаго житиа. И се⁵ и сам от искуса разумеши,⁶ колики скорби и⁷ развращение⁸
 л. 2 имать мир сей мимоходящий и колико злолютельства сътво||ряет любящим его и како посмеивается, отходя от работавших ему, сладок являяся им, егда ласкает вещми, горек бывает⁹ последи. Поелику убо мнять благая его множащася, егда удерживаются им, потолику растут скорби им, и мнющася бо его благаа по видимому суть блага, внутрь же исполнена многа зла. Того ради имущим разум истинною благый явленне показывает себе — да не възлюблен будеть ими. По прешествии же от житиа сего что бывает? Положи мысль тверде в глаголемое. Чим ползова мир держащихся его? Аще кои и славы, и чь||сти, и богатство имеша, не вся ли сия ни во что же быша и яко сень мимоидоша и яко дым исчезоша? И мнози от сих, сообращающесе в вещех мира сего и любяще пошествоие его, в время юности и благоденьства своего смертью пожати быша, яко цветци сельний, процветше, отпадоша и, не хотяще, отведени быша отсюду. А егда пребываху в мире сем, не поразумеша¹⁰ злосмрадиа его, но тщахуся в украшение и покой телесный, изобретающе¹¹ разумы при-
 л. 3 кладны в прибитки мира сего, и в учениих прохождааху яже венчают¹² || тело в веце сем преходящем. И аще сия вся получиша, а о будущем и некончаемом блаженстве не попекошася, что нещевати о таковых? Точию сих мир безумнейши не имать, яко же рече некий премудрый святыи. Неции же от сих благовейнейша быша и съобращаху ум свой в помышлениях желаниа спасения души, и имяху борение к страstem, и образы добродетелей по възможному творяху, хотяще разрешитися и отступить¹³ мира сего, но не могоша отрръгнутися от сетей его и избежати коварств его. ||

Тебе же възлюбив¹⁴ бог, и изят¹⁵ ти от мира сего, и¹⁶ постави тя в чину службы своея милостию и строением своим. Того ради должен еси попремногу благодарити милость¹⁷ его и творити вся, елико по силе, к благоугождению его и к спасению душа своея, задняя мирская забываа

1-1 Того ж велика старца Б; Великаго старца В. 2-2 Нет БВ. 3 Доб. господине БВ. 4 оскорбиши мя Б. 5 сие БВ. 6 Так в БВ, в А — разуеши. 7 Доб. из БВ. 8 развращения БВ. 9 бываа Б; бываа В. 10 Так в БВ, в А — поразуша. 11 И аз обретающе Б. 12 венчевает БВ. 13 Доб. от союз В. 14 Так в БВ, в А — възлюбв. 15 изят. БВ. 16 Доб. из БВ. 17 благость В.

яко непотребна, к предним же добродетелем¹⁸ простираася яко животу вечному¹⁹ ходатайствено.²⁰ Радуйся, гряди на почестъ вышняго звания, иже в небеснем отечествии подвизавшихся²¹ падиомою.²² А еже рекл^ами еси^а о помыслех нечистых, иже от врага душ наших приносимых, о сих не || zelo поглощайся скорбию, ни ужасайся, понеже не точию нам не- л. 4
мощным и страстным от сих служение бывает, глаголють отцы, но и сущим в предспеании и в житии достохвалнем пребывающим и благо- дати *духовней*²³ отчасти сподобившимся.²⁴ И сим ратование бывает много от таковых помысл, и в подвизе велице от сих обретаются и благодатию божиею едва отгоняють сих, тщащася всегда на отсечение сих. И ты, сим утешаяся, потщателно отседай лукавыя помыслы. Имей же на сих всегдашнюю по||беду — молитву, господа Иисуса призывая. Сим бо при- л. 4 об.
зыванием отгоними бежаше отидуть. Яко же рече Иоан Лествичный: «Иисусовым именем бий ратники, крепчайши бо сего оружия несть». Аще ли зелне укрепятся²⁵ ратующей ты, тогда, въстав и на небо очи и руде възвед,²⁶ рци усердне со умилением:²⁷ «Помилуй мя, господи, яко немощен есмь. Ты, господи, силен еси, и твой есть подвиг. Ты рагуй о нас и победы, господи». И аще сице творя будеши неленостно, всяко искусом научишися, яко вышняго силою сиа побеждаются. Твори же что-либо и рукоделие, и си||м бо лукавыя помыслы отгоняются. И се есть предание л. 5
аггельско некому от великих святых. И изучай что от Писания из уст, в том ум полагаа: и сиа възбрапяють к нам вход нашествиа бесовьскаго. И то есть изобретение святых отецъ. Съхраняй же ся от бесед, и слышания, и зрений неподобных, иже въздвижутъ страсти и укрепляють нечистыя помыслы, и бог поможет ти.

О страховании же еже глаголеши, се есть младенческий обычай немужественныя душа. Тебе же не свойствено есть сие. И егда прилучат²⁸ ти ся таковаа, подвизайся, да не обладають тобою, и утверди сердце свое упова||ти на господа и рци в себе сице: «Имам господа, храняща мя, и л. 5 об.
без воля его не можетъ никто же ни в чем же повредити мя. Аще ли что попуститъ на мя — еже пострадати ми, и аз се не злоютне приемлю и не хочу упразнити хотения его, понеже господь²⁹ множае мене весть и хочетъ полезна мне. И аз о сих всех благодарю благодарю его». И тако благодатию божиею благодержостен будеши. Молитвою же всегда и на се въоружайся. И егда в киих местех сие прилучит ти ся, тамо ноипаче тщися приходити и, руде креста образом простер, господа Иисуса призывай. И помощию вышняго не убоишися от стра||ха ношнаго и от стрелы, л. 6
летающа в дне. И сиа убо о сих.

Прочая же вся⁶, елико похвална, и ч[и]ста,³⁰ и добродетелна, сиа помышляй и твори, мудр бываа в благое, всяку же злобу ненавида. Имей послушание к наставнику и прочим отцем о господе в всяко дело благо. Службе же, ей же ныне поручен еси или в ину преидеши, буди служа светлым предложением и тщанием благообразным, яко самому Христу, всю братью святы имея. Аще прилучит ти³¹ ся слово въспрос или ответ кому, благоглаголива и сладко беседе³² твори с любовию духовною и с смирением||истинным, неразленено и не преобидя брата. Благоговейным л. 6 об.

^{а-а} Приписано писцом на нижнем поле; место в тексте указано красной точкой.

^{б-б} Приписано писцом на верхнем поле; место в тексте указано красной точкой.

¹⁸ добродетельным *БВ*. ¹⁹ вечно *Б*. ²⁰ ходатайствена *БВ*. ²¹ подвизавшихся *БВ*. ²² падиаго *В*. ²³ Так в *БВ*, в *А* — хвоней. ²⁴ сподобльшимся *БВ*. ²⁵ Доб. на тя *БВ*. ²⁶ възвед *Б*. ²⁷ с смирением *БВ*. ²⁸ Так в *БВ*, в *А* — прилут. ²⁹ Доб. много *В*. ³⁰ честна *В*. ³¹ Нет *В*. ³² беседою *В*.

отцем прилепляйся, и то — в время и в меру. От не таковых же ошайся, съхраняй же ся и тщися не укорити, ни осудити кого в чем, аще и не благо что зрит ти ся. Но себе грешна и неключима в всем въменяй. Аще потребна ти будет кая вещь ⁶ от настоятеля или в ³³ прочих въобразеных отец на то, прежде помолвися и размысли в себе, аще полезно есть, и тако въпроси. Аще ли не устроить ти, яко же хоцещи, не огорчися, ни ужесточися ³⁴ про то — еже не по твоему хотению сътвориша, аще || и благо мнить ти ся, яко же ты хоцещи, но с тръпением преиди и с тихостию и с пожданием все твори. И аще к благоугождению божию и к спасению душа своея управляяся будещи, всяко известить бог сътворити кому по потребе твоей и время и руку помощи подасть.

Буди же потребен ³⁵ к послушанию божественных писаний, ³⁶ и сих глаголы, яко водою животною, напой свою душу и тщися, елико по силе, по сих творити. Тако же имущим разум божественных писаний и мудрование духовно и жителство свидете||льствованно в добродетелех, таковым тщися повиноватися и тех житию подражатель быти. Терпение имей в скорбех, и за оскорбивших тя ³⁷ молися, и имей тех яко благодетеля. ³⁸

И се разумей, еже глаголю ти разум божественных писаний, поведаящъ хотение благоденствия божия, яко от века святии, иже съдеаше правду и получиша обетование, ходивше в путех добродетелей: не токмо беды и скорби претерпеша, но и крестом, и смертию шествуема бе стезя их. И се есть знамение любви божия, еже скорби кому принесутся о ³⁹ делании пра||вды. И сие глаголется дар божий, апостолу пишущу: «Се дано нам бысть от бога, еже не токмо в Христа веровати, но и еже о нем страдати». Сие бо сътворяет человека обещника страдем Христовым и подобна святым, иже претрпеша скорби за имя его. И не инако благодетельствует бог любящим ⁴⁰ его, ⁴¹ точию посылает ⁴² искушение скорбей. ⁴³ И в сем разньствуют любимци божии от прочих: да сии ⁴⁴ убо в скорбех живут, любящеи же мир сей в пици и покои веселятся. И се есть *путь* ⁴⁵ правды ⁴⁶ — еже претерпети искушение ⁴⁷ скорбей о благочестии. И на сей путь поставляя, бог страдальцев || своих приводит в живот вечный. И сего ради с радостию подобает шествовати нам непорочне в путь сей, ходяще в заповедех господних, всем сердцем благодаряще его, яко посла нам благодать сию, ⁴⁸ възлюбив нас, беспрестанно молящися благодати его, поминающе конец жития нашего ⁴⁹ скорбьнаго и бесконечное блаженство будущаго века. И бог всякоя радости и утешения утеша ⁵⁰ сердце твое и съхранит тя в страхе своем молитвами пречистыа Богородица и всех святых.

Незабвенна же господа ради и мене сътвори грешника в молитвах своих, глаголюща ти доброе, а не творя||ща, да господь изведет мя от потопа страстей и от тимения грехов.

¹ Того же послание иному о ползе ¹

Еже усты к устом беседова твоя святыни ко мне, честнейший ² отче, тако ³ и писания ⁴ о том же присылал ми еси: требуеши от моего худости

³³ Нет БВ. ³⁴ ожестися Б; ужестися В. ³⁵ усерден БВ. ³⁶ Первоначальное словес исправлено на писаний В. ³⁷ Нет В. ³⁸ благодателе Б. ³⁹ от В. ⁴⁰ любящих БВ. ⁴¹ того В. ⁴² Доб. им БВ. ⁴³ скорби В. ⁴⁴ си БВ. ⁴⁵ Доб. из БВ. ⁴⁶ правый БВ. ⁴⁷ искушения БВ. ⁴⁸ свою В. ⁴⁹ сего БВ. ⁵⁰ утешит БВ.

¹⁻¹ Того же иному о ползе Б; Послание того же великаго старца к иному брату В. ² Доб. мой господине В. ³ та же БВ. ⁴ писанища В.

написано послати ⁵ тебе слово полезно — еже к благоугожению ⁶ божию и к ползе души. И аз убо ⁷ человек грешен и неразумен есмь и всеми страстми ⁸ побежен есмь, ⁸ бояхся начяти такову вещь. Того ради отрицахся есмь и отлагах. Но понеже духовная твоя любовь устрои мя еже дерзну||ти ми выше меры моя, писати ⁹ тебе подобающая, того ради *л. 9 об.* убедихся на се.

Выпрошение же твое первое о помыслех блудных: како съпротивитися им.

И о сем не тебе точию тщание и подвиг, но и всем подвизающимся с богом, понеже велиа сия борьба, глаголють отцы, сугубу брань ¹⁰ имея — в души и теле, — и не имать нужнейши сего ес[те]ство. Того ради крепче тщатися подобает и трезвено, и бодрено съблюдати свое сердце от сих помысл и, страх божий имея ¹¹ пред очима, поминати обещания наше, еже исповедахом — пребывати в целомудрии и чистоте. Це||ломудрие же и чистота не внешнее точию житие, но съкровенный *л. 10* сердца человек егда чистотствует от скверных помысл. Тем же всячески потщательно отсецати сия помыслы; сию же победу велию на них поставляти, еже молитися богу прилежно, яко же предаша святии отцы, — различными образы, единым же *разумом*.¹² Ов убо, рече,¹³ от Давида прием сице молитися: «Изгонящей мя ныне обыдоша мя. Радости моя, избави мя от обышедших мя». Ин же о тех же глаголет сице: «Боже, в помощь мою вонми» — и к сим подобная. Ин же пакы от тех: || «Суди, господи, обидящим мя и възбрани борющимся мя» — и прочее *л. 10 об.* писалма. Призывай же на помощь и яже слышиши в писаниих подвизавшихся о целомудрии и чистоте. Егда же зельне належит ти брань, абие въстав и на небо очи и руце простер, молися сице: «Ты силен еси, господи, и твой есть подвиг. Ты ратуй и победи в том, господи, о нас». И възопи к всесилному в помощех смиренными вещанми: «Помилуй мя, господи, яко немощен есмь». Сие убо предание святых ⁹ есть. И аще в сих борениях проходя будещи, познаеши искусом, || яко благодатию *л. 11* божию сия сими зельне побеждаются.

Всегда же Иисусова имене оружием рани ратники. Крепчайши бо сеа победы несть.

Съхраняй же ся от видения лиц и слышания бесед таковых, иже въздвижутъ страсти и въставляють нечистыя помыслы. И бог съблюдетъ тя.¹⁴ И сия убо о сих.¹⁴

Второе же выпрошение твое о хулном помысле.

И сий помысл безстуден и лют зело. Стужает же крепче и не постоятелне, и не точию ныне, но и древле ¹⁵ бысть, и великим отцем и святым мучеником, и в самое то время, егда хотяху мучители предати телеса их на раны и смерти горкия, испо||ведания ради веры еже в господа бога *л. 11 об.* нашего Иисус Христа.

И на сий помысл победу имети сице — еже не свою душу, но нечистаго беса виновна быти сему. Глаголати же противу хулному духу сия: «Иди за мя, сатана. Господу богу моему поклонюся и тому единому послужу. Тебе же хула твоя на верх твой възвратится, и тебе напишетъ сию господь. Отступи убо от мене. Бог, създавый мя по образу своему и по подобию, да упразнит тя». Аще ли и по сих стужаят, бестудствуя, преложки помысл на ину некую вещь божествену или человеческу —

⁹ Далее написано и зачеркнуто слово отец.

⁵ Доб. к В. ⁶ угожению В. ⁷ Доб. господине В. ⁸⁻⁸ побеждаем БВ. ⁹ Доб. ми В. ¹⁰ рать БВ. ¹¹ имети В. ¹² Так в БВ, в А образом. ¹³ Нет В. ¹⁴⁻¹⁴ Фраза приписана на нижнем поле В. ¹⁵ древним В.

л. 12 аще || что не вне подобающих. Съхраняй же ся от гордыня и в путех смирения тщися проходить. Речено бо есть отцы, яко от гордыня ражаются худныя помыслы. Бывають же и от зависти бесовьскыя. И аще от сего или оног¹⁶ бывають, но яко же ални губителна ядовитым зверем, тако и сей страсти губително есть смирение. Не точию же сей, но и прочим, — речено бысть святыми отцы.

3 въпрос.

л. 12 об. А еже испытуети, како отступити от мира, — и сие добро усердие твое. Но тщися делом сему свершитися сие в тебе. Сие бо есть потлаченный путь к вечному животу, им || же, в внятии премудрости познавш, идеша преподобнии отцы. Наипаче бо *тому*¹⁷ подобно отступление мира, ему же в обычаи бысть съвокупление с миром. Аще бо не отступить, яко же образи неции и начертания мира, прежде бывшая в нем от слышания и видения мирских вещей, пакы поновляются. И не можеть трезвено пребыти в молитве и Божиим волям поучатися. Хотяй же поучатися¹⁸ благоугождению божию должен есть отступити мира.

л. 13 Не въсходи же приати обычных друзей беседы, иже¹⁹ мирская мудрствующих и упра||жняющихся в безсловеснаа попечения — яже в прибиткы маностырскаго богатства и стяжения²⁰ имений, яже мнитися сиа творити в образе благости и от неразумия²¹ божественных писаний или от своих пристрастий, — добродетель мнать проходить. И ты, человече божий, таковым не приобщайся. Не подобает же и на таковых речми на-скакати, ни поношати, ни укорити, но — богови оставляти сиа: силен бо есть бог исправити их.

л. 13 об. Съхраняй же себе в всячских от дерзновения. Дързновение бо, яко же писано есть, подобно огню велику,²² еже егда || бывает, вси бежат от лица его. И отвращайся слышати и видети вещи братняя и таиньства их и деания. Сиа бо сътворяет душу пусту всякого блага и устрает смотреть недостатки ближняго и съставляет²³ еже плакати своя грехы.

л. 14 И не тщися скороглаголив быти в беседах к²⁴ братии, аще и полезно быти мнитися. Но аще который брат извещение имат к нам и истинно требует²⁵ слово божие²⁵ и аще²⁶ имамы, должни есмы подати ему не точию слово божие,²⁶²⁷ по апостолу свидетельствующу,²⁷ но и свою душу.

л. 14 Събращай же ся с та||ковыми и съблаговоли тех²⁸ в деланиих, иже духовне мудрствують, яже суть чада таин божиих. С не таковыми же беседы, аще и малы суть, иссушают цветы добродетелей, иже внове процветающа от растворения безмолвия и окружающа с мяккостию и младостию сад душа, всажденному при исходих²⁹ вод покаания, яко же рече премудрый святой.

Въпрос 4.

А еже ищещи, како не заблудити от истиннаго пути, и о сем съвет благ даю ти.

л. 14 об. Свяжи себе законы божественных писаний и по||следуй тем, писанием же истинным, божественным. Писания бо многа,³⁰ но не вся³⁰ божественно³¹ суть. Ты же³² истинно известне³² испытав от чтений сих и бесед разумных и духовных мужей — понеже не вси, но разумнии разуме-

¹⁶ от иного В. ¹⁷ Доб. из БВ. ¹⁸ поучати себе В, поучатисе В. ¹⁹ и В. ²⁰ стяжаний В. ²¹ неразумения В. ²² великому В. ²³ оставляти В. ²⁴ Доб. из БВ. ²⁵⁻²⁵ слова божия В; словесе божия В. ²⁶⁻²⁶ имам должни ему есмы не точию слово божие подати В. ²⁷⁻²⁷ по апостола свидетельству БВ. ²⁸ тем БВ. ²⁹ исходящих БВ. ³⁰⁻³⁰ но и не В. ³¹ божествена БВ. ³²⁻³² истинная известне В; известная В.

вають сих — и без свидетельства писанийъ таковых не твори что, яко же и аз. О себе поведаю ти, понеже иже по бозе любовь твоа безумна мя сътворитъ — еже о себе глаголати ми. Но яко же речено естъ: «Таиньства моа любящим мя открываю». Того ради глагола³³ ти.

Аз убо не творю что без сведетельства божественных³⁴ писаний, но по святых писанийъ последую,³⁵ творю елико по силе. Егда бо сътворити ми что, попытую прежде божественнаа писаниа. И аще не обрящу съгласующа³⁶ моему разуму в начинаниа дела, отлагаю то, донеже обрящу. Егда же обрящу благодатию божиею, творю благодержностно яко известно.³⁷ От себе же не смею творити,³⁸ понеже невежда и поселянин есмь.

Сиче и ты, аще хочещи, сътвориай по святых писаниих и по сих разуму тчися делати заповеди божиа и преданиа святых отецъ. И аще волнения житейских || вещей каа подвижут сердце твое, не ужасайся, утверждаем на недвижимом камени заповедей господних и ограждаем преданми святых отецъ. И о всем буди ревнитель тем, их же зриши и слышиши от святых писанийъ, имущих свидетельствованно житие и мудрование. Сих бо право естъ шествование пути. И сиа написуа в сердци своем, поиди неуклонно в путь божий и не заблудиши благодатию божиею от истины. Писано бо естъ, яко невъможно праве мудрствующему и благочестне живущу погыбнути. Но елици разсътленном разумом творять || дело божие, сии погрешають от праваго пути.

Шествуй же невъзвратно, положив руку на рало господне и не зря въспять, да управлен будет³⁹ в царство божие. И потчися, прием⁴⁰ семя слова божиа, не обрестися сердцу твоему путь, ни камень, ни тръние, но благая земля, сътворя много сугубен плод в спасение душа своея.⁴¹ Да и аз, разумное твое в услышании слова божиа разсмотрив и яже достойная похвалам в исправлении добродетелем в тебе обрет, възрадуяся, благодаря бога, увидев⁴² тебе слышавша⁴³ слово божие и храняща⁴⁴ е. || Молю же тя господа ради молити за мя грешника, глаголюща ти доброе, а не творяща никако же.

Бог же, творяй преславная и подовая всяко даianie благо творящим волю его, да подасть ти разум и утверждение творити волю его святыю молитвами пречистыа владычица наша Богородица и всех святых, яко благословен в веки. Аминь.

**¹ Послание того же великаго ² старца к ³ брату,
просившу от него написати ему еже на пользу души ¹**

⁴ Писание твое,⁴ отче,⁵ еже писал еси ко мне, — просиши у мене отписати ми⁶ к⁷ тебе || еже на пользу и известити ми тебе о себе, — что мниши скорбь⁸ ми тебе тех ради речей, что беседовали⁹ есмь с тобою, когда¹⁰ еси был зде. И о том прости мя. Съветовал¹¹ есмь, въспоминая себе и тебе, яко присному своему любимому, яко же и писано естъ: «Таиньство моа¹² моим и сыновом дому моего открываю», что не просто или яко же прилучи[т]ся подобает нам творити деланиа каа, но по божественных писаниих и по преданию святых отецъ, прежде изшествия из моно-

³³ глаголю БВ. ³⁴ святых В. ³⁵ Нет В. ³⁶ съгласующе В. ³⁷ известна В. ³⁸ Доб. что В. ³⁹ будещи БВ. ⁴⁰ прияв В. ⁴¹ Нет В. ⁴² уведев В. ⁴³ слышавша БВ. ⁴⁴ храняща БВ.

¹⁻¹ Нет Г. ² Нет В. ³ Доб. иному В. ⁴⁻⁴ Писаниеице твое, господине, БГ; Писаниеце твое, господине мой, и В. ⁵ Доб. имярек Г. ⁶ Нет В. ⁷ Доб. из БВГ; в А над строкой вписано еже. ⁸ брань В. ⁹ говорили, — на поле рукою писца (Гурия Тушина) замена: беседовали В. ¹⁰ коли ВГ. ¹¹ говорил, — на поле замена: съветова В. ¹² Доб. из БВГ.

стыря. Точию не¹³ ползы ли¹⁴ ради душевныя, а не¹⁵ за ино что? Занеже
 л. 17 об. не видится ныне хранима жи||тельства закон божиих по святых писа-
 ниих и по преданию святых отецъ, но по своих волях и умышлениих
 человеческих. И в мнозех обретаеся се, что и самое то развращенная¹⁶
 творим, и сие мним добродетель проходити. Сие же случается от еже не
 ведети нам святая писаниа, понеже не тщимся с страхом божиим и
 с смирением испытovati¹⁷ сиа, но небрежем о них и в человеческая
 упражняемся.

Аз же того ради тако беседовах ти, понеже истинно, а не притворено.
 л. 18 хочещи слово божие слышати и творити е. Аз же, не ласкаа тя, || ни
 съкрывая жестоту теснаго и прискорбнаго пути, предложих ти. Инем же
 противу мере комуждо беседую. Ты же веси¹⁸ мою худость изначала,
 яко присный духовне любимый мой. Сего ради и ныне пишу тебе, явленно
 о себе творя, понеже по бозе любовь твоя понужает мя и безумна мя
 творить — еже писати к тебе о себе.

Егда в монастыри¹⁹ жили есмя, сам веси, яко сплетений мирских
 удаляюся и творю, елико по силе, по божественных писаний, аще и не
 възмогаю тако ради лености моя и небрежения. Та же по ошествии
 л. 18 об. странни||чества моего пришед в монастырь, вне близ монастыря сътворих
 себе²⁰ келию и тако²¹ живях, елико по силе моей. Ныне же в далее²² от
 монастыря преселихся, понеже благодатию божиею обретох место моему
 угодно разуму, занеже мирской чади маловходно, яко же и сам видел
 еси.²³ И наипаче испытуйа божественная писаниа: прежде заповеди гос-
 подня и толкования их и апостольская преданиа, та же и жития и уче-
 ние святых отецъ — и тем внимаю. И яже съгласно моему разуму и бла-
 гоугождению божию и к пользе души преписую себе и || теми поучаюся,
 л. 19 и в том живот и дыхание мое имею. А немощь мою и леность и нераде-
 ние на бога и на пречистую *Богородицю*²⁴ възложих. И аще что лучится
 творити ми, аще не обрящу то в святых писаниих, отлагаю се на время,
 дондеже обрящу. Понеже по своей воли и по своему разуму не смею что
 творити. И аще кто духовною любовию прилепляется мне, та²⁵ же съвѣ-
 тую делати,²⁶ но и паче²⁶ тебе, занеже изначала духовною любовию^а
 усвоя[e]м еси мне. Сего ради и слово подвигох к тебе, съветуя в благо,
 л. 19 об. яко своей души: како сам тщу||ся делати, тако и тебе беседовах.

Ныне же, аще и разне телом есмы, но духовною любовию съпряжени
 и съвокуплени. И устава ради сея божественныя любве беседовах ти
 тогда и ныне пишу призывающая в спасение души. И ты яже слыша от
 мене и написанна видеви, аще угодно ти есть, подражай сиа. Желая сын
 и наследник быти святых отецъ, твори заповеди господня и преданиа свя-
 тых отецъ и суцим с тобою братиам глаголи. И аще особне вселение твое
 есть или в монастыри с братиами еси, внимай святым писанием и по
 л. 20 стопам || святых отецъ шествуй. Занеже божественная²⁷ писаниа нам так
 повелевают: или повинутися такому человеку, кто будет свидетельствован
 в делании словом и разумом духовне, — якова же пишеть Великий
 Васи[ли]е в слове,²⁸ *ему же*²⁸ начало: «Придете к мне вси тружаю-
 щиеся», — аще ли не обрящется таков, ино повинутися богу по божест-
 венных писаниих, а не так безсловесно, яко же неции. И егда в мана-

^а Приписано писцом на поле; место в тексте указано красной точкой.

¹³ Нет ВГ. ¹⁴ Нет ВГ. ¹⁵ Доб. и Б. ¹⁶ развращенное В. ¹⁷ испыты-
 тати В. ¹⁸ знаешь ВГ. ¹⁹ Доб. купно Б; доб. вместе ВГ. ²⁰ Нет ВГ. ²¹ так В;
 также Г. ²² дале ВГ. ²³ Над строкою приписано: и похвалил ми еси Г.
²⁴ Доб. из БВГ. ²⁵ тако БВГ. ²⁶⁻²⁸ наипаче же БВГ. ²⁷ святая ВГ.
²⁸⁻²⁸ Так в БВГ, в А — уму.

стыре с братами, мнящися в повиновении, самоволием безсловесно пасутся и ошельствие тако же творять || неразумно, волею плотскою ведущися и разумом неразумном, не ведуще ни яже творять, ни о²⁹ них же утверждаются. О таковых Иоанн Лествичный,³⁰ разсуждая³¹ в иже³¹ о различии безмолвннн словес,³² глаголетъ: «Самочиниим паче, нежели *наставлениим*,³³ от мненин плавати изволиша». Еже да не будетъ нам. Ты же, творя по святых писаниих и по жительству святых отецъ, благодатию Христовою не погрешнши.

³⁴Ныне же и аз оскорбихся о том, что ты скорбен.³⁴ Того ради пови- нухся³⁵ и³⁶ писати к тебе, — чтобы еси не скорбен был.³⁷ Бог же всякыя радости и уте||хы да утешит сердце твое и известить о нашей любви еже к тебе.³⁸ Аще и грубо написах ти что, но не иному кому, но тебе — присному възлюбленному моему, не хотя презрети прошение твое. Надею бо ся, яко с любовию приимеши и не позариши неразумию моему. А о вещех наших,³⁹ о них же молих³⁹ святыню твою, та добре потщался еси устроить, о том челом бию. Бог да въздасть ти мзду противу твоему труду.

⁴⁰Къ тому⁴⁰ же³⁸ еще молю твою святыню, да не ложиши⁴¹ словеса она⁴² скорбь, ⁴³яже глаголах⁴³ тогда. Аще бо и по внешнему мнятся же||стока, внутрь же исполнь ползы. Понеже не своя глаголах, но от святых писаний. Жестька убо поистине⁴⁴ онем, иже не хотять истинне смиритися в страсе господни и плотских мудрований отступити, но по своих волях страстных жити, а не по святых писаниих.⁴⁵ Таковыи бо не испытуютъ святая писаниа с смирением духовне. Неции же от них не хотять и слышати ныне еже по святых писаниих⁴⁶ жити, яко же бы рещи: не нам писана суть⁴⁷ и не подлежить еже в нынешнем || роде хранити та.

Истинным же делателем⁴⁸ и древле, и ныне,⁴⁸ и до века словеса господня чиста, яко сребро ражъждено⁴⁹ и очищено⁵⁰ седмерицею,⁵¹ и заповеди его светлы, и възделенны им паче злата и камня честна, и услажаютъ их паче меда и съта, и хранить⁵² я. И внегда съхранять та, възприиму⁵³ въздаания многа.

Здравствуй о господе, господине отче, и моли⁵⁴ о нас грешных,⁵⁵ а мы святыни твоей⁵⁶ велми челом бием⁵⁰.⁵⁷

Того же старца посланеице просившему у него брату с вьсточныа страны на ползу души

Так ся, господине, нам мнить: по||лезно тебе окормлятися правило в телесных деланиих по силе, а не выше меры. А в писаниих божественных поучатися, и в рукоделиих себе обучати, и безмолвие любити. А коли, богу хотящу, друг друга узрим, тогда пространнее будет беседа о всем, про все.

²⁹ в ВГ. ³⁰ Лествичник Г. ³¹⁻³¹ Нет ВГ. ³² Нет ВГ. ³³ Так в БВГ, в А—наставляем. ³⁴⁻³⁴ Нет Г. ³⁴⁻³⁷ Нет В. ³⁵ понудихся ВГ. ³⁶ на Г. ³⁸⁻³⁸ Нет В. ³⁹⁻³⁹ о чем есми молил В. ⁴⁰⁻⁴⁰ Нет В. ⁴¹ положиши БВГ. ⁴² на Б. ⁴³⁻⁴³ еже глаголахом БВ. ⁴⁴ достойно ВГ. ⁴⁵ писаний ВГ. ⁴⁶ писаний БВГ. ⁴⁷ Нет ВГ. ⁴⁸⁻⁴⁸ Всегда — отныне ВГ. ⁴⁹ ражжено ВГ. ⁵⁰⁻⁵⁰ Нет Г. ⁵¹ Нет ВГ. ⁵² хранят ВГ. ⁵³ възприимуть БВГ. ⁵⁴ молитв В. ⁵⁵ Доб. ты и суцая с тобою братия В. ⁵⁶ вашей В. ⁵⁷ Другим, того же, кажется, времени почерком приписано: а твой съвет с нами положен духовне, что с нами быти было неразлучну Г.

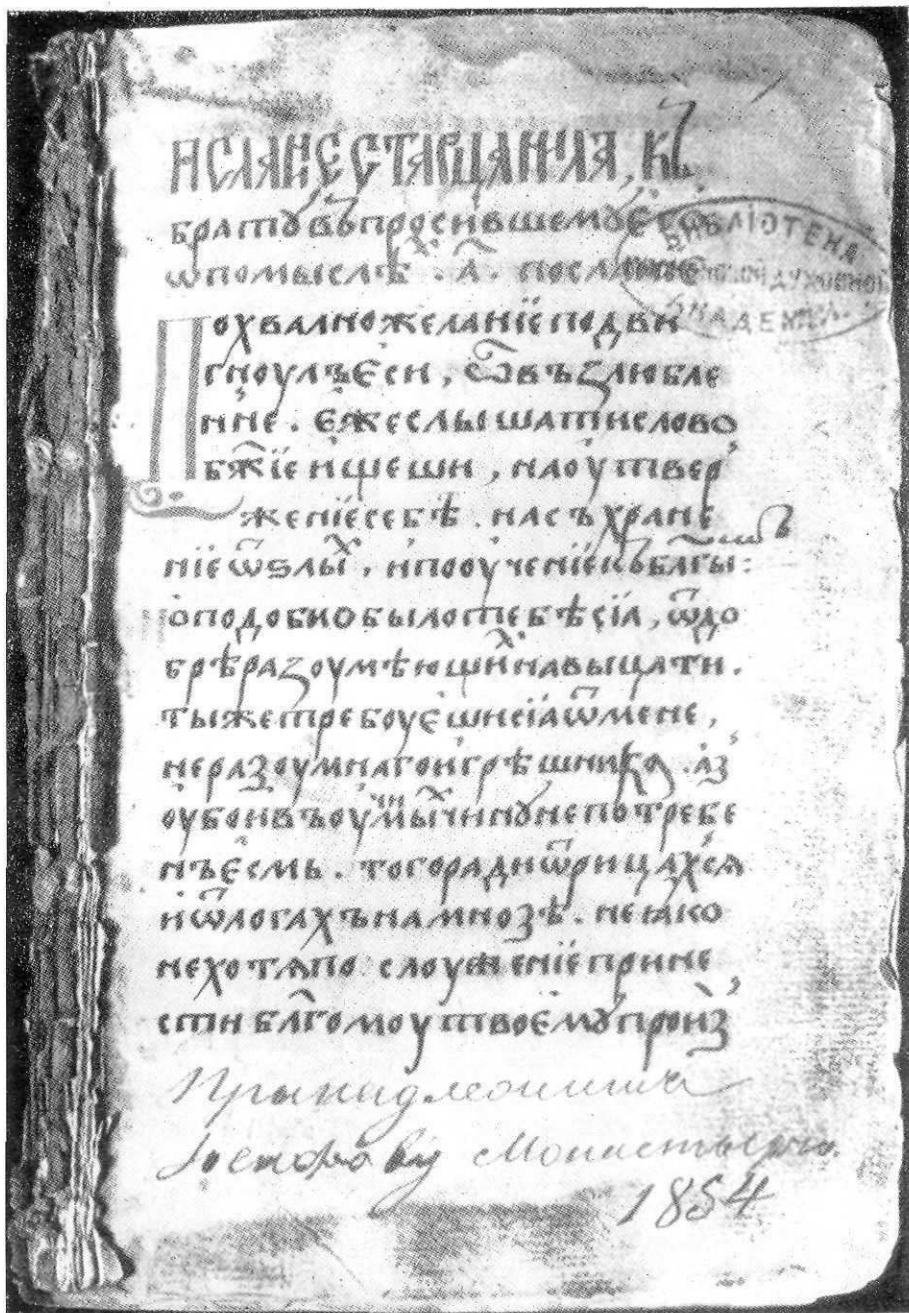

Рис. 1. Начало Первого послания Нила Сорского (ГБЛ, Волоколамское собрание, № 577, конец XV—начало XVI в., л. 1).

БОУДЕШИ ПЪЦРТИ ПОВЕДИ
 УПОПЩИСА ПРІСМОУ
 СЛОПДВОЖІА, НСОБРЕ
 СПИСА СРЦОУ ПОВЕМОУ
 ПОУ - НИКАМЕН, НИПЕР
 ДОБЛАГАДЗЕМЛІА, І ПОВ
 РАДМНОГО СОУТБЕСНІА
 ВЪ СПІСЕНІЕ ДША СВОЯ, І
 ІЗРАЗОУМНОЕ ПОВЕ
 ОУ СЛЫШАМІ СЛОПДВОЖІА
 РАДОМ ТРИТЬ, І ГЛАЖЕ
 СПОЙНА ПОУ ПЛАДОН
 СПРАДЛЕНІА ДОБРОДІТ
 ЛЕМОВ ПЕБЪ ВЪ БРЪТІА
 СЪВЪРЯЮСА БЛАГО ДАРОВА
 ОУДЪДЪ ППЕБЕСЛЫША
 ПША СЛОПОВЪ КІЕ, І КУРА
 ЦДЕ • ШОЛЮ ПІАГАРІА

ГЛІОЩА ПІА ДОБРОУ, ОУ
 ППОВАЩАМІ КОЛИКЕ,
 НИКАКОКЕ • БТѢЖЕ
 ППОВАРІА ПРІСЛАДНАД, І
 ПОДАПАД ПІА КОДАДНІЕ
 БЛГО ППОВАЩІА ПОЛЮЕТО
 ДА ПОДАСТЫ ПІА РАЗОУМ
 І ОУ ППЕРЖЕНІЕ, ППОВА
 РІ ПІА ПОЛЮЕТО СПОУА
 ДА ПІА МА ПРІ ППАДОМА
 ПЛШЕ ДВЦА, І ПІА ПІА
 ДКО БЛГО СЛОВО СІА СВѢТІА
 ДМІА • ППОСЛАНІЕ
 ПОТО ВЕЛИКАТО СПАРЦА
 КЪ БРАТІА, ПРОСИШОУ
 НЕГО НА ПИСА ПІА ВМОУ
 НА ПІА С ОУДШІА
 ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА
 ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА

Рис. 2. Конец Второго и начало Третьего посланий Нила Сорского (ГИМ, Синодальное собрание, № 335, 40-е годы XVI в., лл. 152 об.—153).

А. М. ПАНЧЕНКО

Юродство как зрелище

Юродство — сложное и многоликое явление, до сей поры не включавшееся в историю культуры Древней Руси. Прежде чем перейти к сути дела, я хочу напомнить о том, что юродство вовсе не обязательно связано с душевным убожеством, что среди юродивых были вполне здраво-мыслящие и даже очень образованные люди.¹ Хочу также предупредить, что тому, кто интересуется историей юродства, эта статья вряд ли пригодится. Это — раздел из феноменологии юродства, попытка объяснить некоторые черты этого явления, которые мне кажутся существенными. Материал статьи извлечен из житий юродивых, однако жития не рассматриваются как исторический источник. В агиографии запечатлен идеальный тип юродивого; именно о нем пойдет речь. Драма юродства, которой посвящена работа, разыгрывается не столько на улицах и церковных папертях древнерусских городов, сколько на страницах житий.

Есть ли основания считать юродство зрелищем? Есть, причем вполне достаточные. Агиографы постоянно подчеркивают, что юродивый наедине с собой не юродствует: «В день убо яко юрод хождаше, в нощи же без сна пребываше и молящеся непрестанно господу богу... В нощи ни мала покоя себе приимаше, но по граду и по всем божиим церквам хождаше и молящеся господеву со многими слезами... Заутра же паки во весь день... исхождаше на улицы градныя и в похабстве пребывая».² Это — стереотип, кочующий из жития в житие. Ночью юродивый молится, на людях же — никогда; днем он надевает личину безумия, и это действительно личина, потому что она пригодна только в виду толпы. Следовательно, в юродстве есть момент лицедейства.

Момент преображения отчетливо осознавался агиографами — настолько отчетливо, что допускалось сравнение юродивого с профессиональным актером. «Зрителие и слышателие, — пишет автор полного жития Василия Блаженного, — егда коего доблественна страдалца отнекуде пришедша уведят, стекаются множество, иже видети храбрость борбы, и вся тамо телесныи и мысленны сопряжут очи, якоже мусикейский художник чуден придет, и тако подобнии вси такоже исполняют позырище, и со многим тцанием и песни, и гудения послушающе»³ (это со-

¹ Обоснование см. в кн.: А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, стр. 84—94 (раздел «Инок Авраамий, он же юродивый Афанасий»). Здесь же дана характеристика юродства как формы общественного протеста.

² Житие Проккопия Устюжского. Изд. ОЛДП, вып. СIII. СПб., 1893, стр. 16—19.

³ И. И. Кузнецов. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради московские чудотворцы. — Записки Московского археологического института, т. VIII, М., 1910, стр. 46—47, 201.

поставление — также общее место; оно заимствовано из похвального слова Иоанну Богослову, приписываемого Иоанну Златоусту и включенного в ВМЧ). Театральность юродства бесспорна, и это не удивительно, потому что в средневековой жизни вообще стихия театральности очень сильна.

«Глубоко важно проникнуться тем неизбежным, на мой взгляд, положением, — писал в свое время Н. Евреинов, — что в истории культуры театральность является абсолютно самодовлеющим началом и что искусство относится к ней примерно так же, как жемчужина к раковине... Произведение искусства... имеет в виду эстетическое наслаждение, произведение же театральности — наслаждение от произвольного преобразования, быть может эстетического, а быть может и нет... Разумеется, в конце концов и преобразование, подобно многим другим способностям человека, становится искусством, но искусством совсем другой природы, чем живопись, музыка, поэзия, архитектура и прочие искусства...»⁴

Театральность может сливаться с искусством, а может быть автономна от него. Театральность — это еще не театр, равно как зрелище — не всегда спектакль. Древняя Русь, как и средневековая Европа, насквозь театральна, хотя Москва до времен царя Алексея Михайловича не знала театра в нашем понимании. Разве не зрелище — парадный царский обед или «шестиве на осляти», когда царь ведет под уздцы лошадь, на которой восседает патриарх, а отроки, обученные загодя, устилают их путь разноцветными кафтанами? Разве не зрелище — царская раздача милостыни в ночь на большие праздники, причем приготовления к ней покрыты строгой тайной, хотя она бывает каждый год, в одно и то же время, в раз навсегда избранном месте? Я не говорю уже об обрядах — как народных, так и церковных. Хотя проявления старинной театральности чрезвычайно многообразны, однако можно предположить, что средневековые зрелища составляли уравновешенную систему. Описание этой системы, установление ее доминант — очень важная и благодарная тема для историка культуры. Свое место в этой системе занимало и юродство.

Юродство приобретает смысл только в том случае, если разворачивается на глазах у людей, если становится общедоступным зрелищем. Без постороннего глаза, без наблюдателя оно попросту невозможно. Понимая это, юродивый только наедине с собой, как бы в антракте, — ночью, а иногда и днем, если его никто не видит,⁵ — слагает с себя личину мнимого безумия. (Повторяю, что я говорю об идеальном, так сказать, юродивом, так как на самом деле бывало и по-другому). Но лицедействует не только юродивый. Он — главное лицо драмы, но не единственное.

Можно без преувеличения утверждать, что зритель в картине юродства не менее важен, чем центральный герой. Зрителю предназначена активная роль. Руководя толпой, юродивый превращает ее в некое подобие коллективного персонажа. В этом двуединстве, в определенном соотношении юродивого и наблюдателя и состоит, как мне кажется, основная проблема юродства как зрелища. Хотя взаимная зависимость актера и зрителя здесь не подымается до уровня амебейного исполнения (в непосредственных реакциях толпы нет лицедейства), все же юродство превращается в своеобразную игру.

⁴ Н. Евреинов. Театр как таковой. СПб., 1913, стр. 28—31.

⁵ В житии Андрея Цареградского рассказчик сообщает, что ему удалось посмотреть, как Андрей молился днем: «Възря семо и овамо, да яко же не виде никого же, възде руже горе, творя молитву» (Житие Андрея Юродивого. — ВМЧ, октябрь 1—3. СПб., 1870, стлб. 96).

Эта игра полна парадоксов. Юродивый устанавливает очень сложные и противоречивые игровые связи с толпой. Иными эти отношения и не могут быть: они парадоксальны изначально, потому что сам подвиг юродства парадоксален. В самом деле, в юродстве уживаются непримиримые крайности. С одной стороны, юродивый стремится прежде всего к личному «спасению». В аскетическом попрании тщеславия, в оскорблении плоти юродивый глубоко индивидуален, он порывает с людьми, «яко в пустыни в народе пребывая». С другой стороны, в юродстве есть черты общественного служения, которые чрезвычайно сильно проявились во время раскола. Народными заступниками и обличителями венчанного злодея считались и юродивые эпохи Ивана Грозного. В агиографии эти черты выражаются в формуле, определяющей активную сторону юродства: «ругаться суетному и горделивому миру». Поругание мира — это, в широком смысле, забота о нравственном здоровье людей. Здесь мы находим и социальный протест... Противоречивость юродства зафиксирована даже стилистически в ходячем оксимороне «мудрейшее юродство». Парадоксальностью «подвига» юродивого предопределяется парадоксальность юродственного зрелища. Перейдем к рассмотрению основных парадоксов.

Избирая подвиг юродства, человек «укорение приемлет и биение от безумных человек, яко юрод вменяем ими и безумен».⁶ Это — выдержка из жития Исидора Ростовского Твердислова и одновременно — устойчивая формула в агиографии юродивых. Вот подходящие к случаю примеры. «Прият блаженный Прокопий (имеется в виду Прокопий Устюжский, — А. П.) многу досаду, и укорение, и биение, и пхание от безумных человек».⁷ Об Андрее Цареградском в житии говорится следующее: «Зряще на нь человеци глаголаху: се нова бешенина; друзии же глаголаху, яко земля си николи же без салоса несть... а друзии пхачу его по шии, биахуть его и слинами лице его кропляху, гнушающеса».⁸ В слове похвальном Иоанну Устюжскому, которое сочинил князь Семен Шаховской, этот стереотип также присутствует: «И ризами не одевается, и на гноищи наг пометается, и от невеглас камением и дресесы ударяется».⁹

Обратим внимание на то, что юродивый вовсе не стремится избежать этого «биения и пхания» (в этом он отличен от шута, у которого чувство самосохранения развито очень сильно). Напротив, он безмолвно и даже благодарно сносит побои. Исполненное тягот, страданий и поношений, юродство в источниках уподобляется крестному пути Иисуса, а сам подвижник сравнивается со спасителем, — правда в неявном виде, с помощью «скрытой» цитаты из Псалтыри (101₇). Юродивый, пишут агиографы, «подобен неясоти пустынной», — т. е. пеликану, который и в средние века, и в эпоху барокко, и позднее олицетворял Христа: пеликан вскармливал птенцов своей кровью, это — символическое изображение искупительной жертвы. Если жертва — тело Христа, то и тело юродивого — также жертва: «...жертвенник свое тело сотвори, в нем же жряше жертву хваления, Аароновы жертвы богоподобнейше и честнейше».¹⁰ Подражание крестному пути и делает подвиг юродства «сверхзаконным», в представлении агиографов — труднейшим и славнейшим: «...выше естества нашего подвизася».

⁶ ИРЛИ, Дрвнлехранилище, колл. В. Н. Перетца, № 29, XVI в., л. 515.

⁷ Житие Прокопия Устюжского, стр. 16.

⁸ ВМЧ, октябрь 1—3, стлб. 91.

⁹ Житие Прокопия Устюжского, стр. 244—245.

¹⁰ И. И. Кузнецов. Святые блаженные Василий и Иоанн..., стр. 45.

В чем средневековое богословие видело духовный и нравственный смысл «вышестественной любви» к кресту? Мне кажется, что этот смысл наглядно раскрывается в источнике несколько неожиданном, но тем не менее не случайном — в «Радости совершенной» из «Цветочков Франциска Ассизского».¹¹ Не случаен этот источник потому, что Франциск Ассизский, как отмечали разные авторы, — чуть ли не единственный подвижник римско-католического мира, в котором есть нечто от юродства.

Однажды зимою Франциск, идя с братом Львом из Перуджи к св. Марии Ангельской и сильно страдая от стужи, так говорил своему спутнику: «Брат Лев, дай бог, брат Лев, чтобы меньшие братья... подавали великий пример святости и доброе назидание; однако запиши и отметь хорошенько, что не в этом совершенная радость... Брат Лев, пусть бы меньший брат возвращал зрение слепым, исцелял расслабленных, изгонял бесов, возвращал слух глухим, силу ходить — хромым, дар речи — немым, и даже большее сумел бы делать — воскрешать умершего четыре дня тому назад; запиши, что не в этом совершенная радость... Если бы меньший брат познал все языки и все науки, и все писания, так что мог бы пророчествовать и раскрывать не только грядущее, но даже тайны совести и души; запиши, что не в этом совершенная радость... Брат Лев, пусть научился бы меньший брат так хорошо проповедовать, что обратил бы... всех неверных; запиши, что не в этом совершенная радость». И когда брат Лев в изумлении спросил, в чем же «совершенная радость», Франциск так ответил ему:

«Когда мы придем и постучимся в ворота обители, ... придет рассерженный привратник и скажет: „Кто вы такие?“. А мы скажем: „Мы двое из ваших братьев“. А тот скажет: „Вы говорите неправду, вы двое бродяг, вы шлаетесь по свету и морочите людей, отнимая милостыню у бедных, убирайтесь вы прочь!“. И не отворит нам, а заставит нас стоять за воротами под снегом и на дожде... Тогда-то, если мы терпеливо, не возмущаясь и не ропща на него, перенесем эти оскорбления...; запиши, брат Лев, что тут и есть совершенная радость. И если мы будем продолжать стучаться, а он... выйдет и прогонит нас с ругательствами и пощечинами...; если мы это перенесем терпеливо и с весельем и добрым чувством любви, — запиши, брат Лев, что в этом-то и будет совершенная радость. И если все же мы... будем стучаться и, обливаясь слезами, умолять именем бога отворить нам и впустить нас, а привратник... скажет: „Этакие надоедливые бродяги, я им воздам по заслугам!“. И выйдет за ворота с узловатой палкой... и швырнет нас на землю в снег, и обоьет о нас эту палку. Если мы перенесем это с терпением и радостью, помышляя о муках благословенного Христа, каковые и мы должны переносить ради него, — о, брат Лев, запиши, что в этом будет совершенная радость. А теперь, брат Лев, выслушай заключение. Превыше всех милостей и даров духа святого, которые Христос уделил друзьям своим, одно — побеждать себя самого и добровольно, из любви к Христу, переносить муки, обиды, поношения и лишения. Ведь из всех других даров божиих мы ни одним не можем похвалиться, ибо они не наши, но божии, как говорит апостол: „Что есть у тебя, чего бы ты не получил от бога? А если ты все это получил от бога, то почему же ты похваляешься этим, как будто сам сотворил это?“. Но крестом мук своих

¹¹ Русский перевод, который я пересказываю и цитирую, сделан А. П. Печковским со списка Амаретто Манелли (1396 г.); см.: Цветочки св. Франциска Ассизского. М., 1913, стр. 27—30.

и скорбей мы можем похвалиться, потому что они наши, и о том апостол говорит: „Одним только хочу я похвалиться — крестом господа нашего Иисуса Христа“».

Юродивый в своем аскетическом, «вышестественном» поприи тщеславия идет дальше, чем Франциск Ассизский, в известном смысле он более смел и последователен. Он не только безропотно и с любовью к мучителям терпит поношения — он постоянно провоцирует зрителей, прямо-таки вынуждает их бить его, швыряя в них камнями, грязью и нечистотами, оплевывая их, оскорбляя чувство благопристойности. На пути внешней безнравственности он заходит столь же далеко, как и киники. Это видно из поступков Василия Блаженного: Василий, рассказывает в житии, «душу свободну имея... не срамляясь человеческого срама, многаши убо чреву его свое требование и пред народом проход твори».¹² Автор поясняет, что блаженный делал это из презрения к телу, «душу свободну имея... яко ангел пребывая, еже беаше яко бесплотен».

Юродивого мучают и заушают, хотя должны перед ним благоговеть. Это — «парадокс зрителя». Другой парадокс, «парадокс актера», заключается в том, что сам юродивый вводит людей в мятеж и соблазн, в то время как он обязан вести их стезей добродетели. Это глубокое противоречие в полной мере осознавалось агиографами, и они делали попытки устранить его или по крайней мере ослабить. В житиях указывается, что юродивый молится за тех, кто подвергал его «укорению, и биению, и пханию». Такая молитва, конечно, не может быть примитивно истолкована как обычное, приличествующее всякому христианину исполнение евангельской заповеди: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матфей, V, 44; Лука, VI, 27—28). Сознывая, что сам подвигнул толпу на побои, что грех — на нем, а не на зрителе, юродивый просит бога, чтобы это не было вменено людям в прегрешение.

Однако такое снятие противоречия условно и недостаточно: эту молитву, как и всякую другую, юродивый творит без свидетелей — либо ночью, либо в душе, так что зрителю-«невегласу» она неведома. Молитва не имеет никакого отношения к действию, которое разыгрывается на улице, к игре, в которой участвуют толпа и подвижник-лицедей: ведь молится уже не юродивый. «Блаженный же яко в чуждем телеси все с благодарением тръпяше... и никако же зла досаждающим ему въздаваше, но токмо во уме своем глаголаше к богу: „Господи, не постави им греха сего“... И никто же ведеше добродетелнаго его житиа».¹³

Зрелище юродства исполнено и других парадоксов. Идеальный костюм юродивого — нагота, потому что голое тело больше всего терпит от зимнего холода и летнего зноя и наглядно свидетельствует о презрении к тленному миру (отнюдь не случайно действие в житиях юродивых протекает большей частью в зимнюю пору): «Мира вся красная отвергlesi, ничтоже на теле своем ношаше от тленных одеяний, наготою телесною Христови работая... Яко же от чрева матерня изыде, тако и в народе наг ходя не срамляясь, мрза и жжения солнечнаго николи же уклоняясь».¹⁴ Знаменательно, что многие подвижники получали прозвание «нагой». Это слово в данном контексте оказывается в одном синонимическом ряду со словом «юродивый».

¹² И. И. Кузнецов. Святые блаженные Василий и Иоанн..., стр. 45.

¹³ ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца, № 29, л. 515 об.

¹⁴ ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 127, лл. 3 об., 9 об.

Однако нагота двусмысленна, ибо нагое тело — тот же соблазн, та же внешняя беззастенчивость. Соблазн наготы ощутим в описании облика Иоанна Большого Колпака, прозванием Водоносец: «Положив на тело свое кресты с веригами железными, а на верху главы своея колпак великий и тяжкий носяше, и у рук своих на перстех колца и персни медяные и четки древяные носяще, и терпением своим тело свое сокрушая, Христу работая и злая же темныя духи отгоняя, и у тайных уд своих колца медные ношаше».¹⁵

Чтобы примирить «наготу Христа ради» и соблазн, проистекающий от созерцания обнаженной плоти, юродивые создали особый костюм — так называемую «рубаху юродивого». Именно «примирительное» толкование всегда дает агиография: юродивый надевает рубашу, чтобы прикрыть срам. Однако рубаша выполняла не только паллиативную функцию, — она служила также корпоративной приметой. Напомню об известном эпизоде из сочинений Аввакума, относящемся к одному из юродивых раскольников — Федору.¹⁶ Когда гонения стали нестерпимыми, Федор спросил у Аввакума, ходить ли ему по-прежнему в рубахе или надеть обычное платье, чтобы затеряться в толпе. И Аввакум благословил надеть мирское платье... Следовательно, юродивому и не нужно было заявлять о себе обличениями или нарушением общественных приличий: как только он появлялся на улице, его опознавали по одежде, как шута по колпаку или скомороха по сопели. Рубаша юродивого не только прикрывала срам, она была театральным костюмом.

Если идеальное платье юродивого — нагота, то его идеальный язык — молчание. «Юродственное жителство избрал еси..., хранение положи устом своим», — поется в службе «Святым Христа ради юродивым Андрею Цареградскому, Исидору Ростовскому, Максиму и Василию Московскому и прочим» в Общей минее. «Яко безгласен в мире живый», юродивый для личного своего спасения не должен общаться с людьми, это ему прямо противопоказано, ибо он «всех — своих и чужих — любве бегатель».

Но «безгласие» не позволяет выполнять функции общественного служения, во многом лишает смысла игровое зрелище, и в этом заключается еще одно противоречие юродства. Каким образом это противоречие преодолевалось? Разумеется, в действительности юродивых-молчалников не было. Пожалуй, только исихаст Савва Новый в период своего юродственного жития так и не отверз уста; но безмолвие Саввы не столько от юродства, сколько от исихии.¹⁷ Обыкновенно же юродивые нечто говорят — по сугубо важным поводам, обличая или прорицая (всем юродивым приписывается пророческий дар). Их высказывания иногда невразумительны, но всегда кратки,¹⁸ это — либо выкрики, либо афоризмы. Замечательно, что в инвокациях и сентенциях юродивых, как и в пословицах, весьма часты созвучия. Рифма должна была подчеркнуть особенность высказываний юродивых, отличие их от косной речи толпы, мистический характер пророчеств и укоризн.

¹⁵ И. И. Кузнецов. Святые блаженные Василий и Иоанн..., стр. 422.

¹⁶ См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, стр. 98—99; ср.: А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века, стр. 85.

¹⁷ См.: Патриарх Филофей. Житие и деяния Саввы Нового. Перевод П. Радченко. М., 1915.

¹⁸ Иногда в житиях встречаются пространные предсмертные речи юродивых. Это — влияние агиографического канона в широком смысле слова. На фоне типичных описаний юродства эти речи выглядят явным диссонансом.

Но, вообще говоря, ни выкрики, ни афоризмы еще не создают корпоративного языка. Язык юродивых — это язык жестов (термин «жест» я употребляю условно, подразумевая коммуникативный акт посредством всякого невербального знака — жеста как такового, поступка или предмета). Именно с помощью жеста, который играл такую важную роль в средневековой культуре, и преодолевалось противоречие между принципиальным безмолвием и необходимостью апеллятивного, т. е. рассчитанного на отклик, общения со зрителем. Инвентарь жестов юродивых не составлен, смысл их не истолкован — и легко показать, что он был темен даже для некоторых агнографов. Тем не менее можно утверждать, что поиски в этом направлении не будут безуспешными. Прежде чем перейти к примерам, я хочу сделать одну оговорку. По всей видимости, нет никакого смысла подразделять жесты юродивого на общепонятные жесты-индексы и требующие расшифровки жесты-символы. Как мы сейчас увидим, в зрелище юродства жесты-индексы также приобретают символическое значение.

Выше говорилось, что юродивый провоцирует толпу, плюясь и швыряя в нее камни и грязь. Но одновременно этот провокативный поступок — жест юродивого, своего рода кинетическая фраза, причем самая распространенная и типичная. Когда скверные женщины затянули к себе Андрея Цареградского и пытались его соблазнить, юродивый «нача плевати часто и портом зая нос свой».¹⁹ Почему он так поступил? Оказывается, не для того, чтобы оскорбить и обличить грешных блудниц. Андрей Цареградский узрел, что в толпе соблазнительниц стоит смрадный черт, «блудный демон», — т. е., по всей видимости, Купидон.

Василий Блаженный, скитаясь по улицам Москвы, задерживался у домов, «в нихже живущии людие живут благоверно и праведно и пекутся о душах своих, ... и ту блаженный останавлиаяся, и собираше камение, и по углам того дома меташе, и бияше, и велик звук творяше».²⁰ Напротив, «егда же минуяше мимо некоего дому, в нем же пиянство и плясание, и кощуны содевахуся, и прочия мерзкая и скаредная дела творяху, ту святыи останавлиаяся, и того дому углы целоваше и аки с некими беседоваше яже человеком непонятным разговором». Значение этих загадочных для наблюдателей жестов, оказывается, вот в чем: в дома благочестивых праведников и постников бесовская сила проникнуть никак не может, «бесове внеуду онаго дому по углам вешаються, а внутрь внити не могут», и юродивый, которому дано видеть утаенное от простых очей, их-то и побивает камнями, «да не запинаят стопы праведных». В домах пьяниц, блудников, зершников и кощунников бесы ликуют и радуются, «аггели же божии хранители, приставленнии от святаго крещения на соблюдение души человечесте, в том дому во оскверненном быти не могут». Эт их-то ангелов, уныло плачущих вне дома, и лобызал Василий Блаженный, с ними он и беседовал «непонятным разговором» — на небесном языке.

В основе описанных жестов также лежит парадокс. Иногда даже создается впечатление, что парадоксальность — это как бы самоцель для юродивого, что она необычайно притягательна и для агнографии, и для народных легенд. В юродстве парадоксальность выполняет функцию эстетической доминанты. О том же Василии Блаженном рассказывали, что он на глазах потрясенных богомольцев разбил камнем чудотворный образ божией матери на Варварских воротах. Оказалось, что на доске под святым изображением был нарисован черт.

¹⁹ ВМЧ, октябрь 1—3, стлб. 92.

²⁰ И. И. Кузнецов. Святые блаженные Василий и Иоанн..., стр. 85.

Отчуждая себя от общества, юродивый и язык свой отчуждает от общеупотребительного языка. Однако жесты юродивого должны быть вразумительны наблюдателю: иначе нарушится связь между лицедеем и зрителем. Юродивого понимают потому, что язык жестов национален и консервативен. Это доказывается фольклором. Приведу выдержки из легенды «Ангел», изданной А. Н. Афанасьевым.²¹

«Нанялся ангел в батраки у попа... Раз послал его поп куда-то за делом. Идет батрак мимо церкви, остановился и давай бросать в нее камень, а сам норовит, как бы прямо в крест попасть. Народу собралось много-много, и принялись все ругать его; чуть-чуть не прибили! Пошел батрак дальше, шел-шел, увидел кабак и давай на него богу молиться. „Что за болван такой, — говорят прохожие, — на церковь камня швыряет, а на кабак молится! Мало бьют эдаких дураков!“». Потом ангел-батрак объясняет попу истинный смысл своих поступков: «Не на церковь бросал я камня, не на кабак богу молился! Шел я мимо церкви и увидел, что нечистая сила за грехи наши так и кружится над храмом божьим, так и лепится на крест; вот я и стал шибать в нее камнями. А мимо кабака идучи, увидел я много народу, пьют, гуляют, о смертном часе не думают; и помолился тут я богу, чтоб не допускал православных до пьянства и смертной гибели». Эта легенда — фольклорный аналог типичного жития юродивого, с той разницей, что легенда сохранила только сюжетные эпизоды, опустив размышления и сентенции. Легенда показывает, как прочно укоренилось в народном сознании парадоксальное толкование описанных жестов.

Парадоксальность, присущая юродивым, свойственна также персонажам сказок о дураках. «Юродивый» и «дурак» — это, в сущности, синонимы. В словарях XVI—XVII вв. слова «юродство» и «глупость» стоят в одном синонимическом ряду. Понятно поэтому, что сказки о дураках должны стать одним из важнейших источников для исследования юродства.²²

Привлечение фольклорных материалов проясняет смысл одного из загадочных жестов Прокопия Устюжского. Прокопий, как рассказывает агиограф, «три кочерги в левой своей руке ношаше... И внегда же убо кочерги святого простерты главами впрямь, тогда изобилие велие того лета бывает хлебу, и всяким иным земным плодом пространство велие являюще. А егда кочерги его бывають непростерты главами вверх, и тогда хлебная скудость является и иным всяким земным плодом непространство и скудость велия бывает».²³

Как видим, уже в самом описании этого жеста есть попытка толкования, попытка установить скрытую связь между жестом и событием, которое этот жест обозначает. Простертые вверх кочерги знаменуют «велие пространство» земных плодов, а непростертые — непространство. Это, конечно, не более как игра слов, случайная эвфония, к истинному смыслу жеста она отношения не имеет и иметь не может: жест комментируется речью, что в принципе непозволительно. Однако такая попытка вполне естественна, потому что три кочерги Прокопия Устюжского вообще были камнем преткновения для агиографов. В слове похвального князя Семена Шаховского читаем: «С трети жезлы хождаше, и тем пресвятую Троицу прообразоваше».²⁴ С. И. Шаховской пошел

²¹ А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды. Ред. С. К. Шамбинаго. М., 1914, № 26, стр. 189—191.

²² Эта мысль подсказана мне Д. С. Лихачевым.

²³ Житие Прокопия Устюжского, стр. 37—38.

²⁴ Там же, стр. 242.

по другому пути, он основал интерпретацию на числе, однако от сопоставления с Троицей жест Прокопия Устюжского вовсе не стал понятнее.

Между тем кочерга используется в свадебном обряде. Выходя на сватовство, связывают вместе кочергу и помело, изображая жениха и невесту. То же находим в загадках (кочерга и печь). Иначе говоря, кочерга — фаллический символ; если учесть это, три кочерги Прокопия Устюжского лишаются всякой загадочности. Напротив, воздвижение кочерги для предсказания плодородного года выглядит вполне традиционным. Агиографы не могли понять этот жест, так как искали книжные объяснения. Привлечение материала свадебного обряда решает дело.

В зрелище юродства жест выполняет коммуникативную функцию: с помощью жеста юродивый, подобно миму, общается со зрителем. Но иногда жест становится игровым, парным. Лицедей бросает камешки в толпу — толпа отвечает ему тем же. Все юродство, говоря фигурально, это жест — загадочный и парадоксальный.

Юродивый смеется — и это по видимости грех для подвижника, а зритель, если в нем есть хоть крупица нравственного совершенства, должен плакать, как плачет юродивый наедине с собою.²⁵ Юродивый наг и безобразен, а толпа обязана понять, что в этом скудельном сосуде живет ангельская душа. Мне уже приходилось писать, что это безобразие согласовалось с раннехристианским идеалом, когда христианство еще не примирилось с красотой, с изящным искусством, когда плотская красота считалась дьявольской. В «Деяниях Павла и Теклы» апостол Павел изображен уродцем. У Иустина, Оригена, Климента Александрийского и Тертуллиана отражено предание о безобразии самого Христа. Это значит, что Иисусу приписывалась одна из черт, которые в ветхозаветные времена принимались за мессианские.²⁶

Конечно, ни зрители, ни юродивый не знали этой древней традиции. Они могли также не учитывать того, что юродство как бы повторяет крестный путь спасителя, ибо эта мысль относилась к сфере богословия, доступной далеко не каждому. Но общая посылка, на которой произошло юродство, была более или менее очевидной для всех: красота и тело — ничто, нравственность и спасение души — все. Это — сознательное отрицание красоты, опровержение общепринятого идеала прекрасного, точнее говоря, перестановка этого идеала с ног на голову и возведение безобразного до степени эстетически положительного. Цель юродивого — благо, польза, личная и общественная, а благо не может зависеть от плотской красоты. Впрочем, благо никак не вытекает и из безобразия, и это — также один из парадоксов, характерных для юродства.²⁷

Для понимания феномена этот парадокс безразличен. Будучи полемически заострен против общепринятых норм поведения, апофеоз телесного безобразия преследовал духовно-нравственные цели. Однако в то же время он подчеркивал уникальность юродства в системе средневековых зрелищ. Юродство ярким пятном выдавалось на фоне официальных

²⁵ Один из словесных стереотипов, вызванных к жизни юродством, звучит так: «Во дне убо посмеяхся ему (миру, — А. П.), в ноши же оплакаа его» (ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца, № 29, л. 524). Хочу еще раз напомнить, что тот юродивый, о котором идет речь в этой статье, — юродивый литературный, персонаж житий и легенд. Реальный юродивый мог плакать и перед зрителем. Аввакум вспоминал о юродивом Афанасии, своем духовном сыне: «Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет» (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. . . , стр. 100).

²⁶ См.: Эрнест Ренан. Жизнь Иисуса. СПб., 1906, стр. 61, прим. 4.

²⁷ Ср.: А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века, стр. 89.

действ, церковных и светских, с их благопристойной красотой и торжественным чином. Но даже в сравнении с народным карнавалом, со скomorошьими представлениями, где царило безудержное веселье, юродство потрясало зрителя. Самое безобразное зрелище претендовало на роль зрелища самого душеполезного, и это еще один парадокс юродства.

На поверхностный взгляд, все эти противоречия могли быть устранены без особых затруднений: ведь достаточно зрителю осознать, что на юродивом почует благодать, как все игровое действие разрушится: швыряние камней и плевки не будут возмущать толпу, нагота не будет резать глаза, а эпатирование безнравственностью не оскорбит чувство приличия. Казалось бы, проникнуться таким настроением легко: к синодальному периоду православная церковь чтит несколько десятков юродивых, и если не полные жития их, то службы и проложные памяти были ведомы рядовым прихожанам. В службах повторялись мотивы «биения, и укорения, и пхания от невеглас», и богомольцам следовало бы понять свою вину. И все-таки время текло, а «безумные человеки» не хотели ничему научиться. В чем тут дело, отчего драма юродства разыгрывалась веками, отчего занавес опустился только при Петре, когда Синод перестал признавать юродивых подвижниками?

Один из основных постулатов церкви гласит, что святость может быть установлена лишь по смерти, если бог почитит подвижника посмертными чудесами. В этом отношении юродивый подобен затворнику, пустыннонику или столпнику. Но при жизни он отличается от них, и отличается очень сильно. Если самая благочестивая жизнь — еще не порука святости, то бесспорно по крайней мере, что такая жизнь благочестива. О юродивом же до его смерти ничего определенного сказать нельзя. Может быть, это юродивый «Христа ради», а может быть — мнимоюродивый, и тогда позволительно обращаться с ним так, как обращались с Прокопием устюжские нищие: «Иди ты да умри, лживей юроде, зде бо от тебе несть нам спасения!».²⁸

Лжеюродство становилось предметом церковных установлений. В указе патриарха Иоасафа от 1636 г. «о прекращении в московских церквах разного рода безчинств и злоупотреблений» замечено, что в храмах «чинится мятеж и соблазн», и в этом среди прочих обвиняются лжеюродивые, которые сделали из юродства промысел, дающий пропитание. Они «творятя малоумны, а потом их видят целоумных».²⁹ К обвинению в лжеюродстве прибегали церковные и светские власти, когда была нужда расправиться с обличителем. В отличие от юродивого «Христа ради» со лжеюродивым можно было делать все что угодно. Как известно, юродивые Федор и Киприян, сподвижники Аввакума, были казнены.

Для толпы распознавание юродивого «Христа ради» от мнимоюродивого было невозможно. Если рассматривать феномен не апологетически, а с позиции здравого смысла, то разница между мистическим преображением и притворством не может быть замечена. Противопоставление юродства лжеюродству было аксиомой для древнерусского человека, но при созерцании юродственного зрелища он не в состоянии был решить, кто лицедействует перед ним — святой или убогий дурачок, подвижник или притворщик. Поэтому зрелище юродства с его драматическим напряжением и парадоксальностью разыгрывалось снова и снова, пока иные времена, иные аксиомы и иные зрелища не отодвинули его в область предания.

²⁸ Житие Прокопия Устюжского, стр. 33.

²⁹ Акты Археографической экспедиции, т. III. СПб., 1836, № 264, стр. 402.

Н. В. ПОНЫРКО

Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе

В литературе уже не однажды встречалось упоминание старообрядческого жития Епифания.¹ Однако до сих пор этим дело и ограничивалось. Нам представляется, что это Житие может быть интересно в нескольких планах. Во-первых, оно дает целую серию фактов, неизвестных нам по автобиографии Епифания. В любом случае, имеют ли они в основе документированный материал или отражают лишь старообрядческую традицию, факты эти важны, ибо добавляют нечто новое либо к облику писателя, либо к трактовке этого облика в среде его духовных преемников. Во-вторых, изучение старообрядческой редакции Жития Епифания в сравнении с автобиографией, а также житиями XVII в. может дать материал о развитии литературной традиции в старообрядческой среде от XVII к XVIII в. Кроме того, Житие Епифания, взятое в комплексе с другим, возникшим одновременно, Житием Кирилла, дает возможность проследить некоторые особенности становления житийного жанра в среде поморских писателей, поскольку оно принадлежит Выго-Лексинскому литературному центру. Старообрядческое Житие Епифания было тесно связано с Житием старца Кирилла; оба жития образовали единый житийный цикл.

В предлагаемой работе нас в первую очередь занимают вопросы авторства, истории создания и датировки этого цикла.

Житие Епифания построено по традиционной житийной схеме.

Оно имеет пространное, риторически украшенное вступление и заключение. В описании жизни Епифания до прихода его в Москву Житие идет за первой частью автобиографии. Однако уже в эту часть повествования вклинивается значительный фрагмент, не связанный с автобиографией, — это описание «новин», последовавших за вступлением Никона на патриарший престол. Неизвестны по автобиографии и пророчества Епифания старцу Кириллу и двум гостям некоего «христолюбца» Тимофея Трифонова, в доме которого, как сообщает Житие, Епифанию доводилось часто бывать.

Среди многих новых по сравнению с автобиографией Епифания моментов Житие имеет один — особенно важный. Это якобы цитата из

¹ См.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898, стр. ХСІ; А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аваагума и Епифания. М., 1963, стр. 116 (далее: Робинсон. Жизнеописания).

челобитной Епифания царю, читанной им на Москве. Повествуя о том, как Епифаний «книги, написанные на Суны-реке», «пред соборною церковью во время праздника при собрании множества народа сам нача чести всем людям вслух» и «подаде челобитную на Никона», автор Жития пишет: «Царь же, приняв челобитную, и прочте ю всю, и разгневался на старца о едином слове, написанном в челобитной: „О царю, веру свою христианскую в России проклятым Никоном потерял еси, а ныне ищещи веры по чужим землям, аки лев рыщещи“». ²

Что это, цитата из подлинной челобитной Епифания или поздняя интерполяция? У нас нет пока достаточных оснований, чтобы отклонить одно из этих предположений. Но есть возможность для догадки.

Все Житие проникнуто лояльным по отношению к царской власти духом. Это сугубо выговская позиция, идущая скорее от редактора, чем от первоначального автора. И проявляется она на всем протяжении Жития, начиная от реверансов «скипетродержавному» Алексею Михайловичу, которого автор путем всяческих оговорок о «лести новолюбителей» и Никона выгораживает от ответственности за расправу с Епифанием, и кончая прямыми панегириками Петру I, когда в непосредственную зависимость от политики царя ставится процветание Выговской пустыни.

В этой связи цитата из челобитной звучит некоторым диссонансом. Поэтому можно предположить, что, не будь это подлинный документ, он не уцелел бы в тексте.

Описание обеих «казней» Епифания в Житии параллельно тексту главы из «Винограда Российского» Семена Денисова. Завершается основная часть главой «О кончине блаженного Епифания», встречающейся иногда отдельно в старообрядческих сборниках и опубликованной Я. Л. Барсковым. ³

Если мы обратимся к перечню известных нам списков старообрядческого Жития Епифания, то увидим, что в рукописной традиции оно сопровождается Житием Кирилла Сунарецкого.

1. БАН, собр. Дружинина, № 999, перв. пол. XVIII в., лл. 1—70 — Житие Кирилла, лл. 71—120 об. — Житие Епифания.

2. БАН, собр. Дружинина, № 7, кон. XVIII в., лл. 4—65 — Житие Епифания, лл. 66—81 — Житие Кирилла.

3. ГПБ, Q.I.1062, Сборник выговских житий, перв. четв. XIX в., лл. 57—157 об. — Житие Кирилла, лл. 158—217 — Житие Епифания.

4. ГБЛ, собр. Егорова, № 1137, втор. пол. XVIII в., лл. 302—349 — Житие Кирилла, лл. 350—389 — Житие Епифания.

5. ГБЛ, собр. Егорова, № 1966, втор. пол. XVIII в., лл. 1—71 — Житие Кирилла, лл. 72—141 об. — Житие Епифания.

6. ГБЛ, собр. Егорова, № 1968, перв. четв. XIX в., лл. 59 об.—72 — Житие Кирилла, лл. 73—125 — Житие Епифания.

Существовало еще два сборника, каждый из которых включал Житие Кирилла и следующее за ним Житие Епифания. Один из них принадлежал В. Г. Дружинину и числился в его частном собрании под № 18. Обнаружить его в собрании, хранящемся ныне в БАН, не удалось. Другой описан Н. Н. Петровым среди рукописных собраний Киева. ⁴

Кроме этого, сейчас нам известен один список Жития Епифания, не сопровождающийся Житием Кирилла (ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 24, сборник нач. XIX в., лл. 55—126 об. — Житие

² БАН, собр. Дружинина, № 999, л. 105 об.

³ Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 392—393.

⁴ В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 169, 180.

Епифания, без вступления), и один совсем небольшой фрагмент из Жития Епифания в сборнике ГПБ, О.ХVII.48, перв. пол. XIX в., лл. 154 об.—156.

Близость текстов житий Кирилла и Епифания была отмечена еще П. С. Смирновым.⁵ Однако он ограничился лишь констатацией того факта, что сведения, находящиеся в Житии Епифания, «частию вошли в Житие инокa Кирилла».

Действительно, тексты обоих житий имеют много параллельных мест. Это, во-первых, обширные сюжеты, восходящие к автобиографии Епифания: история о смерти зятя Кирилла — Иоанна, повествования о жизни Епифания в Кирилловой пустыни, о борьбе его с бесами; и, во-вторых, сюжеты, связанные с общими для ряда старообрядческих произведений антиниконовскими темами: глава о Никоновых «новинах», о соборе патриарха Никона, о Макарии, митрополите новгородском, и о митрополите Питириме.

Подобная близость текстов может объясняться двоякого рода причинами: либо одно житие было создано на основе другого, либо оба памятника имеют общий источник.

Попытаемся доказать последнее.

В предисловии Житие Кирилла содержит ценный материал к своей собственной творческой истории. К пространному, риторически украшенному вступлению, в котором сочетается этикетная формула о необходимости написать житие с традиционным самоуничижением автора, присоединяется, довольно неумело, текст, излагающий историю создания Жития: «И после старца Кирилла сходу с монастыря Кириловой пустыни... бых аз, недостойный, во оном монастыре при присланном игумене с великаго Нова-града Ефреме и при оставшихся от онаго Кирилла старцах, во оной обители живущих, Иакове Лукичеве с товарищи... И беседовах со оставшими старцами и совопрошах их о старце Кириле и о житии его. Они же мне со слезами начаша сказати, поминающе онаго старца учение и житие, и труды его, и подвиги, и з бесы борение, и показующе и келию его и прочих иноков, соловецких выходцев, Епифания и Варлаама, где оной Варлаам и погребен, како они пожизна прежд монастыря пустынным житием. И аз видех и смотрех прилежно, еще ми в юном возрасте, почюдихся и прославих бога. И после того, в сей пустыни живуцю ми, поминах. Видех онаго старца в земли погребена и воспалихся к нему желанием. И начах поминати онаго старца, где когда что слышах. И писах на малые бумажки, что когда спомню. И помышлях, когда бы сие собрати во едину тетрадку, но сумняхся. И по времени видех книжицу малую писания руки дивнаго отца Соловецкия обители и за благочестие пострадавшаго, и чуднаго во исповедании о благочестии, и храбраго во страдании, в Пустозерском остроге с прочими страдальцы, протопопом Аввакумом и с прочими, скончавшагося инокa Епифания, како с ним поживе, вышед из Соловецкой обители, в пустыни на Суны-реке. И от многих иных достоверных мужей слышав, како той старец Кирил в той пустыни поживе пустынным жестоким житием, и како ту обитель согради, и церковь воздвиже святых живоначальных Троицы, и како братию собра, и како ревнуя по благочестии, и како избеже из своея обители от гонителей, и како забеже в сию в Выгорецкую пустыню, и како поживе ту и скончася о господе. И начах собрати вся письмена вкупе. Но писано все не вдруг и не порядочно, первое после, а послед-

⁵ П. С. Смирнов. Внутренние вопросы... стр. ХСІ.

нее перво. И начах совокупляти во едино и розбирати по статиям. И написах в трех тетратех самую простую речию. И начах о сем помышляти, како сие в люди показати. Но помыслих отдать начисто переписать и приукрасити речи пристойнее. И молих, и нудих некотораго христороубца. Он же приим мое моление и преписа, а овые речи и приукраси, токмо еще вчерня, и отдаст мне, недостойному, пересмотрети. Аз же приях от его любезно, и рассмотрих, и прочтох, и иныя статии пространих, а иныя смалих. И написах в славу святых живоначальных Троицы, Отца и Сына и Святаго духа, ныне и присно и во веки веком. Аминь. Но о сем прошу прощения смотривших, и читавших, и всех христороубцев продолжения предисловию»⁶ (разрядка моя, — *Н. П.*).

Здесь очень четко выделяются этапы работы над текстом Жития и его источники: от «малой книжицы» инока Епифания и воспоминаний очевидцев о нем к беспорядочным запискам первоначального автора, затем работа редактора над «приукрашиванием» Жития и после этого еще одна редактура, сделанная снова начальным автором.

Таким образом, Житие Кирилла состоит из двух пластов текста. Один принадлежит первоначальному автору, другой — редактору, «приукрасившему» его «речи».

Легче всего эти пласты разделяются во вступлении. Прочитированное выше «продолжение предисловию» довольно механически присоединяется к совершенно законченному по форме вступлению. И поскольку механически соединяемые части к тому же разнородны по стилю, то разделение авторов в данном случае не составляет труда.

Нам в данном случае важен тот факт, что существовали какие-то черновые записки к Житию Кирилла, автор которых имел в качестве источника устные сведения не только об отце Кирилле, но и о «соловецких выходцах» Варлааме и Епифании и знал «книжицу малую писания руки» Епифания. Заметим также, что автор записок хорошо был знаком с Кирилловой пустыней вскоре после того, как инок Кирилл покинул ее.

Если мы теперь обратимся к предисловию Жития Епифания, то прочтем: «Но еще ми в мире живущу слышах от многих достоверных боголюбивых мужей, котории с ним, отцем Епифанием, часто многожды в духовне беседовали и научалися от оного отца Епифания, как он жил в пустыни на Суне-реце, и от его неложных блаженных уст сами слышаху и мне, недостойному, поведаху. И аз, недостойный, на малыи бумашки для памяти писах и держах у себе.

«Но и в пустыни сей живущу ми видех книжицу малую, в ней же написано житие и страдание за древнее благочестие дивнаго во отцех и чуднаго во страдании протопопа Аввакума... И в той книжице видех написано отчасти житие сего блаженнаго Епифания его рукою по молению некоего христороубца, а понуждением и благословением протопопа Аввакума»⁷.

Мы беремся утверждать, что оба жития принадлежат к единому авторскому циклу. Для этого прежде всего надо доказать, что первоначальные черновые записки были общими для житий Кирилла и Епифания и сведения, излагаемые в Житии Епифания, не почерпнуты просто из Жития Кирилла (или наоборот).

Действительно, как уже говорилось, и в том и в другом житии, в той части, которая касается совместной жизни Кирилла и Епифания, много взаимно перекрещивающихся сюжетов, тексты которых часто полностью

⁶ БАН, собр. Дружинина, № 999, лл. 4 об.—6.

⁷ Там же, лл. 75 об.—76.

совпадают: о зяте Кирилла Иоанне, о борении Епифания с бесами, о явлении богородицы Епифанию, о предречении Епифанием Кириллу судьбы монастыря. Тексты обоих житий, связанные с этими сюжетами, повторяют друг друга с очень небольшими отклонениями.

Житие Кирилла

Той же, егда сия услыша и яко прорлив сый, глагола ему: «Брате Кириле, бог да наставит тя на истину свою. А еже церкви строити и монастыри возградити не нынешняго времени есть дело, понеже настоят мира сего князь, и поставленныя прежде сего церкви запустети имут.

«Ныне убо время приближается плача, а не благодушия. Аще бо и воздвигнеша церковь, и монастырь возградити, и братию собереша, но не долго имаша жити zde. Придет бо ти время, яко не слышати о сем месте восхоцещи.

И того ради молю тя, пребуди, опасаяся новин, да спасеши свою душу.

«Прочее же, яко же господь да наставит тя, тако и твори.

«Мене же прощению сподоби».⁸

Но есть эпизоды, которые свойственны только одному из житий и не встречаются в другом. Для Жития Епифания — это рассказ о нашествии муравьев и сюжеты, связанные с именем «христороубца» Тимофея Трифонова, для Жития Кирилла — подробное повествование о старце Варлааме и сюжеты, связанные с именем Иоанна, внука Кирилла. Если предположить, что автор Жития Епифания почерпнул все свои сведения из Жития Кирилла, тогда история с муравьями не должна была проникнуть в текст, поскольку в Житии Кирилла она отсутствует. Если же считать, наоборот, что источником Жития Кирилла было Житие Епифания, становится непонятным, откуда появилась в нем глава о старце Варлааме, ибо в Житии Епифания Варлаам только упоминается, но никаких сведений о нем нет.

Но стоит только вспомнить, что существовали черновые записки автора, знакомого с автобиографией Епифания и собиравшего сведения в Кирилловой пустыни не только об иноке Кирилле, но и об Епифании и Варлааме, как появляется возможность объяснить эти обстоятельства существованием единого источника, из которого автор черпал с большей или меньшей полнотой в зависимости от того, кто был в центре повествования — Кирилл или Епифаний. В этой связи очень показательны взаимные отсылки обоих житий. В Житии Кирилла повествование о Епифании прерывается следующей фразой: «...о нем же (о Епифании, — Н. П.) пространую повесть оставляю, ныне же о блаженном Варлааме восприемлю слово».¹⁰ А Житие Епифания, описывая борьбу Кирилла с бесами, говорит: «Оставляю сию повесть, есть бо в житии Кириловом».¹¹

⁸ Там же, л. 27—27 об.

⁹ Там же, л. 97.

¹⁰ Там же, л. 37.

¹¹ Там же, л. 96 об.

Житие Епифания

Той же, егда сия слыша и яко прорлив сый, пророчески глагола ему: «Брате Кириле, бог да наставит на истину свою. А еже церкви строити, и монастыри возградити, и братию собирать не нынешняго времени есть дело, понеже настоят мира сего князь, и поставленныя прежде сего церкви и монастыри запустети имут...

«Ныне время убо приближися плача, а не благодушия. Аще бо и воздвигнеша церковь, и монастырь соградити, и братию собереша, но не долго имаша жити zde. Придет бо ти время, яко ни слышати о месте сем восхоцещи...

«И того ради молю тя, отче Кириле, спасайся, да спасеши свою душу.

«Прочее же, яко же господь наставит тя, тако и твори.

«Мене же... прощению сподоби».⁹

Отдельные абзацы могут быть поняты с достаточной полнотой, только если учитывать контекст обоих житий. Так, например, в Житии Епифания читаем: «Егда Кирил возвести мысль свою отцу Епифанию о создании монастыря, и о собрании братии, и о данной ему грамоте от святителя, и о поставлении церкви, и о прочих...».¹² Если не иметь в виду Жития Кирилла, то фраза эта производит впечатление ипородной и непонятной, поскольку ни до, ни после нее ничего не говорится о том, что это за монастырь и о какой грамоте идет речь. Но если мы вспомним, что в Житии Кирилла подробно излагается план старца создать свою обитель и рассказывается о том, каким образом он получает разрешение — грамоту на строительство монастыря, тогда смысл фразы из Жития Епифания проясняется.¹³

Итак, существовал единый Кирилло-Епифаниевский цикл, который восходил к тексту одного начального автора.

Нам известно, что черновые записки подверглись в дальнейшем обработке редактора. Как мы уже знаем, в Житии Кирилла об этом говорится прямо в предисловии, где два авторских пласта легко различаются.

В Житии Епифания нет прямого указания на совместную работу автора и редактора, но предисловие к нему дает аналогичный Житию Кирилла вариант сочетания двух видов текстов. Сначала идет риторическое традиционное вступление, заключает его цитированный выше текст об источниках, в конце которого автор его, так же как и в Житии Кирилла, проговаривается о том, что этим своим текстом он продолжает предисловие: «Но молю, о благочестивии послушатели и читатели, не зарите грубости моей и просторечию и продолжения предисловию».¹⁴ Сложнее обстоит дело с текстом основной части, претерпевшим тройную обработку (автор — редактор — автор). Здесь почти невозможно разделение разных авторских линий.

Обнаруживается сходство и между риторическими частями вступлений обоих житий.

Житие Кирилла

Но обаче молимся всемилостивому всеильному богу и пречистой его матери, пресвятей Богородицы, яко да вразумит... да подаст слово мне во отвержение уст моих, не моего ради недостойнства, но молитв ради такового старца. И самого того призываю Кирила на помощь и соосеяющую его благодать духовную, яко да поспешник ми будет и слову пособник.

Не похвалы ради старца сия дерзних писати, но себе на утешение и умиление души своея и читающим и слушающим на пользу.

Аще бо мужа свята житие списано будет, то от того польза велика есть и

Житие Епифания

Но обаче молимся всемилостивому и всеильному богу и пречистой его богоматери, пресвятей Богородицы, яко да вразумит... и подаст слово мне во отвержение уст моих, не моего ради недостойнства, но молитв ради такового... старца. И самого того отца Епифания призываю на помощь и соосеяющую его благодать духовную, яко да поспешник ми будет и слову пособник.

Не похвалы ради старца сия дерзних писати, но себе на утешение и умиление души своея и читающим и слушающим на пользу.

Аще бо мужа свята житие писано будет, то от того польза велика есть

¹² Там же, лл. 96 об.—97.

¹³ Можно, конечно, предположить, что на какой-то из ранних стадий создания Жития Епифания в нем существовал текст, предвещающий это темное место и объясняющий его. Но поскольку в самом раннем из известных нам списков житий Кирилла и Епифания, являющемся авторским списком и отражающем последний этап работы над текстом (об этом см. ниже), этого места уже нет, то можно сказать во всяком случае, что последний этап авторской работы был общим для обоих житий, когда они уже воспринимались как единый цикл.

¹⁴ БАН, собр. Дружинина, № 999, л. 76.

утешение вкупе писателем, и сказителем, и послушателем. И сие кто слышал, негли и поревнует вслед жития его ходити, и от сего примет пользу.¹⁵

и утешение вкупе писателем, и сказителем, и послушателем. И сие слышавши, негли кто и поревнует вслед жития его ходити, и от сего примет пользу.¹⁶

Далее текстуальное сходство отмечается в части, посвященной описанию возникновения Никоновых «новин». В Житии Кирилла это главы: «О являвшихся по всей России новинах», «О соборе Никона-патриарха», «О Макарии, митрополите новгородском». В Житии Елифания тот же самый текст вмещают две главы: «О поставлении Никона патриархом», «О соборици Никона-патриарха».¹⁷

Наконец, текстуальное сходство обнаруживается и в послесловиях обоих житий. Оба они чрезвычайно пространны и разнородны, включают в себя воспоминания о гонениях на старообрядцев в прежние времена, панегирик Петру I, во время правления которого старообрядцам якобы «случился некий отдох прияти», похвалу наставникам Выговской пустыни и в заключение — молитвенное обращение к святому и умершим наставникам. Ограничимся здесь одним примером.

Житие Кирилла

Тогда, самодержавствуя над всею Россиею, Великий Петр возведе, яко орел, разсмотрительное свое царское око на всероссийское лице. От его же самодержавнаго правосудия побежа клевета далече и ложь позна путь в безвестие отити. Ибо во время царствия его лице сильных страхом покрывашеся, обидницы же, яко класове, мечем пожинахуся. Таковых ради его грозных законов не смеюще безвременно обижати един другаго.

Елма убо правосудию Петрову во всей России храбрость свою показующу, случися и гонительным за древнецерковныя законы некий отдох прияти.¹⁸

Снова перед нами встает вопрос, чем объясняется это сходство текстов. Тем ли, что их редактором было одно лицо, или простой зависимостью одного текста от другого?

Здесь уже наш ответ не был бы столь четким, как в части, касающейся первичного пласта, если бы не сквозная редакторская правка, сделанная одним почерком, которая проходит в авторском сборнике по обоим житиям. Правка сделана то с помощью вставок над строкой, то

Житие Елифания

Тогда, самодержавствуя над всею Россиею, Великий Петр возведе, яко орел, разсмотрительное свое царское око на все свое российское державство. От его же самодержавнаго правосудия побеже клевета далече и ложь позна путь безвестия. Ибо во время царствия его лице сильных страхом покрывашеся, обидницы же, яко класове, мечем пожинахуся. Таковых ради его грозных... законов не смеюще безвременно обижати един другаго.

Елма убо правосудию Петрову во всей России храбрость свою показующа... случися и гонительным за древнецерковныя законы некий отдох прияти.¹⁹

¹⁵ Там же, л. 2 об.—3.

¹⁶ Там же, л. 74 об.—75.

¹⁷ Оба жития содержат фрагменты, параллельные «Винограду Российскому» и «Истории об отцах и страдальцах соловецких». Однако, поскольку вопрос о происхождении, соотношении, характере использования некоторых «бродячих» текстуальных фрагментов (в данном случае именно о таких идет речь) в выговской литературе может быть решен только после тщательного изучения творческой истории всех текстов, использующих эти отрывки, то в этой работе мы его касаться не будем. Здесь мы только констатируем факт текстовой параллели между житиями Кирилла и Елифания.

¹⁸ БАН, собр. Дружинина, № 999, л. 62—62 об.

¹⁹ Там же, л. 113.

по затертому тексту, то на чистых полосках бумаги, заклеивающих нижний текст. Это по крайней мере означает, что на последнем, завершающем, этапе оба жития имели одного редактора.

* * *

Сборник № 999 из собрания В. Г. Дружинина, содержащий жития Кирилла и Епифания, мы вслед за В. Г. Дружининым²⁰ считаем авторским.²¹

Это можно заключить из характера обширнейшей правки текста и из того, что остальные списки житий восходят к правленному тексту этого сборника и повторяют все, даже самые мелкие его исправления. Палеографический материал также подтверждает эту мысль: бумага сборника относится к 30-м годам XVIII столетия, что прекрасно совпадает с датой возникновения Кирилло-Епифаниевского цикла (об этом будет сказано позже).

Сборник написан скорописью нескольких почерков. Очевидно, это писарские почерки.

Основная же правка сделана двумя разными почерками, будем называть их почерком № 1 и почерком № 2. Почерку № 1 принадлежит правка на лл. 11 об., 13 об., 68 об. и 70. Почерку № 2 — правка на лл. 16, 47—48 об., 61, 77 об., 85, 104, 109 об.

Отождествить почерк № 1 с каким-либо из известных нам старообрядческих автографов не удалось. Что же касается почерка № 2, то он был идентифицирован с почерком Ивана Филиппова еще В. Г. Дружининым.²²

Однако, поскольку отождествление почерка Ивана Филиппова, убедительное на наш взгляд, было сделано В. Г. Дружининым всего лишь по подписи, состоящей из четырех слов (что не может быть вполне достаточным), необходимы дополнительные доказательства в пользу участия Ивана Филиппова в создании житий как на стадии, уже зафиксированной писарским почерком сборника № 999, так и на стадии правки текста этого сборника.

Оба жития содержат в себе несколько параллельных фрагментов, текстуально близких к фрагментам из «Истории Выговской пустыни». Это главы, посвященные Никону и его нововведениям, и описания преследований старообрядцев; эти же мотивы возникают вновь в послесловиях житий. В «Истории Выговской пустыни» им соответствуют тексты из второй вводной главы, включающей в себя описание тех же самых событий.

²⁰ В. Г. Дружинин. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915, стр. 10.

²¹ БАН, собр. Дружинина, № 999, 4°, 137 лл. Скоропись и полуустав разных почерков; переплет: доски, обтянутые кожей с застежками. Филигрны: литеры РФ (лигатура с орнаментом в картуше) и АК (АК — лигатура), К — Клепиков, № 479 (1733 г.); Литеры — Комердь — Клепиков, № 309 (1738 г., 1746 г.); Pro Patria с литерами GR под короной — Клепиков, № 1262 (173... г.). Содержание: 1—70 — «Житие и подвиги блаженного инока Кирила, первого выгорецкого пустынножителя, создавшего прежде обитель при реке Суне на острове Виданском во Олонецких пределах»; лл. 71—120 — «Житие и подвиги чудного отца инока Епифания, которой скончался по благочестии в Пустозерском городке с чудными страданиями протопопом Аввакумом, и священником Лазарем, и дьяконом Феодором»; лл. 122—127 об. — начала и заглавия нет, начало: «... добродетелей, яко же молва и парение мысли ниж болши всякаго деяния»; лл. 128—137 об. — слово на текст: «Уста моя возглаголют премудрость и поучение сердца моего разум. Псалом 48», начало: «Светлая и всечестная память настоят днесь всемирного учителя, всесладчайшаго покаяния проповедника, Иоанна, поистинне Златоустаго».

²² В. Г. Дружинин. Несколько автографов..., стр. 10.

Житие Кирилла

Трисоставный крест от олтаря и от просфоромисания изгна. В того же место от Запада принесенный двочастный постави. Двоперстное сложение, творимое на знамение креста, от десницы православнаго российскаго собора отсече. В того же место треперстное сложение, всем сумнительное, даде. Христоподобное двема персты благословение от святительския руки отрину. Небывалое же пятью перстами сложение на всероссийское народа чело воздвиже. Седмопросфирное служение зазрением обложки. Пятипросфирное же в того место дерзостно устави. Пресладкое Христа, спасителя нашего, нареченное аггелом имя Исус Иисусом преименова. И за сугубое аллилуиа трегубти повеле. И в церковных чинодействиях против солнца вращатися приказа.²³

Житие Епифания

Трисоставный крест, на нем же господь наш Исус Христос кровь свою честную излия, от олтаря и от просфиромисания отстави, в того же место от Запада принесенный двочастный постави. Двоперстное сложение, творимое на знамение креста, от десницы православнаго российскаго собора отсече, в того же место треперстное и всем сумнительное сложение даде. Христоподобное двема персты благословение от святительския руки отрину, небывалое пятью перстами сложение на всероссийское народа чело воздвиже. Седмопросфирное служение зазрением обложки, пятипросфирное же в того место дерзостно устави. Пресладкое Христа, спасителя нашего, нареченное аггелом имя Исус Христос Иисусом преименова. И сугубое аллилуиа трегубити повеле. И в церковных чинодействиях против солнца вращатся приказа.²⁴

История Выговской пустыни Ивана Филиппова

Трисоставный крест, на нем же господь наш Исус Христос кровь свою честную излия за весь мир, от олтаря и от просфиромисания отложи. В того же место двочастный быти устави. Двоперстное сложение, творимое на знамение креста, от десницы православнаго российскаго народа отсече, в того же место триперстное и всем сумнительное даде. Христоподобное двема персты благословение от святительския руки отрину, небывалое в того место пятиперстное сложение на всероссийское народа чело воздвиже. Седмопросфирное служение зазрением обложки, пятипросфирное же в того место дерзостно устави. Пресладкое Христа, спасителя нашего, ангелом нареченное имя Исус Иисусом преименова, и сугубое аллилуиа трегубити повеле, и в церковных чинодействиях против солнца вращатся приказа.²⁵

Обращает на себя внимание наличие какой-то связи автора с г. Олонцом. Иногда повествование ведется не столько с позиций жителя Выговской пустыни, сколько с позиций олончанина. Часто употребляется такой оборот, как «наш Олонецкий город».²⁶ При этом любопытно, что такое подчеркивание олонецкой линии обнаруживается как раз во фрагментах, восходящих к «Истории Выговской пустыни». А нам известно, что до принятия должности настоятеля Иван Филиппов был выговским стряпчим в Олонце и имел там свой постоянный двор,²⁷ т. е. был одновременно свя-

²³ БАН, собр. Дружинина, № 999, лл. 40 об.—41.

²⁴ Там же, л. 81 об.

²⁵ История Выговской пустыни. СПб., 1862, стр. 21.

²⁶ БАН, собр. Дружинина, № 999, лл. 62, 113.

²⁷ История Выговской пустыни, стр. 217.

зан и с Выгом, и с Олонцом, что можно сказать и об авторе житий. Все это делает еще более вероятным участие Ивана Филиппова в работе над житиями.

Можно предположить, что Иван Филиппов и был тем самым «христолюбцем», которому первый автор предоставил свои записки «на украшение».

В связи со всем вышесказанным можно предположить следующие этапы работы над текстом житий: 1) существовали черновые записки, восходящие к автобиографии Епифания²⁸ и устным сведениям о Кирилле, Епифании и Варлааме; 2) автор этих записок на их основе создает «три тетрадки» Жития Кирилла и Житие Епифания; 3) следующим этапом была обработка этого материала редактором, в котором мы предполагаем Ивана Филиппова; 4) затем жития вернулись снова к первому автору, внесшему в них свою дополнительную редактуру; 5) и уже после этого была внесена последняя сверхдополнительная и сквозная для обоих житий правка, сделанная почерком № 1 и рукой Ивана Филиппова. Именно этот последний этап и отражает рукопись из собрания Дружинина, № 999.

Оба вступления, где так явно сочетаются авторский и редакторский тексты, писаны уже одной (очевидно, писарской) рукой, и, следовательно, здесь уже позади 4-й этап. Позади тем более и 3-й этап, так как писарской рукой писаны пространные риторические части, параллельные «Истории Выговской пустыни». Таким образом, если мы предполагаем участие Ивана Филиппова, то его нужно признать двухэтапным: 1) пространная риторическая редакция, 2) более мелкая завершающая правка, сделанная его рукой в рукописи № 999.

На л. 16 правка сделана с помощью закладки следующего текста: «И тако, приступль к настоятелю, объявляет мысль свою и просит благословения и молитв, воеже исполнитися желанию его. Той же, прошение исполняя, отпускает его с миром. Той же, егда бысть во обители олонецкого солнцу славного отца Александра». Текст от слов: «объявляет мысль» и до «Той же, егда бысть», заклеен. По заклеенному рукой Ивана Филиппова написано: «молит ево о приятии в монастырь. Оный же настоятель, видя ево смирение, и расправа ево. Оной же Кирилл, все про себе исповедав, и прият бысть в монастырь и нача жити».

Ниже, на этом же листе, после слов: «Пребысть же в таковом устроении во обители оной» заклеен зачеркнутый текст: «седмь лет. О пришествии в дом родителей своих. Приде же ему в мысль посетити родителей своих, но да желания коя плоти своея исполнит». Вместо этого рукой Ивана Филиппова написано: «пяты лет во иноческом послушании, проходя вся монастырские [...] ческим прилежанием и послушанием, и разсмотря, и помяна труды и поты преподобнаго отца Александра».

На л. 17 об. рукой Ивана Филиппова во фразе «се бо уже шестнадесят лет круг течения своего врацает» написано слово «шестнадцать» по предварительно затертому слову.

²⁸ О «Малой книжице», содержащей автобиографию Епифания и бывшей в распоряжении выговского автора, мы можем сказать следующее. Помимо автобиографии Епифания, она содержала Житие Авакума. (Автор говорит о «понуждении и благословении» Авакумом Епифания написать житие. А это можно было заключить только в том случае, если в рукописи имелся текст Жития Авакума, который, как известно, заканчивается обращением к Епифанию, поскольку в самой автобиографии Епифания старец «повелевший и благословивший» не назван по имени). В «книжице» была только первая часть автобиографии. На это указывает как выражение «написано отчасти житие сего», так и весь текст Жития, подробно использующий первую часть и совершенно не отразивший вторую. Кроме этого, «книжица» содержала автограф Епифания: «написано его рукою».

Все это делает возможным предположение о том, что рукописью, послужившей источником и для старообрядческого жития Епифания, мог быть Пустозерский сборник (см.: Робинсон. Жизнеописания, стр. 116—117). Однако правильнее будет сказать, что такую рукописью был сборник типа Пустозерского.

На л. 18 написаны по стертому последние две цифры в дате: «В лето 7148».

На л. 29 об. после слов: «Яко рабу господню не подобает сваритися, но кротку» — его же рукою по стертому тексту написано: «быти и милостиву ко всем, вся находящая терпети».

Текст на лл. 47—48 об. написан полностью рукою Ивана Филиппова. Далее его рукою написаны по затертому слова «марте месяце» в тексте: «престави же ся в лето мироздания осьмыа тысящи во 190 годѣ марте месяце» — и сделана вставка на поле: «Всего жития на Суне-реке 40 лет».

В Житии Епифания вся правка, сделанная рукою Ивана Филиппова, идет в основном по затертому тексту. На л. 77 об. в предложении: «Отрок же с великими слезами мочаше ноги настоятельския» — это слова «с великими»; последние два слова из фразы «видяше отрока жестокое житие»; на л. 78 об. слово «отрок» — «Но онъи же отрок сие тяжкое себе вменяя»; на л. 82 об. — «сея новости»; «не попусти сея новости на сынов твоѣя паствы»; на л. 85 после слов: «и зле душу свою испроверже и погibe» — дописано в строке рукою Ивана Филиппова: «яко же Арий проклятый». На л. 109 об. в тексте: «О кончине блаженного Епифания и прочих с ним страдальцев в Пустозерском городки, како скончались, аще и не везма укрепляюся о сем, но обаче полагаю в судьбы божия, понеже не от свое-смышления какво показях, но что слышах, то и написах zde», — слова «аще и не везма» и текст от слова «понеже» написаны по затертому, «но обаче» — вписано над строкой.

Что касается правки, сделанной почерком № 1, то она может принадлежать как первому автору, так и какому-то третьему редактору. И у нас нет достаточного материала для того, чтобы с уверенностью отклонить последнее. Поэтому мы должны сказать, что, возможно, над текстом работало не два, а три человека.

Теперь нам придется ненадолго оставить жития Кирилла и Епифания и рассмотреть на первый взгляд не связанную с ними главу из «Истории Выговской пустыни», с тем чтобы определить время возникновения Кирилло-Епифаниевского цикла²⁹ и еще раз подтвердить участие Ивана Филиппова в его создании.

В «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова есть глава, которая называется «Об отце Виталии Московском».

Впервые Виталий Московский появляется в Житии Корнилия Выговского Пахомиевой редакции. Пахомий, повествуя о скитаниях старца Корнилия по выговской земле, рассказывает о пришедшем в это время к Корнилию иноке Виталии.³⁰ Сообщаемый при этом объем сведений таков. Виталий, родом боярин, во время «смятения о вере» постригся в монахи, некоторое время жил у старца Кирилла на р. Суне, вел странническую аскетическую жизнь, «преходя с места на место»; однажды, скрываясь от «гонителей», он отморозил себе пальцы на ногах. Умер Виталий у Корнилия.

Трифон Петров, которому принадлежит 2-я редакция Жития Корнилия Выговского, созданная на основе Пахомиевой, несколько распространяет фрагмент о Виталии в угоду риторическому стилю, однако фактическая канва у него остается прежней, за исключением того, что совершенно не упоминается история с отмороженными пальцами.

В сравнении с этими фрагментами из 1-й и 2-й редакций глава «Об отце Виталии Московском» у Ивана Филиппова представляет особенную — 3-ю редакцию повествования о Виталии.

Текст здесь значительно распространен. Появляется множество новых фактов, неизвестных нам ни по 1-й, ни по 2-й редакциям. Сообщается о том, что прежде Виталий жил в пустынях на рр. Водле и Свири.

²⁹ Определение времени написания житий Епифания и Кирилла 1730—1731 годами, сделанное А. Н. Робинсоном (Робинсон. Жизнеописание, стр. 117), мы вынуждены признать недоразумением, основанным на ошибочном отношении датируемых сведений, содержащихся в Житии Корнилия Выговского, к Житию Кирилла.

³⁰ Житие Корнилия Выговского дошло до нас в большом количестве списков. Мы избираем здесь для цитирования сборник ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 38, лл. 130—131.

Но там «гонители христиан» и «буие люди» сожгли его келию и Виталий был вынужден перебраться в Машезерский монастырь и жить в пустых келиях, претерпевая брань с обитавшими там бесами. Из Машезерского монастыря Виталий несколько раз ходил на Суну-реку в Кириллову пустынь. К мирской биографии Виталия прибавляются сведения о морозной язве, от которой «изомроша» вся его семья и дворовые. В этой главе снова всплывает история с отмороженными пальцами, но уже преобразованная, обросшая множеством новых фактов и имен. Во время осады Палеостровского монастыря, когда воинская команда ехала с пушками под монастырь, старец Виталий, странствовавший в это время на ее пути, был предупрежден о наезде и, «убоявся», «забежал» в соломенный «омет», где пробыл 8 суток, и «ноги познобил даже до колен». ³¹ Наконец, старец был найден хозяином омета Исакием, который сообщил о нем в село Шую христоропцу Тимофею Трифонову. Тимофей Трифонов отвез Виталия в Кириллов монастырь. Из монастыря же Виталий был отправлен внуком Кирилла Иоанном в Выговскую пустынь к старцу Корнилию, где по некотором времени и скончался.

Обратим внимание на ту особенность, которая отделяет 1-ю и 2-ю редакции от 3-й. А именно на то место, которое отводится в них Кириллу.

В редакции Пахомия оно ограничивается одной, почти вскользь сказанной фразой: «Некогда аз, Пахомий, вопросих Корнилиа про Виталия, — кто, и откуда, и от каковых людей. И глагола Корнилий, яко Виталий — боярин был славных от Замоскворечья, великой служитель был у прежних царей. Имел же и раны на себе, и поединщик силен, и храброй воин. Оставил мир, утаився и пострижеса от правоверующих в то самое время смятения о вере, прежде живя на Суны-реке, у отца старца Кирила, иже преставися на Выгу-реце, пожи же Данилова общежительства за четыре версты вниз по правой стране, в лесу, ту скончался, высоко живой безмолвно» ³² (разрядка моя, — Н. П.).

Роль, которая отводится Пахомием Кириллу в повествовании о Виталии, минимальна. Он только упоминается, да и то со слов Корнилиа. Пахомию не было важно подчеркнуть эту линию, и говорит он о Кирилле в самый последний момент, в строках, завершающих повествование, между прочим. Трифон Петров полностью идет в этом за Пахомием.

Совсем иначе обстоит дело в 3-й редакции, т. е. в главе «О Виталии Московском» у Ивана Филиппова. Кирилл здесь рисуется как лицо, факт общения с которым (даже однократный) заслуживает внимания. Сообщается, что Виталий «ово хождаше через Шуйское село на Суну-реку в Кириллову пустынь, а при отце Кириле единожды был в монастыре его. И по исходе старца Кирила со оставшими старцы от Кирила беседоваше и спрашиваше про Кирила и про прочих пустынных отцев соловецких, како с ними ту живяше». ³³

После того как Виталий «познобил» поги, он был отвезен в Кириллов монастырь. В Выговскую пустынь его провожает внук Кирилла Иоанн.

Перед нами четко выраженная «кирилловская» линия повествования. Ее нет в Пахомиевой редакции. Ее нет и в редакции Трифона Петрова, где остается необходимость напоминать о том, кто такой Кирилл, называя место его погребения.

В главе же «О Виталии Московском» речь идет не только о Кирилле, но и о Кирилловой пустыни. И то, и другое фигурирует без каких бы то

³¹ История Выговской пустыни, стр. 119.

³² ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 38, л. 131.

³³ История Выговской пустыни, стр. 119.

ни было разъяснений (как, например, это делается несколькими строками выше по поводу Машезерского скита и его строителя). О Кирилле и его пустыни речь сразу же идет как о чем-то заведомо известном и авторитетном. Можно сказать, что в этой редакции Виталий одинаково освящается как авторитетом Корнилия, так и авторитетом Кирилла.

Теперь обратим внимание на то, каков смысл новых фактов, появляющихся в главе из «Истории Выговской пустыни». Это, как мы уже говорили, упоминание хождения Виталия в Кириллову пустынь и бесед там о Кирилле и «прочих отцах соловецких», упоминание внука Кирилла Иоанна и «христолюбца» из Шуйского села Тимофея Трифонова.

Весь этот комплекс сведений определенно тяготеет к Кирилло-Епифаниевскому житийному циклу.

Внук Кирилла Иоанн является действующим лицом Жития Кирилла, в котором ему посвящены две главы: «О приходе к старцу внука его Иоанна» и «О приходе паки к блаженному внука его Иоанна». В последней из них говорится о том, что после наставления деда Иоанн уходит вместе со своей семьей в Выговскую пустынь.

Что касается «христолюбца» Тимофея Трифонова, то он слишком часто фигурирует в Житии Епифания. В доме Тимофея Трифонова состоялись предречения Епифания двоим мирянам по поводу их кончины (праведной — одного и неправедной — другого). Тимофею Трифонову написал Епифаний крест в ките. Жене Тимофея Трифонова предрек Епифаний скорое рождение сына и подарил вырезанный собственными руками «воротовой» крест.

Но примечательно, что ни один из фактов, связанных Иваном Филипповым в главе о Виталии с именами Иоанна и «христолюбца» Тимофея Трифонова, не содержится сам по себе ни в Житии Кирилла, ни в Житии Епифания. А это значит, что в окончательном виде эти жития не могли быть источником, из которого автор главы о Виталии черпал сведения.

Но, с другой стороны, они несомненно тяготеют к тому комплексу сведений, из которого выросли жития Кирилла и Епифания.

Следовательно, остается только одно объяснение: автор главы о Виталии должен был быть одновременно человеком, знакомым с первоначальными записками к Кирилло-Епифаниевскому циклу, круг сведений которых был, очевидно, несколько шире использованных только в житиях фактов.

Таким образом, опять Иван Филиппов идентифицируется у нас с лицом, принимавшим участие в написании житий Кирилла и Епифания.

В какой-то мере мы теперь вправе говорить о цикле: Кирилл—Епифаний—Виталий.

Как в этой связи представляется время возникновения житийного цикла?

Существует очевидная связь текстов Жития Корнилия (редакция Трифона Петрова) и Жития Епифания.

Житие Корнилия 2-й редакции

И понеже каменная она келия, в ней же Корнилий живяше, зело мала бяше и двою человек жити не вмещаше, сего ради поставиша келию на Каткозере. И жительствоваше Корнилий с Епифанием вкупе два лета и больши в скудости всяцей зельнейшей, яко неколикое времени, осиновою кору изсушивше,

Житие Епифания

Но понеже каменная она келия, в ней же отец Корнилий живяше, зело мала бяше и двою человеку жити не вмещаше, и сего ради по совету отцы между собою поставиша келию на Каткозере. И жительствоваше Корнилий с Епифанием вкупе два лета в скудости всяцей зельнейшей, яко неколикое вре-

толчаху и тем в растворе ржаном месяше, хлебы испекши, ядаху. Таже глагола Епифаний: «Брате Корнилие, настoит время подвига по благочестию. И тцаливии венцы приемлют. Что и мы ленимся, время пропуцаем? Но станем добре и потщимся, дондеже мучители, яко кровоядвии зверие, ярятся». И совещащесе, начаша поститися, просяще от бога извещение. И по чetyредесяти днех Епифанию извести бог на подвиг мучения вдатися. Корнилиий же извести, да пребудет в пустынях, подвизаяся, яко мнози хотят через онаго в познание истины приити. Епифаний же, яко известися ему ити, мир дав и благословение взем у Корнилия, иде до царствующаго града Москвы и челобитную, юже пошаше, подаде.³⁴

мени, осиновою кору засушивше, толчаху и тем в растворе ржаном месяше, хлебы испекше, ядаху. Глагола Епифаний: «Брате Корнилие, настoит время подвига по благочестию, и тцаливии венцы приемлют. Что мы ленимся, время пропуцаем? Но станем добре и потщимся, дондеже мучители, яко кровоядвии зверие, ярятся». И совещащесе между собою, начаша поститися и молити всемилостиваго бога, просяще от бога извещения. И по чetyредесяти днех Епифанию извести бог на подвиг мучения вдатися. Корнилию же извести бог, да пребудет в пустынях подвизаяся, яко мнози хотят, рече, через онаго в познание истинны приити. Епифаний же, яко известися ити, мир дав и благословение взем от Корнилия, и шед Епифаний назад в пустыню на Сузу-реку, и сказа свое хождение отцу Кирилу, и како со отцем Корнилием постися, и како им извещено от бога. Сие Кирил слыша от Епифания, и ажались о нем, нача его молити, да поживет у него в пустыни неколико время. Епифаний же нача жити и печаловашесе о сем, о хотящих потрясти всю Россию.³⁵

Один из этих текстов возник на основе другого. В этом убеждает текстуальное совпадение. Но есть одно различие, которое делает необратимой связь между двумя текстами. Это наличие Кирилла в одном (Житие Епифания) и отсутствие упоминания о нем в другом (Житие Корнилия). Можно было бы предположить двоякого рода зависимость: либо Житие Кирилла переписывает этот фрагмент из Жития Епифания, устраняя упоминание о Кирилле, либо Житие Епифания переписывает текст из Жития Корнилия, добавляя при этом сведения о Кирилле. Но первое было совершенно бессмысленно при той популярности и авторитете, которые получил Кирилл в выговской литературе. У поморского автора не было никаких оснований считать упоминание Кирилла недопустимым или нежелательным. Объяснить отсутствие Кирилла в Житии Корнилия Выговского можно только тем, что Житие Корнилия просто еще не знает Кирилла как авторитет, равновеликий Корнилию (об этом было сказано выше), потому что сложилось раньше создания Кирилло-Епифаниевского цикла.

Таким образом, остается единственный вариант зависимости двух житий: Житие Епифания использует созданное раньше него Житие Корнилия, добавляя в текст сведения о Кирилле.

Следовательно, Кирилло-Епифаниевский цикл возник после того, как была написана 2-я (Трифона Петрова) редакция Жития Корнилия.

Поскольку 2-я редакция Жития Корнилия была создана в 1731 г., то мы можем теперь дать нижнюю границу для времени возникновения Кирилло-Епифаниевского цикла — 1731 год. Границей, установленной палеографически, является 1733 год. Этим годом датируется бумага авторского сборника (см. сноску 24).

Что касается верхней границы, то она устанавливается следующим образом. В послесловиях обоих житий среди умерших «отцов» Выговской

³⁴ ГПБ, Q.I.1062, лл. 27—27 об.

³⁵ БАН, собр. Дружинина, № 999, л. 103—103 об.

пустыни называются Данила Викулич, Андрей Дионисиевич и Петр Прокопьев.³⁶ Семен Денисов, следовательно, предполагается живым. А поскольку год смерти Семена Денисова — 1741-й, то, значит, этот год и определяет верхнюю границу возникновения нашего цикла.

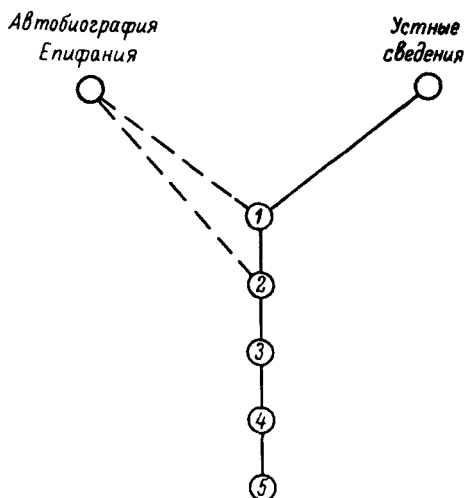
Около этого же времени, между 1731 и 1744 гг. (1744 — год смерти Ивана Филиппова), надо полагать, была написана глава «О Виталии Московском», вошедшая в «Историю Выговской пустыни».

* * *

Подведем итоги. В 30-е годы XVIII в. на Выгу создается ряд житий, продолжающих собой древнерусскую традицию.

Среди них жития Кирилла и Епифания образуют единый житийный цикл, на котором легко прослеживаются принципы коллективного творчества (по крайней мере между авторами: автора черновых записок и редактора). Привлекая материалы 2-й редакции Жития Корнилия, возникшей из обработки написанной «простою речию» Пахомиевой редакции, мы можем назвать такой принцип методом выговской школы.

Оба жития, Кирилла и Епифания, имеют общих автора и редактора, попеременно работавших над текстом. Можно проследить 5 этапов их работы, которые легко выразить следующей схемой:

1 — первоначальные черновые записи; 2 — «Просторечное» житие; 3 — житие, риторически обработанное редактором (Иваном Филипповым); 4 — житие со 2-й редакцией начального автора; 5 — житие с последней правкой редактора (Ивана Филиппова) и почерка I.

Кирилло-Епифаниевский житийный цикл был создан между 1731 и 1741 гг. и знаменовал собой окончательное овладение житийным жанром в выго-лексинской литературной школе.

Очевидно, житийный цикл был сразу задуман и воспринимался как диптих. В биографиях обоих старцев есть момент, который образует как бы две симметричные точки в обоих житиях, — это совместная жизнь героев на Суне-реке. Епифаний воспринимался преемником Кирилла не только в борьбе его с бесами, но и в подвижничестве вообще. Не случайно, что, идя на проповедь в Москву, он заручается благословением Кирилла. Не случаен в этой связи и порядок расположения обоих житий в большей части сборников: сначала идет Житие Кирилла, затем — Епифания.

Оба жития посвящены одному типу подвижника: смиренного инока, живущего в пустыни, подвижничество которого заключается скорее

³⁶ Там же, лл. 63, 114.

в стремлении сохранить свою веру среди всеобщего «отступления», чем открыто бороться с этим «отступлением». Проповедничество Епифания в Москве, правда, выпадает из этой схемы. Но на первый план Житие выставляет не этот подвиг, а пустынное подвижничество старца. В этом оно, конечно, идет за автобиографией Епифания. Однако эта зависимость Жития от автобиографии многозначна: выговский агиограф потому и обращается к автобиографии Епифания (а не Аввакума, скажем), что она представляла именно тот тип смиренного подвижника, который был для него образцом.

Известен старообрядческий настенный лист с симметричным изображением Кирилла и Епифания.³⁷ Живописная традиция, соединявшая изображения двух иноков, могла как существовать параллельно литературной традиции, так и возникнуть из нее. В любом случае она подтверждает тот факт, что восприятие образов Кирилла и Епифания было двуединным.

Кирилло-Епифаниевский житийный цикл не повторил диптиха «Аввакум — Епифаний», воплотившегося в Пустозерском сборнике, где связь обеих частей была более непосредственна, «внешне обрамляясь как бы *живой перекличкой двух писателей*»,³⁸ где каждая из частей была как бы открыта, обращена в сторону другой. В выгорецком диптихе каждая из частей — самодовлеющее целое, завершенное в себе житие, вполне способное вести самостоятельное существование, не содержащее почти никаких следов присутствия второй части.

И дело здесь не столько в замысле автора, пожелавшего построить цикл на правах такой автономии, сколько в самом жанре, к которому он прикоснулся. Выговский агиограф просто-напросто не воспринимал автобиографию Епифания как житие и именно поэтому считал возможной и необходимой переработку. По его мнению, только под его пером, помещенная в традиционные рамки, обретшая традиционную форму автобиография Епифания получала черты настоящего жития. И поскольку цикл замыслился как житийный, то тем самым он уже изначала предполагал законченность и полноту формы для каждой части в отдельности.

На Выгу очень сильна была этикетность литературного мышления. В каноничности формы усматривался главный критерий литературного совершенства. Поэтому если здесь брались за создание жития, то считали необходимым построить его так, чтобы оно имело весь набор элементов, полагающихся этому жанру. В этом выговская школа полностью ориентировалась на древнерусские художественные традиции. Отсюда те текстуальные повторы в житиях Кирилла и Епифания, которые, возможно, могли бы отсутствовать в диптихе другого жанра, но не в житийном. Текстуальные повторы, кроме того, служили усилению той симметрии, которая устанавливалась симметрией форм обоих житий.

Не будет открытием, если мы скажем, что выговская школа не продолжила ни аввакумо-епифаниевского новаторства в отношении формы, ни их традиции просторечия. Не случайно именно автобиография Епифания была преобразована в житие. Она была несравненно ближе житийной схеме, чем Житие Аввакума. Епифаний «запечатлел в своем „житии“ не столько свою жизнь, сколько свою схематически типизированную личность».³⁹ Произведение же Аввакума было уже настолько далеко от житийного канона, что создавать на его основе традиционное житие было непосильной задачей.

³⁷ ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Каликина, № 92.

³⁸ Робинсон. Жизнеописания, стр. 58.

³⁹ Робинсон. Жизнеописания, стр. 85.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

К изучению «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора

Принято считать, что в древнерусском летописании и хронографии немаловажную роль сыграл «Летописец вскоре», восходящий к византийской малой хронике IX в. «Χρονογραφικὸν σύντομον» константинопольского патриарха Никифора. Его труд представляет собой краткий хронологический перечень от Адама до года смерти Никифора (829), в котором приведены сведения о продолжительности жизни ветхозаветных патриархов, а также о продолжительности лет правления «судей израильских», царей иудейского царства, царей Персии, династии Птолемеев, римских и византийских императоров, указаны некоторые особо важные события и перечислены патриархи пяти вселенских патриархатов. Влияние «Летописца вскоре» обнаруживали в Повести временных лет,¹ в хронологических выкладках новгородца Кирика (XII в.),² в тексте Жития Александра Невского³ и т. д.

А. А. Шахматов установил существование двух редакций славянского перевода «Летописца вскоре»: ⁴ Нераспространенной, дошедшей в Кормчей XVI в. — ГПБ, Ф.П.250 (далее *F*₁), и Распространенной, представленной рядом списков, древнейший из которых — в Новгородской кормчей XIII в., ГИМ, Синодальное собр., № 132 (далее *Син*₁).⁵

В настоящее время после обследования 48 списков древнерусской версии «Летописца вскоре» мы пришли к следующим выводам. Существуют три редакции русской версии памятника: Нераспространенная, Распространенная и Сводная. Нераспространенная редакция представлена двумя списками: известным А. А. Шахматову *F*₁ и списком XVI в. — ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 207 (далее *ТСЛ*₂), входящим в состав Кормчей аналогичного состава.⁶ Нераспространенная редакция

¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV, М.—Л., 1934, стр. 62—69.

² Н. В. Степанов. Заметка о хронологической статье Кирика (XII век). — ИОРЯС, т. XV, кн. 3, СПб., 1910, стр. 144—146.

³ Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 36—56.

⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет..., стр. 63.

⁵ Текст списка издавался неоднократно: ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 248—252; Н. В. Степанов. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской кормчей. — ИОРЯС, т. XVII, кн. 3, СПб., 1912, стр. 292—320; с разночтениями по списку XIV в. — ГИМ, Чудовское собр., № 4, — он был издан М. Н. Тихомировым. (Забутые и неизвестные произведения русской письменности. АЕ (1960), М., 1962, стр. 234—239).

⁶ В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. I. СПб., 1906, стр. II.

представляет собой почти дословный перевод греческого оригинала. По-видимому, дошедшие списки F_1 и $ТСЛ_2$ сохранили текст перевода памятника еще на южнославянской почве.⁷ Распространенная редакция известна нам в 30 списках XIII—XVIII вв., входящих в состав кормчих, летописных сводов XV—XVI вв., а также различных сборников историко-литературного содержания: БАН: 17.2.5 (далее B_1), 32.14.8 (далее B_2); ГИМ: Епархиальное собр., № 377 (далее *Епарх*), Синодальное собр., № 965 (далее *Син*), Чудовское собр., № 4 (далее *Ч*), собр. Царского, № 213 (Уварова, № 125; далее *Царск*); ГБЛ: Музейное собр., № 3841 (далее *Муз*), собр. Пискарева, № 183 (далее *Писк*), собр. А. Н. Попова, № 31 (далее *П*), собр. Тихомирова, № 210 (далее *Тих*), собр. Троице-Сергиевой лавры, № 188 (далее $ТСЛ_1$), II № 364 (далее $ТСЛ_3$), № 765 (далее $ТСЛ_4$), собр. Ундольского, № 756 (далее *У*), собр. ф. 256, № 453 (далее *А*); ГПБ: F.IV.237 (далее F_2), Кирилло-Белозерское собр., № 10/1087 (далее $K-B_1$), № 130/387 (далее $K-B_2$), собр. Погодина, № 1287 (далее $Пог_1$), № 1571 (далее $Пог_2$), Соловецкое собр., № 415 (совр. № 476/495; далее $Сол_1$), № 664/22 (совр. № 22/1481; далее $Сол_2$), № 976/866 (далее $Сол_3$), Эрмитажное собр., № 429 (далее *Эрм*); Q.XVII.62 (далее Q_1); ЦГАДА: ф. 181, № 7 (далее $Ц_1$), № 66 (далее $Ц_2$), № 365 (далее $Ц_3$), ф. 204, № 163 (далее *Обол*).⁸

Основные отличия Распространенной редакции от Нераспространенной заключаются в том, что в текст первой местами внесены дополнительные сведения и подробности, изменен порядок повествования или указаны другие числа. Укажем наиболее значительные отличия:

1) о бессмертии Еноха сказано — «и угоди Енох богу и не обретаешя яко престаи и богъ»;⁹

2) приводится отсчет лет от потопа до разделения языков — «От потопа до разделения языков лет 500 и 30»;

3) сообщается о кумиротворении Серуха — «То Серухъ и първое нача кумиры творити»;¹⁰

⁷ Здесь мы не рассматриваем вопрос о судьбе «Летописца вскор» Никифора в истории культуры южных славян. Известно, что ученые XIX в. Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, А. В. Горский и К. И. Невоструев считали текст хронологических выборок в «Изборнике Святослава 1073 г.» отрывком из «Летописца вскор»; о связи «Летописца вскор» Никифора, текста «Изборника 1073 г.» и болгарской письменности см., например: В. St. Angelov. 1) Le «Лѣтописць въкратцѣ» du rescueil de Simeon (Симеонов сборник) de 1073. — Byzantino Bulgarica, II, Sofia, 1966, стр. 83—105; 2) «Лѣтописць въкратцѣ» в Симеоновой сборник от 1073 г. — В кн.: Из старата българска руска и сръбска литература, кн. II, София, 1967, стр. 75—88.

⁸ Часть этих списков была упомянута в работах: А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — Проблемы источниковедения, IV, М., 1955, стр. 243—285; Р. П. Дмитриева. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, т. XXIII, Л., 1968, стр. 143—170. Часть шифров была любезно сообщена нам Е. Э. Гранстром, Н. А. Казаковой, Б. М. Клоссом, Н. А. Мещерским, Е. К. Ромодановской, О. В. Твороговым.

⁹ Ср., например, с текстом так называемой Полной Хронографической палеи: «... и угоди Енох богови и не обрѣтаешя || яко престаи и богъ, имь ж тогда сущи род внимаху о Авели, яко добротели ради убиенъ бысть и нечающа въскресени мертвым добродѣтели укланася, тѣм же и преложи богъ Еноха брази предлагая въскресени Енох» (Толковая палея 1477 года. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210, вып. I. Изд. ОЛДЦ, СПб., 1892, лл. 56 об.—57).

¹⁰ Ср. с текстом: «Съ же Серух начат първое кумиры творити в родъ своемъ во имя храбрыхъ человекъ, дабы имя их не беспамятно было, но дабы взирающе на кумиръ человеци и оного храбра бывшаго помянули» (Толковая палея 1477 года, л. 69 об.) и текстом Повести временных лет: «Началникъ бо баше

4) приводится отчет лет от разделения языков до начала жизни Авраама — «От разделения язык до Авраама лет 543»;

5) в перечне «судей» израильских после Авода следует число лет правления Самагаря — «Самагарь — лет 7»;¹¹

6) о «безначалии» после царствования «судии» израильского Самсона сказано — «тѣмъ и велико бысть зло»;¹²

7) приведены подробности пленения еврейского народа Навуходносором — «... и многы жиды веде въ Вавилонѣ по 1000 въ единомъ ужище, с ними же и Даниилъ пророк и 3 отроци»;¹³

8) приводятся имена и числа лет правления царей Вавилона: Навуходносора, Авельмардуха, Валтасара — «То Навуходносоръ царствова въ Вавилонѣ лет 20. Улемардахъ, сынъ его, лет 5. Валтасаръ, брат его, лет 3»;¹⁴

9) указано число лет правления царя Мидии Астиага — «Дарий Мидянинъ лет 17»;¹⁵

10) изменен перечень персидских царей (указаны другие имена, прозвища и годы царствования) — «По Дарии Кюръ персянинъ лет 32, Камбуси лет 18, Спереди вълхвъ мѣсяць 7, Дарий Остапьянин лет 20»;¹⁶

11) помимо сведений о египетских Птолемахъ, сообщается и о Селевкидах — «Селевкъ, иже Никаноръ нареченъ бысть лет 20, сынъ Селевковъ Антиохъ Славный лет 15... Антиохъ, сын его, лет 23»;

12) приводится сообщение о мучении Елеазара и Соломонии и семи отроков в царствование Антиоха I Сотира — «То мучи Елеазара и Соломонию и семь отрокъ»;

13) к указанию о царствовании Антиоха II Теоса добавлено — «При томъ Юлия кесаря выпороша изъ утробы мѣртвоѣ матери его»;

14) добавлено, что Юлий Цезарь: «... законъ до индикта и висикость обрѣтъ»;¹⁷

кумиротворенью Серух, творяше бо кумиры во имяна мертвыхъ человекъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другомъ храбымъ, и волхвомъ, и женамъ прелюбодѣицамъ». — ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 39.

¹¹ Ср. с Хроникой Георгия Амартола: «По Аводѣ ж бысть судья Самѣгаръ лѣтъ 7» (В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. Пгр., 1920, стр. 113). Эта особенность текста сравнительно с Хроникой Георгия Амартола была отмечена уже Н. В. Степановым. Аналогичное сопоставление было проведено и для №№ 6, 8—16. В настоящей работе эти параллели вновь сверены и ссылки даны по указанному выше изданию Хроник только в тех случаях, если они действительно совпадают текстуально или передают основной смысл конспекта.

¹² В тексте Хроники этого замечания нет; но в тексте оглавления, «Кринице», ср.: «Яко по Самсонѣ не бѣ княжени лѣтъ 40, тѣмъ же и велие зло бысть» (В. М. Истрин. Книги..., стр. 6).

¹³ Ср. с текстом «Мучения пророка Даниила и трех отроков»: «Яты же бѣша 40 тысуща муж и женъ и дѣтви. Помыслив же Асурянинъ единою вервию тысуща мужъ связавъ, изведе из града их 40 тысущъ. Посредѣ же множество пленникъ 3 отроки единородныя устрои...» (В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893, стр. 349).

¹⁴ Ср. с текстом Хроники Георгия Амартола: «По Навходносорѣ же царствова Улемородахъ, иже Невиладъ, сын его, лет 5... По Улемородахъ же царствова Валтасаръ, брат его, лѣтъ 3» (В. М. Истрин. Книги..., стр. 188).

¹⁵ Ср.: «По Валтасарѣ же царствова Дарии Мидянинъ, иже и Астигиянъ и Артарексерекъ, лѣтъ 17» (В. М. Истрин. Книги..., стр. 189).

¹⁶ Ср. там же: «По Дарии же царствова Куръ Персянинъ лѣтъ 23... По Курѣ царствова Камбеси, сынъ его... лѣтъ 18... По Камбесии же царствова Спердии волхвъ мѣсяць 7. По Спердии же царствова Дарии Остапьянинъ лѣтъ 20» (В. М. Истрин. Книги..., стр. 190—191, 193).

¹⁷ Ср. там же: «То законъ Ромьскый дасть, индикты и вусхта обрѣте...» (В. М. Истрин. Книги..., стр. 205).

15) приводится сообщение: «В то врѣмя Иродъ царемъ бѣ въ Иерусалимѣ»;

16) дана более подробная характеристика римского императора Августа — «По Иулии Августъ, сыновець его, Октавиень сынъ, иже и Севастъ наречень, царствова лет 57 и мѣсяць 6 и 2 дни»;¹⁸

17) приводятся подробности жизни Христа, Богородицы и первых христиан (фрагмент: «Отъ воплощенна господня до пришьствия до волховъ лет 2...», кон.: «От Адама до страсти господнѣ лѣт 5533»);

18) внесено сообщение о правлении и смерти римского императора Виттеллия — «Иутилий мѣсяць и 5 днєвъ и убиша и в Римѣ пьяного»;

19) указан отсчет лет от вознесения Иисуса Христа до 1-го вселенского собора — «Отъ възнесенья Христова до 1-го сбора лет 318»;

20) сообщается прозвище византийского императора Юлиана — «Преступник»;

21) большее внимание уделено описанию вселенских соборов, указаны вопросы, обсуждавшиеся на них, например: «... 2 сборъ бысть въ Цариградѣ, отецъ 150 на Македония духоборца», — и приведены интервалы лет, прошедшие от одного собора до другого, например: «От 5-го сбора до 6-го лѣт 130»;¹⁹

22) добавлены сведения из истории Византии, Болгарии и Древней Руси (после второй половины IX в.).²⁰ Эти факты и события следуют после упоминания времени правления византийского императора Михаила III и начинаются словами: «При сего царствѣ приидоша русь, чюдъ, словенѣ, кривичи к варягамъ рѣша: Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нетуть» и т. д. А. А. Шахматов считал, что после первых русских вставок только сведения о византийских императорах — Василии I (867—886), Льве VI (886—912) и Александре (912—913) — восходят к оригиналу греческого Хронографикона Никифора:²¹ «По Михайле цѣсарь Василий лѣт 18 и мѣсяць 11» и «Левъ и Олександръ сына Василья цѣсаря лѣт 26». Другие же события византийской истории, которые читаются в тексте редакции после указания лет царствования Льва VI и Александра — сообщение о правлении Константина VII — 913—959, Романа I Лакапина — 920—944 и т. д., по мнению ученого, могут быть возведены к тексту Повести временных лет.²² Для характеристики текста Распространенной редакции в целом следует добавить, что, несмотря на указанные выше дополнения, та часть его, в которой повествуется о событиях всемирной истории от Адама до византийских императоров первой половины IX в., по сравнению с Нераспространенной редакцией значительно сокращена. Объяснить причины этого явления не представляется возможным. Это не было сделано только ради уменьшения объема изложения, текст Хронографикона имеет достаточно сжатую, лаконичную форму изложения. В то же время указанные выше отличительные черты

¹⁸ Ср.: «По Иулии же Кесаря царствова Августъ Кесарь, сыновъ его, Октавиень сынъ, иже и Севастъ, сказаемо же есть честный, лѣт 56...» (В. М. Истрия. Книгы..., стр. 205).

¹⁹ Характерно, что при общей краткости изложения «Летописца вскорє» 2-й редакции именно сведения о вселенских соборах наиболее обширны. Аналогичное явление наблюдается в Хронографе по великому изложению (О. В. Творогов. Русские хронографические своды XI—XVI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1973, стр. 7).

²⁰ Отличия №№ 21—22 были указаны А. А. Шахматовым (Повесть временных лет..., стр. 63).

²¹ В критическом издании греческого текста перечень византийских императоров доведен до 886 г. См.: С. de Boor. Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani. Opuscula historica. Lipsiae, 1880, p. 101.

²² А. А. Шахматов. Повесть временных лет..., стр. 64.

текста 2-й редакции свидетельствуют о том, что автор нередко дополнял изложение труда Никифора, обращаясь к новым источникам. Приведенные нами параллели из Хронки Георгия Амартола, Краткой редакции Хронографической палей и другие не связаны с непосредственными источниками заимствованного автором материала, а скорее свидетельствуют о том, что редактор был весьма начитанным книжником в хронографической литературе и прекрасно знал целый ряд распространенных сюжетов. И, как это и было типично для древнерусской хронографии, использовал для создания Распространенной редакции уже существовавший перевод 1-й редакции.²³ Представление о характере сокращения и изменения текста 1-й редакции для 2-й могут дать некоторые примеры.

1) О временах Фалека в 1-й редакции говорится: «Въ дни же Фалека разделися земля, тѣмъ и знаменається Фалеково имя, жидовскимъ языкомъ раздѣление, съ пьрвие отца свое умре, при томъ столпѣтворение съставися и единая ветхыя речи многогласие бысть и на кыждо языкъ различие, яко же рече божественное писание»²⁴ (ср. гр.: «'Εν δὲ ταῖς ἡμέραις Φαλὲκ διερρίσθη ἡ γῆ διὸ καὶ σημαίνει τὸ Φαλὲκ ὄνομα. . .»),²⁵ во 2-й редакции: «При Фалѣцѣ бысть разделение языкомъ».²⁶

2) О подвигах Александра Македонского в 1-й редакции: «... и раздружи пьрьскую область и царствова лет 6 преж разрушити Дария, царствова яко же нѣщии рѣша лет 12, умре же въ Вавулоне лет 35, покори же поганыихъ странъ 22 и племень елинъскъ 23»²⁷ (ср. гр.: «...καὶ κατέλεθ' τὴν τῶν Περσῶν ἀρχὴν . . .»),²⁸ во 2-й: «... и раздружи Пьрьское царство и умре въ Вавилонѣ, царствовавъ лет 12, а всех лѣт царства его 35».²⁹

3) Об изгнании Иоанна Евангелиста в царствование Домициана на остров Патмос в 1-й редакции говорится: «... Иоанъ Апостоль въ Патемете острови жити осуженъ бысть исповедания ради въ Христа, по Доментиане же умертви възвратися от острова и пребываше въ Ефесѣ»³⁰ (ср. гр.: «'Ιωάννης ὁ ἀπόστολος Πάτμον οἰκεῖν τὴν νῆσον κατεδικάσθη. . .»),³¹ во 2-й: «... Иоана Богословъ в Патемъ поточень».³² Единообразия принципов сокращения текста нет: иногда это — сведение к одной фразе обширной части текста (см. стр. 174 настоящей работы, пример 1), иногда — опущение некоторых деталей и подробностей (см. примеры 2 и 3), иногда — отсутствие отдельных сведений (нет ссылок на перевод Священного писания семьдесятю толковниками, сообщения о мучении св. Вавилы при римском императоре Декии, и др.) и дополнений (нет указания, что римский император Тацит (275—276 гг.) был убит «въ Понте», Кир правил «купно» со своими детьми, и т. д.). Невозможно проследить и определенные тенденции «распростране-

²³ Об этом можно судить по разночтениям, характерным только для текстов обеих редакций, но не оригинала (иногда это ошибки перевода 1-й, повторившиеся затем в тексте 2-й); например, в перечне царей Иудейского царства после Охозии назван сначала Ахав (?) («Ахавъ лет 17») и только потом — Гофолия; византийский император Юстин I имеет прозвище Волосатый (ср. гр. ὁ Θραξ), при указании времени правления византийского императора Льва III указано число дней 8 (а не 18, как в оригинале), и т. д.

²⁴ Текст цитируется по списку *ТСЛ*₂, как наиболее исправному (л. 286).

²⁵ *C. de Voog. Nicephori...*, p. 84.

²⁶ Н. В. Степанов. Летописец вскоре..., кн. 3, стр. 295.

²⁷ *ТСЛ*₂, л. 287—287 об.

²⁸ *C. de Voog. Nicephori...*, p. 89.

²⁹ Н. В. Степанов. Летописец вскоре..., кн. 3, стр. 301.

³⁰ *ТСЛ*₂, л. 288.

³¹ *C. de Voog. Nicephori...*, p. 93.

³² Н. В. Степанов. Летописец вскоре..., кн. 3, стр. 306.

ния» 2-й редакции. Пожалуй, более всего дополнения коснулись изложения фактов новозаветной истории и истории церковной (см. стр. 173, пункты 17, 21). Все эти наблюдения позволяют предполагать, что 2-я редакция была редакцией-переделкой.³³

Форма изложения малой хроники типа Хронографикона Никифора позволяла вводить в круг событий всемирной истории «От Адама» и современные переписчикам сведения. Они могли продолжить хронику и после ее первоначального конца (в греческих списках события доведены иногда даже до середины X в.). Эту возможность использовали и древнерусские книжники. Объем сведений русской истории в списках неодинаков. По этому признаку списки 2-й редакции могут быть разделены на четыре вида. К первому относятся списки, которые не имеют сведений из истории славян и Древней Руси, т. е. их текст заканчивается описанием событий византийской истории, сохраняя при этом в дошедшей части текста все характерные признаки 2-й редакции. Это списки *К-Б₁* и *Писк₁*, первый кончается сведениями о царствовании императора Михаила I Рангаве (811—813), второй — временем смерти Михаила III, т. е. 867 г.³⁴ Существуют еще списки *А* и *Сол₄*, в которых нет сведений из истории славян и Руси. Список *А* доведен только до времени правления римского императора Декия, поэтому трудно соотнести его с каким-либо из выделяемых нами видов 2-й редакции, хотя сохранившаяся часть имеет ее отличительные черты. *Сол₄* оканчивается указанием лет правления римского императора Аврелиана, но переписчик предполагал довести его до времени византийских императоров Михаила II и Феофила, о чем он и сообщил в заглавии. Дошедший текст не имеет аналогичного себе среди известных нам списков памятника. Он сохранил и подробности изложения текста 1-й редакции, близкие к оригиналу, и отдельные черты 2-й редакции. Только в нем, как и в греческом тексте, при указании «суммы лет» от Адама до потопа дана ссылка на перевод 70 толковников Священного писания «Купно от Адама до потопа по 70 десятных летех 2242» (ср. гр. «Ὅμοῦ τὰ πάντα ἀπὸ Ἀδάμ ἕως τοῦ κατακλιθεῖσθαι κατὰ τοὺς ὀ ἑτη βετραβ'»), имя египетского Птолемея Дионисия Нового передано в правильном переводе — Дионисий, а не Двустровный, как дано во всех известных нам списках обеих редакций. Сейчас мы затрудняемся точно определить вид данного текста: возникает предположение о существовании иного перевода Хронографикона, с которым мог быть связан *Сол₄*. Следует добавить, что переписчик *Сол₄* не всегда правильно понимал переписываемый текст, например пророк Михея назван Хумихаялом, Птолемея Лагов — Хаговым, и др. Не исключено, что автор протографа *Сол₄* почерпнул многие детали и подробности изложения текста (о Лоте, о египетском волхве Анектине, прозвища римских императоров и др.), обращаясь к дополнительным источникам.

В основе второго вида лежит текст, доводящий изложение событий русской истории до 1278 г. (времени смерти ростовского князя Глеба Васильковича), т. е. так, как он заканчивается в *Син₁*. К этому виду мы относим тринадцать списков (вместе с *Син₁*): *Епарх*; *ТСЛ₁*; *Q₁*; *Царск*; *Ч*; *Ц₃*; *Сол₂*; *Тих₁*; *ТСЛ₄*; *Пог₁*; *Сол₁*; *К-Б₂*.³⁵

³³ Н. В. Степанов считал, что текст *Син₁* был переводом-переделкой «Хронографикон» «сущего», однако он соотносил *Син₁* только с 1-й греческой редакцией памятника (Летописец вскоре... т. XVII, кн. 2, стр. 273—276).

³⁴ Для *Писк₁* характерно и оригинальное, более пространное стилистическое изложение основной канвы событий.

³⁵ Для части списков характерны свои особенности: *Тих₁* заканчивается упоминанием о перенесении мощей Бориса и Глеба (1135 г.); *Сол₂* состоит из двух частей текста, написанных разными почерками, доведен до описания княжения Всеволода

Часть текстов данного вида входит в состав кормчих: *Син₁*; *У*; *Царск*; *Сол₁*; часть — в различные летописные и историко-литературные сборники: *Енарх*; *Сол₂*; *Ц₃*; *ТСЛ₁* (Нила Сорского книга с добавлениями); *Q₁* — в рукопись, содержащую список Новгородской IV летописи; *К-Б₂* — в Каноник с прибавлениями; *Тул₁* и *ТСЛ₄* — в сборные рукописи.

К третьему виду мы отнесли списки: *Б₂*; *Ц₁*; *Эрм*; *F₂*; *У₁*; *Б₁*; *Обол*; *Пог₄*; *ТСЛ₃*; *Муз*.³⁶

Они обладают всеми характерными признаками 2-й редакции. Особенность их заключается в том, что повествование в части изложения событий русской истории доходит только до слов: «А в Руси поча княжити Игорь, а Олег умре», т. е. ход событий доведен до 912 г. После этих слов следует текст, озаглавленный: «Цари, царствующие в Константинограде, православнии же и еретици».³⁷

Как правило, он слит с текстом «Летописца вскоре» Никифора, лишь в списке *У* он четко отделен от предшествующего текста. Это — перечень имен византийских императоров с указанием числа лет их правления и отношением к православию. Почти во всех древнерусских списках примыкающий к «Летописцу вскоре» Никифора перечень доведен до начала царствования Иоанна VIII Палеолога (т. е. до 1425 г.), а в *Муз* — до начала правления Мануила II Палеолога, в *Пог₄* — до смерти Константина XI Палеолога: «Сего убиха турки в лет[о] 1453 маяя 29 въ вторник, последний царь».³⁸ Большинство списков третьего вида входит в состав Никоновской летописи (*Б₁*; *Б₂*; *Обол*; *Ц₁*; *F₂*; *У*; *ТСЛ₃*) или, как *Муз*, — в Ростовский владычный свод XV в.;³⁹ *Пог₄* входит в состав конволюта,⁴⁰ а *Эрм* — в летописный сборник.⁴¹ К четвертому виду мы относим такие списки, которые при наличии всех известных черт 2-й редакции в части изложения событий русской истории после слов: «А в Руси поча княжити Игорь, а Олег умре...» — имеют своим продолжением текст из русской летописи: «Помяну Олегъ конь свои, иже бѣ постави и не ведал на не бо преж того, вопрошал волхвов и кудесников: „Отчего ми умрети?“», и т. д. Это — списки *Син₂*; *Ц₂*; *П*. Особенностью этого вида текста 2-й редакции является то, что текст «Летописца вскоре» Никифора не только предваряет текст летописного свода (как это имело место в списках Ростовского свода и Никоновской летописи), но и полностью уже с ним соединяется, «являясь его начальной частью».⁴² Мы имеем в виду свод, основанный на выборочных сведениях из свода Никоновской лето-

Ярославского (внук Всеволода Большое Гнездо, ум. в 1238 г.), *Ц₃* и *ТСЛ₁* совпадают с *Син₁* до указания даты княжения Александра Невского во Владимире (1252), затем следует текст с пространным изложением событий до 1542 г.: «Того же лѣта, июль 27 приходил крымский царь, а с нимъ князь Семень Бѣлской, и бой был под Бѣлыми колодызи» (*Енарх* совпадает с *Син₁* до сообщения о крещении Болгарии при византийском императоре Василии I (867—886 гг.), после этого приведено родословие русских князей от Рюрика до Ивана III; см.: Р. П. Дмитриева. Четыре сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, т. XXVII, Л., 1972, стр. 168).

³⁶ Текст *Б₂* издан: ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. XVI—XXII.

³⁷ Вопрос об источниках текста типа «Цари, царствующие...» будет рассмотрен особо.

³⁸ Следует отметить, что в списках Никоновской летописи: *Ц₁*, *F₂*, *Б₁*, Троицкий III под 6961 г. также читается перечень «Цари, царствующие...».

³⁹ Летописный свод XV века (по двум спискам). Подготовка текста и вводная статья А. Н. Насонова. — Материалы по истории СССР, т. II, М., 1955, стр. 273—321.

⁴⁰ Р. П. Дмитриева. Светская литература..., стр. 153.

⁴¹ См.: Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание. Составитель Д. Н. Альшиц. М., 1968, стр. 107.

⁴² А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, стр. 415.

писи и отмеченный А. Н. Насоновым как раз в тех рукописях, где находится указанный текст четвертого вида 2-й редакции «Летописца вскорее» Никифора.⁴³

Третья, Сводная, редакция «Летописца вскорее» патриарха Никифора отмечена нами в списках ГБЛ: собр. Беляева, № 1512 (Музейное, № 1512); Волоколамское собр., № 191 (583); ГПБ: собр. Погодина, № 1409, № 1577, Софийское собр., № 1497, Q. XVII. 324; ЦГАДА: собр. Мазурина, № 289; ф. 181, № 365. По нашим предварительным наблюдениям, древнерусский редактор использовал для ее создания тексты предшествующих редакций, а также привлек дополнительные источники, связанные с памятниками хронографического жанра. Однако вопрос о появлении 3-й редакции, определение ее особенностей, рассмотрение круга связанных с нею источников и возможных греческих параллелей мы предполагаем выполнить в специальном исследовании.

---

⁴³ А. Н. Насонов. История..., стр. 414—417.

О. А. БЕЛОБРОВА

«Книга Паломник» Антония Новгородского (К изучению текста)

«Книга Паломник» Антония Новгородского, открытая П. М. Строевым в 1834 г. по списку П. И. Савваитова,¹ к концу XIX в. была известна в шести списках XVI—XVIII вв.² На основе их изучения Х. М. Лопаревым было подготовлено издание памятника, на которое обычно ссылаются — и по сей день — в научной литературе.³

Взгляд Х. М. Лопарева на литературную историю путешествия Антония остается в силе до настоящего времени. Его вполне придерживается, например, современный исследователь древнерусских хождений, посвятивший паломничеству Антония (Добрыни Ядрейковича) целую главу.⁴

¹ П. М. Строев. Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правопедения до начала XVIII столетия. — ЖМНП, 1834, февраль, отд. II, стр. 155. Публикацию текста с обширными комментариями см. в издании: П. И. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб., 1872.

² После находки П. М. Строевым списка С (ныне ГПБ, Q.IV.412, лл. 1—13 об., XVI в.; входил первоначально, как это установлено А. Е. Викторовым, в сборник Антониево-Сийского монастыря — ныне БАН, Арханг., Д. 242) новые списки были разысканы рядом ученых: И. И. Срезневским — список К (Копенгагенская королевская библиотека, № 553, лл. 507—515, XVII в.; текст с вариантами из списка С опубликован с погрешностями в издании: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1876, № LX, стлб. 340—352); Х. М. Лопаревым — список О (ныне ГПБ, собр. ОЛДП, Q.240, лл. 4 об.—8, 1742 г.; публикацию текста см. в изданиях: Х. М. Лопарев. 1) Новый список Описания Цареграда Антония Новгородского. — Библиограф, 1888, № 12, стр. 380—392; 2) Описание рукописей ОЛДП, т. II, СПб., 1893, стр. 385—387); Л. Н. Майковым — списки Б и М (ГПБ, Q.XVII.184, лл. 55 об.—70 об., 78 об.—84, XVII в.; ГИМ, Музейск. собр., № 1428, лл. 34—57 об., XVII в.; тексты самостоятельно не публиковались; важные наблюдения о составе сборников, включающих списки Б и М, находим в изданиях: Л. Н. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе. I. Беседа о святых и других достопамятностях Цареграда. — СОРЯС, т. LI, № 4, СПб., 1890, стр. 3—11; Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII века. — ЧОИДР, 1891, кн. 3, отд. II, стр. 96 и 97; М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934, стр. 84—85, 88); наконец, А. И. Яцимирским — список Я (ныне ГБЛ, Музейн. собр., № 10261, лл. 156—185, XVI в.; текст опубликован в издании: ППС, т. XVII, вып. 51. СПб., 1899, Приложение II, стр. 71—94; характеристику списка и сборника см.: А. И. Яцимирский. Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград. — ИОРЯС, т. IV, кн. 1, СПб., 1899, стр. 223—264).

³ Книга Паломник. Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа новгородского, в 1200 г. Под ред. Х. М. Лопарева. — ППС, т. XVII, вып. 51. СПб., 1899 (далее: Лопарев. Книга Паломник).

⁴ Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв. — Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, М., № 363, 1970, стр. 64—95.

Между тем сам Х. М. Лопарев считал свою публикацию «Книги Паломник» и всю проделанную им текстологическую работу далекой от завершения; так, в связи с находкой списка *Я* он высказал следующее: «... в будущем издании Антониевой книги необходимо будет, как кажется, положить в основу список Яцимирского и подвести к нему варианты из списка Савваитовского. При таком издании большинство вариантов из списка имп. Публичной библиотеки и Московского Исторического музея [*Б* и *М*] отпадет само собою».⁵

Высказанное Х. М. Лопаревым предположение, будто Антоний создал сначала один вариант записей о путешествии в Царьград, под 1200 г., а затем, после латинского завоевания Константинополя в 1204 г., сам же сделал к ним дополнения, в сущности недоказательно. Это предположение «вполне правдоподобно», как писал Х. М. Лопарев,⁶ но столь же вероятно, что дополнения о разграблении латинянами византийской столицы, о крещении княгини Ольги и другие могли принадлежать редактору или переписчику «Книги Паломник».

Списки *КО*, сами по себе неполные, относятся к поздней традиции, принадлежа к XVII и XVIII вв., и по ним нельзя составить окончательного мнения, определить авторские или редакторские в них купюры и интерполяции по сравнению, скажем, со списками *ЯС*. Поскольку списки *КО* фрагментарны (оба они обрываются задолго до конца), трудно судить, каков был полный текст так называемой второй редакции «Книги Паломник» Антония; к этой редакции отнес списки *КО* Х. М. Лопарев, справедливо видевший в них черты вторичной обработки памятника. Однако подведение разночтений к основному списку *С* первой редакции по спискам второй редакции *КО*, осуществленное в издании Х. М. Лопарева, совершенно неприемлемо с точки зрения современной текстологии.

Далеко не все ясно и в изучении так называемой первой редакции «Книги Паломник» Антония. К ней Х. М. Лопарев относил списки *ЯСБМ*. Но в списках *БМ* он отмечал иной порядок изложения, объясняя его путаницей листов при переписке с какого-то сборника сочинений о Царьграде. В то же время и в списках *ЯС* публикатор Антониева хождения усматривал, в свою очередь, логическую, а главное, топографическую непоследовательность, для устранения которой им была предложена реконструкция текста,⁷ — результат весьма трудоемкой, но текстологически необоснованной работы.

Лучшим стимулом в изучении любого текста является находка новых списков. «Книга Паломник» Антония Новгородского, считавшаяся около ста лет назад совершенно непопулярным, не читаемым произведением древнерусской письменности,⁸ насчитывает в настоящее время уже не шесть, как в конце XIX в., а девять списков.⁹

После того как А. И. Яцимирский в 1898 г. приобрел в Яссах список *Я*, следующая находка была сделана М. Н. Сперанским при составлении описания рукописей И. Е. Забелина, которые поступили в 1909 г. в Исторический музей в Москве. Так был обнаружен список *З*.¹⁰ К сожа-

⁵ Лопарев. Книга Паломник, стр. СXXXIV.

⁶ Лопарев. Книга Паломник, стр. XXI.

⁷ Лопарев. Книга Паломник, Приложение I, стр. 41—69.

⁸ См.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I. М., 1880, стр. 687—688.

⁹ Не считая списка путешествия Антония на румынском языке, найденного А. И. Яцимирским (местонахождение неизвестно). См.: А. И. Яцимирский. Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград, стр. 248, прим. 60.

¹⁰ ГИМ, собр. Забелина, № 416, лл. 434 об.—445 об., XVI в. О нем см.: М. Н. Сперанский: 1) Собрание рукописей И. Е. Забелина. — Отчет Государственного Исто-

лению, это открытие осталось почти незамеченным. Во всяком случае о забелинском списке не упоминает Н. И. Прокофьев, сам разыскавший недавно в неописанной части собрания рукописей ОЛДП список *Л*.¹¹ К спискам *З* и *П* недавно добавился еще один — список *И*, поступивший в Пушкинский Дом в 1971 г.¹²

Изучение трех новых списков *ЗПИ*, разысканных уже в XX в., позволяет обогатить наблюдения по истории текста «Книги Паломник» Антония. Все три списка прежде всего дошли в сборниках, состав которых небезразличен к содержанию Антониева хождения в Царьград. Блестящий анализ сборника Забелина — в сопоставлении со сборниками, содержащими списки «Книги Паломник» Антония *Б* и *М*, был проделан еще М. Н. Сперанским.¹³

Сравнение состава всех сборников, в которых находится «Книга Паломник» Антония, показывает, что в семи случаях из девяти, нам известных (за исключением сборников со списками *К* и *О*), Антониево хождение находится в непосредственном соседстве с «Книгой Паломник» игумена Даниила. Эту особенность — только для двух сборников, со списками *Б* и *М*, — обнаружил еще Л. Н. Майков.¹⁴ Вслед за ним А. И. Яцимирский заметил подобное расположение обоих памятников в сборнике со списком *Я* и в сборнике Антониево-Сийского монастыря, включавшем первоначально список *С*.¹⁵ Подобный же круг наблюдений над составом сборников со списками *МБ* и *З* находим у М. Н. Сперанского.¹⁶ Но никто из названных ученых, вероятно, не предполагал, что текст Антония при переписке его в сборниках XVI, XVII и XVIII вв. непременно, обязательно сопровождался текстом хождения Даниила. Отметим только разницу в порядке следования статей: в списках *ЗЯС* путешествие Даниила находится после книги Антония, в списках же *БМИП* наоборот. Такая обязательность сочетания двух, а иногда и большего количества путешествий, причем рядом с Антонием неизменно оказывается Даниил, очевидно, имеет значение в первую очередь для истории текста «Книги Паломник» Антония, так как списки хождения Даниила встречаются в сборниках различного состава и достигают едва ли не сотни.

Итак, неизменность сопутствия тексту Антония хождения Даниила остается общей чертой для сборников, включающих списки интересующего нас памятника в его первой редакции.

рического музея за 1916—1925 гг. М., 1926, Приложение II, стр. 16; 2) Из старинной новгородской литературы XIV века, стр. 18—21, 86 и др. Упоминание этого списка находится в обзоре: М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, стр. 44.

¹¹ ГПБ, собр. ОЛДП, О.224, лл. 66—93 об., 1770 г. Об этом списке см.: Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв., стр. 71. К сожалению, в датировку списка *Л* здесь вкралась опечатка: он не XVII, а XVIII в.

¹² ИРЛИ, Дрвлекранилище, оп. 24, № 64, лл. 243—263 об., первая четверть XVIII в. Список упоминается в печати: В. И. Малышев. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома. — РЛ, 1972, № 2, стр. 183. Чтение списка *И* представляет некоторые трудности, так как часть его листов пострадала от сырости, отчего текст местами угас.

¹³ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века, стр. 84—85, 88 и др.

¹⁴ Л. Н. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе, I, стр. 9—10.

¹⁵ А. И. Яцимирский. Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград, стр. 261.

¹⁶ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века, стр. 84—86 и 111, прим. 1. Что касается сборника со списком *З*, в котором, по предположению М. Н. Сперанского, текст Даниила присоединен вторично, то и в этом случае путешествие Антония получило еще в средневековье традиционное соседство.

Именно к этой редакции относятся списки *III*. Их сличение обнаруживает поразительную близость друг к другу: в обоих списках одинаковые купюры (как пространные, так и мелкие), пропуски некоторых слов, целых строк, сходные описки, общие чтения отдельных мест текста. Наиболее существенны два пропуска (на лл. 247 об. и 248 об. в списке *I* и соответственно на лл. 72 и 73 в списке *II*): два отрывка, толкующие о судьбах еврейского рода (первый из них от слов «Тем же завеса в распятие господне раздрася» по «...и того ради отрещися им царствия божия»;¹⁷ второй — от слов «Приведет бог поганья жидове во крещении» по «...добраго ради жития християньскаго»¹⁸). Изъятие названных отрывков носит характер сознательной редактуры идеологического характера. Нельзя не припомнить, что сходная с первой купюра в тексте списка *K* была отмечена Х. М. Лопаревым.¹⁹ Из ряда сокращений отметим выпущенное (на л. 249 в списке *I* и соответственно на л. 73 об. в списке *II*) упоминание Дмитрия и Негвара среди послов Романа Галицкого: «При посолстве Твердянина Остромираца, иже пришел посолством и со дружиною от великого князя Романа со Неданом и со Дмажиром и с прочими». Наряду с указанным сокращением назовем добавление «и со дружиною», не встречавшееся нигде, кроме двух новых ленинградских списков, равно как и наименование Твердятина Твердянином. Отсутствует упоминание о писцах, сидящих возле иконы святых Бориса и Глеба (л. 249 в списке *I* и л. 74 в списке *II*), в ряде случаев выпущены топографические приметы (лл. 251 об. и 253 в списке *I* и лл. 76 и 79 в списке *II*). В наименовании «Олгы Руской» дважды добавлено «великая княгиня»; «княгиней» она названа и в списках *BM*, а «великой княгиней» — в *K*, как это отметил еще Х. М. Лопарев.²⁰

Примечательно для списков *III* употребление имен в строго канонических формах (Николай, Иоанникий, Орест, Еуфимий, Исидор, Григорий), в то время как в большинстве списков первой редакции те же имена — в формах просторечных (Никола, Аникей, Арест, Еуфимей, Сидор, Григорей). Греческие возгласы «кирие елейсон» и «исполати деспота» в обоих случаях (л. 256 об. в списке *I* и л. 83 об. в списке *II*) транслитерированы со знанием дела; безошибочно написание в обоих списках греческих слов «катапетасма», «калуфони», «метохие», хотя встречается и неустойчивое, неодинаковое написание гораздо более употребительных слов, как например «епитрахиль» («питрахиль», «петрахиль»), «омофор» («омфор»). Встречается и непонятое греческое слово, употребленное несколько раз: вместо чтения «убол» (от ἔμβολος) находим в обоих списках бессмысленное «угол» (единственное исключение — «по амболу» — находим на л. 255 в списке *I* и на л. 81 об. в списке *II*). Вместо наименования «Плакота» в обоих случаях читается «Плакида» (не встречается более ни в одном списке); обозначение «по перперу» (от ὑπέρπερον) заменено на «по полу мистре».

Среди устойчивых словосочетаний обращает на себя внимание характерная только для списков *I* и *II* замена: вместо «крест господень» читаем «крест Христов», вместо «Иаков, брат господень» — «Иаков, брат божий» и вместо «святая» — «пресвятая Богородица». Оба списка — *III* — настолько близки друг к другу, что возникает предположение, не располагал ли непосредственно сборником (ныне — в Пушкинском Доме)

¹⁷ Ср. изданный текст первой редакции: Лопарев. Книга Паломник, стр. 11—12 и 75—76.

¹⁸ Лопарев. Книга Паломник, стр. 14—15 и 77.

¹⁹ Лопарев. Книга Паломник, стр. 11, прим. 23.

²⁰ Лопарев. Книга Паломник, стр. 3, прим. 7 и 8.

белозерец Алексей Головин, переписавший в 1770 г. основную часть сборника со списком *II*? Этому не противоречит и северное происхождение сборника со списком *И*.²¹

Полнота обоих списков *III*, их принадлежность к первой редакции, представленной еще четырьмя списками, близость, в частности, к спискам *АС*, не знающим перестановки текста (имеющей место в списках *ВМ*), и в то же время некоторые отдельные черты, характерные для списков второй редакции, — таковы наблюдения, сделанные в результате сопоставления двух новых ленинградских списков с рукописной традицией «Книги Паломник» Антония.

Что касается списка *З*, обнаруженного в Москве задолго до списков *III*, то его место в литературной истории памятника определить несколько сложнее. Дело в том, что список *З*, как это впервые заметил М. Н. Сперанский, отличается необычной краткостью.²² Вместе с тем в нем нет признаков фрагментарности и незавершенности, присущих, как указано выше, спискам *КО*.

Впрочем, начало списка *З* может быть сближено из всех известных списков именно со списком *К*:

К

Сказание о святых местах и чудотворных иконах и иных чудных вещех, иже суть в Цареграде было во святей Софее до взятия безбожных латын, написано бысть на ведение и на удивление всем христианом.

З

Сказание о святых местах, иже суть в Цареграде, на уверение и на спасение всеьм человеком.

Хотя список *К* более пространно начинает изложение, в нем, как и в *З*, мы не находим имени Антония (больше ни в одном списке такого важного пропуска нет).

Самой поразительной особенностью списка *З* представляется исключение почти всех известий, выходящих за рамки перечня царьградских реликвий, храмов, притворов, утвари и т. п. Переписчик (или редактор) «Книги Паломник» Антония Новгородского как будто задался здесь целью превратить попавшее к нему в руки полнокровное литературное произведение, изобилующее живыми воспоминаниями, важными для автора и его современников, в сухой конспект реалий византийской столицы. Для переписчика (или редактора) списка *З* не имело значения, кто, когда и при каких обстоятельствах видел эти реалии в Царьграде, какие узнал или припомнил легенды; так, было пропущено известие о посылке св. Германом иконы Спаса в Рим, изложение легенды о св. Анфимогене, только упомянутом; об иконе Спаса, изображенного без мизинца на правой руке, и о наказании иконописца; о св. Зотике, и мн. др. Совершенно необычно исключение известий, важных для истории русско-византийских связей: о блюде Ольги Русской, о посольстве в Царьград волынского князя Романа под 1200 г., о погребенной в Царьграде же Ксении

²¹ Зависимость списка *II* от *И* может быть проиллюстрирована также общими описками («дела» вместо «чела»), общими пропусками (например, имени Дамиана возле Космы), общими, присущими только названным спискам чтениями (например, в легенде о Зотике читается: «...царь же повеле его привязати ко хвостом конным» вместо «ко хвостом двема конема») и другими признаками, в частности — общими купюрами.

²² См.: М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. стр. 21: «Паломник Антония — в сильном сокращении»; «Можем сказать... вполне определенно относительно Антония, который здесь представлен в весьма сильном сокращении, проходящим через весь текст» (стр. 86).

Брячиславлевой и др. Осталось только упоминание Русского города (л. 444). Выпущенными оказались и сведения о византийском художнике-иконописце Павле Хитром и др.

М. Н. Сперанский убедительно объяснял сокращение ряда путешествий в Сборнике Забелина целью составления сводного путеводителя по Царьграду.²³

Наряду с необычной краткостью текста в списке 3 бросается в глаза небрежность, неточность его переписки. Здесь постоянно встречаются непонятые переписчиком слова, бессмысленные замены, например:

ЯСБМИП

3

две досце
двор
не вступают
и царь яст, и баня патриархова
дал христианин Федор жидовину
держал
Пятерицею
пощением
царевна
по перперу

двоицею
двери
невесту поют
у царя есть баня патриархова
дал крестьянин Федору жидовину
передержал
Пятницею
посещени
церковь
даваити Петру

Та же небрежность видна в списке 3 и в передаче собственных имен, географических названий, например:

ЯСБМИП

3

Ауксентий
Диомид
Анфиногена
Ануфрия
Капа
У Калиполя

Ауксентин
Дмитрей
Анфиногия
Ануфа
Марка
У Поля

Бессмысленный, чисто механический характер сокращений обнаруживается, например, при упоминании девицы (имя Анны отсутствует — л. 438 об.), в описании преображения святого над морем (л. 439), в пропуске важного эпитета «Новый» в наименовании Николы (л. 439) и др.

Итак, две особенности списка 3 отличают его от всех других: краткость (как результат сокращения) и обилие искажений, вызванных то ли спешкой в работе писца (или редактора), то ли плохой сохранностью рукописи, с которой велась переписка (или редакторская работа).

Поскольку в рукописной традиции «Книги Паломник» Антония Новгородского различают две редакции, следует выяснить, сокращением которой из них является список 3.

Отсутствие интерполяций о латинском завоевании, исключение каких бы то ни было известий о княгине Ольге и другие признаки, выдвинутые в свое время Х. М. Лопаревым, позволяют поставить этот список в связь с первой редакцией Антониевой «Книги Паломник» (хотя выше мы заметили и частные черты, общие для 3 и К). Действительно, в списке 3 немало чтений, общих для списков *ЯБМ*, например: «крест мирный» (вместо «мерный»); «вносят (вместо «висят») Петровых вериг»; особенно характерны добавления: о преображении св. Николы в церковном притворе, о преображении (Дмитрия), о том, как «по суду святой Феодор в дубе преобразился», об апостоле Ананьи — «глава и мощи его ту», и некоторые другие.

²³ Там же, стр. 86.

Еще одна примечательная черта списка 3 касается порядка изложения текста. Он не совпадает с изложением, известным по спискам первой редакции *ЯСИП* (и *БМ*, если не принимать в расчет, что средняя часть текста «Книги Паломник» Антония читается в примыкающей к обоим спискам «Беседе о Цареграде»). Изложение в списке 3, хотя и сокращенное, отличается перекомпоновкой текста «Книги Паломник» в его средней части, начиная после упоминания мученика Стефана, написанного под дверьми притвора Софийского собора (л. 436 об.), и кончая известием о Настасии-девице (л. 443; далее, от фразы о церкви св. Агафоника, изложение идет без перестановок).²⁴

Перекомпоновка текста в списке 3 не производит на первый взгляд впечатления неряшливости или небрежности, которыми так страдает его переписка.

Например, отнюдь не бессмысленно, казалось бы, чтение (разрядка наша, — *О. Б.*):

л. 436 об. В том же притворе над дверми горе написан Стефан мученикъ. Вне того притвора церковнаго святаго Николы. И ту воскипело молоко.

Однако первая фраза здесь соответствует тексту в издании «Книги Паломник» стр. 16, вторая же — стр. 23. Обе они имеют совершенно иной контекст.²⁵ Впрочем, далее в списке 3 следует кусок текста со стр. 23. В конце его читаем:

л. 437 На полатах же написаны патриархы вси и цари, колько их было и кто их передержал. На полатах же 5 тел лежат. Святаго Аверкия и Григорьево великаа Армении и Селивестрово и Кира, Иоанна и иных мощей много в Софеи.

Перечень пяти святых, приведенный после «5 тел», кажется вполне уместным распространением сообщенного выше известия. На самом деле, этот перечень читается гораздо раньше;²⁶ примыкающая к нему часть текста следует далее без перестановок по л. 441 включительно (соответственно — стр. 16—23 изданного текста). Вставка, начинающаяся на л. 439 (со стр. 27—31 изданного текста), ничем особенно не примечна, так как ее начало: «Оттоле святыи Фрол и Лавер лежита в теле; у старой церкви святаго Никиты и нога его», — перекликается с предшествующей фразой: «И оттоле над морем же святыи Никола в теле лежит».

Еще одна вставка, начинающаяся на л. 441 (и соответствующая стр. 22—27 изданного текста), также ничем особенно не выделяется.

Особый интерес привлекает сочетание в одном предложении совершенно разных, хотя и расположенных близко мест текста:

л. 441—
441 об. Олтарь чинен з дорогим камением, || с жемчюгом, а кывот весь сребрян.

Начало этого предложения относится к описанию интерьера церкви св. Георгия в Манганском монастыре, конец же — к украшению драгоценного кюта, объединяющего 5 глав (тел), лежащих «на полатах же».²⁷ Это механическое соединение разных известий, как раз после пропущен-

²⁴ Лопарев. Книга Паломник, стр. 16—32.

²⁵ Лопарев. Книга Паломник, стр. 16 и 23.

²⁶ Лопарев. Книга Паломник, стр. 16.

²⁷ Лопарев. Книга Паломник, стр. 23. Предложенное Х. М. Лопаревым чтение «окованы со жемчюгом, аки отвес сребрян» исправляем на «а кюот (кывот) сребрян».

ного небольшого куска текста, приведенного выше (лл. 436 об. — 437, начало «Вне того притвора церковнаго...», конец «На полатах же 5 тел лежат»), позволяет безошибочно определить, что причину перестановки текста следует видеть в перестановке листов в протографе. Они просто попали не на свое место. И хотя переписчик списка *З*, сокращая текст, довольно удачно «подгонял» его куски друг к другу, все же нашелся признак, показывающий чисто механический характер перекомпоновки текста. Нельзя не обратить при этом внимания и на то, что перекомпоновке подвергся не весь текст «Книги Паломник» Антония.²⁸ Выше уже сообщалось, что перестановками отмечена лишь средняя часть Антониевой «Книги». Эта часть в основном совпадает с куском текста, который в списках *БМ* оказался отчужденным от «Книги Паломник» и механически включенным в соседнее по сборнику произведение — «Беседу о Цареграде» (последнее было открыто и опубликовано Л. Н. Майковым в 1890 г.²⁹). М. Н. Сперанский, убедительно раскрывший литературную историю «Беседы», опирался во многом на свои наблюдения над сборниками, содержащими списки «Книги Паломник» *ЗБМ*.³⁰ Выше уже отмечалось, что списки *ЗБМ* имеют ряд общих чтений.

Очевидно, когда велась переписка *З*, средняя часть протографа была уже достаточно дефектной (листы ее выпадали и были расположены не по порядку), но все же она не была отделена от основного текста памятника. При переписке же *БМ* листы из середины «Книги Паломник», с некоторыми утратами (например, в *Б* недостает целой тетради между лл. 80—81), были отделены от Антониева хождения и вложены в другую часть сборника.

Обзор новых списков *ЗИП* показывает, что, во-первых, «Книга Паломник» Антония распространялась гораздо более широко, чем считалось до сих пор, притом в сборниках главным образом тематического состава, бытовавших на Русском Севере; во-вторых, наиболее устойчивым был текст первой редакции. Список *З* сохраняет особый, сокращенный вид этой редакции, более нигде не встречающийся.

²⁸ Сравнивая список *З* с изданием (Лопарев. Книга Паломник), получим такое, хотя и сокращенное, расположение текста: стр. 1—16, 23, 16—22, 27—31, 22—27, 31—39.

²⁹ Л. Н. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе, I.

³⁰ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века, стр. 83—126.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XIV вв.)¹

Переводы сочинений Иоанна Златоуста встречаются в рукописях XI—XIV вв. чаще, чем переводы сочинений какого-либо другого автора. Такова прописная истина, известная каждому археографу.

Какие же именно произведения Златоуста можно найти в рукописях этого периода?

Для получения ответа на поставленный вопрос привлечено 82 рукописи XI—XIV вв. русского, болгарского и сербского изводов, перечисленные в «Предварительном списке» Археографической комиссии АН СССР,² в которых содержатся тексты под именем Иоанна Златоуста (как цельные, так и фрагменты).

Сверх этих 82 рукописей привлечен «Златоструй» болгарского царя Симеона, как известно, сохранившийся только в поздних списках XV и последующих веков.³

При этом не рассматривались тексты, посвященные Иоанну Златоусту (его житие, проложные сказания о поставлении его патриархом и т. п.), мелкие выписки и выборки из его сочинений в сборниках типа «Златая Цепь», в которых содержится тематическая подборка извлечений из сочинений разных писателей.

Настоящее сообщение посвящено памятникам учительной литературы, беседам и словам, составляющим древние сборники типа «Златоуст», «Златоструй», «Торжественник», а также многочисленные сборники, не получившие специального названия в рукописях, как например «Успенский сборник».⁴

¹ Предлагаемая статья представляет собой лишь краткое предварительное сообщение о большой подготавливаемой работе, где будет опубликован весь собранный материал: перечень использованных рукописей, перечень всех «слов» Иоанна Златоуста, найденных в этих рукописях и распределенных по соответствующим разделам, с приведением начальных и конечных слов каждого «слова» и необходимыми библиографическими данными. Настоящая статья была доложена мною на заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР 17 октября 1973 г.

² Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV веков, хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV века включительно»). — Археографический ежегодник за 1965 г., М., 1966, стр. 177—272.

³ «Златоструй» привлечен по двум спискам: 1) ГИМ, список собр. Царского, № 176, см.: П. М. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие Ивану Никитичу Царскому. М., 1848, стр. 109—122; 2) список собр. Толстого, хранящийся в ГПБ под шифром F.1.218.

⁴ Название «Успенский сборник», как известно, присвоено этому сборнику в традиции научной литературы. См. издание этой рукописи: Успенский сборник

Подчеркиваю, что использованы рукописи только XI—XIV вв., так как в XV в. не только возрастает общее число рукописей, но и появляются сборники, составленные из сочинений только Златоуста и известные под названиями «Маргарит» и «Адриантис».

Исследование большого числа разнообразных текстов, очевидно, должно проводиться по определенным этапам, попытки охватить слишком большое количество рукописей сразу к убедительным результатам не придут.

В указанных рукописях обнаружено 287 бесед, или слов, надписанных именем Иоанна Златоуста. Из этого числа 65 остались неопределенными, так как мне не удалось найти никаких данных, никаких указаний о происхождении этих текстов или о возможности их отнесения хотя бы предположительно к какому-либо автору, веку; не нашлось также данных о том, следует ли считать эти беседы переводными или составленными в Восточной Европе.

За исключением 65 неопределенных текстов остается 222, которые распределены по следующим разделам.

1. Подлинные сочинения Иоанна Златоуста — 6.
2. Слова, приписанные Златоусту по сходству имен или по какому-либо подобному недоразумению, — 8.
3. Подложные сочинения Иоанна Златоуста, известные в греческой письменности, — 87.
4. Выборки из сочинений Иоанна Златоуста и их пересказы — 73.
5. Сочинения русских и болгарских авторов, приписываемые в рукописях Иоанну Златоусту, — 48.

Разбор начнем с раздела «подлинные сочинения Иоанна Златоуста». Число их настолько невелико, что это вызывает недоумение. Сочинения эти следующие.

- 1) Похвала мученику Фоке.⁵
- 2) Слово о Адаме, яко прежде вкушения древа разумного ведяще ли что добро и что зло.⁶
- 3) Вторая беседа о покаянии.⁷
- 4) Слово о десяти девах, и о милостыне, и о покаянии, и о молитве.⁸
- 5) Слово к иудеям, исказившим многих церковных.⁹
- 6) Слова о праведном и блаженном Иове.¹⁰

Обращает на себя внимание заголовок перевода первого текста: «Слово о Фоке о царе нечестивом». Обе известные мне рукописи¹¹ сохранили лишь фрагменты этого слова, но с одинаковым заголовком. Иоанну Златоусту принадлежит беседа о мученике Фоке (память 22 сентября), но никак не могла принадлежать беседа об императоре Фоке, который жил на 200 лет позднее Златоуста. Император этот не был ничем примечателен, известно о нем немного. Его короткое правление (602—610 гг.) было жестоким, в источниках он получил самую отрицательную

XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971, стр. 3.

⁵ Сведения о греческом тексте этой похвалы см.: *Bibliotheca hagiographica graeca*, II. 3-e éd. Par F. Halkin. Bruxelles, 1957, p. 207, № 1537.

⁶ Греческий текст см.: J.-P. Migne. *Patrologia graeca*, t. 54. Paris, 1859, col. 604—607 (далее — PG).

⁷ Греческий текст см.: PG, t. 49. Paris, 1859, col. 283—292.

⁸ Греческий текст см.: PG, t. 49, col. 291—300.

⁹ Греческий текст см.: PG, t. 48. Paris, 1858, col. 871—882.

¹⁰ Четыре слова, которые, как посвященные одной теме, я объединяю под одним номером. Греческий текст см.: PG, t. 56. Paris, 1859, col. 570—574.

¹¹ По «Предварительному списку» №№ 360 и 1033; один список древнерусский, XIII в., другой — сербо-болгарский, XIV в.

характеристику. Очевидно, замена имени мученика Фоки именем нечестивого императора произошла в результате знакомства переводчика или писца со сведениями, содержащимися об этом императоре в хронографах. В каком же именно хронографе — следует выяснить в дальнейшем.

Нужно отметить, что при переводе сам текст данного сочинения остался панегирическим, посвященным именно мученику, а не нечестивому императору.

Следующий раздел — слова, приписанные интересующему нас автору по сходству имен и другим подобным причинам.

Таким образом, Златоусту в древней славяно-русской рукописной традиции приписаны два текста, принадлежащие другому авторитетнейшему писателю — Иоанну Дамаскину: фрагмент из «Повести о Варлааме и Иоасафе»¹² и «Слово о причащении тела Христова».¹³

Житие Епифания Кипрского¹⁴ написано учеником Епифания Иоанном, епископом города Констанция, что на Кипре; здесь похожи не только имена, но и названия городов — Иоанн Златоуст был патриархом в Константинополе, а Иоанн, ученик Епифания, — в городе Констанция.

В одном случае к имени Иоанна Златоуста в заголовке принадлежащего ему сочинения присоединен эпитет «экзарх» — очевидно, по аналогии с именем Иоанна, экзарха болгарского.

Самыми значительными, как по числу входящих в них сочинений, так и по содержанию, являются три следующих раздела.

Подложные сочинения Иоанна Златоуста, известные в греческой письменности.

Выборки из сочинений Златоуста и их пересказы.

Южнославянские и древнерусские сочинения, приписываемые Златоусту.

О том, что Златоусту приписывалось в средневековой письменности множество сочинений других писателей, известно давно. В изданиях его сочинений, выпедших в свет в XVII, XVIII и XIX вв.,¹⁵ немало слов определены как *spuria* или *dubia*, т. е. «подложные» или «сомнительные».

Около десяти лет назад в Брюсселе вышел в свет справочник, специально посвященный подложным произведениям интересующего нас автора (где учтен 581 текст), приписываемым Златоусту в греческих рукописях.¹⁶ Благодаря этому справочнику оказалось возможным установить, что в исследованных мною древних русских и южнославянских рукописях XI—XIV вв. имеется 87 сочинений, надписанных именем Иоанна Златоуста, на самом же деле принадлежащих другим авторам, а именно следующим.

- 1) Амфилохий, епископ иконийский (около 345—после 394 г.).
- 2) Анастасий Синаит (середина и вторая половина VII в.).
- 3) Анатолий, епископ фессалоникийский (время жизни неизвестно).

¹² Греческий текст см.: PG, t. 96. Paris, 1864, col. 857—1240; см. также новейшее издание: [St. John Damascene]. Barlaam and Ioasaph. With English translation by the rev. G. R. Woodward and H. Mattingly. Introduction by D. M. Lang. London, 1967 (The Loeb Classical Library, № 34).

¹³ Греческий текст см.: PG, t. 95. Paris, 1864, col. 405A—412A.

¹⁴ О греческом тексте жития Епифания см.: Bibliotheca hagiographica graeca. I. 3-e éd. Par F. Halkin. Bruxelles, 1957, p. 181, № 596.

¹⁵ H. Saville. Iohannis Chrysostomi opera omnia, vol. I—VIII. Eton, 1612; B. Montfaucon, de Sancti Ioh. Chrysostomi opera omnia, vol. I—XIII. Paris, 1718—1738; J.-P. Migne. Sancti Ioh. Chrysostomi opera. — PG, tt. 47—64. Paris, 1858—1862.

¹⁶ Repertorium Pseudochrysostomicum. Collegit I. A. de Aldama. Paris, 1965 (Documents, études et répertoires publiés par l'Institut de recherche et d'histoire des textes, X).

- 4) Антиох, епископ г. Птолемаиды в Финикии (ум. около 408 г.).
- 5) Василий Великий (около 330—379 гг.).
- 6) Василий, архиепископ г. Селевкии в Исаврии (ум. около 408 г.).
- 7) Герман II, патриарх константинопольский (в 1222?—1240 гг.).
- 8) Григорий, патриарх антиохийский (в 570—593 гг.).
- 9) Григорий Чудотворец (после 213—около 275 г.).
- 10) Евсевий Памфил (около 263—340 гг.).
- 11) Елифаний Кипрский (ум. 403 г.).
- 12) Ефрем Сирий (IV в.—начало V в.).
- 13) Иоанн Постник, патриарх константинопольский (в 582—595 гг.).
- 14) Ипполит Римский (ум. 235 г.).
- 15) Кирилл, патриарх Александрийский (в 412—444 гг.).
- 16) Лаврентий, епископ новарийский, Пьемонт, Италия (VI в.).
- 17) Леонтий Византийский (около 485—после 542 г.).
- 18) Леонтий, патриарх иерусалимский (ум. 1190 г.).
- 19) Леонтий, епископ г. Неаполь на о. Кипр (590—668 гг.).
- 20) Мефодий Олимпийский (Македония? Ликия? ум. 311 г.).
- 21) Несторий, патриарх константинопольский (после 381—после 450 г.; патриарх — 428—431 гг.).
- 22) Прокл, патриарх константинопольский (в 434—446 гг.).
- 23) Севериан, епископ г. Гевала в Сирии (ум. после 408 г.).
- 24) Феодор Студит (759—835 гг.).

Из перечисленных авторов нужно обратить внимание на следующие имена.

Антиох, епископ Птолемаиды, был одним из главных противников Иоанна Златоуста; современники также называли Антиоха «Златоустом».

Герман II, патриарх константинопольский, которому принадлежат два слова против латинян, также приписываемые Иоанну Златоусту.¹⁷

Несторий, патриарх константинопольский, — основоположник одной из важнейших ересей — несторианской. Учение Нестория было осуждено на Ефесском соборе в 431 г. Ему принадлежат два сочинения, встречающиеся в русских и южнославянских рукописях под именем Иоанна Златоуста.

Лаврентий, епископ новарийский, — малоизвестный писатель, писавший на латинском языке. Однако единственное его сочинение,¹⁸ перевод которого встречается в рукописях под именем Златоуста, пришло в Восточную Европу из средневековой греческой письменности.

Проклу, патриарху константинопольскому, противнику Нестория, принадлежат 20 (!) сочинений, приписанных в исследованных рукописях Иоанну Златоусту.

Севериан, епископ гевальский, был активным противником Златоуста, преследовал его даже в годы изгнания и имел большое влияние на гонительницу Иоанна — императрицу Евдоксию. Севериану принадлежит 5 сочинений, надписанных именем Златоуста в греческих рукописях и переведенных под тем же именем славянскими и русскими переводчиками.

¹⁷ Беседы патриарха Германа II до настоящего времени не изданы. См.: А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 148—154, 156 и 174; Н.-Г. Веck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, SS. 667—668; К. Кrumbacher. Geschichte der Byzantinischen Literatur. 2. Aufl. München, 1897, S. 174.

¹⁸ О хананеянке. Произнесено после возвращения из изгнания. Латинский текст см.: J.-P. Migne. Patrologia latina, t. 66. Paris, 1847, col. 116—124. Греческий текст см.: PG, t. 52. Paris, 1859, col. 449—460.

Остальные писатели, сочинения которых приписываются Златоусту, в III—VII вв. принимали активное участие в христологических спорах, в борьбе с еретиками разных толков или были выдающимися богословами.

Как же произведения еретиков проникли в число сочинений авторитетнейшего отца церкви, как могло это случиться?

Состав сборников, куда входили беседы разных церковных писателей, не был устойчивым, поэтому произведения еретиков проникали в них разными путями, по разным причинам — смешения имен, небрежности переписчиков, из-за желания придать больший вес тому или иному сочинению.

Сочинения таких видных еретиков, как Несторий, могли включаться его тайными сторонниками. Ведь многовековая история складывания гомилетических сборников еще не прослежена ни в греческой, ни в славяно-русской письменности.

Славянскими же переводчиками такие произведения переводились скорее всего потому, что они входили в состав сборников, служивших как бы своего рода руководством для византийской церкви, для ее служителей, для миссионеров, отправляющихся в Восточную Европу. Ведь несомненно, что отбор сочинений, подлежащих переводу, производился самими византийскими иерархами или под их наблюдением. Вышеизложенное обстоятельство еще раз подтверждает односторонность известного взгляда И. П. Еремина на переводную славяно-русскую литературу древнейшего периода, согласно которому древние наши переводчики сознательно отбирали произведения раннехристианской письменности, но не знали византийской литературы XI—XII вв.

Это положение неверно, и я присоединяюсь к возражениям Д. С. Лихачева, высказанным в его последней книге по поводу упомянутого взгляда И. П. Еремина: «...объяснение лежит в том, что переводились в первую очередь произведения канонические и церковно-авторитетные, без которых не могла существовать церковная жизнь». Такими были именно учительные сборники, которые как раз содержали современную византийскую литературу, т. е. «всю сумму литературных произведений, наличествующих в читательском обиходе», — пишет Д. С. Лихачев в другом месте той же книги.¹⁹

Мы видим, что в состав сборников входили и поэтому переводились не только канонические и церковно-авторитетные произведения. Как это произошло — нельзя выяснить, не исследуя литературной истории сборников. Анахронизмом является имя Златоуста в заголовках бесед, принадлежащих патриарху Герману II и посвященных полемике с латинами — вопросу об исхождении Святого духа и вопросу об опресноках. Совершенно очевидно, что такие антилатинские сочинения Златоусту не принадлежат и приписаны ему скорее всего для придания им большей значимости.

Причина, по которой под именем Златоуста оказалось сочинение Лаврентия Новарийского, латинского автора VI в., остается для меня неясной, и ее опять-таки нельзя выяснить, не изучая историю сборников.

Перейдем к разделу, который я назвала «выборки и пересказы». Пересказы сочинений авторитетных писателей и извлечения из них («эксцерпты») были широко распространены в средневековых литературах. Так было и с сочинениями Златоуста на греческой почве.

¹⁹ См.: Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, стр. 7, 25—28.

Первым писателем в Восточной Европе, который занялся извлечением из бесед Златоуста, был Константин Преславский (IX—X вв.). Беседы Златоуста состоят обычно из толкования на тот или иной факт священной истории или на какое-либо место Священного писания; заключительной частью беседы является нравоучительная часть, назидание, выводимое из предшествующего толкования. В «Учительном Евангелии» Константина Преславского имеются обе части — и толкование, и назидание. В тех выборках и пересказах бесед Златоуста, с которыми пришлось сталкиваться мне в процессе подготовки настоящего сообщения, как правило, имеется только нравоучительная часть — целиком, в извлечении или в пересказе.

В «Златоструе» царя Симеона содержится много слов Златоуста в извлечениях или пересказах нравоучительного характера. Позднейшими переписчиками эти тексты перерабатывались, и в «Златоструе» XII в. Публичной библиотеки находятся уже в значительно измененном виде.²⁰

Изъянительная часть бесед Златоуста на тексты Священного писания представляла для наших древних переводчиков меньший интерес, нежели нравоучительная. Иоанн Златоуст был представителем нравственного богословия, т. е. того направления, которое получило наибольшее распространение в древней славяно-русской учительной литературе.

Восточная Европа принимала христианскую веру в ее готовом виде, сложные рассуждения на темы христианской догматики, споры с язычеством и еретиками, христологические и тринитарные разногласия первых веков христианства были далеки и чужды славянскому миру.

На первом месте стояли задачи нравственного воспитания народа в духе христианской религии, а для этого были нужны проповеди, беседы, поучения, с которыми духовенство обращалось к своей пастве, к народным массам. Этой цели должны были служить извлечения из бесед Златоуста и их переделки.

Есть все основания полагать, что среди таких текстов имеется много принадлежащих не греческим, а местным проповедникам.

Перейдем к группе сочинений, встречающихся в рукописях под именем Златоуста, но принадлежащих славяно-русским писателям.

- 1) Иоанн, экзарх болгарский (IX—X вв.).
- 2) Кирилл I Ростовский (с 1231 г. — епископ ростовский).
- 3) Кирилл Туровский (1130—около 1182 г.).
- 4) Климент Охридский (ум. до 916 г.).
- 5) Серапион Владимирский (ум. 1275 г.).

Большая часть этих произведений анонимна — из 48 не менее 35 принадлежат неустановленным авторам.

Какие же выводы можно сделать из вышесказанного?

Общий вывод состоит в том, что мы плохо знаем наше рукописное наследие, а особенно плохо — что же именно является переводной литературой, а что — псевдопереводной. Привычная фраза, приведенная в самом начале моего сообщения, скрывает истинное положение вещей, — под именем Иоанна Златоуста и других авторов находятся еще не выявленные произведения древнерусских и южнославянских писателей.

Очевидно, что к числу этих произведений следует также отнести многие тексты, включенные в раздел «выборки и пересказы» из сочинений Златоуста.

²⁰ Об этой рукописи см.: В. Н. Малинин. Исследование Златоструя по рукописи XII в. Публичной библиотеки, Киев, 1878.

В самом деле, впервые эти извлечения были составлены при царе Симеоне и вошли в его «Златоструй», сохранившийся в поздних списках. В дальнейшем, при переписывании и устной передаче, эти извлечения переделывались и перерабатывались, все больше отступая от оригинала. Это известно. Но изучать процесс переработки таких переводных текстов следует как явление восточно-славянской литературы, а не как «заимствование» или «влияние» иноземной литературы. Надо обратить внимание и на следующее обстоятельство.

В древнейшем периоде существования славяно-русской литературы были переведены с греческого языка некоторые крупные произведения византийских церковных писателей — «Паренесис» Ефрема Сирина, сборник бесед Григория Богослова догматического содержания, монашеские установления Василия Великого и т. д.

Эти цельные большие сочинения, принадлежащие одному автору, меньше подвергались изменениям в процессе переписки, оставались более устойчивыми. Это понятно. Такие сочинения обычно составляли целую книгу, переписывались как единое целое. Использовали их также как книги для чтения и обучения или как руководство. Поэтому отдельные главы или извлечения из этих книг попадали в сборники случайно и в сравнительно небольшом количестве.

Напротив того, сочинения Иоанна Златоуста (или Псевдо-Иоанна Златоуста) в XI—XIV вв. переводились в составе учительных сборников, где они помещались вперемешку с произведениями других писателей. Сборники эти служили источником для подготовки проповедей по разным поводам, на разные темы. Содержавшиеся в этих сборниках тексты читали в трапезной, в кельях. Устная передача способствовала переделкам и пересказам.

Повторю, многовековая история складывания учительных сборников не прослежена ни в греческой, ни в славяно-русской рукописной традиции. Исследование состава греческих сборников было начато немецким филологом Эрхардом, который умер в 1939 г., не успев закончить работу и не составив указателя к ней.²¹

Работа Эрхарда представляет собой перечень и описание учительных сборников, хранящихся в различных библиотеках мира; причем автор одновременно попытался систематизировать эти сборники по их содержанию.

История древнерусских сборников привлекала внимание многих наших археографов — Архангельского, Петрова, Пономарева, Сперанского и др.²²

Однако систематическое изучение должно начинаться с тщательного выявления содержания сборников (как это намечено в «Методическом пособии» Археографической комиссии²³) и при обязательном сопоставлении с греческими сборниками того же рода (по Эрхарду).

²¹ A. Ehrhard. Ueberlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Leipzig, 1937—1943 (Texte und Untersuchungen, 50—52, I).

²² См., например, следующие работы: А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. Вып. I—IV. Казань, 1889—1890; Н. И. Петров. О происхождении и составе славяно-русского Пролога. Иноземные источники. Киев, 1875; А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. I—IV. СПб., 1894—1898; М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904.

²³ Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. I. Археографическая комиссия при Отделении истории Академии наук СССР, Институт славяноведения и балканистики

Пока мы не вернемся к приемам работы наших старых дореволюционных археографов, систематически разыскивавших греческие и иноязычные источники древних славяно-русских текстов, пока мы не привыкнем постоянно пользоваться тем, что в этом направлении было уже сделано, мы все время вынуждены будем довольствоваться общими фразами, оставаться на зыбкой почве домыслов и предположений.

Только когда будет более или менее четко установлено, что же именно является переводным сочинением, что извлечено из сочинений на каком-либо другом языке, а для чего иноземный источник не удастся найти,²⁴ — только тогда можно будет как следует представить себе состав и количество подлинно славяно-русских памятников.

АН СССР, Главное архивное управление при Совете Министров СССР. М., 1973, стр. 214—223.

²⁴ Текст, для которого не удастся найти иноязычного источника, не следует поспешно относить к оригинальным сочинениям. Вполне можно допустить, что иноязычный источник со временем будет найден.

Н. А. КАЗАКОВА

Новый список сочинений Вассиана Патрикеева

Сочинения Вассиана Патрикеева, одного из крупнейших публицистов XVI в., мастера острого «кусательного» стиля, дошли до нас в сравнительно небольшом количестве списков: «Собрание некоего старца» известно было до сих пор в 7 списках, «Ответ кирилловских старцев» — в 5 списках, «Слово ответно» — в 4 списках, «Слово о еретиках» — в 2 списках, «Прение с Иосифом Волоцким» — в 4 списках.¹ Отсутствие обширной рукописной традиции сочинений Вассиана связано, быть может, в какой-то степени с характером его публицистического наследия и отношения к нему официальных церковных кругов. Основное содержание творчества Вассиана Патрикеева — борьба против вотчинных прав церкви и эксплуатации монастырских крестьян. Обличительный пафос Вассиана был направлен, таким образом, против материального фундамента русской феодальной церкви. Неудивительно поэтому, что руководители последней сделали все для того, чтобы расправиться с ненавистным «князем-иноком»: он был осужден в 1531 г. как еретик и вскоре погиб в заточении в Иосифо-Волоколамском монастыре. Естественно думать, что и после смерти Вассиана переписка его сочинений не поощрялась официальными церковными кругами.

Однако, несмотря на то что распространение сочинений Вассиана Патрикеева было нежелательно для русской церкви, интерес к творчеству выдающегося публициста все же обусловил переписку и сохранение его литературного наследия. Этим интересом определялись, на наш взгляд, и первые попытки составления «собрания сочинений» Вассиана, имевшие место в XVI—XVII вв. и связанные с Соловецким монастырем.

Наиболее ранний список «собрания сочинений» Вассиана Патрикеева находится в сборнике ГПБ Соловецкого собрания № 941/831, датированном 60-ми годами XVI в. Этот список включает четыре произведения. Первое из них имеет заголовок «О еже разумети внимати богови и молитве», второе называется «Слово ответно противу клеветующих истинну еуангельскую и о иночском житии и устроении церковнем», третье и четвертое заголовков не имеют; каждое из двух последних произведений отделено от предыдущего чистой (шириной в несколько строк) незаполненной текстом частью листа. Атрибуция произведений Вассиану Патрикееву в тексте списка его сочинений отсутствует.² Но попытку произвести атрибуцию составитель Соловецкого сборника № 941/831 все же предпринял: в оглавлении сборника первое произведение «О еже разумети внимати

¹ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 223, 231, 238—239, 250, 254, 272, 275.

² РО ГПБ, Соловецкое собр., № 941/831, лл. 410—428 об.

богови и молитве» он выделил в особую 86-ю главу, в следующей же 87-й главе объединил остальные три произведения, снабдив ее названием «Вассиана, Нилова ученика, слово ответно противу клеветующих истинну еуангельскую и о иночском житии и устроении церковнем, от святых писании, и его же с Иосифом Волоцким прение о еретикох». ³ Таким образом, составитель сборника на основе каких-то имевшихся в его распоряжении данных приписал Вассиану Патрикееву три произведения, следующие за произведением «О еже разумети внимати богови и молитве».

Второй список «собрания сочинений» Вассиана Патрикеева находится в Соловецком сборнике № 963/853, датируемом концом XVI в. ⁴ Этот сборник совершенно сходен по составу с первым Соловецким сборником. Текст сочинений Вассиана повторяет также, с очень незначительными орфографическими вариантами, текст списка сборника № 941/831. Но конец оглавления сборника (с 80-й главы и далее) не сохранился, поэтому атрибуция произведений Вассиану Патрикееву, имеющаяся в оглавлении сборника № 941/831, в сборнике № 963/853 отсутствует.

Третий Соловецкий сборник, № 985/875, относящийся уже ко второй половине XVII в., имеет отличный от первых двух сборников состав. Но список сочинений Вассиана этого сборника ⁵ не дает сколько-нибудь значительных разночтений. Единственное существенное отличие списка сочинений Вассиана Патрикеева Соловецкого сборника № 985/875 заключается в наличии в нем заголовков у всех произведений. Текст заголовков следующий: 1) «Предисловие Нила и Васьяна, — ученика его, на Иосифа, волоцкого игумена, собрано, — о еже разумети и внимати богови и молитве», 2) «Слово ответно противу клеветующих истинну еуангельскую и о иночском житии и устроении церковнем», 3) «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкого от правил святых Никанских, от многих глав», 4) «Того же инока-пустынника Васьяна на Иосифа, игумена волоцкого, собрание от святых правил и от многих книг собрано, и на его ученики, и различныя меж себя ответы от книг». ⁶ Таким образом, составитель сборника № 985/875 продолжил работу своих предшественников по атрибуции. Результатом его работы явилось создание «Собрания сочинений» Вассиана Патрикеева, включающего четыре произведения. С легкой руки А. Павлова, издавшего сочинения Вассиана Патрикеева в 1863 г. по спискам соловецких сборников, ⁷ это собрание вошло в научную литературу и было принято в ней почти в течение целого столетия.

Разыскание новых списков отдельных сочинений Вассиана Патрикеева и изучение анонимных памятников публицистики XVI в., предпринятое в последнее время, дало возможность внести в работу составителей соловецких сборников и в издание А. Павлова существенные коррективы. Оказалось, что первое приписываемое Вассиану произведение никакого отношения к нему не имеет; это отрывок анонимной «Повести зело полезной отца Нила» (восходящей, по-видимому, к переводу с греческого). Что касается третьего произведения, то оно представляет собой оторвавшуюся часть «Слова ответна» (второго произведения). Таким образом, из четырех произведений, приписываемых Вассиану на основании соловецкой традиции списков его сочинений, в действительности ему принадлежали

³ Там же, л. 4. См. также: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, фот. 6.

⁴ РО ГПБ, Соловецкое собр., № 963/853, лл. 447—472.

⁵ Там же, № 985/875, лл. 35—64.

⁶ Там же, лл. 35, 36, 42 об., 57.

⁷ Полемиические сочинения инока-князя Вассиана Патрикеева. — Православный собеседник, 1863, ч. 3, стр. 93—112, 180—210.

лишь два: «Слово ответно противу клеветующих истинну еуангельскую и о иночьском житии и устроении церковнем» и «Прение с Иосифом Волоцким» (так названо, в соответствии с оглавлением первого Соловецкого сборника, последнее произведение Вассиана). Наряду с очищением состава сочинений Вассиана Патрикеева от не принадлежащих ему произведений удалось произвести атрибуцию Вассиану еще трех анонимных в рукописной традиции памятников: «Собрания некоего старца», «Ответа кирилловских старцев», «Слѡва о еретиках».⁸ Так был установлен новый состав сочинений Вассиана Патрикеева (он приведен в начале настоящей статьи) и осуществлено новое издание его сочинений.⁹

При подготовке этого издания не был учтен тогда неизвестный его издателю (автору настоящей статьи) список сочинений Вассиана Патрикеева, находящийся в сборнике № 373 собрания М. Н. Тихомирова. Сборник этот, датируемый концом XVI—началом XVII в., — смешанного состава. Наряду с религиозно-нравственными статьями в нем представлены статьи исторического характера (например, о взятии Новгорода, о взятии Пскова). Значительное место в сборнике занимают сочинения, посвященные вопросам монашеской жизни, и среди них сочинения крупнейших представителей нестяжательства Нила Сорского и Вассиана Патрикеева.¹⁰

В описании Тихомировского собрания отмечено, что в сборнике № 373 имеется статья «Вопросы Иосифа Волоцкого и ответы Вассиана»¹¹ (так названо в описании последнее полемическое произведение Вассиана «Прение с Иосифом Волоцким»). Однако это указание не отражает всего состава сочинений Вассиана, имеющегося в сборнике № 373 Тихомировского собрания.

Список сочинений Вассиана Патрикеева сборника № 373 собрания М. Н. Тихомирова примыкает, как мы увидим, к соловецкой традиции.¹² В Тихомировском сборнике находятся четыре произведения, приписывавшиеся ранее на основании соловецких сборников Вассиану: первое, имеющее такое же, как и в соловецких сборниках XVI в. (№ 941/831 и № 963/853), краткое название «О еже разумети и внимати богови и молитве» (лл. 404 об.—405 об.), второе — «Слово ответно противу клеветующих истинну еуангельскую и о иночьском житии и устроении церковнем» (лл. 405 об.—410 об.), третье, не имеющее, как в соловецких сборниках XVI в., заголовка и начинающееся (с отступом на несколько чистых строк от предыдущего сочинения) словами «Ими же сестру ея хвалит» (лл. 410 об.—421 об.), четвертое, не имеющее, как и в соловецких сборниках XVI в., заголовка и начинающееся (с отступом на несколько чистых строк от предыдущего сочинения) словами: «Видех мужа, мнеша себе

⁸ См. выше, стр. 194. Подробнее см.: Текстологическое исследование сочинений Вассиана Патрикеева. — В кн.: Н. А. Казакова, Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 139—222.

⁹ Тексты сочинений Вассиана Патрикеева. — В кн.: Н. А. Казакова, Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 223—284.

¹⁰ Описание сборника см.: М. Н. Тихомиров, Описание Тихомировского собрания. М., 1968, стр. 113—114.

¹¹ Там же, стр. 114.

¹² При написании статьи использован микрофильм сборника № 373 собрания М. Н. Тихомирова, присланный Е. И. Дергачевой-Скоп и В. А. Алексеевым, которым автор выражает благодарность. Автор весьма признателен также Е. К. Ромодановской за уточнения, произведенные ею по подлиннику текста сборника № 373 Тихомировского собрания, хранящегося в Государственной Публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Академии наук СССР.

мудра быти» (лл. 421 об.—426 об.).¹³ Все перечисленные сочинения написаны скорописью конца XVI в., рукою одного писца.

В Тихомировском списке сочинений Вассиана, так же как и в списках соловецких сборников XVI в., отсутствует атрибуция названных сочинений Вассиану, произведенная, как мы указывали, позже составителем Соловецкого сборника XVII в. (№ 985/875), который снабдил первое, третье и четвертое произведения заголовками, включающими указания на принадлежность произведений Вассиану.¹⁴ В этом единственное отличие Тихомировского списка сочинений Вассиана, так же как и соловецких списков XVI в., от списка Соловецкого сборника XVII в. В остальном текст нового Тихомировского списка сочинений Вассиана совпадает со списками всех трех соловецких сборников, отличаясь от них лишь незначительными разночтениями.

Произведенное сопоставление Тихомировского списка сочинений Вассиана Патрикеева с соловецкими списками позволяет сделать два вывода: 1) о несомненной принадлежности Тихомировского списка к соловецкой традиции списков сочинений Вассиана, 2) об общности архетипа Тихомировского списка и соловецких списков XVI в. (о чем свидетельствует отсутствие как в Тихомировском списке, так и в соловецких списках XVI в. имеющих в Соловецком списке XVII в. заголовков у первого, третьего и четвертого сочинений, включающих указание на принадлежность этих сочинений Вассиану).

Тихомировский список, так же как и другие списки соловецкой традиции, дает неправильное представление о составе сочинений Вассиана Патрикеева. Он включает в действительности не четыре, а всего два сочинения Вассиана: «Слово ответно противу клеветующих истинну еуангельскую и о иночском житии и устроении церковнем» (в его состав входят второе и третье сочинения списков соловецкой традиции) и «Прение с Иосифом Волоцким» (четвертое сочинение списков соловецкой традиции).

Однако, несмотря на то что списки соловецкой традиции искажают подлинный состав сочинений Вассиана Патрикеева и наука располагает сейчас более близкими к архетипам списками отдельных сочинений Вассиана, соловецкая традиция представляет, как мы указывали, несомненный интерес, являясь отражением стремления древнерусских книжников к составлению «собрания сочинений» выдающегося публициста. Тихомировский список сочинений Вассиана — еще одно свидетельство живучести этого стремления и вместе с тем влияния литературных традиций, связанных с Соловецким монастырем.

¹³ См. выше, стр. 194.

¹⁴ См. выше, стр. 195.

Н. П. ДУБОВИК

К проблеме атрибуции Повести о Евстратии

Повесть о Евстратии¹ известна сейчас в восемнадцати списках. Большинство из них входит в состав рукописей, связанных с одним из наиболее видных центров идеологической и литературной жизни XVI в. — Иосифовым Волоколамским монастырем. На связь переписки Повести с книгописной деятельностью монастыря указала Р. П. Дмитриева. Она отметила, что владельцами рукописей со списками Повести о Евстратии были влиятельные лица монастыря и видные церковные деятели: старец Фотий — ученик Кассиана Босого, Нифонт Кормилицын, Ануфрий Исаков — ученик Дионисия Звенигородского, Евфимий Турков — ученик новгородского архиепископа Феодосия, и др.² Списки Повести содержатся также в рукописях Рогожского собрания (№ 530) ГБЛ и Синодального собрания (№ 453) ГИМ, непосредственно вышедших из Волоколамского монастыря.³ Недавно найденные рукописи Музейного собрания (№ 8757) ГБЛ и собрания Егорова (№ 457) ГБЛ со списками Повести о Евстратии также связаны с Волоколамским монастырем.⁴

Старшие списки Повести о Евстратии не имеют постоянного конвоя. В сборной рукописи Епархиального собрания (№ 404) ГИМ⁵ Повесть помещена после сказаний о «скончании седьмой тысячи» и послания «О летах седьмой тысячи» со статьей «О трегубной аллилуйе»⁶ Дмитрия Траханиота. В сборнике старца Фотия (ГБЛ, Волоколамское

¹ Обоснование нового названия памятника, известного как «Повесть о Евстратии — Велизарии», см.: Н. П. Дубовик. К изучению Повести о воеводе Евстратии. — ТОДРЛ, т. XXVIII, Л., 1973, стр. 335—344 (далее: Дубовик. К изучению Повести).

² Р. П. Дмитриева. Изучение русских рукописных четых сборников XV—XVI вв. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, стр. 94.

³ Об этих сборниках см.: А. А. Зимин и Я. С. Лурье. Археографический обзор. — В кн.: Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 99—100.

⁴ Сообщение об этих рукописях см.: Л. В. Тиганова. Составление каталога-справочника русско-славянских рукописей. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. М., 1970, стр. 152. О рукописи из собрания Егорова № 457 см. также публикацию В. Б. Кобринина «Послание Иосифа Волоцкого архи-мандрита Евфимию» (Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 28, М., 1966, стр. 227—239).

⁵ Описание рукописи Епархиального собрания № 404 см.: Дубовик. К изучению Повести, стр. 336—339.

⁶ Статья «О трегубной аллилуйе» представляет собой отрывок из «Послания Дмитрия Старого Геннадия, архиепископу новгородскому, о двоении и троении аллилуйи», см. текст Послания в сборнике Фотия, л. 466.

собр., № 491)⁷ список Повести помещен среди сочинений отцов церкви: Иоанна Златоуста, Иоанна Богослова и др. В Нифонтовском сборнике (ГПБ, Q. XVII. 64)⁸ списку Повести предшествует «Грамота Геннадия, архиепископа новгородского, Прохору Сарскому», а вслед за Повестью идет «Послание Фотия митрополита в Новгород». В сборнике ГБЛ из Рогожского собрания (№ 530) Повесть о Евстратии — первое сочинение, за которым следуют послания Иосифа Волоцкого и его «Просветитель».

В рукописях XVI в. обнаруживается тенденция постоянного включения списков Повести о Евстратии в сборники со списками сочинений Иосифа Волоцкого. Так, Повесть возглавляет один из древнейших списков собрания сочинений Иосифа Волоцкого (ГБЛ, собр. Рогожское, № 530), входит в состав Нифонтовского сборника с самым обширным собранием творений Иосифа Волоцкого; в рукописях Синодального собрания (№ 530) ГИМ (с ее списком XVII в. — ГБЛ, Музейное собр., № 2991), собрания Егорова (№ 457) и МДА фонд. (№ 171), как и в сборнике Рогожского собрания (№ 530), помимо сочинений Иосифа Волоцкого и Повести о Евстратии, содержатся только краткие выписки из сочинений отцов церкви: «Конец слова Иоанна Златоуста о еретиках, иже во Антиохии изречено бысть» и «Вопрос и ответ аввы Зиона». Таким образом, списки Повести входили в постоянный состав сборников с сочинениями Иосифа Волоцкого, с краткой редакцией Рогожского извода и пространной редакцией Синодального извода «Просветителя».⁹

Таким образом, связь Повести о Евстратии с литературной школой Иосифова Волоколамского монастыря подтверждается. И так как Повесть не имеет примет авторства или свидетельств о времени создания, то вопросы атрибуции и датировки этого памятника должны решаться в связи с историей иосифлянкой литературы, переводной и оригинальной, не исключая, разумеется, и сочинений Иосифа Волоцкого.

Текстологическое сравнение списков Повести о Евстратии позволило определить первоначальную редакцию памятника¹⁰ и выбрать лучший список для анализа: это список Повести в сборнике Фотия.¹¹

* * *

Для решения вопроса о том, является ли Повесть об Евстратии произведением переводным или оригинальным,¹² а также для решения

⁷ Описание сборника Фотия см.: Иосиф. Описание рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифа монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, стр. 108—115.

⁸ О сборнике ГПБ, Q. XVII. 64 см.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 101—107.

⁹ См. классификацию списков «Просветителя» Я. С. Лурье в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 462—463 и 465. Сборники с краткой редакцией Рогожского извода «Просветителя» и списками Повести о Евстратии: ГБЛ, Рогожское собр., № 530; ГИМ, Синодальное собр., № 453; ГБЛ, Музейное собр., № 2991 — список сборника ГИМ, Синодальное собр., № 453. Сборники с пространной редакцией Синодального извода «Просветителя» и списками Повести: ГБЛ, МДА фонд., № 171 и собр. Егорова. № 457 (принадлежность списка «Просветителя» в рукописи собр. Егорова, № 457 к пространной редакции Синодального извода определил В. Б. Кобрин: Послание Иосифа Волоцкого..., стр. 227).

¹⁰ О редакциях и видах Повести о Евстратии см.: Дубовик. К изучению Повести, стр. 339—340.

¹¹ Рукопись ГБЛ, Волоколамское собр., № 491, второй четверти XVI в., лл. 117—130. Сборник имеет запись: «Сборник Фатева писма». Далее этот список обозначаем: Сборник Фотия.

¹² Так, в «Библиографии древнерусской повести» она помещена в раздел переводных повестей. См.: Древнерусская повесть, вып. I. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1940, стр. 105.

вопроса о жанре произведения попытаемся установить источники Повести. Еще П. Н. Сакулин указал на близость ее к поучениям, словам, прологам, «златоустам», «измарагдам», «златоструям», «маргаритам», «Златой матице» и другим правоучительным и догматическим произведениям.¹³

Действительно, рассмотрев правоучительную часть Повести — «Слово»,¹⁴ мы обнаружим большое число текстуальных параллелей с памятниками «учительной» литературы. Установлено, что основным источником «Слова» послужил сборник сочинений Иоанна Златоуста — «Маргарит». Рассмотрим отрывок Повести — рассказ о праведном Иове,¹⁵ сопоставив его с параллельными фрагментами из «Маргарита» и Книги Иова.

«Что же Иев, праведный и непорочный? Яко праведен бе? Слыши его неложно глаголюща, око бех слепых, нога же хромых. Аз о немощных плакахся, постенах же, видех кого в нуждах, и не изыде из дому моего, требуи недром тцим. От стриженя овец моих съгреяшася плещи нищих, и уста вдовиць благословиша мя». За исключением риторического вопроса: «Что же Иев... Яко праведен бе?», — в котором задана тема дальнейших рассуждений, текст фрагмента восходит к «Маргариту». Ср.: «Слыши бо его, глагола неложно, око бех слепым, нога же хромымь: аз о немощнемь плакахся, постенахъ же видевъ мужа в нуждахъ... Не изыде из дому моего требуи недром тцем, уста вдовыя благословиша мя, от стрига же овец моих согрешася плещи нищих»;¹⁶ текст «Маргарита», в свою очередь, сплетен из афоризмов Книги Иова (см.: Иов, XXIX, 15; XXX, 25; XXXI, 34; XXI, 50 и XXIX, 13).

«Слышах и бога, свидетельствующа о немь и глаголюща к дьяволу: Внят ли мыслию на раба моего Иова, яко несть подобен ему никтоже на земли, человек непорочен, праведен, истинен, незлобив, удаляясь от всякыя злыя вещи». Этот фрагмент передает, слегка варьируя, текст из Книги Иова (I, 8 и II, 3).

Последующий текст также разобьем на сопоставимые с источниками фрагменты:

а) «Се убо таковыи толики, колики скръби подоят и беди: слыши, преже убо възхыщает диавол имениа его, и чреды вълбудом, стада овцамь, многое число осломь, великую чреду воломь».¹⁷

б) «Потом же напрасно и в един день възхыщен бысть и дети его всевъръшенныи лик, и во един час умроша седмь сыньвъ его и три тщеря».¹⁸

в) «Глаголет бо Писание, яко ин вестник прииде к Иову, глаголя: Сыновомь твоим и тщерям твоим, ядущимь и пиющим у сына твоего и брата их старейшаго, внезапно прииде дух ис пустыня и коснуся чetyрем угломь храмины, и паде на дети твоя, и скончашася».¹⁹

¹³ П. Н. Сакулин. Русская повесть о воеводе Евстратии. (К литературной истории саги о Велазарии). — В сб.: Под знаменем науки, М., 1902, стр. 486.

¹⁴ О композиции Повести и условном делении ее на «Историю» и «Слово» см.: Дубовик. К изучению Повести, стр. 337.

¹⁵ Сборник Фотия, лл. 124—125 об.

¹⁶ «Маргарит» — ВМЧ, сентябрь 14—24. СПб., 1869, стлб. 1156—1157.

¹⁷ Ср.: «Но зри, что творит диавол: възхыщает вся имениа его... чреды велбудомь, взят стада овцам, многое число осломь, великую чреду воломь» («Маргарит», стлб. 1157).

¹⁸ «По напраснем бо стадом и чредам и иних всех погублении възхыщен бысть и дети его всевъръшен лик и вся в един день быша» («Маргарит», стлб. 353).

¹⁹ Ср. «Маргарит», стлб. 1159 и Книгу Иова, I, 18 и 19.

г) «Он же прииде и узре страшныи тѣи позор: бысть бо ему и дом и гроб, трапеза и кров, корабль и истопление, и изимаше чад своих уды, ового руку, ового же ногу, ового же главу, ового же чревеса с перстию смешена. Что убо доблии он? Не слиася, не низпаде».²⁰

д) «По онех же всех смертную язву на теле своем приат, и червиа зряше всюду кипяща от тела своего. Удари бо его, рече, диавол гноем лютым, и червьми от главы и до ногу, и всяка храмина не приемляше его. Изыде вон из града и седяше на гноищи наг, иже преже царствуяи, ныне же общии беды позор всем приходящим. Потом же болезни дневныя и ночныя, и глад и жажда того обдрѣжаше. Смрад бо, рече, зрех брашна моя, поношение повседневное, поругание и укорение и смех. Раби бо мои, рече, и сынове посадницѣ моих востаха на мя, потом же мятежь помыслом всегдашнии, и иже во снех страхованиа».²¹

е) «Глаголетъ бо: „Рех, яко утешит-мя одр мой, устрашает же мя соннем и в видениях мя ужасаеш“».²²

ж) «Что убо превратили святаго оного? Никакоже! Но паче изволи болезненное житие и тмами страдати лютая, праведныи и истинныи, удаляся от всякия злыя вещи».²³

з) «Но достойно петыи он глас всегда глаголаше: „Аще благаа приахом от руки господня, злых ли не претрѣпим!“ И паку: „Наг изыдох ис чрева матери моея, наг и поиду тамо“. И паку: „Господь дасть, господь и взят; яко господеву угодно бысть, тако и бысть. Буди имя господне благословено в веки!“».²⁴

Итак, в небольшом рассказе об Иове автор Повести соединил фрагменты из четырех пространных бесед об Иове и пятого слова «На иудеев» из входящих в состав «Маргарита», дополнив их афоризмами из Книги Иова.²⁵

Но источниками «Слова» послужили не только извлечения из сборника «Маргарит» (в нем обнаружены заимствования из двенадцати слов и бесед этого сборника): автор Повести цитирует также Книгу Иова, Книгу Премудростей Соломона, пророков Исаяю и Иеремию, Псалтырь, апостольские послания и другие источники, как например «Послание Иоанна Златоуста епископу Кириаку»²⁶ и «Слово о судиях и о властелех, емлющих мзду и не в правду судящих».²⁷

²⁰ Ср.: «И бысть в тѣи час гроб и трапеза беды, корабль истопление... Что убо доблии он? Не сълиася, не низпаде... искаше чядом уды... и взимаше овогда руку, овогда же ногу, иногда же главу... и овогда... чревес утробы с перстию размешены» («Маргарит», стлб. 1160—1161).

²¹ Ср.: «И по онех по всех смертную на телесе прием язву. Чревиа зряше всюду кипяща от тела своего. И наг на гноищи седяше, общии приходящим беды позор. Праведныи, истинныи и благочестивыи, удаляся от всякия злыя вещи... Но болезни дневныя же и ночныя и глад некий того обдержаше странен и предивен. „Смрад бо, — рече, — зряи брашна моя, поношения повседневная, ругания, укаряния, смех; раби мои, — рече, — и сынове посадницѣ моих вѣстаха на мя, иже в снех страове, мятежь некий помыслом всегдашнии“» («Маргарит», стлб. 953).

²² Ср.: Иов, VII, 13 и 14.

²³ Ср.: «Что убо превратили святаго оного сетование? ...Изволеаше бо вящи болезновати и стастовати, и тмами страдати лютая, нежели с похулением премеменение некое от толицех злых обрести» («Маргарит», стлб. 953).

²⁴ Ср.: «Маргарит», стлб. 1176 и Иов, II, 10 и I, 21.

²⁵ Попутно заметим, что источником Повести послужил тот перевод «Маргарита», который известен в списках конца XV в.

²⁶ Ср. от слов «подобаетъ сморити самого владыку» до слов «иже погребень лежаше» (Сборник Фотия, л. 126) с текстом Послания, от слов «смотри же и владыку» до слов «и не погребень лежаше» (ГИМ, Синодальное собр., № 103, лл. 419 об.—420).

²⁷ Ср. от слов «заповеда ми глаголя» до слов «неисцелно на судияхъ неправедныхъ» (Сборник Фотия, лл. 119—119 об.) с текстом «Слова» — «сице глаголетъ

Таким образом, Повесть о Евстратии не представляет собой самостоятельного переводного сочинения, она была создана русским книжником под непосредственным влиянием избранных им переводных произведений.²⁸

Несмотря на то что основным источником Повести, после Священного писания, были слова «Маргарита» Иоанна Златоуста, автор ссылается на него один только раз в конце Повести. Ссылка дана к одной цитате,²⁹ в то время как основная масса заимствованных текстов остается без указаний на источники.

Характерно, что в позднейших списках переписчики отразили близость Повести к «златословесному» источнику — «Златоустовой кринице», изменив даже само название памятника и именуя его «От история от Златоустовы криницы о воеводе в Риме»,³⁰ или «От история о мужи, бывшем воеводе в Риму, от Златоустовы криницы».³¹

Исследователи неоднократно указывали, что «Маргарит» являлся одним из источников сочинений Иосифа Волоцкого.³² Полного текстологического исследования соотношений сочинений Иосифа Волоцкого и Иоанна Златоуста нет, но, очевидно, связи эти гораздо шире, чем это принято думать. В качестве примера сравним два отрывка из Третьего слова «Просветителя» Иосифа Волоцкого с параллельным текстом Второго слова «на иудеев» в сборнике «Маргарит».

«Просветитель»

Но яко же врач огницею зря сдържима человека и желающа студенаго питиа и претяща, яко аще не дадут ему удаву себе наложити и в стремнину себе низринути, врач же большее зло хотя възбранити, меньшее даст, хотя того от безвременна смерти изабавити. Тако и бог сътвори: понеже виде иудеи бесящихся и давящихся, желающа жрътъ, и яко аще не примуть, ко идолом самом пойти, паче уже и самопрешедших, повеле им жрътвы творити. . .

Но обаче и повелев, не до конца попусти, но премудрейшею кознию паки отведе. И якоже врач он, о нем же рекохом, попустив мало желанию болящаго, чашу от дому своего принести повеле, и тою единою студенаго питиа примати болящему, и тако отаи повеле съкрушити чашу ону, яко да неззорне и тли отведеть болящаго от желаниа онаго. Тако и бог сътвори: жрети по-

«Маргарит»

Яко же врач огницею сдържима зря человека неудобь угодна некоего и нетрпелива, желающа студено питие и претяща, яко аще не дадут ему удаву наложити себе и в стремнину себе низринути, и большее хотя възбранити зло, мнее дает, хотя от кончины жития того отвести. Тако же убо и бог сътвори: понеже виде неистовящася, давящася, желающа жрътв приготовлены, яко аще не примуть, ко идолом самом пойти, паче же не приготвлены точию, но в семо пришедшу уже, повеле им жрътвы творити. . .

Но обаче и се повелев, не даже до конца остави, но премудрейшею кознию паки отведе, и якоже врач он. . . попустив желаниа болящаго, чашу от дому своего принес, повеле с тою студенаго питиа воспримати, и болящему повинувшуся, отаи подающимъ ему повеле сокрушити чашу ону, яко да неззорне и отаи того отведеть от желаниа онаго. Тако и бог сътвори, жрети повелев, ни

господь» до слов «на них неисцелна до века» (Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1964, стр. 36, или ВМЧ, декабрь 31, стлб. 2470).

²⁸ Нами обнаружены не все источники Повести. Так, до сих пор не известен источник «истории» Евстрагия.

²⁹ Ср.: «Яко же глаголет святыи Иоан Златоусты: колици многожды възделеша мученичества венец приати, се же убо есть съвършен мученичества венец» (Сборник Фотия, л. 129) с текстом Шестого слова на иудеев в сборнике «Маргарит» Иоанна Златоуста (ВМЧ, стлб. 958).

³⁰ Рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 1801, л. 540.

³¹ Рукопись ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 123/380, л. 300.

³² См.: Я. С. Лурье, Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 163—164, 216, 255, 262.

веле, но в едином Иерусалиме, таже время пожроша мало, низложи Иерусалим, якоже врач, съкрушением чапа болящаго от студенаго питиа благоуходже отведе...³³

на едином же месте вселенныя остави сему бывати, но в Иерусалиме едином, таже понеже время пожроша мало, низложи града, якоже врач съсуда съкрушением...³⁴

Приведенный отрывок Третьего слова «Просветителя» Иосифа Волоцкого — лишь часть пространного заимствованного текста, в то время как автор статьи «Просветитель преподобного Иосифа Волоцкого»³⁵ предположил, что Третье слово «Просветителя» полностью принадлежит Иосифу Волоцкому. В указанной анонимной статье содержится одно довольно значительное наблюдение над особенностями редакторской работы Иосифа Волоцкого: он часто не ссылался на источник заимствованных текстов. Аналогично поступал и автор Повести о Евстратии.

В описаниях рукописей Иосифова Волоколамского монастыря нет «маргаритов». Возможно, «собрания от божественных писаний», с большими выписками из этого сборника, и должны были восполнить его отсутствие. Совпадения текстов свидетельствуют о том, что Иосиф Волоцкий пользовался тем же переводом «Маргарита», что и автор Повести о Евстратии. Заимствованные тексты в Повести о Евстратии и в сочинениях Иосифа Волоцкого переданы с большой точностью. Изменения, как правило, выражаются в сокращениях за счет пропусков повторяющихся слов, значительно распространяющих текст словесных периодов. Изменения форм слов, замены одних слов другими и перестановка порядка слов и фраз в словах Иосифа Волоцкого и в Повести о Евстратии незначительны и определены назначением сочинений. Слова «Просветителя» предназначены для чтения избранных, посвященных лиц, в то время как Повесть о Евстратии представляет собой проповедь, обращенную к широкой аудитории, включая светскую. Так, для слов «Просветителя» характерны обращения к читателю, собеседнику: «како убо ты глаголеши», «слышал ли еси», «яко же рече тебе»; в Третьем слове: «зри», «и да не мниши», «да не възнепщуети», «егда же услышиши» и др. В Повести, как правило, употребляется форма множественного числа глаголов:

«Маргарит»

...но от всех оных отторжен быв.³⁶
 ...что твориши, человече, благодарителя и Спаса и предстателя и щадителя хуля.³⁷
 ...аще бо видить тя добльствене терпяща.³⁸

Повесть о Евстратии

...но от всех отторжени будем.
 ...что творим, братие, благодарителя и Спаса и предстателя не благодарим.
 ...аще бо видит нас добльстве не трпяща.³⁹

Главным композиционным приемом в «Слове», как и в сочинениях Иосифа Волоцкого, является «собрание от божественных писаний». Сходство в редакционной манере авторов проявляется не только в сокращении текста источников, но и в характере его распространения: в тексты, заимствованные у Иоанна Златоуста, в текст Повести о Евстратии и в сочинения Иосифа Волоцкого внесены отдельные цитаты и амплифи-

³³ Просветитель... Творение... Иосифа игумена Волоцкого. Казань, 1896, стр. 133—135.

³⁴ «Маргарит», стлб. 876—877.

³⁵ Просветитель преподобного Иосифа Волоцкого. — Православный собеседник, 1859, ч. III, стр. 168.

³⁶ «Маргарит», стлб. 1051.

³⁷ «Маргарит», стлб. 1071.

³⁸ «Маргарит», стлб. 1071.

³⁹ Сборник Фотия, лл. 123, 127 об.

кации афоризмов из Библии. Прием «собрания от божественных писаний» положен в основу многих апологетических и полемических сочинений, определяя их структуру и содержание. В «Сказании о новоявившейся ереси» Иосиф Волоцкий объясняет возрождение этой традиции в русской литературе потребностями борьбы с еретиками: «Аще убо Антиох он живый в лавре святаго Савы и убо зверообразных перс нахождение видевь... и велику книгу от божественных писаний избра, тако же и святыи Никон, живый во Антиохии в Черней горе, безбожных турков устремление зря, многаа от божественных писаний написа в пользу прочитающимъ. Ныне же не перси, ниже турки, но сам диавол и все его воинство оплчившесе на христову церковь, яко же зверие дивии, не плоти человека вкушаху, ниже крови пияху, но душа погубляющи, еи же весь мир недостоин». ⁴⁰ Из высказывания Иосифа Волоцкого следует, что он относился к традиции обращения к Священному писанию как к наиболее действенному в идеологической борьбе. Потребность в духовном воспитании христиан послужила причиной создания нравоучительных сочинений, и все они, как правило, представляют собой «собрания от божественных писаний» (например, поучения митрополита Даниила). Повесть о Евстратии — одно из ранних нравоучительных произведений, созданных обличителями еретиков. Иосиф Волоцкий главную опасность видел в том, что еретики «прельщают православных», распространяя свои учения. ⁴¹ Великий князь Иван III и митрополит Геронтий в грамотах к архиепископу Геннадию предписывали «духовное наказание» еретиков, нравственное воздействие на них — в качестве основной меры борьбы с ними: «И ты, сыну у себя в своем зборе, тех обличив да понакажи духовне, по правилам святых апостол и святых отец, как достойно, по божественному писанию, чтобы они покалися и в разум истинны пришли», ⁴² — писал Геннадию митрополит Геронтий. В «Сказании о новоявившейся ереси» Иосиф Волоцкий писал о проповеднической деятельности Геннадия в борьбе с еретиками: «...и яко лев пущень бысть на злодейственны еретики, устреми бо ся, яко от чапа божественных писани и яко от высоких и красных гор пророческих и апостольских учений». ⁴³ В Москве еретики тоже обрели «многих имущих землю сердечную взорану и умягчену сластями житейскими, тщеславием и сребролюбием и сластолюбием и неправдою и посея в них скверны своя плевелы». ⁴⁴ Значительную опасность представляло то, что еретики распространяли свое учение тайно, «таяхуса, яко же змиеве в скважне, человекомъ же являющесе святии и кротци, праведни и въздержжници, тайно же сеюще семя скверное и многыя душа погубиша». ⁴⁵ Иосиф Волоцкий неоднократно подчеркивает, что таких еретиков, как нынешние, еще свет не видывал, «ниже в древняя роды, ни в средня, ниже в последняя таковыя сквернителие или еретици или отступници не бяху». ⁴⁶ В Пятнадцатом слове «Просветителя» Иосиф Волоцкий определил различие между еретиками и отступниками. Он допускал, что, «ереси некия имея в себе», но веруя в бога, еретик еще мо-

⁴⁰ См.: Источники по истории еретических движений XIV—начала XVI века. — В кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 474 (далее: Источники).

⁴¹ Источники, стр. 489.

⁴² Источники, стр. 315.

⁴³ Источники, стр. 471.

⁴⁴ Источники, стр. 471.

⁴⁵ Источники, стр. 471.

⁴⁶ Источники, стр. 507.

жет быть сохранен в лоне церкви. Те же, кто отвергся Христа и не покался по своей воле, уже не имеют права на помилование.

Иосиф Волоцкий обличает не только показное благочестие «нынешних отступников», но и их тайные происки «поставлять» христиан в «жидовскую веру». Продолжая тайно прельщать православных, они улавливают прежде всего тех, кто «ко греховному игу прекланяем». ⁴⁷ Никто из них не кается, прежде чем не предстанет перед казнью. Не желая умереть или мучиться, они начинают каяться. Иосиф Волоцкий указывает, что о таких «нынешних отступницах и отметницах» нигде «ни в котором же писании даже до нас дошедших книг нигде писано есть».

Повесть о Евстратии — торжественная проповедь покаяния, терпения и благодарения, обращенная к грешникам. В Повести нет слова «еретик», но «отступник». «История» Евстратия играет в ней роль притчи, она рисует идеальный путь покаяния по своей воле и до конца жизни. Нищий слепой Евстратий отказывается от царской милости и объясняет свои намерения «до конца жизни не изыти из вертпа сего» стремлением «слезами угасити много пламень съгрешений покаянием и злостраданием и прелестного сего и суетного мира отвержением». ⁴⁸ П. Н. Сакулин назвал Повесть о Евстратии «трактатом по аскетической философии», ⁴⁹ но тенденцией к аскетизму содержание Повести не ограничивается. Оно не ограничивается также только религиозными идеями. В Повести отражены взаимоотношения между светской и церковной властью в рассуждениях на тему равной ответственности перед богом царей-мучителей и рабов. Повесть написана в то время, когда еретики были сильны и страдания и гонения приходилось испытывать тем, кто их обличал. Об этом свидетельствует призыв автора «Слова» к стойкости в страданиях. Обратим внимание на то, что с призывом не малодушествовать обращался к своим сподвижникам Иосиф Волоцкий: «Иисус распят бысть нас ради безгрешных, а мы за распятого нас ради не постражем ли до смерти». ⁵⁰ В Повести призыв к стойкости в вере помещен так же, как и у Иосифа Волоцкого, после рассказа о страданиях Иисуса Христа: «...и яко злодея посреди разбойников распяша и не погребен лежаше. Понимающе же сих да не малодушествоуем, аще что и постражем, възпоминаем же святыя апостолы и мученикы, како повсюду гоними бяху, претръпеша узы и раны, и огонь и мечь, и зверем свирепство, и глад и жажду, и удовь отсечение, и именованием расхищение, и нужную смерть». ⁵¹ Тот, кто, выдерживая страдания, не ропщет на Христа, достоин царства небесного; в заключении «Слова» говорится о таком праведнике, которого «ангелом и архангелом предстоящим пришед Христос и за руку емь в среду вводит позорища оного и всем слышащим глаголет: съи челоуекь многи скрѣби, и тугы, и неизреченныя напасти же, и беды претръпе и не пороита, ни похули, но изволи паче умрети в скорбех же и бедах, нежели предательствовати, яже ко мне приазни». ⁵² Именно «хула на Христа» и была одной из наиболее развитых тем в обличительной полемической литературе. Мы склонны видеть в «Слове» отголоски обсуждения вопроса о мерах наказания еретиков, отступивших от веры: «Аще бо ты раба своего биеши, таже он, приемь раны, отбьгнет твоего

⁴⁷ Источники, стр. 507.

⁴⁸ Сборник Фотия, л. 119 об.

⁴⁹ П. Н. Сакулин. Русская повесть о воеводе Евстратии, стр. 486.

⁵⁰ См.: Послание Иосифа Волоцкого епископу Нифонту Суздальскому (Источники, стр. 425).

⁵¹ Сборник Фотия, л. 125.

⁵² Там же, л. 129 об.

владычества къ врагом твоим, убо възможет ли милость получить? Никако же! Понеже подобает владыце наказати рабь съгрешивших». ⁵³ Во всех других еписках вместо слова «наказати» имеем «казнити».

Идеи «Слова» не противоречат учению обличителей ереси, напротив, они свойственны ему. Так, рассуждения «Слова» о непознаваемости божественного промысла, о бессмертии души и существовании загробного мира полностью соответствуют тем, которые характерны для полемических сочинений, посвященных объяснению причины не состоявшегося второго пришествия Христа.

Повесть о Евстратии — произведение апологетическое, иосифлянское. Так как в Повести утверждается непознаваемость божественного промысла и говорится о том, что не известно, когда состоится «конец миру» («не ведомо бо, аще в вечер сей или заутра изволится владыце призвати нас» ⁵⁴), то можно предположить, что Повесть была написана после того, как официальная точка зрения на несостоявшийся «страшный суд» уже была выработана, т. е. после полемики по этому поводу, отраженной в сочинениях Иосифа Волоцкого, Геннадия и Дмитрия Траханиота.

⁵³ Там же, л. 128.

⁵⁴ Там же, л. 128—128 об. Ср., например, с Восьмым словом «Просветителя», стр. 333.

Я. С. ЛУРЬЕ

Новгородская Карамзинская летопись

Новгородская летопись, сохранившаяся в единственном Карамзинском списке (ГПБ, F.IV.603), до сих пор не опубликована и мало известна в науке. Писал о ней только А. А. Шахматов, обнаруживший ее еще до 1900 г., но колебавшийся в оценке этого памятника. В работе об общерусских летописных сводах XIV—XV вв., упомянув о Карамзинском списке, А. А. Шахматов характеризовал его как первоначальную («основную») редакцию Новгородской IV летописи;¹ но в своей большой, посмертно опубликованной монографии изменил эту характеристику: он пришел к мнению, что Новгородская Карамзинская летопись (точнее — ее оригинал) представляет собой своеобразное соединение НІVЛ и общего протографа НІVЛ и СІЛ — «свода 1448 г.».²

Первое, с чем сталкивается исследователь Новгородской летописи, сохранившейся в Карамзинском списке (далее: НК), — это необычное расположение ее текста в рукописи. Список F.IV.603 — сборная рукопись, состоящая из разных тетрадей: средняя тетрадь, содержащая исследуемую нами НК, написана в конце XV—начале XVI в.; начальная тетрадь, где помещена Палея, и конечная, содержащая особую Новгородско-Псковскую летопись, относятся к совсем иному времени — к XVII в.³ Но и самый текст НК расположен весьма необычным образом — не в хронологическом порядке, а в виде двух летописных выборок: первой, от начала летописного текста до 6919 (1411) г., и второй (помещенной после пробела на второй половине л. 301 и л. 301 об.), с 6496 (988) по 6936 (1428) г. Рассматривать эти выборки как самостоятельные памятники — источники свода, близкого к НІV, — невозможно: текст обеих выборок фрагментарен и обретает смысл и последовательность изложения лишь при воссоединении искусственно разделенных и попавших в разные выборки половинок каждой годовой статьи. А. А. Шахматов дал довольно убедительное объяснение такому построению НК: сначала, по-видимому, писец поставил перед собой задачу значительно сократить оригинал и, начиная с 6496 г., опускал окончания большинства статей (включавшие обычно разделы не новгородского характера); но затем такое сокращение, при котором выпали большие общерусские летописные повести и ряд новгородских известий в конце годовых статей,

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, сентябрь, стр. 96—98.

² А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 190—1955.

³ Подробное палеографическое описание рукописи F.IV.603 см.: Псковские летописи, вып. I. Подготовил к печати А. Н. Насонов. М.—Л., 1941, стр. XIX—XX.

не удовлетворило писца (или его редактора), и он вернулся к оригиналу, включив во вторую выборку все то, что опустил в первой.⁴

Но что представлял собой оригинал дошедшей до нас рукописи НК? Как мы уже видели, памятник этот так или иначе оказывается связанным с НІVЛ или с ее протографом. Исследование НК необходимо поэтому начать с характеристики НІVЛ.

НІVЛ по своему происхождению и основному составу тесно связана, как известно, с летописью общерусского характера, отразившейся на всем московском летописании второй половины XV и XVI вв., — СІЛ; уже А. А. Шахматов обнаружил постоянное совпадение, иногда полное тождество обеих летописей с начала и до 6926 (1418) г. Какая же из этих двух летописей лучше отражает общий протограф («свод 1448 г.», как называл его обычно Шахматов)?⁵ А. А. Шахматов полагал, что «НІVЛ по составу своему оказывается первоначально СІЛ»,⁶ хотя и признавал, что в значительной своей части (во всяком случае — начиная с XIII в.) первая редакция СІЛ передает общий протограф без всяких дополнений.⁷ Не разбирая здесь этого вопроса подробно,⁸ укажем, что полное сличение обеих летописей не подтверждает мнения о первоначальности текста НІVЛ. Большие общерусские повести — о битве на Калке, нашествии Батыя, — житийные рассказы об Александре Невском, Довмонте и другие сохранились в СІЛ лучше и ближе к оригиналам; сохранила СІЛ, несмотря на свой общерусский характер, и ряд новгородских статей, опущенных в НІVЛ, — Русскую Правду, рассказ о взятии Царьграда фрягами в 6712 г. (он читается и в НІЛ), Послание новгородского владыки Василия о земном рае под 6855 г. и ряд других известий. Вторичность текста НІVЛ подтверждается и обилием дублировок в этом тексте: о многих событиях (битва на Воже, битва на Пьяне, смерть ряда князей и иерархов) сообщается здесь дважды, причем одна версия совпадает с СІЛ и восходит, очевидно, к общему с ней протографу, а вторая представляет собой чаще всего новгородское известие о том же факте. Можно считать поэтому, что НІVЛ была особой новгородской переработкой свода, служившего протографом НІVЛ—СІЛ.

Как же соотносится с этим протографом НК? Последовательное сопоставление этой летописи с НІVЛ и СІЛ подтверждает наблюдение А. А. Шахматова, что в НК в ряде случаев читается более первоначальный текст, чем в НІVЛ. Здесь, как уже отметил А. А. Шахматов, сохранились (в обеих выборках) статьи, отсутствующие в НІVЛ (как и в СІЛ) — например, грамоты в Новгород патриарха Антония 6897 и 6902 гг., которые упоминались (первая даже частично приводилась) в НІVЛ и, следовательно, должны были находиться в ее протографе. Но значит ли это, что текст НК отражает общий протограф НІVЛ и СІЛ? Заметим прежде всего, что следы обеих грамот Антония, сохранившихся в НК, отыскиваются только в НІVЛ, в СІЛ их нет; обе грамоты адресо-

⁴ А. А. Шахматов. *Обозрение...*, стр. 193—195.

⁵ В более поздних работах А. А. Шахматов видоизменил определение протографа СІА—НІVЛ, назвав его «Новгородско-Софийским сводом» (А. А. Шахматов. *Обозрение...*, стр. 336). Ср.: Я. С. Лурье. К проблеме свода 1448 г. — *ТОДРЛ*, т. XXIV, М.—Л., 1969, стр. 143—144.

⁶ А. А. Шахматов. *Обозрение...*, стр. 152.

⁷ Там же, стр. 212.

⁸ Ему посвящено специальное исследование: Я. С. Лурье. *Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей.* — *ТОДРЛ*, т. XXVIII, Л., 1973, стр. 114. Текст НІVЛ см.: ПСРЛ, т. IV, изд. 2-е, ч. 1. Пгр.—Л., 1915—1929; текст СІЛ до 6763 г. см.: ПСРЛ, т. V, изд. 2-е, вып. 1, Л., 1925; после 6763 г. см.: ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 188—275.

ваны в Новгород и не обязательно должны были содержаться в протографе НІVЛ—СІЛ.

Обнаруженные нами вторичные черты НІVЛ по отношению к протографу НІVЛ—СІЛ свойственны и тексту НК. Совпадают с НІVЛ и имеют явно вторичный характер большие общерусские повести НК о битве на Калке (с такими же изменениями в рассказе о половецких дарах, как в НІVЛ), о нашествии Батяга (как и в НІVЛ, подробности описания разгрома Рязани здесь отнесены к Владимиру), Александре Невском и Миндовге; от рассказов об убийстве Андрея Боголюбского, Михаила Черниговского и Михаила Тверского остались, как и в НІVЛ, лишь небольшие фрагменты. Нет в НК также Русской Правды, пространной повести о взятии Царьграда в 6712 г., Послания Василия о земном рае и других многочисленных статей СІЛ новгородского происхождения, восходящих, по всей видимости, к общему протографу СІЛ—НІVЛ.⁹ С другой стороны, в НК отыскиваются многочисленные дублировки, характерные для НІV (как мы увидим, их даже больше, чем во всех списках НІV); правда, благодаря разделению текста на две части одни и те же события оказались в большинстве случаев упомянутыми не рядом, а в разных выборках. Однако механичность этого разделения доказывается тем обстоятельством, что версии, совпадающие с СІЛ (и, следовательно, могущие быть отнесенными к общему протографу), не оказались в какой-либо одной из этих выборок, а обнаруживаются (как и индивидуальные версии НІVЛ) то здесь, то там. Так, известия о смерти князя Ярослава Владимировича в 6646 г., Михаила Юрьевича в 6684 г., Василия Ярославича в 6784 г. и Андрея Александровича в 6812 г. даны в первой выборке в версии, сходной с СІЛ, а во второй — в особой версии; между тем как известия 6886 г. о Пьяне и 6887 г. о Воже в первой выборке даны в индивидуальных версиях НІVЛ, отличающихся от общих текстов НІVЛ—СІЛ о тех же событиях (последние попали во вторую выборку). В одной и той же второй выборке НК, как и в НІVЛ, дважды (под 6764 и 6766 гг.) помещено известие о «числе» (переписи).

Но если НК, таким образом, не может рассматриваться как отражение «свода 1448 г.» — общего протографа НІVЛ и СІЛ, то первичность целого ряда ее текстов и известий по отношению ко всем известным нам спискам НІVЛ несомненна. Об этом свидетельствуют не только обнаруженные А. А. Шахматовым в НК тексты грамот (патриарха Антония и др.), которые, судя по упоминаниям о них, должны были содержаться в архетипе НІVЛ, но и целый ряд явно первичных чтений НК, совпадающих с параллельными текстами СІЛ, или общих источников СІЛ—НІVЛ. Так, повествуя о затмении 6612 г., НК, как и СІЛ (вслед за Повестью временных лет), сообщает (л. 264), что оно происходило «февраля 4, 5, 6, по три дни и по три ноци» (НІVЛ — «февраля в 11»); рассказывая о колдовстве волхвов в 6735 г., НК (как и НІЛ) прибавляет (л. 278 об.): «...ино о том бог вестъ» (в НІVЛ нет); об умершем в 6802 г. князе Дмитрие Александровиче, как и в СІЛ, сказано (л. 334 об.), что он правил «лет 20 без дву» (в НІVЛ — «18»); под 6831 г. (л. 285 об.) здесь, как и в СІЛ (и в НІЛ), читается известие о построении города на Орехове-острове (в НІVЛ нет); под 6885 г. рассказывается, как и в СІЛ, о походе новгородцев «на Каяно море на Тивролу» (л. 358 об.), — известия этого нет

⁹ Как и НІVЛ, НК, перечисляя князей под 6395 г., ошибочно называет московского князя Даниила Ярославича (л. 190 об.; СІЛ — Даниила Александровича), а рассказывая о сражении под Раковором в 6776 г., упоминает среди убитых посадников «Михаила Федоровича, Микифора Черного» (л. 332 об.); СІЛ называет вместо этого «Михаила, Твердислава Черного», и это чтение совпадает с НІЛ.

ни в НІVЛ, ни в НІЛ, но оно явно новгородского происхождения; ¹⁰ под 6905 г. (л. 405), как и в СІЛ, сообщается о приезде в Новгород вместе с литовским князем Наримонтом «Василия Ивановича Смоленского» (об этом же сообщала и НІЛ; в НІVЛ этого известия нет); под 6916 г. (л. 416 об.) упомянуто, что Едигей, придя к Москве, «да грамоту в град»; далее следует текст грамоты (в СІЛ грамоты нет, а в НІVЛ есть грамота, но нет никакого пояснения, откуда она взялась), и т. д.¹¹

Особого внимания заслуживает еще одно совпадение НК с СІЛ. На 6926 (1418) годе сходство СІЛ с НІVЛ, как мы знаем, прекращается; вопрос о том, что читалось в дальнейшем тексте протографа обеих летописей, вызывал споры в науке: А. А. Шахматов считал, что конец «свода 1448 г.» (который он считал новгородским сводом) сохранился в НІVЛ,¹² а М. Д. Приселков искал окончание этого свода (по его построению — митрополичьего) в младшей редакции СІЛ (в старшей редакции текст оканчивается 6926 г.).¹³ В тексте НК, несмотря на ее новгородский характер, сохранилось одно общерусское известие и после 6926 г. — и известие это совпадает с СІЛ младшей редакции: под 6932 г. (л. 425 об.) здесь сообщается, что после смерти Василия Дмитриевича «седе на великое княжение сынъ его Василей» (в СІЛ сходный текст под 6933 г.).

О первичности текста НК по отношению к НІVЛ говорят даже некоторые дублировки в НК. Под 6665 г. в первой выборке известий в НК (л. 268) мы читаем: «... преставись князь Юрий Володимерич в Кieve», — известие, идентичное с НІVЛ и СІЛ, а во второй выборке (л. 309) вновь сообщается: «... преставись Юрий Володимерич Мономаха маиа 15, княжив в Кieve лет 3», и эта дублировка оказывается не индивидуальной особенностью НК, а точным воспроизведением аналогичной дублировки, которую мы можем обнаружить и в тексте СІЛ. Несколько иной характер имеют дублировки, присутствующие только в НК. Дважды сообщается об одних и тех же событиях под 6600 г. (чудо в Полоцке — л. 262, и л. 303), 6885 г. (война новгородцев с немцами — лл. 291 и 358 об., во втором случае речь идет уже об упомянутом походе «на Каяне море»), 6910 г. (о знамении — лл. 295 и 409 об.), 6916 г. (о приходе Едигея — лл. 296, 416 об. и 418) и 6917 г. (об Анфале — лл. 296 и 419); при этом одна версия в НК оказывается совпадающей с СІЛ (и отсутствует в НІVЛ), а вторая — с НІVЛ.¹⁴ В отличие от двойного известия о смерти

¹⁰ Ср.: А. А. Шахматов. *Обозрение...*, стр. 185, прим. 2.

¹¹ Лучшие чтения НК за период до начала XII в. (соответствующий Повести временных лет) частично отмечены в неизданной части «Обозрения летописных сводов» А. А. Шахматова: Архив Академии наук (Ленинград), ф. 134 (фонд Шахматова), оп. 1, № 110/I—IV (далее: Шахматов. *Рукопись*), лл. 310—312. В НК (л. 292; ср. л. 377 об.) нет также, в отличие от НІVЛ, дублировки известия о ссоре ореховцев с князем Патрикеем в 6898 г. (в СІЛ нет ни одной из версий этого известия); под 6898 г. (л. 396) в НК сообщается о приходе Василия Дмитриевича «в отчину свою на Москву» (в НІVЛ нет), и принадлежность этого текста оригиналу доказывается не только тем, что аналогичное, но более развернутое известие помещено в соответствующем месте СІЛ, но и тем, что далее и в НК (л. 396 об.), и в НІVЛ читается фраза, непосредственно связанная с предыдущей: «И тогда прииде из Орды посол Улан царевич, и посади его на великом княжении»; под 6925 г. в разговоре Витовта с Цамблаком (л. 422) сохранилась, как и в СІЛ, фраза: «... аще их переприши, то все мы будем христиане, аще ли не переприши».

¹² А. А. Шахматов. *Обозрение...*, стр. 210.

¹³ М. Д. Приселков. *История русского летописания XI—XV вв.* Л., 1940, стр. 150.

¹⁴ Дублировки под 6600 и 6917 гг. отмечены А. А. Шахматовым: А. А. Шахматов. 1) *Обозрение...*, стр. 191; 2) *Рукопись*, лл. 311—312. Кроме перечисленных выше, в НК встречаются дублировки известий (почти все — новгородские), при которых лишняя по сравнению с НІVЛ версия не сходна с СІЛ — под годами 6664

Юрия Долгорукого, восходящего к протографу СИЛ—НИВЛ, эти дублировки, очевидно, того же происхождения, что и многочисленные дублировки в тексте НК и НИВЛ, которые мы отмечали выше: имея в своем распоряжении текст, сходный с СИЛ (протограф СИЛ—НИВЛ), составитель НК (архетипа НИВЛ) дополнил его по какому-то другому (вероятно, новгородскому) источнику; в НИВЛ часть получившихся дублировок была замечена и некоторые из них (обычно сходные с СИЛ) опущены (хотя большинство дублировок осталось незамеченным и сохранилось). Так или иначе, все перечисленные дублировки свидетельствуют о том, что текст НК был ближе к СИЛ, чем текст НИВЛ.

Первичностью текста НК по отношению к НИВЛ объясняется и отсутствие в этом списке целого ряда известий, читающихся в НИВЛ. На то, что в НК нет некоторых известий НИВЛ, частично уже обратил внимание А. А. Шахматов, но он полагал, что эти известия читались в «своде 1448 г.» и были опущены редактором НК, как «казавшиеся ему малоинтересными».¹⁵ Сличение НК с НИВЛ обнаруживает, однако, что речь идет не об отдельных пропусках, а о систематических и последовательных различиях между обоими текстами. Конечно, в оригинале и дошедшем до нас тексте НК можно предполагать некоторое количество случайных пропусков — особенно в тех случаях, когда здесь опущены известия, читающиеся и в НИВЛ и в СИЛ.¹⁶ Но таких пропусков относительно немного. В огромном большинстве случаев известия, отсутствующие в НК, не обнаруживаются и в СИЛ, и это — не случайные пропуски, а отсутствие всей системы известий НИВЛ (по существу — особого летописца) о смене (смерти, смещениях и новых назначениях) новгородских посадников и тысяцких,¹⁷ о пожарах, знамениях, стихийных бедствиях и природных

(назначение игумена Аркадия), 6732 (строительство церковей в Новгороде), 6862 (строительство церковей в Новгороде), 6885 (смерть Ольгерда — дополнительный текст из НИЛ, в СИ—НИВ одно известие о смерти Ольгерда, совпадающее с Троицкой), 6892 (помрачение), 6897 (смерть Дмитрия — дополнительный текст из НИЛ; в СИЛ—НИВЛ один обширный текст «Слова» о смерти Дмитрия), 6919 (поставление церкви в Новгороде). Эти дублировки могут быть объяснены тем, что НК (архетип НИВ) была дополнена не по одному, а по двум новгородским источникам.

¹⁵ А. А. Шахматов. Обзорение. . . , стр. 193.

¹⁶ К этой группе могут быть отнесены пропуски известий 6716 г. об убийстве Олексы Сбыславича (л. 275), о походе на Емь в 6736 г. (л. 278 об.), о столкновении новгородцев с Александром в 6763 г. (л. 329 об.), о третьей поездке Александра в Орду в 6770 г. (л. 330 об.; в СИЛ — подробное известие), о мятеже в Новгороде в 6778 г. (л. 333; ср. л. 281), пропуски некоторых деталей похода Довмонта в 6780 г. (л. 333 об.), пропуски известий о затмении в 6829 г. (л. 285 об.; ср. л. 338), указания на количество лет княжения Юрия под 6833 г. (л. 338 об.), о буре на Волхове в 6853 г. (л. 289; ср. л. 344), об обмене пленными в 6858 г. (л. 346), отсутствие имени убитого воеводы Серпилы под 6875 г. (л. 352 об.), отсутствие рассказа о казни строгольников в 6883 г. (л. 358), названий церковей и некоторых имен в рассказе о новгородско-московской войне 6894 г. (лл. 379 об.—380), отсутствие упоминания о море в 6898 г. (л. 396 об.; этого рассказа нет и в СИЛ, но в оригинале НК он должен был быть, так как далее упоминается прекращение мора), отсутствие упоминания городов, полученных Василием I в 6901 г. (л. 398 об.), известий о пожаре в Твери в 6921 г. (л. 420), об избрании жребием владыки в 6923 г. (л. 420) и о восстании в Новгороде в 6926 г. (л. 424; в СИЛ это известие читается, но короче, чем в НИВЛ).

¹⁷ Годы: 6625, 6626, 6627 (л. 264 об., ср. л. 304 об.), 6634 (л. 265), 6636 (л. 305), 6642 (л. 266), 6643 (лл. 265 об.—266, ср. л. 305), 6644, 6645 (л. 266), 6649 (л. 306 об.), 6652 (л. 267), 6655 (л. 307), 6664 (л. 268, ср. л. 308), 6679 (л. 269 об.), 6683 (л. 311), 6697 (л. 272, ср. л. 313), 6712, 6713, 6714 (л. 275, ср. л. 313 об.), 6717 (л. 275 об., ср. л. 313 об.), 6719 (л. 314), 6727 (л. 277 об., ср. л. 319 об.), 6737 (л. 279 об.), 6739 (л. 320 об.), 6751 (л. 280 об., ср. л. 329), 6763 (л. 329 об.), 6765 (л. 330), 6776 (л. 332 об.), 6781, 6782 (л. 281 об., ср. л. 333 об.), 6788 (л. 333 об.), 6794 (л. 334), 6795, 6798 (л. 334, ср. л. 283), 6823 (л. 337), 6839 (л. 340 об.), 6840 (л. 340 об.), 6850 (л. 343 об.), 6853 (л. 289, ср. л. 344), 6858 (л. 346), 6862 (л. 349 об.), 6867

явлениях в городе,¹⁸ а также известий о внутренних столкновениях в Новгороде, строительстве некоторых церквей и др.¹⁹ Было бы чрезвычайно странно, если бы составитель явно новгородского свода, каким была НК, столь тщательно и последовательно исключал эти известия (в частности, и в первой выборке, где летописец как раз сохранял преимущественно новгородский материал) из своего оригинала, и совсем уж невероятно, чтобы эти многочисленные купюры совпали с точно такими же пропусками в СІЛ. Очевидно, всех этих статей не было в общем протографе СІЛ, НК и НІVЛ. Не было, по всей видимости, в этом протографе и еще одной группы известий, отсутствующих и в СІЛ и в НК и имеющих совсем уже частный характер, — о событиях в жизни новгородца Матфея Михайлова: о его рождении в 6883 г., о смерти его отца в 6890 г. и матери в 6913 г., о его женитьбе в 6914 г. и рождении у него сына в 6919 г. Справедливо предположив, что эти биографические заметки относятся к какому-то лицу, причастному к летописанию и жившему в Новгороде в конце XIV—начале XV в., А. А. Шахматов заключил на этом основании, что Матфей Михайлов был составителем новгородской летописи 20-х годов XV в. («Софийского временника») — одного из двух источников «Свода 1448 г.» — и что его семейные записи из «Софийского временника» попали в «свод 1448 г.», а уже из него — в НІVЛ.²⁰ Этому предположению противоречило, правда, то обстоятельство, что ни одной из записей, относящихся к Матфею Михайлову, не сохранилось в СІЛ, однако А. А. Шахматов придавал особое значение тому, что запись о смерти Михайлы, отца Матфея, как и примыкающие к ней известия (о строительстве церкви и приезде суздальского архиепископа), оказалась в НІVЛ помещенной дважды — в начале и в конце 6890 г.; из этого обстоятель-

(л. 289 об., ср. л. 350 об.), 6893 (л. 378), 6900 (л. 398), 6905 (л. 405), 6913 (л. 412), 6917 (л. 296), 6918 (л. 300 об.), 6922 (л. 420), 6923 (л. 420), 6925 (л. 421 и л. 422). В последней части НК за 6927—6936 гг., не имеющей соответствий с СІ, также отсутствуют упоминания о смене посадников под 6927 г. (л. 424 об.) и 6929 г. (л. 425).

¹⁸ Годы: 6669 (л. 268 об.), 6722 (л. 276 об.), 6738 (л. 279 об.), 6759 (л. 280 об.), 6816 (л. 336), 6819 (л. 336 об.), 6822 (л. 285, ср. л. 336 об.), 6829 (л. 285 об., ср. л. 338), 6839, 6840 (л. 340 об.), 6843, 6844 (л. 341), 6846 (л. 286 об.), 6847, 6848 (л. 341 об.), 6850 (л. 343 об.), 6858 (л. 289), 6868 (л. 350 об., — нет подробностей пожара), 6877 (л. 290 об., ср. л. 352 об.), 6879 (л. 353), 6885 (л. 358 об.), 6886 (л. 291), 6887 (л. 291, ср. л. 360), 6893 (л. 378), 6894 (л. 379), 6896 (л. 381 об.), 6897 (л. 393), 6898, 6899 (л. 397), 6900 (л. 398), 6904 (л. 293 об.), 6908, 6909 (л. 409), 6910 (л. 411 об.), 6911 (лл. 295, 411 об.), 6913 (л. 412), 6914 (л. 413), 6922 (л. 420), 6923 (л. 420), 6925 (л. 421).

¹⁹ Годы: 6694 (л. 272, 313), 6726 (л. 277 об.), 6728 (л. 277 об., ср. л. 319 об.), 6732 (л. 278), 6736 (л. 278 об.), 6738 (л. 279 об.), 6795 (л. 283, ср. л. 334), 6824 (л. 337), 6840 (л. 340 об.), 6850 (л. 289, ср. л. 342 об.), 6858 (л. 346), 6867 (л. 289 об., ср. л. 350), 6896 (л. 381 об.), 6926 (л. 424). Нет в НК также известий о новгородско-литовской войне из-за Луг в 6708 г. (л. 275), о 2-м «числе» из Орды в 6781 г. (л. 281 об.), о походе на мурман и немцев в 6828 г. (л. 338), о строительстве каменной церкви в 6832 г. (л. 285 об., ср. л. 338 об.), об обновлении креста на церкви св. Софии в 6841 г. (л. 286 об.), о походе на Волгу в 6850 г. (л. 289), о подписании церкви на Деревенице в 6856 г. (л. 344 об.), о подновлении церкви «Ореховским серебром» в 6859 г. (л. 346 об.), о поставлении церкви Симеона в 6861 г. и двух церквей в 6862 г. (л. 349 об.), о примирении с князем Иваном в 6863 г. и о «целовании» (присяге) «бочек не пить» в 6866 г. (л. 350), о походе на болгар в 6877 г. (л. 290 об.), о смерти архимандрита Саввы в 6885 г. (л. 359), о приходе Витовта на Рязанскую землю в 6904 г. (л. 404 об.); нет известий о поездке владыки Иоанна во Псков в 6907 г. и смерти брата владыки Василия в 6908 г. (л. 409), о московско-литовском примирении под Вязьмой в 6915 г. (л. 416 об., — в СІЛ об этом событии сообщено, но иначе, чем в НІVЛ), о псковско-немецком и литовском мире в 6917 г. (л. 418), о поездке владыки Иоанна в Псков в 6921 г. (л. 420).

²⁰ Впервые это предположение было высказано в работе: А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв., стр. 114—115.

ства исследователь сделал заключение, что известие о смерти Михайлы читалось и в источнике НІVЛ — «своде 1448 г.».²¹ Обратившись к НК, мы можем убедиться, однако, что известия, примыкающие к записи о смерти Михайлы, здесь помещены всего один раз — в начале 6890 г. (лл. 291 об.—292); сама же эта запись, как и все остальные фамильные известия Михайловых, здесь отсутствует. Заметим также, что повторение в НІVЛ известий начала 6890 г. в конце того же года вообще отличается от остальных дублировок этой летописи — здесь не две версии одних и тех же событий, как мы видели в других случаях, а абсолютно идентичный текст. Нет поэтому основания думать, что перед нами известия из двух источников НІVЛ. Гораздо вероятнее будет другое предположение: систематически пополняя текст своего оригинала по какому-то дополнительному новгородскому летописцу, составитель НІVЛ включил туда наряду с другими местными новгородскими известиями и личные записи Матфея Михайлова конца XIV—начала XV в., а известие о смерти его отца, вместе с соседними известиями, по недоразумению вписал дважды — в начале и конце 6890 г.

Отсутствие в НК ряда статей по внутренней истории Новгорода может, на наш взгляд, служить дополнительным свидетельством первичности НК по отношению к НІVЛ. НК, таким образом, отражает не «свод 1448 г.», а его первую новгородскую переработку, выразившуюся в сокращении больших общерусских статей и введении ряда дополнительных новгородских известий, дублировавших основной текст (среди новгородских дополнений НК были и многочисленные статьи о строительстве в Новгороде). НІVЛ была уже вторичной переработкой оригинала (исключение грамот Антония и нескольких сходных документов, добавления известий о внутренней жизни города; ср. ТОДРЛ, XXVIII, стр. 132).

Нам представляется, таким образом, более справедливой первоначальная характеристика НК, данная А. А. Шахматовым, чем его более поздний взгляд: НК отражает не протограф СІЛ—НІVЛ, а его новгородскую переработку — архетип НІVЛ.²² Но это не означает, что НК может быть безоговорочно отождествлена с НІVЛ и может рассматриваться как один из списков (даже лучших) этой летописи. Отличия НК от НІVЛ, о которых мы говорили выше, — глубокие редакционные отличия. Перед нами особый памятник — «Новгородская Карамзинская летопись». Памятник этот, отражающий относительно ранний этап новгородского и общерусского летописания и содержащий ряд уникальных статей, должен быть издан.

²¹ А. А. Шахматов. *Обозрение...*, стр. 155—156; ср.: М. Д. Приселков. *История...*, стр. 143—144.

²² Против такого предположения могло бы, правда, говорить одно наблюдение А. А. Шахматова: он обнаружил в НК три чтения текста, совпадающие со второй редакцией НІVЛ (Строевский, Академический и другие списки) (А. А. Шахматов. *Обозрение...*, стр. 195, прим. 1). Однако в большинстве случаев текст НК сходен с первой редакцией НІVЛ (Голицынский и Новороссийский списки); А. А. Шахматов, обнаруживший некоторые из этих совпадений, возводил их к влиянию «свода 1448 г.», считая, что НК была соединением двух текстов — «свода 1448 г.» и второй редакции НІVЛ (там же, стр. 195, прим. 2). Мы могли бы предполагать, что в НК отразился архетип НІVЛ и вторая редакция этой летописи, но в таком построении нет необходимости: вторая редакция НІVЛ не была простым отражением первой (это признавал и А. А. Шахматов, — ср.: там же, стр. 187—188), и содержащиеся в ней две описки («Днепр» вместо «Днестр» и «платком» вместо «платом») и одно отступление от древнего текста («провар» вместо «берковских») могли отражать текст архетипа НІVЛ, отразившегося и в НК; первая редакция НІVЛ, вообще значительно дополнившая и изменившая текст по сравнению с архетипом, исправила эти три чтения.

А. А. ШАЙКИН

«Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле» и народная сказка¹

В русской литературе XV—начала XVI в. появляется ряд переводных и оригинальных произведений, традиционная историчность которых оказывается лишь привычной «внешностью», так как сюжеты в них полностью или во многом вымышлены. Вместе с вторжением вымысла изменяются и другие уровни повествования, образуя в целом новый для древнерусской литературы новеллистический жанр. Преобразования происходят под непосредственным воздействием фольклора, и прежде всего народной сказки, влияние которой было жанрообразующим. Одно из первых новеллистических произведений — «Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле», созданная, как считает М. О. Скрипиля, в начале XVI в.²

События, изображенные в повести, по своему смыслу и масштабу как бы стоят на уровне «исторических»: в ней идет речь о борьбе вероисповеданий («латинской» веры и православия) — она завершается эпизодом низложения и казни несправедливого царя-«законопреступника», — воцарении при всеобщем народном одобрении царя праведного, и восстановления поправленной справедливости. Такие события, совершившись они в жизни, безусловно достойны внесения в летопись или хронику и по своему характеру вполне соответствуют традиционному материалу древнерусских исторических повествований.

Но в действительности героями этих «исторических» событий оказываются безвестный купец и его семилетний сын, — персонажи, менее всего соответствующие традиционным типам исторических деятелей; их врагом — царь, одно имя которого, Несмеян Гордый, заставляет вспомнить не об истории, а о сказках; сами события, несмотря на их внешний «исторический» масштаб, выглядят в повести как случай из жизни купца; странен для исторического повествования способ завоевания престола и города: вместо вооруженной борьбы — отгадывание загадок; необычен и семилетний возраст героя, занимающего царский трон, и т. д. Все это должно было заставить древнерусского читателя усомниться в достовер-

¹ Текст цитируется по изданию: Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле. Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969, II редакция («Киевская»), вариант 1а, стр. 92—97 (далее: Повесть о Басарге). Несмотря на то что первичной является «Антиохийская» редакция (см.: Повесть о Басарге, стр. 52—56; Я. С. Лурье. Повесть о Дмитрие Басарге и его сыне Борзосмысле. — ИОЛЯ, т. XXIX, 1970, стр. 349), этот текст выбирается как наиболее популярный и близкий к сказке.

² Повесть о Басарге, стр. 25—26.

ности рассказываемого — главнейшем условии традиционного исторического произведения. «История не сочиняется, — пишет Д. С. Лихачев. — Сочинение, со средневековой точки зрения, — ложь».³

Более или менее вольная (и сознательная) интерпретация истории могла быть в произведениях XV—XVI вв. («Сказание о князьях владимирских»), продолжал широко привлекаться фольклорный материал (повести о Вавилоне), использовались церковные легенды («Повесть о новгородском белом клобуке»), но достоверность сообщаемого в этих произведениях тем не менее не ставилась под сомнение. Напротив, такое псевдоисторическое сочинение, как «Сказание о князьях владимирских», играло большую роль в политической жизни в качестве документа.⁴

Сложнее в этом отношении обстоит дело с такими произведениями, как «Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Повесть о Дракуле», вымышленность которых была в значительной мере явной, открытой. Но и здесь повествование опиралось на какие-то действительные факты, имена.

Фабула «Повести о Басарге» вымышленна полностью, от начала до конца, и вымышленность в ней, как это будет видно из дальнейшего, явно сознательна. Событий, изображаемых в повести, в действительности не происходило. «Доля историчности», допускаемая М. О. Скрипилом для праистории сюжета, рассматривается исследователем как «художественное обобщение многовековой борьбы между Византией и Римом» на малоазиатской территории;⁵ причем «художественное обобщение» это было фольклорного, сказочного типа. Перейдя на русскую почву, сюжет утратил и эту «долю историчности». «Повесть о Басарге» соответствовала только духу отношений русского православия к византийскому,⁶ но никаких реалий под собой не имела. Создание произведения, построенного на заведомо вымышленной основе, могло опираться на существующую литературную традицию в очень малой мере, и скорее даже принципиально противоречило ей.⁷

В устной традиции вымысел использовался шире, но как жанровое свойство был присущ только сказке. Сообщаемое эпосом, с народной точки зрения, достоверно: предания, былички, легенды, сказы «основаны на попытках передать реальность. В действительность рассказываемого, — считает В. Я. Пропп, — народ в этих случаях верит».⁸ Сказка же, напротив, как художественный жанр рождается благодаря вымыслу, вымысел конститутивен для нее, и это хорошо осознается и сказителями, и их аудиторией.⁹

Предшествующие исследователи давно установили фольклорность основных мотивов и ситуаций повести, образов в ней, совпадений с фольклором в стиле.¹⁰ Более того, М. О. Скрипил убедительно показал, что

³ В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971, стр. 58.

⁴ См.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 110—156.

⁵ Повесть о Басарге, стр. 24—25.

⁶ Там же, стр. 25—27.

⁷ Д. С. Лихачев пишет о древнерусской литературе: «Открытый вымысел не допускается. Все произведения посвящены событиям, которые были, совершились или хотя и не существовали, но всерьез считаются совершившимися» (В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. Художественное наследие Древней Руси и современность, стр. 57).

⁸ В. Я. Пропп. Жанровый состав русского фольклора. — РЛ, 1969, № 4, стр. 58.

⁹ См.: Э. В. Померанцева. Русская народная сказка. М., 1963, стр. 4—10. Здесь же обзор и библиография вопроса.

¹⁰ Обзор и библиографию изучения «Повести о Басарге» см.: Повесть о Басарге, стр. 3—10.

«праистория сюжета „Повести о Басарге“ и последующая история ее текста связывают ее пути с народно-поэтическим творчеством», и по преимуществу со сказкой.¹¹ Однако это не привело к новому взгляду на жанровую природу повести. Так, показывая на большом материале сказочность всех событийных элементов, исследователь тем не менее считал, что «содержание „Повести о Басарге“, возникшей на основе греческого сказания, вскоре стало восприниматься как действительный случай из жизни купца».¹² Тем самым повесть признается вполне традиционной.

В новейшей монографии «Истоки русской беллетристики» также отмечается, что не только отдельные мотивы и образы, а вся основная сюжетная схема «Повести о Басарге» заимствована из фольклора, рассматривается новаторство автора в изображении персонажей, но вопрос о жанровом новаторстве не ставится.¹³ Подойти к решению этого вопроса способом отыскивания конкретных фольклорных параллелей нельзя, это возможно только на пути сравнения жанровых свойств и категорий.

Категория вымысла — важнейшая художественная категория, отличающая новые жанровые образования от традиционных средневековых, характеризующихся установкой на достоверность. На первый взгляд может показаться, что те или иные мнения о восприятии содержания «Повести о Басарге» как достоверного или вымышленного обречены оставаться в области предположений, так как проверить их каким-либо непосредственным образом невозможно. Но это не так. Жанр представляет собой систему свойств и категорий. Особенность любой системы состоит в том, что все основные ее элементы необходимо должны быть согласованы. В этом убеждает и анализ «Повести о Басарге».

Типы героев — жанровая категория. Жанр определяет тип героя.

В традиционных древнерусских литературных жанрах исторического характера (летописях, воинских повестях, словах, сказаниях и др.) мы не встретим купцов, выступающих в роли покорителей государств. Это дело князей, воевод, но никак не купцов. В эпосе — это дело богатырей. Эпические купцы могут вступать в борьбу с городом (Садко), жениться на княжеских дочерях (Соловей Будимирович), но, какими бы могучими они ни были, царств они не покоряют и не получают. Былина «Глеб Володьевич», которую обычно упоминают и анализируют в связи с сюжетом «Повести о Басарге», своим героем имеет князя Глеба Володьевича, расправляющегося с «еретицей Маринкой», а не купцов-корабельщиков.

В «Повести о Басарге» вершителем «исторических событий» оказывается именно купеческий сын. Несоответствие этого «низкого» героя внешнему масштабу событий очевидно. И тем не менее вопрос о том, почему древнерусский книжник выбрал героем повести купеческого сына, а не князя, не воеводу или боярина, как того требовала традиция, не ставился.¹⁴

Если согласиться с М. О. Скрипилом, что содержание «Повести о Басарге» воспринималось как «действительный случай» и, следовательно, повесть была вполне традиционной, вопрос о «несоответствии героя событиям» не может быть разрешен. В традиционном историческом пове-

¹¹ Там же, стр. 37.

¹² Там же, стр. 27.

¹³ Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 374—375.

¹⁴ Предположение М. О. Скрипила, что «купец» появился уже в устном греческом «Сказании о паре латинской веры», на основе которого, по мнению исследователя, была создана «Повесть о Басарге» (см.: Повесть о Басарге, стр. 25), не снимает вопроса, а переводит его в другой план: почему в таком случае купец был сохранен древнерусским книжником, который не мог не сознавать упомянутого несоответствия.

ствовании купеческий герой не может быть вершителем исторических событий, он вообще не может быть собственно героем.

Вопрос о герое может быть решен только в том случае, если допустить сознательное следование автором «Повести о Басарге» не литературной, а сказочной традиции, причем не только в частностях, а в самом типе, т. е. жанре произведения, ибо такие категории, как достоверность—вымысленность, тип героя (исторический, официальный, «высокий» — вымышленный, неофициальный, «низкий»), относятся к числу основных жанровых категорий.

Действительно, сказочный материал «Сказания о царе латинской веры», специфически сказочный характер разрешения основного конфликта в нем (отгадывание загадок) требовали и соответствующего героя. Главный герой «Повести о Басарге» Борзосмысл имеет как бы двойное сказочное амплуа: «мудрого отрока» и «купеческого сына». Первое амплуа, видимо, истинное и основное: оно необходимо для сказочной борьбы с «царем-законопреступником». Второе, вероятно, явилось позднее, для мотивировки плавания по морю. Оно нисколько не противоречило первому, даже, напротив, усиливало его. В русском фольклоре есть характерная группа сказок о «купеческих сыновьях», добывающихся царского трона и брака с царскими дочерьми. Русский автор, которому, по словам М. О. Скрипиля, «бесспорно близко эпическое миропонимание»,¹⁵ мог, таким образом, опираться не только на греческое сказание, но и на родную сказочную традицию, в которой широко представлены и сказки о «мудрых отроках», и сказки о «купеческих сыновьях».¹⁶ Поэтому, если счесть вероятным предположение, что древнерусский автор создавал в «Повести о Басарге» не традиционную историческую повесть, основанную на действительном случае, а сознательно вымышленное произведение с преимущественной ориентацией на сказку, в чем убеждает и ряд последующих наблюдений, вопрос о герое снимается: в этом случае он полностью соответствует характеру складывающегося сказочно-новеллистического жанра. Я. С. Лурье отмечает попытки реалистической конкретизации в изображении героя: «Главный герой „Повести о Басарге“ Борзосмысл, обладая недетской мудростью, оставался при этом все же ребенком: ему вовсе не были присущи, например, то обязательное отвращение к „играм детским“ и „пустошным забавам“ и пристрастие к „духовным делам“, которыми даже в младенческие годы отличались житийные герои».¹⁷ Борзосмысл, в соответствии со своим семилетним возрастом, охотно «скачет» на прутике, воображая себя всадником. «Тако же подобает детям игры творити», — замечает по этому поводу автор.¹⁸

Черты нового жанра и «Повести о Басарге» отчетливо прослеживаются и в характере изображения борьбы и событий. Помимо того, что события, изображаемые в повести, вымышлены, что сами герои и способ их борьбы друг с другом идентичны сказочным, общая интерпретация смысла и целей всего происходящего также отличается своеобразием. Борьба в «Повести о Басарге» является в значительной мере не общественным, не государственным, а личным делом героя. Купец Дмитрий Басарга стре-

¹⁵ Повесть о Басарге, стр. 37.

¹⁶ Сказки о «купеческих сыновьях» см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 2. М., 1958, №№ 230—232, 252, 253; аналогично складывается судьба купеческих дочерей: там же, т. 3. М., 1958, №№ 336, 337, см. также №№ 242, 243, 256, 295. Сказки о «мудрых отроках»: там же, т. 2, №№ 241, 247, 257, 259. О Немеяне-царевне см.: там же, № 297. О загадках, связанных с потерей головы и царства см.: там же, т. 3, № 322 (далее: Афанасев).

¹⁷ Истоки русской беллетристики, стр. 377.

¹⁸ Повесть о Басарге, стр. 100.

мится избежать встречи с Несмеяном Гордым и только из-за «охранительных» мер последнего это ему не удастся. Герой оказывается вовлеченным в борьбу поневоле, он выступает как заместитель отца, спасающий его (да и свою) жизнь. Общественный, религиозно-христианский смысл и масштаб изображаемым событиям придается впоследствии (в чем несомненно сказывается влияние книжной традиции), поскольку благополучно разрешается личная судьба героя. Этот личностный характер целей борьбы усиливается и завершается вступлением героя в брак с дочерью убитого царя. Трон и невеста — традиционная сказочная награда герою за борьбу.

История в «Повести о Басарге» обрамляется личной судьбой, семейной тематикой. Эта сугубо новеллистическая интерпретация событий, не свойственная ни древнерусской литературе предшествующего периода,¹⁹ ни героическому эпосу, родственна сказочной. Сказочный герой может совершать любые подвиги, ему случается освободить города и царства, но при этом основной и конечной целью его борьбы является его собственная, личная судьба. Как писал В. Я. Пропп, «если в эпосе герой побивает змея и тем спасает Киев от бедствия, то сказочный герой побеждает змея, чтобы жениться на освобожденной им девушке».²⁰

Исследуя композицию «Повести о Басарге», М. О. Скрипиль отметил, что «рассказ в отношении архитектоники представляет собою в высшей степени сложное явление. В нем объединено несколько странствующих сюжетов, хорошо известных в народном эпосе Запада и Востока: буря на море, прибывающая корабли купцов к незнакомому городу, где их ожидают опасные приключения; состязание в мудрости между царем и отроком в форме загадывания и отгадывания загадок, и пр.».²¹ При ближайшем рассмотрении характера и последовательности соединения отдельных композиционных элементов в «Повести о Басарге» обнаруживается, что ее «архитектоника» поразительно близка структуре волшебной сказки. Приведем описание композиции повести в терминах, предлагаемых В. Я. Проппом для волшебной сказки.²²

Исходная ситуация: «Бысть неки купец богат зело в Русской земли во граде Киеве, именем Дмитрией».²³

Отлучка: «И некогда прилучися ему отплыти от славного Царяграда».²⁴

Отплытие Дмитрия тождественно отлучке тех сказок, где беда происходит с теми, кто отлучается.

Эпизод «бури на море» мотивирует характерную для сказок случайную и вместе с тем неизбежную встречу героя и антагониста.

¹⁹ Нечто подобное отмечает Д. С. Лихачев и в собственно исторических жанрах XVI в.: «... если раньше, до XVI в., в летописях и исторических повестях князя изображались только постольку, поскольку они вершили эту историю, то теперь, в XVI в., возникает самостоятельный интерес к жизни исторического лица, — интерес настолько сильный, что сама история становится как бы частью его жизни» (Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, стр. 97).

²⁰ Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958, стр. 259.

²¹ Повесть о Басарге, стр. 12—13.

²² В. Я. Пропп. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969, стр. 29—60.

²³ Повесть о Басарге, II редакция («Киевская»), вариант Ia, стр. 92—97. Дальше цитаты по этому тексту в сносках отмечаться не будут. Указания на страницы приводятся в тексте.

²⁴ В вариантах Iv, Ig(M), Ig(Ш), Ig(N), III, IV(Y), IV(C), V, VI и в Усть-Цилемской переработке повести Дмитрий отплывает от «славного града Киева». Варианты II, VII, VIII «Киевской» редакции и III редакция вообще не называют места отплытия. См.: Повесть о Басарге.

Запрет. Прямого запрета в повести нет, но формально ему может соответствовать следующее место: «И рекоша ему граждане: „Бърате купче, единыя веры с нами! Но токмо за наше согрешение послал нам бог царя законопреступника ельлинъския веры, хоцет нас привести к своей вере“».

Дмитрий объединяется здесь с православными, в чем-то согрешившими перед богом, т. е. нарушившими какой-то запрет. Религиозная интерпретация функций запрета и нарушения вполне понятна в книжной повести, посвященной борьбе вероисповеданий. Запрет в повести несколько отдален, но и «сказка обычно упоминает об отлучке сперва, а затем о запрете».²⁵

На этом заканчивается подготовительная часть. Далее следует в р е д и т е л ь с т в о, которым открывается завязка.

Антагонист заточает, задерживает: «Сие же Дмитрей услыша от граждан, возвратися на корабль свой, хотя отплыти от града того. И прииде на корабль свой, ажно на корабле стоят царевы стражи. Таков закас от царя: каков приидет корабль, а царь повелит стражам своим стрещи, дабы прочь не отошел». Сюда же входит и сообщение Несмеяном Гордым своих условий Дмитрию (стр. 93).

О беде сообщается герою: Дмитрий рассказывает об условиях царя своему сыну Борзосмыслу (стр. 93).

Начинающееся противодействие: «Аз, отче, помогу ти! Возверзи на господа печаль твою, и той тя препитает; молися богу, а царевы загатки отгадаю».

Отправка: Борзосмысл с отцом и рабом отправляются к царю (стр. 94).

Борьба. Герой и антагонист вступают в состязание: «Царь же рече детищу: „Где тебе мои загатки отгадать, а я загадываю сему кушцу, а не тебе!“. Отрок же рече: „Аз емь сего кушца сын, отгадаю загатки за отца своего“».

Далее следует загадывание загадок — трудная задача — и их решение (стр. 94). Отгадывание третьей загадки переходит в наказание врага. Отгадывая эту загадку («чтоб я, поганой, вам, христианом, не съмеялся»), Борзосмысл требует, чтобы Несмеян Гордый передал ему собственноручно все царские регалии и самый трон (по существу — это низложение царя). Когда эти требования выполняются, Борзосмысл обращается к народу с вопросом о вере: «„Попы и дьяконы, князи и бояра! В которого бога хотите веровать?“». Возопиша вси людие: „Хотим веровать во святую Троицу, Отца и Сына и Святаго духа, — помози нам!“. Детище же извлекши меч и отсече главу царю: „То тебе моя третия отгатка, не смеялся б поганой нам, христианом!“». Таким образом, функция решения органически переходит здесь в функцию наказания врага.

Последним и необходимым элементом подобной сказочной структуры является вступление героя в брак и воцарение. По предположению М. О. Скрипиля, «Сказание о царе латинской веры» заканчивалось обезглавливанием Несмеяна Гордого и воцарением отрока.²⁶ Подобные концовки встречаются в народных сказках, но самой распространенной и исконной формой является полная, состоящая из убийства старого царя, воцарения героя и его вступления в брак с дочерью уби-

²⁵ В. Я. Пропп. Морфология сказки, стр. 30.

²⁶ См.: Повесть о Басарге, стр. 36.

того царя.²⁷ Именно так и заканчивает автор «Повести о Басарге» свой рассказ, дописывая, если верна точка зрения М. О. Скрипиля, эпизод женитьбы семилетнего героя на восьмилетней дочери убитого царя (стр. 96). Это лишний раз подтверждает сознательное использование сказочной традиции в «Повести о Басарге».

Далее Борзосмысл вызывает в покоренное царство свою мать и родственников, — мотив, возможно, навеянный христианским благочестием, — но подобные концовки имеются и в народных сказках.²⁸

Композиция произведения не безразлична его жанру. Летописный рассказ, историческая повесть призваны изображать действительные события, поэтому композиция в произведениях этих жанров определяется в значительной мере внехудожественными целями. В соответствии с жанровым назначением она следует действительному ходу изображаемых событий. Интерес к традиционным историческим произведениям обуславливался прежде всего значительностью затрагиваемых тем, важностью исторических событий или деятелей.

Вымышленная повесть с вымышленными и «низкими» героями, естественно, такого внелитературного интереса иметь не могла, она должна была вызывать его сама по себе. Как на одно из важных свойств в этом отношении Я. С. Лурье указывает на «экзотичность» материала «Повести о Басарге».²⁹ Но, по-видимому, дело не в одной только экзотичности. Занимательность, собственно литературный интерес «Повести о Басарге» кроется в особенностях рассказа в целом. Этому служит захватывающий сюжет, острота коллизий, активное сочувствие герою. Внимание читателя привлекается с первых строк; следуя за напряженно развивающимся действием, оно не ослабевает до конца. Таких новеллистически остросюжетных повествований, предельно экономичных во всем, что не касается непосредственно фабулы, древнерусская литература знала немного. Между тем и эти качества сообщаются «Повести о Басарге» ее источником — народной сказкой. Они приходят вместе со сказочной структурой (выявленной выше). В сказке все построено на занимательности, необычности, «экзотичности»; ее сюжет всегда предельно событийен, ничто не задерживает стремительного развития действия.³⁰ Сказка, пожалуй, — наиболее беллетристический жанр фольклора, поэтому она и оказалась способной содействовать рождению новеллистического жанра в литературе.

События, вызвавшие к жизни сюжет, на основе которого создавалась «Повесть о Басарге», относились, по предположению М. О. Скрипиля, к XI—XIII вв. и были связаны с борьбой в малоазийских городах между византийским (православным) и римским (католическим) влиянием.³¹ Между тем в «Повести о Басарге» никаких указаний на давность нет, она создана и осознается как повествование о настоящем, на что с особенной отчетливостью указывают попытки сказовой ее обработки.³² В старшей («Антиохийской») редакции события еще привязаны к конкретному городу — Антиохии, как к одному из наиболее значительных очагов борьбы между Византией и Римом, но в последующих редакциях, начиная со II («Киевской»), Антиохия заменяется «неким градом вели-

²⁷ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 309—319.

²⁸ Афанасьев, т. 2, № 240, стр. 265.

²⁹ Истоки русской беллетристики, стр. 365—366.

³⁰ См. характеристику сказки в этом отношении у В. Я. Проппа: Фольклор и действительность. — РЛ, 1963, № 3, стр. 64—67.

³¹ Повесть о Басарге, стр. 23—25.

³² Там же, II («Киевская») редакция, варианты IV (У), IV (П), IV (Р).

ким»³³ и повествование оказывается свободным и во времени, и в пространстве, что плохо согласуется с традицией исторических произведений, всегда стремящихся точно указать время и место действия. Это «странное» обстоятельство может быть объяснено только сказочной, а не вообще фольклорной, праисторией сюжета «Повести о Басарге».

Героический эпос стремится локализовать место и время действия, относя его в далекое «эпическое прошлое». Другие повествовательные жанры фольклора, всегда связанные с попыткой передать реальность, как писал В. Я. Пропп, также относят свое действие в прошлое, по мере того как отходит в прошлое «передаваемая реальность». Только вымышленное сказочное действие свободно, не закреплено во времени; сказочное обобщение мыслится как вечное и потому равно относится к любому времени, а тем самым — и к настоящему. Действительно, странно было бы предполагать, что сказочный сюжет о борьбе мудрого отрока с царем способом загадывания и отгадывания загадок, бытовавший, как показали В. Андерсон и М. О. Скрипиль, на огромных территориях Востока и Запада задолго до XI в.³⁴ и затем включивший в свое обобщение еще один эпизод, связанный с борьбой между Византией и латинским Западом на малоазиатской территории, сохранил бы о нем особые исторические воспоминания. Сказочное обобщение — предельное обобщение, оно с легкостью продвигается во времени и пространстве, приспосабливаясь к любой действительности. Это доказывает и сюжет, легший в основу «Повести о Басарге». Только благодаря сказочности сказания о царе латинской веры оказались возможными переосмысление его в повесть о случае из жизни русского купца и приурочение к настоящему, к действительности XVI в. Глубокою и тонкою характеристикой этого процесса дал М. О. Скрипиль. «В аспекте нового понимания всего содержания повести, — писал ученый, — по-новому, совсем уже в унисон с самыми злободневными общественно-историческими представлениями начала XVI века, зазвучала передача регалий римского царя (жезла, меча, венца и царской одежды) русскому отроку-царю, и на повесть со сказочно-анекдотической основой упал ясный отблеск важнейших идей эпохи, волновавших русское общество XVI века. Литературный облик повести именно в процессе этой редакции принял вполне законченный вид; и эта новая («Киевская», — А. III.) редакция „Повести о Басарге“ получила широкое распространение в древнерусской литературе».³⁵

Так оказалось, что вымышленная повесть способна служить важнейшим идеологическим заданиям эпохи не хуже, чем традиционные исторические произведения.

Подведем итоги. «Повесть о Басарге», созданная в начале XVI в., обнаруживает черты нового для древнерусской литературы, новеллистического жанра. Черты эти состоят в следующем:

- 1) в сознательной вымышленности содержания;
- 2) в вымышленности и демократизации героев;
- 3) в обрамлении событий рамками индивидуальной судьбы, частной истории;
- 4) в самодовлеющей занимательности, собственно литературном интересе рассказа;
- 5) в интерпретации древнего сюжета как повествования о настоящем, о злободневных идеологических устремлениях эпохи.

³³ Иногда не указывается и место отплытия Дмитрия. См. прим. 24.

³⁴ В. Андерсон. Император и аббат. История одного народного анекдота. Казань, 1916; Повесть о Басарге, стр. 11—26.

³⁵ Повесть о Басарге, стр. 66.

Большинство этих жанровых черт приходит в древнерусскую повесть из народной сказки, при этом они перенимаются не как отвлеченные, формальные качества, а вместе со сказочным материалом. Сложившимися повествовательными принципами, уже не связанными непосредственно со сказкой, они становятся впоследствии, в результате длительной литературной практики. Связи «Повести о Басарге» со сказкой еще настолько сильны и очевидны, что в жанровом отношении ее следует охарактеризовать как сказочно-новеллистическую.

В статье осталась неосвещенной традиционная сторона «Повести о Басарге», так как всесторонняя ее характеристика не входила в наши задачи. Кратко можно отметить, что традиционным в ней является следование крупномасштабной исторической тематике (пусть реализуемой на вымышленной основе), а отсюда отмеченное выше стремление придать сказочной борьбе общерелигиозное и государственное значение.

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

Ранняя редакция Жития Епифания

В сборнике ГБЛ, собр. Барсова, № 654, на лл. 268—294 читается текст Жития Епифания, значительно отличающийся от всех иных текстов Жития, известных в настоящий момент по автографам, спискам и публикациям. Этот сборник впервые был введен в научный оборот В. С. Румянцевой в диссертации «„Житие“ протопопа Аввакума как исторический источник», где она расценила данный текст как особую редакцию первой части Жития Епифания, предшествующую его автографу из сборника Дружинина (БАН, собр. Дружинина, № 746; по терминологии В. С. Румянцевой — Пустозерского сборника № 1) и автографу из сборника Заволоко (ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 24, № 43; по В. С. Румянцевой — Пустозерского сборника № 2) и подтвердила свое предположение некоторыми наблюдениями: «Решающим текстологическим признаком в пользу нашего утверждения служит то, что в автографе первой части „Жития“ Епифания в Пустозерском сборнике № 2 ряд чтений сделан на полях, в то время как в Пустозерском сборнике № 1 эти же самые чтения находятся уже в строке. Кроме того, в рукописном сборнике XVIII в. (ГБЛ, собр. Е. В. Барсова, № 654) со списком первой части „Жития“ Епифания, редакция которого отлична от автографов в обоих сборниках, отсутствуют чтения, встречающиеся на полях Пустозерского сборника № 2».¹ Однако замечания В. С. Румянцевой относятся лишь к первой части Жития Епифания, не касаясь его второй части, и сделаны, естественно, в связи с изучением и только для изучения текста Жития Аввакума. В 1971 г., в связи с выяснением литературной судьбы найденного в 1968 г. И. Н. Заволоко нового автографа Жития Епифания, мною была исследована его текстология на материале опубликованных, а также вновь найденных автографов и списков Жития, в том числе найденного в 1971 г. экспедицией В. П. Бударagina и А. Х. Горфункеля автографа второй его части из старообрядческой библиотеки В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой.² К изучению литературной истории Жизнеописания был привлечен и первый автобиографический опыт Епифания, его автобиографическая «записка». Текст Барсовского списка значительно обогатил представления о литературной истории Жития. (Далее при обозначении текстов используем сокращения, принятые

¹ В. С. Румянцева. «Житие» протопопа Аввакума как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1971, стр. 11.

² См. раздел о текстологии Жития Епифания в кн.: «Пустозерский сборник» И. Н. Заволоко. (Автографы сочинений Аввакума и Епифания). Издание подготовили Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л., 1974.

нами в названной выше работе).³ Кроме уже упоминавшихся выше стилистических наблюдений В. С. Румянцевой, свидетельствующих о более раннем возникновении первой части текста *Б*, чем тексты автографов Епифания из сборников Дружинина и Заволоко, нам в результате сопоставления текста *Б* (обеих его частей) с текстами автографов Епифания (*Д*, *З*, *А-Б*) и списком *М2* (а также с другими списками Жития, принадлежащими той или иной группе данных текстов) удалось определить основные редакционные отличия и отнести текст *Б* к «ранней» редакции, а остальные (каждый из названных) — к особому стилистическому варианту «окончательной» редакции.

До введения в научный оборот текста *Б* сложилось представление, что Епифаний в отличие от Аввакума только переписывал текст своего Жития, почти не видоизменяя и не перерабатывая его.⁴ Выявление отличительных черт «окончательной» редакции и сопоставление их с особенностями «ранней» редакции позволило выяснить, как работал Епифаний над созданием своего Жития. Текстуальное сопоставление убедило нас в том, что скрупулезное переписывание текста своего Жития с внесением лишь незначительных изменений (создавших варианты «окончательной» редакции — *А-Б*, *З*, *Д*, *М2*) Епифаний начал лишь после того, как текст последней «окончательной» редакции уже был им оформлен в жанре «чудес» к Житию в виде второй части житийного сборника.⁵ Вот почему наблюдение ученых о том, что Епифаний почти не изменял текста своего Жития, справедливо лишь применительно к текстам «окончательной» редакции. Текст же «ранней» (и, вероятно, первоначальной) редакции Епифаний подверг основательной стилистической и композиционной доработке, дополнил ее новыми эпизодами, подкрепил свое изложение внесением новых фактических данных, стремясь придать изложению наибольшую убедительность.

Из сказанного выше совершенно очевидно значение текста *Б* не только для изучения литературной истории Жития Епифания, но и для выявления приемов работы писателей XVII в. над автобиографическими сочинениями.

Оговоримся заранее, что во избежание повторений не будем подробно останавливаться на ряде вопросов, уже рассмотренных нами в предшествующих работах: на случаях совпадений порядка следования тем-эпизодов в автобиографической «записке» и в Житии, на датировке и характеристике художественных особенностей обеих редакций. Настоящая работа ограничена тремя основными задачами: постановкой вопроса о «предисловии» к Житию в тексте *Б* и отдельных вопросов, способствующих дальнейшему изучению творчества Епифания, описанием основных черт, присущих «ранней» редакции Жития, — и, наконец, публикацией текста *Б* (текста «ранней» редакции), который еще не был издан.

Текст *Б*, так же как и тексты «окончательной» редакции, разделен на две части, литературная судьба которых у каждой особая. (Судя по относительной завершенности в тексте *Б* первой части Жития по срав-

³ *А-Б* — автограф второй части Жития из библиотеки Амосова—Богдановой (ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Амосова—Богдановой, № 169); *Б* — список Жития (ГБЛ, ф. 17, собр. Барсова, № 654); *Д* — автограф первой части Жития из сборника Дружинина (БАН, собр. Дружинина, № 746); *З* — автограф Жития из сборника Заволоко (ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 24, № 43); *М2* — список второй части Жития (ГБЛ, Музейное собр., № 730).

⁴ А. Н. Робинон. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963, стр. 123.

⁵ Подробнее об этом нами было сообщено в докладе «О композиции Жития Епифания» на конференции во Пскове в мае 1972 г.

нению со второй, и созданы они были последовательно: сначала — первая часть, затем — вторая).

Сопоставим тексты первой и второй частей Жития обеих редакций, чтобы выяснить (учитывая возможность позднейших наслоений), сохранил ли список XVIII в. наиболее ранний вариант текста обеих частей Жития Епифания.

Текст первой части Жития Епифания «ранней» редакции (за исключением «предисловия», о котором скажем особо) менее распространен: в нем меньше эпизодов (впрочем, так же как и в тексте второй части), чем в тексте «окончательной» редакции. В нем, например, отсутствует «лирическое отступление», восхваляющее прелести пустынножительства, начиная со слов «А живя я в пустыне...» — и кончая словами «О пустыня моя прекрасная!». Но если само по себе наличие или отсутствие этого эпизода еще не может свидетельствовать в пользу первоначальности того или иного текста, то необратимое доказательство более раннего возникновения текста *Б* дает сопоставление концовок первой части текста *Б* и текстов «окончательной» редакции. (Текст «окончательной» редакции здесь и далее дается по автографу из собрания И. Н. Заволоки — *З*, поскольку только этот автограф представляет собой полный текст одного из вариантов «окончательной» редакции).

Б

Что же по сих? Егда же не возмог диавол келии моеи огнем сожещи, тогда инако покусился и насади бо ми в келию червей многое множество, глаголемых муравьев. И велику ми скорбь сотвориша. И сего мя господь избавил.

З

Что же по сих? Не возможе бо диавол пакости сотворити ми — келии моеи сожещи, он же, злодей, инако покусился: насадил бо ми в келию червей множество-много, глаголемых муравий. Да не позазрите ми, отци святии и братия: всяка плоть не похвалится пред богом. И начаша у мене те черви-мураши тайныя уды ясти, зело горько и больно до слез. Аз же, многогрешный, варом их стал варить, они же... (и т. д.).

Этими словами и обрывается текст первой части Жития в *Б*. Текст *З* имеет далее не только пространный (почти на трех листах) и весьма искусно изложенный рассказ о борьбе Епифания с муравьями, заверченный обращением к «братии», где Епифаний раскаивается в греховности своих деяний («много веть я мурашей тех передал, а иных варом переварил, а иных в воду множество-много кошницею переносил и перетопил в воде»), но и следующее за этим заключение ко всей первой части Жития. Этот заключительный эпизод «окончательной» редакции представляет собой обращение ко всей «братии», «чтущим», «слушающим» и «препишующим сие» и содержит ту же традиционную просьбу не судить строго авторский труд, что и начальный эпизод Жития. Представить обратное развитие текста от изложения, вполне художественно заверщенного и обрамленного концовкой, к недописанному наброску-плану невозможно.

В остальных случаях текст первой части «ранней» редакции в отличие от текстов «окончательной» редакции дает лишь отдельные стилистические разночтения, перестановку порядка слов и фраз, замену одного слова другим (например: «животворящим» — «живоносным крестом», «помолясь» — «поклонясь ему», «мучат» — «давят», и др.). В тексте *Б* еще не стало традиционным употребление приложения «свет» рядом с именем Христа и Богородицы (в тексте *З*: «Христа-света», «Богородица-свет»). По всей видимости, эти стилистические разночтения не являются особенностью списка XVIII в. и были присущи раннему ва-

рианту Жития Епифания. О том, что конец первой части «ранней» редакции был Епифанием не доработан, свидетельствует также и то, что именно последние листы Жития в «окончательной» редакции дают наибольшее количество исправлений, переделок, сокращений в одних случаях и дополнений в других. (См. текст «ранней» редакции со слов: «... и всю мою надежду возложих на едиnorodного сына твоего» — л. 283 и далее, до конца первой части). Текст *Б* в некоторых случаях отличается большей расплывчатостью выражений, которые при окончательном редактировании приобретают словесную четкость, документальную точность, становятся лаконичнее. Так, в тексте *Б* один из последних эпизодов начинается фразой, лишь весьма приблизительно указывающей время действия: «И после сего, болше годишного времени, после великаго дни вскоре» (л. 283 об.). В тексте «окончательной» редакции эта фраза заменяется точным указанием года: «И во сто семьдесят третьем году, после велика дни вскоре».

На фоне стилистически недоработанной концовки Жития с очень кратким черновым наброском эпизода о муравьях особенно выделяется чрезмерно распространенное «предисловие» в тексте *Б*.

Что же собою представляет это «предисловие»? За счет чего в нем идет распространение? Средняя часть «предисловия» в тексте *Б* является подборкой цитат из посланий апостола Павла, которые вводятся словами: «По апостолу глаголющее». Начиная со слов: «... за еже и молимся о вас», приводятся строки 274-го зачала из 1-й главы Второго послания апостола Павла. Далее, после слов: «К солунияном зачало 275» — следует текст этого зачала из 2-й главы того же послания, приведенный почти полностью до конца. Со слов: «К Тимофею зачало 284» — начинается цитата из Первого послания апостола Павла к Тимофею, с начала и до конца 4-го стиха, к которому присоединяется цитата из Второго послания апостола Павла к Тимофею, 3-й главы, 295-го зачала (с пропуском нескольких строк в середине зачала); в тексте *Б* эта цитата начинается словами: «Сие же веждь, яко последняя дни настанут».

Если же извлечь из текста *Б* перечисленные выше цитаты и сопоставить тексты «предисловия» по списку *Б* и автографу *З*, можно заметить, что начальные и заключительные строки «предисловия» обеих редакций совпадают почти дословно. Приводим параллельно начало текста *Б* и текста *З*.

*Б**З*

Послушания ради Христова, и твоего ради повеления, и святаго ради твоего благословения, отче святыи, и прошения ради раба тово Христова не отрекуся сказати вам о Христе Иусе; но не заррите скудоумию моему и простоте моей, понеже грамматики и философии не учился, и не желаю сего, и не ищю, но сего ищю, како бы ми Христа милостива сотворити себе и людем, и Богородицу, и святых угодников его. А что сказах вам просто, и вы бога ради собой исправьте со Христом богом, недоумение мое совершите, понеже простыня и недоумение надо всеми нами хвалится.

Послушания ради Христова, и твоего ради повеления, и святаго ради твоего благословения, отче святыи, и прошения ради раба тово Христова не отрекуся сказати вам о Христе Иусе; но не позаррите скудоумию моему и простоте моей, понеже грамматики и философии не учился, и не желаю сего, и не ищю, но сего ищю, како бы ми Христа милостива сотворити себе и людем, и Богородицу, и святых его. А что скажу вам просто, и вы бога ради собой исправьте со Христом...

Текст *Б* отличается от текста *З* добавленной в конце фразой, после которой в нем следует обширная подборка цитат. После того как в тексте *Б* кончаются цитаты из апостольских изречений, этот текст и текст *З*

вновь начинают давать почти дословные совпадения в концовке «предисловия».

Б

А что простотою досадил, простите мя, грешнаго, и благословите и помолитесь о мне ко Христу богу и Богородице, и святым его. Аминь.

З

... а мене, грешнаго, простите и благословите и помолитесь о мне ко Христу, и Богородице, и святым его. Аминь.

Как видим, расхождения текстов «предисловия» относятся главным образом к месту «спайки», где в текст «предисловия» вводятся цитаты.

Какой же из текстов «предисловия» первоначальнее? Если представить, что первоначальным был текст *З*, то цитаты, за счет которых было распространено «предисловие» в списке *Б*, могут выглядеть вставкой, внесенной в механически расчлененный текст *З*. (В этом случае текст *З* был расчленен после слов «... исправте со Христом», перед словами «... а мене, грешнаго, простите»). Фразы, которые вводят и завершают цитаты, развивают одну и ту же тему авторского самоуничижения; это традиционный литературный прием — выражение сожаления о «простоте» своих речений. («А что сказах вам просто... , недоумение мое совершите, понеже простыня и недоумение надо всеми нами хвалится», — эта фраза открывает цитаты; «А что простотою досадил, простите мя» — заключает цитирование). Подобное введение цитат в равной степени мог сделать и автор, и позднейший редактор. Предположение, что цитаты в тексте *Б* — позднейшая вставка, кажется еще более правдоподобным оттого, что цитируемые апостольские изречения, предрекающие «пришествие» «сына погибели», «беззаконника» и наступление «последних дней», «лютых времен», когда некоторые («нецы»), «отступя ... от веры», предадутся всяческому человеческим порокам, — все эти темы часто встречаются в поздней старообрядческой литературе. Не беремась на основании этого делать окончательный вывод, так как не исключена возможность, что подобная же подборка цитат может быть еще встречена в памятниках поздней старообрядческой литературы. Однако, например, в старообрядческом Житии Епифания, созданном в XVIII в. в выго-лексинской агиографической школе, в котором также имеется пространное предисловие и заключение, в отличие от авторского Жития Епифания, распространение идет главным образом только за счет риторической изощренности изложения. Лишь в начале выго-лексинское Житие включает фразу из Священного писания, но подборки цитат в его предисловии нет.⁶

«Предисловие» к Житию в тексте *Б*, распространенное за счет цитат и написанное не слишком искусственным в риторике автором, скорее напоминает предисловие к Житию Аввакума, также уснащенное цитатами из святотеческих писаний (ср. наблюдения Н. С. Демковой над Житием Аввакума). Так же как и Епифаний, Аввакум часто ссылается и на изречения апостола Павла. Заключительные слова «предисловия» к Житию Аввакума помогают понять, чем вызвано столь обильное цитирование: «Сие аз, протопоп Аввакум, верую, сие исповедаю, с сим живу и умираю». Назначение «предисловия» в Житии Епифания текста *Б* такое же. Епифаний, который пишет Житие ради «повеления» и «благословения» Аввакума, также не ставит своей целью изукрасить изложение, а превращает его в исповедь, в начале которой естественно ожидать изложения

⁶ См. в этом же томе: Н. В. Поньрко. Кирилло-Епифаньевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе, стр. 145.

авторского кредо, подкрепленного цитатами. О том, что Елифаний прибегал к приему подборки цитат (правда, не в предисловии, а в заключении), нам известно из автографов А-Б и З. При этом знаменательно, что в более раннем варианте Жития А-Б у Елифания значительно больше выписок из книг, чем в последующем автографе З. Исходя из всего сказанного выше, не будет ли более правдоподобным предположить, что в автографах из сборников Дружинина и Заволоко, как отражающих уже последующий этап редактирования, Елифаний извлек из «предисловия» к Житию цитаты, а вместе с ними и вводящие эти цитаты фразы? С подобным же случаем, когда Елифаний прибегал к механическому расчленению своего текста на отдельные куски и разнесению их по разным эпизодам Жития, встретимся ниже, когда коснемся вопроса о переработке в «окончательной» редакции второй части Жития «записки» о пушторской казни и других эпизодов текста В.

Сборник, в котором читается текст В Жития Елифания, хотя и поздний и относится к концу XVIII в. (писан полууставом XVIII в. на бумаге Ярославской мануфактуры),⁷ но интересен тем, что принадлежит к числу сборников старообрядческого происхождения. Текст Жития Елифания в нем находится в непосредственном окружении («конвое») выписок из сочинений Аввакума, его челобитных, посланий и Жития. В какой степени выяснение литературной судьбы данного сборника поможет принять то или иное предположение о характере «предисловия» к Житию Елифания, остается пока что невыясненным. Судьба сборника, хранящего тексты ранних вариантов сочинений Елифания и Аввакума, заслуживает особого внимания специалистов.⁸ Ниже приводим лишь краткий перечень статей этого сборника.

Часть сборника, занимающая лл. 1—136, представляет собой выписки повестей нравоучительного содержания или толкований символов, извлеченных из библейских, евангельских книг, «Лимониса», Великого Зерцала, Скитского патерика, Пролога, печатного Цветника и др. На лл. 137—146 об. помещено сочинение об антихристе. Лл. 147—148 об. чистые. Эта часть рукописи (с л. 1 по л. 149) обильно украшена заставками и миниатюрами. Начиная с л. 149 сборник содержит выписки из сочинений, челобитных и посланий Аввакума, Елифания, Авраамия: на лл. 149—251 — челобитная Авраамия царю Алексею Михайловичу, на лл. 251—251 об. — «Тропарь, глас 4» и «Кондак, глас 2» новым страдальцам соловецким, на лл. 251 об.—265 — Послание Аввакума «братии, . . . яже . . . на всем лицы земном», на лл. 265—267 об. — выписки из Жития Аввакума (эпизод о Федоре «бешаном» и конец, со слов: «Ну, старец. . .»), на лл. 268—294 — Житие Елифания (первая часть — на лл. 268—285 об.; вторая часть — начиная с л. 285 об.); л. 294 об. чистый. На лл. 295—368 об. — история об отцах и страдальцах соловецких; л. 369 чистый.

Как видим, в сборнике скопированы не только полные тексты, но и отрывки сочинений Аввакума и Елифания: возможно, это копии с уцелевших черновых набросков, дошедших от «соузников» из заточения.⁹

⁷ Сборник ГБЛ, собр. Барсова, № 654, полуустав, конец XVIII в. (бумага Ярославской мануфактуры Саввы Яковлева — ЯМСЯ), в 4-ку, на 369 лл. Переплет — доски, обтянутые кожей, с двумя застешками.

⁸ В настоящее время сборник изучается Н. С. Демковой, которой я глубоко признательна за консультацию по его составу.

⁹ В этом отношении любопытен другой старообрядческий сборник — ГБЛ, собр. Барсова, № 883, содержащий на лл. 215—269 об. «выписки из книг», которые, согласно определению исследователя этого сборника И. М. Кудрявцева, представляют собой копии неоконченных произведений, черновики и наброски сочинений

Иной тип выписок из житий Аввакума и Епифания находится в двух других старообрядческих сборниках: ГБЛ, собр. Барсова, № 983.1¹⁰ и ИРЛИ, Дрвলেখранилище, колл. Смирнова, № 6. Выписки из Жития Епифания в этих сборниках по сути дела представляют собой поздний пересказ первой части Жития. В сборнике коллекции И. А. Смирнова, № 6 этот пересказ читается на лл. 81 об.—84 среди выписок из Жития Аввакума под заглавием «О Аврамии поведание» и не отделен от сочинений Аввакума в конце. Повествование в нем ведется то от первого, то от третьего лица: «Тут повесть, как ево старец Кирила послал в келию жить свою, а в ней бес жил. Авракий, живучи в той кельи, помощию пречистыя Богородицы из кельи той беса выгнал и невредимо в ней жил. Отшед я от Кирилы, свою келью малинкую построил» (л. 82). В пересказе изложены события, начиная с исправления книг никонианином Арсением, эпизоды о борьбе с бесами в келье и о мучениях от муравьев. О том, что в основу данного краткого переложения положен был текст не «ранней», а «окончательной» редакции Жития Епифания (или его поздняя выговская (?) версия), свидетельствует перечисление средств борьбы мученика с муравьями (в «ранней» редакции о средствах борьбы совершенно не упоминается); при этом епифаниевское выражение «тайные уды» в пересказе заменено словом «подпушие».

В отличие от выписок в данных сборниках, «выписка», расположенная в Барсовском сборнике на лл. 285 об.—294, является черновым наброском второй части Жития Епифания. «Выписка» эта имеет особое заглавие, выполненное красным цветом: «Выписано отчасти от страдания отца Епифания, како терпя о имени Христове сечение рук и языков резание и всяку темничную нужду».

Что позволяет нам видеть в этой «выписке» копию с чернового наброска второй части Жития Епифания? Что следует понимать под словами «выписано отчасти»? Зная, с какой бережностью старообрядцы относились к текстам своих вероучителей, можем с уверенностью сказать, что тот, кто переписывал для данного сборника обе части Жития Епифания и присоединил к первой части данную «выписку», прекрасно знал и текст Жития, и события обеих казней, поэтому и определил переписываемый им текст как «выписку» «отчасти от страдания отца Епифания», ибо в ней подробно были описаны только события, связанные со второй, пустозерской, казнью, состоявшейся 14 апреля 1670 г., и последовавшие затем «страдания» «соузника» Аввакума в темнице.

Действительно, если сопоставить тексты второй части Жития Епифания «окончательной» редакции с данной частью текста *В*, то следует отметить отсутствие в тексте *В* целого ряда начальных эпизодов. Кроме начального обращения к имени (или именам) того, кому адресовалась вторая часть Жития, и традиционного, повторяющегося почти в тех же выражениях, что и во вступлении к первой части Жития, рассуждения о «простоте» и неискренности в риторике («... аз грамотики и философии от юности моя не учился и не искал сего»), в тексте *В* отсутствует также «Чудо о кресте Христа бога и Спаса нашего», эпизод «О преподобнем Ефросине», «Чудо пречистыя Богородицы» (о «борьбе с бесами в Виданской пустыни»), «А иное чудо дивное и преславное пречистыя

Аввакума и сделанных им выписок и заметок «по поводу тех или иных штудированных им книг, иными словами — список части его архивных материалов»: И. М. Кудрявцев. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. Материалы к исследованиям. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 33, М., 1972, стр. 153.

¹⁰ Благодарю Н. В. Понырко и М. Ф. Антонову за наведение справок по данной рукописи.

Богородицы» (о «златице»). Далее в тексте *Б* следует описание пустозерской казни, — условно назовем его «запиской» о пустозерской казни. К «записке» примыкают два эпизода, расцениваемые самим автором как «чюдо» о руке и «чюдо» о языке. Эти два эпизода-«чюда» вторично развивают те же темы, которые уже звучали в «записке». За ними следуют еще два самостоятельных эпизода (один эпизод, начинающийся фразой: «И еще скажу вашей любви», а другой без заголовка), каждый из которых имеет свою концовку («О всех сих слава.. Аминь»; «И о всех слава.. Аминь»). Первый эпизод о тяготах темничного заключения и духовных сомнениях Епифания, завершившихся прозрением, что им избран правильный путь, и второй — о выделывании крестов.

В плане второй части Жития в тексте *Б* (после «записки» о казни) намечается сходство с порядком расположения соответствующих эпизодов в «окончательной» редакции. Однако сопоставление редакций затруднено тем, что текстуальную близость дают лишь отдельные куски, расположенные в редакциях в разном порядке; при этом куски текста *Б* читаются в составе текста «окончательной» редакции в виде отдельных отрывков, часто расположенных в обратной последовательности. Так, в тексте *Б*, в «записке» о пустозерской казни, представляющей единый кусок текста, события описаны последовательно, как будто изложены очевидцем. В «окончательной» редакции описание этих событий разнесено по трем разным эпизодам. Текстуальные же совпадения с *Б* дают только два последних эпизода «окончательной» редакции, но куски текста *Б* в них расположены в обратной последовательности.¹¹ Один кусок текста *Б* читается в эпизоде, который в автографе *З* начинается словами «Да еще... за любовь Христову побеседую о языках моих» (л. 178—178 об.), другой — в эпизоде, названном в автографе *З* «Чюдо о глазах моих креста ради Христова» (л. 183—183 об.). (Именно последним эпизодом *З*, но без приведенного заглавия, и начинается текст *Б*). Здесь не представляется возможным привести параллельное сопоставление текстов этих эпизодов по обеим редакциям; отметим только, что данные тексты *Б* и *З* дают дословные совпадения лишь в тех местах, которые соответствуют двум кускам «записки» о пустозерской казни (один кусок тот, который в тексте *Б* начинается со слов: «Егда... прислали к нам мучители-никонияне...» — лл. 285 об.—286 об.; другой — начинающийся в тексте *Б* с места расщепления «записки» о казни: «... и посреде... народа пустозерского поставиша нас» — *Б*, л. 286 об.). Следует также отметить, что и эти куски текста *Б* в «окончательной» редакции встречаются уже в стилистически несколько переработанном виде, с введением в них имен казненных Лазаря и Федора. В этих отрывках из «записки» о пустозерской казни отсутствуют (по сравнению с «окончательной» редакцией) отдельные фразы, слова и даже куски текста (например, нет описания подробностей того, как Епифанию было неудобно есть обрезанным языком, и нет «похвалы» вновь отросшему после казни языку: «Есть язык мой богом данный ми новый, короче старого и шире»). Однако, с другой стороны, «записка» о пустозерской казни включает краткое упоминание об исцелении руки («И прииде ко мне в темницу свет-Богородица и отъя болезн от руки моей» — *Б*, л. 287), а также — очень пространное «ви-

¹¹ Третье упоминание событий пустозерской казни читается в тексте «окончательной» редакции в составе «Чюда пречистыя Богородицы» (см. автограф *З*, л. 174 об.); оно предшествует двум другим, но не дает дословного совпадения с текстом «записки» о казни и является кратким переложением истории пустозерской казни, без чего Епифаний не мог обойтись, так как в данном эпизоде впервые касался этих событий.

дение»-сновидение о двух отрезанных языках, московском и пустозерском, и исцелении языка (*Б*, лл. 288 об.—290).

В «окончательной» редакции обе эти темы вынесены в самостоятельные пространные эпизоды, которые в тексте *Б* еще только намечены в виде двух очень кратких эпизодов, следующих за «запиской» и содержащих описание «чюда» о языке и «чюда» о руке. Читающееся в составе «записки» о казни «видение»-сновидение о двух языках находит почти дословное соответствие (исключения перечислены нами выше) в тексте из «окончательной» редакции в отдельном эпизоде о двух языках (см. *З*, лл. 179—180 об.). Однако в «окончательной» редакции этот кусок текста *Б* с «видением» читается не в начале эпизода о языках, а уже после другого куска текста *Б* (из эпизода с «чюдом» о языке). Как видим, эпизод о двух языках «окончательной» редакции включает два куска текста *Б* (один — из «записки» о казни, другой — из «чюда» о языке), которые размещены здесь в обратной последовательности.

В обратной последовательности расположены также в обеих редакциях и эпизоды, описывающие «чюдо» о руке и «чюдо» о языке.

Эпизоды, расположенные после «записки» о казни, по сравнению с соответствующими эпизодами «окончательной» редакции производят впечатление кратких набросков. Однако оба они уже задуманы в виде самостоятельных эпизодов, имеют свои заголовки и концовки. Они почти полностью основаны на тех же событиях, которые уже излагались в «записке», и расценивают эти события как «чюдеса». Эпизод с «чюдом» о языке в тексте *Б* возвращает нас к событиям первой московской казни (27 августа 1667 г.) и ссылке в Братошино и вторично повествует о «чюде» с заживлением резаного языка. Он начинается подзаголовком: «Да еще повею вам, егда по отрезани языков наших первых, иже на Москве» (*Б*, лл. 289 об.—290). Заживление языка в нем расценивается как «чюдо». Эпизод завершается словами: «Тогда услыша то чюдо протопоп Азвакум и скоро ко мне прииде» (*Б*, л. 290). Второй эпизод — также набросок «чюда» об исцелении руки с помощью Богородицы. Как и первый, он представляет повторение и развитие темы, уже названной в «записке» о пустозерской казни. Этот эпизод начинается подзаголовком: «И еще скажу о исцелении руки моей» (*Б*, л. 290—290 об.). Епифаний не только называет, но и датирует это «чюдо»: «Сие чюдо бысть в седмый день после мучения нашего» (*Б*, л. 290). Как видим, уже в тексте *Б* Епифаний расценивает события, связанные с казнью, как «мучения», а исцеление своих ран — как «чюдеса». В «окончательной» редакции эпизоды с «чюдесами» о языке и руке не только распространены, но и вбирают в себя все сведения на заданные темы (в том числе и те, которые в тексте *Б* помещены в «записке»). Более заверченный вид имеют они и в жанровом оформлении, более продумано их композиционное расположение.

В «окончательной» редакции эпизод об исцелении руки получает жанровое определение «чюда» уже в самом заглавии: «Ино чюдо пречисты Богородицы» (*З*, лл. 174 об.—177). Совпадение словесных выражений с текстом *Б* в этом эпизоде начинается лишь в самом конце, на л. 176 об., со слов: «И найде на мя яко сон». Все предшествующее описание страданий Епифания после отсечения пальцев на руке с упоминанием имени Семена-десятника и приведением целого ряда бытовых подробностей отсутствует в тексте *Б*. В самих же совпадающих кусках текста обеих редакций разночтения носят характер отдельных стилистических изменений, причем текст *Б* менее пространен. Как видим, и в данном эпизоде, так же как и в случае с «запиской» о пустозерской казни, текст

«окончательной» редакции поглощает полностью весь текст эпизода из *В* с незначительными стилистическими изменениями или добавлениями. Таково же соотношение текстов обеих редакций в следующем эпизоде, описывающем «чудо» о языке. Текст этого эпизода из *В* весь, при этом почти дословно, читается в середине соответствующего эпизода «окончательной» редакции (см. *З*, лл. 177 об.—178), и переработка в нем имеет тот же характер: введение бытовых подробностей, имен участников событий и названий места действия. В средней своей части он расчленен небольшой вставкой, лирическим излиянием: «Горе мне бедному...» (*З*, л. 177 об.). Хотя данный эпизод в «окончательной» редакции подвергся несколько большей переработке, чем предшествующие, он также еще дает словесные совпадения с текстом *В*.

Так же как два эпизода, следующие в тексте *В* за «запиской» о казни и повествующие о «чюдесах» — о заживлении ран на руке и языке, так и следующие за ними два обособленных в тексте *В* эпизода находят параллели в соответствующих эпизодах «окончательной» редакции и дают с ними текстуальные совпадения. Однако и эти эпизоды текста *В* по сравнению с эпизодами «окончательной» редакции представляют более ранний этап в истории развития текста Жития. Следующий за «чюдесами» эпизод текста *В* присоединяется к ним с помощью фразы: «И еще скажу вашей любви» (*В*, лл. 291—293). По объему этот эпизод почти соответствует полностью эпизоду текста *З* (см. *З*, лл. 181—182 об.), имея с ним лишь незначительные, хотя и довольно частые стилистические расхождения. Список XVIII в. дает в этом месте текста ряд смысловых погрешностей: например, пропуск отрицания «не», обесмысливающий всю суть предшествующего размышления Елифания («Се путь твой, ... скорби» — *В*, л. 292 об.), недописанные цифры года («И во 1...» — *В*, л. 292; в «окончательной» редакции это соответствует 179-му году). Ошибки ли это переписчика, или сам автор, набрасывая черновик, забывал год, с которым связывал свой «чюдесный» сон?

Далее, в отличие от текста «окончательной» редакции в тексте *В* отсутствуют эпизод с обращением к «братии», значительная часть «Чюда о глазах моих креста ради Христова» (об исцелении глаз и явлении Елифанию во сне сотника, просящего делать кресты), занимающая несколько листов в тексте «окончательной» редакции (*З*, лл. 183—186), а также — молитвословие кресту, которым Елифаный сопровождает свое «рукоделие» (см. *З*, лл. 186—188 об.).

Последний эпизод текста *В* не имеет заглавия и начинается словами: «Егда делаю аз кресты...» (*В*, лл. 293—294). Как и предшествующие эпизоды, он полностью, за исключением последней фразы и некоторых стилистических разночтений, имеется в составе соответствующего эпизода «окончательной» редакции (см. *З*, лл. 188 об.—189) и представляет его начальный кусок. В нем нет заключительных строк «окончательной» редакции о том, что Елифаный делал кресты не ради денег (см. *З*, л. 189—189 об.). Последний эпизод в тексте *В* не имеет смыслового завершения, как остается фактически незавершенной в тексте *В* и вся вторая часть Жития. По сравнению с «окончательной» редакцией в конце текста *В* недостает обращения к «братии», которое в виде композиционной рамки обрамляет Житие с начала и с конца, а также выписок из книг. Роль заключения к Житию в тексте *В* выполняет лишь одна краткая фраза, прославляющая бога и Богородицу.

Уже на основании этого можно было бы отдать предпочтение тексту *В* как наиболее раннему. Подтверждение такому заключению находим также в сопоставлении данных последнего эпизода текста *В* и «оконча-

тельной» редакции. В тексте *Б* о своем «рукоделии», о выделке крестов, Епифаний пишет: «Делаю аз сего делания дватцать пять лет... и до сего дни и по числу, мнит ми ся, болше пяти сот зделах крестов» (*Б*, л. 293 об.). В автографе *А-Б* приведены те же цифры, но уже с добавлением: «Делаю аз сего рукоделия дватцать пять лет или уже близ и тридесяти лет» (л. 42 об.). В тексте автографа *З*, кроме этого добавления «...или уже близ и тридесяти лет», Епифаний на полях рукописи делает еще одну поправку, касающуюся количества сделанных им крестов: вместо «пяти сот» пишет — «или шести(сот)» (*З*, л. 189). Текст *М2*, не имеющий конца, к этому сопоставлению привлечен быть не может. Напрашивается следующий вывод: последовательность добавлений и поправок в цитируемых текстах соответствует последовательности создания этих текстов автором. На основании всей совокупности только что приведенных и всех иных текстологических и фактических данных, а также большей художественной завершенности «окончательной» редакции нами и была произведена в упомянутой выше статье датировка обеих редакций и их вариантов. Не приводим ее полностью, дадим только выводы: «ранняя» редакция, представленная текстом *Б*, включающим еще нерасчлененный текст «записки» о пустозерской казни, была, по-видимому, создана по горячим следам событий, вскоре после второй казни и заживления ран на руке¹² Епифания — около 1671 г.; «окончательная» редакция, соответственно, — спустя примерно лет пять, т. е., очевидно, не ранее 1675 г. (автограф *З* — не позднее весны 1676 г.).

Как видим, почти весь текст *Б* читается в составе «окончательной» редакции, но не последовательно, а в виде отдельных, стилистически несколько переработанных кусков, отрывков, разнесенных по разным эпизодам «окончательной» редакции и часто размещенных в ней в обратной последовательности. Последовательность эта зависит от нового композиционного решения автора, согласно которому материал во второй части Жития «окончательной» редакции расположен по тематическому принципу и оформлен в виде отдельных эпизодов-«чюдес». В тексте *Б* тематический принцип расположения материала только еще намечен: имеются два эпизода о «чюдесах». Поскольку процесс изъятия из художественно вполне завершенного произведения отдельных кусков текста, перекomпановки порядка их следования и воссоздания на их основе другого текста по типу черновика (с исключением поправки в количестве выделанных крестов) — процесс невероятный, можно с уверенностью говорить о первичности текста *Б*.

Однако это не значит, что текст *Б* представляет собой простую подборку отрывков из второй части Жития. Сходство плана расположения эпизодов в нем, следующих за «запиской» о казни, и плана следования эпизодов в «окончательной» редакции (кроме обратного порядка расположения эпизодов о «чюдесном» исцелении руки и языка), с одной стороны, а также наличие в тексте *Б* двух эпизодов, повторяющих темы «записки» о казни и представляющих собой наброски «чюдес» к Житию, с другой стороны, — все это свидетельствует о том, что текст *Б* — не просто «выписка»-подборка из отдельных отрывков Жития, а отрывок (без начала) чернового варианта второй части Жития Епифания. В целом же текст *Б*, включающий и первую, и вторую части Жития, хотя и представлен списком XVIII в., сохраняет самую раннюю из известных нам редакций автобиографии Епифания (см. ниже, стр. 234—242).

¹² Если Епифаний не был левшой. См. об этом: И. М. Кудрявцев. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. Материалы и исследования. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 33, М., 1972, стр. 179.

Житие Епифания, первая часть

л. 268 Послушания^{1а} ради Христова, и твоего ради повеления, и святого ради твоего благословения, отче святыи, и прошения ради раба твою Христова не отрекуся сказати вам о Христе Иисусе; но не зазрите скудоумию моему и простоте моей, понеже грамматики и философии не учился, и не желаю сего, и не ищю, но сего ищю, како бы ми Христа милостива сотворити себе и людем, и Богородицу, и святыи угодников его. А что сказах^б вам просто, и вы бога ради собою исправьте со Христом богом, недоумение мое совершите, понеже простыня и недоумение надо всеми нами хвалится.

л. 268 об. По апостолу глаголющее, мне || же хвалится да не будет, токмо о кресте господя нашего Иисуса Христа, за еже и молимся о вас, дабы сподобит званию бог в наследие живота вечнаго, яко да прославится имя господя нашего Иисуса Христа в вас. К солунияном зачало 275. Молим вы, братие, о пришествии господя нашего Иисуса Христа и нашем собрании о нем. Не скоро подвизатися вам от ума, ни ужасатися^в ниже духом, ниже словом, ни посланием, аки от нас посланным. Яко уже настает день Христов. Да никто же вас прелстит ни по единому же образу.

л. 269 Яко аще не приидет отступление прежде и || открытается человек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся, паче всякаго глаголемаго бога или чтлища, яко же ему сести в церкви божией, показующа себе, яко есть, во еже явитися ему в свое ему время. Тайна уже деется беззакония, точию держаи ныне дондеже от среды будет, и тогда явится беззаконник, его же господь Иисус убьет духом уст свои и упразднит^г явлением пришествия своего. Его же есть пришествие не просто, но по действию сатанину, во всякой силе^д, и знамениих, и чудесех ложных, во всякой лести, неправды в погибающих, зане любви || истинныи и не прияша, во еже спаситя им. И сего ради послет им бог действие лести, во еже веровати им, лжи да суд примут вси неверовавших истинне, но благоволивше внеправде. Мы же должни благодарити бога всегда о вас, братие возлюбленная от господя, яко избрал есть вас бог от начала во спасение. Тем же, братие, стойте и держите святыи отец предание, им же научистесь; господь же да исправит сердца ваша в любовь божию и терпение Христове.

л. 269 об. К Тимофею, зачало 284. Дух же явственне глаголет, яко последняя времена отступя нецы от веры, внимлюще духовом лестчим || и учением бесовским в лицемери лжесловесник сожженных своею совестью, возбраняющих женитися, удалятися от брашен, яже бог сотвори в сведение з благодарение верным и познавшим истинну. Сие же веждь^е, || яко последняя дни настанут, времена люта. Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величави, горды, хулницы, родителем противящися, неблагоприятни, неправедни^ж, нелюбовни, непримирители, продерзиви, возносливи, прелагатае, клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблагоприятцы, предатели, нагли, напыщени, сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имущы образ благочестия, силы же его отвершися. И вси же, хотящи благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут. Лукави же человецы и чародеи преуспеют, на горшая прелщающе и прелщаеми. ||

л. 270 мена отступя нецы от веры, внимлюще духовом лестчим || и учением бесовским в лицемери лжесловесник сожженных своею совестью, возбраняющих женитися, удалятися от брашен, яже бог сотвори в сведение з благодарение верным и познавшим истинну. Сие же веждь^е, || яко последняя дни настанут, времена люта. Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величави, горды, хулницы, родителем противящися, неблагоприятни, неправедни^ж, нелюбовни, непримирители, продерзиви, возносливи, прелагатае, клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблагоприятцы, предатели, нагли, напыщени, сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имущы образ благочестия, силы же его отвершися. И вси же, хотящи благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут. Лукави же человецы и чародеи преуспеют, на горшая прелщающе и прелщаеми. ||

л. 271 чародеи преуспеют, на горшая прелщающе и прелщаеми. ||

^{1а} Первая буква в слове киноарная. ^б Испр.; в ркп. сках. ^в Испр.; в ркп. ужатися. ^г Испр.; в ркп. упраздникъ. ^д Испр.; в ркп. сиде. ^е Далее вторая половина листа пустая. ^ж Испр.; в ркп. неправди, пропуск слога при переносе.

Ты же пребывай, в них же научен еси и яже вверена суть тебе, веды, от кого научился еси и яко измлада Священная писания³ умеши, могущая тя умудрити в спосение верою о Христе Иусе.

А что простотою досадил, простите мя, грешнаго, и благословите⁴, и помолитесь о мне ко Христу богу, и Богородице, и святым его. Аминь.

Родился я в деревне, и как скончались отец мой и мати моя, и аз, грешны, идох во град неки зело велик и многолюден и прибах в нем седмь лет. И прииде ми помысл взыскати пути спасениг, и идох || ко всеми-
лостивому Спасу во святую обитель Соловецкую, ко преподобным отцем нашим Зосиме и Саватию. И тако ми благодать Христова поспешила: отцы святии привяли мя с радостию, а иным отказали. И сподобил мя Христос, и Богородица, и святии его быти у них в послушании седмь лет не зазорно⁵ пред богом и не укорно пред человеки. Все мя за послушание любяша. И по сем святыи отец наш архимандрит Илья и прочи отцы возложили на мя святыи иноческий образ, и в том иноческом образе сподобил мя бог быти у них в послушании пять лет. И как грех ради наших попустил || бог на престол патриаршески наскочити Никону, предотече антихристову, он же, окаянный, вскоре посадил на Печатной двор врага божия Арсения, жидовина и грека, еретика, бывшего у нас в Соловецком монастыре в заточении. В бытность мою и той Арсен, жидовин и грек, був у нас в Соловках, сам про себя сказал отцу духовному, священноиноку Мартирию, что он в трех землях был и трою Христа отрекался, ища мудрости бесовския от врагов божиих. И с сим Арсением, отступником и со врагом Христовым, Никои, враг же Христов, начаша они, враги божия, в печатныя || книги сеяти плевелы еретическия проклятыя, и с теми злыми плевелами те книги новыя начаша посылати во всю Рускую землю на плачь и на рыдание церквам Божиим и на погибель душам человеческим. Тогда у нас в Соловецком монастыре святии отцы и братия тужити начаша, и плакати горко, и глаголати сице: «Братия, увы, увы! Горе, горе! Пала вера Христова в земли Руской двема врагами Христовыми — Никоном и Арсением». Паче же всех священник преждереченный Мартирий⁶ обливашея горкими слезами, возвещая трикратное отвержение Арсеново от Христа, бога нашего, оберегая || детей своих духовных и прочую братию от Арсения, отступника и еретика. Тогда и аз, многогрешный⁷, со святыми отцы тужа и плача, пребыл с ними время некое. И от тоя тоски и печали, по совету и благословению старца келейнаго и отца, взял книги и иная нужная потребная пустынная, и благословил меня старец образом пречистыя Богородицы со младенцем Иусом Христом медяным вольяшным, и изыдох от святого монастыря милосту просити у Христа себе и людем⁸ в далнюю пустыню на Суну-реку, на Виданской остров, от Соловков четыре⁹ ста верст, от великаго озера Онега 12 верст. И тамо обретох старца имянем Кирилла и славна житием, пребывающа в молитвах, и во псалмах, и посте и милостню¹⁰ творяще сиротам и вдовицам. Держаше бо той старец у себе в пустыни толчею и мельницу на нужную потребу себе, а иное все отдаваше требующим Христа ради. И той мя старец принял к себе в пустыню с великою радостию и удержа мя Христа ради. И бе со старцем живяне в кели бес, зело лют, и много бо тому старцу пакости творяще || во сне и на яве. Некогда бо той старец Кирило изыде ис тоя пустыни во Алек-

³ Испр.; в ркп. писа, слог утрачен в конце строки. ⁴ Испр.; в ркп. благословите, слог утрачен в конце строки. ⁵ Испр.; в ркп. варно. ⁶ Испр.; в ркп. Мартирь. ⁷ Испр.; в ркп. многогрешный. ⁸ В ркп. подчеркнуто черными чернилами. ⁹ Так в ркп.

сандров монастырь духовныя ради потребы ко отцем духовным и приказал свою пустыню отцу своему родному Ипатию и зяти своему Ивану, в деревне живущим, 12 верст от его пустыни. «А в келью, — рече, — не ходите», оберегая их старец от беса сице рек. Зять же его Иван соблюдал з женою своею и, не обмывся^н, взял соседа своего, именем Ивана же, о сем сказа жена ево последи, и идяше пустыни, и не помянуша^р наказания, и внидоша в келию его, и возлегоша спать. || Бес же Ивана^с поганова до смерти удави, и власы долгиа кудрявые со главы его содрал, и надул его, яко бочку великую, а другаго Ивана вынес ис кельи в сени и выломил ему руку^т. И той Иван живой спа в кельи и в сенех день^у да ноц. И как наполняшеса сутки, он же пробудилься, яко пьян, и, рукою своею не владея, приползе ко Ивану удувленому, хотяше бо его разбудити, и узре его удувлена, отекаяша, надута, и ужасеся зело, едва исползе на брюхе и на коленах, и кое-как приползе во другую, странно ||
 л. 274 об. приемну^ф келью^х, и тут польсуток со умом собирался. И по сем сволокся в карбас и^ч пустился на нис по реке, и принесе вода в деревню ко Ипатию, тестю Ивана удувленнаго. Он же взял людей в пустыню и в келью старцову, и взяше зятя своего и понесоша, и треснула кожа на Иване удувленом, бе бо надул его бес крепко и туго зело, и истече крови много в келье. Они же ужем связаша ему брюхо, и на древе несоча его в карбас, яко бочку^у, и везе на погос, и в яму в четыре доски положиша. Сия ми вся поведа старец Кирило, и Иван || безрукой, и Иван Лукин, которой тово удувленово носил и погребал. И после того та келия стояше пуста, а старец в странноприимной келье живяше. И послаше меня старец в ту келью жити, иде же бес живет. Аз же, грешны, старцу рекох сице: «Отче святой, помози ми во святых своих молитвах, да не сотворит^ш ми диавол пакости». И рече ми старец: «Иди, отче, Христос с тобою, и Богородица, и святия его, да и аз, грешный, в молитвах буду помогати тебе, елико бог помощи подаст», — и благослови мя в келию
 л. 275 об. итьти. Аз же || со благословением старцевым идох в келию ту, иде же бес живет. И нача сердце мое трепетатися во мне, кости и тело дрожати, и власы на главе моей востали, и нападе на мя ужас велик. Аз же, грешны, положил книги на налое. И образ вольяшной медяной пречистыя Богородицы со Исусом Христом поставил и благодаря бога, Богородицу и святых его всех, на помощ призывати их себе, да не дадут мя бесу в поругание. И много о сем докуки было всяко, простите мя бога ради. По сем кадило нарядив и покадил образы, и книги, и келию, и сени, || и начал вечерню пети, и псалмы, и каноны, и иное правило, по преданию старца, и продолжися правило до полунощи и болше. Сие было до крещения Христова за два дни. И утомся довольно, и возлег опочинуть, и животворящим крестом Христовым оградил около себя трижды, призывая Христа, и Богородицу, и святаго аггела-хранителя моего, да сохранит мя и оборонит от беса силою Христовой. И абие сведохся в сон и спал до заутрении мирно и тихо, ни страха, ни духа бесовскаго не ощутил. И благодатию Христовою, и образом пречистыя Богородицы вольяшным медяным изгнан^ш бысть бес ис келии тоя. По сем и старец Кирило приде ко мне в келию ту жити, и жил
 л. 276 об. я у стар||ца в той келии 40 недель. Не видали мы беса ни во сне, ни на яве. А как я вольяшной медяной образ пречистыя Богородицы от старца

^н Испр.; в ркп. обмывся. ^р Испр.; в ркп. понуша. ^с Испр.; в ркп. Ивана.
^т Испр. по З; в ркп. нет. ^у Испр. по З.; в ркп. нет. ^ф Испр.; в ркп. странно и приемну.
^х Испр. по З; в ркп. нет. ^ч Испр. по З; в ркп. в.
^у Испр.; в ркп. почку. ^ш Испр.; в ркп. сорит. ^ш Испр.; в ркп. изгнан.

Кирила вынес во свою пустыню и во свою келью, да и сам вышел от него, тако бес и опять к нему в келию пришел жить с ним. Старец же Кирило, не бояся беса, живет с бесом, терпит от него всякую обиду и пакости во сне и на яве. О сем мне сам старец Кирило поне сказывал. А живя я у старца в келии, по ево благословиению, на том же острову, от его кельи полверсты, строил себе келейцу малую, безмолвия ради || и уединения, о пяти стеньках: меж углы одна с лохтем сажен, а другая — полсажени поперег, а вдоль — с первую; малая книг ради и правила — белая, а другая — рукоделия ради. И егда совершил келейцу помощию Христовою, и покрыл, и стенки выгесал, и опечек зделал, и образ вольяшной медяной пречистыя Богородицы со Исусом Христом внесь, и поставил на белой стенке, и помолясь ему, свету Христу, и Богородице, и рекох ко образу сице: «Ну, свет мой Христос и Богородица, храни образ и келейцу мою и твою», — и, помолясь ему, изыдох ко старцу в пустыню. И пребых у него два дни || труда ради мелнишнаго. И на третий день идох во свою пустыню и узрех издалеча келейцу мою, яко главню стоящу. И потрепеташе во мне сердце мое, и потекоша от очей моих слезы на землю, и нападе на мя печаль великая, и не могах с того места никамо же двинутися от горкия печали, и начах вопити к Богородице, зря на небо и на келейцу, яко на главню, взирая, сице вопия: «О пресвятая госпоже, владычице моя Богородице! Почто презрела еси бедное мое моление, и прошение отринула, и приказу моего не послушала. келейцы моя и своя не сохранила еси, но и образа своего не пощадила? Се ныне мне, бедному грешному, где работати || и славу воздати Христу, сыну твоему, свету нашему, свету Христу, сыну твоему и богу нашему? Где мне милости просити у Христа и у тебе, и бремя греховное отрясати, яже от юности моя накопишася? Где быть безмолвию, по преданию святых отец? Где старца келейнаго преданное правило наполнять? Где рукоделию быти и от того питатися, по Христову словеси и святых отец?». И воздохня, на небо зря, милости прося у Христа и у Богородицы, идох к келии огорелой. А около келии приготовлено было на сенечек лесу много, то все пригорело; а у кельи *кровля*⁹ по потолок вся згорела, и около || кельи огонь все полизал. Аз же, грешный, внидох в келию огорелую. О чюдо неизреченное *Христово*¹⁰ и пречистыя Богородицы! В келии чисто и бело, все убережено, сохранено, огонь в келии не смел внити, и образ на стене стоит пречистыя Богородицы, яко солнце сияя, показа ми ся. И обрати ми ся печаль в радость, и воздох руце мои на небо, хвалу и благодарение воздая Христу и Богородице, и падох предо образом лицом на землю, моляся, поклоняся, да поможет ми бог келейцу построити. И помощию Христовою и пречистыя Богородицы у келейцы || верх нарубил и покрыл, стены и углы огорелые досками обил и сенечки построил, а старец Кирило и печь *склал*¹¹ каменную со глиною. И благодатию Христовою келия моя совсем стала готова. И по малех днех взем у старца Кирила благословение и идох во свою келью и во свою пустыню милости просити у Христа, и Богородицы, и святых его себе и людем. И по двух недель начаша ко мне в келию беси приходити по ноцех, устрашающе мя и давяще, не дающе ми опочинути. И того было многое время. Аз же, грешны, || много о сем моляхся Христу и Богородице, да избавит мя от бесов. Беси же что день, то пуще устрашают мя и мучат. Аз же прилежно моляся и притекаю ко Христу и Богородице, да избавит мя от бесов. И некогда после правила моего с великою боязнию возлег опочинути, моляхся

л. 277 об.

л. 278

л. 278 об.

л. 279

л. 279 об.

л. 280

⁹ Испр. по З; в ркп. нет.   ¹⁰ Испр. по З; в ркп. нет.   ¹¹ Испр.; в ркп. скал.

прилежно Богородице, и абие сведохся сон. И отворишася сennыя двери, а в келейце моей стало светло в полунощи; и паки келейныя двери отворишася, и внидоша в келию ко мне два беса, и погледели на меня, и скоро вспять возвратилися, и келию мою затворили, и не вем, како || исчезоша.

л. 280 об. Аз же помышляю, чесо ради беси не давили мене и не мучили, и смотрю по келейце моей туды и сюды, ничего не вижу, токмо светло, а я лежу на левом боку, и возрех на правую руку, и на правой руке на мышце моей лежит образ вольяшной медяной пречистыя Богородицы. Аз же, грешны, левою моею рукою хотех взяти, ано и нет. А в келии стало темно, а икона стоит на стене по-старому, а сердце мое наполнено великия радости и веселия Христова. Аз же о сем прославих Христа бога и Богородицу. И от того времени и часа близ году не видал, ни слышал || бесов ни во сне, ни на яве.

И паки некогда после правила моего, мнит ми ся, в полунощи или дале возлегшу ми опочинуты от труда, и абие сведохся в сон тонок. И приидоша ко мне в келию два беса, один наг, а другой в кафтане, и взем доску мою, на ней же почиваю, и начаша и мене качати, яко младенца, и не дадаху ми опочинуты. И много у них было. Аз же встал со одра моего скоро, взем беса нагова поперек посреде его; он же перегнулся, яко мясище некое бесовское; и начах его бити ^{IIa} о лавку о конничек и вопиюще сице к высоте небесной великим || гласом: «Господи, помози ми! Пречистая Богородица, помози ми! Святыи аггеле, мой хранителю, помози ми! И мнит ми ся в то время, как бы потолок келейной открывается ^б и прихождаше ми сила божия оттуда на беса. А другой бес прямо дверей стоит в велицей ужасе и хочет вон бежати ис келии, да не может, нозе бо его прилепишася к месту тому, и мучится, тянет нозе свои, от земли оторвати хочет, да не может убежати. Аз же велегласно вопию господу по выше реченному. И сего было время не мало. И не вем, как бес из рук моих исчезнул. || Аз же возбудихся, яко от сна, зело устал, биюще беса, а руке мои от мясища бесовскаго мокры. И после того болше году, мнит ми ся, не бывали беси ко мне в келию. И по сих в некое время, до Покрова за две недели, после правила моего, возлегшу ми по обычаю моему на месте моем обычном, на голой доске, а глава ко образу пречистыя Богородицы, от образа пяди три или две. И еще не уснувши ми, отворишася двери сennыя скоро зело и пылко, да и келейныя двери скоро-скоро зело отворишася, и вскочил ко мне в келию бес, яко лютой и злой разбойник, и ухватих || меня, и согнух вдвое, и сожа мя крепко и туго зело; невозможно ми ни дышать, ни питать, толко смерть. И едва на великую силу пропищал в тосках сице: «Николае, помози ми!». Тогда он мене и покинул, и не вем, куды делся. Аз же, грешный, собрався с душею моею и со слезами начах глаголати с великою печалию ко образу вольяшному пречистыя Богородицы сице: «О пресвятая владычице моя, Богородице, почто мя презираещи и не брежещи мене, беднаго и грешнаго! А аз же на Христа и на твою милость надеюсь, мир оставих, и вся, яже в мире, и монастырь, и идох в пустыню, || и всю мою надежду возложих на единороднаго сына твоего и Христа моего бога и на твое, владычице, заступление. А ныне, владычице моя Богородице, разбойник душ наших, диавол, вмале мене не погубил. Свет христианский Богородице моя, не остави от мене помощи своей, от раба твоего, но сохрани от злодейств и от печали великие». И по сем утомихся, и найде на мя сон, и вижду от образа святаго Богородицы, яко чистая дева, и приникнувши ко мне лицом, а в руках беса мучит, кой мене мучил. Аз же зрю на Богородицу, удив-

^{IIa} Испр. по 3; в ркп. бити.

^б Испр.; в ркп. окрывается.

ляюся, а сердце мое великое радости исполненно, занеже царица небесная мати божия губителя моего || мучит. И отдаде ми мертва в мои руки. *л. 283 об.* Аз же взях, начал бити, глаголя сице: «О злосодетель мой и мучитель, ныне аз тебя мучю!». И избросил его во оконце. Он же воста на ноги, яко пьяной. И рече ми бес: «Уже аз к тебе не буду, на Вытергу иду». И аз рех ему: «Не ходи на Вытергу, иди тамо, иде же людей несть». И обретохся вместо великой печали в весели и радости, и прославих Иуса Христа и владычицу-Богородицу.

И после сего, болше годишного времени, после великаго дни вскоре, от труда ручнаго и правильного возлег на одре опочинути и абие све||дохся в сон тонок. И скоро отворишася двери сеней, и вниде бес в сени. *л. 284* Аз же *идох в сени*⁶ ко диаволу и хотех ево рукою моею животворящим крестом Христовым оградити, диавол же побежа от мене. Аз же, аки за разбойником, гонихся, и ухватихся за него, и взя его поперек, и согнул вдвое, и начах бити о сениную стену, а сам вопию великим гласом, зрях к высоте небесной, глаголя сице: «Господи, помози ми! Пресвятая Богородице, помози ми! Ангеле Христов, хранителю мой святей, помози ми!». И манием прождаше ми помощ от высоты небесныя беса мучити, и того моего труда было много, егда беса мучих. || И не вем, как из рук искочил и невидим бых. Аз же, грешны, яко от сна убудихся, и вострепетах зело, и утомихся, и устах, бия беса. И скоро нападе на мя печаль велика, и бых печален и во изумлени и до часа десятаго. И того дни по обеде от печали великия возлег в келии. И абие возлег в келии, бысть шум велик, и дым в келию мою вниде. Аз востах скоро со одра, и *идох шума видети, и узрех* — у келии моей огнь велик, и зело дышет, и поял шесть сажен дров, да и ино лесу немало, а пламя вверх дышет высоко, и хотех келию мою сожещи скоро || зело. Аз же, видех толику беду, нашед *л. 285* от диавола, возвратихся скоро в келию, и воздох руде мои на высоту небесную, и завопил ко образу вольяшному медяному пречистыя Богородице, сице глаголя: «О пресвятая владычице моя, Богородице! Помози ми, рабу твоему, и избави мя от напасти сия, наносимыя от диавола! Сохрани келею мою от огня сего, яко же и прежде сего сохранила еси, заступнице». И трижды ударихся о землю предо образом и изыдох ис келии. О чюдо преславное! О диво великое! О милости Иуса Христа и пречистыя Богородицы! Ветр бо тогда отвратил пламя огненное от келии моей, и не згорела от огня, но благодатию Христовою и заступлением пречистыя || Богородицы цела вся и неврежденна пребысть. *л. 285 об.*

Что же по сих? Егда же не возмог диавол келии моей огнем сожещи, тогда инако покусился и насади бо ми в келию червей многое множество, глаголемых муравьев. И велику² ми скорбь сотвориша. И сего мя господь избавил.

Житие Епифания, вторая часть

^{1а} Выписано отчасти от страдания отца Епифания, како терпя о имени Христове сечение рук и языков резание и всяку темничную нужду.^а

Глагола^б отец Епифани, «Егда, — прислали к нам мучители-никоняне с Москвы в Пустоезеро полуголову Ивана Елагина со стрельцам, он же приехал к нам, и взяв нас ис темниц, и постави пред собою, || и нача прочитати наказ. Тамо у них писано величество царево *л. 286* и последи написано сице: „Веруете ли вы в символе^в веры, в Духа свя-

⁶ Испр. по З; в ркп. нет.   ² В ркп. испр.; было велики.

^{1а-а} Выполнено киноварью.

^б Первая буква киноварная.

^в Испр.; в ркп.

имволе.

таго неистиннаго и тремя персты креститися хотите ли, по нынишнему изволу цареву? И аще примете си две тайны, и царь вас вельми пожалует^а. И мы отвещали ему противу наказу сице: „Мы веруем и в Духа святаго, господа истиннаго и животворящаго, и тремя персты креститися не хотим, понеже бо то есть нечестиво». Он же нас по три дни принуждая си две отступныя вещи принять, и мы их не послушали. И он повеле нам^б по наказу || языки резати и руки сеци, и посреде всего народа пустозерскаго поставиша нас, и священноиерею ис корения язык отрезаша и руку по запестие отсекоша. И потом приступиша ко мне, грешному, палачь с ножем и с клещами. И егда хоцет гортан мой разверзает, аз же, грешный, тогда воздохнул из глубины сердца моего, умиленно зря на небо, и рех сице: «Господи, помози ми!». О дивнаго и скорога услышания Христа бога нашего! Наиде бо на мя тогда яко сон, и не слышал, как палачь язык мой вырезал, токмо в мале ощутил, яко во сне. А егда на

л. 286 об. Москве первой мой || язык отреза палачь, тогда яко лютая змия укусила и всю утробю мою зацимилу. И потом руку мою положиша на плаху и отсекоша четыре персты. Аз же взях персты и положих в ризу мою, яже на мне. И отведоша нас паки по темницам. Мне же вшедшу в темницу и трижды умирах, и пять дней крови идущу. И прииде ко мне в темницу свет-Богородица и отъя болезни от руки моей. И начях правило^в мое говорить, псалмы и молитва умом. А иде же язык был во устах моих, тут нача много быти плюновения. А егда начну псалом говорить «Помилуй мя, боже», и егда || дойдет до его «Возрадуется язык мой правде твоей», тогда аз, многогрешны, воздохну и со слезами погляжу умиленно на крест и на образ Христов, и реку сице ко господу: «Господи, кому во мне возрадоватися, у мене несть и языка, чим возрадуюся». И паки: «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу твою. Что ми, бедному, и уста отверзати и чем, свету тебе, хвалу воздавати, а языка во устах моих несть». И паки возведу очи мои на образ Христов, и воздохну, и с печалию реку: «Господи, почто се бысть надо мною, бедным?». И егда реку: «Предзрех господа предо мною, || выну, яко одесную мене есть, да ся не подвижу, сего ради возвеселися сердце мое и возрадовася язык». И паки возведу очи мои на образ Христов и реку: «Господи, куды язык мой дел? И ныне сердце мое не веселиться, но плачет, и язык мой не радуется, и несть во устех моих». И паки: «Вопроси отца твоего, и возвестит тебе», и иная, подобна сим, обретающе во псалмех и возопию: «Господи, дай ми язык, грешному, на славу тебе, Иисусу Христу, мне же, рабу твоему, на спасение души!». И сего было больше дву недел, всяко моляхся Христу богу и его богоматере, пречистой Богородице, и || всем святым, да даст господь язык. И некогда бо ми возлегшу и вижу себе на некоем поле велице и светле зело, и дивихся красоте поля того, и вижу: о левую страну мене на воздухе лежат два языка мои — московской и пустозерской, мало по-выше мене; московской бледноват, а пустозерской червлен велми. Аз же, грешный, простер руку мою левую и взях с воздуха пустозерской язык, и положил его на десную руку мою, и зрю на него прилежно. И вижу

л. 288 об. его превращающееся на руце, жив. Аз же || дивихся красоте его и живости и начат обема рукама моима обращати, чюдяся ему и исправя его, резанным местом к резанному же, иде же прежде бысть, приткну к корению язычному; он же прильну иде же бысть от рождения матерня. Аз же возрадовахся и возбнув, яко от сна, и дивлюся сему видению, глаголя в себе: «Господи, что се хоцет быти?». И от того времени скоро

^а Испр.; в ркп. нас.   ^б В ркп. испр.; первоначально было праволо.

малу-помалу доиде язык мой до зубов моих и бысть полон и велик, яко же бе от рождения матери моея, и потребень ми бысть ко всякому правилу, ко псалмом || и ко чтению книжному Святаго писания.

л. 289 об.

Да еще повем вам, егда по отрезани языков наших первых,^е иже на Москве. Послаша нас в сылку, егда привезоша^ж нас в Братошину и поставиша нас на дворы, аз же, грешны, возлег и от печали великия начах помышляти в себе сице: «Горе мне, бедному, како живот провождати, поне говорить нечем». И вздохнул ко господу из глубины сердца моего, и востях на нозе. О скорога услышания господа Иисуса Христа! Поползе бо ми тогда язык ис корения и до зубов. Аз же возрадовахся о сем зело и нача глаголати языком || моим ясно, слава бога. Тогда услыша

л. 290

то чудо протопоп Аввакум и скоро ко мне прииде, плача и радуясь, и воспели мы с ним вкупе «Достоино есть» и «Слава и ныне» и все по ряду до конца.

И еще скажу о исцелении руки моей. Наиде бо некогда на мя яко сон. И слышу Богородица руками своими болную мою руку осязает, и преста рука моя болети, и от сердца моего отиде тоска, и радость на мя наиде. А пречистая руками своими над моею рукою яко играет. И мнит ми ся, якобы пречистая Богородица к руке моей персты приложила, и велика радость на мя наиде тогда. Аз же, грешны, хотех рукою моею удержати руку богородичну и не мог || удержати. И убудихся яко от сна, а рука моя

л. 290 об.

платом обвязана. И помышлях в себе: «Что се видимое?». И начах осязати здравую мою рукою сеченую мою, ища у ней перстов, и не бе перст, а рука не болит, а сердце мое радуется. И прославих о сем господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и владычицу-Богородицу, сущую истинную мать его. Сие чудо бысть в седмый день после мучения нашего. И помалу рука моя исцеле от ран, и делаю всякое рукоделие по-прежнему.

И еще скажу вашей любви.

Некогда бо ми, грешному, в темнице, яко гробе^з, сидящу, прииде на мя печаль зело велика, || и възмяхся, и начал глаголати к себе сице: «Что се творится надо мною, бедным? Манастырь оставих и в пустыни не жих. А колико ми в пустыни Иисус Христос и пресвятая Богородица чудных знамений показали! А и то мя не удержа тамо, поидох в Москву, хотех царя избавити от погибелных, злыя ереси никониянския, ныне же царь болши старого християн зле мучит, сам же необратно погибает. Аз же в темнице, яко во гробе, сежу, жив, землю погребен. Клошцы хотят снести и червем не хотят оставити. А не ведаю, есть ли на пользу и на спасение души моей и приято ли || и угодно ли богу страдания моя? И аще бы ведал, что есть на ползу и на спасение души моей, то бы аз с радостию терпел вся сия о Христе Иисусе». И возгоресе сердце мое, и воздох руже мои на высоту небесную, и завопих ко господу из глубины сердечныя: «О господи Иисусе Христе, сыне божий, сотворивы небо и землю, солнце и месяц, и звезды, и всю твар видимую и невидимую, услыши молитву раба твоего, вопиющаго ти. Яви ми, ими же веси судьбами, годно ли тебе страдание мое сие, и потребен ли ти путь мой, и есть ли на спасение ми, рабу твоему?». И ударихся трижды о землю, и много после сего поклонов было со слезами || и к пресвятей Богородице, и святым угодином божиим. И во 1...^у в пост великий хлеба не ядох две недели, и изнемогшу ми от поста и от труда поклоннаго и молитвеннаго, и возлег^к на земли, на рогозине, на ней же поклоны

л. 291

л. 291 об.

л. 292

^е Испр.; в ркп. перых.   ^ж Испр.; в ркп. привезо.   ^з Испр. по 3; в ркп. гробе.   ^у Далее в строке оставлено место для нескольких букв; вероятно, переписчик не разобрал полностью всего буквенного указания года: р̄ (179 г.), как в 3.   ^к Испр.; в ркп. възлег.

творях. И скоро наиде на мя сон мал, и вижу ¹сердечными очима моима — темничное мое оконце на все страны широко стало, и свет велик ко мне в темницу. Аз же зрю на той сияючи свет, и нача огу-
 л. 292 об. стевати, и сотворися ис того света воздушнаго лице, яко человеческое, — очи, нос, и брада, и власы, подобно образу неруко¹творенному Спасову. И рече ми образ той сице: «Сей путь твой, не^а скорби». И паки разыдесе в свет и невидим бысть. Аз же отверз очи мои телесни и поглядах на оконце мое, а оконце, яко же есть. Аз же рекох: «Слава тебе, господи! По множеству болезней моих в сердце моем утешения моя^м возвеселиша душу мою». И тако гласом образа того отгна на тма малодушия моего.
 л. 293 **В** И от того времени терплю помощию Отца и Сына и Святаго духа всяку нужду темничную, благодаря бога, чая и ожидая будущия и грядущия радости и гласа слышати сладкаго. || Приидете, благословеннии, отца моего наследуйте уготованное вам царствие^н, обещанное^о сыном Божиим, терпящим его ради всяку скорб и болезни в веце сем, ниже сие скрью^н.

Егда делаю аз кресты Христовы со вниманием, и утомлюся делаящи довольно, и възлягу на одре моем, и мало сном опочину, да и возбуждуся. И сон первой егда отидет от мене, аз же лежу не спя на одре. Тогда бо ко мне чудныя гласы бывають, и явно слышу, — повелевають востати и делати кресты сице: от внеуду к темничному оконцу прича
 л. 293 об. яко юноши неки доброгласны и || чудным умиленным и светлым гласом сотвори ми молитву сице: «Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас!». Аз же реку «аминь» и востану. И того дни дело ми поспешно бывает зело в соделании крестов. Да и сему аз много дивлюся: делаю аз сего делания дватцать пять лет, а от всех орудих ни рук, ниже ног окровавих. Соблюдает бо мя благодать Святаго духа и до сего дни. И по числу, мнит ми ся, болше пяти сот зделах крестов. А егда что ино
 л. 294 гласа того, || будящаго мя, и паки усну, тогда много мя беси искушают и пакости творят, и того дни крестов не дела.

И о всех сих слава Христу и его богоматери пречистой Богородице и присно деве Марии во веки веком. Аминь.

ГБЛ., собр. Барсова, № 654, лл. 268—294.

¹ Испр. по З; в ркп. нет. ^м Так в ркп., в З: твоя. ^н Далее в строке оставлено место для нескольких букв. ^о Испр.; в ркп. обещанное. ^н После этого слова — звездочка теми же чернилами.

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

О системе пословного перевода в России XVII в.

Исследование древних переводов не начинается сопоставлением с иноязычными оригиналами, ибо и самый текст перевода, и его иноязычный оригинал обыкновенно еще предстоит установить. Основательность исследования тут прежде всего зависит от достоверности самих объектов сопоставления. Затерянность же авторских оригиналов и многовариантность сохранившихся как переводных, так и иноязычных текстов делают такое установление для медиевиста не всегда и не во всем выполнимой задачей. Положение тем беспросветнее, чем меньше у исследователя списков. Но и в лучших случаях коррекция тут обоюдосторонняя: выделение наиболее раннего текста перевода ориентирует в поисках его источника среди редакций и вариантов иноязычного памятника, что, в свою очередь, может послужить критической реставрации каких-то элементов текста переводного. Пока же такая работа не выполнена (или невыполнима), квалификация перевода и, тем более, разграничение труда переводчика и поновлений переписчиков остаются по меньшей мере гипотетическими.

Конечно, проникновение в профессиональные приемы древних переводчиков также позволяет с известной вероятностью выделить, а то и восстановить некоторые первоначальные конструкты перевода. Но возможности таких реставраций ограничено локальны и основа их чрезвычайно зыбка, ибо повествовательная адаптация переводов под пером и переводчиков, и переписчиков во многом аналогична, тогда как манера и характер самих древнерусских переводов, — от буквалистски дословных и до свободных пересказов и компиляций, — весьма многообразны и зависят как от идеологического и функционально-жанрового ранга памятника, так и профессиональной выучки и опыта переводчиков.

Вместе с тем на Руси были, отнюдь не редкостью и повторные переводы (как и повторные выверки прежних переводов). И распознать, столкнулся ли исследователь с новым переводом или всего лишь с иной редакцией единственного перевода, — не всегда и не так уж просто. Дело еще сложнее, когда предполагаемых переводов несколько. Во всяком случае на фоне многочисленных и зачастую весьма далеких одна от другой редакций, разнящихся между собой даже больше, чем могли бы разниться самостоятельные переводы, констатация существования нового перевода (или еще одной редакции прежнего) требует несравненно более весомых филологических доказательств, нежели субъективные впечатления исследователя.

Отсюда понятно, почему относительно удобными и даже традиционными объектами исследования оказались переводы конфессиональных, особенно канонических, памятников, старательная, по преимуществу по-

словная, передача которых древними переводчиками (а затем и копирование переписчиками) определялась и поддерживалась опасениями быть обвешенными в еретичестве.

Однако по меньшей мере неисторично представлять пословность славяно-русских переводов каким-то оценочным жупелом, как и неправомочно отождествлять внутренний аппарат пословного перевода с лингвистической беспомощностью или профессиональным примитивизмом. Тут показательно отношение к переводам чудовского инока Евфимия — предполагаемого автора интереснейшего сочинения «О исправлении в преждепечатных книгах Минеах неких бывших погрешений в речениях» (1692 г.). Отрицательные оценки переводов Евфимия щедро рассыпаны в «Описаниях славянских рукописей Московской синодальной библиотеки» А. В. Горского и К. И. Невоструева.¹ Здесь обвинения и в насилии над русским языком,² и в «темноте» и невразумительности перевода,³ и в «рабском следовании греческой букве».⁴ Однако оба ученых библиографа словно не замечают логики приводимых ими же фактов, профессиональной и идеологической принципиальности их: что «буквализм» этот сопровождается не менее как сопоставлением нескольких изданий и списков греческого текста и текстологической критикой самих переводимых оригиналов,⁵ а также неперменным учетом опыта предшествующих переводов, латинских и русских,⁶ не говоря уже о крайней осторожности чудовского инока в истолковании содержания оригинала⁷ и в выборе вариантов перевода,⁸ тщательности и кропотливости его труда.

Тем примечательнее профессиональное мнение о евфимиевском переводе творений Симеона Солунского (в рабском следовании греческому тексту которого как раз и обвиняли Евфимия Горский и Невоструев) переводчиков того же текста в середине XIX в., утверждавших, что перевод Евфимия «и вообще очень хорош»; «язык его правилен и довольно ясен, хотя и не везде точно выражает мысль подлинника».⁹

Исследований церковных переводов в славистике немало. И тем не менее, что касается раскрытия профессиональных приемов и техники древних переводов, то такие исследования, — по довольно суровому заключению современного слависта, — «представляют собой не более как кодификацию соответствий или, напротив, расхождений между славянскими переводами и греческими источниками».¹⁰ «Если же обратиться к попыткам осмысления самих механизмов или процедуры перевода, то здесь в литературе вопроса мы практически ничего, кроме оценочных суждений, не имеем».¹¹

Тем существеннее рассмотреть механизмы светского перевода, не скованного теологическим догматизмом и несравненно полнее и свободнее раскрывающего как общие традиции переводческого ремесла, так и про-

¹ [А. В. Горский и К. И. Невоструев]. Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки, т. III, отд. II, ч. 2. М., 1859; т. IV, отд. II, ч. 3. М., 1862.

² См.: там же, т. III, отд. II, ч. 2, стр. 12, 67, 118.

³ См.: там же, стр. 67, 104, 484.

⁴ См.: там же, стр. VII, а также стр. 11, 493.

⁵ См.: там же, стр. 101—102, 365; т. IV, отд. II, ч. 3, стр. 293.

⁶ См.: там же, т. III, отд. II, ч. 2, стр. 11—12, 44, 102, 484—485, 600—601.

⁷ См.: там же, стр. 67, 119, 601; т. IV, отд. II, ч. 3, стр. 459, 477, 811.

⁸ См.: там же, т. III, отд. II, ч. 2, стр. 493; т. IV, отд. II, ч. 3, стр. 407, 489.

⁹ Писания св. отцев и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения, т. 2. СПб., 1856, стр. 7 и 9.

¹⁰ Е. М. Верещагин. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971, стр. 5.

¹¹ Там же, стр. 8.

фессиональную изобретательность и находчивость самих переводчиков. Но, конечно, предметом анализа тут должен стать прежде всего квалифицированный труд, исполненный образованными и соответственно подготовленными переводчиками, а не работа случайных лиц, подчас даже толком не знавших русской письменной речи.¹²

Специфические проблемы древнерусского перевода порождаются и существованием двух типов литературно-письменного языка — славяно-русского («церковнославянского») и народно-литературного, в их многообразном взаимодействии и взаимопроникновении. В повествовательно-беллетристических жанрах ориентация на тот или иной литературно-языковой тип неизбежно связывалась не только с функционально-жанровыми или экспрессивно-стилистическими факторами и комплексами лингвистических «опозиций», но и с самой манерой словесного мышления и совершенно иначе направленными структурно-образными системами. Тут противостоят даже не столько строевые элементы языка, сколько сами способы развертывания мыслительного содержания и образная атмосфера повествования. Однако наблюдения этого рода уже выходят за рамки данной статьи, посвященной лишь технологическим основам пословного перевода, но не затрагивающей ни речевой, ни повествовательно-стилистической, ни тем более эстетической адаптации переводного текста.

1. Пословное следование оригиналу как профессиональная норма перевода

«Притчи, или Баснословие Езопа Фриги», переведенные в 1607 г. с древнегреческого толмачом Посольского приказа Ф. К. Гозвинским, обладают всеми признаками пословной передачи оригинала — текста так называемой Аккурсианы, как он представлен во множестве европейских изданий XVI в., начиная с миланского издания Альда Мануция. Пословная передача источника может быть проиллюстрирована любым связным текстом:¹³

16. αἴλουρος καὶ ἀλεκτρούων. αἴλουρος συλλαβὼν ἀλεκτρούνα μετ' εὐλόγου

5. О коте и о алекторе. Кот пойма алектора, со благословною тоѣтон аітіас ἠβουλήθη καταφαγεῖν. καὶ δὴ κατηγορεῖ αὐτοῦ λέγων, ὡς ὀχληρὸς σего виною хотяше снести. И обличая его, глаголя, яко тяжел εἶη τοῖς ἀνθρώποις νύκτωρ κεκραγῶς καὶ μὴ συγχωρῶν ὕπνῳ τυγχάνειν. еси человеком, ношью вопия, възбращая им и сна насытитися.

τοῦ δ' ἀπολογουμένου ἐπὶ τῇ ἐκείνων ὠφελείᾳ τοῦτο ποιεῖν, Алектору же отвечавшу, яко к человечестей пользе сие творит,

ὡς ἐπὶ τὰ συνήθη τῶν ἔργων ἐγείρεσθαι, πάλιν ὁ αἴλουρος αἰτίαν еже бо на обычная их дела возбуждает. Паки кот ину вину ἐπέφερον, ὡς ἀσεβῆς εἶη περὶ τὴν φύσιν μητρὶ καὶ ἀδελφαῖς наносит, яко [нечестив] еси [и] нечист естеством, матери и сестрам

¹² См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 42—44.

¹³ Источники текста Гозвинского — списки первой редакции перевода, из которых здесь цитируются: ГПБ, собр. Погодина, № 1964 (индексом не отмечается) и № 1604 (далее — П¹); ГПБ, Q.XVII.272 (далее — Q) и ГБЛ, собр. Тихонова, № 229 (далее — Т¹). Лексические искажения и пропуски исправляются по другим спискам той же первой редакции. Восстанавливаемый текст заключается в квадратные скобки. Звездочками отмечены слова, передвинутые в русском тексте.

Греческий текст Аккурсианы и нумерация его басен дана по изд.: A. Hausgath. Corpus fabularum Aesopicarum, vol. I, fasc. 1—2 (cod. III-a). Lipsiae, 1957—1958.

συμμιγνόμενος. τοῦ δὲ καὶ τοῦτο πρὸς ὠφέλειαν τῶν δεσπο-
 присовокупляешься. Ему же: «и се на пользу своим господиям
 τῶν πράττειν φήσαντος πολλῶν* αὐτοῖς ἐντεῦθεν
 и владыкам [творити], — глаголаше, — и ради сего многия*
 ὧν τικτομένων, ὁ αἰλουρος εἰπὼν· „ἀλλ’ εἰ σύ γε πολλῶν εὐπορεῖς**
 яица родятся». Кот отвещав рече: «Но аще ты многая
 εὐπροσώπων ἀπολογιῶν, ἔγωγε μέντοι ἄτροφος οὐ μενῶ’
 благообразныя собираеши** ответы, аз же убо гладен сый, не жду», —
 τοῦτον κατεθινήσατο.
 и сего снеде.

ἐπιμύθιον· ὁ μῦθος δηλοῖ, ὅτι ἡ πονηρὰ φύσις πλημμελεῖν αἰρουμένη,
 Толкование: притча являет, яко лукаваго естество, согрешити хотяще,
 εἰ μὴ*** μετ’ εὐλόγου δυνηθείη προσχήματος
 аще со благословным не*** возможет образом, и****
 ἀπαρακαλύπτως γε μὴν**** πονηρεύεται.
 яве лукавнует (T¹).

Нетрудно отметить почти сплошную, бросающуюся в глаза аналогию построения древнегреческого и славяно-русского текстов, — вплоть до отражения синтаксических конструкций, — калькирование композитов, лексические грецизмы, — и, как следствие, структурную и лексическую симметрию текстов. Перевод регулярно слагается из тех же лексико-семантических компонентов, на которые членится его источник. И тем не менее в этом следовании структурам оригинала нет и признака лингвистической или профессиональной безоружности переводчика, нигде не постутившегося логической верностью перевода, равно как и повествовательной ясностью и точностью своей речи. Пословное отражение оригинала — это профессиональная норма перевода Гозвинского, как бы непосредственная и прямая передача иноязычного текста, которой Гозвинский обыкновенно и следует, пока и поскольку она не приходит в противоречие с повествовательными традициями славяно-русской речи. Отсюда типичная для пословных переводов полнота лексической передачи источника; лексическая и синтаксическая симметрия текстов; отточенное внимание к словоупотреблению оригинала и контекстуально-синонимическое варьирование перевода; семантические и структурные кальки. И сколь бы далеко такая зависимость подчас ни заходила, но для средневекового книжника точность пословной, а то и структурной, передачи оригинала являлась мериллом идеологической точности перевода. «Подобает истинно и право преводити от слова и до слова, ничто разума и речений премежня», — наставляет в многовековой профессиональной заповеди инок Евфимий.¹⁴ Подчинение тексту-источнику тут было прежде всего осознанием социальной ответственности переводческого ремесла и претворением определенных принципов перевода. «Тако подобает преписывати, паче же преводити от языка на язык, яко писаша сами святии отци древнии еллинским диалектом»; «... и не токмо речение, лежащее во Святом писании, пременити не безбедно есть, но и само строчное прешипание, запяту или точку не на подобающем месте положить — велику творит тщету и разум писания растлевае».¹⁵

¹⁴ См.: С. Браиловский. Очерки по истории просвещения в Московской Руси в (XVII) веке. Чудовский инок Евфимий. — ЧОЛДП, М., 1890, № 3, стр. 436.

¹⁵ О исправлении в преждепечатных книгах Минеях неких бывших погрешений в речениих. — ПДП, т. СХV, СПб., 1896, стр. 61.

Вместе с тем не следует игнорировать и тот факт, что многовековая практика еллино-славянских переводов не только выработала свои традиционные формы передачи греческих текстов, но и привела к известной структурной приспособленности славяно-русского языка к переводам именно с древнегреческого, — к лексико-семантическому, фразеологическому, синтаксическому, а отчасти и словообразовательному, сближению его с древнегреческим,¹⁶ что по особому осознавалось и не раз отмечалось древнерусскими книжниками.¹⁷ В том, как греческая фраза слово за словом укладывалась в структуры книжно-славянской речи, усматривался уже не просто залог непрерываемой адекватности перевода, но и высокая духовная миссия самой церковнославянской речи.

2. Полнота лексической передачи текста-источника

Ближайшим следствием пословного перевода была полнота лексического отражения оригинала. В «Притчах» текст Аккурсианы передан почти без каких-либо лексически существенных пропусков, общий объем которых едва достигает 60—70 слов, не больше. При длине греческого текста Аккурсианы приблизительно в 8600 знаменательных словоупотреблений подобное количество словарных пропусков и вовсе не приметно. Да и состоят они, как правило, в семантически малозначительных исключениях единиц полуслужебного и служебного характера с достаточной их конструктивной компенсацией, но очень редко из полнозначных имен и глаголов.

Так, более трети пропусков приходится на те или иные местоименные указания, особенно местоименно-наречные отметки последовательности фабульных событий (*αὐθις, μετὰ τοῦτο, πάλιν, πρῶτον*). Обнаруживаются пропуски служебных глаголов *γίγνομαι, δέω, μέλλω*. Так, глагол *δέω*, обычный в гномических формулах, Гозвинским передается как «подобати» (25 употреблений). Но там, где *δέω* подобной формулы не вводит и композиционно не актуализован, он лексически не передается, а его значение компенсируется конструктивно:

75. Помыслиша убити сущаго во дворе алектора (*ἐγγωσαν δεῖν τὸν ἐπὶ τῆς οἰκίας ἀποκτεῖναι ἀλεκτρούνα* — 55).

Понятно, что семантическая неравномерность перевода и оригинала, вызываемая подобными исключениями служебных и полуслужебных слов, практически ничтожна.

Не получают самостоятельного отражения в переводе семантически размытые или явно избыточные лексические единицы греческого текста; в частности же, когда двусловному обозначению греческого текста эквивалентно однословное славянское, — лексическая асимметрия перевода и оригинала уже обязательна:

45. . . . фиников (*φοινίκων βάλανους* — 223) купи и поиде — *T*¹.

Но *βάλανος* — тоже «финик».

140. Два алектора о курицах (*περὶ θηλειῶν ὀρνίθων* — 266) браняхуся. . . *θήλεια ὄρνις* — буквально «самка-птица».

¹⁶ Многочисленные замечания этого рода см.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 169, 171, 373—374, 424, 464, 522—523, 546—547, 553, 557. См. также: М. Р. Фасмер. 1) Греко-славянские этюды. II. Греческие заимствования в старославянском языке. — ИОРЯС, т. XII, кн. 2, СПб., 1907, стр. 197—289; 2) Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909; М. М. Копыленко. О греческом влиянии на язык древнерусской письменности. — Русская речь, 1969, № 5, стр. 96—103.

¹⁷ См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2-е. М., 1938, стр. 7—10.

Однако наряду с асимметрией вынужденной, лингвистически предписанной, встречаются пропуски знаменательных слов и по инициативе переводчика, от его стремления к внутренней согласованности фабульных ситуаций, — принцип, отнюдь не отвергаемый практикой пословного перевода. К тому же и тут, парадоксирюя, можно бы утверждать, что и в этих пропусках нет отступления от технологических основ пословного перевода, поскольку отказ от перевода тоже носит точечный, пословный характер.

Так, басня *κάλαμος καὶ ἐλαία* в Аккурсиане — не без некоторой несообразности — начинается спором, кто из пререкающихся обладает, помимо стойкости и силы, также и большим «спокойствием» (*ἡσυχία*). Последнего Гозвинский не переводит, и, по-видимому, преднамеренно, равно как смягчена тут же передача глагола *ἐρίζω* (т. е. «спорить», даже «ссориться») через куда более умеренное «беседоваху»:

138. О терпении и о крепости (*διὰ καρτερίαν καὶ ἰσχύον καὶ ἡσυχίαν* — 239) трость и масличина беседоваху (*ἤριζον*).

Подобно и в басне об орле, высматривающем с высоты добычу, но пораженном стрелой охотника. Помещенный в Аккурсиане высоко-высоко (*ὑπεράνωθεν*), на самом верху скалы, он много доступнее для стрелка у Гозвинского:

114. На камени (*ὑπεράνωθεν πέτρας* — 273) орел сядяше... — Q.

Наконец, встречаются единичные, всего несколько раз, труднообъяснимые пропуски (если они вообще принадлежат переводчику, а не были дефектом одного из первых протографов), ибо какие-либо контрольные внутритекстовые сопоставления для них отсутствуют и ключ к ним либо в непонятности этих слов для переводчика, либо в какой-то случайности. Во всем же остальном ни одна (или почти ни одна) лексически полная единица Аккурсианы не минует корреспондирующего ей отражения в тексте перевода, — в форме ли обычных эквивалентов и аналогов или переводческих субститутов.

3. Конструктивная симметрия текстов и структурные отношения лексических аналогов

Но принципы пословного перевода не исчерпывались требованием лексической симметрии оригиналу. В известных пределах предписание «речь от речи хранить» распространялось также на отражение морфологических структур и фразовых конструкций и вело в переводе не только к тем из них, что истари культивировались еллино-славянским слогом как подобие греческих (одиночное отрицание вместо двойного; средний род множественного числа субстантивируемых прилагательных на месте единственного; композиты; член с инфинитивом; дательный самостоятельный), но и к более смелым калькам. Так появляются в «Притчах» инфинитивные конструкции, не присущие славянскому синтаксису, хотя и встречавшиеся в поздних переводах,¹⁸ к примеру — оборот *accusativus cum infinitivo* полнозначных глаголов:

61. Проминувшим же ловцом мало, елень совершенно уже проминути их мянще (*ἡ ἔλαφος τελέως ἤδη λαθεῖν δόξασα* — 79), начат виноградное листвие ясти.

¹⁸ См.: К. Гадерка. Сочетания субъекта, связанного с инфинитивом, в старославянских и церковнославянских памятниках. — *Slavia, Praha*, гоґ. XXXIII, сеґ. 4, 1964, str. 528—530.

69. И егда уже мяше его проснатися и прохмелитися, пришедше и потолче во врата окопищная.

Регулярнее передается в переводе оборот *nominativus cum infinitivo*, особенно в конструкциях с «чужой речью»:

22. Возвращшу же съ повару и мяса ищущу и не обретшу; украдый кляся глаголя: не имети (*ὁ μὲν εἰληφώς ὤμνουε μὴ ἔχειν* — 67).

123. . . и сей гласом убо кляшеса: ничто же видети.

Иногда же, но опять-таки в подобие греческому оригиналу, этот инфинитив «чужой речи» соотнесен даже не с номинативом, а с «дательным самостоятельным» — довольно обычною формой «вводящих слов автора»:

42. . . ему же: град созидати, — сказавшу (*τοῦ δὲ πόλιν κτίζειν φαρμένου* — 207).

Зависимость сложных слов текста Гозвинского от греческих композитов могла бы предполагаться уже из общей традиции славяно-русских переводов. Выдвинутые практикой средневековых книжников в ряд броских средств экспрессивной организации речи, сложения весьма привлекали внимание переводчиков,¹⁹ — и суммарная частотность употребления сложных слов в «Притчах» (134) лишь немногим уступает греческому оригиналу (143), хотя, конечно, структурный их круг в тексте перевода ограниченнее, беднее.

Немалая часть их без каких-либо расхождений воспроизводит модели греческих и вполне обычна для русских книжников: «благообразно» — *εὐ-μεῖοδός*; «благоразумие» — *εὖ-νοία*; «лжесловный» — *ψευδο-λόγος*; «сладкогласие» — *ἡδῆ-φωνία*; «сыроядец» — *ὤμο-βόρος*; «тщеславный» — *κενό-δοξός*, и подобные, всего 54 слова.

Примечательнее более редкие сложения, все с тем же отражением корневых компонентов и структурного каркаса греческих композитов, но не зарегистрированных ни у Берынды и Поликарпова, ни Востоковым, Миклошичем и Срезневским, хотя едва ли здесь что-либо принадлежит изобретательности самого Гозвинского; к примеру: «благоденствие» — *εὐ-μένεια*; «златородный» — *χρυσο-τόκος*; «идолотворец» — *ἄγαλματο-ποιός*; «любопустынный» — *φιλ-έρημος*; «скоротечный» — *ταχυ-δρόμος*, и некоторые другие.

Однако довольно часто перевод греческих композитов не знает столь полного параллелизма структурам оригинала, а то и асимметричен им: калькирование композитов ограничивалось как приемлемостью модели сложения, так и привычностью семантического сочетания наполняющих эту модель лексических компонентов. Тем не менее и при внутренней идиоматичности ряда греческих композитов, исключавшей их поморфемное копирование, Гозвинский переводит их все-таки сложным словом, хотя и по-иному образованным, например: *εὐ-τύχημα* — «благоденствие»; *γλωσ-αλία* — «блядословие»; *μεγαλο-πρεπής* — «великоименитый»; *πλεον-εξία* — «любостяжание», «любостяжательство». Но, конечно, это уже не калькирование, а в сущности своеобразная структурно-повествовательная компенсация перевода: передача одного сложного другим сложным, хотя и по-иному образованным. Когда же возможностей какой-либо структурной аналогии не находилось, а в церковнославянском искони установилась передача греческого сложения простым словом, Гозвинский следует обычной традиции: *εὐ-τελής* — «малый»; *εὖ-πορος* — «богатый»; *εὐ-φωός* — «художественно»; *εὐ-χερῶς* — «удобно»; *παν-οурγία* — «лукавство». И подоб-

¹⁹ См.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 160 и далее.

ный перевод этих сложений, судя по «Материалам» И. И. Срезневского, известен уже в древнейших списках «слов» Григория Назианзина, Пандекта Антиоха, Ефремовской Кормчей, в Хронике Георгия Амартола.

По-иному складывается передача сложных глаголов. Их калькирование (если оно не сопровождалось именовым транспонированием) уже наталкивалось на структурно-языковые барьеры, — и в переводе Гозвинского сложные древнегреческие глаголы либо разлагаются как словосочетания, либо, когда их внутренняя форма идиоматична, передаются простым, однокорневым словом, уже без попыток воспроизвести опорную синтагму сложения.

Примеры аналитической передачи сложных глаголов: ἀνάξιο-παθούσα — «недостойная от них претерпеть»; νεοττο-ποιεῖσθαι — «гнезда своя сотворяет»; οἰκο-φυλαγεῖν — «хранит двора»; ἐτεκνο-ποίησατο — «чада породил», и некоторые другие.

Передача сложных глаголов простым словом: εὐ-πορεῖς — «собираеши»; σκοτο-διηῶσαι — «помрачевнахуся»; βασιλεὺς ὑπ' αὐτῶν ἐχειρο-τόνηθη — «царем ю поставиша».

Калькулирует же глагольные сложения Гозвинский лишь трижды, два из них опять-таки отыменные, а все три хорошо известны издревле: εὐ-εργετέω — «благодетельствовати»; μνησι-καχεῖν — «злопамятствовати»; φιλο-νευχέω — «любопретися».

Таким образом, ни механического буквализма, ни сколько-нибудь ощутимого насилия над естественными языковыми различиями при переводе греческих композитов здесь не улавливается, а пословность перевода еще не обрекает на прямолинейное копирование структур оригинала, равно как и на нешрещенную лексическую симметрию переводного текста тексту-источнику.

Лексическое расщепление происходило и при переводе аффиксальных образований, когда для них не было однословных аналогов в славяно-русском. Так, при переводе префиксальных глаголов с включенной обстоятельственной характеристикой процесса Гозвинский, не располагая однословными эквивалентами в языке перевода, просто прибегает к сепаративной передаче префиксального элемента еще одним словом: ἐπαν-ήρετο — «вопрошаше же паки»; ἐπαν-ελθὼν — «паки пришед»; ἐπι-δραμόντος — «абие притекшу»; προ-ακηκοῦτα — «преже сего слышаша»; προ-ῆδυνθέντας — «прежде радующимся», и др.

Точно так же нетипичность для русского языка отыменных глаголов, особенно в его древний период, опять-таки наталкивает переводчика на словосочетания, в которых корневая морфема греческого глагола передается зависимым существительным со значением материально-объектной либо инструментальной характеристики процесса, без каких-либо попыток калькировать греческое словообразование: «все свое имение в серебре собрал» — ἐξαργυ-ρισάμενος; «с волка живаго кожу снем» — ἐκδεΐρας; «заигра во свирели» — ἤλει; «секий некто дрова» — ξυλευόμενος τις, и проч.

Словосочетаниями передает Гозвинский и другие лексические единицы, семантически и структурно довольно различные, но объединяемые отсутствием однословных эквивалентов в славяно-русском, например ряд локально-обстоятельственных обозначений греческого текста: ἐπ' ἡμόνος (также κατὰ αἰγιαλὸν) — «при берегу морском»; ἐν σκότῳ — «на месте темнем»; τὴν ἄνοδον — «неисходное место», и др.

К тому же типу примыкает перевод греческих предложно-местоименных временных указаний их полуфразеологическими славянскими аналогами: ἐν τοσοῦτῳ δὲ — «в то же время»; καὶ τοῦτου — «и от сего времени»; ἀπ'

ἐχείνου — «от одного времени»; καθ' ἑκάστην — «на всяк день»; πρὸς ὀλίγον — «по малех днех» (или «на малое время»); μετὰ μικρόν — «по немнозех днех», и др.

Таким образом, предписание «речь от речи хранить» как принцип пословного перевода реализуется не только в лексически полном отражении оригинала и в пословной симметрии переводного текста его иноязычному источнику, но и в структурном копировании этого источника. Однако в тексте «Притчей» подобное копирование — это уже не конструктивно-семантический, а скорее повествовательно-стилистический фактор. Перевод следует по контурам греческой фразы лишь настолько, насколько это допускалось традициями еллино-славянских переводов, прежде всего — запасами установившихся структурных и семантических эквивалентов и аналогов. И там, где Гозвинский, казалось бы, насаждает греческие структуры, он в действительности пользуется лишь более или менее утвердившимися кальками.

В профессиональном же плане это было лишь возможно более сближенное с оригиналом использование выработанных еллино-славянской традицией структурных форм передачи греческого текста. И вместе с тем, несмотря на самое тщательное следование тексту Аккурсианы, Гозвинский сплошь и рядом поступает и пословной, и, тем более, конструктивной симметрией перевода, когда к тому побуждали нормы самой славяно-русской речи и когда отступления от подобной симметрии были и неизбежны, и естественно целесообразны.

4. Словоупотребление оригинала и перевод

И все же пословная, вплоть до структурного копирования, близость оригиналу — это прежде всего лишь технологические признаки тщательности перевода, тогда как решающим фактором тут было истолкование словоупотребления оригинала и передача его содержания в славянском тексте. Здесь-то и выявляется с полной очевидностью ориентация Гозвинского не на перевод изолированных слов или хотя бы препарируемых в составе словосочетания, а на смысловую оценку слова в контексте целого — от микроситуации и до рассказа в целом. Именно это объясняет и объединяет в профессиональных приемах Гозвинского внешне совершенно разнородные и словно бы даже противоречивые факты, как например эквивалентный перевод слова и выход за смысловые границы того же слова; варианты калькирования и отказ от так и напрашивающегося калькирования; двукратный перевод слова и пропуск его в переводе, и др.

Неодинаковый перевод Гозвинским одного и того же многозначного слова или, напротив, совпадающий перевод синонимов — естественны и обычны и не нуждаются в особом иллюстрировании. Стоит лишь разве отметить, что причинами синонимического варьирования тут могли быть не только семантические, но и фоностилистические мотивы, как например стремление обойти экспрессивно немотивированное столкновение омофонов. Так, греческое πάγη, παγίς («силок», «западня», «ловушка») Гозвинским регулярно переводится как «пасть» или, при переносном употреблении, как «пагуба». Но вот контексты, где передача παγίς как «пасть» натолкнулась бы на соседство с глаголом «впасти», — и Гозвинский явно постарался избежать ненужного ему стечения омофонов и выбрал иные варианты перевода:

6. Лисица в сеть (παγίδι — 17) впадши.

111. Она же приведши осла в некое в пагубное место (εἰς τινα πάγην — 203) впасти уготова.

Однако что более всего примечательно для пословного перевода — это очень нередкое, почти непереносимое семантическое смещение и даже выход перевода за смысловые границы симметричной леммы оригинала, если так подсказывалось басенной ситуацией или сюжетом в целом. Из многих примеров ситуативной коррекции пословного перевода ограничусь примерами передачи двух слов: ἀναίρέω и ἀφαιρέω.

Восьмикратно встретившийся в Аккурсиане глагол ἀναίρέω полисемантический, представляя как бы два смысловых круга: «взять» — один и «уничтожить» — другой; но почти каждое употребление этого глагола Гозвинским переводится по-особому.

С значениями первого круга («поднимать» — «подбирать» — «брать» — «уносить») ἀναίρέω в греческом тексте связывается четыре раза, и дважды перевод может квалифицироваться как эквивалентный: «взяти». Но в двух других передача ἀναίρέω ситуативно смещается:

26. И похваляше облезяне, да пришед увидит и яко царю подобает сокровище собирати (ἄτε δὲ βασιλέα, τὸν θησαυρὸν ἀνελέσθαι — 83) — Q.

55. Некто же от ево раб увидев, помысли и ископав у краде (ἀνείλετο — 253).

Второй круг значений ἀναίρέω: «разрушать» — «уничтожать» — «умерщвлять» — «убивать» — «истреблять» — «сокрушать». И опять наряду с эквивалентным переводом («убиша» и «погубитися») ситуативно корректируемая передача:

136. Змей пред враты земледелателя гнездо изви и угрызе (ἀνεῖλεν — 51) детище его.

2. Ястреб же, виде [соловья] и брашна иного не имея, налетев и изыма и хотяше его снѣсти (ἡ δ' ἀναίρεισθαι μέλλουσα — 4).

Не менее многообразна передача глагола ἀφαιρέω («отнимать» — «избавлять» — «устранять» — «отделять» — «отсекать» — «убавлять», «уменьшать» — «снимать», «совлекать» — «уносить», «увлекать» — «мешать», «препятствовать»), из шести употреблений которого только одно передано эквивалентно: «изнесена». В четырех других случаях интерпретация перевода, как правило, более конкретна:

81. В пасеку или во пчелницу некто тать прииде..., мед с воском у краде (ἀφείλετο — 74) — T¹.

93. ...любостыжание и любоимение и ни к чесому же ползовательню, но и паче настоящая по губляет (ἀφαιρείται — 131). — Q.

119. (Пастырь к овцам, сжевавшим его платье): «О злейшая, — рече, — животная! Вы инем волну на ризу даруете, мне же, кормящему вас и радующему вами, ризу растливш!» (τὸ ἑλάτιον ἀφείλεσθε — 224) — Q.

77. Кошка... пилу железную лизаше языком..., мняше нечто железу в реди ти (ἀφαιρείν — 59), донележе и весь свой язык погуби.

И наконец еще в одном случае от передачи глагола ἀφαιρέω Гозвинский отказывается или, вернее, объединяет его с переводом другого, соседнего, глагола:

44. ...матери своей зубами ухо угрызе (τὸ οὖς τοῖς ὀδοῦσι δακὼν ἀφείλετο — 216; букв.: ухо, зубами укусив, оторвал).

Вместе с тем не излишне отметить, сколь широк круг внутренних корневых форм, привлекаемых Гозвинским для передачи одной и той же

греческой лексемы. Отсюда понятно, почему текст перевода по лексическому разнообразию (1985 слов) нисколько не уступает тексту Аккурсианы (около 1950 слов).²⁰

Ориентация на контекстуально-сюжетное осмысление передаваемого слова особенно очевидна, когда несовпадающий перевод одной и той же лексемы захватывает даже такие семантически детерминированные образования, как сложения. Их копирование в «Притчах», когда тому не препятствовали структурные ограничения, диктовалось стилистической оцутимостью этого типа слов для еллино-славянских переводов. Однако и здесь конкретная интерпретация греческих композитов и форма их отражения в переводе, помимо структурных моментов, репалась композиционно-сюжетным назначением слова.

Так, γεωργός — это, разумеется, «земледелец», как это слово пять раз и передано Гозвинским. Но любопытно, что ни в одной из включающих такой перевод притчей занятия персонажа (а следовательно, и его социальный паспорт) не имеют сюжетной необходимости. Ключ к выбору персонажа лишь в том, что γεωργός — это самая ходовая фигура античной басни после ἀνθρώπος и ἀνήρ. Но вот в притче, в которой шершни и пелелки просят у земледельца напиток, обещая в воздаяние помочь ему в хозяйственных хлопотах (вскопать огород, охранять урожай), и, таким образом, занятия персонажа тут необходимо принадлежат сюжетной ситуации, Гозвинский вместо готовой, традиционной кальки прибегает к семантически куда более выдвинутому расчленению композита на словосочетание:

48. Шершни и пелелки жаждою содержими к делателю земному (πρὸς γεωργὸν — 235) приидоша, у него пити просиша... Делатель же земной (ὁ δὲ γεωργός) рече: «Но убо [суть] у меня два вола, иже ничто же обещаеми вся творят, еже хошу; лутчи убо есть онема дати, нежели вама».

Сложение, даже окказиональное, — это как бы устоявшаяся (или хотя бы устанавливаемая) номинация. Она уже отвлекается от обстоятельств, в которых возникла, и не знает непереносимости к ним приуроченности. Напротив, словосочетание расчлененно выдвигает свои смысловые компоненты как обозначение, еще не отделимое от обуславливающих его мотивов, — и в этом смысле оно оцутимо большей ситуативной приуроченности, единичности.

Умение уловить и тонко дифференцировать в передаче одних и тех же композитов их более общее или более частное применение наглядно в переводах εὐεργέτης и εὐεργετέω, хотя каждое из них приходится на гномически нивелирующие контексты сентенций. В сентенциях, завершающих басни, нравственный смысл которых в обязательности нашей признательности опекающему покровителю, εὐεργέτης и εὐεργετέω — это «благодетель» и «благодетельствовати»:

61. Притча являет, яко обидящи благодетелей (τοὺς εὐεργέτας — 79) своих от бога мучими бывают.

119. ... мнози человецы неразумия ради ни в чесом же пользующих благодетельствуют (εὐεργετοῦντες — 224), своим же злая содевают.

²⁰ Напомню для сравнения, что объем словаря древнеславянского перевода Хроники Георгия Амартола в сопоставлении с его греческим источником достигает лишь 80% и Хроники Иоанна Малалы — 89%.

Иначе переводит Гозвинский те же композиты в предложениях при баснях, нравственное содержание которых сводится к более практической теме взаимных или частных услуг:

91. ... мнози ради своея корысти и недругом своим добро творити (εὐεργετεῖν — 129) не ленятся.

Или еще подобный же случай, разве лишь осложненный стремлением избежать омофонических ассоциаций с соседним тавтологическим акцентом:

37. ... подобает добро творящим (τοῖς εὐεργέταις — 176) благодать за благодать воздаяти.

Но перевод греческих композитов не всегда связан и смысловыми границами греческого слова. Как пример — перевод разных морфологических образований на основе одного и того же корневого сложения: *ταλαι-πωρία*, *ταλαί-πωρος*, *ταλαι-πωρέω*, — означающих соответственно: «страдание» или «мучение»; «многострадальный», «несчастный»; «страдать» или «причинить страдания».

В части примеров перевод Гозвинского семантически эквивалентен, хотя и звучит несколько эмоциональнее, исполнен как бы бóльшими негодами:

121. «Ох мне, безсчастному! И что мне случится, бедному?» (τί μοι συνέβη τῷ ταλαιπώρῳ; — 286).

107. ... не ревнива суть и нежелательная корысть, бывающая з бедами и тяготами (μετὰ κινδόνων καὶ ταλαιπωριῶν — 194) — Q.

В том же эмоциональном ключе передано и одно из употреблений глагола *ταλαιπωρέω* («переносить страдания», а также «причинять страдания»):

108. Ослы некогда во еже частыми и тяжкими бремени бедствуеми (ἐπὶ τῷ συνεχῶς ἀχθοφορεῖν καὶ ταλαιπωρεῖν — 196) послаша послы к Зевесу — Q.

Но вот примеры, когда перевод этого же глагола расходится по иным смысловым направлениям, вплоть до выхода за пределы данного семантического поля:

16. Рыболовы. . . многое время трудишася (*ταλαιπωρήσαντες* — 21), не удовиша ничто же, зело скорбяху — Q.

54. Осел коня блажаще, по [неже] нещадно и прилежно бысть кормлен, осел же иногда ниже сламы имуще довольно и сего ради многажды себе отчаявся (*καὶ ταῦτα πλείιστα ταλαιπωρῶν* — 272). — Q.

Важно не просто отметить, что один и тот же греческий сложный глагол всякий раз переводится у Гозвинского различными корневыми образованиями. Существеннее, что этот перевод вбирает смысловые приращения из атмосферы ситуации или фабулы в целом, но далеко не всегда может быть принят эквивалентом самому греческому слову, даже взятому в составе словосочетания. И в то же время пословная симметрия греческого и русского контекстов очевидна.

Но поиски ситуативно наиболее оправданного перевода не исчерпывались подбором лишь того или иного аналога. Время от времени переводчик сталкивался с очень нелегкой необходимостью решить, какое значение

(с точки зрения семантического устройства русской лексики) вообще реализует данное словоупотребление оригинала, так как лаконизм греческого текста тут допускает и одно значение слова, и другое, а вернее — выражает их вместе, нерасчлененно. Тогда-то Гозвинский и прибегает к двойному переводу греческого слова. Но это не объясняющая глосса и не вариант перевода, — повторный перевод, никак не перебивая поступательного развертывания фразы, искусно включается в ткань русского текста и не дублирует первого:

81. Пчелы же от паствы с поля (ἀπὸ τῆς νομῆς — 74) возвращшесь, нашедше на своего господина, жалами угрызаху его — T^1 .

Но νομή — это или «пастбище», или «пастьба».

Понятно, что имена не столь конкретного содержания способны к еще более легкому синтагматическому сочетанию, например: ἡ κτηνία — «богатства стяжание» (55); πνεῦμα — «ветрянное дыхание» (100); ῥεῦμα — «течение струя» (37) и «течение реки» (101), и некоторые другие.

В глаголах, семантические границы которых менее четки, а смысловая структура сложнее и богаче, такие примеры много обычнее:

22. Возвращшу же съ повару и мяса ищущу и не обретшу (ἐπιζητούτος — 67).

ἐπιζητέω — и «разыскивать», и «не досчитаться».

135. Мул ячмени насыщся, отолсте (παχυνθεῖς — 285).

παχύνω — это и «откармливать(ся)», и «делать(ся) толстым, тучным», «жиреть».

Однако подобный перевод, в силу тех или иных психологических стереотипов либо резких акцентов, нередко уже и вообще не укладывается в границы лексических соответствий, к примеру в басне о Зевсе и черепашке:

97. И вознегодовав Зевес о глаголе сем, прокля ю и дом на себе держаши носити повеле (κατεδίκασε τὸν οἶκον βασιλέουσαν περιφέρειν — 108).

κατεδικάζω — это «выносить решение», «постановлять», даже «осуждать», но все же не «проклипать».

Такое смещение перевода уже смыкается с формами его внутреннего сюжетно-семантического (или даже идеологического) приспособления к психологии и представлениям русских читателей и выходит за пределы пословной соотнесенности с иноязычным текстом-источником.

* * *

Прямая, пословная соотнесенность с текстом-источником, при которой ни одна (или почти ни одна) лексически полновесная единица иноязычного оригинала не минует корреспондирующего ей отражения в переводном тексте, — это прежде всего технологическая основа и преобладающая норма перевода Гозвинского. Отсюда и полнота лексической передачи греческого оригинала, и обыкновенно неизбежная симметрия текстов, вос-

принимаемые средневековым книжником как залог повествовательной и семантической точности перевода. При этом само собою понятно, что отражение речевой структуры греческого оригинала опиралось в первую голову на механизм утвердившихся в многовековой традиции еллино-славянских переводов лексических и грамматических эквивалентов и аналогов.

Тем не менее пословная передача оригинала не предопределяла неперменной скованности переводчика материалом словарных и грамматических эквивалентов. Морфологическое транспонирование и синтаксические трансформации были естественны и неизбежны в практике и пословного перевода, иначе перевод не мог оказаться коммуникативно жизнеспособным. Точно так же, сколь это можно судить по переводу Гозвинского, пословность перевода не предрешала и стандартной обязательности лексико-семантических эквивалентов и аналогов, как это подчас умозрительно заключалось из наставлений средневековых авторитетов. Скорее напротив, принцип пословности перевода обострял внимание к контекстуальной обусловленности словоупотребления оригинала и к поискам средств семантической репрезентации этого употребления в славянском тексте.

Отсюда ясно, что в практике пословного перевода лексико-семантическая симметрия оригиналу никак не сводилась к буквалистскому копированию текста, поскольку опорной единицей подобного перевода выступает не изолированное слово (или даже препарированное в составе словосочетания), а слово в контексте автономного целого — от ситуации и до фабульного рассказа в целом. Именно поэтому пословный перевод не исключал ни ситуативного предпочтительного отбора синонимов или даже выхода за смысловые границы передаваемого греческого слова, ни отступлений от лексической симметрии текстов, например аналитически расчлененного, а то и двойного перевода греческого слова или, напротив, его контекстуально компенсируемого поглощения. Наконец, выбор варианта перевода мог предрешаться и звуковой организацией русской фразы.

Итак, огульные нарекания по поводу якобы слепого лингвистического буквализма и профессиональной беспомощности пословных древнерусских переводов не стоят доверия. Это должно быть признано даже в той части, какую пословный перевод был обращен к отражению повествовательно-речевой природы стоящего за ним иноязычного оригинала. Оно еще очевиднее при рассмотрении той стороны перевода, которую он обращен к организации его собственного текста — его приспособления к повествовательно-речевым и экспрессивно-стилистическим (а подчас и композиционно-нарративным) формам и традициям древнерусской литературы. Но это уже предмет особого изложения.

Л. В. ЯРОШЕНКО-ТИТОВА

**«Повесть об увозе Соломоновой жены»
в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв.**

(Характеристика редакций)

Старинной русской письменности известно большое количество апокрифических сказаний о царе Соломоне: это легенды, рассказывающие о мудрости Соломона и его судах, сказания о Соломоне и Китоврасе, несколько редакций повести о рождении и похождениях царя Соломона, различные варианты повести об увозе Соломоновой жены.

Сказания Соломонова цикла — своеобразная «народная книга» русского средневековья, история сложения которой и последующая литературная судьба необычайно важны для понимания основных процессов развития оригинальной русской беллетристики. Однако до сих пор нет специальных исследований, посвященных истории текста и цикла в целом и отдельных его частей, нет работ, которые устанавливали бы взаимоотношения различных вариантов сказаний.

Начало изучения повестей Соломонова цикла связано с именами А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовского и М. Н. Сперанского.

А. Н. Пыпин в основном интересовался вопросом о первоисточнике сказаний. Сопоставляя немецкие сказания о Соломоне и Морольфе с русскими сказаниями о Соломоне и Китоврасе, А. Н. Пыпин высказал предположение о существовании общего византийского (?) источника.¹ Основной задачей исследования А. Н. Веселовского было выяснение «международной судьбы» Соломонова сказания, главных этапов в истории развития легенды, выяснение путей распространения странствующих сказаний и определение их первоисточника.² Кроме того, А. Н. Веселовский посвятил специальную работу вопросу о взаимосвязях европейских сказаний об увозе Соломоновой жены.³ Эта же повесть была предметом наблюдений М. Н. Сперанского, классифицировавшего разные варианты ее при рассмотрении южнославянских списков.⁴

После работ этих исследователей «Соломонова сага» надолго ушла из

¹ А. Н. Пыпин. Старинные сказки о царе Соломоне. — Исторические чтения о языке и словесности. СПб., 1855, стр. 262—284.

² А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872 (далее — Веселовский. Славянские сказания).

³ А. Н. Веселовский. Новые данные к истории Соломоновских сказаний. Приложение к тому 40 Записок имп. Академии наук. СПб., 1881 (далее — Веселовский. Новые данные).

⁴ М. Н. Сперанский. Заметки о рукописях Белградских и Софийской библиотек. — Известия Историко-филологического института в Нежине, т. XVI, 1898, стр. 61.

поля зрения историков литературы. К настоящему моменту существуют лишь единичные заметки, посвященные сказкам или фольклорным обработкам повестей о царе Соломоне,⁵ и беглые упоминания сказаний в общих обзорах переводной беллетристики⁶ и в специальных исследованиях на другие темы.⁷ Чуть больше повезло древнейшему апокрифу о Соломоне и Китоврасе: найден и опубликован новый вариант легенды в записи XV в.⁸

А. Н. Веселовский первый поставил вопрос о необходимости изучения всех русских текстов повестей о Соломоне. «Полезно было бы, — писал он, — разобраться в дошедших до нас, преимущественно славяно-русских, списках, свести их к нескольким группам и затем определить их ближайшие типы. Эти типы дали бы, быть может, материал для построения генеалогического древа, в корне которого мы нашли бы искомую византийскую повесть».⁹ Однако до сих пор эта работа не сделана. Незавершенность вопроса об истории текста повестей о Соломоне в русской рукописной традиции отмечал и советский исследователь С. Ф. Елеонский.¹⁰

Основная задача предлагаемой статьи — кратко охарактеризовать одну часть Соломонова цикла — повести, рассказывающие об увозе Соломоновой жены, и рассмотреть их взаимоотношения. Тексты повестей сохранились в большом количестве русских списков XVII—XVIII вв. и нескольких южнославянских списках более раннего времени (известен один список XIV—начала XV в. и два списка XVI в.). Ряд списков привлекается к исследованию впервые.

Как уже отмечалось выше, А. Н. Веселовского интересовали вопросы о времени распространения этого сказания в Европе и о его древнейшем содержании. Рассматривая повести об увозе Соломоновой жены, А. Н. Веселовский выделял три их редакции:

- 1) неполную (с похитителем Соломоновой жены царем Китоврасом);¹¹
- 2) полную (с похитителем царем Пором или безымянным царем);
- 3) кипрскую (с похитителем кипрским царем).¹²

В дальнейшем М. Н. Сперанский, обращаясь к сказаниям об увозе Соломоновой жены, выделял те же три группы текстов, обозначая первую и вторую группы как «Китоврасовскую» и «Поровскую», а третью — как «Кипрскую».¹³

⁵ См., например: С. И. Минц. Черты индивидуального и традиционного творчества в сказках о царе Соломоне. — *Художественный фольклор*, вып. IV—V, М., 1929, стр. 107—112; С. Ф. Елеонский. Повесть о царе Соломоне в фольклорной обработке XVIII века. — *ТОДРЛ*, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 444—448.

⁶ См.: Я. С. Лурье. 1) Переводная беллетристика XIV—XV вв. — В кн.: *Истоки русской беллетристики*. Л., 1970, стр. 321—322, 327—331; 2) Черты Возрождения в русской культуре XV—XVI вв. — В кн.: *Феодальная Россия во всемирноисторическом процессе*. М., 1972, стр. 159—160.

⁷ Например: Н. К. Гудзий. Новые редакции повести о папе Григории. — *ТОДРЛ*, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 179; О. А. Белоброва. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972, стр. 27.

⁸ Ya. S. Lur'e. Une légende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit du XV-e siècle. — *Revue des études slaves*, t. 43, f. 1—4, Paris, 1964, pp. 7—11.

⁹ Веселовский. Новые данные, стр. 95.

¹⁰ С. Ф. Елеонский. Повесть о царе Соломоне в фольклорной обработке XVIII века, стр. 444.

¹¹ «Неполной» редакцией А. Н. Веселовский назвал редакцию сказания об увозе Соломоновой жены Китоврасом, так как при делении на редакции исследователю был известен список, где не хватало эпизода, рассказывающего об увозе жены Соломона.

¹² Веселовский. Новые данные, стр. 88—89.

¹³ М. Н. Сперанский. Заметки о рукописях Белградских и Софийской библиотек. — *Известия Историко-филологического института в Нежине*, т. XVI, 1898, стр. 61.

Принимая эту классификацию, мы также условно называем эти три различных текста об увозе Соломоновой жены «Китоврасовской» повестью, «Кипрской» и «Поровской».

Прежде чем перейти к анализу взаимоотношений всех трех повестей об увозе Соломоновой жены, считаем целесообразным дать перечень известных в настоящее время списков,¹⁴ так как существующие библиографии В. П. Адрианова-Перетц—В. Ф. Покровской и А. А. Назаревского¹⁵ не дают исчерпывающих сведений: все повести «Соломонова» цикла перечисляются здесь подряд, без деления на различные группы, отдельные произведения или редакции; не всегда указываются листы, на которых находятся повести в рукописях, обе библиографии не учитывают новых поступлений за последние 20 лет.

Перейдем к характеристике каждой повести.

«Китоврасовская» повесть представлена 6 списками.

1. ГПБ, собр. Толстого, О.ХVII.22, XVII в., лл. 739 об. — 744 об. (далее — *T*₂₂). Список издан А. Н. Пыпиным в: Памятники старинной русской литературы, вып. III. СПб., 1862, стр. 59—60; Ф. И. Буслаевым в: Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 718—721.

2. ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 7, XVII в., лл. 96—105 (далее — *И*₇).

3. ГПБ, собр. Титова, № 1445 (охр. каталог), XVIII в., лл. 1 об. — 4 (далее — *T*₁₄₄₅).

4. ИРЛИ, колл. Перетца, № 240, XVIII в., лл. 160—164 (далее — *П*₂₄₀).

5. ГИМ, собр. Щукина, № 252, XVIII в., лл. 1—2 (далее — *Щ*₂₅₂). В настоящее время рукопись в собрании П. И. Щукина в ГИМе не обнаружена. Текст издан А. И. Яцимирским в: ИОРЯС, т. XI, кн. 2, 1906, стр. 304—308.

6. Библиотека Саратовского государственного университета, собр. рукописей № 390 (Шл. 19 и 41), XVIII в., лл. 189 об. — 193¹⁶ (текст списка остался нам неизвестен).

Когда появилось сказание об увозе Соломоновой жены Китоврасом на Русь?

Для А. Н. Веселовского было несомненным, что повесть об увозе Соломоновой жены Китоврасом — самый ранний вариант сюжета на русской почве (повесть с похитителем царем Пором он связывал с поздним западным влиянием¹⁷).

Исследователь обратил внимание на изображение Китовраса на Васильевских вратах Софийского собора:¹⁸ здесь на переднем плане дана исполинская фигура Китовраса, держащего в одной руке небольшую фи-

¹⁴ Перечень сопровождаем указанием на имеющиеся издания списков.

¹⁵ См.: В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Покровская, Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1940, стр. 107—113; А. А. Назаревский, Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, стр. 144—147.

¹⁶ См.: В. Н. Перетц, Описание собраний рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету. — Археологический ежегодник за 1959 год, т. 3, М., 1960, стр. 426 (список указан Н. С. Демковой).

¹⁷ Веселовский, Славянские сказания, стр. 230.

¹⁸ О создании Васильевских врат Софийского собора в Новгородской I летописи записано под 6844 (1336) г.: «...архиепископ Василий у святей Софии двери медяны золочены устроил». Изучение иконографического состава пластин на Васильевских вратах показало, что основная масса пластин (в том числе и пластины с изображением Соломона и Китовраса) изготовлена при архиепископе Василии в те же годы. Об этом см.: В. Н. Лазарев, Русская средневековая живопись. М., 1970, стр. 179—215.

гурку в зубчатой короне — очевидно, это и есть Соломон, которого Китоврас собирается закинуть на конец земли обетованной (эпизод из известного апокрифа о Соломоне и Китоврасе¹⁹).

А. Н. Веселовский сопоставил изображение на Васильевских вратах с надписью к этому изображению: «Китоврас меце братом своим на обетованную землю зр[. . .]». Под братом здесь подразумевается Соломон, но таковым он является только в притче о похищении Соломоновой жены Китоврасом. Притча начинается так: «Бысть во граде Иерусалиме царь Соломон, а во граде Лукорье царствую царь Китоврас. Обычай же той имея царь во дни царствует над людьми, а в нощи обращаешя зверем Китоврасом и царствует над зверми, а по ро [д] ству брат царю Соломону» (*Гл* 22, л. 739 об.). Этот факт дал право А. Н. Веселовскому предположить существование сказания об увозе Соломоновой жены еще в XIV в.²⁰

Я. С. Лурье обнаружил в Ефросиновском сборнике XV в. (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088, лл. 272 об. — 273) небольшой текст под названием «О Китоврасе от Палея» (помещенный вне Палея), до этого неизвестный научной литературе,²¹ представляющий как бы очень сокращенный палейный рассказ; здесь также говорится о поимке Соломоном Китовраса, но в этом варианте текста Соломон действовал уже с помощью нового персонажа — жены Китовраса, которую тот прятал в своем ухе. Заканчивается рассказ любопытной фразой: «Глаголют его, яко царев сын Давидов». Китоврас здесь является сыном царя Давида, следовательно, братом Соломона. Значит, братом Соломона Китоврас был не только в притче об увозе Соломоновой жены.

Таким образом, источником изображения Китовраса на Васильевских вратах могла быть и Палея, т. е. предположение А. Н. Веселовского о бытовании в XIV в. сказания об увозе Соломоновой жены, основанное на этом изображении, лишается своего обоснования.

Единственный факт, который не вызывает сомнений, — это существование цикла сказаний о Соломоне и Китоврасе задолго до XVII в. в древнерусской литературе.²² Этот факт подтверждается южнославянским индексом XIV в. (Погодинский индекс), запрещающим «О Соломоне и Китоврасе басни и кощюны».²³ Изучение списков сказаний обнаруживает реальное подтверждение этого запрета, на которое до сих пор не обращалось внимания. В Палее Кирилло-Белозерского собр., № 68/1145 (XVI в.), после палейного повествования вырезана большая часть л. 366 (около 4/5 листа). Срез идет по строке с началом Сказания о Соломоне и Китоврасе. Следующий за л. 366 лист вырезан полностью, сохранилась только часть его у корешка. Пагинация конца XIX в. этот лист не отмечает. На л. 367 конец сказания начинается со слов: «...рина со строки своими

¹⁹ Далее этот рассказ будем называть палейным, так как он обычно читается в палеях.

²⁰ Веселовский. Славянские сказания, стр. 223—224.

²¹ См. выше, сноску 8. См. также: Я. С. Лурье. 1) Литературная деятельность Ефросина. — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 158—159; 2) Оригинальная беллетристика XV в. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 331.

²² Сейчас нам известны три рассказа, связанные с именем Соломона и Китовраса:

1) палейный рассказ (списки XV—XVIII вв.);

2) рассказ о двуглавом муже, оставленном Соломону Китоврасом (списки XV—XVIII вв.); текст издан А. Н. Пыпиным в: Памятники старинной русской литературы, вып. III, СПб., 1862;

3) рассказ «О Китоврасе от Палея», найденный Я. С. Лурье (список XV в.).

²³ См.: Н. С. Тихоново. Памятники отреченной литературы. СПб., 1863, Введение, стр. III.

по наказанию Китоврасову ко гнезду». В Погодинской палее, № 1435 (XVI в.), вырезан лист, следующий за л. 334, сохранилась часть листа у корешка, где обнаружены две буквы: *ѣ* и *и*, писанные тем же почерком, что и основной текст Палея. Пагинация А. Ф. Бычкова и более ранняя не отмечают вырезанного листа. В конце л. 334 начало сказания: «О Китоврасе. Тогда ж бысть потреба Соломону вопросити о Китоврасе. Осочиша ж и где живет в пу...»; на л. 335 конец сказания начинается словами: «... тако: И рече царь: „Почто мужа пиана възведе на путь“».

Как уничтожались иные «басни и кощюны» о Соломоне и Китоврасе — неизвестно. Но несомненно одно: точных известий о раннем существовании на Руси повести об увозе Соломоновой жены Китоврасом нет. На основании имеющегося материала ничего определенного о времени создания повести сказать невозможно. По-видимому, нужно четко различать два момента:

1) возможность существования сюжета в более раннюю эпоху в устной традиции;

2) существование конкретного текста в рукописях XVII—XVIII вв.

Характер повествования рассказа о Китоврасе, записанного Ефросином, позволяет предполагать устное его бытование. Повесть об увозе Соломоновой жены Китоврасом также тяготеет к поэтике устного народного творчества, обнаруживая большое сходство со сказкой.

Персонажи повести очень близки сказочным персонажам. Герой повести — премудрый царь Соломон; мудрость — качество, которым часто наделяются герои сказок бытовых и волшебных (напомним сказки о Василисе Премудрой, девке-семилетке и др.). Кроме того, герой в волшебной сказке, как известно, «снабжается волшебным средством и пользуется или обслуживается им».²⁴

Правда, Соломон в повести «не снабжается волшебным средством», которое помогло бы ему одержать победу, но волшебной силой обладает противник Соломона. В качестве «антагониста его» или «вредителя»²⁵ выступает царь Китоврас, необыкновенное существо: днем он человек и царствует над людьми, а ночью превращается в зверя и царствует над зверями. Помощник у царя Китовраса — волхв, волшебник, который может «помрачить всех людей», внезапно напустить сон.

Самый стиль повести — сказочный, отличающийся предельной насыщенностью повествования; каждая фраза в повести — это сюжетный поворот. В повести встречаются и этикетные описания, характерные для русского фольклора, например встреча гостя «по чину».²⁶

И рече Соломон гостю тому: «Будь ко мне заутро обедати». Волхв же той ударил челом и отыде на корась свой радаяся. Во утрие же день прииде волхв той ко царю Соломону обедати, царь же повелед посадить его в чинем месте и дал ему великую честь» (*Т*₁₄₄₅, л. 2).

Все это позволяет предположить, что повесть могла существовать вначале в форме устного сказания, сказки и только впоследствии была записана как литературное произведение. Когда были осуществлены ее запись и литературное оформление — остается неясным. Возможно, это произошло в XV в., когда широко начинают записываться сюжеты, заим-

²⁴ В. Я. Пропп. Морфология сказки. М., 1969, стр. 48.

²⁵ Там же. Термин В. Я. Проппа.

²⁶ Встречающийся в былинах мотив приглашения гостя на пир отразился, например, в былине «Илья Муромец и голи кабацкие»: Илья Муромец. М., 1958, стр. 254 (серия «Литературные памятники»).

ствованные из фольклора.²⁷ Но мы, к сожалению, имеем тексты повести только XVII в. Отсутствие дополнительных датирующих материалов позволяет с равной степенью вероятности отнести создание повести и к XVII в. Для XVII в. обработка сюжета, бытовавшего в устной форме, не является чем-то необычным. Подобную судьбу имеет ряд повестей, представляющих собой обработку популярных сказочных сюжетов мирового фольклора. К ним можно отнести «Повесть о Еруслане Лазаревиче», новеллу об Александре и Лодвике, выделившуюся из «Истории о семи мудрецах» и усвоенную устным путем, «Повесть о Шемякином суде».²⁸ К тому же повесть об увозе Соломоновой жены Китоврасом (не сюжет, а литературное оформление его) не обнаруживает черт, которые позволили бы отнести ее создание к более раннему времени.

Именно XVII век — одна из интереснейших эпох русской жизни вообще — становится веком бурного развития сюжетов в русской литературе, и в частности сюжетов, заимствованных из фольклора. Это время, когда литература становится «массовой».²⁹

«Кипрская» повесть об увозе Соломоновой жены представлена 12 списками, обнаруживающими ее широкое распространение среди южных и восточных славян: 3 самых древних списка — южнославянские, среди других 9 списков один белорусский и один украинский.

1. Белградская Народная библиотека, № 104, XIV—XV вв., лл. 62—64 (далее — *B*₁₀₄). Список сербский, текст издан М. Н. Сперанским в «Известиях Историко-филологического института» в Нежине (т. XVI, 1898, стр. 67—73).

2. Софийская библиотека, № 80, XVI, лл. 38—45 об. (далее — *C*₈₀). Список болгарский, издан там же.³⁰

3. БАН, 13.4.10, XVI в., лл. 38 об. — 46 об. (далее — *A*κ). Список болгарский.

4. ГПБ, собр. Погодина, № 1606, XVII в., лл. 238—241 (далее — *П*₁₆₀₆). Текст издан А. Н. Веселовским в «Записках Академии наук» (т. 40, Приложение № 4, СПб., 1881, стр. 143—147).

5. ГБЛ, собр. Большакова, № 23, XVII в., лл. 18, 331—333 (далее — *B*₂₃). Список белорусский.

6. ГПБ, О.XVII. 169, XVII в., лл. 242—248 (далее — *П*_{б169}).

7. ГПБ, О.XVII. 213, XVII в., лл. 302—308 (далее — *П*_{б213}).

8. ГИМ, собр. Барсова, № 2406, XVII в., лл. 50—60 (далее — *Бр*₂₄₀₆).

9. ИРЛИ, колл. Перетца, № 126, XVII в., лл. 75—78 (далее — *П*₁₂₆).

Список украинский.

10. ЦГАДА, ф. 381, № 394, XVII в., лл. 28 об. — 32 (далее — *Ц*).

11. ГИМ, Музейское собр., № 3123, XVIII в., лл. 92—96 об. (далее — *М*₃₁₂₃).

²⁷ На фольклорной основе создаются «Повесть о купце Дмитрие Басарге», «Повесть о воеводе Дракуле», «Повесть о Петре и Февронии» и др. См. об этом: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 252, 374.

²⁸ Об устном происхождении сюжетов этих повестей см.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 111—113, 196—198; Русская повесть XVII века. Л., 1954, стр. 445—448; Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, стр. 225—227.

²⁹ Здесь мы имеем в виду термин П. Н. Беркова. Под определением «массовой» литературы понимается, «во-первых, литература, читавшаяся в демократических слоях общества и из них во многих случаях выходившая, и, во-вторых, дошедшая до нас в рукописном виде». См.: П. Н. Берков. К вопросу об изучении массовой литературы XVIII века.—Известия АН СССР (отделение общественных наук), № 3, М.—Л., 1936, стр. 469.

³⁰ Тексты списков *B*₁₀₄ и *C*₈₀, оказавшиеся для нас недоступными в рукописи, привлекаются нами по изданию М. Н. Сперанского.

12. ГПБ, собр. Погодина, № 1695, XVII в., лл. 280—287 об. (далее — *П*₁₆₉₅). Список указан О. А. Белобровой в кн.: Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972, стр. 27.

Текстологический анализ всех списков «Кипрской» повести позволяет предположить ее южнославянское происхождение. Доказательством в пользу этого предположения является не только то, что южнославянские списки более древние, чем русские (один из них конца XIV—начала XV в., два — XVI в., к тому же русские списки, как украинский и белорусский, обнаруживают необыкновенную близость к ранним южнославянским спискам, но и то, что в них лучше сохранилось иносказание царя Соломона — его своеобразная загадка, загаданная кипрскому царю.

Когда Соломона везут на казнь, он смотрит на вращающиеся колеса повозки и, смеясь, говорит кипрскому царю, который едет вслед за ним смотреть на казнь: «Чюждуся, где коло на коло восьседа, а абое у кала».³¹ Когда же Соломон казнит кипрского царя, он повторяет эти слова (так во всех трех южнославянских списках). В этом иносказании содержится намек на поворот судьбы: не Соломона ждет казнь, а царя кипрского. В южнославянских текстах иносказание двупланово, в этом убедиться нам помогает сербская сказка об увозе Соломоновой жены, записанная В. Караджичем.³² Сказка называется: «Една гобела у као, а друга из кала». Это те самые слова, которые в этой же ситуации говорит Соломон царю, везущему его на казнь. Смысл иносказания проясняется: одна часть колеса погружается в грязь, а другая выходит из нее. Иносказание говорит о превратности судьбы. («Коло» здесь употреблено в переносном смысле — это «колесо судьбы», которое, вращаясь, может повергнуть «в грязь» то одного, то другого).

Вероятно, этот же смысл имели и слова в повести: «Коло на коло восседа, а абое у кала».

В русских текстах «Кипрской» повести этот смысл был утерян или не понят, иносказание переделывалось или даже опускалось, иногда в текстах оставался только переносный смысл. Так, в *М*₃₁₂₃, когда кипрский царь спрашивает Соломона, над чем он смеется, Соломон отвечает: «Не на смерть мене ведешь, а на живот, аз тому удивляюся».

В списке *П*₆₁₆₉ иносказание разъясняется; Соломон говорит кипрскому царю: «Того ради смеялся, что коло на коло идет — ты сам на смерть приехал».

В списках *Б*₂₃ и *П*₁₂₆ иносказанию Соломона придается другой смысл: «Дивлюся, как коло на коло идет, одно другого не догонит, и твой разум моей мысли не догонит».

В списке *Ц* иносказание переделывается так: «Передние колеса-те меньше, а задние больше, большие малых гонят, а догнать не могут. Передние-те колеса лошадь везет, а задние-те колеса — кто их везет и куда они бегут?».

Теперь перейдем к сравнению «Кипрской» повести с «Китоврасовской» и отметим те черты, которые позволяют нам рассматривать эти тексты как самостоятельные произведения.

Первое, что обращает на себя внимание в «Китоврасовской» повести по сравнению с «Кипрской», — это, как мы уже отмечали выше, необычайная близость к сказке; сказочный тон повествования, необычные герои, напоминающие сказочных: соперник Соломона, — оборотень, некий

³¹ Так в списке XVI в. *С*₈₀; в двух других южнославянских текстах: «Чюждуся, где около на коло восьседа».

³² Српске народne приповijetke. У Бечу, 1853, стр. 196—198.

царь Китоврас, похититель жены Соломона, — волхв. Царь Соломон в этой повести — безупречный положительный герой. Он никому не приносил зла, поэтому похищение его жены нельзя рассматривать как месть Соломону.

В «Кипрской» же повести рассказывается о похождениях Соломона до женитьбы, о нанесении многим царям обиды: Соломон, «...где слыша у другого царя лепу царицу, приходяше и лежаше с нею, царицею, и взямаху перстень. И егда отхождаху в землю свою и пушаше ко царю той, поведаше знамя. И всем царем тако творяше».³³ Это дополнение в «Кипрской» повести носит характер внутренней мотивировки увоза Соломоновой жены. Но похищение жены Соломона мотивируется здесь не возмездием за прежние прегрешения царя Соломона, а красотой его жены, женским коварством: царь Давид советует Соломону не искать жены «всего света лепейше», так как «жена красна — престол есть сатанин».

В «Кипрской» повести здесь и далее чувствуется рука и умонастрое-ние средневекового книжника, обратившегося к обработке сюжета о царе Соломоне и увозе его царицы, — обычное для христианского средневековья представление о «злой жене».

Соломон не послушал мудрого совета отца и выбрал себе жену «всего света краше». Давид, увидев сноху, вновь предупреждает Соломона, что «сия лепота много соблазна сотворит». И предсказания царя Давида вскоре сбываются: «Слышав же царь кипрский, — говорится в повести, — яко поял еси себе Соломон жену вельми красну и лепу, и рече вельможам своим: „Аще бы мне кто сотворил тако, шед во Иерусалим, да взял бы мне жену Соломонову, понял бы себе царицу“».

В «Китоврасовской» повести мотивировкой похищения Соломоновой жены выступает страсть Китовраса: «Сведа царь Китоврас, что у Соломона жена прекрасна, и вражбим советом разъяришь Китоврасово сердце, хотя у себя видети Соломонову жену».³⁴

Тема женского коварства занимает главное место в «Кипрской» повести. Когда «посланник» кипрского царя говорит жене Соломона, что у его государя нет царицы, она тотчас осведомляется: «Да хочет ли мене ваш царь взяти?» — и, получив утвердительный ответ, помогает «посланнику» выкрасть ее.

В «Китоврасовской» повести этот мотив «злой» жены смягчен: похищение царицы происходит без ее согласия, посланный Китоврасом волхв «...пирова у царя, помрачил его и вся лудя его, и поиде во царевы полаты, и напустих на жену его сон велик... и взя жену его на руки понесе ея в корабь... и скоро отиде от Ерасулима во страну свою... Наутро пробудися царица в корабли: „С нощи что я была у царя Соломона во своая спалне, а тепериче на дне в корабли“. И нача плакати велми горко».

Сопоставляя сюжет «Кипрской» повести с «Китоврасовской», мы обнаруживаем ряд значительных отличий.

«Китоврасовская» повесть не знает ряда эпизодов «Кипрской».

1. Нет эпизода с посылкой слуги Соломона в царство похитителя. (В «Кипрской» повести Соломон, узнав, что его жена на Кипре, посылает туда своего посла, чтобы убедиться в точности известия; в «Китоврасовской» же Соломон сам отправляется к царю Китоврасу).

³³ Здесь и далее «Кипрская» повесть цитируется по русскому списку — Пб₁₋₂₁₃.

³⁴ Здесь и далее «Китоврасовская» повесть цитируется по списку Т₇₁₄₄₅.

2. Ничего не говорится в «Китоврасовской» повести о царе Давиде. (В «Кипрской» повести Давид принимает участие в женитьбе Соломона: Соломон выбирает себе жену по повелению отца).

3. «Китоврасовская» повесть ничего не сообщает о «похождениях» Соломона до женитьбы.

4. В ней отсутствует иносказание, в котором Соломон предвещает своему противнику казнь.

Ряд эпизодов, общих с «Китоврасовской» повестью, обработан в «Кипрской» по-своему. В «Кипрской» повести царица узнает Соломона в страннике, который проходит мимо ее дворца, и призывает его к себе; в «Китоврасовской» же о присутствии Соломона царица догадывается по своему обручальному кольцу, которое видит у служанки (Соломон дарит колечко служанке за позволение напиться из «царского кубца»). В «Китоврасовской» повести оформление мотива узнавания эпическое,³⁵ оно как бы продолжает тему невинности жены Соломона — похищение свершилось против ее воли.

Отличается от «Кипрской» повести конец «Китоврасовской». В «Кипрской» Соломон казнит царя и царицу (он велит царю «кровь из всех жил пустить», а царицу «связа фариам за нозе растерзать»); похититель Соломоновой жены — Исполин — забыт здесь. В «Китоврасовской» повести Соломон приказывает повесить царя Китовраса, царицу и волхва-похитителя.

Как мы видим, признаки, отличающие «Китоврасовскую» повесть от «Кипрской», касаются не только сюжета произведения, но и основных мотивов повествования, характеристик персонажей. Все это позволяет рассматривать эти тексты как два самостоятельных произведения на один и тот же легендарный сюжет.

Обратимся далее к «Поровской» повести.

Разнообразие текстов повести настолько велико, настолько индивидуальны и своеобразны чтения отдельных списков и стилистическая правка отдельных эпизодов, что очень трудно выявить в этом разнообразном и пестром текстовом материале точные генеалогические связи, установить строгую текстологическую стемму.

При анализе списков повести создается впечатление, что текст повести сильно искажался (из-за утраты тех или иных отрывков), контаминировался с текстами других списков той же самой и других повестей с сюжетом об увозе Соломоновой жены («Китоврасовской» и «Кипрской»), возможно, находился под влиянием устных «басен» о царе Соломоне и Китоврасе и творчески обрабатывался в пору бурного развития русской беллетристики XVII—начала XVIII в.

Поэтому при анализе текстов повести внимание будет уделяться в основном характеристике сюжета отдельных групп списков и их изменениям.

Текстологический анализ позволяет разделить списки «Поровской» повести на две группы.

Условно назовем одну из них изводом А, другую — изводом Б.

Извод А представлен 6 списками.

1. ГБЛ, собр. Румянцева, № 363, XVII в., лл. 418—438 (далее — P₃₆₃). Текст издан А. Н. Пыпиным в: Памятники старинной русской литературы, вып. III. СПб., 1862, стр. 63—70.

2. ГБЛ, собр. Ундольского, № 632, XVII в., лл. 143—164 (далее — У₆₃₂).

³⁵ Подробно об эпическом оформлении мотива узнавания см. в статье: Веселовский. Новые данные, стр. 79—80.

3. ГПБ, О.ХVII. 213, ХVII в., лл. 371—374 об. (далее — *Пб_{II-213}*). Список привлекается к исследованию впервые.

4. Рукопись Е. Д. Филимонова, ХVIII в. Местонахождение неизвестно. Текст издан Н. С. Тихонравовым в: *Летописи русской литературы и древности*, т. IV. М., 1862, стр. 113—121 (далее — *Ф*).

5. ГПБ, собр. Титова, № 483, ХVIII в., лл. 55 об. — 71 об. (далее — *T₄₈₃*).

6. ГПБ, 1919.Ф.57, ХIX в., лл. 23—37 (далее — *Пб₁₉₁₉*).

Извод *Б* представлен 7 списками.

1. ГПБ, собр. Погодина, № 1603, ХVIII в., лл. 219 об. — 281 об. (далее — *П₁₆₀₃*).

2. ГПБ, О.ХVII. 138, ХVIII в., лл. 88—110 (далее — *Пб₁₃₈*).

3. ГБЛ, Музейное собр., № 4667, ХVIII в., лл. 287—313 об. (далее — *M₄₆₆₇*). Список указан Л. В. Тигановой.

4. ГИМ, собр. Барсова, № 2489, ХVIII в., лл. 1—42 (далее — *Бр₂₄₈₉*).

5. ГПБ, О.І.1437, ХVIII в., лл. 24—46 (далее — *Пб₁₄₃₇*). Список привлекается к изучению впервые.

6. ГПБ, собр. Титова, № 2417, ХVIII в., лл. 1—32 об. (далее — *T₂₄₁₇*).

7. ГИМ, собр. Соколова, № 15, ХVIII в., лл. 105 об. — 167 (далее — *C₁₅*).

Сюжет извода *Б* (во всех списках) по сравнению с *А* имеет ряд значительных отличий.

1. В списках извода *А* говорится, что царь Соломон женился по повелению отца своего «на прекрасной и мудрой царице». В списках же извода *Б* Соломон женился по повелению отца на дочери царьградского царя Вотоломона Соломониде.

2. В списках *А* ничего не говорится о «преставлении» царя Давида и Вирсавии. В списках извода *Б* подробно рассказывается об их смерти и о завоеваниях царя Соломона: «И потом поживе царь Давид недолгое время и преставился во блаженное усение и в вечной покой и с царицею своею Вирсавиею. Царь Соломон велми плакался по отце и по матери. И погребе их честно по царскому чину. И потом после отца своего царя Давида царь Соломон покори под себя мудростию своею многия царства и все окрестные земли. И римское сильное царство овладе».³⁶

Этого описания побед Соломона нет ни в одном списке извода *А*.

3. Начало послания Соломона к царю Пору в списках извода *Б* почти полностью совпадает с началом послания Александра Македонского к царю Пору в «Александрии». *Б*: «Великий и премудрый царь Соломон израительский индийскому царю Пору, радоваться»; «Александрия»: «Александр царь, над цари царь, не своей силой, а по воле бога, великому Пору, индийскому царю, радоваться».³⁷

Описание побед Соломона и ряд других эпизодов, рассматриваемых ниже, свидетельствуют о начитанности составителя текста этого извода. Редактор целенаправленно ведет обработку текста, ориентируясь на традиции известного ему книжного повествования. Он вставляет в текст все, что ему известно о героях повести из других источников. Так, знакомство с «Голубиной книгой» позволяет ему уточнить, на ком женится царь

³⁶ Здесь и далее тексты цитируются по спискам *P₃₆₃* (для извода *А*) и *П₁₆₀₃* (для извода *Б*). Списки эти выбраны как наиболее характерные для данных изводов.

³⁷ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.—Л., 1965, стр. 48.

Соломон. В «Голубиной книге» царь Давид толкует сон царя Волонто-мана так:

В твоём ли было зеленом саду
Вырастало дерево сахарное:
У твоей царицы благоверныя
Народится дочь Саламидия.
Издальца из чиста поля
Прилетела пташечка-малешечка,

Садилась на деревцо сахарное,
Распущала перья до сырой земли —
Как моя царица благоверная
Родит сына Соломона.
А этому сыну моему
На твоей дочери женату быть.³⁸

4. В текстах *Б* отсутствует эпизод поисков Соломоном своей жены, отсутствует мотив его «оборотничества». В текстах *А* рассказывается об этом так: «... и полете Соломон под небеса ясным соколом, и не обшел ее под небесным облаком, но пошел по земле лютым зверем, и не обтече нигде, и поплывет в море щукою, и в море не нашел, и бысть Соломон в велицей печали».

5. В списках извода *Б* иначе излагается эпизод похищения царицы. В списках извода *А* говорится:

И пришел посланник царев Поров ко гробнице, ажно стражи стерегут крепко. И посланник пустил на сторожей сон мертвой, и поснули сторожи. И посланник царев Поров вынял гробницу с царицею и принес на корабль.

В списках извода *Б*:

И посланный слуга княженецкий нача думати, как бы царицу украсти из гроба и сторожей примирить, и выдумав. И нача стражей от гроба к себе в корабль призывати, и честь им вели воздавати, и с ними дружитися вельми. И нача на корабле стражей дарити и брататися и сыновство творити, аще кто стар, того отцом называти, аще кто млад, того братом называти. И были у того гроба царицыни три стражи. И в третью ночь позва слуга княженецкой тех стражей к себе на корабль. И быста радость велия на корабле. Пиша всю ночь стражи, и потом с корабля соидоша и поидоша к царицыну гробу. Пьяни быши и уснуши крепким сном. И слуга княженецкой, видя, что стражи уснуша, повеле людям своим царицу из земли украсти и принести на корабль.

Отсутствие в *Б* эпизодов, связанных с фольклорной традицией («оборотничество», «волхование» — «напустил сон»), указывает на стремление редактора повести сделать рассказ более «правдоподобным», заменить сказочные мотивы и обстоятельства более «реалистическими».

6. Извод *Б* характеризуется не только дополнительным распространением текста: есть здесь и сокращения, которые могут быть объяснены задачами художественной переработки повести. Задачами художественной переработки, например, может быть объяснено отсутствие в *Б* сюжетного повтора — эпизода, повествующего о том, как посланник Соломона отправляется в царство Пора. В *А* в этом эпизоде зеркально повторяется первоначальная ситуация, когда посланник шел от Пора к Соломону. Отметим, что этот эпизод в *А* только задерживает развитие повествования и не нужен для развития сюжета: стражи уже сообщили Соломону, что его жена украдена «гостем» из царства Пора и Соломон получил от Пора послание, из которого узнал, что жена находится у него.

Но этот «лишний» в сюжетном отношении эпизод текста *А*, по-видимому, был в архетипе «Поровской» повести. Утверждать это позволяет наличие сходного эпизода в «Кипрской» повести, где царь Соломон по-

³⁸ П. А. Безсонов. Калеки переходные, вып. II. М., 1861, стр. 298—299.

слал слугу в царство похитителя проверить, его ли жена теперь стала кипрской царицей.

7. Новым по сравнению с изводом *A* в тексте *B* является мотив переодевания войска в купеческое платье. Сравним.

В изводе *A*:

И царь Соломон учал рать копить, и собрал войска своего 35 тысящ, и пошел на царя Пору многою силою, и проиде многие царства, и приде к царю Пору в царство, и постави свои крепкие воеводы и силу близ царства Порова.

В изводе *B*:

Царь Соломон нача войско свое вскоре собирати, и корабли на море готовити, и сотвори на мори тридесять кораблей, и войска собра 30 тысящ. И повеле корабли нагрузити всяких товаров, и постави бояр своих во всех кораблях гостьми и купчинами. И повеле всякому кораблю разных градов языками глаголати и разными странами нарещися, всяких стран по языку и по нраву всякие земли. И повеле корабли одяети сукнами разными. И поеха царь Соломон по морю разным путем. И прииде царь Соломон во Индию богатую, под град со всех четырех сторон, корабли разнo постави. И нарекошася гостьми, будто что приехаши с товарами торговати».

8. В текстах *B* вводится сцена встречи Соломона с боярыней царицы и передача обручального колечка жене Соломона. Похожий эпизод (передача обручального кольца через прислужницу Соломоновой жены) встречался только в «Китоврасовской» повести. Ни «Кипрская» повесть, ни один список извода *A* не знают этого эпизода. Можно предположить знакомство редактора данного текста с широко распространенной в XVII—XVIII вв. «Китоврасовской» повестью и самостоятельное введение этого эпизода в текст «Поровской» повести.

9. В списках извода *B* есть и «загадка» — иносказание мудрого царя Соломона, едущего на казнь, — текст, отсутствующий в списках извода *A*.

10. Различно излагается эпизод казни царя Пора и Соломоновой жены: если в *A* Соломон велит отсечь голову царю и царице и «размыкать коньми» (эпизод напоминает текст «Кипрской» повести), то в *B* он вешает царя, царицу и похитителя — «княженецкого слугу» (как и в «Китоврасовской» повести).

Сопоставление текстов извода *B* и *A* показало, что извод *B*, сохраняя ряд общих чтений с *A*, обнаруживает множество целенаправленных творческих изменений общего текста источника.

1. С одной стороны, редактор, создавший текст извода *B*, стремится сделать его более стройным композиционно: сокращаются сюжетные повторы (эпизод с посланником), в конце повести при описании казни похитителя и Соломоновой царицы завершается тема трех «осилов» — всех трех виновников бед царя Соломона вешают (здесь, видимо, используется более законченный текст «Китоврасовской» повести).

2. В тексте извода *B* мы отмечаем последовательную замену сказочных эпизодов бытовыми (слуга Пора «напустил сон» на стражей, не прибегая ни к каким волшебным средствам: он опоил их «хмельным зелием», и стража уснула; нет и мотива «оборотничества» Соломона). Текст становится более «правдоподобным» и «реальным».

3. Редактор — несомненно начитанный книжник, он дополняет текст повести новыми сведениями, заимствованными из других литературных

источников (из «Голубиной книги», «Александрии», «Сказания об Индийском царстве», «Китоврасовской» повести).

Эти переделки повести в изводе *Б* (исключения из текста повести одних эпизодов, вставка других, распространение третьих, стилистическая правка) позволяют нам говорить об изводе *Б* как особой редакции повести. Поэтому далее извод *А* будем называть редакцией *А*, извод *Б* — редакцией *Б*.

Таким образом, текст «Поровской» повести сохранился в двух редакциях, что ранее никогда не отмечалось.

А. Н. Веселовский относил оба текста к одной редакции — «полной». Текст редакции *Б* никогда не издавался.³⁹

Для выяснения происхождения текста «Поровской» повести следует сопоставить ее с «Кипрской» и «Китоврасовской».

Сопоставление показало, что в основе текста обеих редакций «Поровской» повести лежит сюжет «Кипрской», причем лучше его сохраняет редакция *А*. Укажем наиболее существенные моменты совпадения их сюжета, попутно отмечая и существенные различия.⁴⁰

1. В «Поровской» повести женитьба Соломона совершается по повелению отца, как и в «Кипрской»; в «Китоврасовской» — этого мотива нет.

2. Соломон в «Поровской» повести посылает перстень царю Пору, в «Кипрской» повести Соломон рассылает перстни всем царям, жен которых он соблазнил (в «Китоврасовской» нет этого эпизода).

3. Однаково рассказывается в «Поровской» и «Кипрской» повестях о прельщении жены Соломона его соперником. Приведем для сравнения отрывки текста обеих повестей.

«Посланник»-похититель прельщает жену Соломона золотыми рукавичками (в «Поровской») или дорогой мантией (в «Кипрской»). Царица спрашивает «посланника»:

«Кипрская» повесть

«Поровская» повесть

«Да вашего царя царица какову руху носит?». Исполин же рече: «Госпоже царице, наш царь не имеет царицы, понеже не имать изобраз против красоты лица своего, аще изберег, уготовает ей полату со звездами, да играет в ней». Царица же рече втай: «Да хощет ли мене царь?».

«Есть ли у вашего царя царица?». И посланник рече: «Наш царь Пор пытается себе царицы, и место ей уготованно на ветреном обходе царствовать, и звезды на небе считати, и месяц переводит в нашем царстве». И рече царица Соломонова: «Аз иду за вашего царя Пору премудрого?».

В «Китоврасовской» повести этого эпизода нет.

4. Очень похож в «Поровской» повести и в «Кипрской» эпизод увоза Соломоновой жены. Если в «Китоврасовской» «посланник» «нагустил сон» и унес спящую царицу к себе на корабль, то в «Кипрской» и «Поровской» повестях посланник дает царице «забудущее» зелье и царица

³⁹ К тексту «Поровской» повести восходит несколько списков XVIII в., каждый из которых является особой редакцией. Похитителем Соломоновой жены здесь выступает то «некий царь», то «прекрасный наличный царь», или «Аполацкий король». В настоящее время определить текстологическую зависимость текстов этих списков от «Поровской» повести не удастся. Пока ограничимся указанием на эти списки: 1) Рукопись С. Б. XVII в. (местонахождение неизвестно). Текст издан Н. С. Тихонравовым в: *Летописи русской литературы и древностей*, т. IV. М., 1862, стр. 147—153; 2) БАН, 34.8.13, XVIII в., лл. 1—22; 3) ГПБ, собр. Титова, № 1533, XVIII в., лл. 1—17; 4) ГИМ, собр. Забелина, № 336, XVIII в., лл. 1—76. Текст издан Н. С. Тихонравовым в: *Летописи русской литературы*, т. IV. М., 1862, стр. 121—147.

⁴⁰ Здесь, как и выше, текст *А* рассматривается по списку *P*₃₆₃, *Б* — по *П*₁₆₀₃, а текст «Кипрской» повести — по списку *Аж*.

якобы умирает. Соломон проверяет, действительно ли жена его мертва: в «Кипрской» велит прожечь ладони, в редакции *А* «Поровской» повести велит проколоть гвоздем бедро; в редакции *Б* — эпизода проверки нет, по Соломон велит «обручи железными оковати гроб».

5. Соломон получает известие о месте пребывания его жены и отправляет посла узнать, действительно ли его царица там. В «Кипрской» повести это «разведывание» необходимо, так как Соломону неизвестно, кем похищена его жена, сообщение о том, что она в царстве кипрского царя, получил он от «некоего человека», поэтому должен убедиться, действительно ли его жена стала кипрской царицей. Соломон посылает «некоего человека» с рукавичками в Кипр. Рукавички необходимы посланнику, чтобы опознать жену Соломона (ведь у нее прожжены ладони).

В «Поровской» *А* этот эпизод, как уже отмечалось выше, оказывается «лишним» в сюжетном отношении. Стража уже сообщила Соломону, что его жена похищена индийским гостем, да еще он получает в подтверждение этого послание от индийского царя Пора, в котором тот сообщает, что жена Соломона находится у него, царя Пора. И все же посланник Соломона едет в Индию. Обращает на себя внимание в этом эпизоде одна интересная подробность. В списке *P*₃₆₃ (извод *А*) говорится, что слуга Соломона едет в царство Пора с венком и «рукавком». «Рукавок» — это не остаток ли от текста «Кипрской» повести? Ведь в «Поровской» повести это совершенно ненужная «подробность». В «Кипрской» рукавички необходимы: жену Соломона можно опознать по прожженным ладоням. В «Поровской» повести царица сама рассказывает посланнику, как она ушла от царя Соломона. И ладони ее не прожжены (чтобы убедиться, что царица мертва, Соломон велел проколоть гвоздем бедро). Но появление рукавичек в этом эпизоде нам кажется не случайным, оно указывает на источник текста «Поровской» повести.

В «Поровской» *Б* этого эпизода нет. Вероятно, он снимается редактором *Б* сознательно. В «Китоврасовской» вообще мотива «разведывания» нет.

8. Соломон с войском отправляется к царю-похитителю (так в «Кипрской» и в «Поровской» *А*, в *Б* — иначе: Соломон одевает войско («бояр») купцами и является с ним в Индийское царство).

9. Соломон оставляет войско близ града, сам же, одевшись в нищенское платье, идет к царскому дворцу (так в «Поровской» *А* и в «Кипрской», в *Б* — Соломон является купцом ко дворцу, и, увидев боярыню, просит передать кольцо царице. Отметим, что похожий эпизод — передача обручального кольца через служанку царицы — встречаем в «Китоврасовской» повести).

10. Царица узнает Соломона (в «Поровской» *А* и «Кипрской» она в страннике опознает своего первого мужа; в «Поровской» *Б*, увидев обручальное колечко, догадывается о приходе Соломона и велит слугам привести его к ней, так и в «Китоврасовской»).

11. Царица выдает Соломона похитителю и просит поскорее убить его (так в «Кипрской» и «Поровской» *Б*; в *А* и «Китоврасовской» — нет этой просьбы).

12. Царь-похититель предлагает Соломону различные казни (в «Кипрской» — голову мечом отсечь, в «Китоврасовской» — повесить, в «Поровской» *А* — отвести к «немилостивому пилату и голову мечом отсечь, размякать по улицам или красной смерти повешенной дать»; в «Поровской» *Б* — иная казнь).

13. Соломон просит повесить его (во всех повестях).

14. Соломона ведут на казнь, он предсказывает (иносказательно) казнь своему сопернику (в «Кипрской» и «Поровской» *Б* иносказание есть, а в *А* и «Китоврасовской» — нет).

15. По третьему сигналу рожка Соломоново войско является к нему (так во всех повестях).

16. Казнь царя Пора и царицы в *А* (кроме списков *T*₇₄₈₃ и *Φ*) напоминает «Кипрскую» повесть: в *А*: «...царь Соломон велит с обеих головы снять вострым мечом и раздернуть скоро». В «Кипрской»: «...царю Кипрскому пустил кровь изо всех жил, а царицу ссеза фариам за носе, растерзаху ю».

Казнь в *Б* сходна с эпизодом «Китоврасовской» повести. Соломон вешает царя-соперника, царицу и слугу-похитителя.

Итак, после сопоставления убеждаемся, что развитие сюжета Поровской повести очень близко к развитию сюжета «Кипрской». «Поровская» и «Кипрская» повести имеют ряд почти тождественных описаний: увоз жены Соломона, Соломон сам выбирает себе казнь, его жена в обеих повестях является предательницей (она сама выдает царю-похитителю Соломона) и др. Эти факты дают нам право предположить, что архетип «Повести об увозе Соломоновой жены царем Пором» происходил от «Повести об увозе Соломоновой жены кипрским царем»; причем следует заметить, что редакция *А* более близка к «Кипрской» повести, *Б* же дальше отстоит от нее. Множество изменений, отмеченных выше, в редакции *Б* вторичного происхождения, предположить наличие этих чтений в архетипе невозможно, так как ни одно из них не отразилось в редакции *А* и не сохранилось в «Кипрской» повести. Таким образом, мы предполагаем, что архетип редакции *А* был непосредственно связан с «Кипрской» повестью, и эту редакцию можно назвать первой редакцией, редакция *Б* генетически связана с редакцией *А* и является второй редакцией.

Остается неясным вопрос о том, как появилась в «Поровской» повести тема «трех осиллов», предназначенных для казни Соломона. Во всех списках обеих редакций «Поровской» повести (а следовательно, и в ее архетипе) царь Пор готовится «три осила» для казни Соломона, как и в «Китоврасовской» повести. Но если в «Китоврасовской» повести и в редакции *Б* в эти «осилы», приготовленные для Соломона, попадают все три его врага (Соломон вешает царя-соперника, свою жену-царицу и слугу-похитителя), то в редакции *А* «осилы» остаются без применения; Соломон казнит только царя и царицу, и притом другой казнью, напоминающей казнь в «Кипрской» повести: Соломон велит отсечь им головы мечом и «раздернуть». По-видимому, это различие текстов следует объяснить тем, что в редакции *А*, первоначальной редакции повести, описание казни создается под непосредственным влиянием ее источника — «Кипрской» повести, сообщение же о трех петлях, не имеющее значения в дальнейшем развитии повествования, может объясняться, с нашей точки зрения, влиянием на редакцию *А* «Китоврасовской» повести. Создатель редакции *Б* (второй редакции повести), более тщательно подошедший к обработке сюжета и, по-видимому, располагавший текстом *А* как исходным материалом для создания своего произведения, воспроизвел также и сюжетное решение темы казни по «Китоврасовской» повести: в «три осила», приготовленные для Соломона, попадают все три его противника.

Таким образом, мы можем говорить о двойном влиянии «Китоврасовской» повести на «Поровскую»: в начальной стадии создания текста — при создании первой редакции (редакции *А*), когда «Поровская» повесть

была наиболее близка «Кипрскому» прототипу, и на следующем этапе, когда начитанный книжник, по-видимому XVII в., заново обработал текст редакции А, находящийся в его распоряжении.

Сохраняя сюжетную основу «Кипрской» повести, сходные с ней описания, «Поровская» повесть в то же время имеет множество индивидуальных черт. (Мы имеем в виду черты, характерные для повести в целом, одинаково присущие и первой, и второй редакции, т. е. архетипные черты текста; напомним, что архетип «Поровской» повести — это архетип редакции А).

Что же нового мы находим в «Поровской» повести? Что позволяет нам выделять ее в самостоятельный текст?

1. Меняются имена героев: похититель здесь — княженецкий слуга; в «Кипрской» — Исполин; соперник Соломона — царь Пор, в «Кипрской» — кипрский царь.

2. Изменяются атрибуты действующих лиц: если Исполин в «Кипрской» повести ехал в царство Соломона прельстить царицу порфирию, «зело украшенною», то княженецкий слуга в «Поровской» едет с рукавичками.

3. Иначе мотивируется и увоз жены царя Соломона. Если кипрский царь похищает жену Соломона, прельстившись ее «необыкновенной красотой», то похищение Соломоновой жены Пором объясняется его мстью Соломону: Соломон, женившись, послал царю Пору обручальное кольцо жены Пора и следующее послание: «В прошлое лето был есмь в твоём царстве, и со царицею твоею пребыл, и перстень с правыя руки снял золотой любимый твой». Получив такой неожиданный подарок, царь Пор, расправившись с изменницей женой, посылает своего верного слугу «выкрасть» жену Соломона.

4. В «Поровской» повести очень заметна ориентация на фольклор. Как было отмечено ранее, здесь есть мотив «оборотничества». В повести используется пословичная речь: когда Соломон приходит к Пору и хочет забрать свою жену, он говорит: «Моя жена». А царь Пор говорит: «„То моя жена, только бы твоя была, ино бы у тебя была в царстве“. И царь рече Пор: „Мудрый ты еси, дарю Соломоне, два мужа у одной жены не уживутся, а два медведя в одной берлоге не уживутся же“» (отметим, что в редакции В книжник намеренно снимает фольклорные моменты).

5. В «Поровской» повести более подробно разрабатываются многие эпизоды. В «Кипрской» повести наказ воинам звучит очень кратко: «Вы же около града почивайте, аще услышите трубу, скоро пригоните, до третьего потрубления да обрящетесь». В «Поровской» этот эпизод был намного пространнее: «И рече царь Соломон своим царем, и воеводам, и князем, и всей силе: „Стойте тут с силою, а меня цари и уланы, с сильныи и крепкие воеводы, отпустите меня ко царю Пору в царство: и увижу, и услышу своим оком и ухом; и вы, сильные воеводы, стойте и ждите троегласные трубы от меня к себе. Как буду жив в царстве том и труба вострубит, и вы борзо седлайте свои добрые кони; в другой час труба вострубит, и вы поспешайте на добрых своих конех, а в третей час труба вострубит, и как заслышите, и вы напущайте и секите, а милости не давайте, а будет троегласного гласа вы не услышите, и вы пойдите в свою землю, в мое царство, а меня не ждите: и в животе меня не будет и свое царство содержите, а меня поминайте».

Существенной особенностью «Поровской» повести является то, что она находится в составе большого литературного цикла о царе Соломоне: рассказ о похищении Соломоновой жены предваряется самостоятельной по-

вестью «О рождении и похищении царя Соломона».⁴¹ Важно отметить, что повесть эта, сопровождаемая «Повестью об увозе Соломоновой жены царем Пором» в редакции *Б* (во второй редакции), заметно отличается от той повести, которая находится в цикле с текстом редакции *А* (т. е. первой редакции), причем характер изменений полностью соответствует принципам переделки текста «Повести об увозе Соломоновой жены» в редакции *Б*.

Не исключена возможность, что перу создателя редакции *Б* принадлежит изобретение всего цикла, созданного автором редакции *А*, но этот вопрос сейчас может быть только поставлен, он нуждается в дальнейшем исследовании.

* * *

Таким образом, изучение очень сложных взаимоотношений повестей цикла «Царь Соломон и похищение его жены» и всех их сохранившихся рукописных текстов убеждает в интенсивности литературной жизни этого сюжета на Руси и на славянском юге: наряду с очевидной линией развития сюжета — от «Кипрской» повести к «Поровской» — мы отмечаем многообразие пересечения текстов в различных списках:

1) вторичные влияния повестей друг на друга (несомненно влияние «Китоврасовской» повести на «Поровскую», особенно при создании редакции *Б*);

2) контаминации текстов (неожиданная замена эпизода казни в «Кипрской» повести или «Поровской» соответствующим эпизодом из «Китоврасовской». Это происходит в списке «Кипрской» повести *Br*₂₄₀₆ и списках редакции *А* «Поровской» повести *Ф* и *T*₇₄₃₃).

Исследование повести значительно усложняется многочисленными фольклорными наслоениями. Несомненно, что повести бытовали и в устной форме, о чем свидетельствуют некоторые записи сказок и былин о Соломоне.⁴² Списки *Ш*₂₅₂, *С*₁₅ вообще имеют характер записи устного рассказа.

Первичный, по-видимому эпический, сюжет похищения жены и борьбы за нее, имевший распространение в средневековой словесности разных народов,⁴³ затем приобретает книжное оформление, связывается с именем Соломона и получает книжную мотивировку для дальнейшего своего развития: похищение жены у него рассматривается как месть за его «похищения», а впоследствии вновь возвращается в устную стихию.

Рассматривая различные варианты обработок сюжета и текстов повести в русской письменности XVII—XVIII вв., можно составить представление о специфических чертах русских обработок сюжета мировой средневековой литературы.⁴⁴

⁴¹ Отметим, что Повесть о рождении царя Соломона существует и вне цикла. См., например: ГПБ, собр. Погодина, № 1612, лл. 154—155; ГБЛ, Музейное собр., № 607, лл. 613—617.

⁴² См.: Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 206—211; Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. Пгр., 1915, стр. 203—206; А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок. Пгр., 1917, стр. 282—285; М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876, стр. 99—108; А. И. Худяков. Великорусские сказки, вып. II. М., 1861, стр. 133—138 (здесь рассказ об увозе Соломоновой жены помещается как продолжение сказки о детстве Соломона; заметим, что нам неизвестны сказки о похищении Соломоновой жены без первой части — детства Соломона. Былины же рассказывают только об увозе жены царя Соломона. См.: А. М. Астахова. Былины Севера. М.—Л., 1951, №№ 103, 112, 144 и др.).

⁴³ См. обзор средневековых сказаний о похищении жены героя в работе: Веселовский. Новые данные, стр. 78—88.

⁴⁴ Эта работа велась под руководством доцента ЛГУ Н. С. Демковой. Пользуясь случаем принести ей сердечную благодарность.

Н. В. ПОНЫРКО

Выговское силлабическое стихотворство

Выговская литературная школа породила целый ряд стихотворцев. Не все имена их известны. Но основной круг выговской поэтической продукции выделяется довольно определенно.

Частично стихи поморских авторов были изданы В. И. Срезневским и Т. С. Рождественским.¹ В. И. Малышеву принадлежит публикация стиха о выго-лексинских девицах.² Дж. Салливан и Ч. Дрейч опубликовали вирши Семена Денисова к «Винограду Российскому».³ Несколько образцов выговской силлабики приводит А. М. Панченко в книге «Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.».⁴

Замечено, что выго-лексинская поэзия примечательна своим синтетическим (определение А. М. Панченко) характером. В ней одновременно уживались и силлабический, и народный стих.

Причины этого надо искать в особенностях выговской культуры в целом. Выговцы создавали заново, как бы на пустом месте, свою организацию. «Неправедной» вере, а вместе с ней и культуре в целом они противопоставляли собственную культуру, которую понимали как сохранение старых традиций. Организовав своего рода государство в государстве, поморские старообрядцы воссоздали у себя значительную часть культурных институтов, существовавших в России конца XVII в.: церковное устройство и литературу, иконописание, певческое искусство, систему образования. Словесность при этом призвана была удовлетворить в довольно короткий срок все сферы, в ней нуждающиеся: литургику (службы новым святым и чудотворцам), право (уставы поморского общежития) и чисто литературную. Перед выговскими писателями был как бы срез литературной культуры, в котором запечатлелись все накопившиеся к концу XVII в. разновидности словесного творчества. Одни из них (такие, как литургический и житийный жанры) сложились давно и были традиционны, другие возникли сравнительно недавно (силлабическая поэзия) и от них веяло новизной; одни обслуживали потребность в «высокой» литературе, другие создавались в народной среде и служили демократическим вкусам.

¹ Материалы к истории и изучению сектанства и раскола, вып. I. Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908, стр. 291—300; Т. С. Рождественский. Памятники старообрядческой поэзии. — Записки Московского археологического института, т. VI, М., 1910.

² В. И. Малышев. Стих о заонежских девицах. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 435—437.

³ J. Sullivan and C. Z. Drage. Poems in an Unpublished Manuscript of the Vinograd Rossiiskii. Oxford slavonic papers, 1968, vol. I, pp. 27—48.

⁴ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970, стр. 300—306.

Весь этот набор жанров в целом тщательно копировался выговцами. Своеобразие усиливалось еще и тем, что культура Выга оставалась в первую очередь крестьянской культурой. Демократизм и народное начало, характеризующие старообрядчество XVIII в., превратили выговскую литературу в не претворявшееся доселе в пределах одной школы тесное соединение двух направлений словесности — фольклора и литературы.

В сфере поэзии все эти условия привели к тому, что среди писателей выговской школы были и авторы литургических гимнов, и силлабисты, и создатели стихов, подчиненных фольклорным законам.

При традиционной апелляции старообрядчества к древнерусской «дониконовской» книжности естественно было бы ожидать от выговской школы неприятия метода силлабиков.

Однако в отличие от раннего старообрядчества эстетические кредо силлабиков и выго-лексинских писателей мало разнятся между собой, тем более что силлабическое стихотворство само по себе не отвергалось и первым поколением старообрядцев.⁵

Монастырский уклад жизни, господство духовного элемента, сословные корни некоторой части выговцев, их просветительские тенденции, противление петровской культуре — все это сближало писательский тип, утвердившийся на Выгу, с тем типом, который развился в русской литературе второй половины XVII в.

Насколько яростно отталкивались поморцы от своих противников в области идейной, настолько тесно примыкали к ним в литературной сфере (имеется в виду литературная форма и эстетические взгляды).

Андрей Денисов, перу которого принадлежит «обличение на книжицу Стефана Яворского об антихристе», спокойно наблюдал, как стихи того же Стефана Яворского «Взираи с прилежанием, тленной человекче», помещались в многочисленных сборниках по соседству с его собственными стихами. А вирши о царевиче Иоасафе, принадлежащие автору антистарообрядческого «Жезла правления» Симеону Полоцкому, переписывались из рукописи в рукопись лексинскими «трудницами».

Своеобразная ирония истории заключается в том, что лиц, которых старообрядческие деятели считали первейшими своими противниками в области догматики и богословия, они одновременно могли бы назвать своими главными литературными учителями.

О школьном характере выговской литературы следует говорить особо. Здесь заметим только, что школьным было и стихотворство.

Выг оказался местом, где более длительное время смог сохраниться тот тип литературной продукции, который уничтожила Петровская эпоха.

Начало более или менее регулярных литературных занятий на Выгу следует отнести к концу 10-х годов XVIII в. Среди поморских писателей того времени особенно выделяется Семен Денисов. Центральные его произведения «Виноград Российский» и «История об отцах и страдальцах соловецких» сделали не только самым популярным чтением в старообрядчестве, но и основным источником позднейшей литературы, компилятивной по своему характеру.

Важно отметить, что Семен Денисов, несмотря на известные заслуги на поприще настоятельства, осознавался в старообрядческой среде по преимуществу как писатель.⁶

⁵ Об отношении Аввакума и Авраамия к «виршам» см.: А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, стр. 97—98.

⁶ Ср. характеристики Семена Денисова в службе, ему посвященной (БАН, собр. Дружинина, № 65), и надгробном слове (БАН, собр. Дружинина, № 114).

Выговская традиция связывает начало литературной деятельности Семена с пребыванием его в заточении в Новгороде. В 1712 г. младший из братьев Денисовых был арестован новгородским митрополитом Иовом. Около четырех лет Семен Денисов сопротивлялся бурным усилиям митрополита обратить своего узника в ортодоксальное православие. В ходе единоборства (противники даже совершили совместное путешествие в Петербург, куда Иов возил Семена для увещания в Синоде⁷) родился новый талантливый писатель. Об этом свидетельствуют три послания Семена Денисова к митрополиту Иову, написанных им в заточении.⁸ Если верить старообрядческой традиции, отвечать на послания было поручено Иоанникию Лихуду, находившемуся тогда в Новгороде.⁹

Примечательно, что, оказавшись на свободе, Семен Денисов захотел уединиться от мира и несколько лет провел, читая книги, изучая риторику и грамматику.¹⁰

Нет сомнения, что пребывание в Новгороде явилось значительным импульсом к литературным упражнениям Семена Денисова. Митрополит Иов, Иоанникий Лихуд принадлежали к известному писательскому кругу, отодвинутому петровским временем на задний план. Семен имел длительную, хотя и не совсем счастливую, возможность личного общения и полемики с ними. Известно, что именно в 1712 г. в Новгороде находился Карион Истомирин.¹¹ Учитывая его опыт и пристрастие к расколичным делам, а также близость к Иову и Иоанникию (Карион был учеником Лихудов в Москве), можно предположить, что и он не остался в стороне от увещания упрямого «раскольщика». А если так, то Семену Денисову во время его новгородского заточения была представлена в совокупности целая группа писателей, принадлежащих школе XVII в.

Денисов старший, вообще много путешествовавший, имел возможность пополнять свою литературную образованность как в Москве, так и в Петербурге. Общеизвестно указание старообрядческих источников на то, что в 1718 г. им был прослушан курс риторики в Киевской академии.

Принадлежащие Андрею Денисову вирши «Увеселение есть юноши премудрость» обнаруживают в их авторе хорошее владение силлабическим искусством. К сожалению, пока это единственный известный образец стихотворных опытов Андрея.¹²

Силлабические стихи Семена Денисова представлены его виршами к «Винограду Российскому» и «Истории об отцах и страдальцах соловецких». Поскольку стихи к «Истории об отцах и страдальцах соловецких» еще не были опубликованы, позволю себе привести их здесь полностью.¹³ Речь идет о переговорах больного царя Алексея Михайловича с патриархом Иоакимом о помиловании соловецких монахов.

⁷ Иван Филиппов. История Выговской пустыни. СПб., 1862, стр. 148.

⁸ Е. В. Барсов. Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII в. — Труды Киевской духовной академии, 1866, февраль, стр. 192—196.

⁹ Иван Филиппов. История Выговской пустыни, стр. 148.

¹⁰ Гр. Яковлев. Извещение праведное о расколе беспоповщины. — Братское слово, М., 1888, № 6, стр. 403.

¹¹ М. Сменцовский. Братья Лихуды. М., 1899, стр. 352.

¹² Указание В. Г. Дружинина на принадлежность Андрею Денисову стихов «на озлобление кафоликов» и «Российскому орлу» (В. Г. Дружинин. Словесные науки в Выговской поморской пустыне. СПб., 1911, стр. 22) не находит подтверждения в источниках.

¹³ Орывок опубликован Е. В. Барсовым в статье «Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII в.» (Труды Киевской духовной академии, 1866, декабрь, стр. 587).

Патриарх ожесточися паче камене,
 не смотряше царевы болезни пламени,
 Увери царя милость ко отцем отложити,
 хотя место святое кровию облити.
 Царь, елико патриарху покаяшеся,
 толико лютейши болезнь умножашеся,
 И толико болезни зельное терпяше,
 едва-едва и отдыхати можаше.
 Виде тогда государь своего пастыря,
 не давающа целительнаго пастыря,
 Но здравую его содевающа спону,
 от нея же утлachtetся путь смертному гробу.¹⁴

Ко второй четверти XVIII в. в Выговском общежителстве была уже группа писателей, пробовавших свои силы в силлабике. О том, что круг выговских стихотворцев не ограничивался Андреем и Семеном Денисовыми, свидетельствует наличие анонимных вирш, посвященных братьям, а стало быть — не принадлежащих их перу.

Несмотря на сильно оцутимый школьный характер, а, может быть, даже вследствие его, выговская силлабика довольно широко манипулировала различными жанрами. Среди них были и наставление отроку, и послания, и панегирики, и надгробные стихи, и стихи, посвященные церковным праздникам, т. е. большая часть из набора жанров, накопившихся к тому времени в русском стихотворстве.

Мы можем указать на два примера стихотворной эпистолографии. В сборнике ГПБ, О.ХV.15,¹⁵ представляющем собой выговскую антологию речей «на случай» (его заглавие: «От приветственных неких писаний и виршей сие изнесено, да во многих годственных речех будет употреблено»), находится два силлабических послания. Первое из них посвящено некоему Илию Семеновичу, что устанавливается с помощью акростиха «Честнейшему господину Илию Семеновичу, здравствуй». Автора послания установить не удастся. Но в личности адресата можно почти не сомневаться. Очевидно, имеется в виду Гаврила, в переkreщении Илия, Семенов, один из поморских руководителей, подвизавшийся долгое время в Сибири и игравший роль посредника между Демидовыми и Выговским общежителством.¹⁶

Второе послание направлено некоему М. И., близкому, судя по содержанию, ко двору. Имя его не называется, но по принятому в поморской письменности обыкновению указываются инициалы.

Культивировался в выговской школе и жанр «приветственных писаний».

В сборнике БАН собрания Дружинина № 114 (старый номер 145), почерк которого В. Г. Дружинин атрибутировал Мануилу Петрову,¹⁷ на-

¹⁴ История об отцах и страдальцах соловецких. Супрасль, 1788, л. 71—71 об.

¹⁵ ГПБ, О.ХV.15, 8^о, филигрань; герб Амстердама (по просматривающемуся незначительному фрагменту идентифицировать с известным не удалось), скоропись первой половины XVIII в., 146 лл.

¹⁶ Это подтверждается как содержанием вирш (об адресате говорится: «далечайши местом отстоящ»), так и их окружением. Стихам предшествует прозаическое послание в дальние края к некоему благодетелю, при этом упоминается «помощник» выговских наставников и их «сиротский снабдитель», живущий «при благости» сановного покровителя, который «помощника» «по своей господской милости жалует». Без сомнения, прозаическое послание направлено Демидову, а речь в нем идет о Гавриле — Илию Семенове. Помимо виршевого послания, сборник содержит два прозаических послания Гавриле Семенову от Семена Денисова.

¹⁷ В. Г. Дружинин, Несколько автографов писателей-старобрядцев. СПб., 1915, стр. 12.

ходятся неопубликованные вирши на день тезоименитства Семена Денисова.

Не исключено, что их автором был сам Мануил Петров. Во всяком случае, исполненный достоинства тон приветствия обнаруживает в авторе человека, близкого к верхушке, которому пристало судить о положении дел в монастыре, что он и делает, соединяя поздравление с наставлением.

Жанр надгробных слов, поминаний, плачей был очень популярен среди поморских авторов. Силлабикой он также не был обойден. Известны вирши — плач на смерть Андрея Денисова «Печальный терн мене убодает» с акrostихом: «Печаль сокрушает мя» и стихи, посвященные смерти Семена Денисова, содержащие акrostих «Трофим плачет и Козьма скорбит от жалости сердца».¹⁸

До сих пор плач об Андрее Денисове «Печальный терн мене убодает» был опубликован лишь в кратком варианте. Приведем два списка, где этот плач пространно продолжен и снабжен следующим заглавием: «Стих печаль поет постница Марина, отцеви плач глашает зде едина».¹⁹ Думаю, что постница Марина — реальное лицо. Старица Марина, в миру Марфа Лукина, была келейницей Андрея Денисова.²⁰

Вирши, продолжающие краткий вариант плача, не продолжают, однако, акrostиха. В этом нет ничего необычного. Примеры акrostиха, распространяющегося только на часть произведения, известны и в более раннем стихотворстве. Но в нашем случае акrostих отсек часть плача и позволил ему существовать самостоятельно в рукописной традиции. Впрочем, могло быть и наоборот — последующая часть приписана к краткому варианту. Для установления соотношения краткого и пространного вариантов плача требуются дополнительные сведения, которыми мы не располагаем.

Один из старейших силлабических жанров — предисловие, обращение к читателю — также находим в выговском стихотворстве. Опыт стихотворного предисловия принадлежит Михаилу Вышатину, известному выговскому посланцу в Палестину.²¹ Его трактат «Бисер драгоценный» (1729 г.) содержит обширное стихотворное обращение к читателю, сохраняющее следы зависимости от предисловия «Книги о вере».

Книга о вере

Всякаго чина православный читателю,
господу богу благодарение воздай яко благодателю,
Яко сподоби нас в последок летом
познати волю его со благим ответом.
В сие время лютое и плача достойное
ужасается, сие зря, сердце богобойное,
Яких много супостатов и хищных волков,
бесовских наваждений, еретических полков.²²

¹⁸ Материалы к истории и изучению сектантства и раскола, стр. 293, 295; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв., стр. 304—306.

¹⁹ БАН, Собр. Дружинина, № 850, лл. 108—112 об.; № 199, лл. 173—177 об.

²⁰ Гр. Яковлев. Извещение праведное о расколе беспоповщины. — Братское слово, М., 1888, № 7, стр. 473.

²¹ Михаил Вышати́н, бывший вязниковский подьячий, долгое время жил в одном из скитов Выговского общежительства. В самом начале 30-х годов, в разгар беспоповских поисков священства, он по инициативе Андрея Денисова предпринял путешествие в Палестину в поисках старообрядческого епископа. О Михаиле Вышатине известно также, что он жил некоторое время в Польше и Молдавии (П. С. Смирнов. Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908, стр. 13).

²² Книга о вере. М., 1648, л. 7.

Бисер драгоценный

Всякаго чина православный читателю,
 господу богу благодарение воздай яко благодателю,
 Яко сподоби на последок летом
 познати волю его со благим ответом.
 Бог, не имеяй начала и конца,
 той видимая и невидимая созда,
 Той землю и яже на ней сотвори,
 и человекови та вся покори.²³

В обращении к виршам «Книги о вере» Михаил Вышатин идет по стопам другого старообрядческого писателя, инока Авраамия, который заимствовал вирши, почти не изменяя, для предисловия к своему «Христианоопасному щиту веры».²⁴

На вопрос, не был ли источником Михаила Вышати́на «Христианоопасный щит веры», легко ответить отрицательно, так как предисловие Авраамия, хоть и повторяет почти без вариантов текст «Книги о вере», не имеет двух его завершающих строк, в то время как Михаил Вышатин использует именно эти строки.

Книга о вере

Вечный и всеильный боже всякая благодати,
 благоволи нам, недостойным, сие даровати,
 Да правоверие светло распространится на многая лета,
 да не оскудеет истина твоя до скончания света.
 В день же страшный сподоби нас одесную тебе стати
 и со святыми ангелы твоими во веки тебе прославляти.²⁵

Текст Михаила Вышати́на

Вечный и всеильный боже всякая благодати,
 благоволи нам, недостойным, сие даровати,
 Да правоверие светло распространится,
 зловерие же всяко вечно да посрамится.
 Православное предание да пребывает на многая лета,
 да не оскудеет истина твоя до скончания света,
 в день же страшный сподоби нас одесную тебе стати
 и со святыми ангелы твоими во веки тебе прославляти.²⁶

Между первыми и заключительными строками предисловия, выдающимися заимствованием, Михаил Вышатин помещает текст по преимуществу самостоятельный, развивающий сугубо старообрядческие мотивы о Никоне и «отступлении». Всего предисловие «Бисера драгоценного» насчитывает 112 стихов, в «Книге о вере» их 30.

Строки «Книги о вере» выглядят в тексте Михаила Вышати́на редкими вкраплениями, нимало не нарушающими строение стиха, поскольку самая неравносложная форма вирш была ими же и задана.

Без сомнения, обращению Михаила Вышати́на к «Книге о вере» способствовала избранная им тема, в которой рассуждения о вере и борьбе с еретиками занимают главное место. «Бисер драгоценный» был старообрядческой вариацией на тему «Книги о вере». Неудивительно, что при этом оказались воспринятыми структура ее и текст.

В «Бисере драгоценном» имеется второе стихотворное предисловие:

Вас же, возлюблени, молю, не на лице зрите,
 не, кто начерта, вы того судите,
 Но что написа и како вещает,

²³ ГПБ, О.1.275, л. 35.

²⁴ А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века, стр. 98—99.

²⁵ Книга о вере, л. 7 об.

²⁶ ИРЛИ, колл. Перетца, № 452, л. 18 об.

истинно ли глагол утверждает.
Тем же не кто, но что начну писати,
благочестивым всяко предлежи внимати.²⁷

Этому краткому предисловию как бы симметрично стихотворное заключение в духе традиционной книжности:

Любезнейший мой читатель,
буди о бозе подражатель,
Аще в сем есть кая погрешения,
прошу о всем прощения,
Сам исправи любезно,
да чтущим всем будет полезно.²⁸

Трудно судить о степени оригинальности данных текстов. Если и существовало сочинение, под влиянием которого они возникли, нам оно осталось неизвестным.

Силлабическая поэзия была в Выгореции делом привычным и свободно входила в литературный обиход. Риторические «слова» выговских авторов содержат в себе виршевые вкрапления. При этом вирши, вводимые в прозаический текст, могут как принадлежать самому автору, так и представлять собой цитату. В слове на текст «Яко время прекращено есть» Семен Денисов, говоря о бренности земной жизни, влетает в свое сочинение стихотворные цитаты:

Тожде и премудрый стихотворец, витийствуя, глаголет:
Красото добрократно подшедши под лета,
малее и своего лишается цвета.

И паки:

Сей луч, иже на юных ланитах блистает,
единым мгновением и вдруг исчезает.
Другой стихотворец представляет, глаголя:
Часы плывут, в которых скоро стареемся,
дни бегут, удержати их не надеемся.²⁹

Далее Семен Денисов приводит еще несколько стихотворных цитат и завершает прозаическое слово виршами собственного сочинения:

О коль есть кратко многоплачевного жития нашего время,
толь налагающее на ны претяшкое и несносное бремя.
О тако скоролетящая дний наших лета,
такое быстро приводящая ны от настоящего света.³⁰

Кому принадлежат цитируемые стихи, мне, к сожалению, установить не удалось. Но и без этого факт цитирования важен как знак внимания автора к литературной продукции своего времени (под «премудрым стихотворцем» вряд ли имеется в виду выговский писатель).

Нетрудно заметить, что в своей ориентации на стихотворство XVII в. выговская школа повторяет не самый поздний этап русской силлабики. Скорее это обращение к середине XVII века. Это сказывается и в том, что А. М. Панченко называет «давлением прозы», и в преобладании неравносложных вирш, и в той односторонности, которая сопровождает бесспорную разветвленность жанровой системы: многообразие жанров можно отметить только в пределах школы, но не в творчестве одного автора.

²⁷ ГПБ, О.1.275, лл. 2 об.—3.

²⁸ Там же, л. 334 об.

²⁹ ГПБ, Q.XVII.200, лл. 23 об.—24.

³⁰ Там же, л. 26 об.

Очевидно, в этом проявилось свойство всякой системы школьного характера — повторять более ранние этапы творчества, уже пройденные «учителем».

Не следует только забывать, что наши заключения определяются объемом введенного в научный оборот материала. А в этой области сделано еще далеко не все. Новонайденные произведения, возможно, смогут дополнить или изменить картину выговского стихотворства.

Ниже публикуется несколько выговских силлабических сочинений. Бóльшая их часть написана в первой половине XVIII в.³¹

До нас дошли вирши и более позднего происхождения: такие, как обращение к пустыни («О пустыни, место выгорецко, селение вселюбезно отецко»), приветствие отцу Матфею, поздравление Андрею Борису.³²

Однако позднее выговское стихотворство следует поставить в особый культурный ряд.

Хронология деятельности выговской школы определяется временем существования Выго-лексинской пустыни. Реально это XVIII век, так как первые десятилетия XIX в. (до «выгонки» пустыни в 1836 г.) в счет уже не идут по причине явного захирения монастыря. Но живое ядро литературной школы, ее творческий период относится к первой половине XVIII в. Далее идет традиция, ориентирующаяся на уже сложившиеся формы.

В традиционности первого поколения поморских писателей была другая система отсчета, она имела своим образцом общерусскую современную литературу (отставание было сравнительно небольшим, в пределах одного поколения). Нельзя усомниться в том, что как писатели Димитрий Ростовский и братья Денисовы говорили на одном языке; также нельзя предположить, что выговские силлабические стихи могли показаться в принципе чем-то архаическим или чужеродным силлабистам Стефану Яворскому и Феофилакту Лопатинскому.

Выговская литература была непосредственной преемницей школы XVII в., и в той мере, в какой она была современницей данной школы, ее приемы можно считать общерусскими, тем более что литературный вкус России первой, по крайней мере, четверти XVIII в. мало чем отличался от литературного вкуса той среды, которой было адресовано творчество поморских писателей.

Культурный фон, на котором предстают поздние выговские писатели, никак не соответствовал положению в начале века. Выговцы продолжали создавать силлабические вирши в то время, когда уже и первые силлаботонические опыты воспринимались как архаика.

Если бы Гавриле Романовичу Державину попались в руки силлабические стихи выговского автора на день «тезоименитства отца Матфея» (что само по себе не так уж невероятно: прославленный одописец, как известно, некоторое время был олонецким губернатором), он вряд ли поставил бы их на одну доску с собственным творчеством.

К концу XVIII в. между выговской и общерусской литературой лежала пропасть.

Ниже приводятся неопубликованные выговские стихи, подготовленные по правилам публикации текстов, принятым в ТОДРЛ.

³¹ Плач о Андрее Денисове — 1730 г., год смерти Андрея Денисова; приветствие Семену Денисову — до 1741 г., года смерти Семена Денисова; послание Гавриле — Илию Семенову — до 1751 г., года смерти Гаврилы Семенова; предисловие к «Бисеру драгоценному» — 1729 г.

³² БАН, собр. Дружинина, № 457, лл. 78—79 об.; ИРЛИ, Усть-Цилемское собр. № 117, лл. 48—50 об.; ГПБ, Q.XVII.53, л. 20—20 об.

Текст плача об Андрее Денисове публикуется по рукописи БАН, собр. Дружинина, № 199, сборник духовных стихов на крюках, XVIII в., 8°, 202 л.; приветствие Семену Денисову — БАН, собр. Дружинина, № 114, сборник старообрядческий, XVIII в., 4°, 70 л.; послание Гавриле Семёнову и послание М. И. — ГПБ, О.ХV.15, XVIII в., 8°, 144 л.; предисловие Михаила Вышати́на к «Бисеру драгоценному» — ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 452, формат — усеченная четверка, XVIII в., 157 л.; «Рифмы воспоминательные» о Петре Прокопьеве публикуются по рукописи ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 103, сборник духовных стихов на крюках, XVIII в., 4°, 11 л. Кроме того, нам известны еще два списка «Рифм» (ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 104, сборник XVIII в., 8°, лл. 56 об.—57 и № 111, сборник XVIII в., 8°, лл. 95 об.—96 об.), во всем идентичные публикуемому.

Плач об Андрее Денисове

Основной текст: БАН, собр. Дружинина, № 199, лл. 173—177 об.
Разночтения: БАН, собр. Дружинина, № 850.

Стих печаль поет постница Марина,
отцеви плачь глашает¹ зде едина.

Печальный терн мене убодает,
еже око мое не зрит, что желает.
Чаяние от мене удалися,
ах, цвет моея жизни сокрыся.
Лишихся аз сокровища предрага,
се моея жалости отрада нимала.
Обители исполнены плачевна клича,
как же аз буду едина без плача.
Радость церковна перстию покрыся,
утеха пустынна в гробе держитя.
Возгарает² искра во гнезде моего сердца,
Андрея не вижду пустынноводца.
Едина днесь в печали пребываю,
тебе, сладчайша света, поминаю.
Мне отсюду никогда да буди радость,
яко остави нас христианска сладость.
Слезны капли текут ми безпрестани,
гласу слова хлипают органи.
Распаляюсь в жалости, въздыхая,
горка стенания испущая.
Очи мои не хотят зрети, что на свете
минует,³ что родится дивно в лете.
Не уследят моея печальной думы
различны птицам веселья⁴ шумы.
И светская какаья бы утеха
одолееть не может досадна слеха.⁵
Ты сладкая моя память и всечастна
радость, возжеленна⁶ и всекрасна,
Лежат в мыслях мне твоя дивны саны,
теми даеши неврачебны раны.
Осердие приемлю плача слезна,
дальнаго рыдания бесполезна,

¹ Глаголет.
ланна.

² Шаёт.

³ минуют.

⁴ весенныя.

⁵ поспеха.

⁶ возже-

Вспоминая тя, пламень сожигает,
 угли желанья распалает.
 Мы ^а ⁷ несчастья сего не забудем,
 горькаго терпения не избудем.
 Зане ныне радости есмы пусты,
 мраки нашея печали прегусты.
 О коль места она и храмы темны,
 стоят же седалища помрачены,
 По них же являшеся драгоценный,
 ах, уже не ходит там вожденный.
 Глас медоточен не падает в слуха,
 горесть разделяем плачевнаго духа.
 И ⁸ множат храмы скуку пустотою
 и суть преполни нашею бедою.
 Не сладка предо мною и трапеза,
 ибо ⁹ не есть прежеланна беседа.
 И ¹⁰ ина вся ¹¹ смешаема с полынем
 и ¹² зрятся, и суть предо мною ныне.
 Ты, печальным ожидаемая радость,
 господи царю, огорченным сладость,
 И ты утеши мя и днесь и вечно,
 награди щедротами бесконечно,
 Подаждь милость желаньям таковым,
 благодать проливая нам во веки. Аминь.

Приветствие Семену Денисову в день его именин

БАН, собр. Дружинина, № 114, лл. 50—51.

Премилостивый отче, мужу преблажайший,
 светлый имянинче, уме высочайший

Симеоне Дионисьевичь.

Преподобнаго отца | вси днесь величаем,
 Угодника Христова | хвалами венчаем,
 Симеона чуднаго, | житием велика,
 преславно обретшаго | славу святых лика,
 Иже, на столп возшедый, | дивно подвизася,
 идола победь, | светло увенчася,
 Иже аггельскую жизнь | во плоти живяше
 и бесовския полки | храбро побеждаше,
 Иже смирением си | чудно вознесеса,
 и добродетелию | светло увязеса,
 Иже землю оставль, | в небо водворися
 и аггельску собору | присовокупися.
 Его же земля с небом | хвалами венчаша,
 славит греческа область | и вся страна наша.
 Праведник убо умерший | в век жив пребывает,
 от человек отлучен | в бозе обитает.
 Память его похвальна | и имя почтено,
 святое же житие | везде оглашено.
 Аще и в небе живет, | но и в мире славен,
 велик пред человеки | и аггелом равен.

^а Испр.; в ркп. Ты.

⁷ Мы. ⁸ Нет.

⁹ Ни бо.

¹⁰⁻¹¹ вся ина.

¹² ни.

Таков есть и Симеон, | его же днесь венчаем,
 и ему же праздник сей | честно совершаем.
 Прославльше убо сего | отца пречестнаго,
 небесна человека, | аггела земнаго,
 К тебе обращаемся, | яко соименну,
 и того же именем | честно почтенну.
 Зрим бо тя в вере крепка, | в житии избранна,
 чистотою прекрасна, | девством увечанна,
 В молитвах терпелива, | в бедствах благодарна,
 в разсуждениях мудра, | умом светозарна.
 Кто бо скорбящия ны | сладко утешает,
 кто горесть нашу в сладость | дивно прелагает.
 Кто возставляет падших, | крепит не стоящих,
 кто спящих возбуждает | и веселит бдящих?
 Не ты ли, Симеоне, | медвенный языче,
 им же сам действовати | святыи бог обыче?
 Обыче бо чрез тебе | сердца умягчати
 и всяку от душ наших | жестость отимати,
 Тобою помраченный ум | светло озаряет
 и каменное сердце | в елей претворяет,
 Тобою вещает нам | спасения слово,
 и, обновль мехи ветхи, | вино лиет ново.
 Тем же славим господа, | тебе нам подавша
 и, яко светильника, | светла показавша.
 Желаем же ти лет мног, | живота благаго,
 мудрости всех сокровищ, | языка златаго,
 Восхода на вышшая | высокия славы,
 на умныя же враги | крепкия державы.
 Да будеши нам стена | и покров крепчайший,
 златоуструйная река, | источник сладчайший,
 Предивных учителей | дивный подражатель,
 перкви ограждение, | душам же питатель.
 Да и мы злополучни | в сие скорбное время
 весело нести тщимся | Иисусово бремя.
 Да будем в добрых делах | бодр и тцаливи,
 в заключениих крепцы, | в бедах терпеливи.
 Сие же не инако | прибыти нам может,
 точию аще свыше | сам господь поможет,
 Аще уста мудрости | пребудут учаща,
 честно наказующа, | сладко же претяща.
 Таковых же уст ныне | многи ли есть с нами?
 Изчисляюще тая, | удобь грешим сами.
 По притчи двоя-троя, | и се погрешихом,
 аще ли пять или шесть, | в числех заблудихом.
 Понеже дощи Сионя | сень есть в винограде,
 и овощей хранило | в пустом вертограде,
 Иде же грозды взяты, | яблоки убраны,
 ягоды изнесены, | останки попраны,
 Иде же скотом пажить | и ино ничтоже.
 Такова ныне церковь, | грех бо превозможе.
 Христос, господь тоя, спит, | и стражи услоша,
 не свиряют пастыри, | и волцы внидоша.
 Ограда разорена, | стадо расточися,
 умолкоша свирели, | и зверь разъярися.

Но, о пастырю благий, | вскую долго спиши,
 востани, вселадчайший, | и молву утиши.
 Розжени злыя волки, | спаси свое стадо,
 ужасшеся зверей, | зане младо.
 Введи в горню ограду, | причти со овцами,
 их же мы именуем | святыми отцами.
 Ты же, имянинниче, | пособствуй Иисусу
 и, елико можеши, | возбраняй искусу,
 Восприемли свирели | и свирый всекрасно,
 оглашая овчата, | зовый велегласно,
 На путь в небо ведущий | стадо управляя
 и в тамошня двory | мудро наставляя.
 Буди же здрав, отче, | здрав на многа лета
 и по временней жизни | зритель вечнаго света.
 Аминь.

Послание Гавриле — Илии Семенову

ГПБ, О.ХV.15, лл. 37 об.—40.

Что таково принесу аз, недоуменный,
 един от поселянов, невежда последний,
 Словесных улишенный имений богатых,
 твоему высокому толико превзятых,
 Небесных изобилну зело дарованьи,
 ездящу презирядно духа благодатьми,
 Иже коль далечайши местом отстояшу,
 шары изрядны любве толь в нас вогнездяшу.
 Егда желавшему приязньства толико
 многими извещеньми явившу елико,
 Убо воспалени мы сицевыми
 грубословии же зело худыми,
 Оный долг намерени тцанно воздати,
 сладчайшыя любве свет просияти,
 Перстную в чернило трость омокаем,
 о, коль усердно се предлагаем.
 Добраго тя добре грубыми слоги
 изрядно целуем без всякой споны.
 Наипаче оное творим сердечне,
 удобно любовная храним вечне.
 Иное бо что не можем явити,
 любве залого токмо предложити.
 Иисус преблагий во своем законе
 изрядно рече во евангельском слове
 (Сими о Вас вси преславно узнают,
 егда любовь в Вас пресладку познают):
 Моих ученик есть таковой залог,
 еже меж себе содержать любовь,
 Ниже бо что есть сей подобно,
 о бы вселило в небо преподобно.
 Вселюбовно тем пишу ти во кратце,
 истинное теплоты объявляю сладце,
 Чело, сердце желанно и много единаче
 убогий низоземно докланяю паче.
 Зря тя, желаю быти

доброполучно пожити
 Радостию растворена,
 а не скорбми согнетена,
 Веселием пребогата,
 спасением не превзята,
 Тецы с надеждею в небо,
 восходы добры прелепо,
 У бога в десных, о, буди
 и нас, смиренных, не забуди.

Послание М. И.

ГПБ, О.XV.15, лл. 42 об.—45 об.

Превосходительному и премудростию украшенному г-[осподи]ну^а нашему премилостивому государю М. И. мира, здравия, спасения всеусердно желаем и господа бога о сем молим и всепокорно благодарно челом бьем.

Не вемы, како можем тя благодарити,
 нашего государя должно ублажити.
 Сладчайшая вас милость вельми понуждает,
 к премудрому же наша грубость воспящает.
 За толикую милость усердно желаем
 должно же воздати, како не смогаем.
 Обаче на щедроты уповаем ваши,
 рифмы благодарствено приношаем наши.
 Бог всещедрый, украшей небо се звездами,
 грады мудрощедрыми в правде господами,
 Ясными планитами землю просвещает,
 премудрыми в милости люди ущедряет.
 Таковии патроны, народная радость,
 и всем нам, беззаступным, предивная сладость,
 О киих уста всяка гласят благодарно,
 беспомощнии бога молят всежеланно.
 Тебе же, государя, вещи возвещают
 премудра, милосерда повсюду глашают,
 Мудро утешающа в скорбех печальных,
 тепло заступающа в напасти отданных.
 Ты, пресветлеиший, дворец дивно утешаешь,
 премудростная струи тамо изливаешь.
 Ты за пребедныя ны заступаешь люди,
 милость твоя пред богом незабвена буди.
 Бисер сий предражайший кому есть не угоден,
 ты же наш вседражайший всякому угоден.
 Коль красносияюще злато озаряет,
 ваше же премудрое зарнее сияет.
 Мироуханный сосуд толь благоуханен,
 ты же заступлением коль сладкодыханен.
 Медовна убо сладость много услаждает,
 ваша же коль премудрость щедро утешает.
 Чесо ради славная лица похваляют,
 беззаступнии люди тебе ублажают,
 Богородно призрени бога за тя молят,
 пустынный вертепи повыну так волят.

^а В ркп. дважды.

Старицы, сиротины всегда то имеют,
 слышаще заступника, в молитвах говеют,
 Кричат затыгло, воют, оплатить не могут,
 за вашу благодать бога молить всегда могут.
 Молят бедницы бога в слезах всежеланно,
 да учинит в сем в мире житие отраднo.
 О ея величестве молятся прилежно,
 мать милосердную помнят необежно,
 Молити о державе ея всегда рады,
 ждуд от ея светлости теплышиа отрады.
 Сюду и сюду зряще, в молитвах говеют,
 когда милости ветри о сих к нам повеют.
 Ты же убо, дражайший в человецех,
 услыши молящихся плачевно в сем веце,
 Заступи за бедныа сице сиротины,
 да не постраждуд тако в бедственныа години.
 Воздаст же ти за милость бог сице всещедрый
 в нынешнем и будущем, господь милосердый,
 Да умножит же тебе благочестна лета,
 да сподобишия в небе превечнаго света.

Вашего превосходительнаго благородия, многомилостиваго нашего
 государя всеокорнейшии слуги выгопустыннии жители.

Предисловие Михаила Вышатины к «Бисеру драгоценному»

Основной текст: ИРЛИ, колл. Перетца, № 452, лл. 17—18 об.

Разночтения: ИРЛИ, колл. Перетца, № 389 . . . . . А.

ГПБ, О.1.275 . . . . . Б.

Стихи или вирши к читателю

Всякаго чина православный читателю,
 господу богу благодарение воздай яко благодателю,
 Яко сподоби на последок летом
 познати волю его со благим ответом.
 Бог, не имеяй начала и конца,
 той видима и невидима созда,
 Той землю и яже на ней сотвори
 и человекови та вся покори,
 Той Денницу¹ ангела сотвори,
 но сей гордынею диавола себе учини.
 Бог Адама в райская места введе,
 той же преслушанием заповеди рая² отпаде.
 Царство Адамля греха на всех человеках умножися,
 пришествием же³ Христовым весьма уничтожися.
 Дьявол на 1000 лет в бездне связася,
 тысящу же неопредельное число показася.
 Евангельская проповедь егда окончася,
 тогда диаволе действо паки явися.
 Римляне от святыа восточныа церкви отступиша,
 к ним же несмыслению юниты⁴ себе уклониша.
 От того отступления церковь святая христиан
 обороняет,

¹ десницу Б.   ² Доб. светлости А.   ³ Нет Б.   ⁴ униты А; юности Б.

потом же о российском отступлении порицает.
Слово же божие ни в чем изменяется,
тем же ⁵ пророчество сие ⁶ делом исполняется.
Никон бо ⁷ патриарх с восточными новости ⁸ учиниша,
чесо ради православную веру они превратиша.
За сия их новости на них святыя клятвы запреща-
тельны,

на не покаявшихся от них во веки не отъятельны.

Суть бо иже клятвы сия презирают,
за что еретиками себе учиняют.

Их же ⁹ святая церковь прокля ¹⁰,
тии не избудут вечныя тля ¹¹.

А кто их новопредание не принимает,
тех церковь святая вельми похваляет.

Кто ся злых пастырей отлучает,
той и царство небесное получает.

Но слепцы сии новотворчеством своим хвалятся,
увы, яко послежде во аде всуе начнут каяться.

Хвалящихся в новопредании святая церковь обличает
и от избранного стада за сие отлучает.

Еретицы мучением христиан ¹² умучают ¹³,
терпением же христиане ¹⁴ царство небесное ¹⁵
улучают ¹⁶

Нрав же мучительства Христу не согласен
и святым его зело разгласен.

¹⁷ Нам же с еретики ясти не подобает,
за что ядущей с ними под клятву себе полагают ¹⁸.

Молитися с еретики святии запрещаю
и причащающихся от них от Христа ¹⁹ отлучают.

Не достойных же причащати вельми неправо,
за сие от святых запрещение есть немало.

Церковь святая есть ²⁰ христианская вера,
чесо ради у еретиков в церквах суть неправая дела.

Церковь Христова с церковью еретического проказства
имеют с собою великия разньства.

Антихрист родится от блудницы скверно
и естеством человек будет, сие достоверно.

Антихристов приход по сатанину действу,
за что все дела его подлежат бездельству.

Тии ²¹ бо ²² едины от него прельстятся,
котории писанием святым не утвердятся.

Антихрист пред собою лжепророка ²³ употребит ²⁴,
той ²⁵ же чудеса многи лжею сотворит.

Ветхий Рим лестию взяти кто ухитрит,
той без сомнения нарицается последний антихрист.

Всякому лицемерству егда антихрист коснется,
тогда Енох, и Илия, и Иоанн от бога послуется.

Егда антихрист вселенней будет обладатель,
тогда явится на бога хулы тощный полагатель.

⁵⁻⁶ сие пророчество *Б.*   ⁷ *Нет Б.*   ⁸ новостями *Б.*   ⁹⁻¹⁰ бо церковь святая
АБ.   ¹¹ тая *АБ.*   ¹² христианским *Б.*   ¹³ *Нет Б.*   ¹⁴⁻¹⁶ царствием *Б.*
¹⁵ *Нет А.*   ¹⁷⁻¹⁸ *Нет Б.*   ¹⁹ храма *Б.*   ²⁰ *Нет Б.*   ²¹ Сии *А.*   ²² же *Б.*
²³ лжепророки *А.*   ²⁴ утвердит *Б.*   ²⁵ лжепророк *А.*

Глад же велий в царство его во всей земле будет,
и от²⁶ скорби тоя множество зверей на человеки
изыдет.

Антихрист крестом христовым человеку²⁷ не велит
ограждати
и на отвергших крест святыи скверную свою печать
начнет полагати,

Не приемшим печать его зельный будет мучитель.

Но бог сим всегдашний есть подкрепитель.

Печатлении от антихриста в царство божие не
приемлются.

но со антихристом вечною мукою объемяются.

Антихрист на взыскание скрывшихся слуг своих
послет,

но бог невидимо сих укрыти хочет.

Антихристова царства будет точию полчетверта
лета,

потом же — скончание сего света.

Больше о сем недоумею, ни же дерзаю писати,

инии бо о сем множае могут и лучше сказати.

Хотех бо и ино языком вещати,

страха же ради благоволих сие в уме содержати.

В сие время лютое и плача достойное

ужасается, сие зря, сердце богобойное,

Яких много супостатов и хищных²⁸ волков,
бесовских насаждений²⁹, еретических полков.

Тем, аще хочещи правую веру познати,

советую ти божественному писанию внимати.

³⁰ В том бо положи бог сокровища благая,

открывает же правды стези своя драгая³¹.

Древнее святых отец предание право суть в русском
народе,

его же светлость сияет во многопрелестной невзгоде.

Слово бо божие ни в чесом применяется,

правовереие же между зловерием просвещается.

Древних святых пастырей предание³² яко солнце
сияет

и благоустроенными действы блистает.

Нынешних же яко тьма нощи,

разумети древо по его овощи.

Сего ради zde открыся истинная радость,

всесветлых писаний неизглаголанная сладость.

Аще хочещи в правовереии Христу угодити,

потщися без разленения сия проходити.

Вечный и всесильный боже³³ всякая благодати,

благоволи нам, недостойным, сие даровати,

Да правовереие светло распространитя,

зловерие же всяко вечно да посрамитя.

Православное предание да пребывает на многая лета,

да не оскудеет истинна твоя до скончания света,

²⁶ со А. ²⁷ Доб. ся АБ. ²⁸ хищников Б. ²⁹ нововведений АБ. ³⁰⁻³¹ Нет Б.
³² правда Б. ³³ Нет Б.

В день же страшный сподоби нас одесную тебе стати
и со святыми ангелы твоими во веки тебе прославляти.

Рифмы воспоминательны о еклезиарсе Выгорецкого
общежительства Петре Прокопиевиче всего жития его.

Святят Выгорецки церкви мысленныя,
церквоархи же в них благомысленныя.
И первым бысть Петр нарицаемый,
всяка блага зело исполняемый.
Зане отрочески мирских отвергнувшись,
осямьнадесят токмо лет достигнувшись.

ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 103, л. 1 об.

И. Ф. МЕЙЕНДОРФ

О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в.*

За последние два десятилетия движение византийского исихазма и его историческая роль привлекли внимание ученых во многих странах. Недавно появившийся в «Revue des études byzantines» библиографический обзор о паламизме охватывает более двухсот книг, статей и изданий текстов, хотя обзор и не полон, поскольку автор почти не знаком с литературой вопроса, появившейся на славянских языках, и вообще не касается искусствоведения.¹

Помимо чисто богословских вопросов, относящихся к самому содержанию учения, утвержденному серией константинопольских церковных соборов в XIV в., к его месту в историческом развитии восточного христианства и его отношению с Западом, вышеуказанная ученая литература касается природы византийского «гуманизма», которому противопоставляется «исихазм», а также тесно связанного с «гуманизмом» вопроса о «Палеологовском ренессансе» в области искусства и о его соотношении с современным ему искусством Сербии, Болгарии и Северо-Восточной Руси. Многие искусствоведы обсуждают вопрос о связи между развитием искусства в конце XIII и в XIV в. и духовно-интеллектуальными течениями этой эпохи. Роль исихазма в этом развитии оценивается

---

* За последние годы движение исихастов в Византии и славянском мире привлекает к себе пристальное внимание искусствоведов, литературоведов, историков общественной мысли — как византинистов, так и славистов. В понимании того, что такое исихазм и когда он возник, в каком отношении он находился к официальной церкви, обнаружили крупные разногласия. Тем больший интерес в этой связи имеет печатаемый здесь доклад американского специалиста по исихазму профессора И. Мейендорфа, прочитанный им 10 августа 1973 г. на заседании Византийской группы Ленинградского отделения Института истории АН СССР в Ленинграде. Думаем, что многие уточнения, вносимые в определение того, что следует понимать под исихазмом, будут на пользу научным спорам. Редакция считает необходимым напечатать доклад американского ученого без каких-либо изменений и сокращений, однако обращает внимание читателей ТОДРЛ на то, что с некоторыми суждениями докладчика она не может согласиться. В частности, редакция кажется несколько наивной, с точки зрения советской исторической науки, постановка вопроса о том, какое значение для возвышения Москвы имели церковные дела, или неточная характеристика политики московских князей до 70-х годов XIV в. как «протатарской», суждения о некоторых исконных свойствах человека и некоторые другие. Редакция целиком присоединяется к последним словам американского профессора, что «взаимопонимание и взаимное уважение представителей разных специальностей являются условиями подлинного научного творчества». — *Ред.*

¹ D. Stiernon. Bulletin sur le palamisme. — *Revue des études byzantines*, 30, 1972, pp. 231—341.

по-разному. В науке также возникает вопрос о «политическом исихазме» как о движении, определявшем не только религиозно-культурные взгляды людей XIV в., но и их социально-политическую деятельность, выходящую далеко за пределы самой Византийской империи и сыгравшую значительную роль в процессе образования Северо-Восточного централизованного русского государства, а также в установлении отношений между этим государством и Византией, Золотой Ордой и Литовским великим княжеством. В связи со всеми вышеуказанными вопросами неизбежно и обсуждение проблемы о роли византийского и славянского монашества в социально-экономической жизни общества не только Византии, но и славянских стран. Эту роль вряд ли можно объяснить упрощенными схемами. Во всяком случае наше знакомство с событиями XIV в. не позволяет сделать окончательных выводов. Так, на Руси проблема «стяжательства» и «нестяжательства» была тогда только поставлена, а ее всесторонние импликация выяснятся позднее.

Задача моей статьи не в том, чтобы разрешить все эти вопросы. Это было бы попыткой объять необъятное. Мне только хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний методологического и терминологического характера, а затем кратко показать, как методология и терминология могут влиять на разрешение и более общих вопросов исторического развития восточноевропейского общества в XIV в.

1. Что такое исихазм?

Весьма распространенный интерес к исихазму не только среди богословов, но и среди историков и искусствоведов требует определения самого термина «исихазм». Термин этот употребляется в весьма различных смыслах. Только при условии выяснения этого смысла представители разных исторических дисциплин смогут действительно понять друг друга и достичь взаимно приемлемых общих результатов.

Я бы усмотрел по крайней мере четыре общих смысла в современном употреблении слова «исихазм».

1. Наиболее древний и первоначально единственный смысл этого термина отражает созерцательную, отшельническую форму жизни христианского монашества, возникшую в Египте, Палестине и Малой Азии в конце III и особенно в начале IV в. Слово «исихия» (*ἡσυχία*) — «покой», «безмолвие» — указывает на идеал индивидуального отшельничества, по своему принципу отличного от общежительного монашества, основанного Пахомием Великим и предполагающего строгую внешнюю дисциплину труда и жизни. Не исключая внешних правил, жизнь монаха-исихаста определялась внутренней молитвой, «умным деланием», стремлением к личному «обожению» как началу преображения других людей и всего мира. Идея эта существовала еще в позднем ветхозаветном иудаизме как выражение мессианских и эсхатологических чаяний. Эти чаяния слились в I в. н. э. с христианским эсхатологизмом. Когда отшельническое, «исихастское» монашество привлекло в свою среду образованных греков, воспитанных на идеях неоплатонизма, философско-идеологическое толкование отшельничества расширилось за счет включения небиблейских элементов, как то — противоположение материи и духа. В соответствии с основной интуицией* платонизма, цель «умного делания» стала определяться как приобщение к статически вечному надъсто-

* Здесь «взгляд» — в точном соответствии со значением позднелатинского *intuitionem*. — *Ред.*

рическому «умному миру», т. е. как выход человека из истории. Наиболее известным ранним выразителем этого этапа в истории исихазма был ученик Оригена Евагрий Понтик (IV в.). В основу учения Евагрия была положена идея о первоначальном существовании всех тварей в качестве равных и одинаково совершенных «умов» (*νόες*), созерцающих божественную сущность: наличие разнообразия тварей и телесно-материальной жизни человека объяснялось как результат свободного самоопределения и «падения» тварей. Целью духовной жизни, по Евагрию, является восстановление путем молитвы и «умного делания» первоначального созерцания божественной сущности. В этой системе, воспринятой из неоплатонизма, центральный догмат христианства — «Слово стало плотью» — был уже не нужен, так как человек призывался к развоплощению.

Факт осуждения Оригена и Евагрия церковью (553 г.) решительно ограничил опасность, грозившую созерцательному монашеству уклониться в чистый платонический спиритуализм, но отнюдь не упразднило популярности исихазма в среде христианского монашества, о чем свидетельствует огромное количество памятников духовной литературы, имевшей столь большое распространение и в славянских странах. Понятие монаха-исихаста, или отшельника, живущего отдельно от монашеского общежития («киновии»), стало общеизвестным и юридически определенным (см.: Юстиниан, Новелла 53).² Конечно, в основной своей части исихазм освободился от «оригенизма»: «умное делание» стало пониматься не в смысле развоплощения, а как приобщение к «воплощенному Слову» путем «молитвы Иисусовой».

2. В современной научной литературе термин «исихазм» часто определяет психосоматический метод творения «Иисусовой молитвы», засвидетельствованный в среде византийского монашества в XIII и XIV вв. «Постоянная молитва» — одна из основных черт созерцательного монашества со времен Евагрия; «молитва Иисусова» есть постоянное обращение — в разных словесных сочетаниях — к Иисусу Христу, чье имя должно, по словам Иоанна Лествичника (VII в.), «прилепиться к дыханию». Это предписание иногда понималось буквально, в смысле использования дыхания как способа сосредоточить внимание и связать молитву с непрерывающейся функцией организма и тем самым достигнуть «постоянной молитвы».³ В отличие от платонического спиритуализма Евагрия этот психосоматический «метод» (*μέθοδος*) молитвы предполагает положительное отношение к телесному, материальному аспекту человеческой жизни. Он связан с традицией писаний, приписываемых Макарию Египетскому, и, весьма вероятно, употреблялся (в грубой, народной, почти магической форме) в среде мессалиан-богомилев. Обнаружив эту практику у византийских исихастов, Варлаам Калабриец назвал и их «мессалианами», или «пуподушниками» (*ορφαλόψυχοι*), что и вызвало

² О Евагрии и о древнем исихазме см.: A. Guillaumont. *Les Kephalaia Gnostica d'Evagre le Pontique et l'histoire de l'origénisme chez les Grecs et les Syriens*. Paris, 1962; ср.: П. Минин. Главные направления древнецерковной мистики. — Богословский вестник, Сергиев Посад, 1911—1914; см. также труды: «Идеи обожения в древневосточной церкви» (Вопросы философии и психологии, 97, 1909, стр. 165—213); J. Meyendorff. *St. Grégoire Palamas et la mystique orthodoxe*. Paris, 1959.

³ Первые подробные описания метода принадлежат Никифору Исихасту, современнику имп. Михаила Палеолога (*Περί φυλαχῆς καρδίας*. — J.-P. Migne. *Patrologia graeca*. t. 147. Paris, 1865, col. 945—966; далее — PG) и неизвестному автору конца XIII в. (см. текст и опровержение неправильной атрибуции его Симеону Новому Богослову: I. Hausherr. *La méthode d'oraison hésychaste*. — *Orientalia Christiana*, Roma, IX, 2, 1927).

апологию исихазма со стороны Григория Паламы.⁴ Сведѣние термина «исихазм» к этой психосоматической практике приводит иногда к историческим недоразумениям. Так, патриарх Каллист, автор Жития Григория Синаита, со свойственным агиографам преувеличением, приписывает именно Григорию Синаиту введение «метода» в среду Афонского монашества;⁵ это неточное утверждение привело многих современных историков к убеждению, что исихазм был именно «Синайским» новшеством, введенным на Афон Григорием Синаитом. В действительности исихазм, в общем смысле, был вполне общеизвестным явлением,⁶ а в смысле психосоматического метода он был известен на Афоне во всяком случае со времен Никифора Исихаста, т. е. с конца XIII в. Григорий Синаит в лучшем случае был лишь одним из обновителей давно сложившейся практики.

3. Термин «исихазм» также часто употреблялся как синоним термина «паламизм», т. е. системы богословских понятий, выработанной Григорием Паламой в процессе его полемики с Варлаамом, Акиндином и другими противниками. Эта система понятий включает утверждение о возможности реального, а не только интеллектуального, богообщения. Поскольку в ней также утверждается полная трансцендентность и непознаваемость божественной сущности, Паламе необходимо различение «сущности» от божественных «энергий», или личных «действий», в которых сама божественная жизнь передается «тварям» как личное божественное самооткровение.

Богословская система Паламы, по моему мнению, отнюдь не является искусственной надстройкой над исихазмом как мистически религиозным и общественным явлением. Она была выработана как традиционно неизбежная форма защиты от аргументов, выдвинутых Варлаамом. Тем не менее различать паламизм как систему понятий от исихазма вообще все же необходимо, равно как всякая реальность сама по себе может быть отличима от ее концептуального выражения. Однако неверно их слишком резко противопоставлять: человеку вообще — а метафизически настроенному греку в особенности — свойственно не только чувствовать и переживать, но также думать, спорить и философски уточнять свой религиозный и жизненный опыт, в особенности тогда, когда он подвергается критике или преследованию. В этом процессе концептуализации есть всегда опасность впасть в абстракцию. Но Палама в этом повинен меньше, чем многие другие, поскольку он сам всегда создавал некую неадекватность между понятием и реальностью, а поэтому и не раз подвергался обвинениям в философской несостоятельности.

4. Наконец, в науке встречается и четвертый смысл понятия «исихазм» — это «политический исихазм», т. е. социальная, культурная и политическая программа, проводимая в XIV в. видными византийскими деятелями и широко распространившая свое влияние в славянских странах.⁷ Существование именно такого движения мысли, выразившегося

⁴ См. подробно о началах спора между Варлаамом и Паламой в моей книге «Introduction à l'étude de Grégoire Palamas» (Paris, 1959, pp. 66—67, 195—229); текст трактатов Паламы «В защиту священо-безмолвствующих» (ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζοντων) издан нами в серии «Specilegium Lovaniense» (30—31, Louvain, 1959; новое исправленное издание — Louvain, 1973).

⁵ Изд. И. Помяловского в «Записках историко-филологического факультета Санктпетербургского университета» (т. XXXV, 1896, стр. 1—64).

⁶ Об этом правильно напоминает М. В. Алпатов в статье: Искусство Феофана Грека и учение исихастов. — Византийский вестник, т. 33, М., 1972, стр. 194.

⁷ Г. М. Прохоров. 1) Этническая интеграция в Восточной Европе в XIV веке. От исихастских споров до Куликовской битвы. — Доклады Отделения этнографии, 2, Л., 1966, стр. 81—110; 2) Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке. — ТОДРЛ, т. XXIII, Л., 1968, стр. 86—108.

в деятельности столь крупных людей, как император Иоанн Кантакузин, патриарх константинопольский Филофей Коккин и митрополит киевский Киприан Цамблак — исторически несомненно. Несомненна также и связь между этим движением и победой Григория Паламы на соборах в 1341, 1347 и 1351 гг. Но, поскольку деятельность вышеуказанных лиц отнюдь не сводилась к практике «священного безмолвия» (*ἱερά ἥσυχία*), приложение к ним понятия «исихазм» требует уточнений и терминологических оговорок. Очевидно, во всяком случае, что первый описанный нами смысл понятия «исихазм» к ним не приложим в полной мере.

Описанные четыре смысла, в которых употребляется слово «исихазм», не противоречат друг другу. Между ними есть внутренняя связь, заключающаяся, конечно, не в отшельничестве как таковом, не в психо-соматической практике молитвы Иисусовой и не в социально-политической деятельности. Внутренняя связь и общий знаменатель находятся в общем для них для всех глубинном понимании человека и его конечного назначения, иначе говоря — в религиозно-богословском плане (ясно выраженном Паламой в его полемике с Варлаамом). Это понимание допускало разнообразие практических выражений, начиная с полного ухода от мира по примеру древнеегипетских пустынников и в соответствии с наставлениями Евагрия Понтика и Макария Египетского и кончая активным богословско-полемическим писательством и весьма влиятельным вмешательством в общественные и международные дела. Эти разные выражения определялись и личными свойствами отдельных деятелей, и историческими обстоятельствами, но общим знаменателем оставался примат религиозно-богословских убеждений. Люди разных способностей и призваний объединялись единством вдохновения и религиозной веры.

Это единство вдохновения уживалось с разными, быстро меняющимися обстоятельствами XIV в., но оно не было совместимо с новой философией человека, с которой обычно связывают понятие «гуманизма».

II. Исихазм и гуманизм

Даже если употребление общих понятий вроде «гуманизма», наравне с другими «измами» и «азмами», может считаться неизбежным в научно-исторической литературе, историку необходимо по возможности избегать анахронических обобщений, отождествляющих между собой разнородные и часто несовместимые понятия. Если понятие «исихазм» объединяет весьма разные формы религиозного опыта и практической деятельности, то тем более «гуманизм» есть понятие настолько общее, что без определенной квалификации оно вообще не имеет смысла: всякое учение, всякая идеология, ставящие человека в центр своего внимания, могут быть определены как «гуманизм». Разница между ними будет зависеть от того, что подразумевается в каждом случае под понятием «человек». Так, в споре между Григорием Паламой и Варлаамом Калабрийцем столкнулись два учения о человеке, т. е. два «гуманизма». Но что же все-таки подразумевается под тем «византийским гуманизмом», который обычно противоплагается монашеской идеологии исихастов в описаниях споров XIV в.?

Это в первую очередь — признание особого и несменяемого авторитета древнегреческой философии и несколько романтическое благоговение перед наследием античности, всегда свойственное утонченно культурной, но узкой среде византийских аристократов-ученых, начиная с послеиконоборческой эпохи и кончая Гемистом Плифоном. К богословию среда гуманистов относилась по-разному: иногда она отличалась формальным бого-

словским консерватизмом, как в случаях с Фотием, Михаилом Пселлом, Георгием Метохитом и даже Гемистом Плифоном (хотя, по справедливому замечанию И. П. Медведева, Плифон в этом вопросе играл «чрезвычайно двусмысленную роль» — *personae duplicis*⁸), придерживаясь всех ортодоксальных позиций византийской церкви и, в частности, поддерживая антилатинскую полемику. Но в случае с Варлаамом возник конфликт с монахами, вызванный вначале, возможно, просто его личным темпераментом, но скоро получивший весьма широкий отклик — именно тогда, когда он затронул основы культурно-религиозного развития византийского общества и его отношения с Западом.

Интеллектуальный и духовный образ Варлаама нелегко описать. По приезду в Константинополь он, видимо, намеревался занять позицию, принятую в среде византийских гуманистов: активные занятия древней философией, сочетаемые с церковной ортодоксией.⁹ Но вовлечение его в переговоры о соединении церквей, а также неизгладимое влияние царящей тогда на Западе интеллектуальной атмосферы номинализма привели Варлаама к изменению своих первоначальных взглядов и вовлекли его в конфликт с монахами.

С одной стороны, Варлаам защищал так называемое «естественное богословие» (*theologia naturalis*), в силу которого «чем больше и лучше мы познаем гармонию мира вещей, тем глубже наше понимание божества»,¹⁰ но, с другой стороны — в отличие от западного томизма и под влиянием номиналистов, — он придерживался скептического взгляда на реальные возможности человеческого разума, а тем самым и на законность какого бы то ни было «доказательства» в области богословия. В этом отношении Варлаам был действительно человеком «Ренессанса» и связанной с ним секуляризацией культуры, хотя мне кажется невозможным согласиться с мнением И. П. Медведева, что варлаамизм содержал «предпосылки материализма»: ¹¹ Варлаамово мировоззрение было чисто идеалистическим в платоновском смысле. Практически оно приводило, как это мы видим на примере Гемиста Плифона, к спиритуальной и интеллектуальной отчужденности от исторической реальности или же к сознательному утопизму, основанному на созерцании «мира идей».

Основным отличием взглядов Григория Паламы от варлаамизма следует считать унаследованное Паламой от греческих отцов церкви учение об особой функции в человеке, определяемой как «духовный разум» или «образ божий», позволяющей иметь непосредственный «опыт бога», независимый от «созерцания тварей», а также учение Паламы о человеке как о цельном психо-соматическом существе; это учение отличается от платоновского идеализма, определяющего человека как «душу, содержащуюся в теле, как в тюрьме», и предполагает, что весь человек предназначен к общению с божественной жизнью. Бог стал плотью, чтобы сама плоть могла стать божественной.

В этом смысле к паламизму можно законно приложить понятия «христианского гуманизма» или даже «христианского материализма». Палама никогда не отрицал необходимости изучать материальный мир, ценность которого неизбежно предполагалась его подходом к природе человека.

⁸ И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города, Л., 1973, стр. 113.

⁹ См. об этом нашу статью «Les débuts de la controverse hésychaste» (Byzantion, XXIII, 1953, pp. 87—120); см. также «Introduction à l'étude de Grégoire Palamas» (pp. 65—67).

¹⁰ И. П. Медведев. Мистра, стр. 104.

¹¹ Там же, стр. 105.

Он относился с уважением к «Логике» и «Физике» Аристотеля и даже гордился похвалами, полученными им в молодости от Феодора Метохита, признанного главы «гуманистов» предшествующего поколения.¹² Но «познание тварей», по Паламе, есть именно человеческая функция, проявление цельности человеческой природы: оно может дать лишь относительное, «второстепенное» знание над-мирной, божественной реальности. Бог, в своей абсолютной трансцендентности, не отождествлен ни с чем тварным. Его можно познать только в личном — «лицом к лицу» — опыте тому, кто свободно ищет этого опыта в своем «духовном разуме».

Итак, византийские исихасты и гуманисты спорили не о заумно абстрактных философско-схоластических положениях, но о природе человека. Именно поэтому этот спор и его исход имели столько последствий в самых разнообразных областях жизни византийского и восточноевропейского общества.

Д. С. Лихачев удачно применяет к византийской культуре этого времени (особенно к так называемому южнославянскому влиянию на Русь) понятие «Предвозрождения», подчеркивая при этом, что в Восточной Европе «Предвозрождение» было явлением самостоятельным и отнюдь не только предвосхищением «Возрождения», т. е. секуляризации культуры. В византийском и восточнославянском мире «Предвозрождение» так и не перешло в «Возрождение». Оно отразило «общий интерес к человеку», к его личности со всеми ее проявлениями — эмоциями, душевными и материальными потребностями, творческой энергией и т. д., — но не оторвалось от религиозных корней средневековой культуры. В отношении споров между паламитами и варлаамитами Д. С. Лихачев¹³ прав, указывая на то, что «и у тех, и у других мы можем заметить „знамения нового времени“ — явление, типичное для эпохи восточноевропейского Предвозрождения», и что, следовательно, не следует слишком резко разграничивать влияние тех или других на отдельные проявления культурной или общественной жизни того времени. Но, усматривая «историческую оправданность воззрений тех и других»,¹⁴ Д. С. Лихачев не учитывает того факта, что победа варлаамитов несомненно означала бы решительный переход от Предвозрождения к Возрождению и что именно паламизм, остановив этот переход, решительно способствовал тому, что византийская и восточноевропейская культура осталась культурой «Предвозрождения».

III. Исихазм и искусство

За последние годы вопрос о соотношении византийского исихазма и «Палеологовского ренессанса» в искусстве вызывает живой интерес и даже острые споры. Содержание этих споров между искусствоведами хорошо описано М. В. Алпатовым.¹⁵ Как известно, многие историки византийского искусства, включая самых авторитетных, указывают на «оскудение», «иссушение» и «жесткий академизм», водворившиеся в избравительной живописи начиная с середины XIV в. и заменившие собою стилистический «ренессанс» конца XIII и первых десятилетий XIV в. Поскольку наиболее значительным духовным событием в Византии в се-

¹² Против Григоры, I: ркп. Coisl. gr., 100, Fol. 236; воспроизведено также в «Похвале Паламе» Филофея Коккина (PG, t. 151, Paris, 1865, col. 559D—560A).

¹³ Концепция Д. С. Лихачева особенно ярко выражена в книге «Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили» (Л., 1973, стр. 75—127).

¹⁴ Там же, стр. 111—112.

¹⁵ М. В. Алпатов. Искусство Феофана Грека и учение исихастов. ВВ, 33, 1972, стр. 190—194.

редине века была победа богословия Григория Паламы и поскольку большинство историков имеет определенное представление об «аскетически-монашеской» природе «исихазма», «иссушение» стиля связывается именно с этой победой.¹⁶ Но против этой схемы выставляются довольно веские аргументы: «иссушенно-академический» стиль иногда наблюдается и в начале XIV в. (Кахриэ-Джами), а «ренессанс» продолжается еще в XV в Мистре и в лице великого Феофана Грека дает неожиданно гениальные плоды на Северной Руси; причем в лучших современных работах о Феофане и об Андрее Рублеве утверждается несомненная связь этих великих творцов искусства с монашескими кругами, в которых влияние исихазма было преобладающим. Чтобы объяснить это видимое противоречие, выдвигается мысль, что в лоне самого исихазма имелись два течения: существовали будто бы «истинные исихасты», вроде Григория Синаита, которые «отказывались принимать участие в догматических спорах»,¹⁷ и схоласты-паламиты. Покинув Византию и распространив свое влияние в славянских странах, «истинные исихасты», и только они, имели решающее значение в развитии искусства Феофана и Андрея Рублева. Этот взгляд имеет очевидное преимущество в том смысле, что он избегает упрощенной интерпретации исихазма как монашеского мракобесия и признает, что корни исихазма находятся в самой природе восточного христианства и даже христианства вообще и что в этом смысле исихазм сам по себе не имел отрицательного влияния на христианское искусство. Спорным пунктом тут является противоположение между «истинными» исихастами и «схоластами»-паламитами.

Как было показано выше, различие «исихазма» как формы древнехристианского созерцательного монашества и системы понятий, выработанных Паламой в полемическом контексте, есть различие вполне законное. Вполне понятно и то, что паламизм как система понятий вряд ли был на уровне интересов церковных и общественных деятелей в славянских странах. Содержание русских и южнославянских монастырских библиотек того времени показывает, что произведения чисто догматического или философского характера как Паламы, так и других бесспорно авторитетных отцов церкви сравнительно редко переводились и несомненно меньше читались среди славян, чем среди византийцев. Попытка установить связь между византийскими богословскими спорами и тверской «распрей о рае» между новгородским архиепископом Василием Каликой и тверским епископом Феодором Добрым мне кажется неубедительной: «спор о рае» был, возможно, связан с возникновением еретических движений на Руси,¹⁸ но в сущности это был элементарный спор русских «книжников», может быть, интересный сам по себе, но стоящий совсем в стороне от настоящей богословской мысли в Византии.

Как система понятий паламизм был мало доступен и даже мало полезен в славянских странах, где чисто богословских проблем, собственно, не возникало. Иначе можно было бы быть уверенным в том, что византийский патриархат, руководимый убежденными паламитами, позаботился бы о распространении соответствующей литературы. Достаточно

¹⁶ Очень ясно это объяснение исторического развития византийского искусства выражено В. И. Лазаревым, см.: История византийской живописи, I, М., 1947, стр. 225.

¹⁷ М. В. Алпатов, Искусство Феофана Грека и учение исихастов, стр. 194; ср. сходный взгляд Н. К. Голейзовского в статье: «Исихазм и русская живопись XIV—XV вв.» (Византийский временник, т. 29, М., 1968, стр. 196—210).

¹⁸ См. об этом вопросе основательные замечания: А. И. Клибанов, К истории русской реформационной мысли (Тверская распря о рае XIV в.). — Вопросы истории религии и атеизма, т. 5, М., 1958, стр. 233—263.

указать на активнейшее участие в русских делах патриарха Филофея Коккина, одного из самых плодовитых византийских полемистов и автора «Энкомиона» Паламе, который не считал нужным распространять богословско-полемические произведения (даже свои собственные) на Руси, где другие его произведения — особенно гимны и молитвы — пользовались большой популярностью.¹⁹ Из богословско-полемической литературы только статьи «Синодика» о постановлениях собора 1351 г., а также краткие сочинения, излагающие основные положения паламизма без пространных комментариев, попадали в руки славянского читателя.

Недоступность богословской мысли Паламы отнюдь не означает, что его личность не была предметом благоговейного признания и уважения как личность защитника идеалов исихазма, а также противника секуляризации культуры, т. е. западного «Ренессанса». В частности, нет оснований думать, что в кругах, где жили и работали Феофан Грек и Андрей Рублев, существовало сознательное различие между «истинным» и «схоластическим» исихазмом.

Имелось ли это различие в Византии? Не в смысле принципиальном или идеологическом. Среди паламитов, пользовавшихся поддержкой Иоанна Кантакузина, существовали разделения, пример тому — преимущественно политический конфликт между патриархами Каллистом и Филофеем. Однако нигде не видно такого конфликта, который мог бы отразиться на богословских взглядах участников или на стиле искусства. В окружении Кантакузина и Паламы существовали такие люди, как Николай Кавасила, дипломат и гуманист, мало занимавшийся полемикой, но составлявший свои известные произведения («Жизнь во Христе», «Объяснение божественной литургии»), которые могут рассматриваться как классические образцы паламитского духовного руководства для мирян. Сам Палама не только занимался полемикой, но и как архиепископ Фессалоники произнесил проповеди самого общего содержания: сборник этих проповедей — еще мало использованный, но очень богатый источник для изучения общественной жизни города в 1350—1359 гг.²⁰ Здесь Палама выступает не как фанатик-монах и не как полемист; во всем сборнике полемический вопрос об «энергиях» затронут только два раза и то вскользь. Следует также вспомнить о деятельности «кружка Кантакузина» в Мистре, где под эгидой бывшего императора переводились на греческий язык западные мыслители, переписывались наравне с произведениями Паламы авторы классической древности и украшались фресками церкви Перивлепты и Пантанассы.

При наличии таких данных мне кажется наиболее правильным суждение И. П. Медведева о том, что «конкретные формы воздействия исихазма на живопись остаются недостаточно выясненными».²¹ Вероятно, что это воздействие было не всюду одинаковым не потому, что в самом исихазме существовали достаточно основательные противоречия, а потому, что общие культурные и экономические условия были разными в различных частях Восточной Европы. Я отнюдь не исключаю также в некоторых случаях аскетико-ригористическое влияние монашества, но это влияние не ограничено именно этим временем: оно может объяснить наличие (во все времена) искусства второстепенного,

¹⁹ Ср.: Г. Прохоров. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. — ТОДРЛ, т. XXVII, Л., 1972, стр. 120—149.

²⁰ Издано частично в PG (т. 151) и частично отдельным изданием (Σ. Οἰκονόμος. Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου, ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης, ἐπιβλ. αὐτῶν. Афины, 1861); ср. наш анализ проповедей в «Introduction à l'étude, de Grégoire Palamas» (pp. 389—397).

²¹ И. П. Медведев. Мистра, стр. 136.

«народного», каковое изобилует, например, на Афоне. В средние века великие памятники искусства требовали финансовой поддержки императоров или частных меценатов, а именно такую поддержку было нелегко найти в Византии с середины XIV в. Но этого конечно нельзя сказать о славянских странах — Сербской империи или Болгарском царстве или же, наконец, о молодом и скопидомном Великом княжестве владимирском, имевшем средства и культурную амбицию для привлечения лучших мастеров из Византии, для богатых вкладов в монастыри и на постройку церквей и соборов. Наконец, появление гениев искусства вообще не может быть объяснено только внешними обстоятельствами, а является отчасти тайной развития национальных культур.

Для выяснения соотношения между религиозно-общественным, духовным и интеллектуальным движениями, не вполне точно сводимыми к понятию «исихазм», и развитием искусства следует, по-моему, иметь в виду самую специфику именно византийского, или восточнохристианского, православного искусства. Развитие этого искусства немыслимо вне религиозно-богословских верований и убеждений его творцов, а также тех людей (заказчиков, участников богослужения, поэтов, гимнографов и т. д.), в жизни которых это искусство занимало значительное место. Разделение между эстетикой и личными убеждениями было немыслимо ни в византийском, ни в западном средневековом мире: это разделение появилось именно как один из плодов западного «Ренессанса». Рядовой византиец не мог видеть красоты древнегреческой статуи: он видел в ней идола. Некоторые византийские гуманисты несомненно наслаждались, читая Гомера, хотя не верили в реальность древних мифов, но такое разделение эстетики от убеждений существовало в узком кругу и имело малозначительное влияние на общество. Конечно, оно содержало в себе потенцию новой культуры и объясняет влечение византийских гуманистов к Италии, начавшееся именно в XIV в. (Димитрий Кидонис), но оно находилось во внутреннем конфликте с византийской культурой как таковой, с ее внутренней цельностью и последовательностью. Говоря в категориях Д. С. Лихачева, «Предвозрождение» в Византии так и не перешло в Возрождение.

Для понимания сущности византийского и связанного с ним восточно-европейского средневекового искусства необходимо учитывать цельность мировоззрения, объединявшего и мысль, и искусство. Важным элементом этого мировоззрения было богословие образа, или «иконы», унаследованное от антииконоборческих споров VIII—IX вв. и основанное на самом главном пункте христианского учения: божественный Логос стал человеком, а тем самым стал и видимым, т. е. также изображимым, не переставая при этом быть трансцендентным.²² Это основное положение определяло сущность образа и задачу художника: оно требовало от последнего некоего «умозрения в красках». Именно эта специфическая черта византийского искусства заменилась в искусстве западного «Ренессанса» независимыми автономными эстетическими исканиями.

Можно по-разному оценивать этот переход к независимой, свободной эстетике. Нужно также помнить о том, что ни в постановлениях Никейского собора (787 г.), ни в богословии защитников иконопочитания не содержится догматизации стиля. Поэтому вполне возможно, — не отступая от эстетико-богословской цельности византийской культуры, — вообразить

²² Более подробно об этом см. в нашей книге «Christ in Eastern Christian Thought» (Washington—Cleveland, 1969, pp. 132—148; французское издание: *Le Christ dans la théologie byzantine*. Paris, 1963).

и допустить разнообразие стилей, которое и было отчасти осуществлено в истории византийской и восточноевропейской живописи. Так и русские купцы-старообрядцы начала нашего столетия собирали не только древние иконы, но и произведения французских импрессионистов: тут была установлена связь стилей, которая несомненно чревата творческим развитием.

Возвращаясь к XIV в., следует признать, что связь между богословской мыслью и развитием искусства несомненно существовала, но не всегда и не везде выражалась в конкретных формах иконографии и стили. В духовном идеале созерцательного монашества и в богословии Паламы поддерживалась основная сущность византийской культуры, в частности — учение о богоустремленности человеческой природы, о неразрывности неба и земли. Эта богоустремленность и эта неразрывность порой выражались в аскетико-мироотрицающих формах: и здесь один из постоянных соблазнов не только «исихазма», но и монашества вообще, восходящий к его древнехристианским началам. Но эта аскетико-монофизитская струя не была характерной чертой византийского исихазма XIV в. Паламитский исихазм отрицал платонический спиритуализм и учил о положительном значении тела: его идеалом было преобразование, а не уничтожение плоти. Как общественно-культурное движение, оно не могло рождать гениев искусства, но гениям Феофана и Андрея Рублева оно дало основное содержание и внутреннее вдохновение.

IV. «Политический исихазм»

Допустимо ли парадоксальное словосочетание «политика» и «исихазм», или «безмолвие»? Употребленное Г. М. Прохоровым, при необходимом различении между исихазмом «политическим» и «собственно исихазмом»,²³ оно отражает факт существования в Византии и в восточноевропейских странах движения религиозных зилотов, не ограничивавшихся только аскетизмом, «выходом из мира» и созерцанием, но преследовавших общественную и международную деятельность. Поэтому назвать их исихастами можно только условно: ни Иоанн Кантакузин, ни патриарх Филофей, ни Николай Кавасила не были «собственно исихастами», или безмолвниками, каковыми были Григорий Синаит и Сергей Радонежский, но между ними и исихастами существовала духовная близость и общее понимание смысла общественной и личной жизни человека. Как мы уже видели, разница была в личных призваниях, индивидуальных способностях, общественном положении, политических обстоятельствах и национальных культурах, но не в идеологии: во всяком случае, пока нет исторических данных, чтобы утверждать, что идеологическая разница действительно между ними существовала.

В отношении внутренней политики Византийской империи значение союза Иоанна Кантакузина с паламитами оценивается по-разному, но упрощенная схема, защищаемая некоторыми историками, полагающими, что этот союз объясняется только общими интересами крупных землевладельцев — феодалов и монастырей, — принята быть не может. Существует слишком много данных о социальной неоднородности партии Кантакузина, о присутствии как паламитов, так и антипаламитов среди его друзей и врагов, о принципиальной «нестяжательности» части византийского монашества (именно исихастов), о продолжающейся политиче-

²³ Г. М. Прохоров. Исихазм и общественная жизнь в Восточной Европе в XIV веке, стр. 87.

ской роли Кантакузина после его отречения в 1354 г.²⁴ Но можно сказать с достаточным основанием, что и Кантакузин, и поддерживающая его церковная партия, — в отличие от их противников, сгруппировавшихся вокруг двора Иоанна V Палеолога, — отказывались подчинять интересы церкви интересам чистой политики. Так, стремясь, как и все их соотечественники, защитить Византию от турок, они не соглашались на любые средства для достижения этой цели и, в частности, — на церковную унию, требовавшую компромисса в вере как условие западного крестового похода. В результате их политика иногда расценивалась их противниками как «антизападная» и «протурецкая». В этом пункте существует несомненный параллелизм с реалистически «протатарской» политикой Московского княжества в первую половину XIV в., поддерживаемой главным «агентом» Византии на Руси — «митрополитом киевским и всея Руси», назначаемым из Константинополя.

Роль константинопольской «вселенской» патриархии и сложной сети ее административного и дипломатического аппарата необычайно возросла в течение последнего, палеологовского, периода Византийской империи.²⁵ Этот рост влияния именно константинопольской церкви, которая в прошлом была обязана своим престижем только империи — она была «Новым Римом», городом «царя и сената» (правило 28 Халкидонского собора, 451), — может показаться странным: империя переживала конечную степень унижения и не была в состоянии поддержать авторитет церкви. Но этому процессу есть историческая аналогия: рост престижа и власти «старого Рима» после падения Западноримской империи перед лицом варварских нашествий в V и VI вв. Деятельность пап Льва Великого и Григория Великого, продолжавшая объединительную роль императорского Рима и распространявшаяся на весь Запад, вряд ли была бы возможна, если бы сильная императорская власть продолжала существовать на Западе. Так и в последний период Византии церковь унаследовала престиж исчезающей империи. При этом она не переставала поддерживать имперский принцип как таковой до тех пор, пока он, хотя бы номинально, существовал в общественном сознании византийцев и славян. Даже после 1453 г. церковь останется символической, хотя и плененной, «Византией после Византии».

В своих отношениях со славянскими странами, и особенно с Россией, византийская дипломатия XIV в. была почти исключительно дипломатией церковной. Роль этой дипломатии признана довольно широко, но до конца еще не оценена во всей ее значительности. В заключительной части этой статьи я укажу на основные цели этой дипломатии и на ее главные результаты.

Во-первых, возвышение авторитета и престижа византийского патриарха проводилось систематически и сознательно распространялось не только на клир русской церкви, но и на «возлюбленных и вожденных сынов нашей мерности», т. е. на русских князей.²⁶ Патриаршая власть определялась, согласно теории «всеобщего руководства» (*ἡγεμονία πάντων*) постоянно провозглашающейся в актах патриархата XIV в. Если ее пони-

²⁴ См. нашу книгу: Introduction à l'étude de Grégoire Palamas, pp. 120—128, 396—397; G. Weiss. Ioannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch... Wiesbaden, 1969; а также доклады на Византийском съезде в Бухаресте, 1971 г.

²⁵ G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. 2nd ed. New Brunswick, 1969, p. 487.

²⁶ См., например, Грамоту патриарха Филофея 1370 г. с увещаниями князьям повиноваться митрополиту Алексию (РИБ, т. VI, СПб., 1880, Приложение 18, стлб. 109—110).

мать буквально, эта теория предполагала, что константинопольский патриарх стал настоящим восточным папой, управляющим всем миром через посредство своих наместников-епископов. «Бог поставил нашу мерность предстоятелем всех, во всей Вселенной находящихся христиан, — пишет патриарх Филофей русским князьям, — попечителем и блюстителем их душ, и все зависят от меня как общего отца и учителя... Но поелику одному... человеку невозможно обходить всю Вселенную, то мерность наша избирает лучших и отличающихся добродетелью лиц, поставляет и рукополагает их пастырями, учителями и архиереями и посылает их в разные части Вселенной».²⁷ Правда, такие формулировки, явно противоречащие византийскому каноническому праву, а также основным положениям византийской же антипапской полемики, отдавали дань византийской склонности к риторическим гиперболам, но они должны были производить впечатление на славян.

Как известно, через посредство своих ставленников: галичанина — митрополита Петра (1308—1326 гг.), сановного и влиятельного грека — митрополита Феогноста (1328—1358 гг.) и русского боярина — митрополита Алексия (1354—1378 гг.) — Византия систематически поддерживала объединительную и до 70-х годов протатарскую политику московских князей и тем самым оказала значительное, если не решающее, влияние на образование централизованного великорусского государства.

Среди важных и еще не вполне выясненных вопросов, связанных с этой политикой, большое значение имеет вопрос о том, почему Византия держала сторону Москвы, а не Литовского великого княжества, в пределах которого находился не только сам Киев — традиционная кафедра митрополита, — но и наибольшая территория, а также, вероятно, и большая часть населения бывшей Киевской Руси. Возглавляемая литовской династией, территория современной Белоруссии и Украины была в языковом и культурном отношении «русским» государством, независимым от Золотой Орды и претендующим с большими, казалось, основаниями, чем Москва, на возглавление всей Руси. Для достижения этой цели оно обладало и экономическими, и военными возможностями. Правда, литовская династия не была христианской, греческие акты патриархии постоянно упоминают об Ольгерде как об «огнепоклоннике» (*πυρολάτρης*), но византийцам было также известно о готовности Ольгерда, в случае получения поддержки из Константинополя, принять византийское православие, и его сыновья шли на этот шаг каждый раз, как этого требовали политические интересы. Готовность Ольгерда войти в византийскую «семью государств» подкреплялась еще и тем, что он находился в постоянном соперничестве с представителями Запада — ливонскими рыцарями и в этой борьбе оказывал протекцию Новгороду и особенно Пскову. Поэтому причины предпочтения, оказываемого Византией Москве, не легко установить. Их следует искать и в щедрой материальной помощи, посылаемой из Москвы в Константинополь, и в сложной византийской дипломатии на Востоке, включающей отношения с турками,

²⁷ Там же, стр. 111—112. Подобные же выражения систематически употреблялись уже патриархом Афанасием I (1289—1293, 1303—1309), одним из главных вдохновителей византийского исихазма (см.: Палама. Триады, I, 2, 12; ср. нашу книгу: Introduction à l'étude de Grégoire Palamas, p. 34). Переписка Афанасия с императором Андроником II издана: А. М. Talbot. *Dumbarton Oaks Texts*. Washington, 1973). Теория «всеобщего руководства» постоянно встречается в актах патриархов-исихастов XIV в. (см. Грамоту патриарха Филофея 1354 г. — РИБ, т. VI, Приложения, стлб. 41—42; Соборное определение патриарха Каллиста 1361 г. — Там же, стлб. 71—72; Грамоту патриарха Антония 1393 г. — Там же, стлб. 235—236, и т. д.).

Золотой Ордой, Кавказом и Черноморьем, где важную роль играла генуэзская торговля. Во всяком случае последовательно промосковской византийская политика была тогда, когда в Константинополе главенствовала партия исихастов и Кантакузина; нарушалась эта политика партией Палеологов.²⁸ Таким образом, Кантакузину и его окружению Москва отчасти обязана тем, что она стала «Третьим Римом». Некоторые русские книжники это понимали и составили связанную с именем патриарха Филофея легенду о «белом клобуке».

С основным, промосковским, выбором Византии связан и тот факт, что именно Северо-Восточная Русь, а не Литва, была в XVI в. истинной выразительницей византийских культурных тенденций. Именно там, а не на Юго-Западе параллельно с развитием монашества возникло искусство Феофана Грека и Андрея Рублева, именно там цвело архитектурное творчество и вообще оригинальное культурное строительство. Мы не знаем о параллельном развитии на территориях Литовского великого княжества.

Но, как это хорошо показал Г. М. Прохоров в работе о «Повести о Митяе»,²⁹ византийская политика, все еще руководимая Кантакузиным и Филофеем,³⁰ несколько изменила тактику в 70-х годах XIV столетия. Важно то, что эта тактическая перемена, вызванная коренным изменением в соотношении сил между Москвой, Литвой и Золотой Ордой, отражает принципиальную последовательность. Вооруженная борьба Москвы с Литвой достигла такой остроты, что митрополит Алексей, являвшийся главой Московского правительства, не имел фактической, да и нравственной возможности пользоваться своей духовно-канонической властью над территорией, занятой Ольгердом, и над Тверским княжеством. Назначение отдельного митрополита для Литвы становилось неотвратимым. Поскольку же церковь являлась единственным объединительным фактором между русскими землями, церковно-административное разделение означало бы конец единства Руси как таковой. Центробежные силы были чрезвычайно сильны не только в Литве, где митрополита Алексея перестали чувствовать «своим», но и в Москве, где образовалась сильная партия московского сепаратизма, стремящаяся к созданию «великорусского государства» и «великорусской митрополии», что означало бы отказ от общерусского «киевского» наследия. Чтобы избежать краха церковно-общественной программы, существовавшей уже веками, на которую многие византийцы возлагали большие надежды как на возможное убежище и источник спасения православия, патриарх Филофей в 1376 г. назначил Киприана Цамблака «митрополитом киевским и литовским», еще при жизни митрополита «киевского и всея Руси» Алексея. Этот шаг, воспринятый некоторыми как отказ от принципа единства Руси, оказался тактическим приемом. Киприан был по происхождению болгарин. Его

²⁸ Это особенно ясно вытекает из истории попыток создать особую, независимую от «митрополита киевского и всея Руси» (проживающего в Москве) митрополию «Литовскую». Литовская митрополия устанавливалась в 1316, 1330 и 1354 гг. правительством Палеологов и упразднялась в 1347 и 1361 гг. Кантакузиным и Филофеем (см. нашу работу: *Alexis and Roman: a Study in Byzantino-Russian Relations (1352—1354)*. — *Byzantinoslavica*, XXVIII, 2, Prague, 1967, pp. 278—288.

²⁹ Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе-Михаиле и ее литературная среда. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1968.

³⁰ О влиянии бывшего императора Иоанна Кантакузина на общественные и церковные дела после его отречения в 1354 г. см. нашу работу: *Projets de concile oecuménique en 1367: un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul*. — *Dumbarton Oaks Papers*, 14 (1958), pp. 149—177.

кандидатура была приемлемой для Литвы, но из Константинополя ему была дана инструкция сохранить полностью единство русской митрополии и внутри ее соблюдать фактический примат Москвы. Это, как известно, ему удалось сделать только ценой продолжительной борьбы с московским сепаратизмом, нашедшим выражение в истории со злополучным московским кандидатом в митрополиты Михаилом-Митяем и в кратковременной карьере «великорусского митрополита» Пимена.

Объединительная деятельность Киприана была тем более своевременной, что она совпадала с первой серьезной возможностью для Москвы освободиться от ненавистного татарского ига. Это освобождение предполагало по меньшей мере временное, но лучше окончательное примирение с Литвой, где на великое княжение водворился тогда еще православный сын Ольгерда Ягайло. Примирение было частично осуществлено Киприаном. Результатом освободительных усилий была Куликовская битва 1380 г. Но, к несчастью для программы Киприана, Литва в 1386 г. вступила на новый исторический путь: Ягайло женился на наследнице Польского королевства Ядвиге и тем самым надолго включил западнорусские княжества в орбиту католической Польши. Таким образом, Великороссия как бы закономерно отождествилась с Русью как таковой, с судьбами православия и византийским наследием в целом. Для судеб «третьего Рима» это отождествление предполагало некое культурное и национальное сужение. Московские цари никогда не станут настоящими, т. е. всемирными римскими императорами, «самодержцами Ромеев», и даже их «все-российский» титул останется на долгое время номинальным.

Наша статья коснулась природы византийского наследия, оказавшего в XIV в. значительное влияние на восточную Европу и ее культуру. Терминологически понятие исихазма не вполне покрывает содержание этого наследия, но несомненно то, что византийское влияние в славянских странах было в своей основе тесно связано с защитой исихастов Григорием Паламой, затем с распространением в славянских странах монашеской литературы и, наконец, с общественной деятельностью таких лиц, как патриарх Филофей и митрополит Киприан. Поскольку весь этот исторический процесс интересует представителей разных дисциплин — историков, искусствоведов и исследователей теологии, — его полное выяснение требует их взаимопонимания и сотрудничества. К несчастью, представители этих различных дисциплин живут своими замкнутыми мирами, развивая независимые друг от друга методологические приемы и тем самым обедняя свои собственные возможности в деле достижения истины во всей ее разносторонности. Мне кажется, что в области изучения культуры взаимопонимание и взаимное уважение представителей разных специальностей являются условиями подлинного научного творчества.

В. Н. СЕРГЕЕВ

Надписи на иконах праотеческого ряда иконостаса и апокрифические «Заветы двенадцати патриархов»

«Заветы двенадцати патриархов» принадлежат к числу апокрифов древнейшего происхождения. Отрывки из них найдены среди рукописей Кумрана.¹ Кумранские находки изменили установившийся с XIX столетия взгляд на «Заветы» как на памятник раннехристианской литературы. Это дохристианские произведения, имевшие распространение среди ессеев и содержащие, по мнению исследователя кумранских рукописей И. Д. Амузина, «резко выраженные христологические элементы».² Считается, что «Заветы двенадцати патриархов» возникли как отдельные произведения на древнееврейском, очевидно, во II—I вв. до н. э., а в I—II вв. н. э. «унифицированы в единое литературное целое» иудеем-христианином.³

Помимо древнейших фрагментов на еврейском, арамейском и сирийском языках, существуют полные тексты армянской и греческой версий апокрифа. Последняя послужила основой для перевода на славянский язык и на латынь, а с латыни — на английский, французский, немецкий, датский, исландский языки.⁴

«Заветы» были достаточно широко распространены в югославянской и, через нее, — в древнерусской письменности. На Руси они появились в составе Хроники Иоанна Малалы в 1261 г. и читались позднее во всех списках Толковой палеи.⁵ Н. Тихонравов выделял две редакции древнерусских «Заветов» — краткую и полную, считая, что краткая редакция появилась в результате сокращения полной.⁶ В. М. Истрин придерживался мнения, что «Заветы» существуют в одной первоначальной редакции, представленной Архивским хронографом, а так называемые краткая и полная редакции из Толковой палеи восходят к ней, причем краткая редакция является результатом сокращения первоначальной, полная же

¹ Тексты Кумрана, вып. I. М., 1971, стр. 56—57, 60—62, 281—286.

² Там же, стр. 60.

³ Там же, стр. 60—61.

⁴ М. Н. Сперанский. «Заветы двенадцати патриархов» в старинной чешской письменности. — Сборник статей, посвященных... В. И. Ламанскому, ч. 1, СПб., 1907, стр. 19.

⁵ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. — ОРЯС, т. XVII, № 1, СПб., 1877, стр. 59—60.

⁶ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I. М., 1863, стр. 145.

использует краткую и одновременно обращается к первоначальной редакции.⁷

Поскольку Н. Тихонравов при издании полной редакции из Толковой палеи дает разночтения по списку, сохранившему первоначальный (по В. М. Истрину) вид «Заветов», и одновременно публикует краткую редакцию, которую по списку Соловецкой библиотеки опубликовал также И. Я. Порфирьев, все три редакции являются опубликованными, что дает возможность при изучении влияния, оказанного «Заветами» на древнерусскую иконопись, пользоваться, не прибегая к рукописям, этими изданиями.⁸

Вопрос о влиянии «Заветов» на древнерусское искусство, насколько нам известно, не ставился. Между тем существует тесная связь с текстом этого апокрифа надписей на свитках икон праотцев — сыновей Иакова, входящих в состав праотеческого ряда иконостаса. Эти надписи никогда не изучались с точки зрения их литературного происхождения. Некоторые из них опубликованы А. И. Успенским, но без указания на литературный первоисточник и с отдельными неточностями в прочтении.⁹

Немногочисленные опубликованные иконописные подлинники дают некоторый, правда небогатый, материал по надписям на иконах двенадцати патриархов, также оставленный без комментария издателями подлинников.¹⁰

Литературное происхождение этих надписей не останавливало на себе внимания и исследовавших состав русских иконописных подлинников И. П. Сахарова и Ф. И. Буслаева.¹¹

«Заветы двенадцати патриархов», как известно, представляют собой монологи — предсмертные завещания сыновей Иакова своим детям, монологи, неизвестные каноническому библейскому тексту и содержащие целый ряд апокрифических подробностей и деталей. Наряду с поучениями нравственного характера в них чрезвычайно сильны покаянные мотивы, пророчества о будущем мира и о грядущем спасителе его. Эти пророчества по своему смыслу близки к завету Иакова канонического текста Библии (Бытия 49¹⁰⁻¹²), а также цитируют отдельные отрывки из апокрифической книги Еноха.¹²

⁷ В. М. Истрин. Редакции Толковой палеи. СПб., 1907, стр. 20—23.

⁸ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 96—232; И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах, т. I, стр. 158—194.

⁹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1913; стр. 222—275.

¹⁰ Древнейший список толкового подлинника, относящийся к концу XVI в., статьи об иконах праотцев не содержит. Очевидно, эта статья появилась не ранее 1666 г., так как в одном из списков после текста имеется приписка, что подлинник написан в 1666 г., и лишь после нее следует как приложение статья «Подлинник святым праотцам, како их писати». (См. — Иконописный подлинник Новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века. М., 1873, стр. 6). В некоторых списках статья «об изречениях праотцев» появилась не ранее 1675 г. (П. П. Вяземский. Иконописный подлинник краткой редакции. СПб., 1885, стр. 5, 10). Статья «Подлинник святым праотцам, како их писати», опубликована в составе более позднего подлинника, восходящего к Сводной и Софийской редакциям (Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова. М., 1903, стр. 2, 8—9). В Сводном иконописном подлиннике XVIII в. и в опубликованных лицевых подлинниках интересующего нас материала нет.

¹¹ И. П. Сахаров. Исследования о русском иконописании, ч. I. СПб., 1849; Ф. И. Буслаев. Литература русских иконописных подлинников. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, СПб., 1861.

¹² М. И. Соколов. Славянская книга Еноха праведного. М., 1910; исследование — стр. 5, 162; Тексты Кумрана, вып. I, стр. 57, 60.

Праотеческий ряд иконостаса появился в первой трети XVI столетия, возможно около 1528 г. Этот ряд представляет собой «первоначальную ветхозаветную церковь от Адама до закона Моисеева, „период дозаконный“, в лице ветхозаветных патриархов с соответствующими текстами на развернутых свитках».¹³

«Откровения» о грядущем Мессии, в соответствии со смыслом праотеческого ряда в общей системе иконостаса, в основном и цитируют иконописцы из «Заветов двенадцати патриархов» в надписях на изображениях родоначальников «двенадцати колен Израиля».

Эти цитаты известны нам на иконах XVII—XVIII вв. По отношению к первоисточнику их можно разделить на два типа. Первый, когда надпись на иконе — не точная цитата, а свободный пересказ содержания, известного, однако, только этому апокрифу. Пересказ этот ведется в выражениях, близких к оригиналу. Второй тип надписи более распространен — это прямое цитирование текста «Заветов двенадцати патриархов».

Свитки с надписями на иконах имеют весьма своеобразное художественное воплощение. Прежде всего они даются в ином пространственном измерении, чем сама фигура, — свиток развертывается на плоскости иконы так, что смотрящий на икону и читающий надпись зритель видит текст прямо перед собой, в то время как фигура пишется в сложном пространственном измерении, выражающем ее предстояние перед центральным изображением иконостасного ряда. Такое пространственное решение при изображении свитка с текстом не только выделяет его в смысле удобства чтения, но и подчеркивает смысловую важность надписи, писавшейся четкой вязью, очень крупными буквами, чаще всего черными, иногда с заглавной киноварной буквой, по белому полю свитка. Таким образом, надпись выделялась не только пространственно, но и цветовыми средствами. Тексты на свитках икон представляют собой прямую речь изображенных лиц. Отсюда делается понятным, почему «Заветы двенадцати патриархов» с их монологической формой столь привлекали иконописцев.

Надписи на свитках в большинстве случаев предельно кратки. Иконописец связан большим размером букв, обеспечивающим возможность прочтения надписи с дальнего расстояния, и одновременно ограничен размером свитка. Поэтому чаще всего это буквально несколько слов, последнее из которых подчас обрывается, не будучи окончено. Довольно часто используется своеобразный прием — из-под руки, держащей свиток, видны верхушки букв последнего слова, что несомненно расширяет текст, но без знания его подчас трудно дочитать надпись.

Предельная краткость надписи делает особенно важным нахождение ее литературного источника, поскольку только широкий литературный контекст позволяет понять замысел иконописца, писавшего тот или иной образ. Говоря о замысле художника, мы имеем в виду и иконописца — составителя подлинника, и мастера, который независимо от подлинника обращался во время работы непосредственно к литературному произведению, и иконописца, писавшего надпись по подлиннику, но знавшего ее литературный первоисточник, так как обращение к подлиннику не исключало возможности знакомства с самим апокрифом.

В случае, если художник слепо копировал подлинник или икону, взятую им за образец, мы можем рассматривать его работу как выражение замысла создателя оригинала, сохраняемого иконой-копией.

¹³ Л. А. Успенский. Вопрос иконостаса. Отдельный оттиск, 1963, стр. 234, 240.

Иконы двенадцати патриархов представлены в той или иной степени в большинстве праотеческих рядов иконостасов, но количество их и состав колеблются.¹⁴

Возвращаясь непосредственно к вопросу о влиянии «Заветов двенадцати патриархов» на иконы праотеческого ряда иконостаса, оговоримся, что из удобства практического пользования настоящей работой мы рассматриваем «Заветы» и соответствующие им иконы в алфавитном порядке.

Праотец Асир

Надпись на иконе начала XVII в.:
... и будете ту доньдже вы...¹⁵

Завет Асиров о злобе и доброумьи (краткая редакция): ... много заблудите и много козней будет на вас, и чужей земли поработаете, но паки милостию господнею на землю свою возвратитесь... И будете ту доньдже посетит вышний и помилует живущих на ней и ть придет, аки человек с челоуеки ядый и пья и смирием смирит главу змиеву.¹⁶

Эта цитата из «Завета Асирова», содержащая пророчество о египетском пленении и грядущем Мессии, заимствована иконописцем из краткой редакции, так как в полной редакции соответствующее место читается несколько по-иному.¹⁷ Заметим, что только широкий литературный контекст первоисточника делает понятной эту краткую надпись-цитату на иконе.

¹⁴ Принцип отбора тех или иных из двенадцати патриархов в праотеческий ряд, весьма свободный и допускающий разные варианты и комбинации, до сих пор не изучен. Иконописный подлинник упоминает 23 праотеческих иконы, из них 6 — с сыновьями Иакова: Вениамином, Асиром, Иосифом, Симеоном, Иудой, Неффалимом (Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 8—9). Практически, даже в гораздо меньших иконостасах, число их может быть большим, а состав — иным. Так, к примеру, в иконостасе XVII в. Смоленского собора Новодевичьего монастыря 16 праотцев, из них 8 — сыновья Иакова, но состав их другой. Здесь нет Асира, однако представлены Рувим, Левий и Завулон. Иконостас XVII в. Преображенского собора Спасо-Евфимьево монастыря г. Суздаля содержит 12 изображений праотцев, из них 6 икон «Иуды и братии его», но состав их довольно отличен и от рекомендуемого иконописным подлинником, и от представленного в соборе Новодевичьего монастыря. В суздальском иконостасе нет икон Асира и Неффалима, но имеются изображения Рувима и Исахара. Изображений братьев может быть и менее шести. Так, праотеческий ряд в Покровском соборе Измайловского дворца, судя по описанию А. И. Успенского, был несимметричен и состоял из 14 икон, причем сыновей Иакова было пять, — помимо встречавшихся уже в разных комбинациях икон Исахара, Симеона, Рувима и Завулона, здесь была очень редкая икона праотца Дана. Праотеческие ряды, в которых не было хотя бы одного изображения кого-либо из сыновей Иакова, очевидно, делались только в иконостасах приделов, при условии, что в главных иконостасах такие иконы имелись. В качестве примера можно привести иконостас южного придела церкви Троицы в Никитниках в Москве, где этих икон нет, но они есть в главном иконостасе. Изучение состава праотеческих рядов, равно как и надписей на иконах, в настоящее время затруднено по двум причинам. Во-первых, многие иконостасы находятся под слоем темной олифы, и до расчистки очень трудно, особенно издалека, не только прочитать надписи, но и атрибутировать само изображение. Во-вторых, большинство икон праотцев в музейных собраниях представляет собой отдельные разрозненные части несохранившихся иконостасных ансамблей.

¹⁵ Из иконостаса Преображенского собора Соловецкого монастыря. Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № 86.

¹⁶ Н. Тихонов в. Памятники отеченной русской литературы, т. I, стр. 134. Иконописный подлинник XIX в. содержит надпись к иконе Асира от слов «придет аки человек...» (ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 602, л. 103).

¹⁷ Н. Тихонов в. Памятники отеченной русской литературы, т. I, стр. 213.

Надпись на иконе Асира, рекомендуемая Большаковским иконописным подлинником, иная: «Угодно пред господем, еже бегати зависти и злобы, и одолееши врага». ¹⁸

Последняя надпись не является прямой цитатой из «Завета Асирова о злобе и доброумии», но связана с ним общностью содержания, прежде всего самой нравственной направленностью против злобы. Это один из основных мотивов «Завета». Он звучит и в самом названии и многократно выражается в монологе Асира, говорящего о том, что человек «помышляет злобу», «приемлет злое», «на злая дела обратится», некоторые люди «дволичны благостию и злобою», «наравом злобы». Близкие к этому выражения встречаются и в «Заветах» других братьев, например в «Завете» Вениамина: «Вы же, чада моя, бегайте злобы и зависти». ¹⁹

Канонический библейский текст не знает подобного монолога Асира. Надпись, отнюдь не являясь прямой цитатой, а будучи свободным выражением основной мысли апокрифического высказывания праотца, также свидетельствует об обращении составителя иконописного подлинника к «Заветам двенадцати патриархов».

Праотец Вениамин

Надпись на иконе начала XVII в.:
... агнец божии Спас... мир... ²⁰

Завет Вениаминов (*обе редакции*):
Чадо..., да сбудется на тебе пророчество
человеце о агнеце божии Спасе
миру. ²¹

В процитированном месте «Завета» Вениамин пересказывает своим детям апокрифический завет Иакова, обращенный к Иосифу.

Надпись на иконе середины XVII в.:
Пошлет вышний спасение свое посещением
единароднаго яко пророка... ²²

Завет Вениаминов (*краткая редакция*): ... царства господня не будет вам,
яко скоро сам возмет и пошлет бо
вышний спасение свое пресе-
щением единочаднаго яко
пророка... ²³

Дословно цитируя текст своего апокрифического первоисточника, иконописец меняет слово «единочаднаго» на «единороднаго». Такое исправление редкой формы на всем известную формулу второго члена Символа Веры дает более определенное и привычное для зрителя значение и усиливает, таким образом, смысловую выразительность надписи. ²⁴

¹⁸ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 8.

¹⁹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 132—133, 229.

²⁰ Из иконостаса Преображенского собора Соловецкого монастыря. Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № 87.

²¹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 142, 227.

²² Из иконостаса Преображенского собора Спасо-Евфимьего монастыря в Суздале. Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № к. п. 690.

²³ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 144.

²⁴ Форма «единочадна» в Символе для XVII в. была архаизмом. К этому времени утвердилось слово «единороднаго» III редакции перевода, встречающейся уже в рукописи 1397 г. и распространившейся в XV—XVII вв. в западных, киевских и московских печатных книгах, в последних — с 1627 г. Форма «единочадна» в XVII в. сохранялась лишь в не употреблявшемся в богослужении тексте Никейского Символа из Кормчей книги (А. Гезен. История славянского перевода Символа Веры. Очерки и зарисовки из области филологии, истории и философии. Вып. I. СПб., 1884, стр. 7, 23—26, 32, 45, 53, 55, 67).

В полной редакции этот текст читается так: «...вышний послет бо». Это свидетельствует о том, что иконописец пользовался краткой редакцией «Завета».²⁵

*Надпись на иконе XVII в.: Любите господа бога небеснаго и сохраните за...*²⁶

Завет Вениаминов (*полная редакция*): Чада моя возлюбленная, любите господа бога небесного и сохраните заповеди его, подражайте благога и преподобнаго мужа Иосифа.²⁷

Краткая редакция в этом месте дословно совпадает с полной, но в опубликованных рукописях имеет форму «сохраняйте заповеди», в то время как полная редакция и текст на иконе — «сохраните заповеди».²⁸ Столь маленькое морфологическое разночтение, на первый взгляд свидетельствующее, что основой для текста на иконе послужила полная редакция, представляется, однако, недостаточным для категорического утверждения о том, какая редакция была перед иконописцем, так как отдельные грамматические отступления от первоисточника на иконах встречаются достаточно часто и могут быть объяснены не только выбором иконописца, но и разночтениями в рукописях, содержащих «Заветы двенадцати патриархов».

Три различные надписи на иконах праотца Вениамина восходят к одному и тому же литературному источнику, причем очень небольшому по объему текста, занимаемому в печатных изданиях менее четырех страниц. География написания икон, охватывающая Москву, Соловецкие острова, Суздаль, свидетельствует о повсеместном интересе к апокрифу, а различные цитаты из небольшого по размерам текста — о том, что не трафарет одного иконописного подлинника, а непосредственная работа художников с литературным произведением стоит за этими надписями-цитатами.

Отметим, что из Соловецкого монастыря происходит не только одна из рассмотренных икон праотца Вениамина, но также изображения других праотцев того же времени и из того же иконостаса, надписи на которых восходят к краткой редакции апокрифа. В книжнице Соловецкого монастыря была рукопись Палея, содержащая текст «Заветов», также начала XVII в. и также краткой редакции.²⁹ Это подтверждает наше предположение о возможности непосредственной работы иконописцев с литературным источником.

Праотец Гад

В составляемой нами картотеке надписей на иконах изображений праотца Гада с надписью не зафиксировано.³⁰ Однако среди упоминавшихся икон праотеческого ряда Преображенского собора Соловецкого монастыря

²⁵ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 230.

²⁶ В иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

²⁷ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 226.

²⁸ Там же, стр. 142.

²⁹ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах..., стр. 158—194.

³⁰ Единственное известное нам изображение Гада надписи на свитке не имеет (Походный иконостас конца XVIII в. Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № 1678). «Подлинник праотцам, како их писать», этой иконы не отмечает (Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 8—9).

имеется весьма загадочная икона начала XVII в. с утраченной первоначальной надписью-названием, вместо которой имеется надпись «ЛОТ», сделанная характерным почерком конца XVII—начала XVIII в.³¹ Поскольку первоначальные надписи-названия утрачены на всех Соловецких иконах праотцев, при последней реставрации, осуществленной в Музее имени Андрея Рублева, были оставлены более поздние надписи, как заменяющие исчезнувшие подлинные.³²

Не вникая в иконографические подробности, выходящие за рамки настоящей работы, отметим, что тип лица праотца с раздвоенной бородой не соответствует известным изображениям Лота и его описанию в иконописных подлинниках.

Сохраняющаяся первоначальная надпись на свитке этой иконы заставляет предполагать в ней изображение праотца Гада. Этот текст звучит так: «Гад рече: „От Иудина колена“...».

Такого типа надписи, начинающиеся со ссылки на имя «автора», изображенного на иконе, и продолжающиеся текстом-цитатой, достаточно часто встречаются на иконах, особенно пророков и праотцев. Например, на свитке праотца Еноха надпись может звучать так: «Рече Енох: „Не вкусивый“...».³³ Такой прием мы видим и на иконе одного из двенадцати патриархов — Иссахара, происходящей из того же праотческого ряда, что и рассматриваемая нами икона.³⁴ «Сахар рече: „Не прильпевши ей вещи женстей, но от Святаго духа“...».

С другой стороны, мы не можем указать ни одной иконы, где бы текст свитка, призванный содержать прямую речь изображенного на ней лица, имел бы вначале ссылку на другое лицо. Кроме того, ссылка на Гада на иконе Лота было бы нелогично как анахронизм — Лот ссылался бы на высказывания своего потомка.

Такого рода надпись на иконе Лота невозможна не только хронологически, но и чисто сюжетно, так как содержание всех иконных надписей восходит к подробностям литературных источников, связанных с изображенным лицом. Например, надпись на иконах Лота, рекомендуемая иконописным подлинником, связана с библейскими сведениями об этом праотце и звучит следующим образом: «Изведе мя господь из Содому и спасе мя».³⁵

Надпись на иконе, которую мы предположительно считаем изображением праотца Гада, выражает одну из основных идей «Заветов двенадцати патриархов» — о рождении спасителя мира «от колена Иудова». Этот мотив, восходящий, как мы уже отмечали, к завету Иакова канонического текста (Бытия 49₁₀₋₁₂), настойчиво звучит в апокрифических «Заветах двенадцати патриархов», где неоднократно встречается само выражение «от Иудина колена».³⁶ Праотец Гад в своем «Завете» «рече»

³¹ Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № к. п. 750.

³² Мысль о одновременности живописи этих икон и надписей-названий на них высказана впервые А. С. Куклес: Иконы праотческого ряда иконостаса Преображенского собора Соловецкого монастыря. — Тезисы докладов к Всероссийской научной конференции, посвященной новым исследованиям в области древнерусского искусства и итогам экспедиций музеев РСФСР. Л., 1966, стр. 26. Надписи-названия сделаны вместо смытых древних скорее всего в 1697 г., когда поновленные древние иконы вошли в новый резной иконостас (История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899, стр. 183).

³³ Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № к. п. 556.

³⁴ Там же, инв. № к. п. 753.

³⁵ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 8.

³⁶ Н. Тихонов в. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 102, 104, 106, 119—120, 122—123, 129, 140—141.

о значении потомков Иуды: «Поведелите же и се чадом вашим, да почтут Иуду и Левгия, яко оттою воссияет вам господь спас Израилев».³⁷

Праотец Завулон

Надпись на иконе XVII в.: Творите милость брату своему и милосердие.³⁸

Завет Завулонов (краткая редакция): Вы же, чада моя, послушайте заповеди моя и сохраните заповеди господня, творите милость к брату своему и милосердие ко всем человекам. Сего бо деяя и благословия мя господь.³⁹

Мысли о «милости и милосердии» в устах Завуллона не случайны и объясняются одной апокрифической деталью, известной только «Заветам двенадцати патриархов» — здесь именно Завуллон спасает Иосифа от смерти, которой хотели предать его Симеон и Гад. «Сего деяя, — говорит Завуллон в апокрифе, — и благословия мя господь. Вдаях душу мою за душу его и ныне неповинен бых в проданьи брата нашего Иосифа».⁴⁰ Канонический текст не знает этого мотива, в Библии Иосифа спасают от убийства, как известно, Рувим и Иуда (Бытия 37^{21-22,26-27}).

Надпись на иконе цитирует краткую редакцию, соответствующее место полной редакции читается несколько иначе.⁴¹

Известна еще одна надпись на иконе Завуллона 1679 г., находившейся когда-то в Покровском соборе Измайловского дворца. Эта надпись была весьма неточно прочитана А. И. Успенским и опубликована им в следующем виде: «Просветит всея [?] где [?] свет...».⁴² Странная форма «всея», взятая под вопрос самим публикатором, должна быть прочитана как «вы сам», а форму, принятую за слово «где» следует читать под титулом — «господь». В своем точном прочтении надпись восстанавливается по тексту тех же «Заветов двенадцати патриархов».

Надпись на иконе 1679 г.: Просветит вы сам господь, свет...

Завет Завулонов (краткая редакция): Просветит вы сам господь, свет правды, и возвратитесь в землю свою, и узрите господа в Иерусалиме.⁴³

Неточность прочтения могла произойти из-за дальности расстояния, темного олифного покрытия или плохой сохранности иконы, но незнание литературного источника в этом случае не позволило выяснить подлинное звучание надписи и ее смысл.

Праотец Иосиф

Надпись на иконе XVII в.: Сохраните заповеди господни и чтите Июду и Левгия.⁴⁴

Завет Иосифов (краткая редакция): Вы же, убо, чада моя, сохраните заповеди господня и чтите Июду и Левгия, яко оттою вам выйдет агнец божий и благодатью спасающая вся языки и царства...⁴⁵

³⁷ Там же, стр. 132, 209. Этот текст к иконе Гада — в иконописном подлиннике (ИРЛИ, Древлекранилище, колл. Перетца, № 602, л. 103).

³⁸ В иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

³⁹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 123.

⁴⁰ Там же, стр. 122—123.

⁴¹ Там же, стр. 192.

⁴² А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 222.

⁴³ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 123. В полной редакции текст несколько иной (там же, стр. 194).

⁴⁴ В иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

⁴⁵ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 139.

Тексты обеих редакций в пределах иконной надписи совпадают.

Надпись на иконе середины XVII в.:
Видех, яко от Июды родитися хошет...⁴⁶

Завет Иосифов (*обе редакции*):
Видех, яко от Июды родися
девица..., из нея же изиде агнец не-
порочен..., и все зверие устремляхуся
нань...⁴⁷

Мастер звенигородской иконы цитирует начало апокрифического сна Иосифа о рождении Агнца, на которого набросится «зверие», и о двенадцати оленях, распространившихся по всей земле, — сна, прообразующего жертвенную смерть Христа и апостольскую проповедь. Интересно, что московские мастера, работавшие и в Новодевичьем, и в Саввино-Сторожевском монастыре, будучи современниками, выбирают тексты для надписи разные, но в самом «Завете Иосифа» расположенные рядом, — за фразой, процитированной во второй иконе, в апокрифе следует текст, выбранный для первой. Это еще одно свидетельство непосредственного и осознанного обращения художников к первоисточнику.

Есть еще одна надпись на иконе праотца Иосифа XVIII в., которая, не будучи цитатой и лишь пересказывая монолог праотца из краткой редакции «Заветов двенадцати патриархов», обращается одновременно к тексту Синаксаря Великого понедельника, относящегося к Иосифу. От «Заветов» мастер берет монологическую форму, высказываясь в выражениях Синаксаря, и лишь отчасти — апокрифа.

Надпись на иконе XVIII в.: Сотвори
мя бог господина всей земли Египет-
ской...⁴⁸

Завет Иосифов: Сотвори господь
мне... и властеле Египту... всякого
приходу створи мя.

Синаксарь Великого понедельника:
Господи всей земли Египетстей по-
ставлен бывает...⁴⁹

Иконописный подлинник рекомендует на икону праотца Иосифа совершенно другую надпись, не связанную с «Заветами».⁵⁰

Праотец Иссахар

Надпись на иконе середины XVIII в.:
Чтите же Левгия и Июду, та бо два
прос...⁵¹

Завет Иссахаров (*краткая редак-
ция*): Честите же убо, чада моя,
Левгия и Июду, та бо два про-
славистася от господа во всех сы-
новех Иаковлих, ибо господь вселится
в нею, оному дастся жречество, оному
и царство...⁵²

⁴⁶ В иконостасе собора Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода.

⁴⁷ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 139, 223. Эту цитату, с теми же сокращениями, содержит подлинник из коллекции Перетца, № 602, л. 103 (ИРЛИ, Древлехранилище).

⁴⁸ Икона находилась в Экспертном отделе Госфонда СССР. Сообщено В. В. Кирченко, которому приношу искреннюю благодарность.

⁴⁹ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 139; Триодь цветная. Синаксарь Великого понедельника. Синаксари, начиная с конца XVII в., оказали вообще значительное влияние на иконные надписи, но это влияние не было еще предметом специального изучения. В данном случае старая традиция цитирования «Заветов» сталкивается с новой тенденцией обращения к тексту Синаксаря.

⁵⁰ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 9.

⁵¹ В иконостасе собора Саввино-Сторожевского монастыря.

⁵² Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 122. Текст полной редакции иной (там же, стр. 188).

Та же надпись, только в более кратком варианте: «Чтите же Иуду...» была на иконе 1679 г. в Покровском соборе Измайловского дворца.⁵³

Праотец Иуда

*Надпись на иконе середины XVII в.: ...царь бысть: «Присетит господь милостию своею, и будет спасение Израилево во пришествии».*⁵⁴

*Завет Иудин (краткая редакция): ...господь мне поручи царство..., присетит господь милостию, и будет спасение Израилево в пришествии бога истинного, воссияет звезда от Иакова и восстанет человек от племени моего аки солнце праведное.*⁵⁵

Эта надпись — интереснейший пример редакционной работы иконописца с «Заветом». Из обширного текста, предшествующего словам «присетит господь», он выделил самое главное, что Иуда — родоначальник царского рода. Размер свитка не позволили ему выразить эту мысль прямой цитатой. Художник начинает с определения, «представления» зрителям изображенного лица — на дробницах зритель видит обычную надпись «Праотец Иуда», — «царь бысть» продолжает надпись на свитке. И лишь затем начинается цитата из монолога самого праотца. Это смелый и уникальный прием.

«Подлинник праотцам, како их писать», обращается к тому же тексту, но здесь надпись короче и представляет собой только простую цитату из монолога: «Присетит господь милостию, и будет спасение Израилево».⁵⁶ Таким образом, подлинник содержит упрощенный и сокращенный, в сравнении с нашей иконой, вариант надписи.

Суздальский иконописец и составитель подлинника пользовались краткой редакцией, соответствующее место полной читается по-иному.⁵⁷

Нахождение этой надписи и обнаружение ее литературного источника указывает на погрешности в прочтении идентичного текста на иконе из собора Новодевичьего монастыря А. И. Успенским.⁵⁸

Праотец Левий

*Надпись на иконе XVII в.: Стяжите мудрость со страсе божии, аще...»*⁵⁹

*Завет Левгин (обе редакции): Вы же, чада моя, мудрость стяжите в страсе божии со тщанием, аще будет пленение градом, то опустеет злато и серебро и все стяжание погибнет, мудраго же мудрости никто не может отъяти, но токмо омрачение греховное...»*⁶⁰

Похвалу «мудрости в страсе божии» на иконе Левия иконописец, цитируя «Завет» этого праотца, приводит не случайно. «Колено» Левия по-

⁵³ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 222.

⁵⁴ Из иконостаса Преображенского собора Спасо-Евфимьево монастыря. Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № к. п. 689.

⁵⁵ Н. Тихомиров. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 120.

⁵⁶ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Вольшакова, стр. 9.

⁵⁷ Н. Тихомиров. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 184.

⁵⁸ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 275.

⁵⁹ В иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

⁶⁰ Н. Тихомиров. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 114.

Цитируется по тексту краткой редакции, полная имеет некоторые разночтения за пределами текста надписи (там же, стр. 173).

лучило особенные права на священнослужение, его потомки — левиты «служили при скинии и храме, были из них иные певцами и музыкантами, иные книжечами и судиями».⁶¹

«Подлинник иконописный», зафиксировавший праотеческий ряд, куда икона Левия не включалась, содержит цитату из того же места «Завета Левгина», но на свитке другого праотца — Фареса, племянника Левия и сына Иуды (Бытия 46₁₂), причем несколько сокращенную и видоизмененную по отношению к оригиналу.

Надпись на иконе праотца Фареса (по иконописному подлиннику): Стяжите мудрость в страхе божии, аще кто прилепится мудрости, той будет сопредостольник царев...⁶²

Завет Левгин (обе редакции): Вы же, чада моя, мудрость стяжите в страхе божии..., аще ли кто прилепится учению и мудрости, ть состольник будет царев...⁶³

Такая передача мыслей предка его потомком следующему поколению, завет, в прямом смысле этого слова хранимый поколениями, нам уже встречался, когда мы рассматривали надпись на иконе праотца Вениамина, цитировавшего апокрифический вариант завета Иакова.

Ссылки на предков на иконах праотцев, возможно, не случайны — иконописцы подчеркивают преемственный характер заветов «Израиля». Этот прием связывает изображенных в праотеческом ряду иконостаса праотцев разных поколений в единую «первоначальную ветхозаветную церковь от Адама до Закона Моисеева», что и составляет смысл праотеческого ряда иконостаса.⁶⁴

Праотец Нефталим

Надпись на иконе 1679 г.: ...приидет милосердие господне...⁶⁵

Надпись на иконописном подлиннике и (до скобок) на иконе XVII в.: ...разумейте и чудотворение господа, сотворшаг[о] и небеса, и землю, и море, и всяческая...⁶⁶

Завет Нефталимль (обе редакции): Придет милосердие господне, человек, творий правду, от колена Иудова, творий милость и всем дальним и ближним.⁶⁷

Завет Нефталимль (краткая редакция): Чада моя, разумейте утверждение земли и моря на всяком чудотворении господа, створившаго всяцьякая...⁶⁸

Надписи в подлиннике и на иконе достаточно свободно, хотя и в близких выражениях, интерпретируют текст «Завета Нефталимля», однако происхождение их от этого апокрифа не вызывает сомнения.

Форма «разумевше» в полной редакции при «разумейте» в краткой не дает возможности установить точно редакцию — основу надписи, но формальное преимущество «на стороне» краткой редакции.⁶⁹

⁶¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь, т. II. СПб. [б. г.], стр. 1515.

⁶² Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 9.

⁶³ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 123.

⁶⁴ Л. А. Успенский. Вопрос иконостаса, стр. 240.

⁶⁵ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 222. Вариантом этой надписи, очевидно, следует считать текст на иконе Нефталима из Соловецкого монастыря: «Приидет благо...» (Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № 83).

⁶⁶ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 9; в иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

⁶⁷ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 129, 202.

⁶⁸ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 129.

⁶⁹ Там же, а также стр. 201, 202.

Праотец Рувим

Надпись на иконе середины XVII в.:
От Иуды избра господь царствовати
все...⁷⁰

Завет Рувимов (обе редакции): От
Иуды же избра господь цар-
ствовати всем людем и поклонит-
ся племени его, яко за вы умрет
в ратех видимых и невидимых...⁷¹

Другая икона праотца Рувима содержит надпись, не являющуюся, по-
добно рассмотренной выше, цитатой из «Завета Рувимова», но связанную
с ним содержанием и совпадающую в отдельных выражениях с текстом
«Заветов двенадцати патриархов». Это икона из иконостаса Смоленского
собора Новодевичьего монастыря. Текст ее представляет собой как бы
комбинацию из двух фраз, первая из которых читается в «Завете» са-
мого Рувима, а вторая — в «Завете Иудином».

Надпись на иконе XVII в.: ... бе-
гайте блуда и сребролюбия и пия...⁷²

«Заветы» Рувима и Иуды: ... бе-
гайте убо блужения, чада моя...
Хранитесь, чада моя, от всякого
блужения и сребролюбия...⁷³

Предостережение Рувима своим детям, чтобы они «бегали блуда», по-
нятно у этого праотца, лишившегося первородства из-за падения с Валою
(Бытия 35₂₂, 49₃₋₄).

Последнее слово надписи несомненно — «пиянство». Этот мотив в сло-
вах Рувима понятен только из текста его апокрифического «Завета»,
в котором упомянутое в Библии его падение с Валою объясняется пьян-
ством Вала: «Вала бяше упила» и «спаша не покрывшись, в хлевине
своей». Там же Рувим, обращаясь к сыновьям, говорит о пьянстве как об
одном из «прелестных духов», с которым «сходит любопохотный грех».⁷⁴
Содержание надписи на иконе, сама форма монолога, смысловые и фра-
зеологические совпадения с текстом «Заветов» ясно говорят о ее литера-
турной основе.

Праотец Симеон

Надпись на иконе 1679 г.: Восста-
вит...⁷⁵

Завет Симеонов (обе редакции):
Восставит бо бог от Левгия акы
старейшину жречьска, от Иуды акы
царя и человека, ть спасает вся
языки...⁷⁶

На иконе Симеона имеется и другая надпись, читаемая в иконописном
подлиннике и в сокращенном виде на произведении XVII в.: «Мудрость
в теле и разум в души дается человеку от вышняго промысла...».⁷⁷ Наи-
более близка к этой надписи фраза из «Завета Симеонова»: «Мужество
от вышняго дается человеку в душах и телесах».⁷⁸ Но

⁷⁰ В иконостасе собора Саввино-Сторожевского монастыря.

⁷¹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 98.
В границах надписи тексты обеих редакций идентичны; ср.: там же, стр. 151.

⁷² В иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

⁷³ Там же, стр. 150, 115.

⁷⁴ Там же, стр. 147—148.

⁷⁵ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 222.

⁷⁶ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 102.

⁷⁷ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 9; А. И. Успен-
ский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 275.

⁷⁸ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I.
стр. 100, 152.

надпись, несмотря на существенное сходство с вышеприведенной фразой из «Завета», — не прямая из него цитата, а краткий афоризм, суммирующий часто высказываемые в этом «Завете» мысли о зависимости друг от друга духовного и телесного состояний: например, здесь Симеон говорит о том, что зависть «мучит душу... и ужась телу творит», она же «душу дряхлу творит и немощно тело», «мятеж души подаст и трепетание телу».⁷⁹ Соответственно, телесная чистота связывается с высоким состоянием души: «Озлобих душу свою постом и разумех в себе, яко разорение зависти со страхом Божиим бывает».⁸⁰

Перед нами уже отмечавшийся неоднократно случай связи надписи на иконе с литературным первоисточником.

Итак, в надписях на иконах «Иуды и братии его» обнаружены цитаты из всех «Заветов двенадцати патриархов», кроме «Завета» праотца Дана. Это совершенно естественно, поскольку иконные изображения этого праотца крайне редки.⁸¹ Икон Дана не упоминают и опубликованные иконописные подлинники. Загадочно-непривлекательные черты, которые предсказывает в библейском тексте «колену Данову» Иаков (Бытия 49₁₆₋₁₈), а также неупоминание его в Апокалипсисе среди «запечатленных» в каждом «колоне Израилеве» (Апокалипсис, 7) послужили основанием считать, что из рода Данова произойдет антихрист. Эта мысль известна и святоотеческой литературе. Блаженный Феодорит, комментируя соответствующее место библейского завета Иакова, пишет: «Дух божий, предрекший чрез патриарха (Иакова, — В. С.) о спасителе нашем, в сем предречении говорит и об антихристе».⁸² Этим объясняется редкость икон Дана в проточеских рядах иконостаса. Однако иконописный подлинник XIX в. из коллекции В. Н. Перетца, содержащий очень подробную статью об иконах праотцев, упоминает надпись к изображению Дана, которая с искажениями цитирует все ту же краткую редакцию «Заветов».

Подлинник XIX в.: Господь любит (sic!) тогда посреде человека (sic!) ходя святыи Израилев, иже во смиреннии и нищете...⁸³

Завет Данов (краткая редакция): Господь бо будет тогда посреди его с человеки ходяи, святыи Израиль, есть в смиреннии и нищете...⁸⁴

Искажения надписи в подлиннике доказывают давнюю традицию ее употребления на иконах — нужно было время, чтобы эти искажения, обесмысливающие текст, возникли.

При цитировании иконописцами «Заветов двенадцати патриархов» на иконах одного и того же праотца встречается до трех различных вариантов цитат из соответствующего «Завета». Имеются также надписи, не являющиеся прямой цитатой, но передающие содержание, известное только нашему апокрифу, чаще всего — в весьма сходных с первоисточником выражениях. Однако надписи первого типа существенно преобладают. Большинство известных нам надписей на иконах сыновей Иакова восходит к «Заветам двенадцати патриархов». Из зафиксированных к моменту

⁷⁹ Там же, стр. 100, 154.

⁸⁰ Там же, стр. 100.

⁸¹ Помимо упомянутого уже изображения Дана 1679 г., входившего в иконостас Покровского собора Измайловского дворца без надписи на свитке, в литературе отмечена еще одна икона этого праотца 1673 г. (Ю. А. Олсуфьев. Описание икон Троице-Сергиевой лавры. Сергиев Посад, 1920, стр. 33).

⁸² Толковая Библия... т. 5. М., 1908, стр. 226—267.

⁸³ ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 602, л. 102.

⁸⁴ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 126. В полной редакции отсутствует слово «тогда» (стр. 198).

написания настоящей работы надписей около тридцати связано с этим апокрифом и около десяти восходит к другим литературным памятникам.

Этот небольшой по объему материал, естественно, составляет очень малую долю тех текстов, которые будут открыты в процессе дальнейшего собирания «изображенного слова» на иконах.

Но уже сейчас определенно можно говорить о достаточно частых случаях обращения иконописцев непосредственно к литературному первоисточнику, поскольку, во-первых, на многих иконах встречаются цитаты из «Заветов», не зафиксированные иконописным подлинником, во-вторых, иконы несут на себе цитаты иногда более пространные, чем соответствующие тексты подлинника, и, в-третьих, на иконах читаются надписи, обобщающие, основные мысли того или иного «Завета», но отсутствующие в подлиннике.

В случае, если подробное изучение богатой и мало исследованной литературы толковых подлинников подтвердит наше предположение о возникновении «Подлинника праотцам, како их писати», после 1666 г., то станет ясным, что эта статья составила на основе уже имевшихся на иконах надписей. В пользу этого говорит и тот факт, что текст о праотцах в греческом подлиннике М. Дидро совершенно иной.⁸⁵ Обнаруженные на иконах и в русской статье подлинника прямые и точные цитаты из «Заветов двенадцати патриархов» — еще одно свидетельство творчества русских иконописцев, обращавшихся непосредственно к тексту «Заветов», а после — к основанной на них и устоявшейся русской традиции надписей, а не переводу соответствующей статьи греческого подлинника.

Ф. И. Буслаев писал в свое время, что «самым достойным литературным плодом начитанности иконописцев были наши иконописные подлинники, которыми по всей справедливости может гордиться русская старина».⁸⁶ Рассмотренный нами материал дает право сказать, что знание литературы у иконописцев было более значительным и обращение к литературным источникам более частым и непосредственным, чем об этом свидетельствуют подлинники.

Создатели праотческих икон обращались к краткой редакции «Заветов». Даже весьма краткие надписи дают возможность сделать этот вывод, так как при встречающихся случаях совпадения текстов обеих редакций в границах надписи-цитаты достаточно часто цитируется именно краткая редакция и практически ни разу не встретился текст, который бы определенно восходил к полной, или первоначальной (по В. М. Истрину), редакции.

Следовательно, иконописцы пользовались текстом «Заветов двенадцати патриархов» в составе Толковой палеи.

Это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания того, как апокрифические тексты могли попасть на иконы. Иконописец цитировал, таким образом, не текст отреченного произведения, входившего в индекс, а историческое сочинение, не имеющее авторитета Священного писания, но и не находившееся ни под каким запрещением.⁸⁷ Путь, которым проникли тексты из апокрифических «Заветов» на иконы, аналогичен пути вхождения в иконопись, проповедническую и богослужебную литературу многих апокрифических мотивов и текстов, — «писание отреченное с из-

⁸⁵ И. П. Сахаров. Исследования о русском иконописании, ч. I, стр. 15.

⁸⁶ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 57.

⁸⁷ М. Сперанский. Книги отреченные. — Богословская Энциклопедия, т. XI. СПб., 1910, стлб. 412—413.

менным заглавием, по частям или целиком внесенное в иное сочинение, продолжало свое распространение».⁸⁸

Установление факта использования древнерусскими иконописцами «Заветов» в составе Толковой палеи ставит проблему влияния Палеи во всем ее объеме на иконописание.

Открытие литературного источника надписей-цитат на иконах двенадцати патриархов имеет весьма определенное практическое значение для искусствоведения. Прежде всего — только широкий литературный контекст позволяет понять замысел художника, создававшего ту или иную икону, включая сюда и психологические особенности самого образа.

Знание литературного источника надписи на свитке может помочь точной атрибуции вещи в случае утраты или позднейшей замены надписи — названия иконы. Оно позволяет восстановить подлинное звучание надписи, если произошла частичная ее утрата, что немаловажно при реставрации произведения и его музейном описании.

Это знание открывает еще одну черту в том взаимопроникновении, которым были живы литература и изобразительное искусство Древней Руси, в постоянной «внутренней связи интересов художественных и литературных».⁸⁹

Наконец, за надписями на иконах стоит живая работа художника, — все равно, писал ли он иконостасные иконы, работал над составлением подлинника или занимался тем и другим, — его литературные интересы, желание сделать для себя по возможности конкретным мир, отделенный от него не веками даже, а тысячелетиями.

Старинные русские иконописцы выводили своей кистью слова, которые пронесла почти через два тысячелетия культура многих народов, — от кожаных свитков пещер Кумрана до икон московских и суздальских монастырей и рукописной книги, переписанной на Соловецких островах.

⁸⁸ Там же, стр. 426.

⁸⁹ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, стр. 346.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Мальшева)

От редактора отдела

В текущем году исполняется 25 лет со времени основания Древлехранилища Пушкинского Дома. Оно было организовано в 1949 г., при поддержке ныне покойных В. П. Адриановой-Перетц и Л. М. Добровольского. Благодаря помощи Сектора древнерусской литературы и Рукописного отдела Пушкинского Дома, а также Ленинградского университета оно в короткий срок выросло из небольшого первоначально собрания рукописей в крупное хранилище памятников старинной русской письменности. Сейчас Древлехранилище широко известно в нашей стране и за рубежом. Наглядным свидетельством значения Древлехранилища, его авторитета и популярности среди ученых является большая литература о нем, появившаяся на основе использования его богатейших материалов.

Свою первую юбилейную дату Древлехранилище встречает, имея более 7000 рукописных книг XII—XX вв. Они образуют 14 территориальных собраний, 23 личные коллекции и обширный раздел «Отдельные поступления». В фондах Древлехранилища, кроме большого числа рукописей с произведениями древнерусской литературы и сочинениями исторического содержания, имеются богатейшие материалы по естественнонаучным знаниям, просвещению, народной медицине, ораторскому и певческому искусству, народному творчеству, военному делу, народным религиозным движениям, палеографии и по многим другим областям знаний, дисциплинам и вопросам русской культуры прошлого. Ценнейшие сведения накоплены о населении русского Севера, его культуре, быте, хозяйственной деятельности, поскольку большинство рукописей севернорусского происхождения.

Среди рукописных книг Древлехранилища около 400 датированных (XV—XX вв.), несколько сотен лицевых и орнаментированных (XIV—XX вв.), 12 пергаменных рукописей XII—XIV вв., около 50 рукописных книг XV в. и более 250 певческих (нотно-крюковых) рукописей XV—XX вв. В числе старопечатных книг есть дофедоровские издания, книги, напечатанные Иваном Федоровым и его учениками, образцы украинского и белорусского книгопечатания, редкие старообрядческие издания, в том числе подпольных типографий XVIII—XIX вв.

Древлехранилище Пушкинского Дома достигло сейчас такого положения, когда интересы науки неотложно требуют, чтобы оно возможно скорее и полнее раскрыло содержание своих фондов. Из его собраний пока только Усть-Цилемское, Причудское и Красноборское имеют научные описания, да и то издано из них лишь одно. Подготовка и публикация научных описаний — одна из главных теперь задач Древлехранилища. Вторая, не менее важная задача, — пополнение Древлехранилища новыми материалами. Без этого наука не может двигаться вперед. Возможности для пополнения имеются, требуется только личная инициатива сотрудников.

Будем надеяться, что с помощью Сектора древнерусской литературы и многочисленных друзей Древлехранилище выполнит эти задачи.

Отдел «По рукописным собраниям» настоящего тома полностью посвящен Древлехранилищу Пушкинского Дома и состоит из двух разделов: тематические обзорные статьи и отчеты об экспедициях 1972 г.

О. В. ТВОРОГОВ

Хронографы из собрания Пушкинского Дома

Собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома еще сравнительно молодое, но оно насчитывает уже около 7000 рукописей и является одним из крупнейших в стране хранилищ русской письменной старины. Раскрытие его фондов имеет поэтому большое значение для исследователей древнерусской литературы и историков культуры русского средневековья.¹ Моя заметка содержит краткий обзор хронографов, находящихся в собрании Пушкинского Дома.

И. Хронограф редакции 1512 г.

Рукопись колл. Перетца, № 42, второй половины XVI в. Содержит полный текст Сокращенного вида Хронографа редакции 1512 г.²

II. Хронограф Западнорусской редакции

Рукопись колл. Перетца, № 16, второй половины XVI в. Содержит тийская» — с основной редакцией 1617 г.⁹ Однако на практике мы об-236 вставки:³ 1) «Начало и корень господарей росииских вкратцѣ» — перечень русских князей от Рюрика до Василия III (заканчивается словами: «Василия Ивановича сынове: Иоан царь и великий князь Юрии»); 2) «О благочестивых господарех великия Росия самодержьдех, откуда корень их изыиде и от лѣтописца, яже в лѣта державных содеяшеса», — краткий летописец, начинающийся сведениями по всемирной истории (от разделения земли между сыновьями Ноя), затем следует история Руси от легендарного потомка Августа — Пруса и кончая событиями 7067 (1599) г. После текста Хронографа на лл. 295—309 об. — «Сказание

¹ См. составленный В. И. Малышевым путеводитель: Древнерусские летописи Пушкинского Дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, — а также его обзоры, опубликованные в журнале «Русская литература» (1966, № 2; 1967, № 1; 1968, № 2; 1969, № 2; 1970, № 1; 1971, № 1; 1972, № 2).

² Описание Сокращенного вида Хронографа редакции 1512 г. см.: С. П. Розанов. Хронограф редакции 1512 г. К вопросу об издании хронографа. — ЛЗАК, вып. 18, СПб., 1907, стр. 4—7.

³ Вставка помещена непосредственно за статьей «Сказание вкратце о латынех» которой заканчивается первая часть хронографа, в значительной мере совпадающая с текстом Хронографа 1512 г.; после вставки следует вторая часть Хронографа — сплошное извлечение из Хроники Бельского, — в котором повествуется об истории западноевропейских и западнославянских стран.

о Мамаевом побоище» (Основная редакция).⁴ На добавленных в XVIII в. листах (1—8-м и 310—321-м) украинские вирши⁵ и другие статьи.

III. Хронограф редакции 1617 г.

Рукопись колл. Перетца, № 202, начала XVIII в. Текст восходит к древнейшему виду (виду А) Хронографа 1617 г.,⁶ однако с изменениями в заголовках и отличиями стилистического характера. Текст Хронографа обрывается на словах «от конец тогда руския земли и до конец ея» статьи «Царство государя царя и ве[ли]кого князя Михаила Феодоровича всеа России» (последней статьи Хронографа). За текстом Хронографа следуют статьи: «Послание из царствующего града Москвы х Костромѣ к государю Михаилу Федоровичю с молением»⁷ и «Описание преславныя и превеликия церкви именованныя святаыя Софїя...».

Хронографы редакции 1620 г.

Прежде чем перейти к обзору Хронографов этой редакции, необходимо сделать одно замечание. А. Н. Попов, впервые описавший редакцию 1620 г.,⁸ предложил разделить ее на три разряда. Наиболее существенные отличия между списками этих разрядов приходятся на заключительные главы Хронографа, повествующие о Смутном времени. Что же касается предшествующей части Хронографов, то она, как думал А. Н. Попов, имела лишь следующие различия: в списках первого разряда текст совпадает с текстом редакции 1617 г.; в списках второго разряда текст соответствует Распространенной редакции Хронографа 1617 г.; в списках третьего разряда «вся ветхозаветная часть» совпадает с Распространенной редакцией 1617 г., а «новозаветная история, югославянская и византийская» — с основной редакцией 1617 г.»⁹ Однако на практике мы обнаруживаем существеннейшие различия среди списков, относимых А. Н. Поповым к одному разряду.¹⁰ Создание новой классификации редакции 1620 г. — дело будущего. Поэтому приводимые далее сведения не претендуют на полноту: я указываю разряд по А. Н. Попову и отмечаю только наиболее существенные особенности в части, повествующей о ветхозаветной, новозаветной, римской и византийской истории.

1. Рукопись колл. Перетца, № 118, последней четверти XVII в. содержит полный текст Хронографа 1620 г. (по А. Н. Попову — первого разряда).

2. Рукопись колл. Перетца, № 158, последней четверти XVII — начала XVIII в. Сборник: на лл. 7—432 — текст Хронографа редакции 1620 г.

⁴ См.: Л. А. Дмитриев. Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 482.

⁵ Изданы В. Н. Перетцем: В. Н. Перетц. Ще одна вірша про гетьмана Мазепу. — Зап. Історично-філологічного відділу ВУАН, кн. XIII—XIV, Київ, 1927, стр. 161—166.

⁶ См.: О. В. Творогов. О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, т. XXV, Л., 1970, стр. 162—177.

⁷ Это статья, входящая в состав Хронографа 1620 г.

⁸ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 147—229. Текст русских статей по спискам первого и второго разряда Хронографа 1620 г. издан А. Н. Поповым в кн.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 213—283.

⁹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, стр. 202—203.

¹⁰ См., например, описание хронографов: БАН, Архангельское собр., М.16; БАН, 34.6.59 и БАН, собр. Успенского, № 191 (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 1. Изд. 2-е. Составили: В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. М.—Л., 1959, стр. 220—234 и 238—244).

(по А. Н. Попову — второго разряда). Текст Хронографа обрывается на словах: «Тогда же на Москве от неких мужь злохитрия козни на ничто же повиннаго Феодора Никитича великаго Московскаго» статьи «Царство Борисово, иже от синклитскаго сану рекомаго Годунова». Текст Хронографа вплоть до последней главы полностью совпадает с текстом Хронографа 1617 г.

3. Рукопись Причудского собр., № 76, XVII в. (лл. 1—13 и 380—421 реставрированы в XX в.). Содержит текст Хронографа 1620 г. (по А. Н. Попову — третьего разряда). В тексте обнаруживается ряд дополнительных статей, свойственных именно этой группе текстов: в гл. I добавлена статья «О отпадении ангельстѣм и в бѣсы претворившихся»,¹¹ в гл. 7 добавлены фрагмент: «Сиѣу же от бога дасться велик разум... лукави и зли» — и статья «О проявлении всемирнаго потопа»; в гл. 14 добавлена статья «Толк о святеи Троице»; в гл. 20 — статья «Пишет же в ыной истории о Горгоinei девицы сице речет»; в гл. 21 добавлено несколько статей после статьи «О десяти словесех, писанных на скрижалех»; в гл. 23 — статьи «О Левите и жене его» и «От книги, глаголемыя Руфи»; в гл. 29 добавлена статья «Ин суд Соломона царя»; в гл. 43 — родословие Олимпиады — матери Александра Македонского; в гл. 51 и 53 значительно подробней рассказы о Богородице и Иисусе Христе; в гл. 79 добавлена статья «О отвержении звездочетия и о преименовании дней всея недели», и т. д.¹²

4. Рукопись из отдельных поступлений, оп. 23, № 68, XVII в. Содержит текст Хронографа редакции 1620 г. третьего разряда. Текст начинается со слов: «[Со]лжет, и тово казнят смертию», статьи «О суде царей египетских и о народном обычае» (гл. 14). В тексте Хронографа те же дополнительные статьи, что и в описанном выше Хронографе Причудского собрания. Конца рукописи недостает: последняя сохранившаяся статья «Повесть сия есть велми дивна и зело полезна нынешнему роду лукавому...»; на следующих дефектных листах — фрагменты текста той же главы.

5. Рукопись из отдельных поступлений, оп. 23, № 200, XVII в. Содержит текст Хронографа особого состава, основанного на Хронографе 1620 г. Рукопись, как следует из владельческих записей, принадлежала в 1659 г. «Димитриевскому попу Ивану» (запись на лл. 82 об., 210 об., 267 об., 320 об., 353 об., 407 об., 448 об., 475 об., 505 об.), а в 1672 г. — И. Ф. Лызлову, отцу знаменитого историка Андрея Ивановича Лызлова («Сия книга хронограф думного дворянина Ивана Федоровича Лызлова. Собрана 7180 году», — запись на л. 73 об.).

Текст Хронографа с вводными статьями, а также со статьями «Избрание от книги Иова праведного» (гл. 18), «Избрание от книги, глаголемыя Иудиѣ» (гл. 39), «О пришествии в Афины» (гл. 43), «О отвержении звездочетия» (гл. 79), «О Люторе Маргыне» (гл. 115); в гл. 121 и 130 значительно подробней изложение русской истории. Все эти признаки свойственны второму разряду редакции 1620 г. Но в описываемом Хронографе есть и свои индивидуальные особенности. Так, в гл. 74 и 75 — обширные добавления о мучениках, пострадавших при Диоклетиане и Максимиане Галере (источник добавлений, видимо, — Еллинский летописец второй редакции); после статьи «О вере армен и прочих» (гл. 161) помещена статья «О походе государя царя и великаго князя Ивана Ва-

¹¹ Для удобства сопоставлений здесь и далее указана единая нумерация глав, соответствующая нумерации Хронографа 1617 г.

¹² На реставрированных лл. 380—421 текст 158—169-й глав Редакции 1617 г.

сильевича всеа Росии, како ходил в Великий Новград, еже опришнина имянуется»; с л. 854 об. и до конца рукописи (до л. 114 об.) следует текст Нового летописца, перемежающийся основным текстом Хронографа. Существенно отметить, что текст Нового летописца значительно отличается по составу от изданного;¹³ оценить значение этих особенностей смогут исследователи Нового летописца.

6. Рукопись coll. Богословского, № 3, последней четверти XVII в. Содержит фрагмент Хронографа 1620 г. (по А. Н. Попову — первого ряда). Как можно судить по сохранившейся старой пагинации, рукопись содержала только вторую часть Хронографа, приблизительно с гл. 101. Теперь первые 42 листа утрачены и текст начинается со слов «помаза и огнем попали» статьи «Царство 34 Константина Гноеименитаго, сына Львова» (гл. 113) и обрывается в начале статьи «Плачеве и рыдания златекущего кола в житии» (гл. 166).

В заключение упомяну рукопись той же коллекции № 1, последней четверти XVII в. Рукопись сборная, состоит из трех частей. Первая часть содержит особое сокращение Хронографа 1617 г. — выборку статей, повествующих об античной истории и мифологии или содержащих географические сведения. Выборки сделаны из глав (перечислены в порядке рукописи): 9—13, 20, 14, 50, 22, 23 (статья «О грамоте латынской»), 24, 31 (вторая половина главы, а затем ее первая статья). Далее следует текст гл. 51—72, причем текст гл. 51—53 передан в сокращении и с перестановками.

Вторая часть рукописи содержит текст «Повести о белом клобуке» (определение текста сделано Ю. К. Бегуновым) и фрагмент рассказа о крещении Владимира; третья часть содержит фрагмент из Палеи.

Итак, в хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома насчитывается 10 хронографов; причем два из них — Хронограф Западно-русской редакции и Хронограф особого состава с Новым летописцем представляют значительный интерес и станут, надеюсь, предметом специальных исследований.

¹³ Новый летописец. — ПСРЛ, т. XIV, 1-я пол., СПб., 1910. Извлечение соответствует тексту на стр. 33—149.

О. А. БЕЛОБРОВА

Северодвинские лицевые рукописные сборники XVIII—XIX вв.

Поздние лицевые рукописи чрезвычайно редко привлекают внимание филологов и искусствоведов. Отчасти это связано с отсутствием иллюстрированных каталогов, отчасти — с пренебрежением к рукописной традиции, выходящей за рамки средневековья.

Между тем лицевые сборники XVIII—XIX вв. представляют большой интерес, так как они в значительной степени сохраняют традиционные средневековые принципы и в подборе статей определенной тематики, и в их переписке, и в их украшении. В то же время они отмечены и чертами нового времени.

Среди лицевых сборников XVIII и XIX вв. (их насчитывается в Древлехранилище более 30) выделяется небольшая группа, объединяемая как по содержанию, так и по сходству миниатюр, выдающему общее происхождение рукописей.

Содержание сборников этой группы относится к эсхатологической и духовно-нравственной тематике. В каждом сборнике встречается устойчивое сочетание двух статей, одна вслед за другой — а за ними целая серия миниатюр (более 40), иллюстрирующих оба произведения сразу: 1) «Слово преподобного отца нашего Ефрема о покаянии», представляющее собой главу 49-ю из Паренесиса Ефрема Сирина, и 2) евангельская притча о приглашении на пир (Лука, зачало 76). Патристический текст, посвященный теме покаяния грешников, дополняется здесь близким к нему евангельским. В ряде случаев встречаем в обоих памятниках не только смысловую, но и непосредственно текстуальную близость. Например, при упоминании человека, явившегося на брачный пир не в праздничной одежде, читаем:

Слово Ефрема Сирина

Евангелие от Луки

И услышиши пред всеми страшный
он глас: «Друже, како вышел еси семо,
не имея одежды брачныя?».

И глагола ему: «Друже, како видя
семо, не имый одеяния брачна?».

Сочетание в одном сборнике главы из Паренесиса Ефрема Сирина с евангельским текстом, возможно, не так уж и редко. Например, в рукописи ГПБ, Q. XVII. 215 середины XVIII в. к 49-й главе Ефрема Сирина примыкает другой евангельский отрывок (Лука, зачало 45).¹

¹ Л. 174—174 об. Эта статья сборника не была отмечена в издании: И. А. Бычков. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке. СПб., 1897, стр. 323—332.

Хотя лицевые списки Паренесиса Ефрема Сирина нам неизвестны, отдельные его главы, включавшиеся в сборники, сопровождалась иногда миниатюрами. Примером может служить глава 104-я — «О прекрасном Иосифе слово» из той же рукописи ГПБ.²

Известны также и сборники с иллюстрациями к притчам из Евангелия от Луки. Особенно примечателен в этом отношении сборник ГИМ, собр. Вахрамеева, № 232, XVIII в.³

Но соединение в одном лицевом сборнике Слова Ефрема Сирина о покаянии (именно главы 49-й Паренесиса, а не других глав на ту же тему) и 76-го зачала Евангелия от Луки встречается в рукописях XVIII и XIX вв. несколько раз; а миниатюры, которые иллюстрируют оба произведения сразу, подчеркивают внутреннюю связь обоих текстов.

В настоящее время нам известно шесть лицевых сборников, включающих две названные статьи и цикл миниатюр. В двух случаях оба текста с примыкающими к ним миниатюрами (более 40) в основном исчерпывают содержание сборников в 8-ку; таковы рукописи: ИРЛИ, Дрeвлехранилище, колл. Перетца, № 548 (далее *П*)⁴ и ГПБ, собр. Буслаева, О. 1. 428 (далее *Б*);⁵ в последнем после миниатюр читается также глава об авве Иерониме. Еще два сборника, в 4-ку, находим в Дрeвлехранилище Пушкинского Дома: один, сохранившийся лишь в отдельных листках, — из Карельского собр., № 140 (далее *К*),⁶ и второй, поступивший в ИРЛИ в 1971 г., — Северодвинское собр., № 152 (далее *С*).⁷ Подобные сборники — в ГПБ, О. I. 390, ГБЛ, собр. Фадеева, № 41 (*А*, *Ф*).⁸ Состав трех последних сборников не ограничивается Словом Ефрема Сирина и евангельской притчей, с миниатюрами, их сопровождающими. Подбор статей в этих богато иллюстрированных сборниках подчинен все той же эсхатологической тематике.

Поскольку сборник *К* дошел до нас в отрывках, его состав в настоящее время не поддается полной реконструкции. Ясно лишь, что он был достаточно разнообразным, так как сохранился и листок с началом

² Лл. 175—185 об.; 186 об.—212 об., с 19 миниатюрами.

³ А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. I. М., 1888, стр. 166—167. В Дрeвлехранилище Пушкинского Дома недавно поступил сборник (колл. Амосова—Богдановой, № 41, кон. XVIII в.) с миниатюрой к евангельскому тексту (Лука, зачало 12).

⁴ Миниатюры впервые упоминаются в печати в кн.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. (Обзор фондов). Составил В. И. Малышев. М.—Л., 1965, стр. 176.

⁵ Описание и воспроизведение ряда миниатюр в виде прорисей (хотя и без определения их принадлежности к Слову Ефрема Сирина и к евангельской притче) находим в кн.: Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 630—631, рис. 6—8; см. также: И. А. Бычков. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева..., стр. 204—202.

⁶ Миниатюры охарактеризованы в кн.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома, стр. 175.

⁷ Его упоминание в печати см. в работах: Н. С. Демкова, Л. И. Сазонова. Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму. — ТОДРЛ, т. XXVIII, Л., 1973, стр. 405—406; О. А. Белоброва. Лицевые рукописи (краткий обзор). — Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, стр. 318, прим. 29а.

⁸ Описание состава сборника *Ф* и воспроизведение одной его миниатюры в кн.: О. А. Державина. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965, стр. 117, 120, 121.

В этом сборнике перепутаны листы при переплете и, в частности, не на своем месте находятся лл. 50—54 об., разъединившие Слово Ефрема Сирина (лл. 30—49) и текст Евангелия от Луки (лл. 55—56 об.) с серией миниатюр (лл. 557—112). Оттиск на л. 49 об. киноварного инициала с л. 55 неопровержимо свидетельствует, что после Слова Ефрема Сирина первоначально следовали евангельская притча и миниатюры, как и в других сборниках. Об *А* см.: И. А. Бычков. Каталог... рукописей П. Д. Богданова, вып. 2. СПб., 1893, стр. 286—287.

текста Слова о покаянии Ефрема Сирина, и семь (из более чем 40) миниатюр с текстами на обороте, и многофигурная сцена брани, и изображение «высока исполина черна», упоминаемого в Поучении св. Антония (обе последние миниатюры с соответствующими текстами находим и в сборнике С).

Миниатюры в сборниках *П*, *Б*, *К*, *С* и *Ф* расположены каждая на свободном от текста листе; оборот предыдущего листа содержит краткую выдержку из евангельской притчи (в *Ф* выдержки более пространные) или наименование сюжета («сия мука празднословцам» и т. п.), представленного рядом, т. е. на следующем листе.⁹ Таким образом, читатель, ознакомившись с текстом Слова Ефрема Сирина и евангельской притчи, приступал к рассматриванию целой серии миниатюр, — более четырех десятков, — каждая из которых имеет пояснение на развороте листа. Часть миниатюр (до 15) иллюстрирует притчу (представлены приглашенные на пир: купивший село, купивший волов, новожен и др., а затем их наказание за отказ от приглашения, когда каждый из них оказывается «влекоми на широкий путь и пространный», куда их тащат бесы — темноликие «мурины»). Остальные миниатюры (до 30) изображают мучения грешников, горящих в пламени, — клеветников, тщеславных, лихоимцев, сластолюбцев, лицемеров, гордых, славолюбцев, пьяниц, прелюбодеев и т. п.

Сопоставление миниатюр в указанных сборниках позволяет обнаружить не только их смысловую, но и чисто стилистическую близость. Например, сцена приглашения на пир «купившего село», представленная в *П* (л. 22), *Б* (л. 24), *К* (л. 6), *С* (л. 38) и *Ф* (л. 59), показывает, что в основе всех пяти миниатюр лежит общая прорись; только изображения в *П* и *Б* (табл. I, а, б) по отношению, например, к *К* и *С* (табл. I, в, г) даны в зеркальном отражении и в ином масштабе; цветовая гамма всех миниатюр сходная. Но миниатюры в *П*, *Б* и *Ф* рисованы менее опытной рукой, чем в *К* и *С*, *А* (л. 339).

На другой миниатюре (*П*, л. 31; *Б*, л. 29; *Ф*, л. 67 и *С*, л. 46) изображается, как завладевшие винной бочкой бесы-мурины (один сидит на бочке верхом в роли виночерпия, другой ее тащит, а третий толкает сзади) собирают вокруг группу людей, среди которых два юноши-щеголя (один с бокалом), пожилой мужчина в кафтане и две женские фигуры (табл. II, а, б и в, г). В *С* особенно ярки локальные тона одежд и пестрая раскраска бочки.

Интересна бытовыми подробностями миниатюра, представляющая осуждение «временных и прелестных красот» (*П*, л. 30; *Б*, л. 30; *С*, л. 47; *Ф*, л. 68). Здесь бесы-мурины соблазняют молодых щеголеватых дев козынками и нарядными кокошниками, а юношей — шляпами с полями; все это они извлекают из ярко раскрашенной повозки, на дне которой видны скляницы с зельями, ларец или книга в богатом окладе и другие «красоты».

Миниатюры с приглашенными на пир отличаются светской нарядностью. Все они рисованы на неокрашенном фоне листа, руки и лики персонажей — перовым контуром, также без раскраски; одежды и архитектурные фоны раскрашены в локальные тона — зеленый, красный, желтый. Все персонажи представлены главным образом в светских одеждах: кафтанах и шапках с меховой опушкой, в шляпах с полями, в повойни-

⁹ В случае утери листа с миниатюрой нарушается связь между надписями и изображениями, как например в сборнике *П* между лл. 38 и 39, 46 и 47; в сборнике *Б* надписи на лл. 50 об. и 51 об. перепутаны писцом.

ках, косынках, кокошниках и т. д.; наряду с этим видим и одежды типа подризников, обычные в древнерусской иконографии. Встречаются изображения лавок менял (*П*, л. 21; *С*, л. 37; *Б*, л. 20; *Ф*, л. 58), хозяйственных построек — ясель для волов (*П*, л. 23; *С*, л. 39; *Б*, л. 22; *К*, л. 8; *Ф*, л. 60). Совпадают не только композиции при передаче определенных сюжетов, сохраняются и общие способы воплощения, например архитектурных форм: во всех сборниках встречаем сходные купола и своды с пестрой раскраской, щипцовые кровли палат, интерьеры с высокими, заваленными вверху окнами и контурным переплетом рам. В подобном интерьере сидят, например, молодожены (*С*, л. 40; *П*, л. 24; *Б*, л. 23; *К*, л. 9; *Ф*, л. 61). Характерна свойственная всем миниатюрам волнистая линия горизонта, очерченная сначала тонким перовым или кистевым контуром, а потом параллельным ей красочным, плотным вверху и более прозрачным внизу.

Миниатюры эти необычайно близки по стилю к знаменитой белофонной северодвинской росписи, украшавшей деревянные прялки, лубяные «хлебенки» и другие предметы народно-декоративного искусства и быта XVII—XX вв. Исследователями неоднократно отмечалась связь между росписями прялок в Пермогорье и с. Борок Архангельской обл. с иконописной (добавим: книжно-рукописной) традицией.¹⁰ В частности, общими для наших миниатюр и для этой росписи по дереву является цветовая гамма: основные цвета — красный, желтый, зеленый и черный контур; сходны также и архитектурные мотивы.

Примыкающая к рассмотренной выше группе миниатюр целая серия изображений загробных мук грешников отличается совсем иным, мрачным, характером, также общим для всех привлекаемых нами сборников. **Обнаженные тела грешников, горящих в адском пламени, контрастно выделяются на черном фоне заваленного вверху «вертепа».** Обычно подобные изображения встречаются в синодиках. Но в данной традиции они опять-таки своеобразны, в частности — некоторой монотонностью. Так, подвешен над огнем за язык и клеветник (*П*, л. 35; *С*, л. 51; *Б*, л. 34; *Ф*, л. 73), и лжец (*П*, л. 45; *С*, л. 63; *Б*, л. 46); горит в огне головой вниз и гордец (*П*, л. 47; *С*, л. 66; *Б*, л. 49; *Ф*, л. 91), и прелюбодей (*П*, л. 53; *С*, л. 72; *Б*, л. 72).¹¹ Повторяются группы, в профиль и впрямь, причем руки грешников отведены за спину.¹²

Сборники *П*, *К*, *Б*, *Ф*, до сих пор не сопоставлявшиеся, близки по времени: в них преобладают филигранные бумаги конца XVIII — начала XIX в.¹³ Но ни одна из этих рукописей не сохранила признаков места их создания, бесспорно общего.¹⁴ Вот почему так важен факт находки сборника *С* в месте его бытования и, по всей вероятности, происхождения — на Северной Двине (находка сделана Л. И. Сазоновой во время экспедиции 1971 г.), в деревне Нестеровская Леховского сельсовета Верхнетоемского района Архангельской области.

¹⁰ О. В. Круглова. Северодвинские находки. — Декоративное искусство, 1960, № 3, стр. 33—35; В. М. Василенко. Народное искусство первой половины XIX века. — В кн.: История русского искусства, т. VIII, кн. 2. М., 1964, стр. 594; О. В. Круглова. Русские прялки. Каталог. Загорск—Тула, 1971, стр. 41—42.

¹¹ В контурных воспроизведениях миниатюр, изданных Ф. И. Буслаевым (Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, рис. 8а и 8б к стр. 631), находим «муку волхвам» и «муку славянолюбцам».

¹² В сборнике *Б* миниатюристы несколько неумело изобразили подобные группы. В результате Ф. И. Буслаев определил их «будто статуи с отломанными конечностями рук» (там же, стр. 631).

¹³ Например, в *Б* встречается филигрань с датой 1803 г., в *П* — с датой 1806 г., в *Ф* — с датой 1805 г.

¹⁴ Известно лишь, что И. Д. Богданов вывез сб. *А* из-под Архангельска.

Сборник *С*, относящийся к нач. XIX в., довольно полной сохранности, на 219 лл., содержит 116 миниатюр. Примечательно, что значительная их часть совпадает с листами из коллекций прорисей и рисунков Н. П. Шестакова (Древлехранилище, Красноборское собр., №№ 20, 83, 93), датированных по филиграммам нач. XIX в., а в ряде случаев по штемпелям бумаги — сер. и кон. XIX в., вплоть до нач. XX в.

Но особенно близка к сборнику *С* еще одна лицевая сборная рукопись из Древлехранилища (Отдельные поступления, оп. 24, № 13, XIX в. в 4-ку, на 275 лл., 64 миниатюры¹⁵), которая, сильно уступая в художественном отношении, по составу статей и иллюстраций, явно восходит к общему для обоих сборников и для сборника *К* прототипу. Это неудивительно: рукопись происходит из Пермогорья, может быть, вышла из-под пера Н. П. Шестакова. Стало быть, северодвинская практика переписки лицевых сборников дожила до конца XIX в.

Также на севере (в Архангельской губернии) был создан в 1820-е годы еще один сборник — БАН, собр. Чаыгина, № 3, — со сходными лицевыми изображениями, в том числе и к новозаветной притче о приглашенных на брачный пир (Слово Ефрема Сирина здесь отсутствует). В той же художественной манере выполнены миниатюры в рукописи «Лествица духовная», XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 259).

Дальнейшие поиски, возможно, позволят сделать новые находки, в результате которых удастся определить более точно время и место возникновения, а также имена писцов и миниатюристов северодвинской рукописной традиции, интересными образцами которой, начиная от рубежа XVIII—XIX вв. и кончая XX в., обладает Древлехранилище Пушкинского Дома.

---

¹⁵ О составе сборника и миниатюр см. в кн.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома, стр. 153, 176; О. А. Белоброва. Лицевые рукописи, стр. 319.

Табл. I. Приглашение на пир куившего село.

— ИРЛИ, Древлекранилище, колл. Перетца, № 548, л. 22; б — ГПБ, О. I. 428, л. 21.

Табл. I (продолжение).

— ИРЛИ, Древлехранилище, Барельское собр., № 140, л. 6; 2 — ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 152, л. 38.

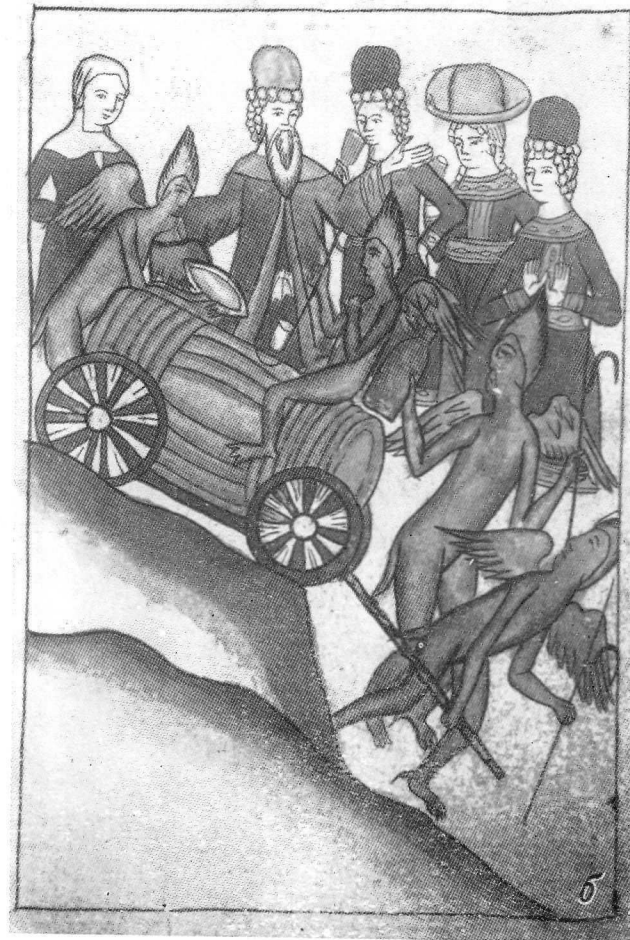

Табл. II. Наказание пьяниц.

а — ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 548, л. 31; б — ГПБ, О.І. 428, л. 29.

Табл. II (продолжение).

а — ГБЛ, собр. Фадеева, № 41, л. 67; б — ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 152, л. 46.

В. И. МАЛЫШЕВ

Сочинения протопопа Аввакума в Древлехранилище Пушкинского Дома АН СССР

Фонд рукописей Древлехранилища Пушкинского Дома, содержащих сочинения протопопа Аввакума, продолжает непрерывно пополняться. За прошедшие два года он увеличился на десять рукописных книг XVIII—XX вв., привезенных экспедициями и полученных от коллекционеров и любителей старины. Выявлен также отрывок из Жития Аввакума из старых поступлений в Северодвинское собрание, № 17, и расписаны две рукописи с произведениями Аввакума из коллекции Ф. А. Каликина, №№ 38 и 44, о содержании которых ранее упоминалось лишь кратко.

Фонд рукописных произведений Аввакума в Древлехранилище ныне один из заметных в стране. В настоящее время в него входят десять рукописей с Житием Аввакума всех трех редакций (из них одна рукопись представляет собой автограф редакции *В*), двадцать три рукописи XVIII—XX вв. с текстами Книги бесед, четыре списка XVIII—XIX вв. Книги толкований и нравочений. Есть две рукописи XVIII в. и XX в. со сказанием о Богородице, одна с сочинением «о божестве и о твари» (в автографе), одна с отрывком из сочинения об антихристе (кроме нее, известен только один список XIX в.) и список XVIII в. «записки» о второй пустозерской казни.

Имеются один список XX в. Первой челобитной Аввакума царю Алексею Михайловичу, четырнадцать списков XVIII—XX вв. его Пятой челобитной к тому же царю и четыре небольших отрывка XIX в. из его челобитной царю Федору Алексеевичу. Кроме того, хранится письмо царевне Ирине Михайловне Романовой, известное всего в трех списках, из них наш наиболее старший (XVIII в.), четыре рукописи XVIII—XIX вв. с посланием Сибирской «братии», две (XVIII в.) с посланием Андрею Плещееву и одна (XVIII в.) с посланием к неизвестному, списки которого редки. Есть тоже редко встречающиеся послания «отцу» Ионе и Маремьяне Федоровне (оба в списках XVIII в.) и девять отрывков в рукописях XVIII—XIX вв. из неизвестных произведений Аввакума.

Мы не указываем здесь ряд посланий, писем и отрывков из разных «ответов» и «наставлений», входящих в Книгу бесед и Книгу толкований и нравочений и составляющих с ними одно целое, а также не называем произведений, включенных в отдельные редакции Жития, как например рассуждения о русском языке (оно есть в автографе) и др.

Помимо того, в фонде находится пять произведений, приписываемых Аввакуму, в списках XVIII—XX вв., из которых о двух сообщается в этом обзоре, и заверительная приписка Аввакума на послание дьякона Федора к некоему Иоанну (в рукописи XVIII в.), воспроизводимая полностью ниже.

Где и у кого были найдены описываемые ниже рукописи с сочинениями Аввакума? За исключением сборника XVIII в., поступившего из Сибири, все остальные обнаружены на Севере: в Архангельской и Вологодской областях, Карельской и Коми АССР. Все они найдены в семьях местных старообрядцев. Владельцем пинежского сборника, № 503, в XIX в. был некий Козьма Насонов, который и оставил на нем свою запись. Сборник № 299 Усть-Цилемского Нового собрания принадлежал в прошлом столетии мезенцам — белоцельским крестьянам Алексею и Антипу Новиковым. На других рукописях никаких записей нет, но три из них входят в состав родовой старообрядческой библиотеки В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой (из деревни Скобели), поступившей в Пушкинский Дом в 1971 г.

Таким образом, как и в прошлые годы, основным источником пополнения Аввакумовского фонда был Север, с его поистине неисчерпаемыми рукописными богатствами. Находка в 1971 г. В. П. Бударагиным в деревне Скобели автографа Елифания, принадлежащего библиотеке В. М. Амосова, вселяет надежду на обнаружение на Севере и автографов Аввакума, тем более что в 1966 г. автор настоящей статьи слышал в Холмогорах (от Т. Е. Будрина) о том, что у «грамотея Василия Амосова» имелись рукописи «Аввакумовой руки». Эти сведения спустя два года были повторены М. И. Шестаковой (село Красноборск), семья которой поддерживала связи с В. М. Амосовым. Вот почему розыски остатков библиотеки В. М. Амосова должны быть безотлагательно продолжены как в северодвинских селениях, так и у лиц, связанных с ее владельцем. Эта библиотека была, несомненно, более богатой по составу, чем дошла до нас, и наверняка еще может порадовать новыми ценными находками. Не случайно каждая повторная поездка в район северодвинских селений Борок, Скобели приносит пополнение библиотеки.

Среди новых поступлений отметим прежде всего полный и исправный список Жития Аввакума в редакции А (по классификации Я. Л. Барскова), уже упоминавшиеся послания к «отцу» Ионе и к неизвестному, не имевшиеся ранее в Древлехранилище, четыре небольших отрывка из ранее неизвестных его сочинений и любопытную приписку протопопа на послании дьякона Федора, свидетельствующую о его большом авторитете среди пустозерских узников. Другие новые списки произведений Аввакума также, несомненно, пригодятся исследователям, особенно при издании его сочинений, так как некоторые из них содержат более точные чтения сравнительно с напечатанными и ранее известными.

Интерес представляют два сборника с сочинениями Аввакума, созданные в Выговском общежитии. В первый входит Житие в редакции А, Пятая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу, «Видение» благовещенского протопопа Терентия, «Притча Варлаама о трех друзьях» и слово «от патерика». В таком составе он переписывался выговскими писцами и распространялся среди старообрядцев. В Древлехранилище теперь два подобных сборника (один, ранее приобретенный, без двух последних статей). Оба они выговского письма конца 20-х годов XIX в. и сходны между собой по черкам и украшениями.

Второй сборник содержит вступление и Первую беседу (без конца) из Книги бесед протопопа Аввакума, Пятую его челобитную царю Алексею Михайловичу, отрывки из произведений Мефодия Патарского, инока Авраамия и Житие Корнилия Выговского (в пахомьевской редакции) с добавлением рассказов о Никоне. Ныне в Древлехранилище таких сборников пять. Известны также еще две рукописи с точно таким же содержанием — в коллекциях А. И. Маркушевича (Москва) и К. А. Павлова

(Рига). Примечательно, что все семь рукописей одного формата (в 8-ку), почти все выговской переписки конца XVIII—начала XIX в., т. е. времени, когда здесь, очевидно, образовался этот свод и потом стал размножаться переписчиками.

При описании рукописей и передачи текстов автор настоящей статьи придерживался правил, принятых в его предыдущих обзорах сочинений Аввакума, хранящихся в Пушкинском Доме.¹

Житие

1. Заглавие: «Аввакум протопоп понужен бысть Житие свое написати иноком Епифанием, — понеже отец ему духовной инок, да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь». Начало: «Всесвятая Троице, боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими». Редакция А — по классификации Я. Л. Барскова. Ср.: РИБ, т. XXXIX, Л., 1927, стлб. 1—32. Полный и исправный текст, отличия незначительные. Сборник XIX в. (первая треть; бумага 1823—1828 гг.), в 4-ку, 124 лл., поморский полуустав, заставка в красках, киноварный инициал, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, выговской работы. Содержание: Пятая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу, «Видение» благовещенского протопопа Терентия, «Притча святаго Варлаама о трех друзех» и «Слово от патерика, яко недостойт итти от церкви, егда поют». Сборник сходен содержанием и внешним оформлением с рукописью № 49 Усть-Цилемского собрания. Из Грязовецкого района Вологодской области. Дар Н. В. Бурмагина (Вологда).

Отдельные поступления, оп. 24, № 77, лл. 3—97.

2. Заглавие: «Списано ис писем Аввакумовых о причащении». Начало: «Аще священника, нужду ради, не прилучишь, и ты своему брату искусному возвести согрешение свое». Конец: «... яко благословен еси во веки. Аминь. Потом». Отрывок о причастии из Жития редакции А — по классификации Я. Л. Барскова. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 30. Полностью совпадает. Сборная рукопись конца XVIII—первой четверти XIX в., в 8-ку, 212 лл., полуустав нескольких почерков, лл. 192—206 об. написаны поморским полууставом первой четверти XIX в., переплет — доски, покрытые тисненой кожей (верхняя крышка не сохранилась). Содержание: выписки из уставов, каноны, чины погребения и исповеди, Синодик Даниловского (Выговского) монастыря, скитское покаяние, Устав о причастии большого и др. Из дер. Бор, от У. С. Поповой.

Северодвинск. собр., № 17, лл. 205 об.—206 об.

Книга бесед

1. Без заглавия. Начало: «А я, братия моя, видал антихриста-тово, собаку бешеную...». Концовка Восьмой беседы. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 359—360. Сходный текст. Сборник XVIII в. (первая четверть), в 8-ку, 189 лл., полуустав, переплет не сохранился. Содержание: Сказание о допросе на Мстиславском дворе в Москве в 1671 г. соловецкого слуги Кондрата о вере, подборка притч из разных произведений, в том числе и из Даниила Заточника, слова и поучения отцов и учителей церкви, статьи из Великого Зеркала, Пролога, Патерика, Цветника, апокрифы, поучения против лени, о христианском житии, книжном почитании и др. Из селения Бичура Бурятской АССР.

¹ См.: ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 581—589; т. XXIII, Л., 1968, стр. 321—326; т. XXVI, Л., 1971, стр. 312—315.

Отдельные поступления, оп. 24, № 55, лл. 132 об.—133 об.

2. Без заглавия. Начало: «Братия моя о господе, разумевайте, о них же научилися». Два отрывка из Первой и Третьей бесед. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 252, 272—273, 275—277. Имеются отличия, особенно в отрывке из Первой беседы, принадлежащие, возможно, самому Аввакуму. Сборник XVIII в. (первая четверть), в 8-ку, 218 лл., полуустав и скоропись нескольких почерков, переплет — доски, покрытые тисненой кожей. Содержание: выписки из многих источников, в том числе из сочинений Максима Грека и из Стоглава — о крестном знамении, брадобритии, лжеучителях и т. п., апокрифы, слова и поучения отцов и учителей церкви, отрывок из «Беседы» Сергия и Германа валаамских, повесть о Петре и Евдокиме, Слово (выговское) о кресте, повесть «О омраченном пьянстве» (только начало), 4-е и 10-е послания патриарха Мелетия Василию Острожскому и т. п. Рукопись из с. Заостровья Архангельской области. Дар И. А. Бочковой и А. В. Артемьева (Москва).

Северодвинск. собр., № 227, лл. 175—177.

3. Без заглавия. Начало: «В лето 7160 году, июня в день, попущением божим вскрася на престол патриаршеский бывшей поп Никита Миничь...». Начало Первой беседы, до слов «в пояс творити метания», далее текст, возможно, и не принадлежащий Аввакуму, хотя местами стиль и напоминает его собственный. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 245—246. Список с пропусками, имеет небольшие различия. Сборник XVIII в. (середина), в 8-ку, 459 лл., беглый полуустав, переплет не сохранился. Содержание: главы из «Просветителя» Иосифа Волоцкого о новгородских еретиках, послания старца Филофея, Максима Грека, священноинока Феоктиста (об антихристе), инока Авраамия (боярине Морозовой), Соловецкая челобитная 1667 г., беседа духовная об антихристе и кресте, «Вопрошание» отца духовного к отцу духовному, поучения о христианском житии отца к сыну, выговские произведения (Соловецкая история, о кресте, последнем времени и др.), апокриф (печать Соломона), слова отцов и учителей церкви, выписки из разных книг и др. Из дер. Топса, от Ф. П. Бекетовой.

Северодвинск. собр., № 65, лл. 399 об.—400 об.

4. Без заглавия. Начало: «Протопоп Аввакум, раб и посланник господа бога нашего Иуса Христа, по предведению... Феодосье и Евдокеи и Марии». Послание к Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой в Боровск. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 405—418. Имеются существенные отличия. Компиляция XVIII в. из III и IV посланий Аввакума — по классификации Н. И. Субботина. Сборная рукопись XVII—XVIII вв., в 8-ку, 141 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, две медные застежки. Рукопись послания XVIII в. (последняя четверть). Содержание: Послание некоей Марфе Ивановне 1768 г., толкование слова 21, главы 61 Апокалипсиса, поучение Иллариона инокам, наставление духовнику о кающихся, выписки из сочинений византийских и русских писателей и др. Из Каргопольского района Архангельской области.

Карельск. собр., № 530, лл. 79—90 об.

5. Без заглавия. Начало: «В лето 7160 году, июня в день, по попущением божим вскрася на престол патриаршеский бывший поп Никита Миничь». Отрывки из Первой, Второй, Третьей и Четвертой бесед. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 245—250, 252, 257—258, 264—265, 267—268, 273, 277—278, 282—284, 287—288. Имеются отличия и более исправные чтения. Сборник XVIII в. (последняя четверть), в 8-ку, 277 лл., мелкий полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя мед-

ными застежками. Содержание: «Виноград Российский» Семена Денисова, «Поведание» о каргопольских страдальцах, братьях Авраамии и Андрее, в 1683 г. и послание инока Авраамия к некоему боголюбцу. Из г. Данилова Ярославской области.

Колл. Ф. А. Каликина, № 38, лл. 265 об.—274 об.

6. Без заглавия. Начало: «Благодать господа бога и спаса нашего Иуса Христа со всеми вами, любящими святую Троицу». Послание «всем горемыкам» в Москву. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 419—420. Выпущены вступление, имена, за исключением Акинфия, есть небольшие текстовые разночтения. Сборник XVIII в. (последняя четверть).

Колл. Ф. А. Каликина, № 38, лл. 259 об.—260 об.

7. Без заглавия. Начало: «А в правелех пишет повелевает исповедаться искусному простолудину, нежели невежи попу». Конец: «А здеся Кипряну голову отсекли 183 году». Отрывки из ответов о причастии и крещении. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 421—424. Текст сокращен. Сборник XVIII в. (последняя четверть).

Колл. Ф. А. Каликина, № 38, лл. 260 об.—261 об.

8. Заглавие: «Послание протопопа Аввакума». Начало: «Беседа человека грешна, человека безобразна и безславна». Вступление и Первая беседа, без конца. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 241—252. Особых отличий нет. Сборник XVIII в. (конец), в 8-ку, 147 лл., поморский полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна медная застежка. Содержание: отрывок из письма инока Авраамия боярыне Морозовой, выписки из слова Мефодия Патарского «О последнем времени», челобитная (Пятая) Аввакума царю Алексею Михайловичу и Житие Корнилия Выговского (пахомбевская редакция) с добавлением рассказов о патриархе Никоне (Дмитрия Волжанина, старца Кирика и ученика патриарха Адриана и др.). Сборник составлен на Выге. См. подобные же сборники: Мезенск. собр., № 8; Усть-Цилемск. собр., №№ 42 и 70, и Усть-Цилемск. Новое собр., № 193. Из с. Замежного от Ф. Е. Осташевой.

Усть-Цилемск. Новое собр., № 299, лл. 14—28.

9. Заглавие: «От слова протопопа Аввакума». Начало: «Добре сотвори во Иерусалиме пророк Иеремия, ища человека по граду, ходя з горящею свещею...». Конец: «...то явное отступление истинья во Христа веры». Небольшие отрывки из введения и Первой, Второй и Шестой бесед. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 244—246, 259—260, 293, 298—299. Текст с небольшими отличиями. Сборная рукопись XVIII—XIX вв., в 8-ку, 352 лл., полуустав и скоропись разных почерков, переплет — доски, покрытые кожей, с одной латунной застежкой.

Колл. В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой, № 49, лл. 6, 231—232 об.

10. Заглавие: «Страдалец Аввакум протопоп за исповедание веры Христовы был сослан в Тарбурскую землю (испорчено — Даурскую, — В. М.), от Москвы двадцать тысящ верст за Сибирь, впряд и взад 12 лет ити, и паки к Москве возвратили его». Начало: «В лето 7160-м году, июня во 2 день, попущением божию вкрался на престол патриаршеский бывшей поп Никита Миничь...». Начало Первой беседы, до слов «а в черньцах Никон». Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 245. Различия только в дате (день). Сборник XIX в. (конец 20-х годов), в 8-ку, 292 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками. Содержание: сочинения выговцев стихотворные и прозаические, слова и повести проложного и патеричного характера, произведения отцов и учителей церкви, Максима Грека, духовные стихи, статьи и таблицы календарного содержания и др.

Латгальск. собр., № 5, л. 231.

11. Заглавие: «От слова протопопа Аввакума». Начало: «Добре сотвори во Иерусалиме пророк Иеремия, ища человека по граду, ходя с горящею свещею...». Конец: «...то не явное отступление истинныя во Христа веры». Отрывки из введения, Первой, Второй и Шестой бесед. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 244—246, 259—260, 293, 298—299. Разночтений почти нет. Сборник страннический 1873 г., в 4-ку, 193 л., полуустав разных почерков, переплет — доски, оклеенные бумагой, с кожаным корешком.

Колл. В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой, № 112, лл. 3—4 об.

Книга толкований и нравочений

1. Без заглавия. Начало: «Слышал ли еси милосердие божие, о друже». Конец: «Напрасно оглашаешь, я затем не хожу, — права, и не знаю. Аминь и богу слава». Отрывок из поучения, как нужно жить в вере. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 559—561. Текст несколько сокращен и имеет незначительные различия. Сборник XVIII в. (последняя четверть).

Колл. Ф. А. Каликина, № 38, лл. 264 об.—265 об.

2. Без заглавия и начала. Первые строки: «И оттоле и по се время безпрестанно и жгут, и вешают исповедников Христовых». Конец: «Рассуждали мы между собою, и блажим кончину их. Аминь». Отрывок из обращения к Симеону. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 567—568. Варианты незначительные. Сборник XVIII в. (последняя четверть).

Колл. Ф. А. Каликина, № 38, л. 262—262 об.

Челобитная (Пятая) царю Алексею Михайловичу

1. Заглавие: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 году ис Пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, многожды писахом тебе прежде и молихом тя, да примиришися богу». Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 757—766. Сходный текст. Сборник XVIII в. (последняя четверть).

Колл. Ф. А. Каликина, № 38, лл. 250—259.

2. Заглавие: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 году ис Пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, многожды писахом тебе прежде и молихом тя, да примиришися богу». Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 757—766. Сходный список. Сборник XVIII в. (конец).

Усть-Цилемск. Новое собр., № 299, лл. 30 об.—50 об.

3. Заглавие: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 года ис Пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, многожды писахом тебе прежде и молихом тя, да примиришися богу». Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 757—766. Различия незначительные. Сборник XIX в. (первая треть).

Отдельные поступления, оп. 24, № 77, лл. 97 об.—108.

4. Заглавие: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 1778 году из Пустозерския пустыни». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, многожды писахом тебе прежде и молихом тя, да примиришися богу». Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 757—766. Пропуск в начале и имеются небольшие отличия. Сборник страннический, полемический, авторский, XX в. начало, в 4-ку, 512 л., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей, с одной медной застежкой. Рисунки в красках, в том числе царя и патриарха — как слуг антихриста. Содержание: статьи о старообрядческих толках и разногласиях, сочине-

ние в защиту странничества, о нововведениях Никона, эсхатологического содержания, выписки и статьи о церковных таинствах и догмах, отрывки из произведений дьякона Федора, инока Авраамия, повесть дьякона Федора об Аввакуме, Епифании и Лазаре, выписки из разных книг о браках, молении за царя и о многом другом. Из Вологодской области.

Колл. Ф. А. Каликина, № 44, лл. 121—129.

Послание «отцу» Ионе

Без заглавия, начала и конца, с небольшим пропуском в середине. Первые строки: «...те явно грядут в пагубу, — но беседую о старолюбцах». Последние строки: «...господи, помилуй трижды, да молитвою и кончат». Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 887—893. Отличия незначительные. Сборник XVIII в. (первая четверть).

Отдельные поступления, оп. 24, № 55, лл. 120—128.

Письмо Маремьяне Федоровне

Без заглавия. Начало: «Маремьяна Федоровна, — свет моя! Еще ли ты жива, голубка?». Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 937—938. Разночтения незначительные. Сборник XVIII в. (последняя четверть).

Колл. Ф. А. Каликина, № 38, лл. 262 об.—264 об.

Послание к неизвестному

Заглавие: «Выписано из книги отца Аввакума протопопа, Жития его». Начало: «А иже неведением впал в сию проклятую ересь никониянскую...». Конец: «...молодому меньше, а старому больше, 3 лета...». Отрывок. Ср.: А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Изд. 2-е. СПб., 1900, Приложение, стр. 31—32, № 12. Отступлений нет. Сборник XVIII в. (первая четверть).

Отдельные поступления, оп. 24, № 55, лл. 129 об.—132.

Отрывки из неизвестных произведений

1. Без заглавия. Начало: «Чадо, не буди тяжко, но встанлив, а не ленив». Конец: «Да не бреди со слепых тех в никониянскую костел и сомницу». Перед отрывком следующий текст, взятый, очевидно, тоже из какого-то произведения Аввакума: «Рече господь, аще кто мне служит, мне да последует, и прочая чти». Сборник XVIII в. (первая четверть).

Отдельные поступления, оп. 24, № 55, л. 128 об.

2. Без заглавия. Начало: «...сухояды, поклоны и пост со слезами...». Конец: «...да сохранит господь от неприязни и на полезная наставит». Сборник XVIII в. (первая четверть).

Отдельные поступления, оп. 24, № 55, л. 132—132 об.

3. Без заглавия. Начало: «О горе, горе живущим на земли, не имеющим жития на небесех...». Конец: «...небо помедниша, на сем свете правда». Сборник XVIII в. (первая четверть).

Отдельные поступления, оп. 24, № 55, лл. 133 об.—134.

4. Без заглавия. Начало: «Бог судит между мною и царем Алексеем». Конец: «Аще ли же ни к великим бедам идет». Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 769. Близики только две первые фразы. Сборник XVIII в. (последняя четверть).

Колл. Ф. А. Каликина, № 38, лл. 261 об.—262.

Сочинения, приписываемые Аввакуму

1. Без заглавия. Начало: «Вопрос. Когда цереградцы-греки отступили от истинныя веры... Ответ на сие протопопа Аввакума премудрого». Два вопроса и ответы на них протопопа Аввакума (второй вопрос об обличении епископом «Увелияном» папы на восьмом вселенском соборе за введение новшеств, отвергаемых старообрядцами). См. сходный текст: Усть-Цилемское Новое собр., № 241, лл. 22—26 об. Сборник XVIII в. (конец), в 8-ку, 123 лл., беглый полуустав и скоропись, корки переплета склеены из бумаги, корешок не сохранился. Содержание: выписка из челобитной инока Авраамия, «Соломоново гадание», повесть о Птолемею (из Хронографа), выписки о князе Владимире (об идолопоклонстве, крещении, браке и др.), повесть о Лине — учителе армянском, отрывки из сочинений Максима Грека, Иосифа Волоцкого (из «Просветителя») о еретиках, фрагменты из «Стоглава» Ивана Грозного, «Пчелы», «Златоуста», «Маргарита» и других книг о поклонах, крестном знамении, священстве и т. п. Из дер. Сура (Пинега).

Пинежск. собр., № 503, лл. 97—100 об.

2. Заглавие: «Стих о Никоне п(ротопопа) Аввакума». Начало: «О, брატия моя христоименитая, страждущи о Христе Иисусе и терпящии всякия страды». Список опубликован в кн.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов). Составил В. И. Малышев. М.—Л., 1965, стр. 189—191. См. также: ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 588; т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 222; В. И. Малышев. Исследования и разыскания по литературному наследию Древней Руси. Л., 1967, стр. 8. Сборник старообрядческий, конца XVIII—начала XIX в., в 4-ку, 222 лл., полуустав, две миниатюры и заставки в красках, переплет — фанера, покрытая черным бархатом. Содержание: мучение Ульянии, Григоријево видение, Слово Ипполита о скончании мира, Сказание о омраченном пьянстве, Исаино пророчество, поучения проложного характера, повести из патерика, Слово Кирилла александрийского о втором пришествии, Житие и чудеса Николы, духовные стихи, в том числе выговские (об Андрее Денисове), о Борисе и Глебе, введении новшеств в церковь в 1666 г., выписки из Хронографа, произведений Максима Грека и др.

Колл. В. Н. Перетца, № 490, лл. 248 об.—249 об.

Приписка протопопа Аввакума на послании дьякона Федора к некоему Иоанну

«Сие протопоп Аввакум чел, сие и разумел истинно, к тому и руку приписал. Сия дозде. Аминь». Далее такая же заверительная приписка инока Авраамия. А перед ними сказано: «у подлинной епископии, по край ея, и рука приложена священнаго Аввакума протопопа». Ср.: Н. С у б о т и н. Материалы для истории раскола, т. VI, М., 1884, стр. 79. Сходный текст. Слова Спиридона Потемкина и послание дьякона Федора, XVIII в. (80-е годы), в 4-ку, 130 лл., беглый полуустав, переплет картонный, покрытый тисненой кожей.

Колл. В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой, № 40, л. 127 об.

Певческие рукописи Древлехранилища Пушкинского Дома

Среди более 7000 рукописей, собранных в Древлехранилище Пушкинского Дома, насчитывается около 250 так называемых певческих рукописей. Это одна из интереснейших и в то же время наименее изученных частей в собраниях Древлехранилища.

В певческих рукописях Пушкинского Дома представлены ценнейшие памятники древнерусской профессиональной музыки, многие из которых являются уникальными. Здесь можно найти образцы почти всех музыкальных жанров, связанных с древнерусской музыкальной письменностью. Многочисленные памятники знаменного распева, традиционные и индивидуализированные, произведения демественного, путевого и других распевов, авторские сочинения и памятники различных местных певческих традиций средневековой Руси; распевы церковнослужебных книг и образцы древнерусской духовной и светской лирики — все это представлено в певческих рукописях Древлехранилища Пушкинского Дома.

Как и большинство других рукописей из собраний и коллекций Древлехранилища, большая часть певческих рукописей отражает северную традицию музыкальной культуры Древней Руси, связанную с развитием старообрядчества. Этим объясняется тот факт, что, кроме произведений конца XV—конца XVII столетия, среди певческих рукописей хранилища многочисленны памятники XVIII, XIX и даже XX вв.

В настоящее время некоторые певческие рукописи Древлехранилища приобретают все большую известность.¹ Опубликовано несколько «Воинских стихов» начала XVII в. (колл. В. Н. Перетца, № 513),² «Стихиры» Федора Крестьянина (Усть-Цилемское собр., № 404)³ и т. д. Другая часть певческих рукописей еще ждет своих исследователей, храня в себе бесценные сокровища древнерусской музыкальной культуры.

Уникальные памятники знаменного пения содержатся в авторских списках хранилища Пушкинского Дома. Среди них упомянутые выше «Стихиры евангельские» знаменитого распевщика второй половины XVI в. — москвича Федора Крестьянина; «Стихиры» известного головщика XVII в. Опекалова (оп. 25, № 24). Впервые в истории встречается

¹ Сведения о певческих рукописях, поступивших в Древлехранилище Пушкинского Дома до 1965 г., см. в кн.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов). Составил В. И. Малышев. М.—Л., 1965. О некоторых певческих рукописях Усть-Цилемского собрания см. в кн.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

² Древнерусские рукописи Пушкинского Дома, стр. 187—189.

³ Н. Д. Успенский. Образцы древнерусского певческого искусства. Л., 1968, 133—137. Расшифровка М. В. Бражникова.

указание на «Зуев» роспев (Пинежское собр., № 146, первой половины XVII в.), очень редок «перевод» стольника Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина (в рукописи последней четверти XVII в. — оп. 25, № 24). Также впервые встречаются «Стихиры Иоанна Монаха» (колл. Н. М. Маслова, № 3, конца XVII—начала XVIII в.). Большой интерес представляют роспевы Можюхина и Наричина, Федоровский и Жуковский роспевы в нотопиных рукописях первой половины XVIII столетия. О непрерывающейся певческой традиции в старообрядческой среде свидетельствует «роспев (композиция) двинского наставника Даниила Давыдовича Михайлова» в поздней рукописи (XX в.) Причудского собр., № 125.

Кроме образов знаменного роспева и его нотации, многочисленной группой рукописей представлены в Древлехранилище памятники других роспевов и других кроковых нотаций — демественной и путевой.

Как известно, помимо главенствующего роспева — знаменного, в системе выразительных средств древнерусской музыки существовали и другие роспевы — демественный, или Демество, зарождение которого относится к глубокой древности, и путевой, или путный, роспев, нередко обозначющийся просто как Путь. Каждому из них, как и знаменному роспеву, соответствовал свой тип нотации (которой эти роспевы записывались). Наиболее исследованной является знаменная (столповая) нотация. Записанные ею памятники начиная со второй половины XVII столетия (и более поздние) поддаются расшифровке и переводу на современную пятилинейную систему. Хуже дело обстоит с Демеством и Путем.

В настоящее время предпринимаются попытки проникнуть в существо демественного и путевого знамени, расшифровать памятники этих роспевов. Поэтому рукописи Древлехранилища, содержащие образцы демественного и путевого роспевов, представляют значительный интерес.

Памятники демественного роспева содержатся более чем в 30 рукописях, но лишь в 7 из них представлен не только демественный роспев, но и демественная нотация. В остальных же рукописях Демество записано столповым знаменем. Старейший из указанных 7 памятников — Сборник Причудского собр., № 97, конца XV—начала XVI столетия.

Путевой, или путный, роспев и его нотация — путевое знамя — еще менее изучены, чем Демество. Каждое новое замечание в рукописи, каждый новый памятник путного знамени может стать неоценимым подспорьем в изучении Пути. В этом отношении Древлехранилище Пушкинского Дома, в котором насчитывается более 40 рукописей, содержащих Путь, как в путевой нотации, так и в знаменной, может дать исследователю интересный материал. Укажем ряд рукописей, где встречаются произведения путевого роспева: «Величания путные» XVI в. в сборной рукописи колл. Гемп, № 70; «Стихиры путные» в рукописи конца XVII в. Мезенского собр., № 103.

Отличительной особенностью ряда рукописей хранилища является присутствие в них большого числа вариантов роспева на один и тот же текст. В одних случаях эти варианты обозначены как «Ин перевод» или «Ин роспев», иногда же просто «Ин», в других — под собственным наименованием, указывающим на место создания («монастырский» и др.), или в редких случаях — на автора («Ин перевод Зуев»). Появление инроспевов как таковых с XVII столетия — нередкое явление в знаменном пении, но в ряде рукописей Пушкинского Дома заслуживает большого внимания.

Выше уже упоминалось об авторских роспевах в певческих рукописях Древлехранилища, поэтому обратимся к так называемым «местным» роспевам — вариантам.

Из наиболее ранних роспевов «местных» традиций и певческих школ, датированных концом XVI в., в рукописях хранилища встречаются «Псковский», «Тихвинский» («Тифинский»), «Керженецкий» и довольно редкий, связанный со Строгановской певческой школой, «Усольский» роспев (в рукописи первой половины XVII в. Усть-Цилемского собр., № 180).

Возникновение ряда роспевов связано с определенными монастырями. «Кирилловский», «Соловецкий», «Светафьевский», «Киево-Печерский», «Симоновский» и «Старосимоновский» роспевы отмечены в нотолинейных рукописях XVIII в. и в некоторых знаменных рукописях XVIII—XX вв. В тех же рукописях встречаются памятники «Киевского», «Греческого» и «Болгарского» роспевов, появившихся в певческой практике во второй половине XVII столетия.

Помимо местных вариантов роспевов, в певческих рукописях Древлехранилища широко представлены памятники «Большого», «Малого» и «Среднего» роспевов. Зарождение и распространение их в певческой практике относится к XVI в. и было вызвано потребностью в различных формах богослужения по всевозможным поводам церковного календаря и государственной жизни. Их названия как раз и свидетельствуют о степени торжественности, распевности произведений.

«Большой» роспев содержит более чем в 20, а «Малый» — в 15 рукописях. «Средний» роспев, вообще наиболее редкий, встречается только в одной рукописи (колл. Амосова—Богдановой, № 183, начало XX в.). Кроме этого, о нем упоминается в приписке на полях рукописи XVIII в. (Усть-Цилемское собр., № 53, л. 17—17 об.) — «Писан меншим знаменем, а се средним знаменем». Здесь под «средним знаменем» следует подразумевать «Средний» роспев.

Значительная часть певческих рукописей Древлехранилища представлена в виде традиционных церковнослужебных сборников и отдельных книг канонического содержания (ирмологии, октоихи, обиходы, праздники, триоди и т. п.).

Исследователю-филологу и музыковеду будет не безынтересно познакомиться с рядом духовных стихов, распетых на крюках, из собраний Древлехранилища. Стихи старообрядческие и более ранние содержатся в рукописях XVIII—XIX вв. (Коллекция В. Н. Перетца и Карельское и Усть-Цилемское собрания). Интересен сборник XIX в. из коллекции Каликина, № 50, содержащий около 80 духовных стихов. В сборной рукописи № 70 коллекции Гемп приведено 9 «покаянных» стихов, отдельные из которых если и мало оригинальны, то все же представляют большой интерес, так как часть рукописи, содержащая стихи, относится к концу XVI столетия. Всего в хранилище находится около 20 певческих сборников XVI—XX вв., включающих в себя замечательные памятники древнерусской духовной лирики.

Особо следует упомянуть встречающиеся в числе певческих рукописей Древлехранилища древние музыкально-теоретические руководства или, как их называют, «азбуки» знаменного пения — самые разнообразные «сказания», «имена знаменю», фѣтники, кокѣзники и проѣки конца XVII—начала XX в. Часть из них относится к концу XVII в. и, продолжая традицию А. Мезенца, излагает теорию знаменных киноварных помет, «...яко не красоты ради пишутся, но скажут осмогласного пения силу». Другие азбуки конца XVII—начала XVIII в. истолковывают те же пометы, опираясь на «мусикийскую науку», т. е. сопоставляют пометы с пятилинейной системой нотации. Особенности старообрядческой певческой практики отразились в тех азбуках, в которых основной упор сделан на обучение знаменному пению, не по пометам и не по «солям», а по про-

укам и погласицам. Кроме этих чисто учебных пособий, ряд рукописей содержит кокизники и фитники — целые «словари» знаменных попевок и фит, где истолковывается роспев сотен «тайнозамкненных» лицевых и фитных начертаний.

Кроме памятников знаменного роспева, записанных различными типами безлинейной крюковой нотации, в Пушкинском Доме хранится большая группа нотолинейных рукописей (около 40 единиц).

Часть нотолинейных рукописей представляет собой те же произведения знаменного роспева, только записанные «новой» западноевропейской нотацией. Все они относятся к началу — середине XVIII столетия. По содержанию эти памятники почти не отличаются от знаменных. Это — те же октоихи, ирмологии, праздники, триоди и другие традиционные певческие книги и отдельные произведения. Довольно часто в них встречаются «ин-роспевы». Только в сборнике второй четверти XVIII в. коллекции М. И. Успенского, № 52, содержится около 50 вариантов роспева «Херувимской», среди которых отмечены роспевы местные, монастырские, Большой и Малый, а также до того не встречавшийся «Езуитский» роспев.

Содержание нотолинейных рукописей хранилища, относящихся ко второй половине — концу XVIII столетия, заметно меняется. На смену традиционным одноголосным памятникам знаменного роспева приходят многоголосные партитуры. Есть даже целый комплект голосов четырехголосного октоиха, где знаменная строка уже не является основной, скрывааясь в переплетениях других голосов.

Концом XVIII — началом XX столетия датируется несколько сборников кантов и песен для одного и трех голосов. В состав одного такого сборника входит более 50 трехголосных песен, предшественников городского романса. Среди песен обращает на себя внимание целый ряд популярных анонимных и авторских произведений конца XVIII столетия, как например «Стонет сизый голубочек» и др.

Нотолинейная тетрадь 60-х годов XIX столетия содержит сборник народных песен, записанных Григорием Лучником в Кдымогоре (Пермской губ.).

В Древлехранилище Пушкинского Дома собран богатейший материал по истории музыки Древней Руси. Его певческие рукописи представляют большой научный интерес для исследователей самого широкого профиля.

В. Ф. ГРУЗДЕВ

Рукописные лечебники в собрании Пушкинского Дома

Как памятники русской народной медицины рукописные лечебники представляют большой интерес. Помимо трав, в них описываются целебные свойства минералов, а также даются гигиенические советы. Лечебники ценны и для этнографа, и для историка русской культуры, ибо содержат немало любопытных бытовых черт из жизни русского народа.

Время возникновения первых рукописных лечебников неизвестно. Наибольшее распространение в России они имели в XVII—XVIII вв. В XIX столетии их становится меньше: они вытесняются из обращения печатными лечебниками.

Для решения вопроса, какая группа населения Руси пользовалась лечебниками, следует сделать краткий обзор того, как обеспечивалось лечебной помощью население Руси в разные времена. В XVI в. для лечения царя и его семейства привлекались врачи из Западной Европы. В XVII в. лекари-иностранцы нанимались по контракту на службу в русские полки. К ним для обучения лекарскому делу прикомандировывались русские молодые люди, стрельцы и стрелецкие дети. После нескольких лет ремесленного обучения у иностранного медика ученики получали звание лекаря и назначались в полки. Такой ремесленный способ обучения русских учеников лекарского дела практиковался в течение всего XVII в. Сведения о существовании русской медицинской школы в XVII в. не подтверждаются документами. Громадное большинство населения лечилось тогда у знахарей, травников, повивальных бабок, о которых имеются упоминания в писцовых книгах. Народные способы лечения передавались устно из поколения в поколение, однако часть лечебных сведений записывалась. Таким образом и возникали рукописные лечебники. В начале XVIII в. открылась первая русская медицинская школа, тогда же были основаны военные сухопутные и морские госпитали. Ученики медицинской школы по окончании обучения посылались на службу в полки, на корабли и в госпитали. Начало правительственной организации лечебной помощи гражданскому населению России относится ко второй половине XVIII в., ко времени учреждения Приказа общественного призрения; впрочем, до того времени существовали монастырские больницы, но они предназначались главным образом не для лечения больных, а для призрения престарелых, увечных и умалишенных. Гражданское же население России пользовалось в основном рукописными лечебниками. Владельцами лечебников, как показывают пометы на рукописях, были купцы, ремесленники, духовенство и крестьяне.

Рукописные лечебники мало изучены: не проведено сличение текстов, не выяснено географическое распределение различных их видов, не ис-

следована рациональность рекомендованных средств с современной точки зрения. Опубликованы тексты лишь единичных лечебников.

По размерам и содержанию русские рукописные лечебники весьма разнообразны. Часть их переведена с европейских языков. Сюда относится «Прохладный вертоград» — энциклопедия средневековых медицинских знаний. Имеется несколько редакций «Прохладного вертограда». С течением времени этот памятник подвергался изменениям: часть, казавшаяся устаревшей, отбрасывалась, а также вносились лечебные сведения, более новые и нужные по мнению русского переписчика.

Вторую группу лечебных книг представляют «травники». Они наиболее интересны, так как здесь представлены народные наблюдения над целебными свойствами растений. После названия лекарственной травы в травниках описывается внешний вид ее, место произрастания, затем даются указания, когда следует собирать траву и как применять ее при заболевании. В травниках, как и в других лечебниках, зафиксировано немало суеверий, примет, заговоров.

Третью группу рукописных медицинских книг составляют собственно лечебники, в которых сначала описывается болезнь или ее признаки, а затем указываются способы ее излечения. Наиболее типичным образцом пособий этого рода является «Реестр из дохторских наук, сочиненный 7204 (1696) года Афанасием, архиепископом Холмогорским». Лечебник состоит из 53 глав. Сподвижник Петра I, всецело поддерживавший его реформы, Афанасий был широко образованным человеком, очень интересовавшимся медициной. Происхождение «реестра» до сих пор не изучено. Известно четыре его списка, два из них хранятся в Пушкинском Доме. Они значительно обогащают наши представления о «реестре» Афанасия Холмогорского.

Большинство русских рукописных лечебников — это анонимные и не датированные памятники. По палеографическим признакам можно установить только дату списка, а не время составления лечебника. Лингвистический анализ позволяет определить место написания рукописи.

Лечебники Пушкинского Дома мало известны историкам и врачам. Между тем они представляют большой интерес как по своей многочисленности, так и по содержанию.

Всего в Древлехранилище Института русской литературы имеется 28 рукописей медицинского содержания. Значительная часть их собрана на Севере России, где они были, по-видимому, в большом употреблении у населения.

По времени написания они распределяются так: XVII в. — 2, XVIII в. — 17, XIX в. — 9. Ниже дается их краткое описание и характеристика.

Для удобства изложения лечебные книги ИРЛИ нами разделены на пять групп: «Прохладные вертограды», реестры Афанасия, травники, собственно лечебники и, наконец, лечебные записи в рукописях немедицинского содержания.

1. Колл. В. Н. Перетца, № 327. «Прохладный вертоград», XVIII в., в 4-ку, 234 лл.

В начале рукописи приводятся астрологические сведения о влиянии планет на здоровье человека. С л. 5 начинается раздел рукописи, не встречавшийся нам в других лечебниках: «Что обтекарю доведется знати и ведати, всякие травы и цветы, корения и гумы всякие и по дохтурскому приказу лекарство всякое, составы всякие составлявати про здоровья всяких людей». На лл. 11—64 помещается новый раздел рукописи, озаглавленный: «Книга, глаголемая Прохладный вертоград, избрана от

многих мудрецов о различных врачевских вещех, ко здравию человеческому пристоящих». Это не просто перевод средневекового западноевропейского лечебника, — в него внесены дополнения из русской народной медицины, что видно из оглавления на л. 11: «О хлебах всяких. О заморских и русских зелиях». С л. 64 помещен раздел: «О лекарстве всяких болезней», с л. 159 — «Наука о познании урины», с л. 162 — «О приращении 12 месяцев», с л. 164 — «Указ, како збирати травы», с л. 167 — «Об отломе и о навихе», с л. 170 — «О зачатию человечестем», с л. 191 — «Астрологические приметы», с л. 200 — «О науке врача Моисея Египтянина ко Александру Македонскому» (гигиенические советы), на л. 202 — «Учение о пульсе», на л. 203 — «О кровопускании», на л. 217 — «О знаменаниях и планитах», на л. 218 — «Разные лекарственные советы», на л. 219 — «Жильное кровопущение», на л. 227 — «Разные лекарственные советы». Таким образом, эта рукопись представляет собою собрание нескольких лечебников.

2. Колл. В. Н. Перетца, № 434. «Прохладный вертоград», XVIII в., в лист, 88 лл., конец утрачен. Заканчивается рукопись описанием целебных свойств драгоценных камней.

3. Колл. В. Н. Перетца, № 217. Сборник, XVIII в., в 4-ку, 268 лл. Первая часть рукописи является «Прохладным вертоградом». С л. 152 начинается другой лечебник, написанный другим почерком.

4. Колл. В. Н. Перетца, № 159. «Прохладный вертоград», XVII в., в 4-ку, 494 лл. В конце рукописи приведено описание целебных мазей, эликсиров, пластырей.

5—6. Колл. В. Н. Перетца, №№ 405 и 406. Сборник, XVIII в. На л. 1 рукописи имеется заглавие: «Лечебник, или Прохладный вертоград, собранный из достоверных опытов пустыножителем острова Соловки Вениамином, в мире Валерианом именуемого. Часть I. 1770 года». Однако эта рукопись включает не только «Прохладный вертоград», она представляет собой собрание нескольких лечебников, дающих сведения по разным отделам медицины — акушерству, педиатрии, гигиене и др. Данный лечебник является вторым, после «Реестра» Афанасия, в котором указаны имя составителя сборника и дата написания. К сожалению, сведений о Вениамине нам разыскать не удалось. Судя по лечебнику, Вениамин был весьма трудолюбивым и любознательным человеком, специально интересовавшимся медициной. Рукописный труд Вениамина состоит из трех объемистых томов, из которых два первых содержат списки лечебников, а третий — «Скотский лечебник». В некоторых местах рукописи Валериан указывает и оригинал, с которого сделан список. Так, на л. 119 первого тома написано: «Из книги лекарств домовых с полского языка». Во втором томе помещено изображение расположения в матке одного плода и двойни.

7. Отдельн. поступ., оп. 23, № 138. «Прохладный вертоград», XVIII в. (начало), скоропись, 152 лл.

8. Отдельн. поступ., оп. 23, № 23. Травник, XIX в. (начало), в 8-ку, 15 лл. Указано целебное действие 31 травы, описано много суеверий.

9. Мезенское собр., № 92. Травник, XIX в., в 8-ку, 11 лл. Указано 18 лечебных трав. С л. 10 помещено «Второе отделение цветника», в котором описано много суеверий.

10. Колл. В. Н. Перетца, № 489. Травник, XVIII в., в 4-ку, 18 лл., начало и конец утрачены. При описании целебных свойств некоторых трав упоминаются средства от «порчи» и «приворотные зелья».

11. Колл. В. Н. Перетца, № 643. Травник, XIX в., в 4-ку, 30 лл., начало и конец утрачены. На л. 1 об. написано: «Оглавление цветника».

Реестр травам, которая трава какова собою и к чему угодна. Имена травам и действиям».

12. Колл. В. Н. Перетца, № 388. Травник, XVIII в., в 4-ку, 24 лл., конец утрачен. Как и в предыдущих травниках, приведено много суеве- рных средств.

13. Колл. П. С. Богословского, № 57. Травник, XIX в., в 8-ку, 22 лл., начало и конец утрачены. Приводится описание 57 лечебных трав.

14. Колл. П. С. Богословского, № 31. «Лечебник с травником дон- ского казака Стефана Струкова», XIX в. (начало), начало и конец утра- чены. Наряду с рациональными средствами имеются молитвы, заговоры, поверья.

15. Колл. В. Н. Перетца, № 547. «Домашний лечебник, из разных лечебников собранный», XIX в. (начало), в 4-ку, 73 лл., скоропись. В конце рукописи помещены разные хозяйственные советы.

16. Отдельн. поступ., оп. 24, № 17. Сборник, XVIII в. (середина), в 4-ку, 131 лл. На л. 1 запись: «Сия книга, называемая Лечебник, ижем- ского дьячка Петра Истомина своя собственная да Ивана Истомина. Священник Иван Истомин подписуюсь». С л. 6 начинается «Книга, гла- големая Лусидориос», а с л. 80 — новый лечебник, очевидно переводной, так как в нем делаются ссылки на Галена, Серапиона и др. Часть лечеб- ных советов взята из «Прохладного вертограда».

17. Колл. В. Н. Перетца, № 367. Лечебник, 1763 г., в 4-ку, 40 лл. На л. 1 помечено: «Сей лечебник Таганрогского драгунского полку правиант- мейстера Макара Рычкова, писан сентября 24 дня 1763 года». На л. 2: «Лечебник. Указание главам порознь списано самыя благочестивых рос- сийских прежде бывших царей обтекарския полаты, хотящему всякому человеку здравие изыскати, объявление книги сея начало сиче». Часть лечебника списана с «Прохладного вертограда», например глава «О ка- менех драгих».

18. Отдельн. поступ., оп. 23, № 24. Лечебник, XIX в., в 4-ку, 9 лл. Описаны главным образом лечебные травы. На л. 4 указаны различные приметы по лечению больных, а на л. 8 помещена молитва от падежа скота.

19. Отдельн. поступ., оп. 23, № 121. Лечебник, XVIII в., в 8-ку, на- чало и конец утрачены. Даны указания по лечению 28 болезней. В конце помещен травник, в котором описано целебное действие 27 трав.

20. Колл. Н. М. Маслова, № 10. Лечебник, XVIII в., в 4-ку, 216 лл. Состав рукописи сложный. В первой части рукописи (лл. 1—48) указаны целебные свойства трав, овощей, минералов. На лл. 48—54 приводится «Сказание кратко, како сидети из трав водки на всякие лекарства немощей человеческих», а с л. 70 идет «7204 года сентября в 20 день сочинен- ный реестр из докторских наук великим господином преосвященным Афанасием, архиепископом Холмогорским и Важеским, которые суть к человеческим немощем прилично держать лекарства, и какой причины быти прилежат, и как к немощем человеческим составлять водки из ка- ких зелий, также и лекарства, и из каких вещей и какую они имеют силу, и по тому прилично быть вашего графского сиятельства и ближнего стольника Федора Матвеевича Апраксина и коемуждо лекарству поло- жены главы и по главам дозировать великую в нужде скорбей статью, ко- торая за собою объявит силу и действо». Таким образом, эта часть лечеб- ника является известным «Реестром» Афанасия, однако текст его значи- тельно отличается от известного ранее. Из заглавия «Реестра» выясняется, что он был составлен для сподвижника и свойственника Петра I графа Ф. М. Апраксина. С л. 109 начинается новый раздел лечебника, озаглав-

ленный: «Фармакопедия, или Аптека, имеющая в себе приписание всех лекарств, которые обретаются в аптеках, описаны своим порядком, ис которых может себе каждый человек употреблять в небытии дохтора, имея оной у себя в собрании на то устроенной шкатуле».

Большую ценность представляют две записи. Первая — на л. 171: «199 (1691) года на прошение преосвященного архиепископа Афанасия государские верхние аптеки дьяк Иван Федорович прислал роспись, како строится водка апоплектика, ис каких и коликих зелий, с которою мерою или весом составляется». Вторая запись — на л. 173: «7007 (1699) года на прошение преосвященного Афанасия, милостию божиею архиепископа Холмогорского и Важского, сей рецепт лекарства прислан государевы аптеки дохтором Данилом Алексеевым сыном Гурчиным, и како их принимать, и то писая ниже сего».

Таким образом, на основании записей в данной рукописи устанавливается, для кого именно и каким образом составлялся Афанасием «Реестр». Афанасий, не имея медицинского образования, при составлении «Реестра» был в переписке с дьяком Аптекарского приказа и пользовался указаниями доктора Гурчина.

21. Отдельн. поступ., оп. 23, № 73. Реестр Афанасия Холмогорского, XVIII в., в лист, 24 лл. Это — видоизмененная редакция, дополненная тремя разделами: 1) «О науках, о знаменах в людских немощах, по некоторым знаменам и подлинным по науке лекарской здорового и нездорового человека»; 2) «О знаменах подлинных в людских немощах по лицу и по иным признакам»; 3) «О познании, како познати воду человеку в стклянице».

22. Отдельн. поступ., оп. 23, № 35. Отрывки из разных рукописей. Среди других отрывков имеется один лист из лечебника XVIII в. с советами, «как составлять лекарства на приключившиеся болезни»: «на ценгу», «на трутизну хотьби о жила», «на чехотку».

23. Колл. В. Н. Перетца, № 376. Сборник статей, XVIII в., среди них «Порада здравия докторов парижских 1769 г.». Даются гигиенические и лечебные советы.

24. Колл. В. Н. Перетца, № 427. Сборник статей различного содержания, XVIII в. На л. 154 «Рецепт пластыря камер-юнкера Шифтгаузена».

25. Колл. В. Н. Перетца, № 413. Сборник статей различного содержания, XVIII в. На л. 185 даны гигиенические советы — «предписание лекарства простого, но весьма действительного к отвращению разных болезней и к достижению глубокой старости».

26. Отдельн. поступ., оп. 23, № 145. «Тетрадка лекарственная 1861 года», в 8-ку, 38 лл., представляет собой перечень лекарственных средств от ревматизма, кашля, колотья в ухе, кровавого поноса и других болезней. Кроме того, указано «лекарство противу чумы рогатого скота» и «когда лошадь потеряет аппетит».

27. Отдельн. поступ., оп. 23, № 179. Отрывок из Прохладного вертограда. XVII в., в 4-ку, 4 лл. Обрывочная запись на нижних полях рукописи: «Сия... Вертоград... боярина... Шишиморова».

28. Отдельн. поступ., оп. 23, № 157. Лечебник. XVIII в., в 4-ку, 224 лл. На л. 8 написано: «Книга, глаголемая Быльник, сиреч Травник, имуще в себе описание врачебная былия, иже всесильный и человеколюбный господь наш, Иисус Христос, щадя наше убогое человеческое естество, открыл своим чудотворцом и безмезником Козме и Доминану киру Иоанну, потом многим премудрейшим дохтуром, еже есть лекарем, иже наше естество по нужде исцеление требует». С л. 1 по 63-й указаны астрологические приметы, важные для лечения болезней: «О злых днях», «как пла-

ниту сыскать», «в которы дни составляются лекарства и руду метать». Далее помещены статьи «О моровом поветрии», «О зачатии человеческого» и, наконец, перечислены болезни и способы их лечения.

Лечебники собрания ИРЛИ вносят немалый вклад в наши представления о древнерусских медицинских книгах как памятниках культуры русского народа, представляют большую научную ценность. Благодаря записям в лечебнике № 10 из коллекции Н. М. Маслова устанавливается источник медицинских сведений Афанасия Холмогорского и, таким образом, выясняется происхождение составленного им ценного «Реестра из дохторских наук». В числе рукописей ИРЛИ имеются неизвестные ранее виды лечебников (лечебник Вениамина, а также лечебники №№ 327 и 367 из коллекции В. Н. Перетца и др.). Медицинские рукописи ИРЛИ заслуживают внимания историков русской медицины и культуры.

Т. А. МАХНОВЕЦ, Е. К. ПИОТРОВСКАЯ, Л. В. ЯРОШЕНКО

Поездка за рукописями на Печору летом 1972 г.

В июле 1972 г. студентки филологического факультета Ленинградского университета Е. В. Афанасьева, Н. М. Герасимова, Н. А. Макарова, Т. А. Махновец, Е. М. Шварц, Л. В. Ярошенко и аспирантка Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР Е. К. Пиотровская были командированы Пушкинским Домом и Университетом для собирания рукописей в Усть-Цилемский район Коми АССР. Кроме этого района, участникам экспедиции предстояло провести еще обследование населенных пунктов в бассейне р. Пёпи Ненецкого национального округа Архангельской области.

Усть-Цилемский район в прошлом неоднократно посещался сотрудниками Пушкинского Дома, найденные ими древние книги составили одно из самых уникальных и богатых рукописных его территориальных собраний. В настоящее время Усть-Цилемское собрание насчитывает 887 рукописей XV—XX вв.

Эта экспедиция Пушкинского Дома на Печору начиная с 1949 г. была двенадцатой. Казалось, трудно было рассчитывать на положительные результаты, ведь все уже давно исхожено и найдено, и все-таки ее участники втайне надеялись, что поездка не будет безрезультатной.

Были обследованы с. Усть-Цильма, селения, расположенные вокруг нее, а также деревни, находящиеся по рр. Пижме и Цильме, притокам Печоры. Работа прошлых экспедиций Пушкинского Дома, такт и профессиональная этика старших коллег, их помощь при организации поездки во многом облегчали общение с населением и поиски. В свою очередь, местные жители и любители древних книг оказывали участникам экспедиции поддержку в указании адресов, где могли еще сохраниться какие-либо рукописи, а представители местных сельсоветов и партийных организаций постоянно помогали добираться в труднодоступные места. Правда, в этом году поиски в Усть-Цилемском районе осложнились тем, что, кроме экспедиции Пушкинского Дома, туда одновременно прибыли сотрудники Коми филиала и студенты-этнографы Московского университета. И, безусловно, присутствие такого большого количества людей, тоже интересовавшихся стариной, не способствовало деятельности экспедиции.

Как и следовало ожидать, больше всего рукописных книг оказалось в самой Усть-Цильме и с. Замежном (Пижма).¹ В этих селениях было приобретено и наибольшее их количество.

Отметим наиболее ценные рукописи.

1) Сборник 1708 г., с таблицами и изображениями рук для вычисле-

¹ См.: В. И. Малышев. Возможны ли еще рукописные находки в Усть-Цилемском районе Коми АССР? — ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, стр. 370—374.

ния различных календарных и астрономических данных, дат, лунного, солнечного, звездного течений, индиктов, пасхалий, часов и т. п. Кроме того, в сборнике приведены примеры вычислений, а также статьи схоластико-философского характера об истинной мудрости, о диалектике, притчи о временах года, статьи о римском и языческом календаре и др. Как удалось выяснить из сложной криптограммы, сборник написан изографом (художником) Антонием.

2) Сборник XVIII в., содержащий Пятую челобитную протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу, его же выписки из Книги бесед, отрывок из письма инока Авраама боярыне Морозовой, Житие Корнилия Выговского (пахомьевская редакция) с добавлением рассказов о Никоне.

3) Ключ и азбука крюкового пения, XVIII в. Рукопись выговского происхождения, с изображением певческого ключа и горювского холма.

4) Сборник начала XIX в. сочинений Андрея Денисова нравоучительно-назидательного характера, с его изображением, поморской работы.

5) Сборная рукопись первой трети XIX в., содержащая слова отцов и учителей церкви, Житие Марии Египетской, Повесть о выговском деятеле первой половины XVIII в. Иоанне Внифатьевиче (Кольском), выписки из Великого Зерцала и др.

6) Отрывок Повести Ивана Филиппова о самосожжениях в Мезенском уезде, в списке XIX в.

7) Сборник XIX в., содержащий Синодик Великопоженского скита, с интересными сведениями по истории местного края и с перечнем имен поморских деятелей.

Найдено также несколько рукописей с духовными стихами, апокрифами, гимнографическими сочинениями, посвященными русским подвижникам, статьями из Киево-Печерского патерика, Старчества, Пролога, произведениями выговцев и др. Обнаружены «Газета из ада» — сатира на общественные порядки XIX в., стих-сатира о табаке, «Краткая миробытная история» — местное историческое сочинение летописного характера, письмо известного пажемского книгописца и рисовальщика К. К. Чуркина, XIX в., любопытное из-за некоторых бытовых подробностей. Ряд привезенных рукописей переписан популярными на Печоре в XIX в. писцами И. С. Мяндиным и Н. И. Носовым. На других имеются интересные приписки, записи и пометы, сделанные местными крестьянами.

В Усть-Цилемском районе у населения сохраняются и сейчас еще достаточное количество рукописных книг, прежде всего — служебного характера. Затем встречаются сочинения старообрядческой литературы и изредка — произведения исторического и литературного содержания, не имеющие отношения к старообрядческой письменности.

Всего члены нашей экспедиции нашли на Печоре 47 рукописей XVII—XX вв., тем самым значительно пополнив Печорское собрание. Эти находки свидетельствуют о том, что Усть-Цилемский район, несмотря на неоднократные посещения его экспедициями, до сих пор остается таким местом, где еще вполне возможны интересные рукописные находки. Поэтому очевидно, что некоторое время спустя сюда необходимо направить археографическую экспедицию.

Что же касается работы экспедиции на Пёше, то она носила лишь характер предварительных разысканий и пока никаких положительных результатов не дала. Однако следует надеяться, что в будущем работа в этих местах будет продолжена, ибо рукописные находки и здесь также возможны.

О. Н. СЕНИК

Украинские рукописи в коллекции В. Н. Перетца

Академик В. Н. Перетц известен главным образом как выдающийся исследователь старинной русской и украинской литературы, литературы XVIII в., старинного русского, украинского и польского театра, большой специалист по источниковедению древней русской литературы. Но, к сожалению, значительно меньше сведений о нем как о замечательном собирателе древнерусских рукописей. А между тем коллекция В. Н. Перетца является одной из самых обширных и интересных частных рукописных коллекций, вошедших в состав собрания древнерусских рукописей Пушкинского Дома. Более того, она в свое время была одной из крупнейших частных коллекций старинных рукописей в стране.

По существу коллекция древнерусских рукописей В. Н. Перетца является таким же научным трудом, как и написанные им книги и статьи. Рукописное собрание ученого — это своего рода пособие к тем литературоведческим темам и вопросам, которыми он занимался. В этом смысле украинские рукописи в многочисленной коллекции В. Н. Перетца являются своеобразным отражением его интереса к Украине, ее истории и культуре.

А. А. Назаревский в статье «Памяти учителя» говорит, что «в обследовании рукописных собраний и выявлении в них рукописей украинского происхождения В. Н. Перетц видел единственный правильный путь для определения объема и состава украинской литературы, для построения ее истории и плодотворного изучения. Отсюда его постоянные призывы к упорным разысканиям и тяготение к археографической работе, к обследованию неописанных еще рукописных собраний».¹

В коллекции В. Н. Перетца находятся 62 украинские рукописи XVI—XIX вв., преимущественно литературного и исторического содержания, найденные им в Москве, Ленинграде, Киеве и в других городах страны. Содержание их весьма разнообразно. Есть среди них и такие, которые в украинских списках были ранее вообще неизвестны, и такие, которые еще не привлекали внимания исследователей. Украинские рукописи попадали к В. Н. Перетцу такими же путями, как и все остальные рукописные материалы: ученый покупал их в антикварных магазинах, у частных лиц, получал в дар.

Приобретая ту или иную рукопись, В. Н. Перетц аккуратно записал в отдельную тетрадку самые краткие и необходимые сведения о рукописи. К рукописям украинским, в частности, ученый относился чрезвычайно внимательно. Записи его о рукописях на украинском языке,

¹ А. А. Назаревский. Памяти учителя. — «Вісник Київського університету», 1966, № 8, стр. 62.

а также связанных с Украиной, обращают на себя внимание заметками, подчеркиваниями; иногда эти записи попутно им обосновываются, даются краткие анализы, примеры с фонетическими украинизмами. Эти скудные сведения являлись первым шагом на пути к дальнейшему развернутому анализу текста и предназначались для облегчения как своей собственной последующей работы над украинскими рукописями, так и исследований других ученых, которые пожелали бы воспользоваться рукописными материалами В. Н. Перетца.

О многих украинских рукописях из своей коллекции В. Н. Перетц сам написал исследования, опубликовал их тексты,² немалый вклад в изучение украинских материалов из его коллекции внесли В. П. Адрианова-Перетц, С. Е. Гаевский, Ф. Я. Шолом, А. А. Назаревский и др. И все же в украинской части коллекции В. Н. Перетца найдется еще немало неизученного и заслуживающего внимания.

Несомненный интерес представляет совершенно неисследованный сборник в основном литературного содержания (XVIII в.), который содержит рифмованную повесть на украинском языке «Мужиков три сойшовшия, дай нумо гадати: як би нам свого попа у шори убрати». Сборник включает также «Слово о царе Помороне» (на украинском языке), «Приклад о гордом цесаре Свияне» (на украинском языке), «Повесть о царе православном Агее» (украинского письма).

В сборнике начала XIX в., составленном острожским купцом Борисом Марковым, содержится школьная драма Ивана Некрашевича «Просьба на попа от парафиян слободы Перушмене». Интересным для исследователей может оказаться список «Истории о козаках» (XVIII в.). Автором «Истории о козаках» является козацкий летописец Григорий Грабянка, непосредственно участвовавший в походах и сражениях против польской шляхты.

Ценные материалы может обнаружить исследователь украинского народного творчества среди многочисленных сборников песен XVIII—XIX вв. Имеются здесь и обрядовые песни, и песня, создание которой приписывается гетману Богдану Хмельницкому, и «Козацкая песня про Боннапарте», и многие другие.

Не полностью исследован еще сборник стихотворений на русском и украинском языках (XIX в.). В нем содержатся стихотворения Т. Г. Шевченко и Степана Руданского. Стихотворения Т. Г. Шевченко изучены Ф. Я. Шоломом.³ Стихотворения Степана Руданского пока почему-то оставлены без внимания. Новые сведения по украинской литературе и фольклору найдутся и в других рукописях. Хотелось бы надеяться, что исследование всех этих рукописных материалов — дело недалекого будущего.

Обращаясь к богатому рукописному собранию В. Н. Перетца, исследователи не раз с благодарностью вспомнят этого замечательного ученого и неутомимого коллекционера.

² См., например: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.—Л., 1962. Здесь дана (стр. 234—252) и библиография работ В. Н. Перетца. См. также: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. (Обзор фондов). Составил В. И. Малышев. М.—Л., 1965, стр. 105—108. Указаны изданные тексты из коллекции В. Н. Перетца и исследования, написанные им самим и другими учеными на материалах коллекции, в том числе и украинских.

³ Ф. Я. Шолом. Твори Т. Г. Шевченка в рукописному збірнику XIX століття. — В кн.: Світова велич Тараса Шевченка. Київ, 1964, стр. 12—14.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Пополнение Карельского собрания

Результаты ежегодных экспедиций на Север наглядно демонстрируют, насколько верно и целесообразно систематическое археографическое обследование целых районов. Территориальный принцип комплектования продолжает оставаться наиболее оправданным в современных условиях. Так, и летняя экспедиция 1972 г. позволила существенно пополнить фонды Карельского собрания, одного из крупнейших и интереснейших территориальных собраний Древлехранилища. В этой экспедиции принимали участие автор этих строк и студент Исторического факультета ЛГУ В. К. Зиборов. Целью нашей поездки было обследование районов Архангельской области, примыкающих к Карельской АССР и входивших ранее в состав Олонецкой губернии. Как и всегда, мы прежде всего искали семьи бывших старообрядцев — главных хранителей древней книжности. Кроме того, необходимо было проверить ряд адресов, сообщенных В. И. Малышевым и В. Я. Дерягиным.

Экспедиция началась с обследования деревень по дороге между Плесецком и Конево, и хотя здесь в поисках книг нас ждала неудача, мы получили у местного населения ряд наводящих адресов, использованных нами в дальнейшем. Так, мы выяснили, что следует обратить особое внимание на населенные пункты вдоль р. Кены. Кенорецкое население еще в давние времена испытывало влияние старообрядцев, и у местных жителей сохранились легенды о деятельности в округе скрытников, строивших кельи и часовни в лесах.

Мы обошли деревни Пилюгино, Карякино, Наволок, Лешино, Враниково, Самково, Коровино. Уже в первой деревне — Пилюгино, в доме А. М. Пилюгиной нам удалось получить Часослов XVII в. (№ 549),¹ дополненный оригинальным календарем неподвижных праздников на год, и апокрифическое сказание о власти каждого из архангелов, XIX в. (№ 570). Более результативными оказались поиски в дер. Наволок, где мы приобрели три рукописи. В Наволоке еще остались книги, в том числе и печатные, XVI—XVII вв., но так как они еще читаются некоторыми жителями, то получить их нам не удалось.

Наиболее ценные находки были сделаны в деревне Самково. В. У. Квашнина подарила нам Евангелие-апракос, относящееся к первой четверти XVI в. (№ 547). Рукопись прекрасной сохранности, в древнем переплете (доски вровень с обрезом), на верхней крышке которого имеются наугольники чеканной меди, изображающие четырех евангелистов, и средник с распятием, представляющие интересные образцы древнерусского книжнооформительского искусства.

¹ Номер в скобках обозначает шифр Карельского собрания.

В экспедициях часто приходится слышать о существовавшем когда-то «коробе с книгами» в каком-нибудь доме. Чаще всего, к сожалению, такой короб оказывается легендой. Но велико было наше воодушевление, когда в доме П. В. Верецагиной на поветях мы обнаружили целых два ящика со славянскими книгами, среди которых были и рукописи. Из этих восьми рукописей выделяется Сборник XVIII в. (№ 552), содержащий Страсти Христовы, Легенду о крестном сыне (полный и довольно исправный текст), Повесть дьякона Федора о Петре и Евдокиме, слова Иоанна Златоуста и т. д. В других рукописях содержатся духовные стихи, слова и поучения на разные темы, жития и чудеса подвижников, потно-крюковые служебные тексты и др. Ряд рукописей относится к поморской книгописной школе. Более на р. Кене нам рукописей не удалось найти, однако попадавшиеся в домах старообрядческие поздние издания, а также рассказы местных старожилов позволяют предполагать о некогда распространенной старинной книжности в районе.

Далее наш путь пролегал через большое живописное Кенозеро. Теплоходом из Першлахты можно добраться до любой из деревень на побережье и островах. Мы обследовали Поромский остров, куст деревень Майлахта-Спицыно, деревни Семеново, Тарышкино, Горбачиха, Видягино. Здесь, несмотря на все наши усилия, поиски не увенчались успехом. Затем, пройдя глухими лесными дорогами полузаброшенные деревни Порженское, Думино, Масельга, мы добрались до Лекшмозера. Далее — самолетом — в Каргополь, откуда двинулись к Ошевенску.

Куст деревень Халуи, Низ, Ширяха, Гарь, Бор расположен в непосредственной близости от Александро-Ошевенского монастыря, основанного еще в XV в., и длительное время находился под его влиянием. Однако найденные здесь рукописи свидетельствуют о ранее интенсивной старообрядческой книжности, это же подтверждают рассказы старожилов о местных бегунах. Из привезенных отсюда материалов отметим сборную рукопись XVII—XIX вв., полученную от Е. А. Савиновой (№ 550). В ней содержатся повести из Великого Зеркала, духовные стихи, сочинения Максима Грека «Толкование неудобьпознаваемым речем» и Слово против Самуила Евреина, выписки дьякона Федора «О попех», из Хронографа о Царьграде, об Оригене, похвала Иоанну Златоусту (возможно, русское сочинение), краткий греческо-русский словник, слова и поучения о «еже не осуждати», о гневе, об омраченном пьянстве, об Иване Огороднике, из Кормчей и др. От Е. А. Савиновой получены и Житие, и Страсти Парасковьи Пятницы, 1836 г. (№ 563), и духовные стихи «Любовь — истина святая» и «Птичье житие Серапиона Понявника», 1913 г. (№ 572). Отметим также апокрифы — Житие Василия Нового и видение Григория, ученика его, полученные от А. В. Харитоновой (№ 565).

В лесу под Ошевенским монастырем нам удалось найти вырезанную на деревянной доске (175 × 210 мм) молитву и изображение голгофского креста (№ 548). Искусный мастер вырезал и дату своей работы — 7158 (1650) г., а в хитроумной комбинации букв зашифровал, возможно, и свое имя. Эта находка имеет определенное значение для истории русского прикладного искусства.

В районе Ошевенска нам пришлось столкнуться со следами пребывания многочисленных туристов, главным образом из Москвы, собирательская деятельность которых и «любовь к старине» подорвали доверчивость населения, затруднив в значительной степени и работу государственных экспедиций. Наплыв туристов в такие некогда глухие места не содержит ничего худого, но поведение и методы собирания старины некоторых

из них влияют крайне отрицательно на установление контакта с местным населением.

Мы обследовали еще ряд деревень — Река, Поздышево, Черепаха, Плуборье, Новгородово. Найденные здесь рукописи принадлежат поздней старообрядческой рукописной традиции и происхождением своим обязаны труду местных переписчиков. Так, полученный от У. Г. Поздышевой сборник (Цветник) (№ 567) содержит повесть о патриархе Никоне (из Жития Корнилия Выговского), из Пчелы — о глупом и упрямом, видение Пахомия, выписки о первых христианах; краткая история разделения старообрядцев на согласия, о писании и печатании книг и др. Найден также объемистый сборник выписок по тематическим разделам догматического и полемического содержания (№ 568) (от В. М. Никулина). Интересны также сборник 1913—1931 гг., приобретенный у М. И. Колпаковой (№ 573), в котором содержатся стихи: О прекрасной Весне, Печального узника, Плач Адама, Плач Иоасафа Царевича, Идет старец из монастыря, О молодой юности и др.

Из рукописей совсем поздней традиции, характеризующих местную крестьянскую культуру, отметим черновики воспоминаний П. С. Третьякова, жителя дер. Халуи. В них содержится описание начала войны 1914 г. и случаи из жизни Ошевенского монастыря.

Всего в результате экспедиции удалось пополнить Карельское собрание Древлехранилища Пушкинского Дома 28 рукописями XVI—XX вв.

В. П. БУДАРАГИН

Северодвинские находки

Летом 1972 г. на Северную Двину была направлена очередная археографическая экспедиция, организованная Пушкинским Домом АН СССР и Ленинградским университетом. Кроме автора этих строк, в состав экспедиции входили заведующий отделом редкой книги Университета А. Х. Горфункель и студент филологического факультета Д. М. Буланин. В течение месяца нам предстояло обследовать селения по берегам Северной Двины и ее притоков — рр. Уфтьюге и Верхней Тойме. Район поисков не был случайным. За последние годы здесь побывало уже несколько археографических экспедиций, что давало нам ряд преимуществ: мы знали адреса, условия работы; обнадеживали результаты предыдущих поисков. Однако обильные находки последних лет вызывали естественное опасение, не исчерпаны ли уже книжные богатства этих мест.

25 июня мы вылетели в Котлас и в этот же день добрались до Красноборска, где предполагалось начать поиски. Однако получилось так, что уже на следующий день мы вылетели в пос. Куликово на р. Уфтьюге. Здесь мы обратились к преподавателю истории местной школы Н. В. Рагозину, который прежде неоднократно присылал в Пушкинский Дом древнерусские рукописи, найденные им в окрестных деревнях, где когда-то был один из центров северодвинских старообрядцев. Но, по словам Н. В. Рагозина, последние его поездки оказались безрезультатными, а единственная рукопись, которую мы у него видели, используется им в качестве учебного пособия. В поселке живут в основном рабочие леспромпхоза, но сюда стягивается и население близлежащих деревень, среди которых есть потомки старообрядцев. Рукописи, однако, здесь уже не хранят, и единственная наша находка — это Псалтырь XVIII в.

В пос. Куликово бытует легенда об одном из местных жителей, якобы унаследовавшем библиотеку очень известного на Двине старообрядца-книжника А. П. Осиева; что довести книги до места ему помешала весенняя распутица и где-то на пути забрала их у него на сохранение какая-то женщина, после чего следы библиотеки теряются. Проверить эти слухи нам не удалось.

После Куликова базой экспедиции на несколько дней стало с. Уфтьюга. Все деревни вокруг нее были обследованы, но только в дер. Возмигулево и дер. Колупешка удалось найти по одной рукописи XIX в. В самой Уфтьюге, в школьном музее, которым заведует Н. С. Вячеславов, хранится межевая книга и чертеж на земли дер. Бернетино 1783 г. Не было находок и дальше, вплоть до Березонаволока, откуда мы проехали на машине в пос. Дябрино и дальше, уже пешком, дошли до Цивозера.

Цивозеро — это около двух десятков деревень, вытянувшихся на близком расстоянии одна от другой в направлении Белой Слуды. Когда-то здесь жило немало старообрядческих семей. В дер. Большой Двор нам удалось получить остатки библиотеки Колотовых. Анна Александровна Колотова умерла в 1967 г. в возрасте 85 лет. Ее дом купила А. Н. Афанасьева, которая и раздала постепенно большую часть книг, икон и утвари. А книг здесь было много. Колотовы поддерживали переписку с московскими старообрядцами, муж А. А. Колотовой Александр Васильевич сам долгое время жил в Москве. В их доме была «моленная». На косяке двери в молельню сохранилась медная дощечка с записью о постройке дома: «Построен в 1925 г., в октябре месяце. Работал Андрей Пионов Осиев, да А. В. и П. В. Колотов».

Обследование остальных деревень почти не дало результатов. В дер. Среднее Шепицино у М. Н. Лукиной мы приобрели повесть о табаке (1879 г.), а уже ближе к Белой Слуде в дер. Чудово — часть рукописи XVI в. со службой «на огненное восхождение Ильи-пророка на небо». Обследовав Цивозеро, мы вернулись в Красноборск. Здесь среди поздних старообрядческих изданий попала нам лицевая рукопись XIX в., содержащая выписки из Библии со множеством иллюстраций работы местных книгописцев. Но передать нам ее хозяева отказались.

Следующим районом поисков стала Верхняя Тойма. Мы обошли более двадцати деревень в окрестностях с. Верхняя Тойма и выше по реке. Везде чувствовалось, что предыдущие экспедиции очень старательно обследовали этот район. Мы смогли найти здесь только 3 рукописи XVIII—XIX вв. Старообрядцев в этих краях осталось мало, и они уже не всегда знают, какого они согласия. Находки, однако, здесь еще возможны, особенно вверх по Тойме.

Больше повезло нам в Нижней Тойме. Здесь нам передали часть архива нижнетоемского писца и рисовальщика Василия Ивановича Третьякова (принадлежавшие ему рукописи XVIII в., его записные книжки, письма, рисунки). К сожалению, не удалось получить Страсти Христовы, им самим переписанные и иллюстрированные. И. И. Кузнецов из дер. Аввакумовская подарил нам книги и рукописи местного книжника Александра Васильевича Меньшикова, ныне покойного. Мы ознакомились с большим книжным собранием А. Н. Сивкова, самого авторитетного старообрядца Нижней Тоймы. Рукописи он, однако, уже передал какому-то любителю древней письменности из г. Ленинграда. Мы получили одну богослужебную рукопись местного письма и послание из Петербурга от Окулины к некоему Леонтию Ивановичу 1908 г.

Посетили мы местный краеведческий музей, которым заведует школьная учительница Р. С. Сенчукова. Она собрала по близким и дальним деревням очень хорошую экспозицию, характеризующую быт нижнетоемского крестьянина. К сожалению, книги и рукописи она не брала, даже если они ей и попадались на чердаках опустевших домов.

Из Нижней Тоймы мы перебрались в с. Борок, где в 1971 г. очень успешно работали археологи Пушкинского Дома и Ленинградского университета и откуда осенью этого же года была доставлена в Пушкинский Дом библиотека В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой. Мы еще раз побывали в доме А. Ф. Богдановой. И еще семь рукописей пополнили собрание. Это — удивительный дом, где рукописи были буквально везде, во всех его углах. Находки нашей экспедиции происходят из «боковушек» около молельни и явились результатом раскопок в прямом смысле слова. Среди них — сборник стихов, содержащий стих о смерти (с упоминанием Петра I), стих «об озлоблении кафоликов», о пустыни, об Андрее Дени-

сове и др.; сборник со словами о покаянии и Иерусалимским свитком; апокрифическая молитва архангелу Михаилу, служба Владимирской иконе Богоматери и другие произведения.

В деревнях Кузнецово и Городок были сделаны наши последние приобретения. И. А. Мироновский вместе с ценными печатными изданиями XVII в. принес рукописную Книгу о вере, XVIII в. (70-е годы), с владельческой записью Матвея Егоровича Сенчукова. А. В. Новиков подарил Пушкинскому Дому две рукописи («Сын церковный» и Месяцеслов), оставшиеся в доме от прежних хозяев. На л. 187 Месяцеслова запись: «Сии святцы списаны крестьянином Топецкого общества Иваном Семеновым Точиловым в 1879 году. Сии святцы выписываны из Прологов и Святцей. Списанные для своей пользы, по нынешним ценам стоят ценой 3 руб. 50 коп.».

Из Борка мы переправились на другой берег, в Сельцо. Но старообрядцев там, кажется, давно уже нет. Нет и рукописей. В Сельце экспедиция закончила свою работу.

Находки этого года (собрано 38 рукописей XVI—XIX вв.) по количеству и по качеству уступают результатам предыдущих двинских экспедиций, что вполне естественно — лучшая часть рукописного наследия этих районов была собрана нашими предшественниками. Наша экспедиция была как бы контрольной, и смысл ее заключался в том, чтобы максимально пополнить наши сведения о рукописной культуре обследованных районов. Однако думается, что находки здесь, хотя и небольшие, еще возможны и новая экспедиция целесообразна.

ЗАМЕТКИ

Г. М. ПРОХОРОВ

Заметка по поводу статьи Н. А. Чернышева «Апокалипсический сюжет Годуновского паникадила Софийского собора в Новгороде»¹

Остроумная догадка Н. А. Чернышева о том, что конструкция центрального, подкупольного, светильника, хороса, новгородского Софийского собора отражает литературный образ небесного Иерусалима, может быть подкреплена мнением авторитетных знатоков. О символике храма и храмовых светильников хорошо пишет Симеон Солунский (XIV—XV вв.). Храм в целом, объясняет он, служит образом этого видимого мира: его верхняя часть — образ неба, а нижняя — то, что находится на земле, извне же он символизирует землю живущих неразумно и не знающих ничего высшего.² «Поэтому в храме, как в мире видимом, вешаются светильники, — как звезды. Круг светильников изображает твердь и круги планет. Кроме того..., одни (светильники сделаны, — Г. П.) во образ древнего огненного столпа и прями, другие — во образ купины, иные — во образ колесницы, восхитившей Илию, — колесообразные; одни, три-свещные, — в честь Троицы, — каковы трикирии, другие, седмисвещные, — по числу даров (Святого духа, — Г. П.), иные, двенадцатисвещные, — в честь апостольского лика, посреди коих ставится одна высшая свеча во образ великого света Иисуса. Бывают еще дикирии, знаменующие два естества его, и светильники односвещные, знаменующие единство Троицы или указующие на одного какого-либо святого, перед которым они повешены. Ибо и каждый из святых есть свет по причастию, и душа его есть как бы сияющая свеча».³

Еще лучше подтверждает мысль Н. А. Чернышева описание хороса Благовещенского собора в Лавре св. Афанасия на Афоне, сделанное в XVIII в. В. Григоровичем-Барским. «Весь же храм, — пишет он, — полнь есть от многого украшения полиелеов, полекандилов и изрядных икон. Свещников шесть, немецкаго дела, на них же по тринадцать свещ стоят: по дванадесять малих окрест, и посреде едина велика... Но глава всему тамо украшению церковному есть некий, от всех святогорцев именуемый, хорос, иже в коемждо монастыре в соборномь обретается храме, единым и тимьжде подобием, кругловиден, аки обруч, но и качеством и

¹ См.: ТОДРЛ, т. XXVIII, Л., 1974, стр. 365—367.

² Блаженного Симеона Фессалоникийскаго Разговор о святых священнодействих и таинствах церковных. — В кн.: Писания св. отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения, т. II. СПб., 1856, стр. 183.

³ Там же, стр. 193—194. См. также: В е н и а м и н, еп. Новая скрижаль, или Пополнительное объяснение о церкви, о литургии, о всех службах и утварях церковных, ч. I. М., 1803, стр. 43.

количеством разнствует, иный бо искуснейшаго мастерства, а иный не весма искуснаго, ин зело велик, а ин мал, а ин посредний, по величеству главы храма; в Лавре же болший всех, понеже и главы храма болша всех храмов святогорских. Хорос убо гречески не что инно знаменует, точию лик торжествующих и чинно окрест обстоящих, наподобие убо живаго лика метафоричным способом и оный бездушный лик, или хорос, нарицается. Есть убо сий хорос — некий обруч спежовый, равною мерою с главою храма соделанный, в широту яко на пяд или болше, или менше, но вес сквозе дирав изваянный, с преплетанием различных тонко изритых цветов, и птиц, и животных, с частими пределами орлов двоглавных и неких кругов, наподобие башен, висит же оцеплен з вию главной храма на дванадѣсять поясах, тоюжде штукаю и художеством излиянных. В иных убо монастырях на осмы поясах висит, в иных же на десяти, по широкости главы церковной; в святой же Лавре на дванадѣсять поясах обешен есть хорос, сицевым образом. Могут же в Росии, идеже суть храмы велики, и на двадѣсятьх поясах его повесити и стократнейшее великолепие явити, но несть тамо таковаго обичая, ниже в инных странах Греции, точию в неких окрест Святой Гори приближающихся жилищ и в земле Волоской, идеже святогорцев многии суть причастнии монастыри. Нижает же обруча онаго, такожде тонко излиянные некие дескоси, диравие, наподобие решет или кадилниц висящих, ваготи ради и праваго висения хороса. Нижает же тых висят кутасы шелковии, красования ради, сверху же, окрест всего хороса обстоят, на острогах водружении, свечи многи, в иных монастырях множайшы числом, в инных же меншии, по количеству главы храма. В святой же Лавре на хоросе суть свещь 72, с притворными сверху цветами, наподобие кринов и рощ, иже никогда все запалются, точию некий определенны от них нарочно зажигаются в дны праздничны на всеошных бдениих, в время, егда поется полиелей; от них же неугасаемии суть 33». ⁴

Мысль Н. А. Чернышева побуждает сказать также несколько слов о роли литературы в средневековой культуре.

Иконы, фрески, изваяния почти всегда связаны с тем или иным текстом. Роль музыки в храме — быть «интонацией» текста. Задача архитектуры — оптимально вмещать Слово, его «интонацию» и «иллюстрацию». Литература — госпожа храмоваго ансамбля искусств.

С концом «средних веков» искусства выходят из такой прямой зависимости от литературы и постепенно обособляются друг от друга. Культура в целом дробится и усложняется, литература перестает быть ее интегратором.

⁴ Второе посещение святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского, им самим описанное. — ППС, т. III, СПб., 1885, стр. 20—22.

А. ХИПИСЛИ

Carmen echiсum у Симеона Полоцкого

В т. XXI «Трудов Отдела древнерусской литературы» опубликованы два ранних произведения Симеона Полоцкого.¹ Мы считаем нужным сделать несколько замечаний о втором из них («Диалог краткий») и о поэтическом жанре, к которому оно принадлежит.

Напечатав вместе эти два стихотворения («Метры» и «Диалог краткий») по рукописи ЦГАДА, ф. 381, № 1800, и свел их в одну категорию («декламация»), автор публикации Н. И. Прашкович сглаживает существенную разницу между ними. Как пояснил И. П. Еремин, «Диалог краткий» является примером особого стилистического приема — «эха», или *carmen echiсum*.² *Carmen echiсum* — стихотворение, состоящее из ряда вопросов и рифмующихся с ними ответов, чаще всего по одной паре в каждом стихе.

«Диалог краткий» помещен также в «Рифмологине» (ГИМ, Синодальное собр., № 287, л. 375 об.). В «Рифмологине» разобрать правильную форму «Диалога краткого» не составляет труда, так как почти все вопросы кончаются соответствующим знаком препинания (точкой с запятой — предшественником вопросительного знака), а ответы пишутся киноварью. В рукописи ЦГАДА, ф. 381, № 1800, ответы подчеркиваются. К сожалению, Н. И. Прашкович не обратил внимания на статью И. П. Еремина (ср. утверждение, что «Диалог краткий» — это «декламация Симеона Полоцкого... не изучавшаяся исследователями»³). Как бы то ни было, вся трактовка «Диалога краткого» в статье Н. И. Прашковича свидетельствует о том, что исследователь не учел прием *carmen echiсum*, один из элементов стиля барокко у Симеона Полоцкого. Стихотворение называется диалогом, а опубликовано как сплошной монолог. В самом деле, «Диалог краткий» в том виде, в каком он воспроизведен у Н. И. Прашковича, имеет мало смысла. Говоря о добродетелях царя Алексея Михайловича, например, поэт как будто пишет нечто невразумительное (цитирую текст по Н. И. Прашковичу):

Что в нем благозрыши еди лепоты, доброты,
Кня, всякия, дажд едину милостыню.⁴

¹ Н. И. Прашкович. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий»). — ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 29—38.

² И. П. Еремин. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 142.

³ Н. И. Прашкович. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого, стр. 31.

⁴ Там же, стр. 38.

В «Рифмологионе» это двустишие читается так (разрядкой здесь и ниже выделены слова, написанные киноварью):

Что в нем зриши еда лепоты? Доброты.
Кня? Вся кня. Дажь едину. Милостыню.

Это можно перевести следующим образом:

Что ты видишь в нем кроме красоты? — Добродетели.
Какие? — Многие. — Назови одну. — Милостыня.

Цитируем публикацию Н. И. Прашковича дальше:

О царевиче, повежд ми, исполнь надеждми.
Что с ним будет, страх людем, известно, нелестно.

Трудно догадаться, что это значит. Вот как это двустишие читается в «Рифмологионе»:

О царевиче повеждь ми. Исполнь надеждми.
Что с ним будем? Страх людем. Известно? Нелестно.

Если речь идет о диалоге, то возникает вопрос, между кем и кем он ведется? Задаст вопросы, по-видимому, поэт (хотя он себя и не называет), в то время как его собеседник — Счастье, не кто иной, как римская богиня Фортуна, воскрешенная писателями Ренессанса и столь излюбленная эмблематиками эпохи барокко. Гиперболический тон стихотворения чувствуется с самого начала, где Счастье утверждает, что служит парю Алексею Михайловичу, и где оно предсказывает ему блестящее будущее. Эта тема в публикации Н. И. Прашковича не всегда очевидна. Третий стих совершенно непонятен:

Кто саном, царь розанам, коли дуж, храбрый муж.

Этот стих выглядит в «Рифмологионе» так:

Кто саном? Царь роксаном. Коль дуж? Храбрый муж.

Подданные Алексея Михайловича не цветы («розы»), а люди — «роксаны» (от «роксоланы»). Термин *Roxolani*, или *Ῥωξολανοί*, употреблялся еще древними авторами для обозначения славянских племен, населявших берега Дона и Днепра в первых веках н. э., а впоследствии обильно использовался в барочной славистике.

Вторым, хотя не очень хорошим, образцом *сатмен есичисм* у Симеона Полоцкого является «Диалог краткий о государе царевиче и великом князе Алексею Алексиевиче». ⁵ Как и первый, этот диалог декламировался перед царем в 1660 г. во время первого посещения Москвы Симеоном. Он состоит из 12 сапфических строф. Действующие лица не названы; хотя стихотворение начинается с обмена репликами, строгая форма *сатмен есичисм* не соблюдается дальше 7-й строфы. После этого оба действующих лица сливаются в одно и начинают прославлять царя как будто двумя голосами:

Будь славен, Алексею, над землею всею,
Где светят луча солнца во вся земли конца.
Вся страны с россияны да ты величают
И работают.

⁵ ЦГАДА, ф. 381, № 1800, лл. 40 об.—42; ГИМ, Синодальное собр., № 287, лл. 376 об.—377 («Рифмологион»). Цитируем по «Рифмологиону».

Самый «чистый» образец *carmen echicum* можно найти в «Орле Российском» под названием «Феэфон и Ихо».⁶ Это стихотворение является настоящим «эхом» в том смысле, что Феэфон (т. е. солище, от греч. φαέθων) ведет диалог со своим собственным эхом. Искусство этого приема состоит в том, что, хотя каждый ответ рифмуется с последней частицей предыдущего вопроса, мы имеем дело не с простым эхом, механически повторяющим слова говорящего, а с мыслящим собеседником, который сообщает разумные и даже неожиданные сведения. К тому же эти сведения влияют на говорящего и придают диалогу драматическое развитие. Так, Феэфон в начале стихотворения претендует на первенство во Вселенной («образ божия славы аз есм»), но, узнав от эха о доблестях царя Алексея Михайловича, к концу диалога уступает тому свое место. Типичным для барочного стиля является смешение античных и христианских тем. Языческий божок оказывается вполне сведущим в поучениях апостола Павла о вере и делах и в конце диалога даже молится Христу о счастье царя и царевича.

Ниже печатаются два *carmina echica* из «Рифмологиона». Пунктуация современная. «Ответы» выделяются разрядкой даже в тех случаях, когда в оригинале они не пишутся киноварью.

Диалог краткий

Рцы, Щасте, кому служиши, кто есть сей? Алексей.
 Чья кров? Сын Михайлов. Государев? Царев.
 Кто саном? Царь роксаном. Коль дуж? Храбрый муж.
 Буди ж царь на премнога крепок лета, света.
 Что в нем зриши еда лепоты? Доброты.
 Кня? Вся кня. Дажь едину. Милостыню.
 Кую любовь имеет ко богу? Премногу.
 Ближних любит а ли своих и како? Ей, всяко.
 Что му боляре, рцы ми ответом? Советом.
 Како на враги творит победы? Без беды.
 Есть ли победным отец милосерд? Ей, усерд.
 Вем, не крве хочет в бранех, но веры без меры.
 Земль му пространства тако ж не треба, но неба.
 Тем молим: буди помощ ему бога многа.
 Царствуй же здрав, о царю всем концем под солнцем,
 И милостив всегда на твоя люди буди.
 Подаждь на державныи си грады отрады,
 Да тако славен будеш повсюду, отсюду.
 Кому свет есть царица Мариам? Россиям.
 О царевиче повеждь ми. Исполнь надежди.
 Что с ним будем? Страх людем. Известно? Нелестно.
 Сут ли царевны светила человека? Всим веком.
 Тем да всегда сияют во вси концы света,
 Единодушно поем многа лета.

(ГИМ, Синадальное собр., № 287, л. 375 об.)

Диалог краткий о государе царевиче и великом князе Алексию Алексиевиче

1

Что в надежде о сыне царстем Алексею?
 Дай Бог скипетр восприимет над всею землею.
 Ким образом? През разум. Откуда будет мощ?
 Бог будет в помощ.

⁶ «Рифмологион», лл. 461 об.—462. Подносный экземпляр «Орла Российского» хранится в БАН, 16.5.7. По этому списку «Орел Российский» опубликован в кн.: Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого. Сообщил Н. А. Смирнов. — ППД, СХХХІІІ, СПб., 1915 («Феэфон и Ихо» — стр. 69—70).

^a В ркп. любих (ГИМ, Синадальное собр., № 287, л. 375 об.).

2

Кто хранитель? Спаситель. А кто вожд? Даяй дожд.
 Кто оброна? Царь фтрона. Небесна? Всечестна.
 Чым вестно? Живет честно. Будет же до конца?
 Яко свет солнца.

3

Что знамя? Царско племя. Нрав ли срода? Природа.
 Падет овощ близ древа. Так ли человек? От век.
 Лев ли птенца не родит? Не плодит. С орлицы?
 Несть голубицы.

4

Что ж с царя Алексия? Орел Руси всея.
 Коль красен? Зело ясен. Коль сильны? Предивны.
 Что слава? Даст бог, будет глава. Ким народом?
 России плодом.

5

А к тому? Литовскому. А еще? И Полще.
 Над то кому? Шведскому. А Крыму? И Рыму.
 Тем буди царь всем страном, а гаряном, иным
 Народом дивным.

6

Кто родом? З царя плодом. Коль благий? Вседрагий.
 Як щедрый? Милосердый. Нишым? Дател пищы.
 Пришелцем? Есть приемцем. Вдовам убогим?
 Богатство многим.

7

А миру? Подаст веру. Над люде? Царь буде.
 Избранный? Богом даннй. Христианом? Всим страном.
 Тем ему дай бог век мног, и вся концы света
 На многа лета.

8

Здравствуй же, Алексию, прими возраст, область.
 Сияй светло над нами, твоими рабами.
 Мы тя будем всем людем всегда прославляти
 И величати.

9

Будь славен, Алексию, над землею всею,
 Где светят луча солнца во вся земли конца.
 Вся страны с россианы да тя величают
 И работают.

10

Дай бог твоей десницы, где свет есть денницы,
 И вся яже на земли, щасливо поемли.
 А враги за вси праги и за крайне море
 Прожени вскорє.

11

Як молние блистает, имя да сияет
 Твое, о Алексию, славы ти лучею.
 Щастє, крепость и милость вславят тя, щедроты
 И вся доброты.

12

Мы паки имя твое славим пречестное.
 Должну ти честь приносим, а о милость просим.
 Пощади и отради, да чтеши от бога
 Лета премнога.

ХРОНИКА

Ю. К. БЕГУНОВ

Мария Борисовна Виднэс

(1903—1972 гг.)

Некролог

23 декабря 1972 г. за своим рабочим столом, на 70-м году жизни скончалась доцент Хельсинкского университета Мария Борисовна Виднэс; всего несколько месяцев не дожила она до своего 70-летнего юбилея. В ее лице скандинавская славистика потеряла ученого-труженика. До последней минуты жизни она не прекращала работы над книгой о славяно-русских пергаменных отрывках Апракоса-евангелия, найденных в Скандинавии; эту книгу ей не суждено было закончить.

Мария Борисовна была в полном смысле подвижницей науки, отдавая ей все свои силы и все без остатка время. В течение многих лет Виднэс работала библиотекарем, а затем заместителем заведующего Славянской библиотеки при Университете в Хельсинки. Многие слависты, занимавшиеся в этой библиотеке, не раз пользовались ее обширными библиографическими познаниями и советами. От книговедения и библиографии Мария Борисовна переходила к древнерусскому и старославянскому языкознанию, читая лекции по истории этих языков, по стилистике и теории перевода с финского языка на русский; в конце 1970 г. М. Б. Виднэс получила титул профессора *honoris causa*. Поистине удивительно, как умела Мария Борисовна сочетать свою работу в библиотеке с огромной деятельностью преподавателя и с каждодневным научно-исследовательским трудом. Ее эрудиция была огромной: от Кирилла и Мефодия до Франсуа Рабле и от русского летописания до Федора Достоевского и Владимира Соловьева.

Достаточно познакомиться со списком научных трудов финской исследовательницы, чтобы убедиться, сколько интересного она успела написать за свою жизнь. В области истории русского языка отметим ее докторскую диссертацию «Позиция притяжательных эпитетов в древнерусском языке» (1952 г.), а также вышедшие на страницах скандинавских и советских журналов статьи «О русском слове „история“ — „гистория“» (1957 г.), «О некоторых изменениях в позиции выражения принадлежности в русском языке XVII—XVIII вв.» (1958 г.), «Займованные слова у Василия Тредиаковского» (1960 г.), «О русских композита» (1967 г.), «Происхождение относительных предложений с местоимением „что“ в русском языке» (1970 г.) и др.

В области истории русской литературы назовем ценную книгу М. Б. Виднэс «Славяно-русские синаксари „Финляндских отрывков“»,

в которой сочетаются лингвистические и текстологические методы исследования (1966 г.).

Известны ее выступления против гипотезы Попова-Будовница, настаивавших на исключительно русском происхождении Изборника 1076 г. (1967 г.). Внимание многих привлекла находка М. Б. Виднэс в университетской библиотеке Хельсинки единственного списка дотоле неизвестной оды Михаила Чулкова. В разные годы внимание финской исследовательницы привлекали жизнь и творчество Николая Мирликийского, Иоанна Дамаскина, Кирилла и Мефодия, Климента Охридского, Феофана Грека, Арсения Коневского; интересовалась она соотношением язычества и христианства в средневековой Карелии, иконописным искусством карельских мастеров, историей библиотеки Валаамского монастыря и Хельсинкской университетской библиотеки, рецепцией русской и советской литературы в Финляндии и восприятием русскими детьми сказок Топелиуса.

Занималась она и исследованием творчества Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова; развивая взгляды финского философа-рационалиста Эйно Кайла, писала о жизни и творчестве В. С. Соловьева, о его молодых годах, о его стихах, посвященных Финляндии. Немало внимания М. Б. Виднэс уделяла переводам с русского на финский язык, а также рецензированию вновь вышедших книг по библиотековедению, книговедению, истории литературы и искусства России.

Всех, знавших Марию Борисовну, поражала ее энергия, когда она, в немолодые годы и при некрепком здоровье, часто путешествовала по Европе для чтения лекций, работы в библиотеках и участия в международных симпозиумах. Так, весной—летом 1970 г. М. Б. Виднэс посетила 10 крупнейших библиотек Парижа; вернувшись домой, прочитала доклад в г. Ваза Женскому академическому союзу о Ф. М. Достоевском, а затем отправилась в Университет Эрланген-Нюрнберг с циклом лекций по русской литературе (Владимир Соловьев и символисты) и еще успела выступить в Зальцбурге на очередном Кирилло-Мефодиевском конгрессе с докладом «Языческое и византийско-христианское в Карелии». В библиотеках Хельсинки, Стокгольма, Ленинграда и Москвы М. Б. Виднэс проводила долгие часы над древними манускриптами. Ее фундаментальное описание древнеславянских рукописей Университетской библиотеки в Хельсинки, почти законченное, так и не увидело, к сожалению, свет. В последние годы профессор Виднэс пользовалась каждой возможностью, чтобы посетить Советский Союз. В богатых библиотеках Москвы и Ленинграда, в их рукописных отделах, она находила свое маленькое счастье, когда ей удавалось отождествить найденные ею в библиотеках Скандинавии фрагменты древних рукописей с их новгородскими оригиналами.

В 1972 г. М. Б. Виднэс была в Советском Союзе, но в Ленинград не заехала. Наша встреча, таким образом, к сожалению, не состоялась.

Пусть же в сердцах тех, кто знал труды Марии Борисовны и кто был лично знаком с ней, останется навсегда ее образ и воспоминание обо всем добром, что оставлено ею.

**Перечень научных трудов Марии Борисовны Виднэс
по древнерусской литературе, языку, искусству, археографии**

Монографии

1. La position de l'adjectif épithète en vieux russe. Helsingfors, 1952, 197 p. То же. 2 ed. In seria: Commentationes Humanarum litterarum societatis scientiarum fennica, Helsingfors, vol. XVIII, № 2, 1953. 197 p.

2. Les Synaxaires slavo-russes des «Fragments Finlandais». Helsingfors, 1966. 214 p. (Commentationes Humanarum litterarum societatis scientiarum fennica, vol. XXXVIII, № 1).

Рец.: Ю. К. Бегунов — Русская литература, Л., 1967, № 4, стр. 248—250; X. Кодов — Известия на Народна библиотека «Кирил и Методий», т. IX (XV), София, 1969, стр. 291—294.

Статьи

1. Valamo klosterbibliotek. [Валаамская монастырская библиотека]. — Nordisk tidskrift för bok- och biblioteksväsen, Uppsala, 1940, t. 27, № 2, s. 81—98.
2. Über russisch «istorija» — «gistorija». [О русском слове «история» — «гистория»]. — Scando-slavica, København, 1957, vol. 3, ss. 137—139.
3. О выражении принадлежности в русском языке XVIII—XIX веков. — Scando-slavica, København, 1958, vol. 4, стр. 166—175.
То же под заглавием: О некоторых изменениях в позиции выражения принадлежности в русском языке XVIII—XIX веков. — Вопросы языковедения, М., 1958, № 5, стр. 99—101.
4. La constitution du fonds slave de la Bibliothèque universitaire de Helsinki. [Состав славянского фонда Университетской библиотеки в Хельсинки]. — Cahiers du Monde russe et soviétique, Paris, 1961, vol. 11, № 3, pp. 395—408.
5. Venäläisen pidetty opetuskokoelma «Sbornik Svjatoslava» 1076 goda [Сборник поучений Святослава 1076 года, считавшийся русским произведением]. — Logos, Helsinki, 1963, vol. 14, ss. 23—30.
6. *Pyhittäjä Arseni Konevitsalaisen elämä [Житие преп. Арсения Коневского]. — Ortodoksia, Helsinki, 1964, vol. 14, ss. 9—45.
7. Un parchemin slavo-russe de la Bibliothèque universitaire de Helsinki [Славно-русский пергамент из Университетской библиотеки в Хельсинки]. — Scando-slavica, København, 1964, vol. 10, pp. 133—147.
8. Theofanes Kreikkalainen novgorodin ortodoksisuuden apologetina [Феофан Грек — апологет новгородского православия]. — Ortodoksia, Helsinki, 1965, vol. 16, ss. 3—13.
9. *Über die russischen Komposita [О русских сложных словах]. — In: Lingua viget. Commentationes Slavicae in honorem V. Kiparsky. Helsinki, 1965, ss. 161—167.
10. Der «Sbornik Svjatoslava» vom Jahre 1076 [Сборник Святослава 1076 года]. — In: Annales instituti slavici, hrsgb. von F. Zagiba. Bd. 1—3. Geschichte der Ost- und Westkirche in ihren wechselseitigen Beziehungen. Acta Congressus historiae Slavicae Salisburgensis in memoriam SS. Cyrilli et Methodii anno 1963 celebrati. Wiesbaden, 1967, SS. 84—86.
11. **Uutta tietoa Karjalan ikonitaiteesta [Новые сведения о карельском иконописании]. — Itä-Suomi, Lappeenranta, 1968, № 6.
12. Un fragment d'aparakos à la Bibliothèque universitaire de Helsinki [Фрагмент апракоса из Университетской библиотеки Хельсинки]. — Scando-slavica, København, 1969, vol. 16, pp. 147—155.
13. Ein unbekanntes Psalterfragment aus Vasterås in Schweden [Неизвестный фрагмент Псалтыри из Вестероса в Швеции]. — Die Welt der Slaven, Wiesbaden, 1970, Jhrg. 15, N. 4, SS. 388—395.
14. Etude sur quelques feuilles complémentaire à l'Évangeliare de la Bibliothèque royale de Stockholm KVA 787a 10 et 6 [Исследование нескольких листов, принадлежащих Евангелию из Королевской библиотеки в Стокгольме]. — Scando-slavica, København, 1970, vol. 16, pp. 205—224.
15. La gènesè de la proposition relative avec le pronom «что» en russe [Происхождение относительных предложений с местоимением «что» в русском языке]. — In: Actes du Xme Congrès International des linguistes, Bucarest 28 août—2 septembre 1967. Bucarest, 1970, pp. 995—997.
16. Неизвестный отрывок Псалтыри из Вестероса в Швеции. — ТОДРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1971, стр. 352—356.
17. Славяно-русские пергаменные отрывки в скандинавских собраниях. — В кн.: Текстология славянских литератур. Доклады конференции Текстологической комиссии Международного комитета славистов. Л., 1973, стр. 235—238.
18. La balance entre les cas sans préposition et avec préposition en russe [Соотношение падежей без предлогов в русском языке]. — In: VII Międzynarodowy kongres slawistów, Warszawa, 21—27 VIII 1973. Streszczenia referatów i komunikatów. Międzynarodowy komitet slawistów. Polska akademia nauk. Polski komitet slawistów. Warszawa, 1973, pp. 298—299.

* В соавторстве с X. Кирккиненем.

** В соавторстве с А. Яскинен.

**Научные заседания Сектора древнерусской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР в 1962—1972 гг.¹**

1962 г.

31 января. Доклад О. В. Творогова «О изучении устойчивых литературных формул».

21 февраля. Доклад Н. И. Гаген-Торн «О некоторых темных местах „Слова о полку Игореве“».

7 марта. Доклад Р. Б. Тарковского «Из наблюдений над списками первого русского перевода Эзопа».

23 марта. Сообщение В. И. Малышева о составлении путеводителя по собраниям древнерусских рукописей Пушкинского Дома.

11 апреля. Отчет Г. М. Прохорова об археографической экспедиции на Верхнюю Мезень; сообщение Ю. К. Бегунова о коллекции древнерусских рукописей А. П. Гранкова.

13 июня. Доклад М. П. Алексеева «„Прение моря и земли“ в русской литературе XVI—XVII вв.».

4 июля. Доклад Ц. Кучера (Чехословакия) «К вопросу об издании Домостроя».

24 сентября. Доклад Д. Симмонса (Англия) «О старопечатных книгах, находящихся в Англии».

10 октября. Доклад И. П. Еремьина «К вопросу о византийском влиянии на болгарскую и древнерусскую литературу IX—XII вв.».

17 октября. Доклад Я. С. Лурье «„Повесть о Дракуле“ и ее западные параллели (к вопросу о зарождении восточноевропейского маккиавелизма)».

24 октября. Доклад Ю. К. Бегунова «Новонайденное произведение древнерусской литературы о борьбе Ивана III с церковью».

31 октября. Доклад А. С. Демина «Письмовники XVI—XVII вв. (общая характеристика и текстологический анализ)».

14 ноября. Доклад К. И. Логачева «О выносных буквах в древнерусской письменности».

21 ноября. Доклад А. М. Панченко «Некоторые вопросы изучения древнерусского стихотворства».

28 ноября. Доклад Ю. К. Бегунова «История текста „Беседы“ болгарского писателя Козмы Пресвитера в России».

12 декабря. Отчет А. М. Панченко и А. С. Демина об археографической экспедиции на Пинегу; отчет В. И. Малышева о командировке в г. Пустозерск.

19 декабря. Сообщение Ю. К. Бегунова «Предварительные результаты изучения истории текста „Повести о Фроле Скобееве“».

¹ Сведения за предшествующие годы см. в тт. XII, XIII, XV—XVIII ТОДРЛ.

1963 г.

30 января. Доклад И. П. Еремина «Анонимное сказание о Борисе и Глебе»; сообщение Н. Н. Розова о книге Л. Мюллера «Похвальное слово митрополита Илариона Владимиру Святому».

13 февраля. Доклад А. С. Демина «Письмовники XV в.»; сообщение А. Л. Гольдберга «К 150-летию Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина».

27 февраля. Доклад А. А. Зимина «К изучению „Слова о полку Игореве“».

3 апреля. Доклад А. С. Демина «Русский письмовник в Великих Минеях Четвх».

10 апреля. Доклад Л. А. Дмитриева «Некоторые итоги и очередные задачи изучения „Слова о полку Игореве“».

17 апреля. Доклад Ю. К. Бегунова «Новый отрывок из „Слова иного“ о борьбе Ивана III с землевладением церкви».

22 мая. Доклад Ф. Я. Приимы «К. Ф. Калайдович как исследователь „Слова о полку Игореве“».

9 октября. Сообщение Д. С. Лихачева о V Международном съезде славистов в Софии.

16 октября. Доклад О. В. Творогова «Принципы передачи древнерусского текста в изданиях литературоведов».

23 октября. Сообщение В. И. Малышева «Современные москвичи — собиратели древнерусских рукописей и книг»; сообщение А. М. Панченко «Книга Й. Грабака „К методологии изучения древнечешской литературы“».

30 октября. Отчеты об археографических экспедициях 1963 г.: А. М. Панченко «Пинежская экспедиция»; А. Х. Горфункеля «Старопечатные книги, собранные на Пинеге»; Ю. К. Бегунова «О находках на Усть-Цильме»; Н. С. Демковой и Н. Ф. Дробленковой «Поездка в Сольцы».

4 ноября. Доклад Ю. К. Бегунова «К изучению истории текста и датировки „Повести о Фроле Скобееве“».

11 декабря. Доклад Я. С. Лурье «Возникновение художественной прозы (беллетристики) в Древней Руси».

23 декабря. Доклад А. П. Евгеньевой «Работа по составлению исторических словарей языка писателей в Польше».

1964 г.

12 февраля. Доклад И. Н. Лебедевой «Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод».

26 февраля. Доклад А. М. Панченко «Поэтика литературных подделок».

4 марта. Доклад А. И. Попова «„Слово о полку Игореве“ как исторический источник XII в.».

11 марта. Доклад Т. Н. Михельсон «Живописный цикл Ферапонта монастыря на тему акафиста».

25 марта. Доклад Д. С. Лихачева «Поэтика подражания (об отношении „Задонщины“ к „Слову о полку Игореве“»).

8 апреля. Доклад Ю. К. Бегунова «„Сказание о железных врагах“ — новонайденные путевые записки о путешествии в Азербайджан».

17 апреля. Заседание, посвященное памяти И. П. Еремина.

20 мая. Доклад А. И. Гербстмана «Звукопись в „Слове о полку Игореве“»; доклад Д. С. Лихачева «Явление стилистической симметрии».

27 мая. Доклад Е. И. Дергачевой-Скоп «Устные летописи Сибири (к вопросу о генеалогии сибирского летописания)».

3 июня. Доклад Я. С. Лурье «Сербская Александрия в русской литературе XV в.».

8 сентября. Доклад Е. И. Дергачевой-Скоп «Творческий путь С. Ремезова».

21 октября. Отчет А. М. Панченко об археографической экспедиции в Пинежский район.

4 ноября. Доклад В. В. Якубовского (Польша) «О главах по древнерусской литературе и русской литературе XVIII в. в подготавливаемом Польской Академией наук курсе русской литературы для вузов».

18 ноября. Доклад В. А. Мошина (Югославия) «О методике описания древнеславянских рукописей».

25 ноября. Доклад М. Х. Алешковского «Следы редакционной переработки текстов „Повести временных лет“ в статьях 1094—1117 гг.».

2 декабря. Доклад Л. С. Ковтун «Русская лексикография XVI—XVII вв.».

9 декабря. Доклад М. И. Мулича (Югославия) «Сербские писатели XIII—первой половины XIV столетий и особенности их стиля».

16 декабря. Доклад Н. В. Синицыной «Переписка Федора Карпова и Максима Грека».

23 декабря. Доклад Ю. К. Бегунова «Александр Невский с деянием (к вопросу о проникновении литературного сюжета в станковую живопись начала XVII в.)».

1965 г.

27 января. Доклад А. В. Позднеева «Стихосложение древнерусской поэзии».

1 февраля. Доклад Я. Е. Боровского «Несколько замечаний к тексту „Слова о полку Игореве“».

10 февраля. Доклад А. В. Поппа (Польша) «О роли иконографии в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе».

17 февраля. Доклад В. Е. Холщевникова «Русская и польская силлабика и силлаботоника».

24 февраля. Доклад Е. А. Тудоровской «Об одном сказочном мотиве книжного происхождения».

10 марта. Доклад Б. Л. Фонкича «Греческие рукописи советских собраний и русская история XVI—XVII вв.».

9 июня. Доклад Г. М. Прохорова «Идеологическая борьба в канун Куликовской битвы и ее отражение в литературе».

24 июня. Доклад Е. Накамура (Япония) «О работе японских ученых в области древнерусской литературы».

6 октября. Отчеты об археографических экспедициях 1965 г. А. И. Копанева на Онегу, Э. С. Смирновой на Пинегу, А. М. Панченко и А. Х. Горфункеля на Печору, Пижму и Северную Двину.

13 октября. Доклад А. М. Панченко «Цветовые характеристики в древнерусской литературе».

20 октября. Доклад Л. А. Дмитриева «Житие Михаила Черниговского как литературное произведение».

10 ноября. Доклад В. Ф. Мареша (Чехословакия) «Азбучные молитвы в собрании Государственной Публичной библиотеки».

17 ноября. Доклад Я. С. Лурье «Переводная литература XIV—XV вв.».

- 19 ноября. Заседание, посвященное памяти Н. К. Гудзия.
- 22 ноября. Доклад Н. Ф. Дробленковой «„Слово о Вавилоне“ — памятник русской беллетристики конца XIV—начала XV в.».
- 24 ноября. Доклад О. В. Творогова. «Беллетристические элементы в русских летописях XII—XIII вв.».
- 1 декабря. Доклад А. С. Демина «Художественная деталь в Житии Аввакума (к проблеме внутренней структуры литературного образа)».
- 8 декабря. Доклад Е. М. Иссерлин «Лексические разночтения в списках „Моления“ Даниила Заточника (к вопросу о хронологии редакций)».
- 22 декабря. Доклад Д. С. Лихачева «„Повесть о Савве Грудцыне“ в истории русской беллетристики».

1966 г.

- 26 января. Доклад Д. С. Лихачева «Летописное время в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина».
- 9 марта. Доклад М. А. Салминой об издании «Хроники Константина Манассии» и Ю. К. Бегунова «Козма Пресвитер» (отчет о командировке в Болгарию).
- 20 апреля. Доклад Е. К. Ромодановской «Сибирские повести о чудесах от икон XVII—начала XVIII в.».
- 27 апреля. Доклад А. М. Панченко «Беллетристика XVII в.».
- 18 мая. Доклад Д. С. Лихачева «Тип и характер византийского влияния в древнерусской литературе».
- 20 мая. Доклад Т. Кланицаи (Венгрия) «Древняя венгерская эпическая поэзия».
- 25 мая. Обсуждение книги М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».
- 1 июня. Доклад Я. С. Лурье «Судьба беллетристических памятников в XVI в.».
- 8 июня. Доклад О. В. Творогова «Словарь „Слова о полку Игореве“ Т. Чижевской и некоторые вопросы изучения „Слова“».
- 14 сентября. Доклад Б. А. Клейбера (Норвегия) «Скандинавские источники Иоакимовской летописи».
- 19 сентября. Сообщение О. А. Белобровой о работе XIII конгресса византистов.
- 12 октября. Доклад Ю. К. Бегунова «Поучение Стефана Пермского против стригольников и „Беседа на богомилов“ Козмы Пресвитера (к вопросу об отношении богомильства к стригольничеству)».
- 19 октября. Отчеты об археографических экспедициях 1966 г.: Р. П. Дмитриевой и М. А. Салминой — на Кулой и Мезень и В. И. Малышева — на Печору.
- 26 октября. Доклад Е. Э. Гранстрем «О значении слова „философ“ в древней русской письменности».
- 2 ноября. Доклад Н. Ф. Дробленковой «К датировке Слова о Вавилоне граде».
- 23 ноября. Доклад Р. П. Дмитриевой «О литературных произведениях в составе монастырских библиотек XV—XVI вв.».
- 30 ноября. Доклад О. В. Творогова «Сюжетное повествование в русском тексте Хроники Георгия Амартола».
- 9 декабря. Доклад М. В. Алпатова «О древнерусском искусстве».

1967 г.

18 января. Доклад Н. А. Мещерского «У истоков московской литературы».

25 января. Доклад А. С. Демина «Русские печатные прологи XVII в. (издания и редакции)».

1 февраля. Доклад Л. С. Ковтун «Процессы сложения азбукника».

8 февраля. Доклад И. Д. Амусина «Новые находки рукописей из Кумрана и древнерусская апокрифическая традиция».

5 апреля. Доклад А. С. Демина «Некоторые литературные особенности Первой челобитной Авакума».

12 апреля. Доклад Л. А. Дмитриева «К литературной истории „Повести о молодце и девице“».

19 апреля. Доклад Ф. Лилиенфельд (ФРГ) «Идеологические движения XIV—XVI вв. на Руси и традиции патериков».

27 апреля. Доклад Г. М. Прохорова «Редакции Повести о Митяе».

10 мая. Доклад В. Е. Ветловской «Повествователь „Братьев Карамазовых“».

24 мая. Доклад П. А. Котетишвили «Истоки грузинского романа».

20 июня. Доклад Е. К. Ромодановской «О жанре сибирского летописания».

11 октября. Доклад А. М. Панченко «Характерные черты русской беллетристики XVII в.».

18 октября. Доклад Л. А. Дмитриева «Сюжетное повествование в русских житиях XIV—XVII вв.».

25 октября. Доклад Н. С. Демковой «Сюжет и характер в русских житиях XVII в.».

1 ноября. Доклад В. А. Мошина (Югославия) «Реконструкция текста надписи Битольской плиты».

15 ноября. Доклад Д. С. Лихачева «Сопrotивление среды в произведениях словесного искусства».

29 ноября. Доклад Я. С. Лурье «О сюжетном повествовании Древней Руси в сопоставлении с сюжетным повествованием нового времени».

6 декабря. Доклад Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков первой редакции Повести о Петре и Февронии (к вопросу о датировке памятника)».

1968 г.

10 января. Доклад И. А. Атаджанян «Из истории русско-армянских отношений X—XIII вв.».

24 января. Доклад А. Л. Гольдберга «Московские историко-политические идеи в летописании XV—XVI вв.».

7 февраля. Доклад Т. А. Ивановой «К вопросу о соотношении глаголицы и кириллицы (о названиях и порядке букв славянского алфавита)».

28 февраля. Доклад В. Г. Брюсовой «Русско-византийская война 1043—1046 гг. и ее отражение в произведениях древнерусской литературы».

20 марта. Доклад И. Н. Заволоко «Новые автографы протопопа Авакума и Епифания».

27 марта. Доклад А. С. Демина «Авакум и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в.».

10 апреля. Доклад Г. М. Прохорова «Некоторые литературные особенности Повести о Михаиле-Митяе».

17 апреля. Доклад И. Н. Лебедевой «Предание о светловолосых народах в византийской и смежных литературах (VII—XVII вв.)».

24 апреля. Доклад А. М. Панченко «Писатели-профессионалы XVII в.».

15 мая. Доклад Н. С. Демковой «К вопросу о первоначальной редакции Жития Аввакума».

22 мая. Доклад Л. С. Ковтун «Русские книжники XVI в. о литературном языке своего времени».

5 июня. Доклад Л. И. Сазоновой «Летописный рассказ о походе на половцев в 1185 г. Игоря Святославича в обработке В. Н. Татищева».

19 июня. Доклад К. Тарановского (США) «Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI—XVII вв.».

4 сентября. Доклад Ю. К. Бегунова «Апокриф „Видение попа Богумила“ (забытое открытие Д. Костича)»; сообщение Ю. К. Бегунова о неописанных древнерусских рукописях Славянской библиотеки в Праге.

2 октября. Доклад Л. А. Дмитриева «Повесть о Житии Варлаама Керетского».

23 октября. Доклад М. Ф. Мурьянова «К ранней истории Киево-Печерского монастыря».

30 октября. Доклад Э. Малек «Повесть XVII в. о турецком султани Сулеймане и астрологе Мустаэддине».

13 ноября. Доклад А. М. Панченко «О жанровой системе русской поэзии XVII в.».

25 ноября. Доклад Г. М. Прохорова «О Лаврентьевской летописи».

11 декабря. Доклад О. В. Творогова «О хронографе 1617 г.».

1969 г.

8 января. Доклад Я. С. Лурье «Холмогорская летопись».

15 января. Доклад Е. М. Иссерлин «„Моление“ Даниила Заточника и „Слово о полку Игореве“ (лексико-семантические параллели)».

22 января. Сообщение В. И. Малышева «Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома в 1968 г.»; отчеты Н. С. Демковой, А. Х. Горфункеля и А. М. Панченко об археографических экспедициях на Пинегу, Двину и Печору.

5 февраля. Доклад Л. С. Ковтун «О стиле Максима Грека (в связи с его научными трудами)».

19 февраля. Доклад Е. М. Добрушкина «„Татищевские известия“ и древнерусские летописи (историография вопроса и методика исследования)».

26 февраля. Доклад М. А. Салминой «Слово о житии Дмитрия Донского в летописании (к вопросу о датировке)».

12 марта. Доклад А. С. Демина «Послесловие к первопечатному „Апостолу“ Ивана Федорова 1564 г. и его место в древнерусской литературе».

19 марта. Доклад В. И. Лукьяненко «Типографские варианты московских изданий XVI и первой половины XVII в.».

21 мая. Доклад М. Н. Петрова «Об оружии в „Слове о полку Игореве“».

28 мая. Доклад В. В. Виноградова «Основные проблемы развития древнерусского языка донациональной поры».

4 июня. Доклад Р. П. Дмитриевой «Повесть о Петре и Февронии в редакции Ремизова».

11 июня. Доклад Д. Уо (США) «К изучению турецкой темы в русской литературе XVII в.».

18 июня. Доклад Р. Поупа (Канада) «К изучению литературной истории Киево-Печерского патерика».

25 июня. Доклад К. И. Константиновой (Болгария) «Южнославянские рукописи в собрании М. П. Погодина».

10 сентября. Доклад Д. С. Лихачева «Будущее литературы как предмет изучения».

24 сентября. Доклад Д. Фрейданка (ГДР) «Послание Курбского и латинская теория эпистографии».

15 октября. Доклад Л. Мюллера (ФРГ) «Митрополит Иларион и Повесть временных лет».

12 ноября. Доклад Я. С. Лурье «Общерусские летописи конца XIV—начала XVI в. (к постановке темы исследования)».

3 декабря. Сообщение В. И. Малышева «Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома».

10 декабря. Сообщения В. П. Гребенюка, М. В. Рождественской, Н. С. Демковой и Л. И. Сазоновой об археографических экспедициях 1969 г. на Пинегу, Двину и на Поморский берег.

17 декабря. Доклад Б. М. Клосса и Я. С. Лурье «Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи».

22 декабря. Доклад О. В. Творогова «Хронографы редакций 1599 и 1601 гг.».

1970 г.

14 января. Доклад Л. А. Дмитриева «Литературная история „Сказания о битве новгородцев с суздальцами“».

21 января. Доклад Г. М. Прохорова «К истории гимнографического жанра (гимны патриарха Филофея)».

28 января. Доклад Н. Н. Покровского «Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки как памятник русской публицистики середины XVI в.».

4 февраля. Доклад С. Н. Гухман «Сказание о даре шаха Аббаса России (к изучению проблемы)».

11 февраля. Доклад Ю. К. Бегунова «Торжественное красноречие Древней Руси XI—XII вв. (к постановке вопроса)».

25 февраля. Доклад Н. А. Мещерского «К вопросу об источниках Изборника 1076 г. Сказание о милостивом Созомене».

4 марта. Доклад Н. А. Мещерского «Изборник 1076 г. и Лавсаик».

18 марта. Доклад И. П. Смирнова «Повесть о Савве Грудцыне и волшебная сказка».

25 марта. Доклад Д. С. Лихачева «Неизданное произведение Парфения Уродивого (царя Ивана Грозного)».

29 апреля. Доклад А. Капелера (Швейцария) «Иностранные брошюры об Иване Грозном и об опричнине».

6 мая. Доклад Л. С. Ковтун «К истории значений слов (о глубинных изменениях семантики)».

27 мая. Доклад Л. И. Сазоновой «К вопросу об изучении древнерусской ритмической прозы».

3 июня. Доклад О. В. Творогова «„Троянская история“ Гвидо де Колумна в древнерусской литературе».

24 июня. Доклад С. Кожухарова (Болгария) «Некоторые аспекты изучения древнеболгарской гимнографии».

28 сентября. Доклад Д. П. Богдана (Румыния) «Вклад русских ученых в изучение румыно-славянской палеографии».

11 ноября. Доклад Ю. К. Бегунова «Русское Слово о чуде Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция».

25 ноября. Сообщения Т. Ф. Волковой, Н. Н. Литвиновой, М. В. Рождественской, И. Д. Азволинской, Е. Д. Кукучкиной, Т. А. Махновец об археографических экспедициях 1970 г. на Вагу, Северную Двину, Пинегу и Верхнюю Тойму.

2 декабря. Доклад А. М. Панченко «Эстетика зрелых силлабиков».

9 декабря. Доклад М. В. Рождественской «Вопросы изучения Слова о Лазаревом воскресении».

1971 г.

20 января. Доклад Я. С. Лурье «Софийская II и Львовская летописи».

27 января. Доклад Н. Н. Покровского «Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири в XVIII в.».

10 февраля. Доклад Т. Н. Михельсон «„Собор трех святителей“ в росписях Ферапонтова монастыря».

17 февраля. Доклад А. М. Панченко «Юродство и писательство (жизнь инока Авраамия, духовного сына Аввакума)».

10 марта. Доклад Г. М. Прохорова «Древнерусское слово «свьѣсть» и современные слова «совесть» и «сознание».

17 марта. Доклады Т. А. Ивановой «Об азбуке, обнаруженной на стенах Софийского собора в Киеве» и Т. В. Рождественской «Значение древнерусских графитти для изучения истории языка».

24 марта. Доклад С. С. Аверинцева «Античные литературы и ближневосточные словесности (противостояние двух культур)».

31 марта. Доклад Н. А. Мещерского «Традиционно-книжные выражения в произведениях В. И. Ленина».

6 апреля. Доклад А. Н. Кручининой «Музыкальные основы древнерусских распевов и их современное бытование».

14 апреля. Доклад О. В. Творогова «Редакции Еллинского летописца».

12 мая. Доклад Д. С. Лихачева «Древнерусский смех».

19 мая. Доклад Р. П. Дмитриевой «Волоколамские четьи сборники».

2 июня. Доклад К. Гурского (Польша) «Концепция словаря Мицкевича и работа над ним».

3 июня. Доклад А. Поппэ (Польша) «Спорные вопросы древнейшего летописания».

9 июня. Доклад А. Поппэ (Польша) «К вопросу о времени зарождения культа Бориса и Глеба».

23 июня. Доклад М. Ф. Антоновой «Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского (проблемы атрибуции и жанра памятника)».

30 июня. Доклад Ю. К. Бегунова «Речь Моисея Выдубицкого как произведение торжественного красноречия».

6 сентября. Доклад Ю. К. Бегунова «Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX—XVII вв. (К постановке вопроса)».

22 сентября. Доклад А. М. Панченко «Приказная школа русского стихотворства XVII в.».

6 октября. Доклад Ю. К. Бегунова «Русский духовный стих о Дмитрие Солунском».

13 октября. Доклад Е. Э. Гранстрем «Византийская филология и славяно-русская книжность (до XV в.)».

3 ноября. Доклад Д. Уо (США) «Русские переводы XVII в. апокрифических грамот турецкого султана и их источники».

10 ноября. Доклад Л. С. Ковтун, Н. В. Синицыной и Б. Л. Фони́ча «Максим Грек и славянская псалтирь».

18 ноября. Доклад Б. М. Клосса «Рукописные мастерские Древней Руси и роль Волоколамского монастыря как центра летописания».

22 ноября. Доклад Б. М. Клосса «Хронографическая редакция Повести о Царьграде».

24 ноября. Доклад Е. В. Душечкиной «Художественная функция чужой речи в Повести временных лет».

8 декабря. Отчеты Н. С. Демковой, Л. И. Сазоновой, Г. В. Маркелова, Н. В. Понырко об археографических экспедициях 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму, на Онежский полуостров, в Беломорье.

1972 г.

12 января. Доклад Г. М. Прохорова «Летописец великий русский».

19 января. Доклад Я. С. Лурье «Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей».

26 января. Доклад Л. А. Дмитриева «Судьбы жанра древнерусских житий».

2 февраля. Доклад А. Л. Гольдберга «Послания старца Филофея».

16 февраля. Доклад М. В. Рождественской «Об источниках „Слова на воскресение Лазаря“».

1 марта. Доклад Н. П. Дубовик «Редакции Повести об Евстратии».

22 марта. Сообщение Н. С. Демковой, Н. Ф. Дробленковой и В. В. Колесова об итогах изучения Пустозерского сборника И. Н. Заволоко.

12 апреля. Доклад Ч. Гальперина (США) «Послание патриарха Антония великому князю Василию I 1393 г. (постановка вопроса)».

10 мая. Доклад О. В. Творогова «Начальный этап русской хронографии».

24 мая. Доклад Е. А. Пазухина «„Житие“ Аввакума и жанр исповеди».

30 мая (заседание совместно с Отделом рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Доклад Д. Уо (США) «К изучению древнерусских рукописей из собрания П. М. Строева».

31 мая. Доклад Е. К. Ромодановской «Новые летописные данные о Строгановых и Ермаке».

1 ноября. Доклады Г. М. Прохорова «Автографы Нила Сорского» и Б. М. Клосса «Нил Сорский и Нил Полев».

Совещания и конференции, организованные Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 1962—1972 гг.

22—25 мая 1962 г. 5-е Всесоюзное совещание по древнерусской литературе. Доклады: Н. И. Толстого «Взаимоотношения локальных типов древнеславянского («церковнославянского») языка в поздний период его истории»; Н. К. Гудзия «Традиции литературы Киевской Руси в литературах восточных славян»; А. Н. Робинсона «Проблема зарождения болгарской национальной литературы в типологическом сопоставлении с явлениями русского литературного процесса (XVII—конец XVIII в.)»; Д. С. Лихачева «Система жанров в древнерусской литературе»; Я. С. Лурье «О путях развития беллетристической литературы у западных славян и в России XV—XVII вв.»; А. А. Зимина «Основные проблемы реформационного движения в России в XV—XVI вв.»; Ф. Я. Шолома «Иоанникий Галатовский и вопросы межславянских историко-литературных и языковых взаимосвязей (XVII—начало XVIII в.)»; В. Д. Кузьминой «М. Н. Сперанский — славист»; сообщения: А. В. Позднеева «Песенные связи славянских народов» и Ю. К. Бегунова «Неизвестный памятник древнерусской публицистики „Слово иное“ и вопрос о монастырском землевладении в начале XVI в.».

29—31 мая 1967 г. Совещание молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)», организованное Сектором древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР и Ленинградским отделением Института народов Азии АН СССР. Доклады: О. П. Лихачевой «Рукопись БАН СССР „Финляндские отрывки“ № 38 как памятник письменности XIII в.», М. Х. Алешковского «Предисловие к Новгородской I летописи младшего извода и его дата», Э. М. Шусторович «Об одном неизданном отрывке из древнеславянского перевода „Хроники“ Иоанна Малалы», Д. С. Ищенко «Греческие слова в лексике древнерусской рукописи XII в. „Устав Студийский“», В. И. Апрыткина «Пинежское собрание рукописей ИРЛИ АН СССР (к вопросу о местной рукописно-книжной традиции XIV—XIX вв.)», В. В. Кибардина «Неизвестное стихотворение выговцев XVIII в.», М. В. Рождественской «К литературной истории текста „Слова о Лазаревом воскресении“ (Пинежские списки «Слова» 1533 г.)», Е. К. Ромодановской «Повесть о Димитрии кесаре римском», И. А. Атаджанян «Русское сказание о Борисе и Глебе и армянское сказание о Григории Просветителе», З. С. Самодуровой «Анонимная византийская хроника в списке XV в. в греческой рукописи ГИМ», Б. Л. Фонкича «Новый автограф Максима Грека», И. Н. Лебедевой «Греческие рукописи афонского происхождения в собрании БАН

СССР», Л. Р. Каджая «Условные знаки в древнегрузинских рукописях IX—XII вв.», О. И. Трофимкиной «О хорватских глаголических рукописях из собрания И. Берчича (ГПБ)», Т. Б. Уховой «Методика исследования орнамента рукописных книг», О. В. Звегинцевой «Воспроизведение византийских и древнерусских рукописей из фондов ГПБ», З. П. Власовой-Семякиной «Повесть об ангеле, послушавшемся бога», Н. А. Дворецкой «К изучению городских летописей Сибири», Л. А. Вольской «Рассказ о „Стоянии на Угре“ — памятник публицистики XV в.», И. А. Жаркова «Продолжение Нового летописания», М. Д. Каган-Тарковской «Использование официального документа в литературной деятельности приказно-деловой среды XVII в.», Н. В. Елисеевой «Фрагмент из „Шах-наме“ (последние Сасаниды и Византия)», С. С. Какабадзе «Грузинские летописи и византийские связи» и М. Ф. Тонберг «О греческих рукописях в собрании научной библиотеки Ленинградского государственного университета».

13—14 мая 1968 г. Совещание «Пути изучения русской литературы X—XVII вв.», посвященное 80-летию со дня рождения члена-корр. АН СССР, доктора филологических наук профессора В. П. Адриановой-Перетц. Доклады: Д. С. Лихачева «Труды В. П. Адриановой-Перетц и построение истории русской литературы X—XVII вв.», П. Н. Беркова «Задачи изучения переходного периода русской литературы (от древней литературы к новой)», В. Д. Кузьминой «Задачи изучения связей древнерусской литературы с русской литературой нового времени», А. Н. Робинсона «Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур (типология и оригинальность)», Л. А. Дмитриева «Проблемы изучения северо-русских житий», А. П. Евгеньевой «„Слово о полку Игореве“ и проблемы русского литературного языка старшего периода», Я. С. Лурье «Принципы изучения русского летописания», О. В. Творогова «„Русский хронограф“ и задачи его изучения», О. А. Державиной «Перспективы изучения русского театра XVII в.», Ю. К. Бегунова «Изучение древнерусской ораторской прозы как жанра», Н. Ф. Дробленковой «К вопросу о взаимоотношении деловой письменности и литературы в XV в.», А. М. Панченко «Изучение стихотворства в Древней Руси», В. И. Малышева «Что необходимо сделать для изучения творчества протопопа Аввакума», Н. С. Демковой «Система художественных средств в „Житии Аввакума“ (задачи изучения)», Р. П. Дмитриевой «Изучение русских рукописных четких сборников XV—XVI вв.», Е. Э. Гранстрем «Византийское рукописное наследие и древнерусская переводная литература», Л. В. Тигановой «Некоторые задачи изучения неописанных рукописных собраний Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», Н. Н. Розова «Изучение географического распространения рукописей XI—XVII вв. (по материалам Софийского собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)», Е. И. Дергачевой-Скоп «Задачи археографической работы на Урале и в Сибири» и Е. К. Ромодановской «Изучение сибирской литературы XVII—начала XVIII в.»

23—25 апреля 1969 г. Совещание «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII—XX вв.». Доклады: М. В. Алпатова «Древнерусское искусство и русская художественная культура нового времени», И. З. Сермана «Этическая проблематика трагедий А. П. Сумарокова и древнерусская традиция», Р. Б. Тарковского «Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова», О. В. Творогова «Древнерусский перевод „Троянской истории“ Гвидо де Колумна и ее издания XVIII в.», Г. Н. Моисеевой

«Литература Древней Руси и творчество М. В. Ломоносова», Н. В. Синицыной «Максим Грек и его место в литературе XVI—XVIII вв.», О. А. Державиной «Исторические деятели конца XVI—начала XVII в. в изображении современников и в драматургии XIX в.», А. В. Позднеева «Повесть о Горе и Злочастии в литературе XIX в.», М. Д. Каган-Тарковской «„Титулярник“ 1672 г. как переходная форма от исторического сочинения XVII в. к историографии XVIII в.», Ю. К. Бегунова «Древнерусские традиции в произведениях об Александре Невском (три редакции Жития Александра Невского)», Н. И. Прокофьева «Древнерусские хождения и литература путешествий XVIII в. (к вопросу о преемственной связи жанров)», В. П. Кузнецовой «„Шемякин суд“ в обработке А. Я. Артынова», В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов», В. В. Кускова «Достоевский и древнерусская литература (к постановке проблемы)», В. Е. Ветловской «Символика чисел в „Братьях Карамазовых“», А. М. Панченко и И. П. Смирнова «Маяковский—Хлебников—русское средневековье», Я. С. Лурье «Образы людей Древней Руси в фильмах С. М. Эйзенштейна (к проблеме «древнерусского жанра» в современном искусстве)», А. И. Дмитриева «Подлинный замысел оперы А. П. Бородина „Князь Игорь“», Е. Э. Гранстрем «Псевдо-переводные тексты в описаниях рукописных собраний», Г. Н. Моисеевой «Пергаменный синодик Государственного Исторического музея в издании Н. И. Новикова», Е. Н. Клитиной «Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря (к вопросу их составления и содержания)» и А. И. Мазунина «Рукописные и старопечатные книги Библиотеки имени Алишера Навои в Ташкенте».

28—29 октября 1970 г. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика АН СССР и УАН В. Н. Перетца. Доклады: А. М. Панченко «Труды В. Н. Перетца по истории русского стихотворства», А. С. Демина «Труды В. Н. Перетца по истории русского театра», Л. Е. Махновца «Труды В. Н. Перетца по истории украинской литературы», Л. А. Дмитриева «Труды В. Н. Перетца по „Слову о полку Игореве“», В. П. Адриановой-Перетц «Археографическая деятельность В. Н. Перетца», Н. Ф. Дробленковой «Работа В. Н. Перетца над толковой картотекой древнерусской литературы», Н. И. Розова «Филологические экспедиции Семинария В. Н. Перетца», О. Н. Сеник «Рукописи на украинском языке в собрании В. Н. Перетца» и И. И. Гумницкого «Лицевое Евангелие XVI в. из собрания В. Н. Перетца». С воспоминаниями о В. Н. Перетце выступили М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский и Г. А. Бялый.

7—8 октября. Сессия Отделения литературы и языка АН СССР, Института русской литературы АН СССР, Института русского языка АН СССР и Комиссии по истории филологических наук АН СССР, посвященная памяти академика А. А. Шахматова. Доклады: Д. С. Лихачева «А. А. Шахматов — организатор науки», Ф. П. Филина «А. А. Шахматов и проблемы происхождения восточнославянских языков», В. В. Колесова «Значение лингвистических трудов А. А. Шахматова для современного славянского языкознания», Л. С. Ковтун «Основная идея шахматовской лексикографии», А. П. Евгеньевой «Фольклорные записи А. А. Шахматова», В. А. Кучкина «А. А. Шахматов и проблема реконструкции древнейшего летописания», Я. С. Лурье «А. А. Шахматов и летописание XV в.», Б. М. Клосса «А. А. Шахматов и хронографическая основа летописания», М. В. Кукушкиной «А. А. Шахматов — директор Библиотеки АН СССР», С. О. Шмидта

«А. А. Шахматов и советское архивное строительство», М. А. Робинсона «Новые материалы о А. А. Шахматове», С. В. Чиркова «А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков».

17—19 мая 1972 г. Чтения по истории литературы и культуры Древней Руси, организованные Сектором древнерусск. литерат. Института русской литературы АН СССР, Управлением культуры Псковского облисполкома, Псковским гос. педагогическим институтом им. С. М. Кирова, Псковским гос. историко-художественным и архитектурным музеем-заповедником. Доклады: О. В. Творогова «Древнерусские хронографические своды», Я. С. Лурье «Шахматовский метод изучения летописей», А. М. Панченко «Русская силлабическая поэзия XVII в.», С. И. Колотиловой «О положении Пскова в составе Новгородской республики по псковским и новгородским летописям», И. К. Лабутинной «Псковские летописи как источник исторической топографии Пскова XIV—XV вв.», Ю. К. Бегунова «Александр Невский в псковской литературе», Г. В. Маркелова «Псковские материалы в Дрвлекранилице Пушкинского Дома», Д. С. Лихачева «Теория „средневекового смеха“ М. М. Бахтина в приложении к истории древнерусской литературы», Л. И. Сазоновой «Древнерусская орнаментальная проза», М. А. Салминой «Дмитрий Донской и борьба с татарами в древнерусской литературе», Л. А. Царьковой «Древнерусские археологические памятники бассейна Плюссы», Е. И. Скобельцыной «Памятники древнерусской станковой живописи псковской школы начала XVII в.», Л. А. Дмитриева «Судьба жанра древнерусских житий», Н. Ф. Дробленковой «К творческой истории Жития Епифания», Г. М. Прохорова «Анализ рукописи Лаврентьевской летописи», Р. П. Дмитриевой «Энциклопедические сборники XV в.», О. А. Белобровой «К изучению миниатюр северных рукописей», В. П. Будагаина «Собирание рукописей в Пушкинском Доме», Е. К. Ромодановской «Собирание рукописей в Сибири», Л. А. Творогова «Рукописный клад Смутного времени Псковского Сергиевского с Залужья монастыря».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
 АФЗиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Брике — С. М. Briquet. Les filligranes. Paris, 1907.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минеи чети, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛИМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
 ДАИ — Дополнения к актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
 ИпОРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 Клепиков, Филигр. и штемп. — С. А. Клепиков. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 МДА — Московская духовная академия.
 НЛ, НЛЛ, НЛЛЛ, НЛЛЛЛ, НЛЛЛЛЛ — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.

ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПДП	— Памятники древней письменности.
ПДПИ	— Памятники древней письменности и искусства.
ППС	— Православный Палестинский сборник.
ПЛ, ППЛ, ППЛ	— Псковские первая, вторая и третья летописи.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РИБ	— Русская историческая библиотека.
РЛ	— Русская литература.
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров.
СОЛЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
СПб. ДА	— Санктпетербургская духовная академия.
СЛ, СПЛ	— Софийские первая и вторая летописи.
Срезневский, Материалы	— И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
Тромонин	— К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЧОЛДП	— Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ В «ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

1. Рукописи должны представляться в трех экземплярах, отпечатанных на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошная по всей статье.

2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения в корректуру могут вноситься только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми данными в науке.

3. Все цитаты в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: инициалы и фамилию автора, название работы, название и номер издания (для статьи), место издания (в том числе и для журналов), год издания, страницы.

5. При повторном упоминании работы в тексте или сносках дается сокращенное ее название. Сокращение «ук. соч.» не допускается.

6. В тексте статей необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого тома «Трудов Отдела древнерусской литературы», начиная с т. XIV.

7. Представляемые тексты памятников должны быть тщательно выверены по оригиналу и оформлены согласно правилам, опубликованным в т. XI «Трудов Отдела древнерусской литературы» (стр. 494—498).

8. Фотографии представляются в двух экземплярах, отпечатанных на глянцевой бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводятся: подпись к каждой иллюстрации, местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер (для рукописей и изданий дополнительно номера листов).